П. КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

СОЧИНЕНІЯ

всѣ, какія до насъ дошли.

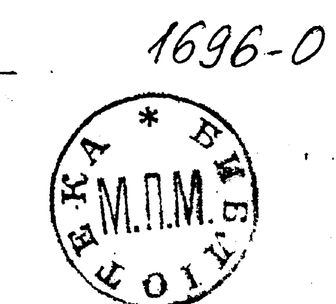
перевелъ и издалъ

Александръ Клевановъ

кандидатъ московскаго университета.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Лѣтописей книги I—XVI.

МОСКВА.
Печатня С. П. Яковлева, Спиридоновка, домъ гр. Бобринскаго.
1870.

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРОЙ ЧАСТИ

СОЧИНЕНІЙ ТАЦИТА.

Стран.

КЪ ЧИТАТЕЛЮ

ПОКОРНѢЙШЕ ПРОСИМЪ ИСПРАВИТЬ СЛѢДУЮЩІЯ ОШИБКИ, ВКРАВШІЯСЯ ПРИ ПЕЧАТАНІИ И НЕ ВМѢНЯТЬ ИХЪ ВЪ ВИНУ ПЕРЕВОДЧИКУ.

Напечатано:	А слѣдуетъ читать:
Страница 4, строка 7 сверху	
енъ то все	онъ то все
Стран. 9, стр. 18 снизу и слѣд.	
уваженіе къ родителю и *крайнія требованія*—вынужденъ онъ былъ къ войнѣ	уваженіемъ къ родителю и крайними требованіями—вынужденъ и т. д.
Стран. 10, строка 7 сверху	
Пензѣ въ рану	Панзѣ въ рану
Стран. 16, стр. 19 снизу	
передъ *трибуланомъ* Блеза	передъ трибуналомъ Блеза
Стран. 16, стр. 16 снизу	
посланнаго къ вамъ отъ войска *Германика*	посланнаго къ вамъ отъ войска Германскаго.
Стран. 17, стр. 5 снизу	
они, какъ только обращали	воины какъ только обращали
Стран. 26, стр. 4 сверху	
свиты обычной, для жены Императора	Запятой тутъ не нужно.
Стран. 26, стр. 7 снизу	
ведущемъ происхожденіе	ведемъ происхожденіе
Стран. 31, стр. 2, 3 сверху	
храмъ *Танфонъ* сравнялъ съ землею	храмъ Танфанъ сравнялъ съ землею
Стран. 34, глава 57 въ концѣ:	
жена Арминія, раздѣлявшая болѣе образъ мыслей мужа, у побѣжденной не было видно ни слезъ, ни слышно просьбъ; чѣмъ отца.	жена Арминія, раздѣлявшая болѣе образъ мыслей мужа, чѣмъ отца; у побѣжденной и т. д.

Напечатано	Следует читать
Стран. 36, стр. 12 снизу	
на болотахъ *м* обманчивыхъ равнинахъ	на болотахъ и обманчивыхъ равнинахъ
Стран. 43, глава 74, 1 стр.	
претора *Виванiи*	претора Виѳинiи.
Стран. 51, глава 4 въ сред.	
сами не зная что *дѣлить*	сами не зная что дѣлать
Стран. 55, глава 13, строка 1	
въ началѣ ночи *выйдя мѣста*	въ началѣ ночи выйдя изъ мѣста
стран. 60, строка 15 сверху	
у скалъ выдающихся мысовъ	у скалъ и выдающихся мысовъ
Стран. 60, строка 4 снизу	
въ сосѣдней рощѣ *врытый* орелъ	въ сосѣдней рощѣ зарытый орелъ
Стран. 66, гл. 37, стр. 6 сверху	
щедрость Августа, давшаго *десять* сестерцiевъ	щедрость Августа давшаго миллiонъ сестерцiй
Стран. 63, строка 7 сверху	
припятствiемъ осуществленiю	препятствiемъ осуществленiю
Стран. 76, строка 2, 3 сверху	
и, по договору, предоставленному древнему и союзному городу — *пользоваться однимъ ликторомъ*	и изъ уваженiя къ древнему и союзному городу, пользовался онъ (Германикъ) только однимъ ликторомъ
Стран. 79, строка 7 сверху	
не спросясь главы государства, *вышелъ* въ Александрiю	не спросясь главы государства, вошелъ въ Александрiю
Стран. 79, строка 7 снизу	
слоноваю кость	слоновая кость
Стран. 94, строка 12 сверху	
съ двумя дѣтьми, *потупила* глаза	съ двумя дѣтьми и потупивъ глаза
Стран. 94, строка 15 снизу	
свыдѣтельствовали	свидѣтельствовали
Стран. 94, строка 11 снизу	
разбросанные и съ плачемъ	разсѣявшись
Стран. 96, строка 16 снизу	
А. Пизонъ	Точки не надо.
Стран. 97, строка 3 снизу	
Азинiя, Галла	Азинiя Галла

Стран. 107, строка 10 снизу	
Приводилъ въ примѣръ	Приводилъ (Тиберій) въ примѣръ
Стран. 111, глава 36 въ началѣ	
Распространялось каждому	распространялась каждому
Стран. 114, гл. 43, 7 стр. сверху	
знатнѣйшую *малодежь* Галліи	знатнѣйшую молодежь Галліи
Стран. 115, строка 4 снизу, въ главѣ 45	
старую славу *Галліевъ*	старую славу Галловъ
Стран. 116, строка 5 снизу	
укрѣпленія. Голюнадензевъ	укрѣпленія Голюданензевъ
Стран. 118, стр. 5 и 6 сверху	
похвалилъ *Лепиду*	похвалилъ Лепида
Стран. 118, строка 12	
глава 52	глава 51
Стран. 118, строка 6 снизу	
опасенія *модъ*	опасенія людей
Стран. 118, строка 3 снизу	
эти дѣятельные люди *юдоли*	эти дѣятельные люди—эдили
Стран. 124, въ главѣ 69, стр. 8 снизу	
но и тѣхъ и другихъ	но и у тѣхъ и у другихъ
Стран. 126, строка 1 сверху	
пренебрегли медленнымъ	пренебрегши медленнымъ
Стран. 126, строка 3 сверху	
Геллій Попликала	Геллій Попликола
Стран. 126, строка 1 сверху, въ главѣ 68:	
извинительнымъ предлогомъ	извинительнымъ предлогомъ
Стран. 127, строка 1, въ 70 главѣ	
выслушаны Кирсенейцы	выслушаны Киренейцы
Стран. 128, строка 11 сверху	
если случится съ Діальскимъ фламиномъ	если случится нездоровье съ Діальскимъ фламиномъ
Стр. 129, строка 4 сверху	
еще ни разу не скорбѣлъ *еще* такъ Цезарь	еще ни разу не скорбѣлъ такъ Цезарь
Стран. 129, строка 7 сверху	
гибили стольких	гибели стольких

Стран. 129, стр. 19 снизу	
и убѣжище Гаромантовъ	и убѣжище Гарамантовъ
Стран. 132, строка 8 снизу	
островѣ Капресъ	островѣ Капреѣ
Стран. 132, строки 4—5 сверху	
отъ ухаживанья въ *сенатъ*	отъ ухаживанья въ сенатѣ
Стр. 132, строка 8 сверху	
допускалъ *сказывать* въ театрахъ	допускалъ чтить его (Сеяна) изображенія въ театрахъ
Стр. 138, строка 6 снизу	
не выслушавъ, сына отдавалъ бы его	не выслушавъ сына, отдавалъ бы его
Стран. 139, послѣдняя строка главы 11	
собственно: неиспорченной въ чудесное	собственно, неиспорченной въ чудесное
Стран. 139, строка 4 снизу	
прилюбодѣйную связь	прелюбодѣйную связь
Стран. 140, строка 6 сверху	
городу *Цибиратикъ*	городу Цибиратикѣ
Стран. 140, строка 7 сверху	
землетресеніемъ	землетрясеніемъ
Стран. 140, строка 12 сверху	
въ томъ *на* обвиненіи	въ томъ же обвиненіи
Стран. 142, стр. 6 и 7 сверху	
Корнелію дѣвицѣ—20 сестерціевъ	Корнеліѣ дѣвицѣ два милліона сестерцій
Стран. 144, строка 3 снизу	
сбросилъ жену свою Апронію черезъ голову	выбросилъ жену свою Апронію внизъ головою.
Стран. 146, глава 25, строка 11 сверху	
а напротивъ у непріятелей, ничего не *знавшаго*	а напротивъ у непріятелей, ничего не знавшихъ
Стран. 147, строка 10 сверху	
Онъ, *расположивъ* экипажемъ этихъ судовъ	Онъ, распорядясь экипажемъ этихъ судовъ
Стран. 147, стр. 12 снизу	
боговъ, мстителей	боговъ мстителей

Стран. 147, стр. 2 снизу	
призывались въ непріязненныхъ смутахъ	призывались къ суду въ непріязненныхъ смутахъ
Стран. 148, гл. 30, стр. 6 сверху	
а надобно *дать везможность*	а надобно предоставить возможность
Стран. 148, гл. 30, стр. 9 сверху	
объ отмѣнѣ награды *обвинителемъ*	объ отмѣнѣ награды обвинителямъ
Стран. 148, гл. 30, стр. 11 сверху	
Соглашались было сенаторы на это мнѣніе, если Цезарь	Соглашались было сенаторы на это мнѣніе, если бы не Цезарь; онъ
Стран. 149, строки 2 и 8 сверху	
Суллія	Суилія
Стран. 149, строка 6 сверху	
клятвою *обязалъ*	клятвою обязался
Стран. 149, гл. 32, стр. 2 сверху	
пока*жутся* незначитель*ными* и недостой*ными* памяти	покажется незначительнымъ и недостойнымъ памяти
Стран. 149, строки 3, 2 и 1 снизу	
сената и аристократовъ умы наилучше изучившіе, считались умными и знакомыми съ обстоятельствами времени	Изучившіе наилучше образъ мыслей сената и аристократовъ считались людьми умными и т. д.
Стран. 150, строка 5 сверху	
только тѣмъ, что *случится*	только тѣмъ что случается
Стран. 150, строка 9 сверху	
и *ободряютъ* умы читающихъ	и освѣжаютъ умъ читающихъ
Стран. 151, строка 17 снизу.	
уничтожилъ, не сохранятъ	уничтожилъ, а не сохранятъ
Стран. 151, строка 8 снизу	
тѣмъ ихъ *вмѣненіе* усиливается	тѣмъ ихъ вліяніе усиливается
Стран. 152, строка 2 сверху	
поставлена *въ виду Цициненамъ*	поставлена на видъ Кизиценамъ
Стран. 152, строка 7 сверху	
который *прокунсуламъ*	который проконсуломъ
Стран. 153, строка 9 сверху	
проводятъ мои дѣйствія	проводили мои дѣйствія

Стран. 153, строка 13 сверху	лучшіе потому что изъ смертныхъ	Потому что лучшіе изъ смертныхъ
Стран. 153, стр. 13 и 14 снизу	пріучили его такъ. чтобы онъ свои надежды и обѣты обращалъ не прежде	пріучили его—свои надежды и обѣты обращать не прежде
Стран. 154, строка 16 сверху	Такъ то и *вырываются* у женщинъ	Такъ то и вызываются у женщинъ
Стран. 154, строка 15 снизу	*но* тѣ должностныя лица	а тѣ должностныя лица
Стран. 154, строка 9 снизу	удивительно, что будучи тревожимъ	удивительно ли, что будучи тревожимъ
Стран. 155, гл. 41, стр. 8 сверху	доступъ писемъ большей части	доступъ (къ Тиберію); писемъ большей части
Стран. 155, гл. 41, стр. 7 снизу	уменьшилась, съ отсутствіемъ толпы	уменьшилась бы; съ отсутствіемъ толпы
Стран. 155, въ самомъ низу	Цезарь поставленное ему въ вину отсутствіе милосердія.	*(По недосмотру наборщика и корректора тутъ пропущено нѣсколько строкъ оригиналу; надобно читать:)* Цезарь, ухватясь тѣмъ упорнѣе за поставленное ему въ вину отсутствіе милосердія — Аквилію, на которую послѣдовалъ доносъ въ ея прелюбодѣйственной связи съ Варіемъ Лигуромъ, хотя Лентуллъ Гетуликъ, нареченный консулъ, осудилъ ее по Юліеву закону, наказалъ ссылкою. А Апидія Мерулу за то, что онъ не присягалъ дѣйствіямъ божественнаго Августа, вычеркнулъ изъ списка сенаторовъ.
Стран. 157, 3 строка сверху	за пораженіе Ѳракійскихъ пле-	за пораженіе Ѳракійскихъ пле-

менъ; эти горные народы оттого еще болѣе дикіе, смѣло не знали покоя	менъ; они жили въ горахъ и тѣмъ смѣлѣе дѣйствовали.
Стран. 158, гл. 48, стр. 6 снизу	
наносилы раны	наносили раны
Стран. 159, стр. 10 сверху	
потовъ прикрывъ ихъ	потомъ, прикрывъ ихъ
Стран. 159, стр. 21 сверху	
одни погибли отъ *раны*	одни погибли отъ ранъ
Стран. 159, строка 6 снизу	
но тарса. призывая	но Тарса призывая
Стран. 159, строка 5 снизу	
близкій конецъ необходимость	близкій конецъ и необходимость.
Стран. 161, строка 12 снизу	
какъ она не настаивала	какъ она ни настаивала
Стран. 163, строка 8 снизу	
значительно *испятненно лѣкарствами*	значительно испятнанно слѣдами лѣкарственныхъ средствъ
Стран. 164, гл. 59, 4 стр. сверху	
называемой пещеры (speluniae)	называемой пещеры (speluncae)
Стран. 165, строка 12 снизу	
значеніе и въ потомствѣ, *такъ* многословное	значеніе и въ потомствѣ, многословное
Стран. 168, строка 12 сверху	
какъ бы въ дневникъ *записывались*	какъ бы въ дневникъ записывалось
Стран. 168, гл. 68, стр. 4 сверху	
пестоянно былъ у нихъ въ домѣ	постоянно бывалъ у нихъ въ домѣ
Стран. 169, строка 6 сверху	
какимъ образомъ это услышано было	какимъ образомъ сдѣлать чтобы это услышано было
Стран. 169, строка 2 снизу	
когда въ обычаѣ *воздерживается*	когда въ обычаѣ воздерживаться
Стран. 171, строка 17 снизу	
эскадрону Каннифатскому	эскадрону Канинефатскому
Стран. 171, строка 6 снизу	
при сомнительномъ положеніи и самъ увлеченный въ опасность	при сомнительномъ положеніи дѣла и самъ увлеченный въ опасность
Стран. 172, строка 18 сверху	
ни въ прележащія къ нему мѣста	ни въ прилежащія къ нему мѣста

Стран. 172, стр. 16 снизу и общеніемъ намѣреній	и общеніемъ замысловъ
Стран. 173, строка 5 сверху Недостатокъ событій за три года	Недостаетъ памятниковъ событій за три года
Стран. 173, строка 10 сверху Рубеллія Цемина	Рубеллія Гемина
Стран. 175, строка 8 сверху *давами* волю изобрѣтательности	давали волю изобрѣтательности
Стран. 175, строка 18 снизу власть Государя.... Сорокъ четыре рѣчи сказано	*Прим.* къ этому мѣсту отъ словъ: «власть государя» въ текстѣ значительный пробѣлъ и далѣе отъ словъ «сорокъ четыре рѣчи» текстъ сильно испорченъ и очень не полонъ. Тутъ излагались въ сенатѣ рѣчи людей замѣшанныхъ въ дѣлѣ Сеяна, который, погубивъ многихъ палъ наконецъ и самъ. Отъ словъ: «я полагалъ»— говоритъ одинъ впрочемъ неизвѣстный пріятель Сеяна и уже не въ сенатѣ, но у себя на дому и въ кругу друзей. Это относилось къ 31 году по Р. Хр., а такъ какъ начало книги излагаетъ событія 29 г. по Р. Хр., то пробѣлъ почти на два года событій.
Стран. 175, строка 5 снизу 7. Тутъ онъ съ каждымъ порознь	Тутъ онъ говорилъ съ каждымъ порознь
Стран. 176, строка 8 сверху пріязнь *Эмія* Галла	пріязнь Элія Галла
Стран. 176, строка 13 снизу тѣла этого возраста	тѣла дѣтей этого возраста
Стран. 177, строка 7 сверху въ узкомъ мѣстѣ *Истиса*	въ узкомъ мѣстѣ Истма (Коринѳскаго перешейка)
Стран. 178, строка 8 снизу Умираетъ Поппей Сосбинъ	умираетъ Поппей Сабинъ

Стран. 179, строка 8 и 9 сверху	
М. Фуріѣ Каммилѣ, Серв. Сультиціѣ Гальбѣ	М. Фуріѣ Камиллѣ, Серв. Сульпиціѣ Гальбѣ
Стран. 180, строка 11 снизу	
На избранномъ имъ островѣ Лабосѣ	На избранномъ имъ островѣ Лесбонъ
Стран. 180, строка 10 снизу	
и *содержится* подъ стражею	и содержался подъ стражею
Стран. 180, стр. 7 снизу	
тайны всѣхъ, *избранный* Сеяномъ	тайны всѣхъ, избраннаго Сеяномъ
Стран. 180, стр. 1 снизу	
Лаціарисъ, какъ я уже говорилъ	Лаціарисъ, какъ я уже говорилъ, игралъ
Стран. 182, строка 12 снизу	
одни защищали себя, а большая часть какъ бы зараженные въ здоровьи и обращеніи	одни въ защиту себя, а большинство, какъ бы заразясь примѣромъ и болѣзнью
Стран. 183, строка 9 сверху	
съ Сеяномъ, *но* столько силенъ	съ Сеяномъ, настолько силенъ
Стран. 183, стр. 7 и 8 снизу	
одинъ и тотъ же конецъ: Цезарь, оправдаетъ и тебя и насъ	одинъ и тотъ же конецъ, Цезарь, оправдаетъ и тебя и насъ.
Стран. 180, строка 6 сверху	
открылъ жилы	открылъ снова жилы
Стран. 184, стр. 17 снизу	
Викуларій—передатчикъ	Вескуларій передатчикъ
Стран. 184, стр. 9 снизу	
смягчая	смягчалъ
Стран. 184, стр. 1 и 2 снизу	
на время тотъ, кто оказывалъ бы правосудіе и оказывалъ бы заботу въ случаяхъ нечаянныхъ	на время тотъ, кто дѣлалъ бы судъ и расправу и оказывалъ бы помощь въ случаяхъ нечаянныхъ
Стран. 185, стр. 1 сверху	
Дентро Ромулія	Дентра Ромулія
Стран. 185, стр. 2 сверху	
Нуму Морція	Нуму Марція
Стран. 187, строка 7 сверху	
начальникомъ *Цилпія* Мецената	начальникомъ Цильнія Мецената

Стран. 187, строка 12 сверху ничего, не опасающихся кромѣ силы	ничего не опасающихся кромѣ силы
Стран. 187, стр. 19 сверху которую Кининій Галлъ	которую Каниній Галлъ
Стран. 187, стр. 21 сверху и объ этомъ предметѣ сенатское опредѣленіе	и объ этомъ предметѣ постановить сенатское опредѣленіе
Стран. 187, стр. 14 снизу *магостраліи* людьми учеными	магистрами (наставниками) и людьми учеными
Стран. 186, стр. 1 сверху числа дней *вытребовано* въ театрѣ	числа дней высказано требованій въ театрѣ
Стран. 186, стр. 8 сверху и съ меньшею дѣятельностью	и не съ меньшею дѣятельностью
Стран. 186, стр. 11 сверху но перетол*ковалось* за надменность	но перетолковано за надменность
Стран. 186, стр. 16 сверху оковахъ ослабившую цѣпь	оковахъ ослабѣвшую цѣпь
Стран. 187, стр. 14 сверху установл*енъ* полпроцента	установлено полпроцента
Стран. 189, стр. 3 сверху проронивъ (звука) голоса	проронилъ (звука) голоса
Стран. 189, стр. 10 снизу *въ* грозящей крайнею гибелью	къ грозящей крайнею гибелью
Стран. 189, стр. 7 снизу *имѣетъ* его въ числѣ самыхъ	имѣлъ его въ числѣ самыхъ
Стран. 191, стр. 12 сверху *При*ривали конечно	Прерывали конечно
Стран. 191, гл. 25, строка 6 сверху по ея волѣ послѣдававшей	по ея волѣ послѣдовавшей
Стр. 191, стр. 5 снизу будущіе годы прино*ситъ* даръ Юпитеру	будущіе годы приносить даръ Юпитеру
Стр. 192, стр. 14—15 сверху скорѣе *позднюю*, чѣмъ незаслуженно	скорѣе поздно, чѣмъ незаслуженно

Стран. 193, стр. 3 снизу	
примѣръ примѣнилъ онъ къ *Либону*	примѣръ примѣнилъ онъ къ Лабеону
Стран. 194, стр. 7 сверху	
донесъ о содержаніи	и донесъ о содержаніи
Стран. 195, стр. 9 сверху	
по смерти царя Артиксіи	по смерти царя Артаксіи
Стран. 195, стр. 4 снизу	
не подъ силу отечественнымъ *нравомъ*	не подъ силу отечественнымъ нравамъ
Стран. 196, стр. 10 снизу	
дѣлаетъ набѣги *съ* самого лагеря	дѣлаетъ набѣги до самого лагеря
Стран. 197, стр. 10 сверху	
росписанные золотомъ ряды *Македонянъ*	росписанные золотомъ ряды Медовъ
Стран. 197, стр. 8 снизу	
но Артабанъ и вслѣдствіе того	но *не нужно*
Стран. 197, стр. 2 снизу	
Синникъ о враждебномъ	Синнакъ, о враждебномъ
Стран. 198, стр. 10 сверху	
свойства съ *Гарканами*	свойства съ Гирканами
Стран. 198, гл. 37, стр. 3 сверху	
—главные силы легіоновъ	—а самъ главные силы легіоновъ
Стран. 198, стр. 6 снизу	
Не много спустя *Синницесъ*	Не много спустя Синнацесъ
Стран. 199, стр. 13 сверху	
и постоянное удаленіе въ родѣ ссылки	и постояннымъ удаленіемъ въ родѣ ссылки
Стран. 199, стр. 16 сверху	
или долго *оставассь*	или долго оставаясь
Стран. 199, стр. 6 снизу	
но что, управляясь съ дѣлами, не становился во главѣ ихъ	но за то, что онъ былъ въ уровень дѣламъ, а стать выше не старался
Стран. 199, строка 2 снизу	
бѣдствіямъ, *не* казалось	бѣдствіямъ казалось
Стран. 200, строка 2 сверху	
принялъ ядъ *скрытый на груди*	принялъ ядъ, вынувъ его изъ за пазухи

Стран. 200, стр. 15 сверху	
не годилась въ *свидѣлели*	не годилась въ свидѣтели
Стран. 200, стр. 9 снизу	
Галъ и Артелисту	Галъ и Артемиту
Стран 201, стр. 2 сверху	
враждебной партіи. Пареу	враждебной партіи, Пареу
Стран. 201, стр. 5 снизу	
Поняли состарѣвшійся	Понялъ состарѣвшійся
Стран. 201, стр. 4 снизу	
бываетъ въ любви	бываетъ въ изъявленіяхъ любви
Стран. 202, стр. 5 сверху	
пораженный сначала слухомъ, потомъ	пораженный сначала слухомъ объ Артабанѣ, потомъ
Стран. 202, стр. 17 сверху	
но *удалились то* въ видѣ	но разошлись въ видѣ
Стран. 202, стр. 9 снизу	
четыре зятя Цезаря	четыре зятя (мужья внучекъ) Цезаря
Стран. 203, стр. 14 сверху	
но слабость *уже* умственныхъ способностей	но слабость его умственныхъ способностей
Стран. 203, стр. 20 сверху	
а слабѣя, тѣмъ рѣшеніе	а слабѣя за тѣмъ рѣшеніе
Стран. 203, стр. 6 снизу	
въ *посѣщеніи* съ другими	въ совѣщаніи съ другими
Стран. 206, стр. 5 снизу	
пользовался только своимъ умомъ	сталъ дѣйствовать лишь подъ вліяніемъ собственныхъ наклонностей

За тѣмъ недостаетъ книгъ седьмой, восьмой, девятой и десятой и изложенія событій отъ 37 до 47 г. по Р. Хр. Начала одиннадцатой книги, или лучше сказать большей ея половины также недостаетъ.

Стран. 208, стр. 1 сверху	
такъ какъ она была	такъ какъ она (Мессалина) была
Стран. 208, стр. 2	
былъ нѣкогда *ея* соблазнителемъ	былъ нѣкогда ея (Поппеи Сабины, жены П. Сципіона и матери той Помпеи, о которой упоминается ниже въ Лѣтопис.

	XIII, 45 и въ другихъ м.) соблазнителемъ;
Стран. 209, строка 20 сверху прибавилъ милліонъ сестерцій Созибію	прибавилъ милліонъ сестерцій (приблизительно сестерцій равняется 4—5 коп. сер.) Созибію
Стран. 209, стр. 24 сверху ловко лавировалъ между	ловко лавиривалъ онъ между
Стран. 209, стр. 8 снизу давъ Суилію 400 тысячь *денегъ*	давъ Суилію 400 тысячь денегъ (тѣхъ же сестерцій)
Стран. 210, стр. 9 сверху *одво*катомъ	адвокатамъ
Стран. 210, стр. 22 сверху Да и *красночѣчіе*	Да и краснорѣчіе
Стран. 210, стр, 4 снизу не напрасно. Государь	не напрасно, Государь
Стран. 210, стр. 3 снизу положилъ предѣлъ *взысканія денегъ*	положилъ предѣлъ денежнаго вознагражденія (адвокатамъ)
Стран. 211, гл. 9, стр. 2 сверху въ какую они обратятся сторону	куда они обратятся
Стран. 211, стр. 11 и 12 образумленъ письмомъ Цезаря и обратилось къ Митридату	остановленъ письмомъ Цезаря и все обратилось къ Митридату
Стран. 213, гл. 12, стр. 6 сверху и если только не приготовляли новыхъ обвиненій и обвинителей, то, отдавшись новой и близкой къ безумію любви	И если только не приготовляла (Мессалина) новыхъ обвиненій и обвинителей, то потому что отдалась новой и близкой къ безумію любви
Стран 214, строка 14 Аборыгены	Аборигены
Стран. 215, стр. 14 сверху противнымъ, а чаще пускался	противнымъ, та и это было чаще — пускался
Стр. 215 стр. 16 сверху которые цвѣли партіями	которые силу свою основывали на партіяхъ

Стран. **216**, стр. **16** сверху	
а прочія суда только по возможности, какую они представляли, привелъ	а прочіе суда по мѣрѣ того какъ на что они были годны, провелъ
Стран. **217**, стр. **1** снизу	
получилъ *квестору*	получилъ квестуру (должность квестора)
Стран. **218**, стр. **17** сверху	
и всѣмъ гражданамъ: если они располагались	и всѣмъ гражданамъ, если они располагались
Стран. **219**, стр **10** сверху	
или если какой	или если найдется какой
Стран. **219**, стр. **13** сверху	
Юлія осадили у Алезіи	Юлія осаждали у Алезіи
Стр. **219**, стр. **13** снизу	
Потомъ они раздвинулись	Потомъ она (Италія) раздвинулась
Стран. **219**, стр. **9** снизу	
жителей той стороны. Но приняты	Жители той стороны Пада (рѣки По) приняты
Стран. **221**, стр. **17** снизу	
не предупрежденнаго	не принимающаго никакихъ мѣръ предосторожности
Стран. **221**, стр. **10** снизу	
И долѣе не ждали	И не дожидаясь долѣе
Стран. **221**, стр. **8** снизу	
совершены всѣ	совершила, исполнила (Мессалина)
Стран. **222**, стр. **1** сверху	
обниманія	объятія
Стран. **222**, стр. **4** сверху	
съ записаннаго *старшаго*	съ записаннаго стариками
Стран. **222** стр. **12** сверху	
въ недалекомъ времени Консульству	въ недальнемъ времени Консулъ
Стран. **222**, стр. **19** и **16**	
Калмитъ	Каллистъ
Стран. **222**, стр. **1** снизу	
представился случай быть съ нимъ *втайнѣ*	представился случай быть съ нимъ наединѣ

Стран. 223, стр. 2 и 3 сверху спрашиваетъ *онъ* Клеопатру—*дожидаясь*	спрашиваетъ она Клеопатру—дожидаясь
Стран. 223, стр. 4 сверху приказываетъ: вызвать Нарцисса	требуетъ: вызвать Нарцисса
Стран. 224, строка 13 сверху *преобладало* безобразіе ея...	пересиливало безобразіе ея
Стран. 225, строка 1 сверху и *даетъ* возможность	и дастъ возможность
Стран. 225, стр. 20 сверху *стражамъ* Мессалинѣ	стражемъ Мессалинѣ
Стран. 225, стр. 21 сверху *Суффея* Трога	Соуффея Трога
Стран. 226, стр. 13 сверху замедленія всего болѣе близкой ночи	замедленія, всего болѣе опасались близкой ночи
Стран. 226, стр, 19 сверху и при *этомъ* сидѣла	и при ней сидѣла
Стран. 227, стр. 1 снизу *Венній* царь	Ванній царь
Стран. 228, стр. 2 сверху усмиряетъ Осторій *Иценасъ*	Усмиряетъ Осторій Иценовъ
Стран. 228, стр. 9 сверху *принебрегши* Британникомъ	пренебрегши Британникомъ
Стран. 228, стр. 10 сверху Надменность Агриппины расположена къ Вителлію	Надменность Агриппины—расположена къ Вителлію
Стран. 229, стр. 3 сверху *Суллія* Руфа	Суилія Руфа
Стран. 229, стр. 12 и 13 снизу ближайшимъ послѣ ея собственныхъ; залогомъ любви супружеской	ближайшимъ къ ней послѣ ея собственныхъ залоговъ любви супружеской
Стран. 230, стр. 10 и 11 снизу условленъ между Клавдіемъ и Агриппиною бракъ; уже имѣлъ основаніе въ молвѣ, въ любви недозволенной;	условленный между Клавдіемъ и Агриппиною бракъ скрѣплялся уже молвою и недозволенною любовною связью.
Стран. 230, стр. 8 снизу дочь брата	дочь брата по отцу

*

Стран. 231, стр. 7 сверху	
Какое же конечно самое честное утѣшеніе, какое только можетъ придумать умъ цензора, какъ не взять жену	А какое честнѣе утѣшеніе духу цензора, какъ не взять жену
Стран. 232, стр. 3 сверху	
все повиновалось женщинѣ, не дерзко	все повиновалось женщинѣ, дѣйствовавшей не дерзко
Стран. 232, гл. 8 стр. 2 сверху	
или *избравъ* этотъ	или избралъ этотъ
Стран. 232, стр. 7 и 8 сверху гл. 8	
въ это кровосмѣшательное время отыскиваемы были и казни и очистительные обряды	въ одно и тоже время совершались и казни и очистительные обряды за кровосмѣшеніе
Стран. 232, гл. 8 стр. 4 снизу	
впечатлѣніе на *публику*	впечатлѣніе на общество
Стран. 232, гл. 9 стр. 2 сверху	
Мелемія Полліона	Меммія Полліона
Стран. 232, стр. 6 снизу.	
вошли, въ сенатъ	вошли въ сенатъ
Стран. 233, стр. 3 сверху	
недпйствительный дома	недѣятельный дома
Стран. 233, стр. 9 сверху	
правленіе, ее чтобы было	правленіе, то чтобы было
Стран. 233, стр. 20 сверху	
вскромленника города Рима	вскормленника города Рима
Стран. 233, стр. 9 снизу	
упражнялъ легіоны заботливостью, предусмотрительностью, дѣйствовалъ такъ	упражнялъ легіоны; дѣйствовалъ такъ заботливо, предусмотрительно
Стран. 233, стр. 7 снизу	
и рода Кассіевъ и у тѣхъ даже народовъ знаменитыхъ	и рода Кассіевъ, даже и у тѣхъ народовъ именитаго
Стран. 233, 1 снизу	
вѣроломно измѣняются. — Но этотъ совѣтъ	вѣроломно измѣняются, а потому пусть поспѣшитъ исполненіемъ своего начинанія. Но этотъ совѣтъ
Стран. 234, стр. 2 сверху	
счастіе въ роскоши	счастіе въ наслажденіяхъ роскоши

Стран. 234, гл. 13 стр. 2 сверху	
соединились съ ними войска Каррена	соединились съ войсками Каррена
Стан. 234, стр. 17 сверху	
Геркулесу. Онъ въ	Геркулесу. А тотъ
Стран. 234, стр. 12 снизу	
съ Адіябенами	съ Адіабенами
Стран. 234, стр 11 снизу	
съ легкомысліемъ свойственнымъ	по легкомыслію свойственному
Стран. 234, стр. 9 снизу	
предпочитаютъ просить изъ Рима	предпочитаютъ лучше просить изъ Рима
Стран. 235, стр. 5 сверху	
велитъ *жечь*, отрѣзавъ уши	велитъ жить, отрѣзавъ уши
Стран. 235, гл. 15 стр. 3 сверху	
Котиса; неопытнаго юношу	Котиса, неопытнаго юношу
Стран. 235, гл. 15 стр. 7 сверху	
овладъеваетъ его областью	овладѣваетъ его областью
Стран. 235, стр. 18 снизу	
къ Евнону, который *стоялы* во главѣ	къ Евнону, который стоялъ во главѣ
Стран. 235, стр. 5 снизу	
была плохою защитою противъ нападающихъ и возведенныя выше башни;	были плохою защитою противъ нападающихъ; они возвели выше башни
Стран. 236, стр. 15 и 16 сверху	
отъ рѣки *Танаши*	отъ рѣки Танаиса
Стран 238, стр. 2 сверху	
отъ сестры Валузія	отъ сестры Волузія
Стран. 238, стр. 12 и 13 сверху	
Вслѣдствіе этого сила Агриппины не останавливалась ни передъ какими самими тайными средствами.	Вслѣдствіе чего насиліе Агриппины и не дошло до послѣдней крайности
Стран. 238, стр. 15 сверху	
Кодій Руфъ	Кадій Руфъ
Стран. 239, строка 4 сверху	
и М. Суллія	и М. Суилія
Стран. 240, строка 5 сверху	
окру*жили*	окружилъ

Стран. 240, стр. 8 сверху	
по ближайшимъ дорогамъ непріятелю	по ближайшимъ дорогамъ — непріятелю
Стран. 240, гл. 29 стр. 4 сверху	
сдѣлался надменнымъ	сталъ надменнымъ
Стран. 240, строка 2 снизу	
наступили Лигій и Гермундуръ	наступали Лигій и Гермундуръ
Стран. 241, строка 7 и далѣе сверху	
а къ подданнымъ — таковъ ли былъ ихъ собственный характеръ или таково свойство рабства, пока домогались власти обращались съ большею ласкою, а съ большею еще ненавистью, когда получили ее.	подданные—таковъ ли былъ ихъ собственный характеръ или таково свойство рабства, пока цари домогались власти любили ихъ, а еще больше стали ихъ же ненавидѣть, когда тѣ получили ее.
Стран. 241, стр. 13 сверху	
и тѣмъ сильнѣе полагали	и тѣмъ сильнѣе, что полагали
Стран. 242, стр. 7 сверху	
поселеніе Комилодунумъ	поселеніе Комулодунумъ
Стран. 242, главы 34, стр. 6 сверху	
которые Диктатора прогнали	которые Диктатора Цезаря (Юлія) прогнали
Стран. 242, стр. 6 снизу	
вмѣстѣ приводи*ла* въ ужасъ	вмѣстѣ приводили въ ужасъ
Стран. 243, стр. 12 снизу	
влѣдъ за тѣмъ	вслѣдъ за тѣмъ
Стран. 243, строка 7 снизу	
соотвѣтствовала *бы* и умѣренность	соотвѣтствовала и умѣренность
Стран. 244, стр. 16 сверху	
а Персея—*Л. Павилъ*	а Персея Л. Палвлъ
Стран. 244, стр. 9 снизу.	
не *оставилъ* бы бѣгства	не остановилъ бы бѣгства
Стран. 244, стр. 4 снизу	
лѣсамъ, *было тамъ*, по указанію	лѣсамъ, болотамъ, по указанію
Стран. 244, стр. 3 снизу	
: нечаянно, съ предусмотрительностью	то нечаянно, то съ предусмотрительностью

Стран. 245, стр. 9 сверху	
а жертва если не битвы	онъ былъ жертвою
Стран. 246, стр. 4 сверху	
Корнелія орфиты	Корнелія Орфиты
Стран. 246, стр. 9 сверху	
пользуется проконсульскою властью	пользовался проконсульскою властью
Стран. 247, гл. 43, стр. 8 и 7 снизу	
Вѣрно *только* то, что на продовольствіе города оставалось хлѣба *только* на пятнадцать дней и *только* по великой и т. д.	Вѣрно только то, что на продовольствіе города Рима оставалось хлѣба всего на пятнадцать дней не болѣе; по великой и т. д.
Стран. 248, глава 45, стр. 9 сверху	
укрѣпленіе *Горнсасъ*	укрѣпленіе Горнеосъ
Стран. 248, стр. 1 снизу	
на старшинство *Годаліи*	на старшинство годами
Стран. 249, стр. 6 сверху	
въ съѣстныхъ *прапасахъ*	въ съѣстныхъ припасахъ
Стран. 249, стр. 15 сверху	
требовать мира и *грозитъ*	требованіе мира и грозить
Стран. 250, стр. 5 сверху	
Митридатомъ сдѣлался *предметомъ* измѣны	Митридатъ сдѣлался жертвою измѣны
Стран. 250, стр. 15 сверху	
можно *извлечъ* больше пользы	можно извлечь больше пользы
Стран. 251, стр. 5 сверху	
города Армянъ: Артаклата	города Армянъ: Артаксата
Стран. 251, строка 10, сверху главы 51	
да и не опытный въ дѣлѣ	да и не неопытный въ дѣлѣ
Стран. 251, стр. 2 снизу	
въ Долмаціи произвелъ	въ Далмаціи произвелъ
Стран. 252, главы 53, строка 6 сверху	
пятьсотъ милліоновъ сестерцій	пятнадцать миллюновъ сестерцій
Стран. 252, главы 54, строка 4 сверху	
безнаказаннымъ все	безнаказаннымъ все

Стран. 252, стр. 3 снизу	
А пототу они	А потому они
Стран. 253, глава 55, строка 3 сверху	
подъ предводительствомъ *Тразобора*	подъ предводительствомъ Трозобора
Стран. 253, гл. 55, стр. 2 снизу	
Троюбора и не многихъ	Трозобора и немногихъ
Стран. 254. стр. 7 снизу	
Апалейцы, пострадавшіе	Апамейцы пострадавшіе
Стран. 257, стр. 11 снизу	
то никакой заслуги государю не будетъ	то нѣтъ у него (Нарцисса) передъ этимъ государемъ никакой заслуги
Стран. 258, стр. 17 сверху	
пробававшій ихъ	пробовавшій ихъ
Стран. 259 стр. 1 сверху	
вдругъ середи дня	Тутъ середи дня
Стран. 259, стр. 4 сверху	
Тутъ по внушенію префекта	Здѣсь по внушенію префекта
Стран. 259, стр. 16 сверху	
пробабушки Ливіи	прабабушки Ливіи
Стран. 263, гл. 4, стр. 4 сверху	
съ отличіемъ *взятые* за дѣло общественное	съ отличіемъ взяться за дѣло общественное
Стран. 264, стр. 10 сверху	
прогнавъ *Радомиса*	прогнавъ Радомиста
Стран. 266, стр, 17 снизу	
къ Плевтію Латерану	къ Плавтію Латерану
Стран. 267, стр. 15 снизу	
предлагая *первый* и лучшее	предлагая первое и лучшее
Стран. 268, стр. 8 сверху	
будетъ *выслушена*	будетъ выслушана
Стран. 268 стр. 6 снизу	
трибуна *Престоріанской* когорты	трибуна преторіанской когорты
Стран. 269, гл. 16, стр.5 св.	
для *эгой* цѣли	для этой цѣли
Стран. 269, стр. 16 снизу	
кото*рой* съ ранняго дѣтства	которою съ ранняго дѣтства

Стран. 270, стр. 8 снизу	
при его матери и Герман*цамъ*	при его матери и Германцы
Стран. 271, стр. 15 сверху	
не старое и не разъ уже слышанное	уже не старое и не разъ слышанное
Стран. 271, стр. 19 сверху	
Августа *и* Нерономъ	Августа съ Нерономъ
Стран. 271, стр. 4 снизу	
Плиній Клувій говорятъ	Плиній и Клувій говорятъ
Стран. 272, стр. 12 снизу	
въ покушеніяхъ на *когортѣ* въ городѣ	въ покушеніяхъ на когорты въ городѣ
Стран. 273, стр. 5 сверху	
управленіе Египтомъ К. *Больбиллу*	управленіе Египтомъ—К. Бальбиллу
Стран. 274, стр. 14 сверху	
такъ какъ черезъ бракъ былъ зятемъ Антоніи	которому онъ былъ зятемъ черезъ супружество Антоніи
Стран. 274, стр. 17 сверху	
обличавшій свое тщеславіе	высказывавшій свое тщеславіе
Стран. 274, стр. 19 снизу	
то выражалъ на письмѣ	то выражаю на письмѣ
Стран. 274, гл. 24, стр. 3 сверху	
болѣе подобія сво*бодѣ*	болѣе подобія свободы
Стран. 274, стр. 2 сверху	
и, при совершенномъ невѣдѣніи, ихъ принималъ удары	да и онъ самъ (Неронъ) до того былъ неузнаваемъ, что и ему приходилось получать удары
Стран. 274, стр. 5 сверху	
а нѣкоторые—какъ разъ	то нѣкоторые—какъ разъ
Стран. 274, стр. 10 сверху	
почетныхъ мѣстъ	почестей
Стран. 274, стр. 16 сверху	
и какъ бы частное дѣло	, какъ бы частное дѣло
Стран. 274, стр. 3 снизу	
и не вынуж*дая* какъ бы	и вынуждаютъ какъ бы
Стран. 275, стр. 12 сверху	
часть трибъ. *(Прим.*	часть трибъ *(Прим.*
Стран. 275, гл. 29 стр. 3 сверху	
потомъ, *такъ какъ* вкралось	потомъ когда вкралось

Стран. 275, гл. 29, стр. 5 сверху преторовъ для главнаго управленія	преторовъ съ тѣмъ, чтобы они были главными
Стран. 275, стр. 4 снизу въ *Ровеннѣ* Италіи	въ Равеннѣ Италію
Стран. 275, стр. 2 снизу К. Аминій *Ребилъ*	К. Аминій Ребій
Стран. 276, стр. 1 сверху избѣгъ бѣдственныхъ страданій опасности	избѣгъ страданій болѣзненной старости
Стран. 276, гл. 32, стр. 2 сверху и общей бесопасности	и общей безопасности
Стран. 278, стр. 8 сверху возможности оправдавать	возможности оправдать
Стран. 278, гл. 34, стр. 3 сверху ораторъ Карвинъ	ораторъ Корвинъ
Стран. 278, гл. 34 стр. 6 сверху отпускаемо было по *50 милліоновъ* сестерцій, которыми *Массала*	отпускаемо было по пяти сотъ тысячъ сестерцій, которыми Мессала
Стран. 278, гл. 34, стр. 8 сверху *Аврелліо* Коттѣ	Аврелію Коттѣ
Стран. 279, стр. 14 сверху на покрытой льдомъ палатокъ	на покрытой льдомъ почвѣ палатокъ
Стран. 279, стр. 2 снизу ближайшихъ укрѣпленій, а воины	ближайшихъ укрѣпленій, да и воины
Стран. 280, стр. 6 сверху пока не прощены по просьбѣ всего войска	и прощены лишь по просьбамъ всего войска
Стр. 280, гл. 37 стр. 12—13 св. за то, что онъ объяснялся намъ въ вѣрности	чтобы этимъ засвидѣтельствовать передъ нами свою вѣрность
Стран. 280, гл. 37, стр. 14—16 Такимъ образомъ соображенія Тирадота дѣлились на двѣ противоположныя стороны, Отправилъ онъ	Тутъ въ первый разъ призваны Инсехи (по др. чтенію Мосхи) народъ въ особенности расположенный къ Римлянамъ. Онъ сдѣлалъ набѣгъ на самыя не-

	доступныя мѣста Арменіи. Это дало совершенно другое направленіе намѣреніямъ (планамъ) Тиридата
Стран. 280, стр. 15 снизу что *Римляне* предпочитаютъ	что они, Парфы, предпочитаютъ
Стран. 280, стр. 14, 13 снизу упорствовать въ открытой непріязни, но Арзакиды	упорствовать въ войнѣ, то Арзакиды
Стран. 280, стр. 10 снизу что *Вологезъ* задерживаетъ отпаденіе Гирканіи	что Вологеза задерживаетъ отпаденіе Гирканіи
Стран. 281, стр. 3 сверху ясно было-бы коварство	ясно было коварство
Стран. 281, стр. 18, 19 сверху третьяго легіона и поставлены подъ одинъ орелъ такъ, что все это высматривало однимъ легіономъ	третьяго легіона, смѣшаны съ прочими и поставлены подъ одинъ орелъ, такъ что все это имѣло видъ одного и того же легіона
Стран. 271, стр. 8 снизу по имени *Валандумъ*	по имени Воландумъ
Стран. 281, стр. 7 снизу и Юстею Капитону	и Инстею Капитону
Стран. 283, стр. 12 сверху обойдти покамѣсть стѣны	обойдти покамѣсть стѣны
Стран. 283, стр. 19—18 снизу *Вездѣ* извнѣ, кромѣ надъ городскими строеніями, облито было блескомъ солнца; и все что было внутри стѣнъ	Все извнѣ, кромѣ надъ городскими строеніями, облито было сіяніемъ солнца, а все что внутри стѣнъ
Стран. 284, 7 стр. сверху по *Цинциніеву* закону	по Цинціеву закону
Стран. 284, 11 стр. сверху и враждебенъ онъ	враждебенъ онъ
Стран. 285, стр. 13 сверху въ ссылку на *Болгарскіе* острова	въ ссылку на Болгарскіе острова
Стран. 287, стр. 1 снизу Первая жаловалась на *наслѣдственныя* дѣйствія большинства	Первое жаловалось на насильственныя дѣйствія большинства

Стран. **289**, стр. **2** сверху	*полной* еще вольности народа Римскаго; а *затѣмъ* и остальное	полной еще вольности народа Римскаго; а за тѣмъ и остальное
Стран. 289, стр. 19 сверху	Ограниченъ привозъ хлѣба	Ограничено требованіе хлѣба
Стран **289**, гл. **53** стр. **2** сверху	видя, что отличія тріумфа сдѣлались столь обыкновенными большей чести	видя, что отличія тріумфа сдѣлались столь обыкновенными, большей чести
Стран. **290**, стр. 6—7 сверху	внушитъ онъ *этимъ* опасенія если ператору—а *этимъ* по большей части сдерживаются порывы къ честному	внушитъ онъ тѣмъ опасенія императору—а это по большей части сдерживало порывы къ честному
Стран. **290**, стр. 18 сверху	грозилъ: силою	грозилъ силою
Стран. **290**, стр. **20** сверху	у цезаря новыхъ заставилъ	у Цезаря новыхъ—и тѣмъ заставилъ
Стран. 290, стр. 3 сверху	о безопасной ссылкѣ	о безопасномъ изгнаніи
Стран. **290**, стр. 16 снизу	и пусть они не допускаютъ другихъ судей, кромѣ самихъ себя	и они (Римляне) не допустятъ другихъ судей кромѣ самихъ себя
Стран. **290**, стр. 14 снизу	дружбы *даетъ поля*	дружбы дастъ земли
Стран. **292**, стр. 1 сверху	Тубинтамъ—идя къ Каттамъ	Тубантамъ — направились къ Каттамъ
Стран. **292**, стр. 2, 3	въ долгомъ странствованіи странниками въ крайней нуждѣ истреблены	долго блуждали то гостепріимно принятые, то бѣдствуя, то явно враждуя
Стран. **292**, стр. **20** сверху	А народъ Югановъ	А народъ Югоновъ
Стран. **292**, стр, 8 снизу	въ огонь съ тѣмъ что больше осквернено	и чѣмъ что больше осквернено

Стран. 293, стр. 13 сверху	
Трозеа Петъ обнаруживаетъ	Тразеа Петъ обнаруживаетъ
Стран. 293, стр. 14 снизу	
всадниковъ римскихъ, называемые Августовы	всадниковъ Римскихъ, называемыхъ Августовыми
Стран. 294 стр. 3 сверху	
вождя Боа*дицея*	вождя Боадицеи
Стран. 294, стр. 5 сверху	
Камилодунъ; Петилія Церіала	Камалодунъ; Петилія Церіалиса
Стран 294, строка 14 снизу	
Запрещаетъ его Тразеа. Фабриційций Веіенто,	Защищаетъ его Тразеа—Фабриций Веіенто
Стран. 295, стр. 2 сверху	
К. *Витанія*	К. Винстана
Стран. 295, стр. 3 сверху	
Имп. Нерона	Имп. Нерона четвертый разъ
Стран. 295, стр. 4 сверху	
К. Целонія Пета	К. Цезонія Пета
Стран. 295, стр. 8 снизу	
Неронъ были рязгорячёнъ виномъ	Неронъ былъ разгорячёнъ виномъ
Стран. 296, стр. 7 сверху	
распутствѣ въ той, кто еще	распутствѣ со стороны той, кто
Стран. 297, стр. 2 сверху	
довѣрчивостью и радостью	довѣрчивостью ко всему, что ихъ радуетъ
Стран. 297, стр. 3 сверху гл. 5	
было преступленіе	обличить преступленіе
Стран. 297, стр. 4 снизу	
то оно служило	то это самое служило
Стран. 297, стр. 9 сверху	
Туть она сообразила	Тутъ она сообразила
Стран. 297, стр. 12 сверху	
рузрушился въ верхней части	разрушился въ верхней части
Стран. 297, гл. 7, 2 стр. сверху	
спаслась: (Агриппина)	спаслась (Агриппина)
Стран. 299, стр. 8 сверху	
пусть *Аницезъ*	пусть Аницетъ
Стран. 299, стр. 6 снизу	
Геркулеемъ и *Олосфитомъ*	Геркулеемъ и Олеаритомъ

Стран. 301, стр. 11 сверху	
(Неронъ припасалъ матери—	Неронъ приписалъ матери
Стран. 301, стр. 12 сверху	
раскасывалъ онъ и караблекрушеніе	разсказывалъ онъ и кораблекрушеніе
Стран, 301, стр. 1 гл. 12	
но съ *удивленнымъ* усердіемъ знати	Но съ удивительнымъ усердіемъ знатнѣйшихъ лицъ
Стран. 301, стр. 3 снизу	
Габала	Габола
Стран. 302, стр. 1 сверху	
въ Тирентъ	въ Тарентъ
Стр. 302, стр. 1 и 2 въ кон. 13 гл.	
а полное развитіе ихъ задерживало уваженіе къ матери	полное развитіе которыхъ—задерживаемо было уваженіемъ къ матери
Стран. 302, гл. 14 стр. 4 сверху	
При этомъ онъ напоминалъ	При этомъ припоминалъ
Стран, 302, стр. 2 снизу	
не принесла за собою пресыщеніе	не принесла за собою пресыщенія
Стран. 303, гл. 15, стр. 1 сверху	
покамѣсть	покамѣстъ
Стран. 303, стр. 6 снизу	
по *враж*денной бойкости	по врожденной бойкости
Стран. 303, стр. 5—3 снизу	
оглашали они рукоплесканіями наружность государя, и голосъ и, называя ихъ божественными	не переставали рукоплескать они, наружность и голосъ государя называя божественными
Стран. 304, гл. 17 стр. 2 сверху	
Нуцеринскихъ и Пампеянскихъ	Нуцеринскихъ и Помпеянскихъ
Стран. 304, стр. 5—4 снизу	
царя Аніона; имъ вмѣстѣ	царя Апіона—имъ вмѣстѣ
Стран. 305, стр. 11—12 сверху	
ее онъ сдѣлалъ еще болѣе славною, будучи равенъ умомъ, но на столько же другой нравственности	ему онъ придалъ еще болѣе извѣстности будучи равенъ умомъ (Домицію Афру), но совсѣмъ другой нравственности
Стран. 305, стр. 15 снизу	
видѣть что гдѣ-либо есть	видѣть все, что гдѣ-либо есть

Стран. 306, стр. 7 сверху	
стали *даватьтя*	стали даваться
Стран. 306, стр. 8, 9 сверху	
никто, кто могъ гордиться честнымъ происхожденіемъ	никто, рожденный въ положеніи почетномъ
Стран. 306, гл. 22, стр. 1	
свилось свѣтило	явилось свѣтило
Стран. 306, строка 4 снизу,	
самонадѣянное происшедшее	самонадѣянно (опрометчиво) получившее начало
Стран. 306, строка 2 снизу	
прозываемаго suflaqueum	прозываемаго sublaqueum
Стран. 306, строка 1 снизу	
и столь разбросанъ	и столъ разбросанъ
Стран. 307, строка 10 сверху	
съ женою Антиріею	съ женою Антистіею
Стран. 308, строка 9 сверху	
вслѣдсвіе пытки	вслѣдствіе пытки
Стран. 308, строка 10 сверху	
его соучастники	его соучастники
Стран. 308, строка 6 снизу	
Прибылъ Тирганъ	Прибылъ Тигранъ
Стран. 309, строка 11 сверху	
старинный городъ Путеоме	старинный городъ Путеолы
Стран. 309, строка 11 снизу	
подвергались также возможности заплатить денежный штрафъ, какой тѣ, которые	подвергались тому же денежному штрафу, какой платили тѣ, которые
Стран. 310, строка 3 сверху	
обнаружившій честолюбіе	обнаружилъ честолюбіе
Стран. 310, строка 4 сверху	
лестью присовокупилъ	лестью присовокупивъ
Стран. 310, строка 7 сверху	
достоинъ былъ состязаться	достойный состязаться
Стран. 310 строка 3 снизу	
жена Боодицея	жена Боадицея
Стран. 311, стр. 7 и 16 сверху	
Комалодунъ—въ Камалодунѣ	Комулодонъ—въ Комулодунѣ
Стран. 311, строка 16 снизу	
не болѣе 200, да и то	не болѣе 200 человѣкъ, да и то

Стран. 312, строка 1 сверху	
но имѣвшій очень большую	но уже пріобрѣтшій
Стран. 312, строка 3 сверху	
Не избрать ли тутъ мѣсто для военныхъ дѣйствій,	Не здѣсь ли избрать мѣсто для военныхъ дѣйствій;
Стран. 312, строка 12 снизу	
а передъ флагами	а передъ флангами
Стран. 314. строка 3 снизу	
Видили они	Видѣли они
Стран. 315. стр. 9 и 10 снизу	
чтобы какъ ниб. ускользнуть онъ наказанія	чтобы какъ нибудь приговоръ осужденія сдѣлать недѣйствительнымъ
Стран. 315, строка 6 снизу	
осужденъ за клевету.	за ложное и злонамѣренное показаніе
Стран. 316, стр. 10 снизу и д.	
Можетъ быть—отнимаемы	*Прим.* Нѣмецкій переводчикъ Тацита Ротъ перевелъ это мѣсто такъ: «не потому ли, что у него было отцовское достояніе, о которомъ онъ заключилъ договоръ или наслѣдственный рабъ у него отнятъ силою?» Мнѣ кажется Ротъ ошибочно понялъ это мѣсто; рабы Римскіе въ то время не могли имѣть своей собственности; да и у *раба* какъ могъ быть *рабъ*, да еще *наслѣдственный?*
Стран. 316, строка 6 снизу	
что думано	что придумано
Стран. 317, строка 5 сверху	
насъ предаватъ	насъ предавать
Стран. 317, стр. 14 снизу	
Но и изъ бѣжавшаго	Да вѣдь и изъ бѣжавшаго
Стран. 317, стр. 4 снизу	
Валузій и Африканъ	Волузій и Африканъ
Стран. 318, стр. 10 и 11	
Въ этомъ году освѣщенъ Неро-	*Прим. перев.* Въ Римѣ были

номъ гимназій и всадникамъ и сенату роздано масло съ тою готовностью, что у Грековъ	въ большомъ ходу тѣлесныя упражненія, соединенныя съ занятіемъ военною службою: но сначала не было для того особенныхъ общественныхъ мѣстъ какъ въ Греціи, а тамъ были особенныя зданія называемыя *гимназіями*, гдѣ собирались молодые люди и занимались разнаго рода гимнастическими упражненіями болѣе для удовольствія и забавы, чѣмъ съ какою-либо похвальною цѣлью. Для борьбы, да и вообще для крѣпости, мазались они масличнымъ масломъ; его обыкновенно жертвовали богатые люди, а часто оно давалось и на общественный счетъ (отъ правительства); этимъ то и объясняется то, что Неронъ далъ масло съ тою готовностью что у Грековъ т. е.: и даромъ и щедро.
Стран. 318, стр. **13** снизу	
Петъ Тризеа	Петъ Тразеа
Стран. 319, стр. **12** сверху	
отвъствовало бы значительности	отвѣтствовало бы значительности
Стран. 319, стр. **14** сверху	
исполненія и *тяжкаго*	исполненія и мягкаго (снисходительнаго)
Стр. 319, гл. **50**, стр. **1** св. и **4** сн.	
Всіенто	Веіенто
Стран. 319, гл. **50**, стр. **3** снизу	
эжечь	сжечь
Стран. 319, стр. **6** снизу	
предполагали *потоку*	предполагали потому
Стран. 320, стр. **1** сверху	
о здравіи—я чувствую	о здоровьи я чувствую
Стран. 326, стр. **1** сверху	
сосредоточилъ на мнѣ	сосредоточилъ ты на мнѣ

Стран. 321, стр. 2 сверху	
блалополучію	благополучію
Стран. 321, стр. 5 сверху	
на Матиленѣ	на Митиленѣ
Стран. 321, стр. 11 сверху	
извѣстность такъ, какъ по видимому	вслѣдствіе того, что по видимому
Стран. 321, стр. 15 сверху	
родясь, во всадническомъ	родясь во всадническомъ
Стран. 321, стр. 21 снизу	
А онъ устраиваетъ	А не онъ-ли (этотъ самый умъ)
Стран. 322, стр. 8 сверху	
но въ этомъ же возрастѣ	но въ томъ уже возрастѣ
Стран. 322, стр. 12, 13 сверху	
не было недостатка —если пришлось	не было бы недостатка—если бы пришлось
Стран. 322, стр. 15 сверху	
сначала мое *дѣйство*	сначала мое дѣтство
Стран. 322, стр. 14 сверху	
но *что* требовало	но—и этого требовало
Стран. 322, стр, 10, 11 снизу	
честь и силу твою окружить приличными издержками	не долженъ-ли ты меня удерживать и, подкрѣпивъ какъ человѣка, которому содѣйствіе очень нужно, весть впередъ съ большею энергіею
Стран. 322, стр. 3 снизу	
а отъ *навыки* пріобрѣтшій	а отъ навыка пріобрѣтшій
Стран. 324, стр. 7 снизу	
удаливъ отъ себя жену Октавію	и не удалишь отъ себя жену Октавію. *Ротъ*, это мѣсто понялъ иначе. Онъ полагаетъ, что послѣ словъ *зачѣмъ* въ текстѣ пропускъ и продолжаетъ послѣ точекъ: и теперь безполезно; онъ Неронъ готовится—ускорить соединеніе съ Поппеею и т. д.
Стран. 326, гл. 62 стр. 4 сверху	
да и *допросамъ* горничныхъ	да и допросомъ горничныхъ

Стран. 327, гл. 64, стр. 6 сверху	
общей (ей съ Нерономъ) Германики	общій (ей съ Нерономъ) родъ Германиковъ
Стран. 327, стр. 6 снизу	
общественнаго *дѣйствія*	общественнаго бѣдствія
Стрсн. 329, стр, 11 сверху	
въ Бенсвентѣ	въ Беневентѣ
Стран. 329, стр. 13 сверху	
Тарквата Силана	Торквата Силана
Стран. 329, стр. 16 сверху	
бѣдствіе отъ огня пожигаетъ	бѣдствіе отъ огня постигаетъ
Стран. 329, стр. 6 снизу	
Преторіа. Субрій	Преторія Субрій
Стран 330, стр. 15 сверху	
за тѣмъ Лукани	затѣмъ Лукана
Стран. 330, стр. 10 снизу	
М. Лицинія Кросса	М. Лицинія Красса
Стран. 330, стр. 8 снизу	
Между тѣмъ царь Парѳовъ Вологезъ, узналъ	Между тѣмъ, царь Парѳовъ, Вологезъ узналъ
Стран. 331, стр. 4 сверху	
неудовольстіемъ	неудовольствіемъ
Стран. 331, стр. 6 снизу	
въ пренебреженіи лучшимъ изъ людей	въ пренебреженіи лучшихъ изъ людей
Стран. 332, стр. 14 снизу	
озлобились въ своихъ расчетахъ	*ошиблись* въ своихъ расчетахъ
Стран. 333, гл 6, стр. 5 сверху	
должна была *прекратитъся*	должна была прекратиться
Стран. 333, стр. 9 снизу	
Капподоковъ	Каппадоковъ
Стран. 334, стр. 3 сверху	
какъ упоминалъ	какъ *я* упоминалъ
Стран. 334, гл. 8, стр 1	
недостаточно еще укрѣпивъ зимнія квартиры	не довершивъ еще укрѣпленія зимнихъ квартиръ
Стран. 334, гл. 8, стр. 7 св.	
еслибы онъ съумѣлъ пользоваться	если бы вождь съумѣлъ пользоваться

Стран. 334, гл. 8, стр. 1 сн.	къ концу въ пышныхъ выраженіяхъ	къ концу—въ пышныхъ выраженіяхъ
Стран. 335, строка 12 сверху	если бы онъ хотѣлъ	если бы онъ захотѣлъ
Стран. 336, гл. 12, стр. 4 сверху	въ область Коммагону	въ область Коммагену
Стран. 337, строка 10 снизу	что какъ только принадлежитъ	и что намъ только принадлежитъ
Стран. 337, строка 6 снизу	отъ облѣжанія	отъ облежанія
Стран. 338, строка 9 сверху	ввычныхъ животныхъ	вьючныхъ животныхъ
Стран. 339, строка 6 сверху	обоихъ ночего	обоихъ ничего
Стран. 339, строка 14 сверху	незатрудненную въ движеніи	не затрудненною въ движеніи
Стран. 340, гл. 20, стр. 7	прокунсуламъ	проконсуламъ
Стран. 310, строка 8 снизу	прибегнемъ къ рѣшенію	прибѣгнемъ къ рѣшенію
Стран. 340, строка 6 снизу	которымъ мы нисколько, не измѣняя	которымъ мы—нисколько не измѣняя
Стран. 341, гл. 22, стр. 6 св.	прокунсуламъ	проконсуламъ
Стран. 341, строка 11 снизу	далъ даже	далъ тоже
Стран. 342, строка 6 сверху	выраженіе Цезаря	выраженіе Цезаря
Стран. 342, гл. 24, стр. 7 св.	послѣ Пэта и	послѣ—Пэта и
Стран. 343, гл. 26, стр. 2 сн.	и онъ то военному человѣку	и оно то военному человѣку
Стран. 344, строка 8 сверху	выспросилъ перемиріе	выпросилъ перемиріе
Стран. 344, гл. 28, стр. 5 сн.	въ почетѣ ему	въ почетъ ему
Стран. 344, гл. 23, стр. 2 сн.	не замѣдлилъ и Корбулонъ	не замедлилъ и Корбулонъ

Стран. 345, строка 7 сверху	
народамъ чѣмъ, иначе какъ не	народамъ чѣмъ иначе, какъ не
Стран. 346, строка 2 сверху	
съ принебреженіемъ	съ пренебреженіемъ
Стран. 346, строка 12 сверху	
все это наполнили	все это наполнило
Стран. 346, гл. 34, стр. 6 св.	
воздавая благодарственность богамъ	воздавая благодарность богамъ
Стран. 346, строка 9 снизу	
Таркватъ Силанъ	Торкватъ Силанъ
Стран. 348, строка 8 сверху	
а когда наступилъ сумерокъ	а когда наступилъ сумракъ ночи
Стран. 349, строка 3 снизу	
строеніяхъ Емиліанскихъ	строеніяхъ Емиліянскихъ, составлявшихъ собственность Тигеллина
Стран, 350, строка 3 сверху	
поларазрушенныхъ	полуразрушенныхъ
Стран. 350, строка 7 сверху	
построенные Сервіемъ Тулліемъ Лунѣ	построенные Сервіемъ Тулліемъ Лунѣ
Стран. 351, стр. 12, 13 св.	
камнемъ Гобинскимъ—такъ какъ онъ	камнемъ Габинскимъ — который недоступенъ огню
Стран. 352, строка 1 сверху	
въ Іудеи	въ Іудеѣ
Стран. 352, строка 6 сверху	
человѣчесому роду	человѣческому роду
Стран. 353, стр. 14—15 св.	
подлѣ дороги родился теленокъ, у котораго голова была будто быдляшка	подлѣ дороги найденъ теленокъ, у котораго голова была будто-бы у ноги
Стран. 354, гл 50, стр. 4 и 5 св.	
Туллія Сенеціона—Вулкація Арарика, Юлія Шугурина	Клавдія Сенеціона, Вулкація Аварика, Юлія Авгурина
Стран. 354, строка 14 снизу	
Венетъ Павилъ	Венетъ Павлъ
Стран. 356, строка 11 сверху	
консула Вестана	консула Вестина
Стран. 358, строка 12 сверху	
тоже врмия	тоже время

Стран. 358, строка 2 снизу чувствительно боли	чувствительно къ боли
Стран. 360, строка 4 сверху а чѣмъ болѣе	а тѣмъ болѣе
Стран. 360, стр. 5 сверху разврата обнажитъ мечь	разврата не обнажитъ ли мечь?
Стран. 361, гл. 61, стр. 3 сверху извинился состоя*немъ*	извинился состояніемъ
Стран. 364, стр. 13 сверху *недолго* не думая	но долго не думая
Стран. 364, стр. 15 сверху поручена *Всіану* Нигру	поручена Веіанію Нигру
Стран. 368, стр. 5, 6, 8 и 10 сн. Вестана—Вестаномъ—Вестану—Вестанъ	Вестина—Вестиномъ—Вестину—Вестинъ
Стран. 364, стр. 2 снизу на истинѣ, оставили	ня истинѣ, оставляли
Стран. 365, стр. 1 св. и 9, 10 сверху Вестанъ—Вестана—Вестанъ	Вестинъ—Вестина—Вестинъ
Стран. 365, гл. 70, стр. 2 сверху тотъ, когда текла кровь, онъ замѣтилъ	тотъ, когда текла кровь и онъ замѣтилъ
Стран. 366, стр. 14 сверху нѣкогда былъ мужемъ *Помпеи*	нѣкогда былъ мужемъ Поппеи
Стран. 366, стр. 17 сверху Клувидіену *Квиту*	Клувидіену Квіету
Стран. 366, стр. 9 снизу *Нимеридію* даны	Нимфидію даны
Стран. 367, стр. 9 сверху *Юпія Галліана*	Иннія Голліона
Стран. 367, гл. 74, стр. 4 и 5 сверху игры Цирценскія и Церсальскія	игры въ циркѣ по случаю празднества въ честь Цереры
Стран. 367, гл. 74, стр. 6 сверху долженъ былъ *получать* прозваніе	долженъ былъ получить прозваніе
Стран. 368, стр. 10 снизу Тразея *Пету*	Тразея Пета

Стран. 368, стр. 4 снизу	
молочисленности сенаторовъ	малочисленности сенаторовъ
Стран. 368, стр. 3 снизу	
Осторій—Барсъ	Осторій—Барея Сорана
Стран. 369, гл. 1, стр. 4 сверху	
вь надежду	въ надежду
Стран. 370. стр. 7 сверху	
Бассъ, перерылъ свое поле	Бассъ изрылъ свое поле
Стран. 370, стр. 10 сверху	
Наконецъ, отказавшись	Наконецъ отказался
Стран. 372, стр. 14 сверху	
занятаго болѣе *возможными* преступленіями	занятаго болѣе важными преступленіями
Стран. 373, стр. 6 сверху	
лишь бы не *умерѣть*	лишь бы не умереть
Стран. 373, стр. 2 снизу	
оттого *ошпущенъ*	оттого отпущенъ
Стран. 374, стр. 11 сверху	
оплакиваемке *женами* и дѣтьми	оплакиваемые женами и дѣтьми
Стран. 373, стр. 4 снизу	
сокровенно будущее таинственнымъ	сокровенное будущее изложенное таинственнымъ
Стран. 375 стр. 7 сверху	
завѣщаніе *Тигеллина*	завѣщаніе Осторія
Стран. 386, стр. 1 сверху	
наслажденій	наслажденіяхъ
Стран. 377, стр. 7 сверху	
много энергіи и вь урвень этой дѣятельности	много энергіи и показалъ себя въ уровень этой дѣятельности
Стран. 377, стр. 10 сверху	
онъ находилъ	тотъ (Неронъ) находилъ
Стран. 377, стр. 13 сверху	
Вскѣдствіе этого обращается онъ къ жестокости	Такимъ образомъ обращается тотъ (Тигеллинъ) къ жестокости
Стран. 377, гл. 19, стр. 2 сверху	
Петроніи и дошелъ до Кумъ, но тутъ былъ задержанъ; Петроній	и Петроній вслѣдъ за нимъ дошелъ до Кумъ, но тутъ былъ задержанъ; онъ
Стран. 377, гл. 19, стр. 4 сверху	
но надрѣзанныя жилы	надрѣзанныя жилы

Стран. 377, гл. 19, стр. 8 сверху	
оо легкія стихотворенія	а легкія стихотворенія
Стран. 381, гл. 27, стр. 3 сверху	
одѣтыхъ *вь* тоги	одѣтыхъ въ тоги
Стран. 381, гл. 27, стр. 8 сверху	
будто бы они *не* пренебрегаютъ	будто бы они пренебрегаютъ
Стран. 381, стр. 12 сверху	
высказался измѣнникомъ и *гостемъ*	высказался измѣнникомъ и врагомъ государства
Стран. 383, стр. 5 снизу	
обвинителямъ *Епріо* и	обвинителямъ Епрію и
Стран. 384, строка 6 сверху	
Домицій *Цициліонъ*	Домиціанъ Цециліанъ
Стран. 384, стр. 6 снизу	
дѣлаемъ *возливаніе* Юпитеру	дѣлаемъ возліяніе Юнитеру

Другія менѣе важныя ошибки мы оставили безъ вниманія какъ неизмѣняющія смыслъ рѣчи. Также просимъ читателя не обращать никакого вниианія на знаки « » такъ какъ они очень часто поставлены ошибочно совсѣмъ не кстати.

К. КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

ОТЪ КОНЧИНЫ БОЖЕСТВЕННАГО АВГУСТА

ЛѢТОПИСИ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Содержаніе книги: Глава 1. Римскихъ дѣлъ положеніе до Августа.—2. Хитрая его политика и способы упрочить власть.—3. Разные Августомъ назначенные ему преемники.—4. Положеніе дѣлъ и ощущенія гражданъ при Августѣ. Сужденія о его наслѣдникахъ.—5. Болѣзнь Августа, кончина его скрыта. Призванъ къ наслѣдству Тиберій.—6. Умерщвленіе Постумія Агриппы.—7. Римъ готовъ раболѣпствовать. Присяга на вѣрность новому Государю.—8. Завѣщаніе Августа и особенныя почести при его погребеніи.—9. Сужденія объ Августѣ и въ ту и въ другую сторону.—10 Послѣдующія сужденія.—11. Тиберій хитро отказывается отъ верховной власти, но сенатъ пристаетъ къ нему. Отчетъ о положеніи государства.—12. На Азинія раздраженъ Тиберій, а потомъ 13. ту же немилость навлекаютъ на себя Аррунтій, Гатерій и Скавръ.—14. Лесть сената въ отношеніи къ Ливіи, ее умѣряетъ Тиберій.—16. Возстаніе Паннонскихъ легіоновъ восьмаго, девятаго, пятнадцатаго; виновникъ его Перценній.—17. Возмутительныя его рѣчи,—18. Неистовствуютъ воины; ихъ успокоить старается Блезъ.—19. Посольство къ Государю.—20. Усиливается возмущеніе.—21. Блеза тщетныя усилія.—22.

Едва не гибнетъ онъ жертвою мнимаго преступленія Вибулена.—23. Военные трибуны прогнаны. Луцилій убитъ.—24. Друзъ отправленъ Тиберіемъ усмирить возмущеніе.—25. Онъ прочитываетъ посланіе Тиберія.—26. Отсрочиваетъ удовлетвореніе требованій воиновъ, что тѣ встрѣчаютъ криками.—27. Волненіе разгорается все сильнѣе. Опасное положеніе Лентулла.—28. Затмѣніе луны устрашаетъ возмутившихся и этимъ случаемъ пользуется Друзъ.—29. Ожесточеніе воиновъ мало по малу прекращается.—30. Зачинщики возмущенія казнены, а легіоны возвращены на свои зимнія квартиры.—31. Начинается возмущеніе, еще болѣе важное, десяти Германскихъ легіоновъ.—32. Жестокость къ сотникамъ. Замѣчательное дѣло Херея.—33. Цезарь Германикъ спѣшитъ къ легіонамъ изъ Галліи.—34. Убѣждаетъ ихъ быть вѣрными.—35. Тѣ изливаютъ свои жалобы; нѣкоторые предлагаютъ дать ему верховную власть, но онъ упорно отказывается.—36. Ищетъ средствъ помочь бѣдѣ.—37. Предлагаютъ отставку и деньги и такъ мало по малу волненіе подавлено.—38. Возмущаются значконосцы, но ихъ силою усмиряетъ Менній.—39. Снова возстаніе въ первомъ и двадцатомъ легіонахъ. Воины грозятъ Цезарю насиліемъ, а Планку смертью.—40. Германикъ, отпустивъ сына и жену 41. вынуждаетъ воиновъ къ раскаянію.—42. 43. Говоритъ имъ краснорѣчивое слово.—44. Перейдя къ другому образу мыслей, воины требуютъ сами себѣ наказанія; виновниковъ сами предаютъ казни; назначены новые сотники.—45. Противъ тѣхъ, которые оставались въ волненіи, готовится сила.—46. Безпокойные слухи въ городѣ.—47. Тиберій притворно собирается въ путь.—48. Угрозы Германика.—49. Воины истребляютъ сами тѣхъ, кто ихъ возмущалъ.—50. Желая загладить свое безумство, идутъ противъ непріятеля. Подавлены Марсы.—51. Разрушенъ храмъ Танфаны. Неудача коварнаго умысла засады на обратномъ пути.—52. Тиберій не отъ чистаго сердца хвалитъ Германика.—53. Юліи смерть и нравственность. Гракхъ убитъ.—54. Уч-

реждается общество Августаловъ. Смуты актеровъ.—55. Въ слѣдующемъ году набѣгъ на Каттовъ. Арминій, Сегестъ.—56. Катты, застигнутые въ расплохъ, подавлены. Маттій преданъ пламени.—57. Осажденнаго Сегеста освобождаетъ Германикъ. Жена Арминія взята въ плѣнъ.—58. Рѣчь Сегеста. Съ нимъ и его семействомъ ласково обращаются.—59. Арминія ругательства на Сегеста и Римлянъ.—60. Возстаніе Херусковъ и другихъ народовъ. Бруктеры разбиты.—61. Памятники бѣдствія Вара.—62. Останки погибшихъ въ немъ преданы погребенію къ неудовольствію Тиберія.—63. Сраженіе съ Арминіемъ.—64. На Цецину въ неблагопріятной мѣстности нападаетъ Арминій, но тотъ остается безстрашнымъ.—65. Воины пришли въ оцѣпененіе. Зловѣщій сонъ Цецины. Римляне почти разбиты.—66. Паническій страхъ, но онъ подавленъ.—67. Совѣщаніе Цецины объ отступленіи.—68. Счастливая вылазка. Пораженіе Германцевъ.—69. Заботы Агриппины о томъ, что относится къ дѣятельности мущины оскорбляютъ Тиберія.—70. Легіоны переведены назадъ съ опасностью морскимъ проливомъ.—71. Сегимеръ изъявилъ покорность и принятъ.—72. Притворная скромность Тиберія. Возстановленъ законъ объ оскорбленіи величія, и 73. приложеніе ему сдѣлано относительно лицъ, самихъ незначительныхъ; явилась язва доносчиковъ.—74. Марцеллъ потребованъ на судъ какъ оскорбитель величества. Неосторожно высказалъ Тиберій свое раздраженіе противъ него.—75. Щедрость Тиберія.—76. Наводненіе Тибра. Облегчено положеніе Ахаіи и Македоніи. Игры, данныя Друзомъ.—77. Своеволіе сцены сдержано.—78. Храмъ Августа. Сотая часть.—79. Очистили воду Тибра.—80. Почему Тиберій рѣдко мѣнялъ управителей.—81. Замѣшательство при производствѣ выборовъ.

Все это дѣлалось почти въ теченіи двухъ лѣтъ въ консульства:

Секста Помпея и Секста Апулея,
Нерона Клавдія Друза Цезаря и К. Норбана.

---

*

1. Городомъ Римомъ сначала владѣли цари. Вольность и консульство установилъ Брутъ. По временамъ прибѣгали къ диктатурѣ и власть децемвировъ не могла устоять больше двухъ лѣтъ, и не долго имѣла силу консульская власть военныхъ трибуновъ. Не продолжительны были господства Цинны и Суллы и могущество Помпея и Красса скоро обратились въ пользу Цезаря, а войны между Лепидомъ и Августомъ окончились Августомъ: онъ то все, утомленное междуусобными раздорами, принялъ подъ свою власть съ именемъ *перваго* (въ государствѣ), главы государства. Но древняго народа Римскаго все, что было съ нимъ и счастливаго и неблагополучнаго, предано памяти знаменитыми писателями; для описанія времени Августа не было недостатка въ свѣтлыхъ умахъ, пока вкравшаяся лесть не заставила ихъ отвернуться. Дѣла Тиберія, Каія, Клавдія и Нерона, пока они процвѣтали, подъ вліяніемъ страха, передавались ложно; а когда они исчезли, то повѣствованіе о нихъ составлено подъ вліяніемъ еще свѣжей ненависти. Вслѣдствіе этого— мысль моя: немногое передать о послѣднемъ времени Августа, за тѣмъ господство Тиберія и прочее: безъ гнѣва и пристрастія, коихъ побужденія чужды для меня.

2. Послѣ того, какъ съ уничтоженіемъ Брута и Кассія не оставалось уже болѣе и вооруженныхъ силъ за общественное дѣло, Помпей у Сициліи подавленъ, у Лепида отнято все, Антоній убитъ и даже партіи Юліанской (приверженцевъ Юлія Цезаря) не осталось другаго вождя кромѣ Цезаря. Сложивъ названіе тріумвира, онъ выставлялъ себя консуломъ и для защиты черни довольствовался правомъ трибунскимъ. Обольстивъ воиновъ подарками, народъ раздачами хлѣба, а всѣхъ сладостію покоя, мало по малу началъ воздыматься, и себѣ присвоивать обязанности сената, сановниковъ, законовъ, безо всякаго противудѣйствія. Люди самые энергичные пали или на полѣ битвы или жертвою гоненія; остальные аристократы, чѣмъ болѣе готовности высказывали къ рабству, тѣмъ щедрѣе осыпаемы были почестями и богатствами и обязанные своимъ возвышеніемъ новому положенію дѣлъ, предпочитали готовое и безопасное прежнему и сопряженному съ опасностью. Да и области не отвергали такого положенія дѣлъ: подозрительна стала для нихъ власть сената и народа, вслѣдствіе раздоровъ между властями и корыстолюбія правителей; помощь закона оказывалась безсильною и они затемнялись подъ вліяніемъ силы, просьбъ и наконецъ денегъ.

3. Впрочемъ Августъ, какъ помощниковъ власти, возвысилъ Клавдія Марцелла, сына сестры и почтилъ находившагося еще въ ранней

молодости М. Агриппу, происхожденія незнатнаго, но добраго товарища военной службы и побѣдъ—повтореннымъ консульствомъ. Вслѣдъ за тѣмъ по смерти Марцелла, взявъ въ зятья Тиберія Нерона и Клавдія Друза пасынковъ, увѣнчалъ титуломъ императоровъ; въ то время семейство его еще было цѣло, такъ какъ онъ родившихся отъ Агриппы Каія и Люція ввелъ въ семейство цезарей; ихъ, еще не сложившихъ съ себя дѣтской одежды, задушевныхъ желаніемъ его было почтить названіемъ *первыхъ лицъ юношества* и добиться назначенія ихъ консулами, хотя по видимому онъ отказывался. Когда Агриппа оставилъ жизнь, Л. Цезаря на дорогѣ къ войску въ Испаніи, а Каія на обратномъ пути изъ Арменіи, слабаго отъ раны, похитила смерть ранняя или по волѣ судьбы или вслѣдствіе коварства мачихи Ливіи. А такъ какъ Друзъ умеръ еще прежде, то Неронъ одинъ оставался изъ пасынковъ. На него обратилось все: сынъ, соправитель власти, пріобщается раздѣлить власть трибуна, показывается всѣмъ войскамъ и уже не тайными, какъ прежде уловками матери, но явно убѣжденіями. Старика Августа опутала она до того, что единственнаго внука—Агриппу Постума, онъ выбросилъ на островъ Планазію, человѣка—это правда—грубаго, недоступнаго изящнымъ искуствамъ, глупо хваставшагося силою физическою, но не уличеннаго ни въ какомъ преступленіи. Германика же, происходившаго отъ Друза, поставилъ начальникомъ надъ восемью легіонами у Рейна и приказалъ Тиберію усыновить его; хотя въ домѣ Тиберія и былъ сынъ юноша, но для того, чтобы опираться на большее число помощниковъ. Войны въ то время не оставалось никакой, кромѣ противъ Германцевъ; да и ту вели для того, чтобы загладить позоръ, понесенный вслѣдствіе потери войска вмѣстѣ съ Квинтиліемъ Варомъ, чѣмъ отъ желанія распространить границы владѣній или другаго достойнаго вознагражденія. Дома дѣла были покойны; должностныя лица носили все прежнія названія: молодое поколѣніе возрасло уже послѣ Актійской побѣды, да и большая часть стариковъ родились во время междуусобныхъ войнъ. Много ли оставалось такихъ, которые видѣли дѣло общественное (республику) невредимымъ?

4. Всѣ, утративъ равенство, дожидались велѣній главы государства, въ настоящемъ не было никакого опасенія, пока Августъ еще въ силахъ возраста, поддерживалъ себя и домъ свой и спокойствіе. Но съ приближеніемъ старости утомилось тѣло отъ болѣзней, близокъ былъ конецъ и новыя надежды. Не многіе толковали на вѣтеръ о благахъ свободы; многіе опасались войны;

иные ея желали. Огромное большинство въ разнообразныхъ толкахъ разсуждали о предстоявшихъ властителяхъ: «суровый Агриппа, раздраженный понесеннымъ безчестіемъ ни возрастомъ своимъ, ни опытностью въ дѣлахъ неспособенъ вынести такія тяжелыя обязанности. Тиберій Неронъ зрѣлъ лѣтами, пріобрѣлъ извѣстность на войнѣ, но гордъ тою древнею и врожденною въ семействѣ Клавдіевъ гордостью; много признаковъ жестокости, хотя и сдавленной, вырываются наружу. Онъ съ ранняго дѣтства воспитанъ въ царствующемъ домѣ; еще въ молодости осыпанъ консульствами, тріумфами: даже и въ тѣ года, когда онъ, подъ видомъ уединенія, находился въ ссылкѣ въ Родосѣ, мысли его обращены были только на раздраженіе, притворство и тайный развратъ. Тутъ же и женщина, слабая какъ и всѣ онѣ; нужно служить женщинѣ и кромѣ того двумъ молодымъ людямъ; пока они гнетутъ общественное дѣло, а тамъ пожалуй и растащутъ».

5. Вотъ это и въ такомъ же родѣ толковали, а здоровье Августа становилось все хуже и нѣкоторые подозрѣвали преступленіе жены. Прошелъ слухъ, что за немного мѣсяцевъ предъ тѣмъ Августъ, съ избранными соучастниками и однимъ провожатымъ Фабіемъ Максимомъ, отправился въ Планазію навѣстить Агриппу. Много тамъ и съ той и съ другой стороны было слезъ и знаковъ расположенія; вслѣдствіе этого возникла надежда, что юноша возвратится подъ кровъ дома. Максимъ открылъ это супругѣ своей Марціѣ, а та Ливіѣ; извѣстился о томъ и Цезарь. Скоро послѣ того умеръ Максимъ (сомнительно искалъ ли онъ самъ себѣ смерти): на похоронахъ его слышались вопли Марціи, винившей самое себя: въ томъ «*что она была причиною гибели мужа*».—Какъ бы тамъ дѣло это ни было, Тиберій едва только вошелъ въ Иллирикъ, приглашается спѣшными письмами матери; не довольно вѣрно извѣстно, нашелъ ли онъ Августа у города Нолы еще живымъ, или бездыханнымъ; сильною стражею Ливія оградила и домъ и дороги. Между тѣмъ распускаемы были вѣсти благопріятныя, пока съ принятіемъ всѣхъ мѣръ, какія требовали обстоятельства, молва принесла единовременно извѣстіе—о кончинѣ Августа и о томъ, что во главѣ дѣлъ сталъ Неронъ.

6. Первымъ преступленіемъ новаго владычества было убійство Постумія Агриппы; его ничего незнавшаго, обезоруженнаго, сотникъ съ духомъ самаго крѣпкаго закала едва докончилъ. Объ этомъ дѣлѣ Тиберій ничего не говорилъ передъ сенатомъ; прикрывался мнимымъ повелѣніемъ отца, которое будтобы онъ передалъ

трибуну стоявшему на стражѣ: «незамедлилъ бы онъ Агриппѣ нанести смерть, лишь только онъ окончитъ жизнь.» Безъ сомнѣнія много и весьма возмутительнаго высказывалъ Августъ въ жалобахъ на нравственность юноши, чѣмъ и достигъ утвержденія Сенатскаго декрета объ его ссылкѣ. Впрочемъ онъ никогда не былъ ожесточенъ до такой степени, чтобы рѣшиться на убійство кого либо изъ своихъ. Да и невѣроятно было—умертвить внука для безопасности пасынка. Гораздо ближе къ истинѣ, что Тиберій и Ливія, первый отъ страха, а вторая подъ вліяніемъ ненависти, свойственной мачихѣ, поспѣшили убійствомъ молодаго человѣка имъ подозрительнаго и ненавистнаго. Когда сотникъ, по военному обычаю, доложилъ: «исполнено то, что онъ повелѣлъ», то Тиберій далъ отвѣтъ: «я ничего не приказывалъ, а о содѣянномъ надобно «отдать отчетъ сенату.» Когда объ этомъ узналъ Саллюстій Криспъ, (членъ тайныхъ дѣлъ), то онъ къ трибуну послалъ письменное приказаніе, внушалъ Ливіи не выводить на свѣтъ божій тайны семейныя, совѣты пріятелей, услуги воиновъ. Пусть Тиберій не ослабляетъ власти главы Государства, все отсылая къ сенату. Необходимое условіе власти—чтобы отчетъ, гдѣ только нужно, отдаваемъ былъ одному.

7. А въ Римѣ наперерывъ бросались въ рабство консулы, сенаторы, всадники. Чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ болѣе бралъ на себя притворства и спѣшилъ съ постнымъ лицомъ, какъ бы не обнаружить радость при кончинѣ главы государства и не быть печальнѣе должнаго; все тутъ было и слезы, и веселіе, и вопли, и льстивыя рѣчи. Консулы Секстъ Помпей и Секстъ Аппулей первые дали присягу въ вѣрности Тиберію Цезарю, а у нихъ Сеій, Страбонъ и К. Турраній—тотъ префектъ преторіанскихъ когортъ, а этотъ народнаго продовольствія; вслѣдъ за ними сенатъ, воины, народъ. Тиберій все начиналъ черезъ консуловъ, какъ бы при древнемъ порядкѣ общественномъ и не рѣшаясь властвовать. Даже самый указъ, коимъ сзывалъ сенаторовъ въ собраніе подписалъ въ силу власти трибунской, полученной при Августѣ. Указъ былъ въ немногихъ словахъ и смыслъ его крайне скромный: «намѣренъ спросить мнѣніе о почестяхъ родителю; самъ «отъ тѣла его не отходитъ, и изъ общественныхъ обязанностей только «эту взялъ на себя». Но по смерти Августа онъ какъ императоръ далъ *сигналъ* преторіанскимъ когортамъ: караулы, оружіе и прочее во дворцѣ; воины сопровождали его и на общественную площадь и въ засѣданіе сената. Письма къ войскамъ послалъ онъ такія, какъ бы верховная власть была уже утверждена за нимъ; ни въ

чемъ не обнаруживалъ нерѣшительности, кромѣ въ переговорахъ съ сенатомъ. Главная причина заключалась въ опасеніи, какъ бы Германикъ, въ рукахъ котораго находилось столько легіоновъ, несчетныя вспомогательныя силы союзниковъ, удивительное расположеніе въ народѣ, не предпочелъ бы взять верховную власть, чѣмъ ее дожидаться. Имѣлъ въ виду (Тиберій) и славу: лучше быть избраннымъ и призваннымъ по требованію общественнаго дѣла, чѣмъ подкрасться при помощи женскихъ ухищреній и усыновленія, сдѣланнаго уже въ старости. Впослѣдствіи обнаружилось, что нерѣшительность была употреблена въ дѣло—узнать расположеніе умовъ первыхъ лицъ въ государствѣ; подмѣчая каждое слово, выраженіе лица—онъ скрывалъ это, какъ готовую улику преступленія.

8. Въ первый день собранія сената не позволилъ онъ (Тиберій) ни о чемъ толковать, кромѣ о послѣднихъ почестяхъ Августу, по его завѣщанію, внесенному дѣвицами Весталками, наслѣдниками назначены — Тиберій и Ливія. Ливія сопричислялась къ семейству Юліевъ съ именемъ Августы; во второмъ порядкѣ—внуки и правнуки, а въ третьемъ написалъ первыя лица въ государствѣ, по большей части ему ненавистныхъ, но изъ собственнаго тщеславія и расчитывая на похвалу потомства. Завѣщаніе не превышало обыкновенныхъ размѣровъ; только народу и черни далъ сорокъ три милліона пятьсотъ тысячъ сестерцій, воинамъ преторіанскихъ когортъ каждому по тысячѣ, воинамъ легіоновъ по 300, когортамъ гражданъ Римскихъ по 500 сестерцій. Тутъ спрошены мнѣнія о почестяхъ: изъ нихъ показались наиболѣе заслуживающими вниманія: «*похоронному шествію идти въ тріумфальныя ворота*—мнѣніе Галла Азинія, чтобы впереди были несены заглавія изданныхъ Августомъ законовъ и названія побѣжденныхъ имъ народовъ»—мнѣніе Л. Аррунція. Мессала Валерій присовокупилъ: «чтобы каждый годъ возобновлялась присяга во имя Тиберія». На вопросъ Тиберія: «не по его ли порученію онъ высказалъ это мнѣніе?—Отъ себя выразилъ, отвѣчалъ онъ, да и въ томъ, что относится до дѣла общественнаго, онъ ничьими мыслями не руководствуется кромѣ собственныхъ, если бы даже это было для кого нибудь и обидно». Только такого рода лести не доставало! Сенаторы единогласнымъ крикомъ требовали: «чтобы тѣло несть къ костру на плечахъ сенаторовъ». Въ надменной умѣренности Цезарь призналъ это ненужнымъ и народу внушалъ объявленіемъ: «чтобы онъ какъ нѣкогда неумѣстною ревностью ознаменовалъ безпорядками похороны божественнаго Юлія, такъ и теперь пусть не желаетъ лучше тѣло

Августа предать огню на общественной площади, чѣмъ на Марсовомъ полѣ, мѣстѣ для того назначенномъ». Въ день похоронъ воины стояли какъ бы для обороны, подавая поводъ къ злымъ намекамъ тѣмъ, которые или сами видѣли или родители слышали о томъ днѣ еще несозрѣлаго рабства и вольности не въ добрый часъ вновь стяжанной, когда убитый Цезарь представлялъ для однихъ самое возмутительное, а для другихъ превосходнѣйшее дѣло: а теперь состарѣвшійся во владычествѣ глава государства, послѣ долговременнаго правленія, передавъ даже наслѣдникамъ силы въ дѣлѣ общественномъ, имѣлъ ли необходимость въ военномъ прикрытіи для того, чтобы ненарушено было спокойствіе его похоронъ.

9. Вслѣдствіе этого много было разговоровъ о самомъ Августѣ; для большей части служили предметомъ удивленія пустыя обстоятельства: «одинъ и тотъ же день былъ первымъ принятія власти, «и послѣднимъ—жизни; померъ онъ въ Нолѣ въ томъ домѣ и «даже спальномъ покоѣ, гдѣ отецъ его Октавій окончилъ жизнь; «толковали и о числѣ консульствъ, которыми онъ поровнялся вмѣстѣ «съ Валеріемъ Корвомъ и К. Маріемъ; тридцать семь лѣтъ не«прерывно облеченъ онъ былъ трибунскою властью; названіе импе«ратора дано ему двадцать одинъ разъ и другія почести или уси«лены для него или придуманы новыя». Люди умные въ сужденіяхъ о жизни Августа разнообразно и хвалили его и ставили ему многое въ вину. Первые: «уваженіе къ родителю и крайнія требованія «общественнаго дѣла, въ которомъ не было тогда никакого мѣста «законамъ, вынужденъ онъ былъ къ войнѣ междуусобной; ни изгото«виться къ ней ни вести ее невозможно же было все безукориз«ненными средствами. Во многомъ онъ вынужденъ былъ уступить «Антонію, мстя убійцамъ отца, во многомъ—Лепиду. А когда «этотъ послѣдній состарѣлъ въ бездѣйствіи, а тотъ погибъ жер«твою своего распутства, то для распадавшагося государства не «было другаго исхода кромѣ—быть управляэмымъ властью одного. «Впрочемъ порядокъ общественный устроенъ—не царствомъ, и не «диктатурою, но подъ именемъ *перваго* (главы государства). Пре«дѣлы имперіи ограждены океаномъ или отдаленными рѣками; ле«гіоны, провинціи, флоты—все представляло стройное цѣлое. Спра«ведливость къ гражданамъ, умѣренность къ союзникамъ; самый го«родъ Римъ великолѣпно украшенъ; въ весьма немногихъ случаяхъ «употреблена сила, и то для доставленія спокойствія прочимъ».

10. Противъ этого возражали: «родственныя чувства и обстоятель«ства общественнаго дѣла были взяты только предлогомъ; а на самомъ

«дѣлѣ страстно домогаясь власти подкупомъ поднялъ заслуженныхъ «воиновъ, будучи частнымъ человѣкомъ, и притомъ еще въ ранней «юности приготовилъ войско, подкупилъ легіоны консула и притворно «присталъ къ партіи Помпея. Вслѣдъ за тѣмъ когда, по опре«дѣленію сената, получилъ ликторскіе пуки и право претора, съ «гибелью Гирція и Панзы (пали ли они жертвою непріятеля, или «Пензѣ въ рану подлитъ ядъ, а Гирція убили его воины, управ«лялъ ковомъ Цезарь) присвоилъ себѣ оба войска; противъ воли «сената исторгъ онъ у него консульство и оружіе, врученное ему «противъ Антонія, обратилъ противъ порядка общественнаго; граж«дане сдѣлались жертвою гоненій; послѣдовали раздѣлы земель, не«заслужившіе похвалы даже отъ тѣхъ, которые ихъ брали. Конечно «гибель Кассія и Брута была возмездіемъ наслѣдственной вражды «(хотя и слѣдовало бы частными неудовольствіями жертвовать для «общественныхъ); но Помпей введенъ въ заблужденіе приманкою «мира, а Лепидъ—притворною дружбою. Послѣ того Антоній, опу«танный Тарентинскимъ и Брундузинскимъ союзнымъ договоромъ «и бракомъ съ сестрою его, смертью заплатилъ за это коварное «родство. Затѣмъ конечно былъ миръ, но и тотъ обагренный кровью: «Лолліанское, Варіанское—пораженія; въ Римѣ убиты Варроны, «Егнаціи, Юлы». Не щадили его (Августа) и въ семейныхъ дѣлахъ: «у Нерона уведена жена и въ насмѣшку спрошены перво«священники: законно ли она выходитъ замужъ съ зачатымъ, но «еще не рожденнымъ плодомъ. Роскошь К. Педія и Ведія Пол«ліона; наконецъ Ливія, тяжелая мать въ отношеніи дѣла обще«ственнаго, а для семейства Цезарей невыносимая мачиха. Уже и «божествамъ не оставлено никакихъ почестей съ тѣхъ поръ, какъ «онъ захотѣлъ, чтобы его чтили храмами и божественными изобра«женіями черезъ фламиновъ и жрецовъ. Да и Тиберій взятъ въ «наслѣдники не вслѣдствіе любви къ нему или заботы къ дѣлу «общественному, но такъ какъ онъ (Августъ) прозрѣвалъ его над«менность и жестокость, то сравненіемъ худшаго домогался себѣ «славы.» И дѣйствительно Августъ за немного передъ тѣмъ лѣтъ, требуя отъ сената снова Тиберію трибунской власти, хотя и къ чести его говорилъ, но вставилъ кое что о его привычкахъ, поведеніи и нравственности, что какъ будто бы извиняя ставилъ ему въ вину. Впрочемъ по окончаніи обычномъ похоронъ, опредѣляются (Августу) храмъ и небесныя почести.

11. Обращены потомъ мольбы къ Тиберію. А онъ говорилъ въ разномъ смыслѣ: о громадной власти, о собственной скромности:

«одинъ умъ Августа способенъ былъ совладать съ такою тяжестью; «а онъ, призванный Августомъ раздѣлить часть заботъ—на опытѣ «узналъ до какой степени зависитъ отъ воли судьбы все бремя прав«ленія; а потому въ государствѣ, опирающемся на столькихъ знамени«тыхъ людяхъ, пусть они всего не возлагаютъ на одного; большее «число дѣятелей легче исполнитъ соединенными трудами обязанности «къ общественному благу». Въ этихъ словахъ заключалось болѣе достоинства, чѣмъ чистосердечія. У Тиберія даже въ предметахъ, гдѣ не хотѣлъ употреблять скрытности, постоянно отъ природы ли или отъ привычки, выраженія были темны и двусмысленны. А въ то время онъ старался вовсе скрыть свои мысли, и тѣмъ болѣе вдавался въ неопредѣленность и двусмысліе. А сенаторы, подъ вліяніемъ единственнаго опасенія, какъ бы не показалось, что они поняли (истинный смыслъ словъ Тиберія) не щадили жалобъ, слезъ, обѣтовъ; простирали руки къ богамъ, къ изображенію Августа, къ колѣнамъ его самого. Тутъ онъ велѣлъ принести книжку и прочитать. Содержалось тамъ изложеніе силъ общественныхъ: сколько гражданъ и союзниковъ подъ оружіемъ, сколько судовъ морскихъ, царствъ, областей, налоговъ и пошлинъ, потребностей и издержекъ. Все это своею рукою переписалъ Августъ и прибавилъ совѣтъ—не распространять далѣе границъ владѣній, неизвѣстно, подъ вліяніемъ опасеній или зависти.

12. Когда сенатъ разсыпался къ самыхъ низкихъ выраженіяхъ преданности, Тиберій тутъ выразился: «что онъ, хотя не чув«ствуетъ себя подъ силу всему дѣлу общественному, но возметъ «на себя попеченіе о той его части, которая будетъ ему поручена.» Тогда Азиній Галлъ спросилъ его: «Цезарь, какую же часть общественнаго дѣла хочешь ты, чтобы была тебѣ поручена?» Пораженный неожиданнымъ вопросомъ, Тиберій нѣсколько времени хранилъ молчаніе: «считаетъ онъ несоотвѣтственнымъ своей скромно«сти—выбирать что либо или избѣгать чего либо изъ того, отъ «чего онъ предпочитаетъ уклониться совсѣмъ.» Снова Галлъ сталъ говорить (изъ лица замѣтилъ онъ, что Тиберій оскорбился): «не съ «тѣмъ онъ и спросилъ, чтобы дѣлить то, что дѣленію недоступно, «но съ цѣлью вынудить и у него признаніе—что тѣло обществен«ное едино и должно быть управляемо духомъ одного». Присоединилъ похвалу объ Августѣ, да и самому Тиберію напомнилъ его побѣды и то, что онъ въ тогѣ (въ мирное время) совершилъ прекраснаго въ теченіи столькихъ лѣтъ. Но и тѣмъ не смягчилъ его гнѣвъ, будучи еще прежде ему ненавистнымъ, такъ какъ онъ взялъ

въ супружество Випсанію, дочь М. Агриппы, бывшую нѣкогда женою Тиберія, домогался какъ бы большаго, чѣмъ частному человѣку слѣдовало бы и сдерживалъ энергію своего отца Поллiона Азинія.

13. Послѣ Галла Л. Аррунцій своею рѣчью, немного отличавшеюся отъ рѣчи Галла, также оскорбилъ; хотя у Тиберія и не было никакого стариннаго неудовольствія съ Аррунціемъ, но онъ на него смотрѣлъ подозрительно какъ на человѣка богатаго, способнаго, съ лучшими наклонностями и соотвѣтственнымъ добрымъ мнѣніемъ общественнымъ. Августъ въ предсмертныхъ бесѣдахъ разсуждая о тѣхъ, которые отказались бы отъ перваго мѣста въ государствѣ, если бы имъ его предлагали, или желали бы занять его, будучи ему не подъ силу и которые и желали бы и были бы въ состояніи, сказалъ: «М. «Лепидъ способенъ, но смотритъ на это съ пренебреженіемъ; Галлъ «Азиній жадничаетъ, но слабъ; Л. Аррунцій не недостоинъ и, если «представится случай, будетъ имѣть достаточно смѣлости». О первыхъ всѣ согласны, а вмѣсто Аррунція нѣкоторые передаютъ Кн. Пизона и всѣ, кромѣ Лепида, сдѣлались жертвою различныхъ обвиненій; такъ устроилъ Тиберій. Даже К. Гатерій и Мамеркъ Скавръ поразили его подозрительный духъ: Гатерій—словами: «доколѣ, Цезарь, по«терпишь ты, что нѣтъ главы у государства?» а Скавръ сказавъ: «есть надежда, что мольбы сената не останутся безъ дѣйствія, такъ «какъ онъ (Тиберій) правомъ трибунской власти не воспротивился «докладу консуловъ». На Гатерія онъ тотчасъ же накинулся, а Скавра—и тѣмъ неумолимѣе было его раздраженіе, прошелъ молчаніемъ. Утомленный общими криками, упрашиваніями отдѣльныхъ личностей, мало по малу уступилъ и то, не сознавая что какъ будто бы принимаетъ власть, но переставъ отказываться и отпрашиваться. Достовѣрно извѣстно, что когда Гатерій съ просьбою вошелъ во дворецъ и упалъ къ ногамъ прогулившагося Тиберія, то едва не былъ убитъ воинами, потому что Тиберій упалъ случайно или запутавшись въ рукахъ Гатерія; но и опасностью такого человѣка не былъ нисколько тронутъ, пока Гатерій не сталъ умолять Августу и только въ ея усерднѣйшихъ просьбахъ нашелъ себѣ защиту. Много лести сенаторами оказано и въ отношеніи Августы.

14. Одни предложили ей названіе *родительницы*, другіе—*матери отечества;* большая часть предложили къ имени Цезаря приписать *сынъ Юліи*. Тиберій замѣтилъ на это: «необходимо со«хранять умѣренность въ почестяхъ женщинамъ и ту же умѣрен«ность примѣнитъ онъ и къ тѣмъ, которыя ему оказываются». Впрочемъ тревожимый завистью и возвышеніе женщины принимая

какъ уменьшеніе собственнаго достоинства, даже не позволилъ ей назначить ликтора; а жертвенникъ усыновленія и другія подобныя почести воспретилъ. А для Германика Цезаря просилъ власти проконсульской, и отправлены къ нему послы сообщить ему объ этомъ и принесть ему утѣшеніе въ печали по случаю кончины Августа. А почему такое же точно требованіе не было высказано относительно Друза, причиною было, что Друзъ былъ назначенъ консуломъ и самъ находился на лицо. Кандидатовъ претуры поименовалъ двѣнадцать—число, переданное Августомъ и на убѣжденія сената прибавить, клятвою обязался, что онъ изъ этого числа не выйдетъ.

15. Тутъ то въ первый разъ выборы съ Марсова поля переведены въ Сенатъ; а до этого дня хотя самое важное совершалось произволомъ главы государства, но все еще сколько нибудь значила и дѣятельность самихъ трибъ. Да если народъ и выразилъ сожалѣніе объ отнятомъ правѣ, только безплодными толками и сенатъ, освободясь отъ подкуповъ и позорныхъ заискиваній, охотно согласился подъ руководствомъ Тиберія рекомендовать не болѣе четырехъ кандидатовъ, которые должны быть назначены безъ искательства и отказа. Между прочимъ трибуны народные просили—на собственный счетъ дать игры, которыя должны быть занесены въ календарь и, отъ имени Августа, носить названіе Августовыхъ. Деньги назначены изъ казначейства и дозволено имъ (трибунамъ) въ циркѣ носить одежду тріумфальную; но ѣхать на колесницѣ не дозволено. Вслѣдъ за тѣмъ ежегодное празднованіе перенесено къ тому претору, которому принадлежитъ судебное разбирательство между гражданами и чужестранцами.

16. Въ такомъ положеніи находились городскія дѣла, когда возмущеніе овладѣло паннонскими легіонами; новыхъ причинъ никакихъ не было: перемѣна властителя обнадеживала на безнаказанность своеволія и даже на награды въ случаѣ войны междуусобной. Въ лѣтнихъ лагеряхъ находились вмѣстѣ три легіона подъ начальствомъ Юнія Блеза; онъ, услыхавъ о кончинѣ Августа и вступленіи Тиберія, или вслѣдствіе обычнаго прекращенія всѣхъ дѣлъ, или отъ радости, забылъ обычные подарки. Вслѣдствіе этого воины стали вольничать, заводить ссоры, охотно слушать рѣчи людей самыхъ дурныхъ, наконецъ домогаться наслажденій и спокойствія, а на дисциплину и труды смотрѣть съ препебреженіемъ. Въ лагеряхъ находился нѣкто Перценній, нѣкогда начальникъ театральныхъ фигурантовъ, впослѣдствіи рядовой воинъ, дерзкій на

языкъ и театральнымъ искусствомъ наученный составлять сходбища. Онъ умы неопытные и находившіеся въ сомнѣніи—каковы будутъ условія военной службы послѣ Августа, началъ мало по малу возбуждать въ бесѣдахъ ночныхъ или когда день уже клонился къ вечеру; тутъ уже лучшіе воины расходились и онъ выбиралъ что ни на есть хуже.

17. Наконецъ подготовивъ себѣ и другихъ двигателей возмущенія, онъ спрашивалъ ихъ, какъ бы говоря въ собраніи: «Зачѣмъ они на подобіе рабовъ повинуются немногимъ сотникамъ, «а трибунамъ еще въ меньшемъ числѣ? Когда они дерзнутъ требовать облегченія, если не подѣйствуютъ на новаго и еще не «утвердившагося государя или мольбами или оружіемъ? Довольно «уже за столько лѣтъ наказаны они своею безпечностью, что старики вынесли тридцать или сорокъ лѣтъ службы и большая часть «съ изуродованнымъ отъ ранъ тѣломъ. Даже и для отпущенныхъ «военная служба не кончается, но ихъ удерживаютъ подъ знаменами и подъ другимъ названіемъ переносятъ они тѣ же труды. «И если кому удастся преодолѣть столько случайностей жизни, «то и за тѣмъ влекутъ ихъ въ различныя земли, гдѣ они получаютъ подъ именемъ земель—трясины болотъ или невоздѣланныя горы. Конечно военная служба сама по себѣ тяжела и безплодна: десятью въ день ассами цѣнятъ душу и тѣло; изъ этого—одежда, оружіе, палатки; изъ этого источника выкупаются «и строгость сотниковъ, и отпуски отъ службы. Между тѣмъ побоямъ и ранамъ, суровостямъ зимъ, упражненіямъ лѣтнимъ, жестокой войнѣ или безплодному миру — нѣтъ конца. И другаго «облегченія не можетъ быть, если только военная служба не будетъ подчинена извѣстнымъ законамъ: — получать имъ каждому «по динарію, чтобы шестнадцатый годъ приносилъ конецъ службы и далѣе, чтобы ихъ подъ знаменами не задерживали, но чтобы въ тѣхъ же лагеряхъ награжденіе выплачивалось деньгами. «Развѣ воины преторіанскихъ когортъ, получающіе по два динарія, послѣ шестнадцати лѣтъ службы возвращающіеся въ дома «свои, переносятъ болѣе опасностей? Не унижаютъ они и городской службы; но сами у варварскихъ народовъ видятъ непріятеля изъ своихъ палатокъ.»

18. Большинство криками выражало одобреніе подъ вліяніемъ разныхъ побужденій: одни негодовали на знаки побоевъ, другіе на свою сѣдину, а большая часть на изношенную одежду и обнаженное тѣло. Наконецъ дошли до такого неистовства, что задумали

три легіона смѣшать въ одинъ. Помѣхою имъ послужило соревнованіе, такъ какъ каждый домогался этой чести для своего легіона; на иное обратились и вмѣстѣ поставили трехъ орловъ и значки кагортъ. Вмѣстѣ сносятъ дернъ и устраиваютъ возвышенное мѣсто, съ котораго виднѣе было бы кто тамъ сидѣть будетъ. Когда они такъ хлопотали, прибылъ Блезъ; онъ то ругалъ, то удерживалъ воиновъ, возглашая: «Лучше моею кровью обагрите руки; «легче преступленіе убить вашего начальника, чѣмъ изъявить ослу«шаніе Государю: или, оставаясь невредимымъ, удержу легіоны въ «вѣрности или умерщвленный ускорю ваше раскаяніе.»

19. Впрочемъ возвышеніе все росло и уже было въ грудь человѣка, но наконецъ воины уступая упорству Блеза, оставили намѣреніе. Блезъ говорилъ съ большимъ искусствомъ: «не черезъ «возмущенія и безпорядки Цезарь долженъ узнать о желаніяхъ «воиновъ. И ихъ предшественники отъ древнихъ военачальниковъ, «и сами они отъ божественнаго Августа не просили такихъ но«вовведеній; и не совсѣмъ своевременно обременять заботами толь«ко что начинающаго правленіе Государя. Но если бы они и по«желали попытаться въ мирное время того, чего не требовали «даже побѣдители въ междуусобныхъ войнахъ, то къ чему же «они, вопреки обычнаго повиновенія, вопреки уставамъ дисципли«ны, зымышляютъ насиліе? Пусть они назначатъ уполномоченныхъ «и при немъ выскажутъ имъ свои порученія.» Возгласили воины: «чтобы сынъ Блеза Трибунъ принялъ на себя это порученіе и «просилъ бы для воиновъ увольненія послѣ шестнадцати лѣтъ «службы. Остальныя порученія дадутъ они тогда, когда въ пер«вомъ получатъ успѣхъ.» Съ отъѣздомъ молодаго человѣка водворилось до нѣкоторой степени спокойствіе; но воины гордились тѣмъ, что сынъ легата, сдѣлавшись ораторомъ (заступникомъ) дѣла общественнаго, достаточно обнаруживалъ какъ уступку необходимости то, чего они прежде не могли добиться умѣренностью..

20. Между тѣмъ отряды, до начала возмущенія отправленные въ Навпортъ для устройства дорогъ, мостовъ и другихъ нужныхъ дѣлъ, услыхавъ о смутахъ въ лагеряхъ, свернули значки; разграбили окрестныя селенія и самый Навпортъ, представлявшій что то на подобіе городка: а сотниковъ, старавшихся ихъ удержать, преслѣдовали насмѣшками и ругательствами, а потомъ и побоями. Особенное раздраженіе было противъ Авфидіена Руфа, начальника лагерей; его, стащивъ съ повозки, нагружаютъ ранцами и гонятъ въ первомъ ряду, въ насмѣшку спрашивая: «охотно ли онъ несетъ такую

«большую тяжесть и по такимъ длиннымъ дорогамъ.» Этотъ Руфъ сначала былъ простымъ воиномъ, потомъ сотникомъ, сдѣлался начальникомъ лагерей, постоянно припоминалъ старинную строгость военной службы, самъ состарѣвшись отъ дѣятельности и трудовъ и тѣмъ былъ неумолимѣе, что самъ на себѣ перенесъ.

21. Съ прибытіемъ ихъ возобновилось возмущеніе и, разсѣявшись по полямъ, они опустошали окрестности. Блезъ немногихъ, наиболѣе обремененныхъ добычею, въ видѣ угрозы прочимъ велѣлъ высѣчь розгами и запереть въ тюрьму. Въ то время легату оказывали еще повиновеніе сотники и лучшіе изъ простыхъ воиновъ. Тѣ сопротивлялись влекущимъ, обхватывали колѣна около стоявшихъ, поименно взывали къ каждому, то каждый къ той сотнѣ, въ которой служилъ воиномъ, то къ когортѣ, къ легіону, восклицая: «что одна и таже участь угрожаетъ всѣмъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ осыпаютъ ругательствами легата и призываютъ небо и боговъ въ свидѣтели. Однимъ словомъ не оставалось ничего болѣе къ возбужденію негодованія, состраданія, опасеній и раздраженія. Всѣ сбѣжались и, разломавъ тюрьму, расторгаютъ оковы и примѣшиваютъ въ свою среду дезертировъ и осужденныхъ за уголовныя преступленія.

22. Вслѣдствіе этого возмущеніе запылало съ большею силою и вождей для него явилось гораздо болѣе. Нѣкто Вибуленъ, рядовой воинъ, передъ трибуналомъ Блеза поднятый на плечахъ окружающихъ, сказалъ воинамъ смущеннымъ и со вниманіемъ ждавшимъ что то онъ приготовилъ: «конечно вы этимъ невиннымъ и несчастнымъ возвратили «свѣтъ и дыханіе жизни; но кто возвратитъ брату моему жизнь, а «мнѣ брата? Его, посланнаго къ вамъ отъ войска Германика, объ «общихъ вашихъ интересахъ, въ прошлую ночь закололъ черезъ своихъ гладіаторовъ, которыхъ онъ держитъ и вооружаетъ на погибель воиновъ. Дай, Блезъ, отвѣтъ—куда ты бросилъ трупъ? «Даже враги не отказываютъ въ похоронахъ! Когда лобызаніями «и слезами изолью мое горе, то и меня прикажи умертвить; убитыхъ же не за преступленіе какое либо, а за то, что мы заботились о пользахъ легіоновъ,—они пусть похоронятъ».

23. Еще болѣе возбуждалъ онъ плачемъ, поражая руками грудь и лицо. Затѣмъ, оттолкнувъ тѣхъ, которые поддерживали его на плечахъ, онъ бросился на землю и припадая къ ногамъ каждаго изъ воиновъ, вызвалъ такое негодованіе и ожесточеніе, что часть воиновъ перевязала гладіаторовъ, которые находились на службѣ Блеза; часть— остальныхъ его домочадцевъ, а другіе разсѣялись отыскивать тѣло. И если бы въ скоромъ же времени не обнаружилось, что тѣла ни-

какого не найдено, а рабы, и среди мученій пытки отрицали убійство и оказалось яснымъ, что у него и брата то никогда не было, то легаты были бы на краю гибели. Впрочемъ выгнали трибуновъ и префекта лагерей; вещи бѣгущихъ разграблены и убитъ сотникъ Луциллій, которому въ солдатскихъ шуткахъ дали прозваніе: «давай другую», потому что онъ, сломавъ розгу на спинѣ воина, громкимъ голосомъ требовалъ другую, а за тѣмъ еще. Другіе скрылись по закоулкамъ; удержали одного Клемента Юлія, такъ какъ онъ по своему быстрому соображенію, считался способнымъ исполнять порученія воиновъ. Уже сами легіоны восьмой и пятнадцатый готовили другъ на друга оружіе, вслѣдствіе того, что первый требовалъ на смертную казнь сотника, по прозванію Сирпика, а воины пятнадцатаго легіона его защищали; но воины девятаго легіона вступились съ просьбами и гдѣ на послѣднія не обращали вниманія, то съ угрозами.

24. Слухъ объ этомъ побудилъ Тиберія, какъ онъ ни уединялся и ни старался скрывать въ особенности непріятныя извѣстія—отправить сына Друза съ знатнѣйшими лицами государства и двумя преторіанскими когортами. Онъ не снабдилъ ихъ никакими точными наставленіями; должны были они соображаться съ положеніемъ дѣлъ; а когорты сверхъ обыкновеннаго усилены отборными воинами. Прибавлена большая часть преторіанской конницы и вся сила Германцевъ, составлявшихъ въ то время стражу императора. Присоединенъ и начальникъ преторія Элій Сеянъ, товарищъ Страбона, его отца, имѣвшій сильное вліяніе на Тиберія, попечителемъ молодаго человѣка, а для прочихъ руководителемъ къ опасностямъ и наградамъ. Когда Друзъ приблизился, то легіоны, какъ бы исполняя свою обязанность, вышли къ нему на встрѣчу, но не съ радостью какъ обыкновенно, и не блистая вооруженіемъ, а въ самомъ грязномъ видѣ и съ выраженіемъ лицъ, гдѣ подъ видомъ печали изображалась скорѣе дерзость.

25. Когда онъ перешелъ за окопы лагеря, у воротъ поставлены караулы; приказали отрядамъ вооруженныхъ воиновъ находиться въ извѣстныхъ мѣстахъ лагерей; остальные несмѣтною толпою окружаютъ трибуналъ. Друзъ стоялъ, рукою требуя молчанія: они, какъ только обращали глаза на свою многочисленность, издавали грозные звуки негодованія. При видѣ же Цезаря какъ бы трепетали. Пробѣгалъ неясный ропотъ: то дикіе крики, то вдругъ молчаніе; подъ вліяніемъ различныхъ стремленій души, то сами чувствовали страхъ, то старались внушить его. Наконецъ, когда

волненіе прервалось, онъ прочелъ письмо отца, въ которомъ было написано: «особенная ему забота о храбрѣйшихъ легіонахъ, съ ко-«торыми онъ вынесъ много военныхъ компаній: какъ только духъ «его отдохнетъ отъ горестной потери, то онъ доложитъ сенату объ «ихъ требованіяхъ, а покамѣсть послалъ къ нимъ сына—безъ за-«медленія дать имъ то, что сейчасъ же можетъ быть исполнено; «остальное же надобно оставить до сената, который несправедливо «было бы лишить слѣдующей ему доли и милости и строгости.»

26. Собраніе воиновъ отвѣтило: «что они поручили сотнику Кле-«менту говорить за нихъ.» Тотъ началъ: «объ увольненіи послѣ «шестнадцати лѣтъ службы; о наградахъ по ея окончаніи, чтобы «каждый день жалованья давался динарій; заслуженныхъ воиновъ не «держать подъ знаменами.» Когда Друзъ въ этихъ дѣлахъ ссылался на рѣшеніе сената и отца, то прервали его крики: «зачѣмъ же «онъ пришелъ, если онъ не въ состояніи ни увеличить жалованье «воиновъ, ни облегчить ихъ труды, наконецъ не имѣя воли ни на «какое дѣйствіе въ ихъ пользу? Когда то и Тиберій имѣлъ обык-«новеніе, ссылаясь на Августа, оставлять безъ исполненія желанія «легіоновъ. Къ такому же искусству обратился теперь Друзъ. Всегда «ли къ нимъ будутъ приходить только молодые люди изъ семейства «императора? Совершенная новость, что императоръ только то, что «относится до пользъ воиновъ—обращаетъ въ сенатъ, а въ такомъ «случаѣ надлежало бы совѣтоваться съ сенатомъ каждый разъ, «когда назначаются казни или сраженія; или для наградъ есть хо-«зяева, а въ наказаніяхъ каждый воленъ».

27. Затѣмъ они расходятся отъ трибунала, и если кто встрѣчался изъ преторіанскихъ воиновъ и пріятелей Цезаря, то они грозили имъ руками; причина раздора и начало военныхъ дѣйствій. Въ особенности негодовали они на Кн. Лентула: о немъ полагали, что онъ превосходя другихъ и лѣтами, и военною славою, поддерживаетъ Друза и съ пренебреженіемъ смотритъ на это своеволіе воиновъ. Не много послѣ, когда онъ удалялся съ Цезаремъ и въ предвѣденіи опасности, направлялъ путь къ зимнему лагерю, они окружили его и спрашивали: «куда онъ идетъ? къ императору или «къ сенаторамъ? Не для того ли, чтобы и тамъ дѣйствовать во-«преки пользъ легіоновъ?» Съ такими словами они придвигаются, бросаютъ каменья; уже исходя кровью отъ раны, нанесенной камнемъ и увѣренный въ гибели, онъ защищенъ толпою людей, пришедшихъ вмѣстѣ съ Друзомъ.

28. Ночь грозную и которая не обошлась бы безъ преступленія,

смягчила судьба. Луна при ясномъ вдругъ небѣ утратила свѣтъ. Воины, не зная причины, приняли это явленіе какъ предзнаменованіе того, что дѣлалось и сравнивали свои труды съ затмѣніемъ свѣтила: «благополучно все ихъ дѣло кончится, если только богинѣ воз«вратится сіяніе свѣта». Зазвенѣла мѣдь; лагерь огласился звукомъ трубъ и роговъ. Радость и печаль смѣнялись по мѣрѣ того, какъ свѣтило то становилось яснѣе, то темнѣло; а когда нашедшія облака совершенно скрыли его изъ виду и полагали, что оно исчезло во тмѣ, то умы, уже пораженные разъ и тѣмъ болѣе склонные къ суевѣрію горевали: «предвѣщается имъ вѣчный трудъ и ихъ преступленіямъ противны боги». Цезарь счелъ благоразумнымъ воспользоваться такимъ расположеніемъ умовъ и изъ представившейся случайности сдѣлать разумное употребленіе; онъ отдалъ приказаніе обойдти всѣ палатки. Призывается сотникъ Клементъ и другіе, которые честными средствами пріобрѣли общее расположеніе; они втираются въ караулы, посты, къ часовымъ у воротъ, манятъ надеждами, грозятъ опасеніями. «Доколѣ будемъ держать въ осадѣ сына импе«ратора? Какой конецъ этой борьбы? Неужели Перценнію и Вибу«лену дадимъ мы присягу на вѣрность? Неужели Перценній и Ви«буленъ будутъ платить воинамъ жалованье, заслуженнымъ разда«вать земли? Наконецъ вмѣсто Нероновъ и Друзовъ—они будутъ «домогаться власти надъ народомъ Римскимъ? Не лучше ли намъ, «послѣднимъ въ преступленіи, быть первымъ въ раскаяніи! Мед«ленно достается то, что требуется сообща; а частную милость тот«часъ можно заслужить, тотчасъ можно получить». Такіе разговоры произвели впечатлѣніе на умы и вкинули между воиновъ подозрѣніе, новонабранца разрознили отъ заслуженнаго воина и разстроили единодушіе легіоновъ. Мало по малу водворилось расположеніе къ повиновенію: оставляютъ ворота; значки, въ началѣ возмущенія собранные въ одно мѣсто, относятъ туда, гдѣ они обыкновенно стояли.

29. Друзъ съ наступленія дня позвалъ воиновъ на собраніе, хотя не мастеръ говорить, но съ природнымъ благородствомъ винитъ въ прежнемъ, одобряетъ настоящее, говоритъ: «что не подѣйствуютъ «на него никакія застращиванія и угрозы; если же онъ увидитъ, «что они расположены къ умѣренности, услышитъ ихъ мольбы о «прощеніи, то напишетъ отцу, чтобы онъ милостиво выслушалъ «просьбу легіоновъ». На ихъ мольбы о томъ къ Тиберію посланы: снова тотъ же Блезъ, Л. Апроній, всадникъ Римскій изъ когорты Друза и Юстъ Катоній, сотникъ перваго ряда. Затѣмъ произошла

*

борьба мнѣній, одни полагали: «нужно подождать пословъ, а между «тѣмъ снисходительностью смягчить воиновъ». Другіе полагали: «необходимо дѣйствовать болѣе сильными средствами. Для народа «не годятся никакія полумѣры: грозитъ онъ, чтобъ самому не бояться; «безнаказанное пренебреженіе слѣдуетъ за нагнаннымъ страхомъ. «Пока еще дѣйствуетъ на нихъ суевѣріе, вождь обязанъ подѣй-«ствовать на нихъ страхомъ и уничтожить виновниковъ возмущенія». Друзъ отъ природы былъ расположенъ болѣе къ строгости: призвавъ Вибулена и Перценнія, приказалъ ихъ убить. По мнѣнію большинства, они зарыты въ самой палаткѣ вождя, а по другимъ свѣдѣніямъ ихъ тѣла выброшены за валъ нарочно на показъ.

30. Затѣмъ розысканы всѣ главные виновники смутъ и частью, скитаясь за лагерями, они убиты сотниками или воинами преторіанскихъ когортъ, а нѣкоторыхъ выдали ихъ же товарищи въ доказательство вѣрности. Заботы воиновъ увеличила очень ранняя зима, съ постоянными дождями и до того суровая, что невозможно было выходить изъ палатокъ, собираться и съ трудомъ могли сберечь самые значки, которые уносимы были вихремъ или потоками воды. Продолжалось опасеніе небеснаго гнѣва: «не даромъ на ихъ преступленія затмѣваются свѣтила, обрушиваются непогоды». Другаго нѣтъ облегченія въ такихъ бѣдахъ, какъ оставить лагерь неблагополучный и оскверненный и, освободясь отъ кары небесной, возвратиться всѣмъ къ своимъ зимнимъ квартирамъ. Сначала возвратился восьмой, потомъ пятнадцатый легіонъ. Девятый возглашалъ было: «надобно дожидаться писемъ Тиберія», но вслѣдъ затѣмъ огорченный удаленіемъ другихъ, угрожавшую необходимость предупредилъ добровольно. А Друзъ, не дожидаясь возвращенія пословъ, такъ какъ настоящее положеніе дѣлъ было уже достаточно спокойнымъ, возвратился въ городъ.

31. Почти въ тѣ же самые дни и отъ тѣхъ же причинъ возмутились Германскіе легіоны и ихъ волненіе было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они были многочисленнѣе; не мало надѣялись они, что Германикъ Цезарь не будетъ въ состояніи выносить власть другаго и отдастся легіонамъ, и они своею силою увлекли бы за собой все. У береговъ Рейна было два войска; верхнимъ начальствовалъ К. Силій, а нижнимъ А. Цецина. Главное начальство надо всѣмъ находилось у Германика, вниманіе котораго въ то время было сосредоточено на производствѣ въ Галліяхъ ценза или переписи. Легіоны, которыми начальствовалъ Силій, въ нерѣшительномъ состояніи духа смотрѣли на возмущеніе другихъ. Воинами же нижняго

войска овладѣло неистовство; начало взяло оно отъ воиновъ двадцать перваго и пятаго легіоновъ; они увлекли за собою первый и двадцатый легіоны; они находились на однихъ и тѣхъ же лѣтнихъ помѣщеніяхъ, на границахъ Убіевъ или праздно, или въ легкихъ занятіяхъ. А потому, услыхавъ о кончинѣ Августа, большинство воиновъ, молодежи только что произведеннаго въ городѣ набора, привыкшее къ своеволію, къ трудамъ необыкшее, возбуждали грубые умы остальныхъ: «наступило время, въ которое заслужен«ные воины должны добиться своевременнаго увольненія, молодые «люди—болѣе щедраго жалованья, а всѣ конца своихъ бѣдствій «и отмстить за жестокость сотниковъ«. И это не одинъ, какъ среди Паннонскихъ легіоновъ Перценній и не смущенному слуху воиновъ, обращавшихъ глаза на другія войска болѣе сильныя, но во множествѣ раздались крики и голоса возмущенія: «въ ихъ рукахъ «участь Рима; своими побѣдами увеличиваютъ они государство; са«мые императоры отъ нихъ заимствуютъ свое наименованіе».

32. Да и легатъ не сопротивлялся; безуміе большинства, не давало мѣста твердости. Вдругъ, пріидя въ неистовство, извлекши мечи, нападаютъ на сотниковъ (старинный источникъ ненависти для воиновъ и поводъ къ жестокости) поваливъ ихъ осыпаютъ ударами, шестьдесятъ на каждаго, чтобы поровнять съ числомъ сотниковъ. Затѣмъ они избитыхъ, истерзанныхъ и отчасти уже бездыханныхъ бросаютъ передъ валомъ или въ рѣку Рейнъ. Септимій убѣжалъ къ трибуналу и припадалъ къ ногамъ Цецины, но до тѣхъ поръ былъ сѣченъ, пока не умеръ. Кассій Хереа, вскорѣ послѣ того заслужившій память потомства убійствомъ К. Цезаря, въ то время цвѣтущій молодостью и силами, между противуставшихъ вооруженныхъ воиновъ проложилъ дорогу мечомъ. Съ тѣхъ поръ уже ни трибуну, ни префекту лагерей повиновенія оказываемо не было. Караулы, посты и все, въ чемъ потребность настоящаго указывала необходимость, они исполняли сами собою. Это у нихъ, воинскимъ духомъ заносившихся далеко, было главнымъ доказательствомъ волненія сильнаго и неукротимаго; не отдѣльно и не по побужденію немногихъ, но за одно молчали, за одно воспламенялись, съ такимъ постоянствомъ и единодушіемъ, какъ бы все это совершилось царскимъ произволомъ одного.

33. Между тѣмъ Германику, который, какъ мы сказали, занимался въ Галліяхъ переписью—цензомъ, приносятъ извѣстіе, что Августъ умеръ. Въ супружествѣ имѣлъ онъ внучку Агриппину и множество отъ нея дѣтей; а самъ, родясь отъ Друза, брата Ти-

берія, былъ внукомъ Августы, но озабоченъ тайнымъ недоброжелательствомъ къ себѣ дяди и бабки, а оно было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ несправедливѣе его побудительная причина. У народа Римскаго въ свѣжей еще памяти былъ отецъ Германика, Друзъ и было общее убѣжденіе, что если бы онъ достигъ верховной власти, то возвратилъ бы свободу; эта благосклонность народа и съ тою же надеждою обратилась на Германика. У молодаго человѣка образъ мыслей былъ истиннаго гражданина, онъ былъ удивительно ласковъ со всѣми и наружностью и рѣчью представлялъ совершенную противуположность Тиберію, надменному и скрытному. Присоединялась и свойственная женщинамъ способность легко всѣмъ оскорбляться, а чувство мачихи раздражало Ливію противъ Агриппины. Да и сама Агриппина была болѣе раздражительна, чѣмъ бы слѣдовало — и только ея скромность и любовь къ мужу — неукротимый ея духъ обращали на хорошее.

34. Но Германикъ чѣмъ ближе былъ къ осуществленію лучшихъ надеждъ, тѣмъ болѣе обнаруживалъ усердія за Тиберія. Ближайшихъ Секвановъ и города Белговъ заставилъ дать присягу на вѣрность ему. Оттого то онъ, услыхавъ о возмущеніи легіоновъ, тотчасъ же поспѣшилъ туда; они встрѣтили его внѣ лагерей съ глазами потупленными въ землю, какъ бы отъ раскаянія. Когда Германикъ вышелъ за лагерные окопы, начали раздаваться нескладныя жалобы. Нѣкоторые, схвативъ его руку, подъ предлогомъ поцаловать, вкладываютъ его пальцы въ ротъ, чтобы онъ ощупалъ челюсти, уже лишенныя зубовъ: другіе показывали члены, сгорбившіеся отъ старости. Образовавшееся было собраніе, такъ какъ оно казалось смѣшаннымъ, распустилъ, велѣвъ воинамъ: «разойдтись каждому къ «своей ротѣ; такъ они лучше услышатъ отвѣтъ: впереди пусть не- «сутъ значки, чтобы хоть по этому можно было различить когорты». Исполнено это приказаніе было съ неохотою. Тогда начавъ съ должной почести Августу, обратился къ побѣдамъ и торжествамъ Тиберія, осыпая особенными похвалами: «все, что онъ превосходнаго сдѣлалъ въ Германіяхъ съ этими легіонами. Затѣмъ онъ хвалилъ *единодушіе Италіи, вѣрность Галліи*». Нѣтъ нигдѣ смутъ или несогласій.

35. Все это выслушано было въ молчаніи или съ умѣреннымъ ропотомъ. Коснувшись возмущенія, онъ спросилъ: «гдѣ же скром- «ность, свойственная воинамъ? Гдѣ краса старинной дисциплины? «Куда изгнали они трибуновъ, куда сотниковъ?» Всѣ обнажили свои тѣла, показывали съ упрекомъ рубцы отъ ранъ и слѣды побоевъ;

затѣмъ нескромными голосами жалуются на продажность увольненій, скудное жалованье, трудность работъ и уже прямо словами ставятъ въ вину: валъ, рвы, заготовленіе фуража, матеріаловъ, дровъ и что другое дѣлается по необходимости и противъ спокойствія въ лагеряхъ. Началъ подниматься жестокій крикъ заслуженныхъ воиновъ; они, исчисляя тридцать лѣтъ или и болѣе службы умоляли: «помочь имъ утомленнымъ и чтобы не смерть застигала «ихъ въ тѣхъ же трудахъ, но былъ бы конецъ усердной службы «и безбѣдный покой». Были и такіе, которые вновь требовали денегъ, завѣщанныхъ божественнымъ Августомъ съ благопріятными для Германика обѣтами и изъявляли готовность ему, буде желаетъ, верховной власти. Тутъ онъ, какъ будто самая мысль о преступленіи его омрачала позоромъ, поспѣшно соскочилъ съ трибунала. Когда онъ хотѣлъ удалиться, противуставили ему оружіе съ угрозами, если онъ не вернется назадъ. Но онъ громко возглашая, что скорѣе умреть, чѣмъ измѣнитъ вѣрности, выхватилъ мечь съ боку и, поднявъ его, уже направлялъ въ грудь, какъ бывшіе къ нему ближе остановили его, силою схвативъ за правую руку. Самая дальняя и стѣснившаяся часть собранія и, трудно повѣрить слову, нѣкоторые отдѣльные воины, подходя ближе, подавали совѣтъ: «пусть поражаетъ себя». Воинъ, по имени Калусидій, подалъ ему обнаженный мечь, прибавивъ: «*этотъ острѣе*». Жестокимъ и безнравственнымъ показалось это воинамъ, даже пришедшимъ въ изступленіе, что и дало возможность приближеннымъ Цезаря увлечь его въ палатку.

36. Было тамъ совѣщаніе о томъ, какъ помочь горю: получено извѣстіе: «готовятъ пословъ—привлечь и верхнее войско къ тому «же дѣлу; городъ Убіевъ назначенъ къ разрушенію и руки, обре«мененныя добычею, обратятся къ разграбленію Галлій.» Увеличивалъ опасенія непріятель, знавшій о возмущеніи у Римлянъ и въ случаѣ, если берегъ будетъ оставленъ, имѣющій немедленно сдѣлать нашествіе. Если противъ отпавшихъ легіоновъ вооружить вспомогательныя войска и союзниковъ, начнется междуусобная война — такая строгость была бы полна опасности; щедрость была бы позорною и дѣло общественное было бы въ равной опасности— если ничего не будетъ сдѣлано изъ требованій воиновъ, или все будетъ сдѣлано. А потому, когда всѣ эти основанія были достаточно взвѣшены положено написать письмо отъ имени верховнаго главы государства: «увольненіе дается прослужившимъ двадцать лѣтъ; «облегченіе службы для воиновъ, прослужившихъ шестнадцать лѣтъ;

«удерживаются они подъ знаменами, но въ дѣло употребляются «только въ случаѣ необходимости отразить непріятеля; то, что имъ завѣщано, выдать по ихъ просьбѣ и даже удвоить.»

37. Поняли воины, что это на время придумано, и стали требовать немедленнаго исполненія. Увольненіе поспѣшно производится трибунами, а денежная раздача отсрочивается до удаленія легіоновъ по зимнимъ квартирамъ. Воины пятаго и двадцать перваго легіона не уходили, пока въ тѣхъ же лѣтнихъ лагеряхъ не были выплачены имъ деньги изъ взятыхъ на дорогу приближенными Цезаря и имъ самимъ. Первый и двадцатый легіонъ легатъ Цецина отвелъ въ городъ Убіевъ; позорно было движеніе этихъ легіоновъ, везшихъ между значками и флагами казну, похищенную у главнаго вождя (императора). Германикъ отправился къ верхнему войску и привелъ къ присягѣ легіоны второй, тринадцатый и шестнадцатый безъ всякаго съ ихъ стороны замедленія. Воины четырнадцатаго легіона обнаружили было нѣкоторую нерѣшительность; но имъ, хотя и безъ всякаго съ ихъ стороны требованія, предложены деньги и увольненіе.

38. А въ землѣ Хавковъ начали было возмущеніе находившіеся тамъ на караулахъ значконосцы отпавшихъ легіоновъ, но немедленною казнью двухъ воиновъ нѣсколько усмирены. Отдалъ это приказаніе Менній, префектъ лагерей, дѣйствуя для примѣра хорошо, но врядъ ли по законному праву. Потомъ, когда волненіе усилилось, онъ бѣжалъ и найденъ; видя, что небезопасно мѣсто куда было онъ скрылся, защиту заимствуетъ въ смѣлости: «насиліе «употребляютъ они не въ отношеніи префекта просто, но въ отно-«шеніи Германика вождя и Тиверія императора». Пришли въ ужасъ окружавшіе; тутъ онъ, схвативъ значокъ, обратился къ берегу и провозглашая громко: «если кто удалится изъ строя, будетъ сочтенъ дезертиромъ»—отвелъ на зимнія квартиры воиновъ смущенныхъ, но ни на что не дерзнувшихъ.

39. Между тѣмъ послы отъ сената застаютъ Германика уже на обратномъ пути у жертвенника Убіевъ. Тамъ зимовали два легіона: первый и двадцатый и заслуженные воины, недавно посланные подъ знамена. Воинами, волнуемыми опасеніями и совѣстью, овладѣло подозрѣніе—не явились ли эти послы по приказанію сдѣлать недѣйствительнымъ то, чего они добились черезъ возмущеніе и по обычаю черни—находить виновнаго, какъ бы ни было ложно обвиненіе, слагаютъ всю вину на Мунація Планка, бывшаго консула, начальника посольства и виновника сенатскаго декрета.

Ночью, бывшіе на караулахъ, воины начинаютъ требовать значекъ, находившійся въ домѣ Германика. Сбѣжавшись толпою къ дверямъ ломаютъ ихъ; стащивъ съ постели Цезаря, принуждаютъ его выдать знамя опасеніемъ немедленной смерти. Затѣмъ разошлись они по дорогамъ и встрѣтили пословъ, которые, услыхавъ о возмущеніи, спѣшили къ Германику. Начинаютъ ихъ ругать, приготовляются убить, въ особенности Планка; его достоинство удерживало его отъ бѣгства и ему въ опасности не было другаго убѣжища, кромѣ лагерей перваго легіона; обнявъ тамъ значки и орла, искалъ защиты въ уваженіи къ религіи и если бы орлоносецъ Кальпурній не отразилъ насилія, то явленіе, рѣдкое даже у враговъ—легатъ народа Римскаго въ Римскомъ лагерѣ, кровью своею обагрилъ бы жертвенники боговъ. Наконецъ на разсвѣтѣ, когда можно было распознать и вождя, и воиновъ, и случившееся, Германикъ, войдя въ лагерь, приказалъ привесть къ себѣ Планка и принялъ его на трибуналъ. Тутъ напалъ онъ на гибельное неистовство, которое возобновляется гнѣвомъ не воиновъ, а боговъ, и открылъ воинамъ— зачѣмъ пришли легаты. Краснорѣчиво высказалъ онъ сожалѣніе о правѣ посольства, о тяжкой и незаслуженной обидѣ Планка и о томъ, какой позоръ навлекъ на себя легіонъ. Собраніе воиновъ было скорѣе поражено удивленіемъ, чѣмъ спокойно; легаты отосланы подъ прикрытіемъ всадниковъ вспомогательнаго войска.

40. Это опасеніе всѣ ставили въ вину Германику: «онъ не «отправился къ верхнему войску, гдѣ было повиновеніе и го«това помощь противъ бунтовщиковъ. Слишкомъ достаточно надѣ«лано ошибокъ увольненіемъ воиновъ, денежными раздачами и «вообще мѣрами слабости. Далѣе, если онъ не дорожилъ своею «собственною безопасностью, то зачѣмъ сына, ребенка, жену бере«менную держалъ среди людей неистовыхъ, поправшихъ всѣ условія «человѣческаго права? Хоть бы ихъ возвратилъ дѣду и дѣлу об«щественному.» Долго онъ медлилъ; наконецъ убѣдилъ онъ удалиться жену несоглашавшуюся было—такъ какъ она говорила, что въ ней кровь божественнаго Августа и опасности ей подъ силу— обнимая съ обильными слезами и ея станъ и общаго ихъ сына. Двинулся въ походъ достойный жалости строй женщинъ: изгнанницею шла жена главнаго вождя, неся на груди маленькаго сына; окружали ее съ плачемъ жены друзей (Германика), раздѣлявшія ея участь. Не въ меньшей печали находились тѣ, которые оставались.

41. Не цвѣтущее было лице Цезаря; находился онъ какъ будто не въ своемъ лагерѣ, но въ городѣ взятомъ непріятелемъ. Его

вздохи и вопли коснулись даже слуха и вниманія воиновъ; выходятъ изъ палатокъ: «гдѣ это слышанъ плачь? Что это за печаль? Знатныя женщины—не имѣя для прикрытія ни сотника, «ни воиновъ, безо всякой свиты обычной, для жены императора— «удаляются къ Треверамъ, ищутъ у чужестранцевъ вѣрности!» Отсюда стыдъ и состраданіе и воспоминаніе объ отцѣ Агриппы, о дѣдѣ ея Августѣ; тесть Друзъ; сама отличалась плодородіемъ и удивительнымъ цѣломудріемъ. Ребенокъ, уже въ лагеряхъ рожденный и вскормленъ въ обществѣ легіоновъ; его военною кличкою назвали Калигуллою, такъ какъ его обували большею частью въ обувь воина чтобы задобрить умы большинства. Но ничто такъ не подѣйствовало, какъ зависть къ Треверамъ, молятъ, удерживаютъ, пусть *возвратится, останется*, частью бѣгутъ на встрѣчу Агриппинѣ, а большая часть вернулись къ Германику.

42. А онъ, подъ свѣжимъ вліяніемъ горя и раздраженія, началъ такъ говорить окружавшимъ его воинамъ: «ни сынъ, ни жена не «дороже для меня отца или общественнаго порядка; но первый «пусть найдетъ защиту въ своемъ величіи, а государство Римское «въ другихъ войскахъ. Жену и дѣтей моихъ, которыхъ охотно за «вашу славу я принесъ бы на жертву, теперь я удаляю отъ неистовыхъ для того, чтобы какое бы тутъ ни совершилось преступленіе, оно было бы искуплено только моею кровью, и чтобы убійство внука Августова, гибель золовки Тиберія не увеличили бы «вашу вину. Въ теченіи этихъ дней на что только вы не рѣшились и чего вы не дерзнули? Какое названіе мнѣ дать этой толпѣ? «*Воинами* ли назову тѣхъ, которые валомъ и оружіемъ держите «въ осадѣ сына императора? Не *гражданами* ли? А для васъ «вліяніе сената до того ничтожно, что право, уважаемое самимъ непріятелемъ, святость посольства и народное право—вы попрали, «Божественный Юлій усмирилъ возмущеніе войска однимъ словомъ, «назвавъ *квиритами* воинами, неуважавшихъ данную присягу. «Божественный Августъ лицомъ и видомъ привелъ въ ужасъ Актійскіе легіоны. А мы, хотя еще и не такія лица, но отъ нихъ «ведущемъ происхожденіе; если бы воины Испаніи или Сиріи вышли «изъ повиновенія, и то было бы и удивительно, и невыносимо. А теперь первый и двадцатый легіонъ, тотъ—получившій знамена отъ «Тиберія, этотъ сотрудникъ въ столькихъ сраженіяхъ, увѣнчанный «столькими наградами, оказываете такую то благодарность вождю «вашему! Такую то вѣсть понесу я отцу, до котораго изо всѣхъ «другихъ областей доходятъ только пріятные слухи? Что его ново-

«набранцы, его ветераны не могли насытиться ни облегченіями «службы, ни деньгами. Только тутъ убиваютъ сотниковъ, изгоняютъ трибуновъ, заключаютъ въ оковы легатовъ. Лагери, рѣки «—обагрены кровью, а я влеку невѣрное дыханіе среди людей «непріязненныхъ.

43. «Зачѣмъ въ первый день собранія отвели вы мечь, которымъ я готовился пронзить грудь мою? О, неблагоразумные друзья! «Лучше и съ большею любовью дѣйствовалъ тотъ, который подавалъ кинжалъ. Я палъ бы, но не зналъ бы о столькихъ преступленіяхъ моего войска. Вы избрали бы вождя, который мою «бы смерть оставилъ безнаказанною, а отмстилъ бы за гибель Вара «и трехъ легіоновъ. И пусть не попустятъ боги, чтобы Бельгамъ, «хотя и по ихъ собственному вызову, принадлежала честь и слава «—оказать помощь имени Римскому, подавить народы Германіи. «Божественный Августъ, духъ твой воспріятый на небо, твой образъ, отецъ Друзъ, твое воспоминаніе съ этими же самими воинами, въ которыхъ уже проникаютъ и стыдъ и слава, пусть «смоютъ это пятно и междуусобные раздоры обратятъ на гибель «непріятелей! А вы, которыхъ я теперь вижу совсѣмъ съ другою «наружностью, съ другими чувствами, если вы возвращаете сенату «—его пословъ, императору—повиновеніе, мнѣ жену и дѣтей, то «удалитесь отъ соприкосновенія и отдѣлите возмутителей; это будетъ ручательствомъ вашего раскаянія, доказательствомъ вашей «вѣрности».

44. Съ повинною головою на это, сознавая справедливость сдѣланныхъ упрековъ, они умоляли: «наказать виновныхъ, простить «впавшимъ въ заблужденіе и весть ихъ противъ непріятеля, жену «возвратить назадъ, пусть вернется воспитанникъ легіоновъ, а не «служитъ заложникомъ для Галловъ.» Въ возвращеніи Агриппины отказалъ по случаю близкаго разрѣшенія отъ бремени и наступающей зимы: сынъ пріидетъ; остальное пусть они сами приведутъ въ исполненіе. Разбѣжались воины, совсѣмъ перемѣнясь и самихъ главныхъ возмутителей связавъ влекутъ къ легату перваго легіона К. Цетронію, а тотъ производилъ надъ каждымъ сужденіе и казнь слѣдующимъ образомъ: легіоны стояли собранные, извлекши мечи: подсудимаго трибунъ показывалъ съ подмостокъ. Если они кричали: «виновенъ», то сброшенный внизъ немедленно былъ убиваемъ и воинъ радовался убійству, какъ будто имъ себя оправдывалъ. Цезарь имъ не препятствовалъ, такъ какъ безъ всякаго его приказанія—жестокость совершеннаго и возмутительность падали на од-

нихъ и тѣхъ же. Послѣдовавшіе примѣру заслуженные воины не много спустя посылаются въ Рецію, подъ видомъ защиты провинціи, угрожаемой Свевами, а на самомъ дѣлѣ чтобы вырвать ихъ изъ лагерей, еще ненавистныхъ какъ жестокостью наказанія такъ и памятью преступленія. Потомъ онъ произвелъ пересмотръ сотниковъ: каждый, по вызову императора, долженъ былъ высказать свое имя, мѣсто служенія, мѣсто родины, число лѣтъ службы и что онъ хорошаго сдѣлалъ въ сраженіяхъ, а у кого были военныя награды, тотъ долженъ былъ ихъ упомянуть. Если трибуны и легіонъ съ похвалою отзывались о его дѣятельности и поведеніи, то онъ сохранялъ свое мѣсто; если же единогласно обвиняли его въ жестокости, корыстолюбіи, то онъ изгонялся изъ службы.

45. Такъ было устроено въ настоящемъ положеніе дѣлъ, но оставалась еще неменьшая тягость по случаю ожесточенія пятаго и двадцать перваго легіоновъ, зимовавшихъ у шестидесятаго камня (мѣсто имѣетъ названіе *Стараго*); первые они начали возмущеніе; руками ихъ совершены жесточайшія преступленія: не устрашены они были наказаніемъ своихъ товарищей по службѣ, не обращались къ раскаянію и сохраняли раздраженіе. Вслѣдствіе этого Цезарь готовится спустить по Рейну оружіе, флотъ, союзниковъ съ тѣмъ, чтобы весть войну, если его повелѣнія не будутъ уважены.

46. Между тѣмъ въ Римѣ, гдѣ еще не было извѣстно—чѣмъ кончилось дѣло въ Иллирикѣ, а пришелъ слухъ о волненіи Германскихъ легіоновъ, смущенные граждане обвиняли Тиберія: «что между тѣмъ «какъ онъ притворною нерѣшительностью издѣвается надъ сенато-«рами и народомъ, обезсиленными и безоруженными, воины въ то «время бунтуютъ и не могутъ быть удержаны въ повиновеніи властью «двухъ юношей, еще не пришедшихъ въ совершеннолѣтіе; слѣдо-«вало ему идти самому и противуставить власть императорскую и «нѣтъ сомнѣнія, что воины смирились бы, видя передъ собою главу «государства, обладающаго долговременною опытностью и верхов-«наго вмѣстѣ съ тѣмъ распорядителя и мѣръ строгости и щедро-«сти. Августъ, удрученный годами, и то былъ въ состояніи столько «разъ отправляться въ Германію, а Тиберій, цвѣтущій годами, си-«дитъ въ сенатѣ, стараясь перехитрить словами сенаторовъ? До-«вольно мѣръ принято для удержанія города (Рима) въ рабствѣ: «умы воиновъ слѣдуетъ успокоить, чтобы спокойствіе для нихъ «было выносимо.»

47. Никакого дѣйствія не производили на Тиберія эти рѣчи и у него было твердо рѣшено—не упускать изъ рукъ верховное уп-

равленіе и ни себя, ни дѣло общественное не подвергать случайностямъ. Много и разныхъ причинъ было безпокойства: «войско «Германское сильнѣе, но Паннонское ближе; первому опорою мо«гутъ служить богатства Галліи, а второе угрожаетъ Италіи. Ко«торое же ему предпочесть? А обойденные какъ бы не раздража«лись, хуже оскорбясь этимъ! Черезъ дѣтей же одновременно дѣй«ствуетъ онъ и на то, и на другое войско и достоинство его отъ «этого нисколько не страдаетъ; въ отдаленіи еще больше къ нему «уваженія. Вмѣстѣ съ тѣмъ молодымъ людямъ извинительно—кое«что предоставлять усмотрѣнію отца и оказавшихъ сопротивленіе «Друзу или Германику—можетъ самъ или усмирить или сломить; «но гдѣ же искать защиты, если бы они презрѣли императора»? Впрочемъ какъ будто бы уже вотъ вотъ собираясь въ путь, назначилъ кому провожать, велѣлъ собирать вещи нужныя для дороги, приготовлять суда. Вслѣдъ затѣмъ ссылаясь то на зиму, то на разныя дѣла, держалъ въ заблужденіи прежде всего людей благоразумныхъ, потомъ народъ, а дольше всего провинціи.

48. А Германикъ, хотя стянулъ войско и приготовился отмстить отпавшимъ, счелъ за лучшее дать еще время—можетъ быть воины, подъ вліяніемъ недавняго примѣра, подумаютъ о себѣ и послалъ впередъ письма къ Цецинѣ: «что онъ идетъ съ сильнымъ войскомъ «и что если они предварительно не подвергнутъ казни зачинщиковъ «зла, то онъ будетъ избивать всѣхъ безъ разбора». Цецина тайно прочелъ ихъ орлоносцамъ, знаменосцамъ и всѣмъ, сколько было въ лагерѣ людей благонамѣренныхъ и убѣждаетъ: «избавить всѣхъ «отъ позора, а себя отъ смерти. Въ мирное время принимаются въ «соображеніе побудительные поводы и заслуги каждаго, а съ на«ступленіемъ войны виновные и невинные вмѣстѣ падаютъ». Они, испытавъ расположеніе умовъ тѣхъ, которыхъ считали годными и видя, что большая часть легіона остается вѣрною своимъ обязанностямъ, по мнѣнію легата, назначаютъ время когда напасть съ оружіемъ на людей самыхъ гнусныхъ и къ бунту расположенныхъ. Тутъ, по данному между ними сигналу, врываются въ палатки, избиваютъ ничего не знающихъ и никто, кромѣ участниковъ замысла, не вѣдалъ какое начало убійства и какой конецъ.

49. Видъ междуусобія былъ совершенно отличный отъ всего подобнаго, что когда либо случалось; не открытымъ боемъ, не изъ разныхъ лагерей, но изъ однихъ и тѣхъ же постелей люди, которыхъ день видѣлъ вмѣстѣ вкушающими пищу, а ночь—покой, расходятся на двѣ стороны, бросаютъ другъ въ друга оружіе. Крики, ра-

ны, кровь—на виду; причина—скрыта; остальное въ рукахъ случая. Погибли и нѣкоторые изъ благонамѣренныхъ, когда понявъ, на кого обращена жестокость, и дурные люди схватились за оружіе. Ни легатъ, ни трибуны не сдерживали: большинству предоставленъ полный просторъ и мщенія и удовлетворенія. Вслѣдъ затѣмъ вошелъ въ лагерь Германикъ и, проливая обильные слезы, называя это не *лѣченіемъ*, а *побоищемъ*, отдалъ приказаніе сжечь тѣла.

Умами еще ожесточенными овладѣваетъ страсть—идти противъ непріятеля, какъ бы въ искупленіе своего безумства; не иначе полагали они быть въ состояніи умилостивить тѣни своихъ товарищей, какъ получивъ честныя раны на тѣла, опозоренныя братоубійствомъ. Увлеченный пыломъ воиновъ Цезарь, наведя мостъ, переправилъ двѣнадцать тысячъ изъ легіоновъ, двадцать шесть союзныхъ когортъ, восемь эскадроновъ всадниковъ, поведеніе коихъ въ это возмущеніе не получило ни малѣйшаго пятна.

50. Веселые, и не вдали, пребывали Германцы, такъ какъ мы удерживаемы были сначала прекращеніемъ дѣлъ вслѣдствіе потери Августа, а впослѣдствіи раздорами. А Римляне поспѣшнымъ движеніемъ пересѣкаютъ Цезійскій лѣсъ и валъ, начатый Тиберіемъ; ставятъ на рубежѣ лагерь; съ фронта и съ тылу ограждаютъ валомъ, а съ боковъ срубленными деревьями. Оттуда осматриваютъ мрачныя ущелья и совѣтуются: «изъ двухъ дорогъ выбирать ли кратчайшую «и обычную, или болѣе затруднительную и неиспробованную, но «гдѣ именно по этому непріятель не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности». Избранъ путь болѣе дальній, остальныя всѣ приготовленія ускоряются, такъ какъ люди, посланные на развѣдываніе, принесли извѣстіе: «наступающая ночь—праздникъ у Германцевъ и они проводятъ ее въ пиршествахъ и играхъ». Цецинѣ отдано приказаніе—съ легкими когортами идти впередъ и отстранять препятствія движенію отъ лѣсовъ; въ умѣренномъ разстояніи за нимъ слѣдуютъ легіоны. Содѣйствовала ночь совершенно свѣтлая; подошли къ поселкамъ Марсовъ и поставлены кругомъ караулы, а тѣ растянулись по постелямъ, около столовъ безо всякихъ опасеній, не поставивъ вовсе стражей. До того все отъ безпечности было въ безпорядкѣ; никакого опасенія войны, да и между пьяными спокойствіе было непрочно и ненадежно.

51. Цезарь—алчные легіоны, для того чтобы опустошеніе захватило больше мѣста, раздѣлилъ на четыре отдѣла:-на пятьдесятъ миль пространства опустошилъ огнемъ и мечемъ; ни полъ, ни воз-

растъ не вызвали жалости; одновременно и свѣтское, освященное, и знаменитѣйшій храмъ тѣхъ народовъ, называемый у нихъ *Танфонъ* сравняли съ землею; воины ранъ не получили, избивая полусонныхъ, безоружныхъ и разсѣявшихся. Это побоище вызвало Бруктеровъ, Тубантовъ, Узипетовъ; они заняли ущелья, черезъ которыхъ предстояло Римскому войску движеніе назадъ. Вождю это было извѣстно; онъ двинулся въ путь и въ сраженіе. Впереди шли часть конницы и вспомогательныя когорты; затѣмъ первый легіонъ, въ срединѣ войсковыя тяжести; лѣвый флангъ составляли воины двадцать перваго, а правый флангъ пятаго легіона. Двадцатый легіонъ прикрывалъ тылъ, сзади шли остальные союзники. Но непріятели, пока войско не растянулось по ущелью, не двигались, потомъ они слегка нападали на фланги, а всѣми силами на задніе ряды. Легкія когорты приходили въ замѣшательство отъ плотныхъ Германскихъ отрядовъ, когда Цезарь, подъѣхавъ къ воинамъ двадцатаго легіона, громкимъ голосомъ закричалъ: «вотъ время загладить возмущеніе, пусть идутъ впередъ и спѣшатъ вину обратить въ честь«. Воспламенились духомъ, и дружнымъ напоромъ сломили непріятеля, выгнали на открытое мѣсто и много избили. Какъ только войска, шедшія впереди, вышли изъ лѣсовъ, укрѣпили лагерь; затѣмъ путь былъ спокоенъ; вѣря въ настоящемъ и забывъ о прежнемъ, воины размѣщаются по зимнимъ квартирамъ.

52. Извѣстіе объ этомъ и порадовало Тиберія и его озаботило: радовался онъ, что возмущеніе подавлено; но тревожился тѣмъ, что раздачею денегъ и поспѣшнымъ сокращеніемъ срока службы старался заискать Германикъ расположеніе воиновъ, а также и пріобрѣтенною имъ Германикомъ воинскою славою. Впрочемъ онъ доложилъ сенату о его дѣйствіяхъ, многое припомнилъ о его доблести, болѣе для виду изукрасивъ его словами, чѣмъ стараясь вселить убѣжденіе, что онъ такъ думаетъ отъ души. Гораздо короче похвалилъ онъ Друза и окончаніе волненія въ Имперіи, но съ большимъ стараніемъ и искренностью и всѣ льготы, данныя Германикомъ, распространилъ и на Паннонское войско.

53. Въ томъ же году умерла Юлія, когда то за безстыдство заключенная отцомъ ея Августомъ сначала на островѣ Пандатеріи, а потомъ въ городѣ Региновъ, которые живутъ на берегу Сицилійскаго пролива. Она была въ супружествѣ Тиберія еще при жизни Цезарей, Каія и Луція и оказывала ему пренебреженіе какъ неровнѣ—и вотъ въ чемъ заключалась настоящая причина, почему онъ удалился въ Родосъ. Достигнувъ власти, онъ ее изгнанницу,

опозоренную и послѣ смерти Постума—Агриппы, не имѣвшую ни откуда надежды, нуждою и долговременнымъ изнуреніемъ уморилъ, полагая, что убійство это останется втайнѣ вслѣдствіе отдаленности мѣста ссылки. Подобная же причина была жестокости къ Семпронію Гракху; онъ, происходя изъ благороднаго рода, ума бойкаго и краснорѣчивый только на дурное, былъ въ связи съ тою же Юліею, когда она была въ супружествѣ М. Агриппы. Но этимъ не кончились его любовныя проказы: уже выданную за Тиберія упорный соблазнитель разными наговорами возбуждалъ въ ненависти къ мужу и письмо, которое Юлія писала къ отцу своему Августу съ жалобами на Тиберія, было сочинено, такъ по крайней мѣрѣ всѣ полагали—Гракхомъ. Вслѣдствіе этого удаленный на Церцинну, островъ Африканскаго моря, онъ перенесъ четырнадцатилѣтнюю ссылку. Тутъ воины, посланные совершить убійство, нашли его на выдавшемся мѣстѣ берега, не ждавшаго ничего хорошаго. По прибытіи ихъ просилъ онъ «короткаго срока—послѣднюю свою волю передать на письмѣ супругѣ его Алліаріѣ.» За тѣмъ онъ подставилъ шею убійцамъ и получилъ смерть съ твердостью, не недостойный имени Семпроніевъ; жизнью же онъ имъ измѣнилъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ эти воины присланы были не изъ Рима, но отъ Л. Аспрената, проконсула Африки, по вліянію Тиберія, который, конечно ошибочно, надѣялся отвѣтственность убійствъ сложить на Аспрената.

54. Въ томъ же году получили начало новые священные обряды; установлено священнодѣйствіе *Августовыхъ товариществъ* (sodalium Augustalium), точно такъ какъ нѣкогда Т. Тацій, удерживая священнодѣйствіе Сабиновъ, установилъ *сподвижниковъ* Тиціевъ. Избраны жребіемъ изъ первыхъ лицъ государства двадцать одинъ; прибавлены Тиберій, Друзъ, Клавдій и Германикъ. Августовы игры, тогда въ первый разъ начатыя, смутилъ раздоръ, возникшій вслѣдствіе спора актеровъ. Поблажку дѣлалъ Августъ сценическимъ представленіямъ подъ вліяніемъ Мецената, предавшагося необузданной любви къ Батиллу, да и самъ не прочь былъ отъ подобныхъ же слабостей и считалъ нечуждымъ своихъ обязанностей гражданина—принимать участіе къ увеселеніяхъ народа. Совсѣмъ другаго образа мыслей былъ Тиберій, но народъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ привыкшій къ ласковому съ нимъ обращенію, еще не дерзалъ повернуть круто.

55. Въ консульство Цезаря Друза и К. Норбана опредѣленъ Германику тріумфъ, а война все еще продолжалась. Хотя онъ съ

величайшимъ стараніемъ дѣлалъ къ ней приготовленія на лѣто, но съ наступленіемъ весны нечаяннымъ набѣгомъ на Каттовъ началъ ее раньше. Возникли надежды вслѣдствіе раздоровъ у непріятеля, дѣлившагося между Арминіемъ и Сегестомъ, изъ коихъ тотъ и другой заслужили извѣстность: одинъ вѣроломствомъ въ отношеніи къ намъ, а другой—вѣрностью. Арминій—возмутитель Германіи, а Сегестъ открывалъ, что «готовится возмущеніе» неоднократно и прежде на послѣднемъ пиршествѣ, послѣ котораго взялись за оружіе. Онъ убѣждалъ Вара: «связать его и прочихъ старѣйшинъ; народъ «ничего не дерзнетъ, лишь только удалены будутъ зачинщики, а «себѣ онъ дастъ время разобрать основательность обвиненій и сте-«пень виновности каждаго». Но Варъ палъ жертвою жребія и насилія со стороны Арминія. Сегестъ, хотя единодушіемъ народа и увлеченный на войну, оставался при своемъ разномысліи, но его личная ненависть усилилась вслѣдствіе похищенія Арминіемъ его дочери, сосватанной за другаго. Зять —ненавистенъ, родные—враги и то, что при согласіи служитъ скрѣпленіемъ любви, при враждѣ было только поводомъ къ раздраженію.

56. Вслѣдствіе этого Германикъ передалъ Цецинѣ четыре легіона, пять тысячь вспомогательныхъ войскъ и набранные въ видѣ ополченія отряды Германцевъ, жившихъ по сю сторону Рейна; столько же легіоновъ и двойное число союзниковъ самъ повелъ и—поставивъ укрѣпленіе на слѣдахъ отцовскаго поста, на горѣ Тавнѣ, съ войскомъ на легкѣ спѣшитъ въ землю Каттовъ, оставивъ Л. Апронія устроить дороги и переправы на рѣкахъ, такъ какъ—а это явленіе рѣдкое въ тѣхъ краяхъ—вслѣдствіе засухи—воды въ рѣкахъ было мало и оттого возможно было быстрое, безпрепятственное движеніе впередъ; а для движенія назадъ опасались дождей и приращенія рѣкъ. Къ Каттамъ подошелъ онъ такъ неожиданно, что все—слабое возрастомъ и поломъ, тотчасъ же захвачено въ плѣнъ или избито. Молодежь вплывь переправилась черезъ рѣку Адрану и отражала Римлянъ, начавшихъ устраивать мостъ; потомъ сбитые дѣйствіемъ орудій и стрѣлами, послѣ тщетныхъ попытокъ къ соглашенію миромъ, нѣкоторые перешли къ Германику, а остальные, покинувъ села и деревни, разошлись по лѣсамъ. Цезарь, предавъ пламени Маттій (столицу этого народа) опустошилъ открытыя мѣста и повернулъ къ Рейну; непріятель не дерзнулъ тревожить тылъ уходящихъ; что въ ихъ нравахъ, такъ какъ они уступаютъ болѣе изъ хитрости чѣмъ изъ страха. У Херусковъ было въ мысляхъ помогать Каттамъ, но привелъ ихъ въ ужасъ Цецина, туда и сюда

дѣйствуя оружіемъ и Марсовъ, дерзнувшихъ выидти на встрѣчу, остановилъ счастливымъ сраженіемъ.

57. Не такъ много времени спустя, пришли отъ Сегеста послы, прося помощи противъ насилія его соотечественниковъ, которые держали его въ осадѣ; Арминій у нихъ пользовался большимъ вліяніемъ, такъ какъ склонялъ къ войнѣ. У дикарей, чѣмъ кто смѣлѣе и рѣшительнѣе на все, тѣмъ больше ему довѣряютъ и лучшимъ считаютъ для веденія дѣлъ. Присоединилъ Сегестъ сына посла по имени Сегимунда, но молодой человѣкъ не рѣшался ѣхать отъ совѣсти, такъ какъ онъ будучи въ томъ году, когда Германіи отпали, сдѣланъ жрецомъ у жертвенника Убіевъ, сбросилъ жреческія повязки и убѣжалъ къ бунтовщикамъ. Впрочемъ, обнадеженный въ снисходительности Римлянъ, онъ взялъ на себя порученія отца; ласково принятый, онъ посланъ съ прикрытіемъ на Гальскій берегъ. Дѣло показалось Германику стоющимъ чтобы обратить войско назадъ; сразился онъ съ осаждающими, и Сегестъ вырванъ вмѣстѣ съ большою толпою и его близкихъ и кліентовъ. Находились тамъ и знатныя женщины, въ числѣ которыхъ жена Арминія—она же и дочь Сегеста, раздѣлявшая болѣе образъ мыслей мужа, у побѣжденной не было ни видно слезъ, ни слышно просьбъ; чѣмъ отца; сложивъ руки на груди, она вперила глаза на свой отяжелѣвшій животъ. Несены были и вещи, обобранныя въ побоище Вара и они розданы въ добычу очень многимъ изъ тѣхъ, которые тогда отдались добровольно.

58. Тутъ же былъ и самъ Сегестъ, громадный видомъ; не чувствовалъ онъ робости, воспоминая о добромъ союзѣ. Слова его были таковы: «не первый для меня этотъ день вѣрности народу «Римскому и постоянства съ того времени, какъ божественный Ав«густъ пожаловалъ мнѣ званіе гражданина, выбиралъ я друзей и «недруговъ согласно съ вашими пользами и не изъ ненависти къ «отечеству (такъ измѣнники ненавистны даже тѣмъ, кого предпо«читаютъ) но отъ убѣжденія, что пользы Германцевъ и Римлянъ «нераздѣльны и отъ того, что болѣе одобрялъ миръ чѣмъ войну. «Вслѣдствіе этого я обвинилъ передъ Варомъ похитителя дочери «моей, нарушителя вашего союзнаго договора—Арминія. Видя, что «дѣло отложено по безпечности вождя и что мало охраны въ за«конахъ, я усильно просилъ Вара, чтобы онъ велѣлъ связать меня, Ар«минія и участниковъ его заговора. Свидѣтельница—та ночь, кото«рая лучше бы для меня была послѣднею! То, что случилось вслѣдъ «за тѣмъ, скорѣе можетъ быть оплакано, чѣмъ заслужить защиту;

«впрочемъ я и налагалъ оковы на Арминія и вынесъ то, что и «на меня были наложены его партіею. Но какъ только имѣлъ «возможность вступить съ тобою въ сношенія, я предпочитаю прежнее новому и спокойствіе смутамъ и—не изъ за награды какой либо, «но чтобы оправдаться въ вѣроломствѣ; а вмѣстѣ я способенъ быть «примирителемъ для народа Германцевъ, если только онъ предпочтетъ раскаяніе гибели. Въ молодости и заблужденіи сына прошу «прощенія; признаюсь, что дочь моя приведена сюда только необходимостью. Твое дѣло принять въ соображеніе, что на тебя «больше повліяетъ—то ли что она зачала отъ Арминія или то, «что она отъ меня рождена?» Цезарь, въ ласковомъ отвѣтѣ, обѣщалъ дѣтямъ и близкимъ его безопасность, а самому мѣсто жительства въ старой провинціи. Войско отвелъ назадъ и—съ дозволенія Тиберія—принялъ названіе императора. Жена Арминія родила ребенка мужескаго пола, воспитывала его въ Равеннѣ, но—какъ съ нимъ съиграла судьба—въ свое время упомяну.

59. Слухъ о томъ, что Сегестъ передался и благосклонно принятъ, встрѣченъ съ надеждою или съ огорченіемъ, глядя по тому кто желалъ войны или кому она была непріятна. Арминій, и безъ того склонный къ насилію, выходилъ изъ себя отъ бѣшенства, вслѣдствіе похищенія жены и того, что плодъ ея чрева въ рабствѣ; вѣтромъ леталъ онъ по Херускамъ, требуя вооружиться противъ Сегеста, противъ Цезаря; неудерживался онъ и отъ брани: «что за прекрасный отецъ! великій Императоръ! сильное войско! «Столько рукъ утащили одну женщину. Передъ нимъ легли три «легіона и такое же число легатовъ. Войну ведетъ онъ не измѣною, не противъ беременныхъ женщинъ, но открыто, противъ вооруженныхъ. И до сихъ поръ видитъ онъ въ священныхъ рощахъ Германцевъ знамена Римскія, принесенныя имъ въ жертву «богамъ отечества. Пусть воздѣлываетъ Сегестъ побѣжденный берегъ; пусть возвратитъ сыну священство; ·какъ человѣку, Германцы никогда и ни за что непростятъ ему за то, что, по его «милости, увидали между Рейномъ и Эльбою розги и сѣкиры. Другими племенами, незнающими власти Римской, неиспытаны казни, «невѣдомы имъ поборы; и если они сняли ихъ съ себя и безъ «успѣха ушелъ тотъ, въ число божествъ записанный, Августъ, «тотъ возлюбленный Тиберій; то пусть не робѣютъ они передъ «неопытнымъ юношею, передъ войскомъ, расположеннымъ къ возмущенію. Если они лучше хотятъ сохранить отечество, родныхъ, «если они предпочитаютъ старый порядокъ вещей тому, чтобы

*

«имѣть надъ собою господина и у себя новыя поселенія, то пусть «лучше слѣдуютъ за Арминіемъ, который указываетъ имъ путь «къ славѣ и свободѣ, чѣмъ за Сегестомъ, ведущимъ ихъ къ по«стыдному рабству.»

60. Возбуждены этимъ не только Херуски, но и смежные имъ народы; увлеченъ въ эту же партію Ингвіомеръ, Арминія дядя по отцу, пользовавшійся изстари уваженіемъ Римлянъ. Вслѣдствіе этого опасенія Цезаря возрасли и, какъ бы война не нагрянула однимъ ударомъ, послалъ Цецину къ рѣкѣ Амизію, черезъ землю Бруктеровъ, съ сорока когортами Римлянъ для того, чтобы отвлечь непріятеля. Конницу повелъ префектъ Педо границею Фризіевъ; а самъ, посадивъ на суда четыре легіона, повезъ ихъ по озеру; вмѣстѣ собрались у вышеназванной рѣки—пѣхота, конница и флотъ. Хавки, такъ какъ съ ихъ стороны обѣщана была помощь, приняты въ сотоварищи войны. Бруктеровъ, предававшихъ свою собственность огню, разбилъ съ легкимъ отрядомъ А. Стертиній, посланный Германикомъ; среди побоища и разграбленія найденъ орелъ девятнадцатаго легіона, съ Варомъ утраченный. Потомъ войско поведено въ самые отдаленные предѣлы Бруктеровъ и все пространство земли между Амизіею и Луппіею рѣками опустошено не вдали отъ Тевтобургскаго лѣсу, въ которомъ, какъ говорили, находились останки Вара и легіоновъ, непреданные погребенію.

61. Вслѣдствіе этого овладѣло Цезаремъ сильное желаніе—отдать послѣдній долгъ воинамъ и вождю; подвинуто было къ сожалѣнію все, находившееся тамъ войско за родныхъ, пріятелей и наконецъ при мысляхъ о случайностяхъ войны и судьбѣ людей. Посланъ впередъ Цецина—осмотрѣть всѣ закоулки лѣса, сдѣлать мосты и насыпи на болотахъ и обманчивыхъ равнинахъ; вступаютъ въ плачевныя мѣста, видомъ и воспоминаніемъ обезображенныя. Сначала лагерь Вара, обширный пространствомъ съ размѣренными путями, обнаруживалъ, что тутъ работали руки трехъ легіоновъ; потомъ полуосыпавшійся валъ, неглубокій ровъ давали понять, гдѣ остановились уже полусокрушенные остатки (войска). Въ серединѣ лагеря бѣлѣли кости или разбросанныя, или въ кучѣ, глядя потому гдѣ бѣжали, гдѣ сопротивлялись. Тутъ же лежали обломки оружія, трупы коней и вмѣстѣ на сучьяхъ деревъ торчавшіе впередъ черепы. Въ сосѣднихъ рощахъ жертвенники дикарей, у которыхъ они закололи трибуновъ и сотниковъ первыхъ рядовъ. Пережившіе это побоище, ушедшіе изъ сраженія или оковъ, разсказывали:

«вотъ тутъ пали легаты; здѣсь похищены орлы; мѣсто, гдѣ на-
«несена Вару первая рана, гдѣ онъ нашелъ смерть, поразивъ се-
«бя своею же несчастною рукою; вотъ съ этого трибунала гово-
«рилъ Арминій, сколько висѣлицъ, сколько могильныхъ рвовъ и
«какъ онъ надмѣнно издѣвался надъ значками и орлами!»

62. Такимъ образомъ находившееся на лицо Римское войско, на шестой послѣ побоища годъ, трехъ легіоновъ кости,—причемъ никто не зналъ, земля покрываетъ чуждые ли остатки или своихъ, всѣхъ, какъ родныхъ одной крови—съ возраставшимъ противъ непріятеля раздраженіемъ, предавало погребенію, вмѣстѣ съ чувствомъ горя и озлобленія. Первый кусокъ дерну, когда воздвигался могильный холмъ, положилъ Цезарь, исполняя какъ лучшій долгъ къ отшедшимъ, такъ и раздѣляя настоящее горе. Тиберій этого не одобрилъ, или потому что всѣ дѣйствія Германика принималъ въ дурную сторону, или въ убѣжденіи, что войско видомъ убитыхъ и непогребенныхъ будетъ медлительнѣе къ бою и болѣе бояться непріятеля: «и притомъ Императору, которому принадле-
«жатъ обязанности авгурства и исполненіе древнѣйшихъ священ-
«ныхъ обрядовъ, не слѣдовало касаться похороннаго дѣла.»

63. Германикъ, преслѣдуя Арминія, отступавшаго въ мѣста непроходимыя, какъ только представилась возможность, отдалъ приказаніе выступить конницѣ и отнять поле, которое занялъ непріятель. Арминій, предупредивъ своихъ, чтобы они собрались и подошли ближе къ лѣсу, повернулъ вдругъ; вслѣдъ за тѣмъ, онъ далъ знакъ броситься впередъ—тѣмъ, которыхъ спряталъ по лѣсамъ. Тогда конница пришла въ смущеніе при видѣ новаго строя; посланы вспомогательныя когорты, но, уступая напору бѣгущихъ, увеличили смятеніе и были бы они сбиты въ болото, извѣстное побѣждавшимъ, для незнавшихъ гибельное, если бы Цезарь не устроилъ въ боевомъ порядкѣ выведенные легіоны. Вслѣдствіе этого непріятелемъ овладѣлъ ужасъ, а воинами—увѣренность (въ успѣхѣ). Разошлись при равныхъ условіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ, отведя войско къ Амизіи, легіоны перевозитъ на судахъ также какъ они прибыли; часть конницы получила приказаніе слѣдовать къ Рейну берегомъ Океана. Цецина, который велъ мое войско, получилъ внушеніе—какъ ни знакомыми путями предстоитъ ему обратное движеніе, но чтобы онъ какъ можно поспѣшнѣе перешелъ *Длинные мосты.* Это узкій путь между обширныхъ болотъ, по которому когда то Л. Домицій провелъ гать. Остальное были болотистыя мѣста вязкія отъ густаго ила или съ неопредѣленными берегами; кругомъ

лѣса, имѣвшіе нѣкоторый склонъ: ихъ тогда наполнилъ Арминій, сокращенными дорогами и быстрымъ движеніемъ опередивъ воиновъ обремененныхъ тяжестями и оружіемъ. Цециною овладѣло сомнѣніе, какимъ образомъ онъ возобновитъ мосты, провалившіеся отъ ветхости и вмѣстѣ отразитъ непріятеля и онъ заблагоразсудилъ на томъ же мѣстѣ стать лагеремъ съ тѣмъ, чтобы одни начали работы, а другіе—сраженіе.

64. Дикари, пытаясь прорвать охранительную цѣпь и напасть на возводившихъ укрѣпленія, затрогиваютъ, обходятъ кругомъ, набѣгаютъ; смѣшиваются крики производящихъ работы и сражающихся. Все вмѣстѣ для Римлянъ было неблагопріятно, мѣсто глубоко вязкое, на которомъ и стоять было трудно и идти впередъ скользко; тѣла обременены панцырями и въ водѣ не было возможности раскачивать дротики. Напротивъ Херускамъ привычны были сраженія въ болотахъ; ростомъ они были высоки; огромными копьями наносили они раны въ какомъ бы то ни было далекомъ разстояніи; наконецъ ночь прекратила неблагопріятное сраженіе для легіоновъ, уже клонившихся къ пораженію. Германцы не знавшіе утомленія вслѣдствіе удачи, и тутъ не искали покоя, а сколько источниковъ ни получало начало въ поднимавшихся тутъ горныхъ возвышенностяхъ, отвели въ мѣста, находившіяся внизу: земля залита водою, и всѣ слѣды работъ изглажены, а труды воиновъ удвоились. Сороковой годъ военной службы былъ для Цецины какъ повиноваться, такъ и повелѣвать; знакомъ онъ былъ и съ успѣхомъ и съ обстоятельствами сомнительными и потому не доступенъ страху. Но соображая будущее, ничего другаго не нашелъ, какъ непріятеля удерживать въ лѣсахъ, пока раненные и вообще все сколько есть тяжелаго строя уйдетъ впередъ, такъ какъ среди горныхъ возвышенностей и болотъ простиралась равнина, по которой возможно было движеніе для небольшой боевой линіи. Отобраны легіоны: пятый на правый флангъ, на лѣвый двадцать первый; воины перваго легіона должны были идти впереди, а воины двадцатаго легіона слѣдовать сзади.

65. Ночь въ разныхъ отношеніяхъ была безпокойною: дикари весело пировали и ихъ веселыя пѣсни и нестройные звуки наполняли лежавшія внизу долины и лѣса, повторявшія отголосокъ. У Римлянъ слабые огни, прерывистые голоса, а сами въ разныхъ мѣстахъ привалились къ валу, скитались около палатокъ; скорѣе сонъ ихъ не бралъ, чѣмъ они бодрствовали. И вождя привелъ въ ужасъ зловѣщій покой: привидѣлся ему Квинктилій Варъ, облитый кровью,

приподнявшимся изъ болотъ и слышалъ онъ его зовъ, но не послушалъ и оттолкнулъ протянутую руку. Какъ только разсвѣло, посланные на фланги легіоны, неизвѣстно вслѣдствіе робости или недоразумѣнія, оставили назначенное мѣсто, занявъ поспѣшно поле по ту сторону трясины. Впрочемъ Арминій, какъ ни открыта была для него возможность набѣга, не тотчасъ бросился, но когда тяжести войсковыя завязли въ грязи и рытвинахъ, воины кругомъ пришли въ смятеніе, порядокъ значковъ разстроился и, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, каждый только о себѣ заботится и тупымъ становится слухъ на приказанія, отдаетъ Германцамъ приказъ броситься впередъ, а самъ возглашаетъ: «вотъ Варъ и снова тою же судьбою постигнутыя легіоны»! Вмѣстѣ съ этимъ онъ съ отборными войсками разрѣзаетъ пополамъ строй Римлянъ и преимущественно наноситъ раны лошадямъ; тѣ, скользя въ собственной крови и топи болотъ, сбрасывали всадниковъ, опрокидывали встрѣчныхъ и топтали лежавшихъ. Больше всего труда было около орловъ; впередъ нести ихъ не позволялъ градъ стрѣлъ, а поставить невозможно было въ совершенно влажную землю. Цецина пока поддерживаетъ строй, упалъ съ убитаго коня и былъ бы окруженъ, если бы первый легіонъ не воспротивился. Помогла жадность непріятелей; оставивъ убивать, бросились они за добычею и легіоны съ наступленіемъ вечера вышли на мѣсто открытое и твердое. Но и тутъ не было еще конца бѣдствій; нужно было воздвигать валъ, брать матеріалы для насыпи, а была потеряна большая часть орудій, которыми вынимается земля или срѣзается дернъ; не было палатокъ воинамъ, никакихъ средствъ облегченія для раненыхъ. Дѣля между собою пищу, запачканную грязью или кровью, они оплакивали гибельную темноту, и то что для столькихъ тысячъ людей остался уже только одинъ день.

66. Случайно конь блуждавшій разорвавъ путы, испуганный крикомъ, привелъ въ смятеніе нѣкоторыхъ попавшихся ему на встрѣчу. Вслѣдствіе этого такая вышла тревога отъ убѣжденія, будто бы ворвались Германцы, что всѣ рынулись къ воротамъ и преимущественно стремились къ декуманскимъ (заднимъ), какъ находившимся въ противоположную отъ непріятеля сторону и слѣдовательно представлявшимъ болѣе безопасности для бѣгущихъ. Цецина, узнавъ, что страхъ этотъ неосноварелепъ, но видя, что онъ не въ состояніи удержать воиновъ ни вліяніемъ, ни просьбами, ни силою, легъ въ самихъ воротахъ и преградилъ путь состраданіемъ, такъ какъ на-

добно было идти черезъ тѣло легата; вмѣстѣ съ тѣмъ трибуны и сотники научили ихъ, что страхъ ихъ былъ ложный.

67. Тогда, собравъ ихъ въ главное мѣсто лагеря и приказавъ принять его рѣчи въ молчаніи, внушаетъ имъ обстоятельства времени и необходимости; «единственное спасеніе въ оружіи; но имъ «надобно дѣйствовать обдуманно и оставаться внутри окоповъ, пока «непріятель не подойдетъ ближе въ надеждѣ взять приступомъ. «Вслѣдъ за тѣмъ надобно со всѣхъ сторонъ сдѣлать вылазку и «прорваться до Рейна. Если они побѣгутъ, то впереди еще много «лѣсовъ, болотъ болѣе глубокихъ и звѣрскій непріятель; а побѣ«дителямъ честь, слава; припоминаетъ: сколько дома осталось милаго, «а въ лагеряхъ честнаго; смолчалъ о невзгодахъ.» Вслѣдъ затѣмъ онъ лошадей легатовъ и трибуновъ, начавъ съ своихъ, роздалъ безо всякаго искательства храбрѣйшимъ воинамъ для того, чтобы они бросились на непріятеля, а потомъ пѣшіе воины.

68. Не меньше тревожили и Германца надежды и страсти; дѣлился онъ между различными мнѣніями вождей. Арминій совѣтовалъ: «дать Римлянамъ возможность выйдти и какъ только они «выйдутъ, то снова ихъ окружить въ мѣстахъ низменныхъ и не«удобныхъ для движенія». Мнѣніе Ингвіомера было суровѣе и пріятнѣе дикарямъ: «окопы обойдти съ оружіемъ въ рукахъ; вслѣдствіе поспѣшнаго приступа болѣе будетъ плѣнныхъ и добыча безъ поврежденія. Съ наступленіемъ дня осыпаютъ рвы, набрасываютъ рѣшетки, хватаются за верхи вала, а на верху его рѣдко гдѣ были воины, да и тѣ какъ бы въ оцѣпененіи страха. Когда они завязли въ окопахъ, данъ знакъ когортамъ, заиграли рога и трубы; съ крикомъ и натискомъ осыпали они тылъ Германцевъ съ укоромъ: «тутъ не лѣса, не болота, но въ мѣстахъ ровныхъ праведные боги!» Непріятеля, помышлявшаго о легкомъ избіеніи немногихъ полувооруженныхъ—звукъ трубъ, блескъ оружія, чѣмъ они были неожиданнѣе, тѣмъ больше озадачили; падали, на сколько жадные при удачѣ, такъ при несчастіи неприготовленные. Арминій безвредно, а Ингвіомеръ послѣ тяжкой раны, оставили сраженіе; простыхъ Германцевъ избивали на сколько хватило лишь дня и раздраженія. Уже ночью вернулись легіоны, но хотя еще больше было ранъ, а одолѣвалъ все тотъ же недостатокъ въ пищѣ, но въ побѣдѣ было для нихъ все: и сила, и здоровье, и богатство.

69. Между тѣмъ распространилась молва, что «войско окружено и непріязненный строй Германцевъ угрожаетъ Галліямъ», и если бы Агриппина не помѣшала развести мостъ, наведенный на Рейнѣ,

то были люди, которые рѣшились бы на это преступленіе, но жена, великая духомъ, въ то время приняла на себя обязанности вождя и воинамъ, если кто изъ нихъ былъ бѣденъ или раненъ, раздавала одежды и лѣкарства. Передаетъ К. Плиній, описавшій Германскія войны, что она (Агриппина) стояла при началѣ моста, высказывая похвалу и благодарность возвращавшимся легіонамъ. Это глубоко запало въ душу Тиберія: «не спроста такая заботливость «и въ воинахъ заискиваютъ не противъ чужестранцевъ. Ничего не «осталось для императоровъ, когда женщина производитъ смотръ «полкамъ, подходитъ къ знаменамъ, пускаетъ въ ходъ подкупъ. «Какъ будто бы уже мало честолюбиваго домогательства—сына «вождя носить въ одеждѣ простаго воина и желать, чтобы его на«зывали *Калигулою Цезаремъ*. У войска Агриппина имѣетъ уже «болѣе силы, чѣмъ легаты, чѣмъ вожди: подавлено женщиною воз«мущеніе, которое удержано быть не могло именемъ главы госу«дарства.» Поджигалъ это и усиливалъ Сеіанъ, знакомый по опыту съ характеромъ Тиберія, ненависть откладывалъ въ долгій ящикъ и скрывалъ, а когда она возрастала, тогда пускалъ въ ходъ.

70. Германикъ изъ легіоновъ, везенныхъ на судахъ,—второй и четырнадцатый передалъ П. Вителлію вести сухимъ путемъ для того, чтобы облегчить плаваніе судамъ по морю, обильному мѣлями и возможность пользоваться отливомъ моря. Сначала Виттеллій совершалъ движеніе по землѣ сухой или чуть захваченной приливомъ; но скоро, съ наступленіемъ равноденствія, когда особенно воздымается океанъ, при сильныхъ порывахъ сѣвернаго вѣтра, войско было схватываемо и уносимо (волнами). Земли наполнялись водою; все слилось вмѣстѣ—и проливъ, и берегъ, и поля. Нельзя было разобрать почву твердую отъ невѣрной, мелкое мѣсто отъ глубокаго; погружаются въ волны вьючныя животныя, тяжести; плаваютъ и попадаются на встрѣчу бездыханныя тѣла; перемѣшиваются между собою отряды; одни по грудь, а другіе по ротъ въ водѣ, а мѣстами вслѣдствіе неровностей почвы разбросанные или заваленные; противъ воды безсильны были голоса и взаимныя убѣжденія; не было разницы между дѣятельнымъ и лѣнивымъ, умнымъ и простымъ, обдуманностью и случайностью: все уступало одной и той же силѣ. Наконецъ Вителлій, выбравшись на мѣста болѣе возвышенныя, туда же подвелъ войско; переночевало безъ самыхъ необходимыхъ предметовъ, безъ огня, большая часть воиновъ съ обнаженнымъ или поврежденнымъ тѣломъ не менѣе въ жалкомъ положеніи какъ тѣ, которые находятся въ осадѣ у непріятеля; да и

тѣмъ можно воспользоваться честною смертью, а этимъ конецъ безславный. Съ наступленіемъ дня открылась земля. Проникли до рѣки Визургиса, куда Цезарь направился съ флотомъ; посажены потомъ и легіоны, а между тѣмъ распространился слухъ, что они потонули; не вѣрили спасенію, пока не увидали Цезаря и приведенное назадъ войско. Уже Стертиній, посланный впередъ для принятія въ подданство Сегимера, брата Сегестова, его и сына его привелъ въ городъ Убіевъ. И тому, и другому даровано прощеніе—безъ труда Сегимеру, медленнѣе его сыну, такъ какъ о немъ говорили, что онъ издѣвался надъ тѣломъ Квинктилія Вара. Впрочемъ пополнить потери войска состязались Галліи, Испаніи, Италія, предлагая, что у кого было готовое—оружіе, лошадей, золото. Похваливъ ихъ усердіе, Германикъ только взялъ на войну оружіе и лошадей, а воинамъ оказалъ пособіе собственными деньгами; а для того, чтобы самое воспоминаніе о несчастіи смягчить ласкою, обходилъ раненыхъ, превозносилъ похвалами отдѣльные подвиги; осматривалъ раны, однихъ—надеждами, другихъ—славою, а всѣхъ привѣтливою рѣчью и заботливостью привязывалъ къ себѣ и укрѣплялъ на битвы.

72. Въ этомъ году опредѣлены отличительные знаки тріумфа А. Цецинѣ, Л. Апронію, К. Силію за дѣйствія ихъ вмѣстѣ съ Германикомъ. Тиберій отвергъ наименованіе *отца отечества*, народомъ не разъ предлагаемое. И не позволилъ дать себѣ присяги, хотя таково было мнѣніе сената: «невѣрны всѣ дѣла смерт«ныхъ; и чѣмъ бы кто больше ни получилъ, тѣмъ скорѣе въ «скользкомъ положеніи». Но этимъ не давалъ еще увѣренности, что мыслитъ какъ гражданинъ, потому что онъ ввелъ вновь законъ величества. Тоже наименованіе ему было и у древнихъ, но другое подвергалось суду; если кто вредилъ измѣною войску, народу—возмущеніемъ, наконецъ дурными дѣйствіями дѣлу общественному и тѣмъ касался величія народа Римскаго. Ставили въ вину дѣйствія, а слова были безнаказанными. Первый Августъ, подъ видомъ этого закона, велѣлъ произвести слѣдствіе объ оскорбительныхъ книжкахъ, взволнованный наглостью Кассія Севера, съ какою онъ въ дерзкихъ сочиненіяхъ касался чести знатныхъ мужчинъ и женщинъ. Да и Тиберій, когда Помпей Макръ преторъ спросилъ его совѣта: «судить ли за оскорбленіе величества?» далъ отвѣтъ: «законы надобно приводить въ дѣйствіе». И его ожесточили стихи, выпущенные въ свѣтъ неизвѣстными сочинителями на жестокость и надменность его и на, несогласный съ матерью, образъ мыслей.

73. Не лишнимъ будетъ привести обвиненія, взведенныя на Фаланія и Рубрія, всадниковъ Римскихъ, не изъ знатныхъ, съ цѣлью ознакомить—съ какимъ искусствомъ Тиберія вкралось самое пагубное зло, потомъ подавлено, наконецъ разгорѣлось и все охватило. Фаланія уличалъ обвинитель: «въ томъ, будто бы онъ при-«нялъ въ число священно-служителей Августа, которые по всѣмъ «домамъ имѣлись въ видѣ братствъ—нѣкоего Кассія, фигуранта по-«зорнаго тѣломъ и въ томъ, что продавъ сады вмѣстѣ продалъ «статую Августа». Рубрію ставилось въ вину, «что онъ клятво-преступленіемъ оскорбилъ божество Августа». Когда это стало извѣстно Тиберію, то онъ написалъ консуламъ: «не для того отцу «его опредѣлено небо, чтобы эта почесть обращена была на гибель «гражданъ. Актеръ Кассій, между прочими занятіями своего ис-«кусства, принималъ участіе въ играхъ, которыя его мать посвя-«тила въ память Августа. И не нарушаетъ уваженія къ религіи «то, что его изображенія, какъ статуи другихъ боговъ, поступаютъ «вмѣстѣ съ продажею садовъ и домовъ. О клятвѣ же должно такъ «думать, какъ если бы онъ обманулъ Юпитера; объ оскорбленіи «боговъ пусть заботятся сами боги.»

74. Не много спустя—Гранія Марцелла, претора Виѳаніи, его квесторъ Цэпіо Криспинъ потребованъ на судъ въ оскорбленіи величества, за подписью Римлянина Гиспона; онъ принялъ образъ жизни, пріобрѣтшій впослѣдствіи большую извѣстность, вслѣдствіе бѣдственныхъ обстоятельствъ времени и рѣшительности людей на все: находясь въ нуждѣ, неизвѣстности, но будучи безпокойнаго характера онъ тайными доносами вползъ къ Государю жестокому и скоро сталъ грозить опасностью людямъ, наиболѣе пользовавшимся извѣстностью, пріобрѣлъ силу у одного, а ненависть у всѣхъ и подалъ примѣръ, слѣдуя которому изъ бѣдняковъ сдѣлались богачи, изъ достойныхъ презрѣнія—грозою для всѣхъ; устроили гибель другимъ, а наконецъ себѣ. Обвиненіе на Марцелла заключалось въ томъ: «что онъ о Тиберіѣ имѣлъ зловѣщія рѣчи». Обвиненіе, отъ котораго увернуться было невозможно, такъ какъ обвинитель изъ нравственныхъ поступковъ главы государства выбиралъ самые гнусные и ставилъ въ вину подсудимому; то, что они были дѣйствительно, заставляло вѣрить словамъ. Гиспонъ прибавилъ: «ста-«туя Марцелла находится выше, чѣмъ Цезарей и что на другой «статуѣ, отнявъ голову Августа, поставилъ изображеніе Тиберія». На это онъ вспылилъ до такой степени, что, выйдя изъ обыкновенной молчаливости, вскричалъ: «въ этомъ дѣлѣ и онъ подастъ

мнѣніе открыто и подъ присягою» для того, чтобы и прочихъ поставить въ эту же необходимость. Но слѣды умиравшей вольности еще оставались, а потому Кн. Пизонъ спросилъ: «въ какомъ по«рядкѣ выскажешь ты, Цезарь, свое мнѣніе? если первый, буду, «имѣть чему слѣдовать, а если послѣ всѣхъ, опасаюсь какъ «бы неблагоразумно не разойдтись съ тобой въ образѣ мыслей.» Подѣйствовали эти слова и чѣмъ неосторожнѣе была его горячность, тѣмъ изъ раскаянія терпѣливѣе онъ вынесъ то, что подсудимаго оправдали въ обвиненіи оскорбленія величества; а дѣло о неправильно взятыхъ деньгахъ предоставлено рециператорамъ (обычнымъ судьямъ.)

75. И не довольствуясь изслѣдованіями сенаторовъ, онъ присутствовалъ при рѣшеніи судебныхъ дѣлъ, сидя въ углу трибунала, чтобы не согнать претора съ курульнаго кресла и въ присутствіи его много рѣшено наперекоръ искательству и просьбамъ сильныхъ; но въ попеченіяхъ объ истинѣ, гибла свобода. Между прочимъ сенаторъ Пій Аврелій жаловался: «отъ тяжести общественной дороги и водо«провода обрушился его домъ» и просилъ пособія сенаторовъ. Сопротивлялись преторы казначейства, но явился въ помощь Цезарь и цѣну построекъ присудилъ Аврелію, сочувствуя добросовѣстнымъ просьбамъ о деньгахъ: добродѣтель эту онъ удержалъ долго, пока вмѣстѣ съ прочими не лишился и этой. Бывшему претору Проперцію Целеру, просившему по бѣдности увольненія изъ сословія, выдалъ десять сестерціевъ, достаточно убѣдясь—что денежныя затрудненія наслѣдованы имъ отъ отца. Когда и другіе пытались добиться того же самого, онъ приказалъ сенату изслѣдовать дѣло, подъ вліяніемъ строгости; даже въ томъ, что дѣлалъ какъ слѣдуетъ, былъ онъ суровъ, такъ что другіе предпочитали молчаніе и бѣдность—признанію и благодѣянію.

76. Въ этомъ же году Тибръ, увеличенный постоянными дождями, залилъ ровныя мѣста города; за отливомъ его послѣдовала гибель строеній и людей. А потому Азиній Галлъ подалъ отъ себя мнѣніе «*обратиться къ Сивиллинымъ книгамъ*». Тиберій отказалъ, одинаково скрывая и божественное и человѣческое. Атеію Капитону и Л. Аррунцію поручено (изыскать) средство удержать рѣку въ берегахъ. Признано за лучшее—Ахаію и Македонію, умолявшихъ объ облегченіи тягостей, освободить въ настоящемъ отъ управленія проконсульскаго и передать Цезарю. На выходахъ гладіаторовъ, пожертвованныхъ имъ отъ своего имени и отъ имени Германика, председательствовалъ Друзъ, слишкомъ радуясь проли-

тію крови, какъ она низка ни была. Для народа это подало поводъ къ опасеніямъ и говорили, что и отецъ замѣчалъ ему о томъ съ упрекомъ. Почему самъ Тиберій не присутствовалъ при зрѣлищахъ, толковали разно: одни говорили, что ему большое стеченіе народа въ тягость, другіе объяснили это свойственнымъ ему грустнымъ расположеніемъ духа и опасеніемъ сравненія, съ какою ласкою присутствовалъ Августъ. Не повѣрилъ бы я, будто сыну дана возможность—обнаружить жестокость и оскорбить чувства народа: хотя и это было высказываемо.

77. А своеволіе театра, начавшееся въ предшествующемъ году, высказалось тутъ съ болѣе важными послѣдствіями: убиты не только изъ черни, но даже воины и сотникъ, раненъ трибунъ преторіанской когорты въ усиліяхъ остановить брань на должностныя лица и раздоръ народа. Шли толки объ этомъ возмущеніи и у сенаторовъ и высказаны были мнѣнія: «предоставить преторамъ право тѣлеснаго наказанія относительно актеровъ.» Вступился противъ этого Гатерій Агриппа, трибунъ народный, за что осыпанъ былъ бранью Азинія Галла въ его рѣчи. Тиберій молчалъ, предоставляя сенату это подобіе свободы. Впрочемъ, вмѣшательство трибуна имѣло силу, такъ какъ божественный Августъ далъ когда то отвѣтъ: «что актеры должны быть свободны отъ побоевъ»— и Тиберій поставилъ себѣ за правило не нарушать его распоряженій. Относительно размѣра платы и противъ безграничнаго мотовства любителей состоялись многія опредѣленія; изъ нихъ особенно замѣчательны: «сенаторъ не долженъ входить въ дома пантомимовъ; не «должны ихъ, когда они выходятъ всенародно, окружать всадники «Римскіе; не должны быть предметомъ зрѣлища иначе какъ въ те«атрѣ: преторамъ предоставлена власть зрителей за невоздержность «осуждать въ ссылку.»

78. На просьбу Испанцевъ дозволено построить Августу храмъ въ поселеніи Тарраконенскомъ и поданъ примѣръ для всѣхъ провинцій. Когда народъ отпрашивался отъ платежа одной сотой съ цѣны продажныхъ предметовъ, Тиберій объявилъ: «военное казначейство «опирается на этотъ доходъ: а также не подъ силу будетъ тяжело «дѣлу общественному, если воины заслуженные будутъ имѣть чи«стую отставку ранѣе двадцати лѣтъ.» Такимъ образомъ необдуманныя послѣдствія внезапнаго возмущенія и вынужденный имъ шестнадцатилѣтній срокъ службы, уничтожены на будущее время.

79. Предложено потомъ въ сенатѣ Аррунціемъ и Атеемъ: чтобы умѣрить разливы Тибра не отвесть ли воды рѣкъ и озеръ, изъ

которыхъ прибываетъ?—Выслушаны посольства городовъ и поселеній. Флорентинцы просили: «какъ бы Кланисъ, будучи отведенъ отъ обычнаго русла и обращенъ въ Арно, не принесъ бы имъ такой же гибели.» Соотвѣтственное этому представляли Интерамнаты: «погибнутъ плодороднѣйшія поля Италіи, если рѣка Наръ (а къ этому дѣлались приготовленія), разведенная на ручейки, обратится въ болота.» Не молчали и Реатины, не соглашаясь, чтобы заваленъ былъ исходъ изъ Велинскаго озера въ рѣку Наръ; «тогда разольется оно по окрестностямъ; лучшимъ образомъ озаботилась природа дѣлами человѣческими, давъ рѣкамъ извѣстные истоки, извѣстныя русла и назначивъ какъ начало, такъ и конецъ. Нельзя не принять въ соображеніе и религіозныя убѣжденія союзниковъ, посвятившихъ и таинства, и рощи, и жертвенники отеческимъ богамъ. Да и самъ Тибръ не захочетъ, совершенно отчужденный отъ прилежащихъ рѣкъ, имѣть теченіе съ меньшею славою.» Просьбы ли поселеній, затруднительность ли работъ, суевѣріе ли имѣли силу, но принято мнѣніе Пизона, чтобы все оставить безъ перемѣны. Поппею Сабину отсрочено управленіе провинціею Мезіею и прибавлены Ахаія и Македонія. И это въ обычаѣ Тиберія было: продолжать власть и какъ можно большее число людей удерживать до конца ихъ жизни въ однихъ и тѣхъ же войскахъ или гражданскихъ должностяхъ. О причинахъ различно толковали; одни говорили, что: «во избѣжаніе новой заботы, разъ что ему понравилось, сохранялъ навсегда, а нѣкоторые «объясняли завистью: чтобы меньшее число пользовалось.» Есть и такіе, которые полагаютъ, что умъ его, быстрый на хитрости, былъ тупъ на соображеніе. Не будучи послѣдователемъ высокихъ добродѣтелей, онъ съ другой стороны ненавидѣлъ пороки; отъ лучшихъ людей ждалъ онъ опасности себѣ, а отъ дурныхъ урону общественному дѣлу. Въ такой нерѣшительности дошелъ онъ до того, что поручилъ провинціи и такимъ личностямъ, которымъ выѣздъ изъ города (Рима) не дозволялъ.

81. Относительно консульскихъ выборовъ, которые тогда въ первый разъ были при этомъ государѣ и впослѣдствіи, я не рѣшусь ничего сказать утвердительно; до того различныя свѣдѣнія находимъ не только у писателей, но даже въ его рѣчахъ. То, скрывъ имена кандидатовъ, онъ излагалъ происхожденіе каждаго, и жизнь, и службу такъ, чтобы можно было понять кто они такіе; а иногда, не приводя и этихъ объясненій, убѣждалъ кандидатовъ, чтобы они искательствомъ не смущали выборовъ и обѣщалъ имъ свою въ томъ

заботу. По большей части утверждалъ онъ: «что только тѣ считаются заявившими свои права, имена которыхъ онъ передалъ консуламъ: могутъ и другіе заявить, если только полагаются на благосклонность или на заслуги.» На словахъ благовидно, на дѣлѣ пустое или притворное и чѣмъ больше прикрывались подобныя дѣйствія призракомъ свободы, тѣмъ сулили въ будущемъ еще худшее рабство.

КНИГА ВТОРАЯ.

---

1. Начало Парѳянской войны. Фраатъ, отецъ Вонона.—2. Вононъ ненавистенъ своимъ соотечественникамъ.—3. Изгнанный Артабаномъ, бѣжалъ къ Армянамъ.—4. Въ Арменіи перемѣна царей.—5. Германикъ, отозванный Тиберіемъ изъ зависти, приготовляется тотчасъ же напасть на Германцевъ.—6. Флотъ его. Рейнъ.—7. Вторженіе въ землю Каттовъ. Возстановленъ жертвенникъ Друза.—8. Друзовъ ровъ. Амизія. Приняты мѣры строгости противъ возмутившихся Ангриваріевъ.—9. Бесѣда Арминія съ братомъ.—10. Послѣдствія—раздраженіе и брань.—11. Римляне переходятъ Визургисъ. Батавы въ опасности; убитъ Каріовальда. —12. Германикъ изслѣдуетъ расположеніе умовъ воиновъ.—13. Обѣщаны отъ Германцевъ награды перебѣжчикамъ,—тутъ же они подскакиваютъ къ Римскимъ лагерямъ.—14. Сонъ Германика, его и—15. Арминія рѣчи къ своимъ.—16. Мѣсто сраженія: Идиставизское поле—устройство боевыхъ линій.—17. Благопріятное гаданіе по полету птицъ. Бѣгство Германцевъ и избіеніе.—18. Поставленъ трофей.—19. Возбужденный такимъ посрамленіемъ народъ снова берется за оружіе.—20. Жестокій бой.—21. Наконецъ побѣждаютъ Римляне какъ ни сомнительно было сраженіе конницы.—22. Памятникъ и пышное на немъ описаніе событій.—23. Воины привезены назадъ на судахъ.—24. Вслѣдствіе бури бѣдствіе, грозившее почти гибелью; потерпѣвшіе крушеніе пособраны.—25. На Германцевъ, ободренныхъ этимъ

благопріятнымъ обстоятельствомъ, нападаетъ Германикъ и поражаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ беретъ обратно орелъ Варовъ.— 26. Тутъ, не довершивъ дѣла, отозванъ Тиберіемъ.—27. Доносъ на Либона Друза отъ его пріятеля.—28. Обвиненъ въ сенатѣ.—29. На находитъ защитниковъ.—30. Хотя скорѣе могъ быть уличенъ въ слабости, чѣмъ преступленіи, вндѣлъ по небывалому еще праву пытку рабовъ его на его же голову.— 31. Тщетно проситъ главу государства. Либонъ порѣшилъ самъ съ собою.—32. Мнѣніе сенаторовъ о покойномъ. Астрологи и маги изгоняются изъ Италіи. 33. Роскошь общественная слегка стѣснена, а защищалъ ее Азиній.—34. Свобода Пизона, могущество Ургуланіи.—35. Состязаніе въ сенатѣ относительно изложенія дѣлъ.—36. Мнѣніе Азинія о выборахъ, отвергнутое Тиберіемъ.—37. Рѣчь Гортала, просившаго пособія въ бѣдности.—38. Сурово принялъ Тиберій, но дѣтямъ его оказываетъ кой какую милость.—39. Преступное дѣло раба Клеменса; онъ, ложно назвавшись Постумомъ Агриппою, главѣ государства причинилъ было заботу.— 40.—Будучи взятъ хитростью Саллюстія Криспа, убитъ въ Римѣ. — 41. Въ Римѣ посвящены новыя постройки. Въ слѣдующемъ году торжествуетъ Тиберій.—42. Архелай, царь Каппадоковъ, будучи призванъ въ городъ, погибъ.—43. Возмущенный Востокъ порученъ Германику, а Пизону, человѣку звѣрскому—Сирія.—44. Друзъ посланъ въ Иллирикъ, по просьбѣ Херусковъ о помощи противъ Свевовъ.—45. Такимъ образомъ Германцы, между собою несогласные, приготовляются къ сраженію; рѣчь Арминія къ своимъ.—46. И Маробода къ своимъ. Жестокое сраженіе. Марободъ слыветъ за побѣжденнаго.—47. Землятрясеніе въ Азіи; потерпѣвшимъ отъ него оказываетъ помощь Тиберій.—48. Къ другимъ не менѣе щедрый—49. Посвящены нѣкоторые храмы.—50. Варилія потребована къ суду въ оскорбленіи величества.—51. Состязаніе о замѣнѣ претора. Такфарината и Мазиппу, взволновавшихъ Африку войною, поражаетъ Камиллъ.—52. Опредѣлены ему почести тріумфа.—53. Германика разные пути.—54.

Возвращаясь совѣтуется съ Кларіемъ Аполлономъ; значеніе оракула.—55. Пизонъ и жена его Планція замышляютъ противъ Германика зло, даже вносятъ порчу въ лагери.—56. Германикъ ставитъ въ Арменіи царя, а въ Каппадокіи и Коммагенѣ легатовъ.—57. Наглость Пизона при свиданіи, совѣтахъ, пиршествахъ.—58. Вононъ удаленъ изъ Сиріи.—59. Германикъ отправляется въ Египетъ, что Тиберій не одобряетъ.—60. Канопъ. Древніе Ѳивы.—61. Статуя Мемнона, пирамиды и прочее.—62. Раздоръ между Германцами вслѣдствіе хитрости Друза.—63. Марободъ, сбитый силою Катуальда, бѣжитъ къ Римлянамъ. Вскорѣ таже судьба постигла Катуальда.—64. Рескупорисъ, подавивъ Котія сына его брата и выйдя изъ распредѣленія Римлянъ, домогается его части.—65. И самаго захвативъ коварствомъ, занялъ всю Ѳракію.—66. Позванный оттуда для принесенія оправданія, убиваетъ Котиса.—67. Приведенъ въ Римъ и осужденъ.—68. Вононъ пытается бѣжать, но, будучи схваченъ, прокалывается.—69. Германикъ дѣлается боленъ вслѣдствіе преступленія, какъ полагаютъ, Пизона.—70. Ему отказываетъ въ дружбѣ по древнему обычаю.—71. Поручивъ приближеннымъ отмщеніе и—72. Сдѣлавъ женѣ внушеніе, умираетъ.—73. Сравнивали его съ Александромъ Македонскимъ и ставили выше.—74. Сентій дѣлается начальникомъ Сиріи.—75. Агриппина спѣшитъ въ городъ.—76. Пизону, находившемуся въ восторгѣ отъ случая съ Германикомъ, сынъ отсовѣтываетъ возвращеніе въ Сирію.—77. Противное совѣтуетъ Домицій Целеръ—78. и убѣждаетъ.—79. Пизонъ, готовя насиліе преемнику его Сентію, встрѣчается съ Агриппиною.—80. Занимаетъ укрѣпленіе; устроиваетъ войско къ бою, но пораженъ Сентіемъ.—81. Наконецъ ему дается безопасный путь до Рима.—82. Тамъ, вслѣдствіе смерти Германика, сильные раздраженіе и плачь.—83. Почести этому человѣку опредѣленныя.—84. Ливія Друзу рожаетъ двойней.—Мѣры противъ распутства женщинъ—изгнаніе священнодѣйствій Египетскихъ и Іудейскихъ.—86. Захваченная Весталка.—87. Опредѣлена цѣна хлѣбу; отъ новыхъ

почестей уклоняется Тиберій.—88. Убіеніе Арминія и похвальное ему слово.

Дѣлалось это въ продолженіи четырехъ лѣтъ въ консульства Т. Статилія Сизенны Тавра и Л. Скрибонія Либона—К. Цэлія Руфа и Л. Помпонія Флакка—Тиберія Цезаря Августа въ третій разъ и Германика Цезаря во второй—М. Юнія Силана и Л. Норбана Флакка

---

1. Въ консульство Сизенны Статилія Тавра и К. Либона взволновались царства Востока и провинціи Римскія, а начало взялось отъ Парѳовъ: они—своего царя, выпрошеннаго въ Римѣ и принятаго оттуда, хотя онъ и былъ племени Арзакидовъ—презирали какъ иноземца. То былъ Вононъ, Фраатомъ данный Августу въ заложники, такъ какъ Фраатъ, не смотря на то, что отразилъ и войска и полководцевъ Римскихъ, исполнялъ къ Августу всѣ обязанности глубокаго уваженія и для укрѣпленія дружбы отправилъ часть своего потомства; нестолько изъ опасенія насъ, сколько не довѣряя преданности соотечественниковъ.

2. Послѣ смерти Фраата и послѣдовавшихъ за нимъ царей, вслѣдствіе междуусобнаго кровопролитія, прибыли въ городъ послы отъ старѣйшинъ Парѳскихъ съ тѣмъ, чтобы пригласить Вонона, старѣйшаго изъ дѣтей Фраата. Цезарь счелъ это для себя весьма почетнымъ и осыпалъ богатствами. Дикари приняли съ радостью, какъ почти всегда новую власть. Но вскорѣ овладѣлъ ими стыдъ: «переродились Парѳы; «просили, съ другаго края свѣта, царя, зараженнаго происками не«пріятелей; уже престолъ Арзакидовъ считается въ числѣ провин«цій римскихъ и раздается. Гдѣ та слава умертвившихъ Красса, «изгнавшихъ Антонія, если слуга Цезаря, въ теченіи столькихъ «лѣтъ выносившій рабство, повелѣваетъ Парѳамъ?» Давалъ пищу презрѣнію и самъ Вононъ, уклоняясь отъ обычаевъ прародительскихъ; рѣдко охотился, о коняхъ оказывалъ мало заботливости; а въ своихъ поѣздкахъ по городамъ, носимъ былъ на носилкахъ и показывалъ пренебреженіе къ отечественнымъ пиршествамъ. Служили поводомъ къ насмѣшкамъ и провожатые Греки, и то что самые незначительные предметы домашняго хозяйства хранились за его печатью; но легкій къ нему доступъ, предупредительная ласка обращенія, добродѣтели, незнакомыя Парѳамъ, казались имъ новыми

пороками и, какъ чуждыя ихъ нравамъ, были равно ненавистны и дурнымъ людямъ и честнымъ.

3. Вслѣдствіе этого Артабанъ отъ крови Арзакидовъ, выросшій у Даговъ вызванъ; при первой встрѣчѣ разбитый, возобновляетъ силы и овладѣваетъ царствомъ. Убѣжищемъ побѣжденному Вонону была Арменія, въ то время никѣмъ не занятая, постоянно недовѣрявшая силамъ Парѳовъ и Римлянъ, вслѣдствіе преступленія Антонія, который—Артавазда, царя Армянъ, обольстивъ притворною дружбою, потомъ заключилъ въ оковы и наконецъ умертвилъ. Сынъ его, Артаксіасъ, непріязненный намъ вслѣдствіе воспоминанія объ отцѣ, въ силѣ Арзакидовъ находилъ защиту и себѣ и царству. Когда Артаксіасъ убитъ коварствомъ родственниковъ, Цезарь далъ Армянамъ Тиграна, отведеннаго въ царство Тиберіемъ Нерономъ. Да и Тиграна непродолжительное было господство, а равно и дѣтей его, хотя они, по чужестранному обычаю, соединены были и на брачную жизнь и на царство.

4. Потомъ, по приказанію Августа, навязанъ Артаваздъ и сброшенъ не безъ потери для насъ. Тогда избранъ К. Цезарь для умиренія Арменіи. Онъ, по желанію Армянъ, сдѣлалъ у нихъ правителемъ Аріобарзана, родомъ Меда, за красивую наружность и прекрасную душу. Когда Аріобарзанъ сдѣлался жертвою случайной смерти, потомства его не стали терпѣть. Испытали было господство женщины, по имени Эрато, но и ее скоро выгнали, сами не зная что дѣлить и полные своеволія, скорѣе находились безъ господина, чѣмъ наслаждались свободою; приняли бѣглеца Вонона на царство. Но когда сталъ грозить Артабанъ и мало помощи было въ Армянахъ, а если защищать его нашими силами, то необходимо было начать войну съ Парѳами—Правитель Сиріи Кретикъ Силанъ, вызвавъ его, окружилъ стражею, оставивъ при немъ роскошь и имя царя; а какъ было Вононъ пытался избѣжать отъ этакаго посмѣянія, передадимъ въ своемъ мѣстѣ.

5. Впрочемъ смуты, случившіяся на Востокѣ, были Тиберію не непріятны; подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ могъ онъ отвлечь Германика отъ привыкшихъ къ нему легіоновъ и, навязавъ новымъ провинціямъ, бросить на жертву коварству и случайностямъ. А онъ, чѣмъ сильнѣе было къ нему усердіе воиновъ, а расположеніе дяди все непріязненнѣе, тѣмъ болѣе прилагалъ вниманія ускорить побѣду, обсудить пути къ сраженію, принимая въ соображеніе то, что съ нимъ, уже третій годъ ведущимъ войну, случилось неблагопріятнаго или счастливаго. «Германцы терпятъ пораженіе въ открытомъ бою и ровной

«мѣстности; помощь находятъ они въ лѣсахъ, болотахъ, короткомъ лѣтѣ «и весьма ранней зимѣ; воины его терпятъ не столько отъ ранъ, «сколько отъ дальнихъ дорогъ, отъ тяжести оружія. Галліи изпу«рены поставкою лошадей. Длинный рядъ обозовъ даетъ только по«водъ къ засадамъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ защиты. А «если проникнуть моремъ, то быстрое для нихъ завладѣніе, а не«пріятель и знать не будетъ; вмѣстѣ съ тѣмъ военныя дѣйствія «начнутся раньше и вмѣстѣ двигаются и легіоны, и запасы; безъ «потерь и всадники, и лошади будутъ въ серединѣ Германіи, если «проникнуть въ русла рѣкъ черезъ ихъ устья».

6. А потому онъ сталъ такъ и дѣйствовать: отправлены для переписи Галлій—П Вителлій и К. Антій, а Силій, Антей и Цецина сдѣланы начальниками сооружаемаго флота. Показалось достаточнымъ сдѣлать тысячу судовъ, но съ поспѣшностью: одни короткія съ узкимъ носомъ и кормою и съ широкими боками, чтобы легче переносили волны; нѣкоторыя съ плоскимъ дномъ, чтобы безъ вреда садились на мель; большая часть судовъ съ рулями, прикрѣпленными съ той и другой стороны, для того чтобы, повернувъ вдругъ весла, была возможность приставать туда и сюда. Многія покрыты мостами, на которыхъ везены были метательныя орудія; приспособленныя вмѣстѣ перевозить конницу или провіантъ, они дѣйствовали легко и парусами, и греблею, а готовность и усердіе воиновъ придавали имъ видъ болѣе грозный. Заблаговременно назначенъ островъ Батавовъ мѣстомъ, куда собираться; къ нему приставать было легко и онъ представлялъ наиболѣе удобствъ для принятія войскъ и отправленія на войну. Рейнъ, который течетъ однимъ русломъ или обтекаетъ небольшіе острова, въ началѣ Батавскаго поля раздѣляется какъ бы на двѣ рѣки; сохраняетъ тоже имя и быстроту теченія вдоль Германіи, пока не сольется съ океаномъ; у Галльскаго берега шире, тише и съ притоками; измѣнивъ имя, прибрежные жители зовутъ его *Вагалою*; но вскорѣ и это наименованіе перемѣняетъ на рѣку Мозу и необъятнымъ устьемъ вливается она въ тотъ же океанъ.

7. Цезарь, пока собираются суда, отдаетъ приказаніе легату Силію съ отрядомъ налегкѣ сдѣлать вторженіе въ землю Каттовъ; а самъ услыхавъ, что укрѣпленіе, прилежащее къ рѣкѣ Луппіѣ, находится въ осадѣ, повелъ туда шесть легіоновъ. И Силій, вслѣдствіе внезапныхъ дождей, не могъ ничего другаго сдѣлать, какъ захватить умѣренную добычу и жену и дочь начальника Каттовъ, Арпа. Да и Цезарю осаждавшіе не дали возможности

къ сраженію и по слуху о его прибытіи разошлись. Впрочемъ они разорили могильный холмъ, недавно воздвигнутый легіонамъ Вара и старый жертвенникъ, поставленный Друзомъ. Возстановилъ онъ жертвенникъ и въ честь отца самъ первый и съ легіонами обошелъ церемоніальнымъ маршемъ; возобновлять же надгробный холмъ незаблагоразсудилось. Все, между укрѣпленіемъ Ализономъ и Рейномъ, укрѣплено новыми границами (пограничными рвами) и насыпями.

8. Уже прибылъ флотъ, когда, пославъ впередъ провіантъ и распредѣливъ суда на легіоны и союзниковъ, Цезарь, войдя въ ровъ, носившій наименованіе *Друза*, помолился къ отцу Друзу: «чтобы онъ его, дерзнувшаго на то же предпріятіе, милостиво и «охотно поддержалъ бы своимъ примѣромъ и памятью совѣтовъ «и дѣлъ.» Вслѣдъ за тѣмъ переплываютъ счастливо озеро и океанъ до рѣки Амизіи. Флотъ оставленъ въ Амизіи на лѣвой сторонѣ рѣки и сдѣлана погрѣшность въ томъ, что не подвезъ, высадивъ воиновъ, которымъ слѣдовало идти на правой берегъ, а потому очень много дней потеряно на устройство мостовъ. Всадники и легіоны перешли безстрашно первые потоки, когда вода не была еще на прибыль; а находившееся назади войско союзниковъ и Батавы, находившіеся тутъ, пока издѣваются надъ водою и показываютъ искусство плавать, пришли въ замѣшательство, а нѣкоторые и потонули. Когда Цезарь ставилъ лагерь, принесено извѣстіе объ отпаденіи Ангриваріевъ, находившихся въ втылу: посланъ туда Стертиній съ всадниками и легковооруженными воинами; огнемъ и убійствами отмстилъ за ихъ вѣроломство.

9. Рѣка Визургисъ течетъ промежду Римлянъ и Херусковъ; на берегу ея остановился Арминій съ прочими старѣйшинами и на вопросъ: «пришелъ ли Цезарь?» получивъ отвѣтъ, что онъ *на лицо*, просилъ *дозволенія переговорить съ братомъ*. Находился онъ въ войскѣ подъ именемъ Флавія, отличался вѣрностью и отъ раны потерялъ глазъ за немного лѣтъ передъ тѣмъ, когда вождемъ былъ Тиберій. Дозволеніе дано; выйдя впередъ, получаетъ привѣтствіе отъ Арминія и онъ, удаливъ окружавшихъ его, требуетъ «чтобы отошли дальше стрѣлки, расположенные передъ нашимъ берегомъ.» Когда они удалились: «отчего у него обезображено лицо?»—спрашиваетъ брата. Когда онъ указалъ и мѣсто, и сраженіе, допытывается: «какую же онъ награду получилъ? Флавій упоминаетъ: «о прибавленномъ жалованьи, ожерельѣ и вѣнкѣ и другихъ военныхъ дарахъ.» Съ насмѣшкою отозвался о нихъ Арминій, какъ о достойныхъ презрѣнія наградахъ за рабство.

10. Тутъ начали они говорить весьма несогласно: «одинъ—о величіи Римлянъ, силахъ Цезаря и о тяжкихъ наказаніяхъ для побѣжденныхъ, а изъявляющему покорность готово милосердіе; и съ женою его и съ сыномъ обращаются не непріязненно.» А тотъ «объ обязанно«стяхъ къ отечеству, о свободѣ прадѣдами завѣщанной, о сокровен«ныхъ божествахъ Германіи, о матери раздѣляющей мольбы, чтобы «онъ не предпочиталъ быть измѣнникомъ и предателемъ родныхъ и «свойственниковъ и всего своего народа чѣмъ главнымъ вождемъ.» Мало по малу дошли до брани и раздѣлявшая ихъ рѣка не помѣшала бы завязать имъ между собою бой, если бы не подоспѣлъ Стертиній и не удержалъ Флавія, полнаго гнѣва и требовавшаго оружіе и коня. Видѣнъ былъ напротивъ и Арминій, полный угрозъ, объявлявшій бой; такъ какъ онъ весьма многое высказывалъ на Латинскомъ языкѣ, бывъ на службѣ въ Римскомъ лагерѣ предводителемъ своихъ земляковъ.

11. На другой день Германцы расположились боевою линіею по ту сторону Визургиса. Цезарь, считая недостойнымъ главнаго вождя подвергнуть опасности легіоны прежде, чѣмъ будутъ наведены мосты и поставлены вооруженные отряды, посылаетъ конницу на ту сторону въ бродъ. Начальствовали ею Стертиній и изъ числа примипиларіевъ Эмилій; они сдѣлали аттаку въ разныхъ мѣстахъ, чтобы развлечь силы непріятельскія. Тамъ, гдѣ рѣка имѣетъ самое быстрое теченіе, бросился Каріовальда, вождь Батавовъ. Его—Херуски притворнымъ бѣгствомъ завлекаютъ въ равнину окруженную лѣсами; потомъ, поднявшись и бросившись со всѣхъ сторонъ, поражаютъ сопротивляющихся, преслѣдуютъ отступающихъ и сбитыхъ въ кучу тревожатъ частью рукопашнымъ боемъ, частью издали. Каріовальда долго выдерживалъ жестокость нападенія непріятельскаго, убѣдилъ своихъ—надвигающіяся толпы проломить дружнымъ натискомъ и самъ бросился въ самую густую толпу непріятелей; подъ градомъ стрѣлъ палъ онъ съ пронзеннаго коня и много знатныхъ легло вокругъ; остальныхъ выручили изъ опасности или собственная сила или всадники, подоспѣвшіе съ Стертиніемъ и Емиліемъ.

12. Цезарь, перейдя Визургисъ, изъ показанія бѣглеца узналъ: «избрано Арминіемъ мѣсто сраженія; собрались и прочіе народы въ лѣсъ, посвященный Геркулесу и дерзнутъ на ночный приступъ лагерей.» Доносчику повѣрили, видны были огни и подошедшіе ближе лазутчики принесли извѣстіе: «что слышно

ржаніе коней и ропотъ необъятнаго и нестройнаго войска.» А потому съ приближеніемъ окончательной развязки всему дѣлу, Германикъ заблагоразсудилъ испытать расположеніе умовъ воиновъ и какъ бы это узнать неподдѣльно, такъ съ собою разсуждалъ: «трибуны и сотники чаще приносятъ вѣсти пріятныя, чѣмъ вполнѣ «вѣрныя; отпущенниковъ образъ мыслей рабскій; друзья не чужды «лести. Если созвать собраніе, то и тамъ что немногіе начнутъ, «прочіе поддерживаютъ своими криками. Вполнѣ узнать образъ «мыслей можно только тогда когда, сами съ собою, никѣмъ не «наблюдаемые, вкушая свойственную воину пищу, высказываютъ «они надежды или опасенія.»

13. Въ началѣ ночи выйдя мѣста, гдѣ производились гаданія по птицамъ, мѣстами скрытыми и стражамъ неизвѣстными, съ однимъ провожатымъ, покрывъ плеча звѣриною кожею, проходитъ по улицамъ лагерей, останавливается у палатокъ и пользуется плодами своейизвѣстности; одни превозносятъ похвалами *благородство вождя,* другіе *честность*, большинство *терпѣливость*, *ласковость и въ шуткахъ, и въ важномъ всегдашнее постоянство характера.* Признавались, что *благодарность свою должны они высказать ему въ бою* и вмѣстѣ: «*вѣроломныхъ нарушителей мира надобно принесть въ жертву мщенію и славѣ.*» Въ это время одинъ непріятель, знавшій латинскій языкъ, подскакавъ на конѣ къ окопамъ, громкимъ голосомъ отъ имени Арминія обѣщаетъ: «тѣмъ, кто перебѣжитъ, женъ, земли, жалованья ежедневно, пока будетъ война, по сту сестерцій.» Такое оскорбленіе вызвало раздраженіе легіоновъ: «пусть наступитъ день, дана будетъ битва; возьметъ воинъ поля Германцевъ, увлечетъ женъ»; принимаютъ они предвѣстіе и обрекаютъ добычѣ и брачныя связи, и деньги непріятелей. Почти въ третью смѣну стражу (ночную) подскочили къ лагерямъ, но и стрѣлы не бросили, видя передъ укрѣпленіями частыя когорты и то, что никакого упущенія въ мѣрахъ предосторожности не сдѣлано.

14. Ночь эта принесла Германику веселое успокоеніе: видѣлъ себя за дѣломъ жертвоприношенія и вмѣсто своей одежды, окропленной священною кровью, получилъ другую, еще болѣе красивую изъ рукъ бабушки Августы. Обрадованный предсказаніемъ—такъ какъ и гаданія были во томъ же смыслѣ—созываетъ собраніе и разсуждаетъ о томъ, что благоразуміемъ предусмотрѣнное, пригодно къ уже близкому бою: «не одни только ровныя поля хороши для «Римскаго воина, но съ умомъ и лѣса и горныя ущелья; огром-

«ные щиты дикарей, громадныя копья не одинаково дѣйствують «между стволами деревьевъ и кустарниками, выросшими изъ зем-«ли, съ дротиками, мечами и одеждами, плотно прикрывающими «тѣло. Пусть учащаютъ удары; мечами доискиваются лица. Ни «панцырей у Германцевъ, ни шлемовъ; щиты не скрѣплены ни «желѣзомъ, ни бычьями жилами, но представляютъ тонкія до-«щечки, сплетенныя изъ тростника, раскрашенныя разными цвѣта-«ми. Первая боевая линія еще кое какъ снабжена копьями, а «у прочихъ оружіе или короткое или недожженное. Наружность «у нихъ грозная и достаточно силъ для кратковременнаго на-«паденія, но вовсе нѣтъ у нихъ терпѣнія переносить раны, не «стыдятся они позора, нисколько не пекутся о вождяхъ, ухо-«дятъ, бѣгутъ; при несчастіи трусы, въ счастіи не помнятъ ни «о божественномъ, ни о человѣческомъ правѣ. Если, наскучивъ «переходами и моремъ, желаютъ они конца, то готовъ онъ въ «этомъ бою: уже ближе Альбисъ, чѣмъ Рейнъ; за тѣмъ войны дальше нѣтъ; лишь бы только его, попирающаго слѣды отца и дяди, поставили бы побѣдителемъ въ тѣхъ же самыхъ земляхъ.»

15. Рѣчь вождя вызвала усердіе воиновъ и данъ сигналъ къ сраженію. Да и Арминій, и прочіе старѣйшины Германцевъ, не преминули каждый свидѣтельствовать передъ своими: «Эти римляне— «бѣглецы войска Варова; чтобы не переносить войны, взялись за «возмущеніе; часть ихъ—спины, покрытыя ранами, часть—члены, «поврежденные волнами и непогодами, поставятъ снова на жертву «ожесточеннымъ врагамъ при противудѣйствіи боговъ, безо всякой «надежды на доброе; прибѣгли къ судамъ и непроходимымъ мѣстамъ «Океана, какъ бы кто не попался на встрѣчу, когда они шли, какъ «бы не тѣснилъ пораженныхъ; но, когда они сойдутся рука съ «рукою, то для побѣжденныхъ тщетна будетъ помощь вѣтровъ и «веселъ; пусть только помнятъ они ихъ корыстолюбіе, жестокость, «надменность. Осталось ли для нихъ что либо другое, какъ удер-«жать свободу или умереть прежде рабства»?

16. Такъ воспламененныхъ и требующихъ битвы выводятъ на поле, которому наименованіе *Идиставизъ*. Оно тянется по серединѣ между Визургисомъ и холмами, разнообразно изгибаясь по мѣрѣ того какъ уступаютъ берега рѣки или выдавшіяся горныя возвышенія оказываютъ сопротивленіе. Сзади подымался лѣсъ, съ поднятыми кверху сучьями и между стволами деревьевъ была чистая земля. Поле и начало лѣса занялъ строй дикарей: одни Херуски заняли возвышенности, чтобы сверху броситься на сражающихся Римлянъ. Наше вой-

ско выступило такъ: впереди вспомогательные Галлы и Германцы; за ними пѣшіе стрѣлки; потомъ четыре легіона и Цезарь съ двумя преторіанскими когортами и отборною конницею; вслѣдъ за тѣмъ столько же другихъ легіоновъ и легковооруженные съ всадниками, стрѣлками и прочими когортами союзниковъ. Воины внимательно готовы были—порядокъ строя и въ бою поддержать.

17. Видя толпы Херусковъ, которыя будучи увлечены жаждою крови, бросились впередъ, Германикъ отдаетъ приказаніе лучшимъ всадникамъ аттаковать съ фланговъ, Стертинію обойдти кругомъ съ прочими эскадронами и напасть съ тылу, собираясь и самъ явиться когда время будетъ. Между тѣмъ лучшее предзнаменованіе—показались восемь орловъ по направленію лѣса и проникли туда—обратило вниманіе императора. Восклицаетъ: «пусть идутъ (воины) и послѣдуютъ за Римскими птицами, настоящими божествами легіоновъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ двигается пѣшій строй и посланная впередъ конница тѣснитъ заднихъ, и фланги. Удивительно сказать, но два непріятельскихъ строя бѣжали въ разныя стороны: занимавшій лѣсъ въ открытое поле, а стоявшіе въ полѣ стремились къ лѣсу; Херуски, находившіеся между ними въ серединѣ, сброшены съ холмовъ: между ними особенно замѣтенъ былъ Арминій: руками, голосомъ, раненный поддерживалъ бой; налегъ на стрѣлковъ и сломилъ бы ихъ, если бы когорты Ретовъ, Винделиковъ и Галловъ не противуставили своихъ значковъ; впрочемъ тѣлеснымъ усиліемъ и напоромъ коня прорвался, обливъ лицо собственною кровью, чтобы его не узнали. Нѣкоторые передаютъ, будто онъ былъ узнанъ Хавками, находившимися въ числѣ вспомогательныхъ войскъ Римскихъ, и выпущенъ. Доблесть или такая же хитрость дали Ингвіомеру возможность уйдти. Прочіе по разнымъ мѣстамъ избиты. Многихъ въ ихъ попыткахъ переплыть Визургисъ—брошенныя стрѣлы или сила теченія, наконецъ тяжесть падающихъ и извилины берега погубили. Нѣкоторые въ постыдномъ бѣгствѣ взбирались на вершины деревьевъ, и скрывались въ сучьяхъ; призываемы были стрѣлки, которые съ насмѣшками пригвождали ихъ; другихъ задавили подрубленныя дерева. Велика эта побѣда была, да и намъ стоила мало крови.

18. Отъ пятаго часа дня до ночи убиваемые непріятели пространство на десять тысячъ шаговъ покрыли трупами и оружіемъ; въ числѣ добычи найдены и цѣпи, которыя они несли на Римлянъ, какъ бы не сомнѣваясь въ успѣхѣ. Воины на мѣстѣ сраженія привѣтствовали Тиберія императоромъ и воздвигли насыпь,

поставивъ на ней въ видѣ трофея оружіе, подписавъ имена побѣжденныхъ народовъ.

19. Не столько вызвали у Германцевъ огорченія и раздраженія раны, и потери семейныя и имущественныя, сколько эта похвальба Римлянъ. И тѣ, которые уже готовились было, оставивъ жилища, удалиться за Эльбу, хотятъ боя, хватаются за оружіе: простолюдины, старѣйшины, молодежь, старики внезапно дѣлаютъ набѣгъ на войско Римское и производятъ въ немъ замѣшательство. Наконецъ выбираютъ мѣсто, рѣкою и лѣсами замкнутое, представлявшее внутри узкую и низменную плоскость. Да и лѣса окружало глубокое болото и только одинъ бокъ Ангриваріи подняли широкою насыпью, съ тѣмъ, чтобы она служила имъ раздѣломъ отъ Херусковъ. Тутъ остановилась пѣхота: всадниковъ скрыли въ сосѣднихъ рощахъ, для того, чтобы они были стылу легіонамъ, вошедшимъ въ лѣсъ.

20. Изъ этого ничего для Цезаря не оставалось неизвѣстнымъ: намѣренія, мѣстность, приготовленія явныя и тайныя зналъ и коварство непріятеля обращалъ на гибель его самого. Сею Туберону, легату, передалъ и всадниковъ и поле; а пѣшую боевую линію устроилъ такъ, что часть вступала въ лѣсъ ровнымъ мѣстомъ, а часть взбиралась на насыпь находившуюся напротивъ. Самое трудное оставилъ себѣ, а остальное ввѣрилъ легатамъ. Тѣ, которымъ достались мѣста ровныя, безъ труда прорвались, а тѣ, которымъ нужно было приступать къ насыпи, терпѣли отъ тяжкихъ ударовъ наносимыхъ сверху, все равно какъ бы подступали къ стѣнѣ. Почувствовалъ вождь, что сраженіе вблизи неравное, отодвинулъ легіоны немного назадъ и отдалъ приказаніе стрѣлкамъ и пращникамъ выпустить стрѣлы и сбить непріятеля. Изъ метательныхъ машинъ пущены копья и чѣмъ защитники были. болѣе на виду; тѣмъ съ большимъ числомъ ранъ сброшены. Первый Цезарь съ преторіанскими когортами, взявъ окопы, сдѣлалъ натискъ въ лѣса: тамъ завязался бой рукопашный; съ тылу непріятеля замыкало болото, а Римлянъ рѣка и горы: тѣмъ и другимъ неизбѣжная необходимость въ мѣстности, надежда—въ доблести, спасеніе въ побѣдѣ.

21. И духомъ Германцы не уступали, но родомъ сраженія и оружія были побѣждаемы: необъятное ихъ множество въ тѣсныхъ мѣстахъ не могло ни протянуть очень длинныхъ копей, ни отодвинуть ихъ назадъ; не было возможности развернуться со всею ихъ ловкостью и быстротою тѣлесною; вынуждены они къ правильному бою. Напротивъ воинъ, у котораго грудь закрыта была щитомъ,

а рука опиралась на немъ, пронзалъ какъ угодно широкіе члены дикарей и ничѣмъ неприкрытыя лица и открывалъ дорогу пораженіемъ непріятелей. Арминія уже не было на лицо, вслѣдствіе отовсюду грозившей опасности или недавно полученная рана его задержала. Да и Ингвіомеру, носившемуся по всей боевой линіи, измѣняла скорѣе судьба, чѣмъ доблесть. А Германикъ, чтобы его больше признавали, снялъ покровъ съ головы и просилъ воиновъ: «не прекращать убійствъ; не нужно вовсе плѣнныхъ; только въ со«вершенномъ истребленіи этого народа конецъ войны». Уже поздній былъ часъ дня, когда Германикъ вывелъ изъ боевой линіи одинъ легіонъ—устроить лагери; остальные до ночи насыщались кровью непріятельскою, а всадники сражались на удачу.

22. Похваливъ побѣдителей передъ собраніемъ, Цезарь устроилъ возвышеніе изъ оружія съ гордою надписью: «Усмиривъ народы «между Рейномъ и Эльбою, войско Тиберія Цезаря посвятило этотъ памятникъ Марсу, Юпитеру и Августу». О себѣ ничего не прибавилъ, изъ опасенія зависти или соображая, что достаточно сознанія совершеннаго. Вслѣдъ за тѣмъ поручаетъ Стертинію войну противъ Ангриваріевъ, но они предупредили ее покорностью; они умоляли о пощадѣ, ни отъ чего не отказывались и получили прощеніе во всемъ.

23. Но лѣто уже достигало къ концу; изъ легіоновъ одни отосланы сухимъ путемъ на зимнія квартиры; а большую часть Цезарь, посадивъ на суда, по рѣкѣ Амизіѣ—повезъ океаномъ. Сначала тихая поверхность моря огласилась шумомъ тысячь веселъ или бороздима была судами на парусахъ; но вскорѣ изъ черныхъ кучь облаковъ посыпался градъ и вмѣстѣ быстрины забурлили, волнуемыя разнообразными со всѣхъ сторонъ вѣтрами, закрыли отовсюду видъ, сдѣлали невозможнымъ управленіе судами: воины оробѣли, незнакомые съ случайностями моря; вносили они замѣшательство въ ряды моряковъ или несвоевременно имъ помогали, и только вредили исполненію обязанностей людьми свѣдущими. Затѣмъ все небо и все море слились какъ бы силою южнаго вѣтра; онъ, набравшись силы въ возвышенныхъ мѣстахъ Германіи, ея глубокихъ рѣкахъ, въ облакахъ, прошедшихъ необъятное разстояніе пути, сдѣлался еще ужаснѣе подъ вліяніемъ суровости близкаго сѣвера, схватилъ и разбросалъ суда въ открытыя мѣста океана или на острова, враждебные обрывистыми скалами или скрытыми мелями. Съ трудомъ и чуть чуть отъ нихъ избавясь, съ измѣненіемъ теченія уносимы были по одному съ вѣтромъ направленію; не имѣли возможности

ни стать на якоряхъ, ни исчерпать врывавшуюся воду; лошади, вьючныя животныя, обозы, даже оружіе бросаютъ, чтобы облегчить суда, лежавшія на боку и сверху тѣснимыя волнами.

24. На сколько океанъ грознѣе прочихъ морей и на сколько Германія отличается суровостью климата, на столько это бѣдствіе неожиданностью и значительностью превзошло всѣ прочія. Кругомъ были или враждебные берега или море, до того обширное и глубокое, что казалось необъятнымъ и неограниченнымъ нигдѣ землею (безбрежнымъ). Часть судовъ погибла въ волнахъ; гораздо больше выброшено у островов, находившихся подальше и воины, при отсутствіи тамъ какихъ либо слѣдовъ человѣческой дѣятельности, гибли отъ голода, развѣ которыхъ (жизнь) поддержали трупы лошадей, туда же выброшенные. Одна трирема Германика пристала къ землѣ Хавковъ; его, въ продолженіи всѣхъ тѣхъ дней и ночей, у скалъ выдающихся мысовъ, между тѣмъ какъ онъ громко называлъ себя *виновникомъ такого страшнаго несчастія,* съ трудомъ удержали друзья, чтобы онъ не бросился въ это же море. Наконецъ улеглось волненіе и при попутномъ вѣтрѣ суда, чуть двигавшіяся какъ хромыя, на немногихъ оставшихся веслахъ или съ натянутыми вмѣсто парусовъ одеждами, а нѣкоторыя тащимыя тѣми, въ которыхъ болѣе было силы, возвратились. Исправивъ ихъ на скорую руку, отправилъ осмотрѣть тщательно острова и этою заботливостію собраны большая часть. Многихъ—Ангриваріи, недавно принятые на вѣру, возвратили выкупленныхъ у живших далѣе внутрь страны; нѣкоторые увлечены въ Британію и назадъ отосланы царьками. Какъ кто издалека возвращался разсказывалъ чудеса: о силѣ вихрей, о неслыханныхъ птицахъ, морскихъ чудесахъ, существахъ съ наружнымъ видомъ не то людей, не то звѣрей.» Видѣнное, а можетъ быть и отъ страха повѣрили.

25. Но слухъ о потерянномъ флотѣ какъ вызвалъ Германцевъ къ надеждѣ войны, такъ Цезаря къ усмиренію. Онъ отдаетъ приказаніе К. Силію идти въ землю Каттовъ съ тридцатью тысячами пѣшихъ и тремя тысячами конныхъ воиновъ, а самъ съ большими силами сдѣлалъ вторженіе къ Марсамъ; вождь ихъ Маловендъ, только что передъ тѣмъ изъявившій покорность, сдѣлалъ показаніе, что въ сосѣдней рощѣ врытый орелъ Варова легіона оберегается умѣреннымъ прикрытіемъ.» Немедленно посланъ отрядъ—непріятеля выманить спереди; другіе, обойдя съ тылу, должны были взрыть почву. И тѣмъ и другимъ

помогло счастіе. Тѣмъ быстрѣе Цезарь проникаетъ внутрь, вноситъ опустошеніе и истребленіе ко врагу, не дерзнувшему сойдтись съ нимъ или какъ только гдѣ оказывалъ сопротивленіе, немедленно поражаемому и, какъ отъ плѣнныхъ узнали, никогда онъ еще не былъ въ такомъ страхѣ. Они говорили: «непобѣдимы Римляне и выше всякихъ случайностей, такъ какъ они, потерявъ флотъ, утративъ оружіе, устлавъ берега моря тѣлами людей и лошадей, все съ тѣмъ же мужествомъ, съ такимъ же ожесточеніемъ и какъ бы увеличенные числомъ сдѣлали вторженіе.»

26. Воинъ отведенъ на зимнія квартиры, веселый духомъ, такъ какъ несчастіе на морѣ вознаградилъ удачнымъ походомъ. Присоединилъ щедрость Цезарь, заплативъ — сколько кто объявилъ убытку. И не было сомнѣнія—что непріятель упалъ (духомъ), собирается съ мыслями просить мира и что война можетъ быть приведена къ концу, если слѣдующее лѣто будетъ прибавлено (для военныхъ дѣйствій); но частыми письмами Тиберій убѣждалъ: «возвратиться къ опредѣленному (ему) тріумфу; до«вольно уже событій, достаточно случайностей: битвы были и ве«ликія и удачныя: пусть онъ припомнитъ и то, сколько, хотя и «безо всякой вины вождя, тяжкихъ и жестокихъ потерь причи«нили вѣтры и волны. Онъ, девять разъ посыланный Августомъ «въ Германію, больше совершилъ благоразуміемъ, чѣмъ силою. «Такъ Сугамбры приняты въ подданство; такъ Свевы и царь «Марободъ миромъ связаны. Возможно и Херусковъ и прочія «возмутившіяся племена, послѣ того какъ довольно уже сдѣлано «въ возмездіе ихъ со стороны Римлянъ — представить внутрен«нимъ несогласіямъ.» Германикъ просилъ годъ — чтобы довершить начатое; Тиберій сильнѣе нападаетъ на его скромность, предлагая ему другое консульство, обязанности котораго долженъ лично исполнить. Вмѣстѣ прибавилъ: «если прійдется и еще вое«вать, то пусть оставитъ онъ пищу славѣ брата Друза, кото«рый, пока нѣтъ другаго непріятеля, только въ Германіяхъ мо«жетъ заслужить названіе *Императора* и вынести оттуда лав«ровый вѣнокъ.» Германикъ далѣе не медлилъ, хотя и понималъ, что все придумано, чтобы его изъ зависти отвлечь отъ заслуженной имъ чести.

27. Около этого времени послѣдовалъ доносъ на Либона Друза въ томъ, что онъ замышляетъ новый порядокъ вещей. Начало, ходъ и окончаніе этого дѣла изложу съ большею подробностью, потому что тогда въ первый разъ оказалось то, что въ теченіи

стольких лѣтъ подтачивало общественный порядокъ. Фирмій Катъ, сенаторъ, изъ самихъ близкихъ пріятелей Либона—юношу неосторожнаго и мягкаго—пустыми рѣчами навелъ на обѣщаніе Халдеевъ, священнодѣйствія маговъ и даже толкователей сновъ, указывая ему съ похвальбою на «прадѣда Помпея, тетку Скрибонію, бывшую когда то супругою Августа, свойственниковъ Цезарей, домъ, полный изображеній знаменитыхъ предковъ.» Склоняетъ его къ роскоши и долгамъ, товарищъ шалостей и нуждъ съ тѣмъ, чтобы опутать большимъ количествомъ уликъ.

28. Когда было достаточно свидѣтелей и онъ нашелъ рабовъ—которымъ это было извѣстно—требуетъ доступа ко главѣ государства, указывая преступленіе и обвиняемаго черезъ Флакка Вескуларія, всадника Римскаго, который былъ близокъ къ Тиберію. Цезарь не пренебрегъ указаніемъ, но въ свиданіи отказалъ: «возможно черезъ посредство того же Флакка имѣть сношеніе.» А между тѣмъ Либона украшаетъ претурою, допускаетъ на пиршества (convictus) не выражая лицомъ предубѣжденія, ни въ словахъ тревоги (до такой степени затаилъ раздраженіе) и всѣ его дѣйствія и слова будучи въ состояніи остановить, предпочиталъ знать: пока какой то Юній, котораго пробовали было убѣдить—вызвать стихами адскія тѣни—сдѣлалъ показаніе Фульцинію Тріону. И въ числѣ обвинителей получилъ извѣстность умъ Тріона, готовый съ жадностью схватить всякое злословіе. Тотчасъ же берется за подсудимаго, идетъ къ консуламъ, требуетъ разслѣдованія сената и сенаторы созываются, предупрежденные: «что предстоитъ совѣтъ о дѣлѣ важномъ и возмутительномъ.»

29. Между тѣмъ Либонъ, перемѣнивъ одежду, съ знатнѣйшими женщинами обходитъ дома, умоляетъ родныхъ, требуетъ голоса (защиты) противъ грозящей ему опасности. Всѣ отказывались подъ разными предлогами, а въ сущности изъ такого же страха. Въ день созванія сената, истомленный страхомъ и нездоровьемъ или, какъ нѣкоторые передали, притворившись больнымъ, на носилкахъ отнесенъ къ дверямъ сената; опираясь на брата, обращалъ онъ къ Тиберію протянутыя руки и рѣчи съ мольбою; все это не производило никакого впечатлѣнія на безстрастное лицо Тиберія. Вслѣдъ за тѣмъ Тиберій читаетъ обвинительный актъ и указываетъ свидѣтелей, такъ умѣренно, чтобы ни смягчать, ни ожесточать обвиненія.

30. Обвинителями, кромѣ Тріона и Ката, присоединились Фонтей Агриппа и К. Вибій и спорили—кому изъ нихъ дастся

право говорить противъ обвиненнаго: пока Вибій, такъ какъ они сами между собою не пришли къ соглашенію, и Либонъ вошелъ безъ защитника, вызвался порознь представить обвинительные пункты и выставилъ до того неразумные, что будто бы Либонъ совѣтовался: «будетъ ли онъ имѣть такое богатство, чтобы Аппіеву дорогу до самого Брундизія покрыть деньгами?» Были и другіе примѣры неразсудительнаго тщеславія, если снисходительно смотрѣть, то болѣе достойные состраданія. Впрочемъ, однимъ пунктомъ обвинитель уличалъ, что будто бы рукою Либона къ именамъ Цезарей и сенаторовъ прибавлены замѣтки или кровожадныя, или таинственныя. При отрицаніи подсудимымъ, положено подъ пыткою спросить единомышленниковъ рабовъ. А такъ какъ древнимъ сенатскимъ постановленіемъ запрещенъ былъ допросъ рабовъ въ уголовномъ дѣлѣ ихъ господина, то хитрый Тиберій, изобрѣтатель новаго права, велѣлъ публичному дѣльцу каждому изъ рабовъ порознь даровать свободу, съ тѣмъ разумѣется, чтобы противъ Либона допросить рабовъ, не нарушая сенатскаго постановленія. Подсудимый просилъ отложить дѣло до слѣдующаго дня; удалясь домой, онъ передалъ черезъ родственника своего П. Квирина главѣ государства свои послѣднія просьбы.

31. Получилъ отвѣтъ: «пусть проситъ сенатъ.» Между тѣмъ воинами оцѣплялся домъ, шумѣли даже въ передней, такъ что можно было ихъ слышать и видѣть; а самъ Либонъ, измученный пиршествомъ, которое онъ допустилъ какъ послѣднее наслажденіе, звалъ убійцу, хваталъ рабовъ за руки, вручая мечь. И когда они въ смятеніи убѣгая, опрокинули поставленный на столъ свѣтильникъ, во мракѣ, предвѣстникѣ ожидавшей его участи, нанесъ себѣ два удара во внутренности. На стоны упавшаго прибѣжали отпущенники и видя убійство, воины отступили. Впрочемъ передъ сенаторами обвиненіе проведено съ тѣмъ же упорствомъ и Тиберій клялся: «что домогался бы онъ жизни его въ какой бы онъ степени не былъ виновенъ, если бы не предупредилъ добровольною смертью.»

32. Имущество раздѣлено между обвинителями и претуры даны внѣ очереди тѣмъ, которые были изъ сенаторскаго сословія. Тогда Котта Мессалинъ подалъ мнѣніе: «чтобы изображеніе Либона не сопровождало похоронныя шествія его потомковъ.» Кн. Лентулъ: «чтобы ни одинъ изъ Скрибоніевъ не присоединялъ прозванія Друза.» Дни (благодарственныхъ молебствій) установ-

лены по мнѣнію Помпонія Флакка. Дары Юпитеру, Марсу, Согласію и празднованіе идъ сентябрскихъ, дня, въ который убилъ себя Либонъ—опредѣлены по мнѣнію Л. П. и Галла Азинія, Папія Мутила и Л. Апронія; ихъ значеніе и лесть привелъ я, чтобы извѣстно было—какое это старинное зло въ общественномъ порядкѣ. Состоялись сенатскія опредѣленія объ изгнаніи изъ Италіи математиковъ и маговъ; изъ числа ихъ Л. Питуаній сброшенъ со скалы. Съ П. Марціемъ поступили по древнему обычаю за Есквилинскми воротами, отдавъ приказаніе играть на трубахъ.

33. Въ слѣдующій за тѣмъ день засѣданія сената многое противъ роскоши, въ общество вкравшейся, сказано К. Гатеріемъ, бывшимъ консуломъ и Октавіемъ Фронтономъ, исполнявшимъ должность претора: опредѣлено: «для подачи кушаньевъ не дѣлать цѣльныхъ золотыхъ блюдъ; шелковое платье не должно осквернять мущину.» Выступилъ Фронто и требовалъ: «назначить мѣру серебру, домашней утвари и прислугѣ.» Все еще обычнымъ было у сенаторовъ тотчасъ же высказывать мнѣнія, какія они признавали соотвѣтствующими требованіямъ общественной пользы. Напротивъ Галлъ Азиній разсуждалъ: «съ распространеніемъ государства увеличились и частныя богатства и это не ново, но соотвѣтствуетъ древнѣйшимъ обычаямъ. Не тѣ у Сципіоновъ были деньги, что у Фабриціевъ и все это имѣетъ отношеніе къ общественноау дѣлу. Плохо идетъ оно — стѣсненіе въ домахъ гражданъ. Когда же оно дошло до такого блистательнаго состоянія, то и отдѣльныя личности поскользнулись. Да и въ количествѣ прислуги и серебра и всего, что идетъ въ употребленіе, излишество и умѣренность опредѣляются только состояніемъ того, кто владѣетъ. Отличены оцѣнкою цензомъ сенаторы и всадники не потому, чтобы отъ природы представляли различіе, но для того, «чтобы они стояли впереди и мѣстомъ, и порядкомъ и достоин«ствомъ и чтобы они имѣли готовое къ успокоенію духа или «здравію тѣла. Развѣ чѣмъ кто знаменитѣе, тѣмъ больше пред«стоитъ ему заботъ, больше опасностей брать на себя, а того, «что можетъ облегчать заботы и опасности, онъ долженъ себя «лишать?» Безъ труда дано согласіе Галлу вслѣдствіе сознанія пороковъ и сходства слушателей, подъ благовидными предлогами. Присоединилъ и Тиберій: «не время строгости; и если «обнаружился бы упадокъ нравственности, не будетъ недостатка «въ человѣкѣ, который бы исправилъ.»

34. Между прочимъ Л. Пизонъ, порицая: «происки форума, «подкупность судилищъ, жестокость ораторовъ, грозящихъ обвине- «ніями» высказывалъ свое желаніе: «удалиться и оставить городъ, «а жить въ какой нибудь отдаленной деревнѣ въ глуши». И съ этими словами оставлялъ зданіе сената. Подѣйствовало это на Тиберія и хотя онъ и самъ снисходительными словами старался успокоить Пизона, но и близкихъ его побудилъ—удержать удаляющагося вліяніемъ или мольбами. Не меньшее доказательство свободнаго выраженія скорби представилъ вскорѣ тотъ же Пизонъ—позвавъ на судъ Ургуланію, которую пріязнь Августы поставила выше законовъ. Да и Ургуланія не послушалась и, презрѣвъ Пизона, отправилась въ домъ Цезаря; но это не остановило Пизона, хотя Августа и жаловалась на насиліе и униженіе, Тиберій счелъ возможнымъ для гражданина на столько сдѣлать снисхожденія матери, что «пойдетъ онъ самъ къ трибуналу претора защитникомъ Ургуланіи». Вышелъ изъ дворца, отдавъ воинамъ приказаніе слѣдовать издали. Народъ сбѣгался, а онъ показывалъ совершенно спокойное лицо и въ разныхъ разговорахъ тянулъ и время, и путь, пока—такъ какъ родные тщетно старались удержать Пизона, Августа приказала принесть деньги, какія требовались. Тѣмъ и кончилось дѣло—и для Пизона не безчестное, и Цезарь вышелъ съ большею славою. Впрочемъ власть Ургуланіи въ государствѣ была до того чрезмѣрная, что она пренебрегла явиться свидѣтелемъ въ какомъ то дѣлѣ, которое разсматривалось въ сенатѣ. Посланъ преторъ допросить ее на дому, хотя старинный обычай былъ—выслушивать дѣвъ Вестальскихъ на форумѣ и судѣ всякій разъ, какъ онѣ высказывали свидѣтельство.

35. Дѣла, въ этомъ году предложенныя, не сталъ бы я излагать, если бы не заслуживало познакомить съ различными мнѣніями Кн. Пизона и Азинія Галла объ этомъ предметѣ. Пизонъ полагалъ: «хотя Цезарь и объявилъ, что онъ уѣзжаетъ, поэтому еще «больше должно дѣйствовать и будетъ честь общественному поряд- «ку если, и при отсутствіи главы государства, сенаторы и всад- «ники будутъ въ состояніи исполнить свои обязанности». Галлъ, такъ какъ предлогъ свободы предвосхитилъ у него Пизонъ, сказалъ: «ничего достаточно славнаго или соотвѣтствующаго достоин- «ству народа Римскаго не можетъ совершаться иначе какъ въ «присутствіи и на глазахъ Цезаря, а потому сходбище Италіи и «сосѣднихъ провинцій должно оставить до его прибытія» Слушалъ Тиберій и молчалъ, а дѣло было предметомъ большихъ споровъ и

съ той, и съ другой стороны. Но дѣла отложены. У Галла съ Цезаремъ завязалась борьба. Первый подалъ мнѣніе: «черезъ пять лѣтъ должны быть выборы должностныхъ лицъ и чтобы легаты легіоновъ, которые до претуры исполняли эту военную должность, уже тогда назначались бы въ преторы, а глава государства пусть назначаетъ ежегодно двенадцать кандидатовъ». Не было сомнѣнія, что мнѣніе это старалось проникнуть въ глубь и вывѣдать тайны власти. А Тиберій, какъ будто бы дѣло шло объ увеличеніи его власти, разсуждалъ: «не будетъ соотвѣтствовать его умѣренности—стольkихъ избирать, а столько отлагать (выборъ). И ежегодными выборами не избѣгаются неудовольствія, хотя въ отказѣ служитъ утѣшеніемъ близкая надежда; а сколько же ненависти будетъ со стороны тѣхъ, которые отброшены будутъ за пять лѣтъ далѣе! Откуда можно предузнать, какое у кого черезъ такой долгой промежутокъ времени будетъ расположеніе духа, состояніе, судьба? Гордятся люди и назначеніемъ на годъ; а что же будетъ если они тою же честью будутъ пользоваться въ продолженіи пяти лѣтъ? Упятерятся вовсе должностныя лица, нарушатся законы; они назначили срокъ времени, въ теченіи котораго кандидаты должны пускать въ ходъ свою дѣятельность—искать почестей и получать ихъ.

37. Благовидною по видимому рѣчью поддержалъ онъ силу власти. Онъ оказалъ пособіе въ цензѣ нѣкоторымъ сенаторамъ и тѣмъ было удивительнѣе, что онъ встрѣтилъ съ высокомѣріемъ просьбы М. Гортала, благороднаго юноши, находившагося въ явной бѣдности. Онъ былъ внукъ оратора Гортензія; щедрость Августа, давшаго десять сестерціевъ, вовлекла его въ женитьбу и рожденіе дѣтей для того, чтобы знаменитый родъ не пресѣкся. А потому поставивъ четырехъ своихъ сыновъ у порога Куріи, когда пришелъ его чередъ говорить—сенатъ былъ собранъ во дворцѣ—взирая, то на изображеніе Гортензія, находившееся въ числѣ ораторовъ, то на Августа, началъ говорить такъ: «отцы почтенные, вотъ этихъ (дѣтей), возрастъ и число «ихъ вы видите—произвелъ я на свѣтъ не по собственному по«бужденію, но по внушенію главы государства; вмѣстѣ съ тѣмъ «и предки мои заслуживали, чтобы имѣть потомство. Съ меня, «который вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ времени не могъ ни «принять, ни приготовить себѣ ни денегъ, ни расположенія на«рода, ни краснорѣчія—прирожденнаго качества нашего рода—«было достаточно того, чтобы стѣсненныя обстоятельства мои не

«были бы ни мнѣ въ стыдъ, ни кому либо въ тягость. По при-«казанію Императора—взялъ я жену.—Вотъ родъ и потомство «столькихъ консуловъ, столькихъ диктаторовъ и привожу я это «не для возбужденія зависти, но чтобы вызвать состраданіе! «Получатъ они, при твоемъ процвѣтаніи, Цезарь, почести какія «ты имъ дашь, а покамѣстъ правнуковъ К. Гортензія, воспитан-«никовъ Августа, отъ нужды защити.»

38. Расположеніе сената было побужденіемъ Тиберію—скорѣе этому воспротивиться, а въ слѣдующихъ почти выраженіяхъ: «если «сколько есть бѣдныхъ всѣ они начнутъ приходить сюда и дѣ-«тямъ своимъ просить денегъ, то каждый изъ нихъ отдѣльно «не удовлетворится, а общественныя средства изсякнутъ. И, ко-«нечно, не съ этою цѣлью дозволено предками нарушать иногда «обыкновенный докладъ дѣлъ,—высказывать въ видѣ мнѣнія то, «что относится до общественной пользы не съ тѣмъ, чтобы тутъ «дѣлать приращеніе своимъ частнымъ дѣламъ, своему частному «достоянію, навлекая неудовольствіе на сенатъ и государя, ока-«жутъ ли они снисхожденіе щедрости или откажутъ. Тутъ уже «не просьбы, но вымогательство неожиданное и несвоевременное, «когда сенаторы собрались совсѣмъ о другихъ дѣлахъ—вста-«вать, числомъ, возрастомъ дѣтей своихъ тревожить скромность «сената, такую же силу передавать мнѣ и какъ на проломъ брать «общественную казну; если мы ее истощимъ въ угоду иска-«тельствъ, прійдется пополнять ее преступленіями. Далъ тебѣ, «Горталъ, божественный Августъ денегъ, но безъ принужденія и «не съ тѣмъ, чтобы постоянно давать. Заглохнетъ конечно вся-«кая дѣятельность, водворится лѣность, если въ себѣ не бу-«детъ ни опасеній ни надеждъ. Беззаботно всѣ будутъ ожидать «чужой помощи, для себя нерадивые, а намъ въ тягость.» Это и въ такомъ родѣ—хотя съ одобреніемъ выслушано тѣми, которымъ въ обычаѣ хвалить все у государей честное и безчестное—отъ большинства принято въ молчаніи или съ затаеннымъ ропотомъ. Почувствовалъ это Тиберій и, немного помолчавъ, сказалъ: «далъ онъ отвѣтъ Горталу; впрочемъ, если сенаторамъ за-«благоразсудится, дастъ онъ дѣтямъ его по двѣсти тысячъ сес-«терцій каждому, сколько ихъ есть мужскаго пола.» Нѣкоторые благодарили, промолчалъ Горталъ или отъ страха или сохраняя даже и при стѣсненныхъ обстоятельствахъ врожденное благородство. И Тиберій послѣ этого не обнаружилъ состраданія, хотя домъ Гортензія впалъ въ самую постыдную бѣдность.

*

39. Въ томъ же году дерзость одного раба, если бы во время не было принято мѣръ, потрясла бы общественное дѣло раздорами и междуусобною войною. Рабъ Постума Агриппы, по имени Клеменсъ, узнавъ о кончинѣ Августа, замыслилъ духомъ не рабскимъ отправиться на островъ Планазію и хитростью или силою похитивъ Агриппу, увлечь его къ Германскимъ войскамъ. Припятствіемъ осуществленію его смѣлаго предпріятія была медленность транспортнаго судна. И какъ между тѣмъ убійство совершилось, то онъ, обратясь къ еще болѣе важному и опасному предпріятію, похитилъ пепелъ и отправясь въ Козу, мысъ Этруріи, скрылся въ незнаемыхъ мѣстахъ, пока не отпустилъ волосы и бороду, а возрастомъ и наружностью представлялъ онъ нѣкоторое сходство съ господиномъ. Тогда черезъ людей способныхъ, участниковъ его тайны, участилъ слухъ: «живъ Агриппа» сначала въ сокровенныхъ рѣчахъ, какъ обыкновенно все запрещенное, а вслѣдъ за тѣмъ неопредѣленною молвою жадному слуху каждаго самого неопытнаго, или, съ другой стороны, людямъ безпокойнымъ и вслѣдствіе того жаднымъ на новенькое; да и самъ начиналъ онъ посѣщать муниципіи въ полусвѣтѣ дневномъ, не показываясь явно и не оставаясь долго въ однихъ мѣстахъ; но все таки справедливость (слуховъ) подтверждалась тѣмъ, что онъ показывался и оставался хотя съ мнимою поспѣшностью и какъ то неопредѣленно, но оставляя о себѣ слухъ или предупреждая его.

40. Между тѣмъ по Италіи разносилось все болѣе и болѣе: «какъ даръ боговъ спасенъ Агриппа.» Вѣрили и въ Римѣ. Уже огромная толпа черни толковала, что онъ въѣхалъ въ Остію; тоже говорили въ городѣ тайныя сходбища. Тиберія тревожила двойная забота: силою ли воиновъ усмирить своего раба или ждать, чтобы само время дало возможность разсѣяться этой пустой довѣрчивости. То онъ соображалъ, что ничѣмъ пренебрегать не должно, то—что не всего же и бояться, колеблясь между стыдомъ и опасеніями. Наконецъ поручаетъ дѣло Саллюстію Криспу; тотъ выбираетъ изъ своихъ кліентовъ (нѣкоторые утверждаютъ, что то были воины) двухъ и убѣждаетъ ихъ, притворясь единомышленниками, явиться къ Клеменсу — предложить деньги, обѣщать вѣрность и опасности. Исполняютъ какъ было приказано; потомъ высмотрѣвъ ночное время, безъ стражи, при надлежащемъ содѣйствіи, связаннаго, съ зажатымъ ртомъ, потащили во дворецъ. На вопросъ Тиберія: «какъ сдѣлался Агриппою?»

отвѣчалъ: «какъ ты Цезаремъ.» Выдать товарищей не могли его принудить. Да и Тиберій не дерзнулъ на явную его казнь, а отдалъ приказаніе убить его въ секретной части дворца и тѣло унести тайкомъ и хотя было говорено, будто многіе изъ дому государя, какъ сенаторы такъ и всадники, поддерживали его денежными средствами и помогали совѣтами — оставлено безъ изслѣдованія.

41. Въ концѣ года открыты: арка, подлѣ храма Сатурна за взятые обратно значки, утраченные было съ Варомъ, подъ предводительствомъ Германика, счастіемъ Тиберія; храмъ доблестнаго жребія подлѣ Тибра въ садахъ, которые Цезарь Диктаторъ завѣщалъ народу Римскому; часовня роду Юліи и изображеніе божественнаго Августа у Бовиллъ. Въ Консульство К. Цецилія и Л. Помпонія, Германикъ Цезарь наканунѣ 7 дня Іюньскихъ календъ праздновалъ тріумфъ надъ Херусками, Каттами и Ангриваріями и всѣми другими народами, сколько ихъ ни живетъ до рѣки Альбы (Эльбы); везены добыча, плѣнные, изображенія горъ, сраженій и война, вслѣдствіе того что Германика не допустили ее кончить, считалась оконченною. Особенное вниманіе зрителей привлекала очаровательная наружность самого Германика, колесница, нагруженная пятью дѣтьми; но и тайное опасеніе овладѣвало при мысли: «расположеніе народа послужило не въ пользу отцу его Друзу, а дѣдъ его Марцеллъ похищенъ смертью въ ранней молодости при ревностной къ нему любви; недолговременны и неблагополучны привязанности народа Римскаго.»

42. Впрочемъ Тиберій отъ имени Германика роздалъ черни по триста сестерцій на человѣка и себя назначилъ товарищемъ его консульства. И тѣмъ не пріобрѣтя довѣрія въ чистосердечіи его расположенія рѣшился юношу удалить подъ предлогомъ почести, устроилъ поводы или воспользовался случайно представившимися. Царь Архелай уже пятидесятый годъ владѣлъ Каппадокіею, ненавистный Тиберію за то, что во время пребыванія его въ Родоссѣ, не почтилъ его никакимъ знакомъ вниманія. Да и это упущеніе сдѣлалъ Архелай не изъ гордости, но по внушенію приближенныхъ Августа, потому что, при процвѣтаніи К. Цезаря, отправленнаго на дѣла Востока, дружба Тиберія считалась не совсѣмъ безопасною; съ прекращеніемъ потомства Цезарей получивъ власть, Тиберій вызвалъ Архелая письмами матери; не скрывая раздраженія сына предлагала она милость, если онъ явится съ мольбою. Архелай, или не понимая коварства, или опа-

саясь насилія въ случаѣ, если дастъ разумѣть, что понимаетъ— спѣшитъ въ городъ. Безъ милосердія встрѣченъ онъ главою государства и вслѣдъ за тѣмъ обвиненъ въ сенатѣ; не вслѣдствіе обвиненій на него вымышленныхъ, но вслѣдствіе заботъ изнемогши отъ старости, а также потому что царямъ и на ряду со всѣми стать а не то что ниже, куда какъ необычно—окончилъ жизнь или добровольно или по указанію судьбы. Царство обращено въ провинцію и Цезарь высказавъ, что доходами съ нея можно облегчить пошлину одной сотой, установилъ двухсотую на будущее время. Въ то же время со смертью царей: Антіоха Коммагенскаго и Филопатора Киликійскаго, народы пришли въ смятеніе; большая часть желали власти Римлянъ, а другіе—царей. Провинціи—Сирія и Іудея, изнемогая подъ тяжестью податей, просили уменьшенія.

43. А потому онъ (Тиберій) излагалъ передъ сенаторами это и объ Арменіи, то, что я привелъ выше: «волненіе Востока может быть успокоено только мудростью Германика: онъ самъ «уже въ преклонномъ возрастѣ, а Друзъ еще недостаточно воз«мужалъ.» Тогда декретомъ сенаторовъ предоставлены Германику провинціи, которыя отдѣлены моремъ съ большею властью, чѣмъ какая обыкновенно дается получившимъ провинціи по жребію или назначенію государя. Впрочемъ Тиберій удалилъ изъ Сиріи Кретика Силана, связаннаго узами родства съ Германикомъ, такъ какъ дочь Силана была просватана за Нерона, старѣйшаго изъ дѣтей Германика; а начальникомъ туда поставилъ Кн. Пизона человѣка съ характеромъ расположеннымъ къ насилію, неспособнымъ къ послушанію, съ жестокосердіемъ наслѣдованнымъ отъ его отца Пизона, который въ междуусобную войну возмутившуюся въ Африкѣ партію поддерживалъ противъ Цезаря самымъ энергическимъ содѣйствіемъ; потомъ послѣдовалъ за Брутомъ и Кассіемъ и, получивъ дозволеніе возвратиться, воздержался отъ искательства почестей, пока ставъ съ своей стороны предметомъ заискиванія, принялъ консульство назначенное ему Августомъ. Кромѣ наслѣдованнаго отъ отца расположенія духа воспламенялся онъ знатностью и богатствами жены его Планцины. Съ трудомъ уступалъ Тиберію; дѣтей его презиралъ какъ много ниже себя. Не считалъ сомнительнымъ, что онъ избранъ и поставленъ начальникомъ надъ Сиріею для обузданія надеждъ Германика. Вѣрили и тому, что Тиберій далъ тайныя порученія; а Планцину, внѣ всякаго сомнѣнія, Августа увѣщевала—преслѣдовать Агрип-

пину соревнованіемъ женскимъ. Въ самомъ дворѣ господствовалъ раздоръ и несогласіе—вслѣдствіе нѣмаго расположенія къ Друзу или Германику. Тиберій ласкалъ Друза какъ своего и собственной крови; а для Германика самое отчужденіе дяди увеличило любовь прочихъ, при томъ онъ превосходилъ знатностью материнскаго рода, имѣя дѣдомъ М. Антонія съ отцовской стороны и съ материнской—Августа; а Друза прадѣдъ, всадникъ Римскій Помпоній Аттикъ какъ то не шелъ (не соотвѣтствовалъ) повидимому изображеніямъ Клавдіевъ; супруга Германика—Агриппина превосходила плодородіемъ и доброю славою Ливію; но между братьями было полное согласіе, невозмущенное и борьбою между ихъ близкими.

44. Немного послѣ Друзъ посланъ въ Иллирикъ, чтобы навыкалъ военной службѣ и снискивалъ расположеніе войска. Притомъ же молодаго человѣка, который могъ избаловаться среди роскошнаго образа жизни въ городѣ, предпочиталъ имѣть въ лагеряхъ Тиберій и себя считалъ безопаснѣе, когда тотъ и другой сынъ командовалъ легіонами. А предлогомъ были Свевы, просившіе помощь противъ Херусковъ. Съ уходомъ Римлянъ, освободясь отъ страха извнѣ, по привычкѣ племени, притомъ же изъ соревнованія славы обратили оружіе другъ противъ друга. Силы народовъ, доблести вождей были одинаковы; но имя царя Маробода было ненавистно у его соотечественниковъ, а общее расположеніе было на сторонѣ Арминія, какъ воевавшаго за свободу.

45. А потому не только Херуски и союзники ихъ, старинные воины Арминія, взялись за войну, но даже изъ царства Морободуя Свевскія племена—Семноны и Лонгобарды отпали къ нему. Съ ихъ присоединеніемъ перевѣсъ силъ былъ бы на его сторонѣ, еслибы Ингвіомеръ съ отрядомъ приверженцевъ не перебѣжалъ къ Марободу, не вслѣдствіе другой причины, кромѣ той, что старикъ дядя не хотѣлъ повиноваться молодому человѣку, племяннику. Направляются войска съ равною съ той и другой стороны надеждою, и не такъ, какъ нѣкогда у Германцевъ, неопредѣленными набѣгами, или разбросанными отрядами. Въ долговременной съ нами войнѣ привыкли они слѣдовать за значками, подкрѣплять резервами, принимать приказанія главныхъ вождей. Тогда Арминій, дѣлая всему смотръ съ коня, какъ къ кому подъѣзжалъ, хвалился: «пріобрѣтенною назадъ вольностію, избитыми легіонами, добычею «Римлянъ и оружіемъ, отнятымъ у Римлянъ и находящимся въ «рукахъ многихъ; а Маробода напротивъ обзывалъ бѣглецомъ, не-

«знающимъ боеваго дѣла, находящимъ защиту въ трущобахъ Гер-«циніи—вовсе недавно черезъ подарки и посольства добивался сою-«за; предатель отечества, слуга изъ свиты Цезаря—изгнать его «слѣдуетъ съ расположеніемъ духа не менѣе непріязненнымъ, какъ «съ какимъ они умертвили Квинктилія Вара. Пусть они лишь хра-«нятъ въ памяти столько сраженій; исходомъ которыхъ и наконецъ «изгнаніемъ Римлянъ достаточно доказано—у кого изъ двухъ бу-«детъ верхъ въ предстоящей войнѣ».

46. Да и Марободъ не воздерживался отъ похвальбы собою или отъ ругательствъ на непріятеля; но, держа Ингвіомера, свидѣтельствовался: «что въ этомъ тѣлѣ вся честь Херусковъ, что его со-«вѣтами совершилось все, что случилось удачнаго. Арминій без-«разсуденъ, мало знакомъ съ дѣлами, чужую славу привлекаетъ «къ себѣ, потому что три легіона, находившихся въ бездѣйствіи «и вождя не знавшаго о коварствѣ, обманулъ вѣроломствомъ съ «большимъ бѣдствіемъ для Германіи и съ собственнымъ безславіемъ, «а между тѣмъ его жена и сынъ до сихъ поръ несутъ рабство. «А онъ—предметъ усилій двенадцати легіоновъ, подъ предводи-«тельствомъ Тиберія, сохранилъ неприкосновенною славу Герман-«цевъ. Вслѣдъ за тѣмъ обѣ стороны разошлись при равныхъ ус-«ловіяхъ; и не жалѣетъ, что въ ихъ рукахъ теперь—захотятъ ли «они лучше вновь весть войну противъ Римлянъ, или имѣть миръ «безъ кровопролитія?» Войска, возбуждаемыя такими рѣчами, подстрекали и собственныя побужденія; такъ какъ со стороны Херусковъ и Лонгобардовъ предстояла борьба за древнюю честь или недавнюю свободу, а съ другой стороны предстояла борьба за приращеніе власти. Нигдѣ столкновеніе не произошло съ большею силою и исходъ не былъ болѣе сомнителенъ, такъ какъ и съ той и съ другой стороны правое крыло было разбито. Надѣялись возобновленія битвы, но Марободъ сталъ лагеремъ на холмахъ. Это было признакомъ его пораженія и, мало по малу оставленный перебѣжчиками, удалился въ землю Маркоманновъ и отправилъ пословъ къ Тиберію—просить помощи. Отвѣтъ данъ такой: «не «имѣетъ онъ права призывать вооруженныя силы Римлянъ противъ «Херусковъ, такъ какъ онъ не оказалъ никакого содѣйствія Рим-«лянамъ въ ихъ борьбѣ съ тѣмъ же самимъ непріятелемъ». Впрочемъ отправленъ, какъ мы выше привели, Друзъ утвердить миръ.

47. Въ этотъ же году двенадцать знаменитыхъ городовъ Азіи обрушились отъ ночнаго землетрясенія и по этому самому бѣдствіе было и неожиданнѣе и тяжеле. И обыкновеннымъ въ такихъ слу-

чаяхъ бѣгствомъ въ открытыя мѣста невозможно было воспользоваться такъ какъ разверзшаяся земля поглощала бѣгущихъ: «Огромныя горы опустились, а ровныя мѣста оказались крутыми; среди развалинъ сверкалъ огонь»—такъ упоминаютъ. Самое жестокое бѣдствіе постигло жителей Сардъ и привлекло на нихъ наиболѣе состраданія. И Цезарь обѣщалъ десять милліоновъ сестерцій и на пять лѣтъ отставилъ всѣ платежи въ казну общественную и государственную. Жители Магнезіи Сипильской признаны послѣ жителей Сардъ и наиболѣе пострадавшими и наиболѣе имѣющими право на помощь. Положено—Темніевъ, Филадельфеновъ, Эгеатовъ, Аполлонидензевъ и такъ называемыхъ Мостеновъ, и Македонянъ Гиркановъ, а также города Гіероцезарею, Мирину, Цименъ, Тмолу—освободить на тотъ же срокъ отъ податей и послать изъ сенаторовъ—на мѣстѣ осмотрѣть и оказать помощь. Выбранъ М. Алетъ изъ бывшихъ преторовъ для того, чтобы, какъ Азіею управлялъ бывшій консулъ, не произошло соперничества между равными и вслѣдствіе этого затрудненія.

48. Свое великое пожертвованіе на общественное дѣло увеличилъ Цезарь щедростью не менѣе пріятною (народу), имущество Эмиліи Музы, умершей безъ завѣщанія, которое должно было поступить въ казну, отдалъ Емилію Лепиду, къ роду котораго она по видимому принадлежала, а наслѣдство Патулея, богатаго всадника Римскаго, хотя и самъ, по завѣщанію, состоялъ въ части наслѣдникомъ, передалъ М. Сервилію, который, какъ оказалось, былъ написанъ въ первомъ по времени духовномъ завѣщаніи незаподозрѣнномъ; причемъ онъ (Тиберій) высказалъ, что знатность того и другаго требуетъ помощи соотвѣтствующими денежными средствами. И ничьего наслѣдства онъ не касался, развѣ когда его заслужилъ дружественными отношеніями; а незнакомыхъ и изъ непріязни къ другимъ обращавшихся (съ наслѣдствомъ) къ главѣ государства—постоянно держалъ отъ себя вдали. Впрочемъ, если онъ оказалъ пособіе честной бѣдности людей стоющихъ, то расточившихъ свое имущество и пришедшихъ въ крайность вслѣдствіе пороковъ—Вибидія Варрона, Марія Непота, Аппія Аппіана, Корнелія Суллу, К. Вителлія удалилъ изъ сената или смотрѣлъ равнодушно, какъ они добровольно удалились

49. Въ это же время храмы боговъ, разрушенные или временемъ или огнемъ, начатые Августомъ, освятилъ - Либеру и Либерѣ и Церерѣ подлѣ большаго цирка, выстроенный по обѣту когда то данному А. Постуміемъ диктаторомъ; въ томъ же мѣстѣ поставленъ храмъ Флоры Эдилями Луціемъ и Маркомъ Публиціями и

Яну храмъ, у овощнаго рынка, построенный К. Дуилліемъ, что первый счастливо дѣйствовалъ изъ Римлянъ на морѣ и заслужилъ почести морскаго тріумфа надъ Карфагенянами. Храмъ Надежды посвященъ Германикомъ; обѣтъ его воздвигнуть далъ Атилій въ ту же войну.

50. Между тѣмъ законъ (оскорбленія) величества развивался все болѣе и болѣе. Доносчикъ призывалъ къ суду въ силу этого закона Апулеію Вахилію, внуку сестры Августа—будто бы она издѣвалась поносными словами надъ божественнымъ Августомъ, Тиберіемъ и его матерью и, будучи въ родствѣ съ Цезаремъ, нарушаетъ святость брачнаго союза. «Относительно нарушенія брачнаго союза достаточно предусмотрѣно закономъ Юліанскимъ.» Такъ рѣшено, «обвиненіе же въ оскорбленіи величества, Цезарь «требовалъ отдѣлить и подвергнуть ее осужденію, если она го-«ворила объ Августѣ что либо непочтительно: о выраженіяхъ же «ея относительно его, Тиберія, не хочетъ онъ, чтобы производимо «было изслѣдованіе.» Будучи спрошенъ консуломъ: «какое же «его мнѣніе будетъ относительно того, что она уличается въ «неприличныхъ выраженіяхъ относительно его матери?»—смолчалъ. Потомъ въ ближайшій день засѣданія сената, просилъ и отъ имени матери: «чтобы никому не ставили въ вину никакихъ вы-«раженій и относительно ея.» И освободилъ Апулею отъ преслѣдованія по обвиненію въ оскорбленіи величества; отпросивъ ее отъ болѣе строгаго наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности, убѣдилъ: «по примѣру предковъ удалить ее отъ ея род-«ственниковъ за двухсотый милевой столбъ.» Ея соблазнителю Манлію запрещено пребываніе въ Италіи и Африкѣ.

51. О замѣщеніи преторской вакансіи, открывшейся послѣ Випсанія Галла, похищеннаго смертью, произошла борьба. Германикъ и Друзъ—въ то время они находились еще въ Римѣ—поддерживали Гатерія Агриппу, родственника Германику. Напротивъ большинство усиливалось, чтобы въ кандидатахъ преимущественно было уважено число дѣтей какъ требовалъ законъ. Радовался Тиберій, что сенатъ производилъ разбирательство между дѣтьми его и законами. Безъ сомнѣнія законъ побѣжденъ, но и не тотчасъ же и небольшимъ перевѣсомъ голосовъ, такъ какъ законы были побѣждаемы и тогда, когда еще имѣли силу.

52. Въ этомъ же году началась война въ Африкѣ, а предводителемъ враговъ былъ Такфаринатъ. Онъ, родомъ Нумидъ, служилъ во вспомогательныхъ войскахъ Римскихъ, потомъ де-

зертировалъ и собралъ сначала бродягъ и привыкшихъ жить воровствомъ съ цѣлью грабежа и похищенія; потомъ, согласно военному обычаю, устроилъ ихъ по значкамъ и отрядамъ; наконецъ сталъ онъ уже вождемъ не толпы нестройной, а Мусулановъ. Этотъ сильный народъ, жившій близко отъ пустынь Африки, вовсе не имѣвшій еще понятія о жизни въ городахъ, взялся за оружіе и увлекъ на войну и сосѣдей своихъ Мавровъ; у этихъ вождемъ былъ Мазиппа. Войско раздѣлено такъ, чтобы Такфаринатъ держалъ въ лагеряхъ людей отборныхъ и вооруженныхъ по обычаю Римлянъ, пріучая ихъ къ дисциплинѣ и исполненію приказаній. Мазиппа съ легковооруженнымъ войскомъ долженъ былъ разнести кругомъ — пожары, убійства и ужасъ. Побудили къ тому же и Цинитіевъ, народъ которымъ пренебрегать нельзя было. Тогда Фурій Камиллъ, проконсулъ Африки — легіонъ и сколько было подъ значками союзниковъ, собравъ во едино, повелъ къ непріятелю; войско небольшое, если принимать въ соображеніе численность Нумидовъ и Мавровъ; но ничего такъ не опасались, какъ того чтобы они отъ страха не отказались воевать; надеждою на побѣду поставлены они въ такое положеніе, чтобъ быть побѣжденными. Вслѣдствіе этого въ середину поставленъ легіонъ, а на флангахъ легкія когорты и два эскадрона. Да и Такфаринасъ не уклонялся отъ боя. Разбиты Нумиды и послѣ многихъ лѣтъ имени Фурія досталась военная слава, такъ какъ послѣ того знаменитаго освободителя и сына его Камилла слава хорошихъ полководцевъ принадлежала другимъ родамъ. Да и этотъ, о комъ говоримъ, считался человѣкомъ не военнымъ. Тѣмъ съ большею готовностью Тиберій выхвалялъ передъ сенатомъ его дѣйствія и сенаторы опредѣлили отличія тріумфа и это Камиллу, по скромности его жизни, не навлекло наказанія.

53. Слѣдующій годъ имѣлъ консулами Тиберія въ третій разъ, Германика во второй; но эту почесть Германикъ принялъ у города Ахаіи Никополиса, куда онъ прибылъ чрезъ Иллирскій берегъ — повидаться съ братомъ Друзомъ, находившимся въ Далмаціи, вынеся неудачное, вслѣдствіе неблагопріятныхъ вѣтровъ, странствованіе по Адріатическому, а вслѣдъ за тѣмъ по Іоническому морю. А потому онъ немного дней потратилъ на исправленіе флота и вмѣстѣ посѣтилъ заливъ, прославленный Актійскою побѣдою, посвященною Августомъ военною добычею и лагерями Антонія, причемъ вспомнилъ онъ и предковъ своихъ, потомучто у него дядею съ материнской стороны былъ Августъ и дѣдомъ Антоній и вели-

кіе для него былъ тамъ образы и печальнаго и веселаго. Оттуда прибылъ въ Афины и, по договору, предоставлено древнему и союзному городу—пользоваться однимъ ликторомъ. Встрѣтили (Германика) Греки съ самыми изысканными почестями, хвалясь старинными своими дѣйствіями и словами, чтобы ихъ лесть имѣла больше достоинства.

54. Отправясь потомъ въ Евбею, переправился въ Лесбосъ, гдѣ Агриппина родила послѣднюю (по времени) дочь Юлію: за тѣмъ посѣтилъ онъ окраину Азіи, Перинѳъ и Византію, Ѳракійскіе города, вошелъ въ проливъ Пропонтиды и устье Понта, изъ желанія ознакомиться съ мѣстами древними и покрытыми славою; вмѣстѣ съ тѣмъ облегчалъ онъ положеніе провинцій, страдавшихъ или отъ внутреннихъ несогласій или отъ притѣсненій должностныхъ лицъ. Его на обратномъ пути пытавшагося осмотрѣть святыню Самоѳраковъ, отбили противные вѣтры. А потому онъ отъ Иліона и всего что тамъ есть достойнаго уваженія, вслѣдствіе разнообразія счастія и нашей колыбели, опять обратился въ Азію и присталъ къ Колофону, чтобы воспользоваться тамъ прорицалищемъ Кларія Аполлона. Не женщина тамъ, какъ у Дельфійцевъ, но священнослужитель изъ извѣстныхъ фамилій и навѣрное изъ Милета приглашенный—выслушиваетъ только что пришедшихъ для совѣта и имена; потомъ, удалясь въ пещеру, почерпнувъ воды потайнаго источника, незнакомый по большей части съ грамотностью и стихотворствомъ, даетъ отвѣты (правильно) сложенными стихами о предметахъ, какіе кто въ умѣ задумалъ. Говорятъ онъ — Германику обиняками, по обычаю оракула, провѣщалъ *раннюю кончину*.

55. А Пизонъ, чтобы скорѣе начать (исполненіе) назначеннаго —городское общество Аѳинянъ, испуганное его грознымъ нашествіемъ, обругалъ строгою рѣчью, косвенно упрекнувъ Германика: «что онъ «несоотвѣтственно чести Римлянъ, обошелся слишкомъ ласково не «съ Аѳинянами, которые перевелись отъ столькихъ бѣдствій, но «съ какою то смѣсью (осадкомъ) народовъ; а эти были союзника-«ми Митридата противъ Суллы, и Антонія противъ божественнаго «Августа.» Да и давнишнее ставилъ въ вину — какъ неудачно дѣйствовали они противъ Македонянъ и насильственно противъ своихъ соотечественниковъ; оскорбленъ онъ былъ раздраженіемъ и самаго города (жителей), такъ какъ они не уважили его просьбы относительно прощенія какого то Теофила, осужденнаго Ареопагомъ за обманъ. Потомъ быстрымъ плаваніемъ черезъ Циклады и сокращеннымъ морскимъ путемъ настигъ у острова Родоса Герма-

ника, которому не безъизвѣстно было—предметомъ какихъ преслѣдованій онъ будетъ; но онъ дѣйствовалъ съ такою кротостью, что когда поднявшаяся буря влекла (Пизона) на утесы и гибель врага можно было бы приписать случаю, послалъ триремы, при помощи коихъ Пизонъ высвобожденъ былъ изъ опасности. Но несмягченный этимъ, Пизонъ, едва стерпѣвъ замедленіе одного дня, оставилъ Германика и опередилъ его. Достигнувъ Сиріи и легіоновъ—подкупомъ, ухаживаніемъ, пособіями послѣднимъ изъ простыхъ воиновъ, смѣняя старыхъ сотниковъ и строгихъ трибуновъ, а мѣста ихъ раздавая своимъ кліентамъ и вообще кому ни на есть хуже—произвелъ въ лагеряхъ безпечность, въ городахъ своеволіе, допустилъ воиновъ свободно блуждать по полямъ и дошелъ до такой испорченности, что въ рѣчахъ большинства слылъ *отцомъ легіоновъ*. Да и Планцина не удерживалась въ границахъ того, что прилично женщинѣ, но присутствовала при упражненіяхъ всадниковъ, маневрахъ пѣхоты; высказывала ругательства на Агриппину, на Германика. И нѣкоторые даже изъ хорошихъ воиновъ были готовы исполнить и дурное, такъ какъ распространялся тайный слухъ, что: «все это дѣлается не безъ воли Императора.» Германику это было извѣстно, но усиленнѣе его забота была—поскорѣе поспѣть къ Армянамъ.

56. Издревле народъ этотъ отличался и двухсмысленнымъ расположеніемъ людей и самой земли, такъ какъ широко касаясь нашихъ провинцій, простирается далеко вглубь къ Медамъ. Находясь между обширныхъ Имперій, часто волнуются внутренними несогласіями, ненавидя Римлянъ и завидуя Парѳамъ. Царя въ то время они не имѣли съ удаленіемъ Вонона, но расположеніе народа клонилось въ пользу Зенона, сына Понтскаго царя, Полемона, такъ какъ съ самаго ранняго дѣтства поставивъ себѣ за образецъ учрежденія и обычаи Армянъ, охотою, пиршествами и вообще всѣмъ другимъ, что нравится дикарямъ, привязалъ къ себѣ вмѣстѣ и знатныхъ, и чернь. А потому Германикъ, въ городѣ Артаксатѣ съ одобренія знатнѣйшихъ лицъ, среди огромной толпы народа, надѣлъ на его голову вѣнецъ царскій. Прочіе, изъявляя почтеніе къ царю, привѣтствовали его именемъ *Артаксіи;* названіе это они заимствовали отъ имени города. А Каппадоки, обращенные въ форму провинціи, приняли К. Веранія легата; нѣкоторыя изъ податей царями установленныхъ уменьшены, для того чтобы обнадежить ихъ болѣе легкимъ Римскимъ владычествомъ. Начальникомъ надъ Комагенами поставленъ К. Сервей и тутъ-то въ первый разъ они подчинены суду претора.

57. Благополучное устройство всѣхъ дѣлъ у союзниковъ не радовало впрочемъ Германика вслѣдствіе наглости Пизона, который, получивъ приказаніе привесть въ Арменію часть легіоновъ или самъ, или черезъ сына—не исполнилъ ни того, ни другаго. Наконецъ сошлись они въ Циррѣ на зимнихъ квартирахъ десятаго легіона, скрѣпивъ сердце—Пизонъ противъ страха, Германикъ — чтобы не показаться угрожающимъ; былъ онъ, какъ я уже говорилъ, слишкомъ снисходителенъ. Но пріятели, мастера возбуждать раздраженіе, указывая на то, что было дѣйствительно, прибавляли и лжи, и разными способами винили Пизона, жену его и сыновей. Наконецъ въ кругу немногихъ приближенныхъ, Цезарь сталъ уже говорить въ такомъ тонѣ, какой вызывается скрытностью и раздраженіемъ. Пизонъ отвѣтилъ просьбами съ бранью и разошлись съ явною ненавистью. Послѣ того Пизонъ рѣдко показывался на трибуналѣ Цезаря и если когда и садился, то суровый и явно готовый на противорѣчіе. Слышался его голосъ на пиршествѣ, когда у царя Набатѣевъ поднесены были Цезарю и Агриппинѣ тяжелые золотые вѣнки, а Пизону и остальнымъ легкіе; «пиршество это дается сыну Государя Римскаго, а не царя Пареовъ» вмѣстѣ съ тѣмъ онъ бросилъ вѣнокъ и многое прибавилъ противъ роскоши и все это Германику, хотя и дерзкое, было еще выносимо.

58. Между тѣмъ пришли послы отъ Артабана, царя Пареовъ; онъ прислалъ ихъ: «напомнить дружбу и союзный договоръ, и «хочетъ онъ вновь скрѣпить его пожатіемъ рукъ и сдѣлаетъ онъ «уступку въ честь Германика въ томъ, что подойдетъ къ берегу Евфрата. «Впрочемъ онъ проситъ Вонона въ Сиріи не держать, чтобы онъ— «посылками по сосѣдству—старѣйшинъ племенъ не возбуждалъ къ «раздорамъ.» На это Германикъ далъ отвѣтъ въ самихъ пышныхъ выраженіяхъ о союзѣ Римлянъ и Пареовъ, а о прибытіи царя изъ уваженія къ нему (Германику) въ приличныхъ и скромныхъ. Вононъ удаленъ въ Помпеіополисъ, приморскій городъ Киликіи и сдѣлано это не только по просьбѣ Артабана, но въ непріятность Пизону, которому онъ былъ въ высшей степени пріятенъ вслѣдствіе весьма многихъ услугъ и подарковъ, которыми привязалъ Планцину.

59. Въ консульство М. Силана и Л. Норбана Германикъ отправился въ Египетъ, чтобы ознакомиться съ древностями; но предлогомъ была забота о провинціи; открытіемъ житницъ уменьшилъ онъ цѣну произведеній земли. Многое пустилъ онъ въ ходъ

пріятное народу: ходилъ безъ воиновъ съ непокрытыми ногами и въ Греческой одеждѣ, соревнуя П. Сципіону, о которомъ мы знаемъ, что онъ также поступалъ въ Сициліи, хотя война съ Карѳагенянами была въ полномъ разгарѣ. Тиберій слегка попенялъ его за его манеры и способъ себя держать, но очень строго побранилъ за то, что, противъ уставовъ Августа, не спросясь главы государства, вышелъ въ Александрію; потому что Августъ между прочими тайнами власти, запретивъ безъ особеннаго разрѣшенія доступъ сенаторамъ или знатнѣйшимъ изъ всадниковъ Римскихъ, поставилъ Египетъ въ исключительное положеніе для того, чтобы не стѣснилъ Италію голодомъ тотъ, ктобы эту провинцію, замкнутую и съ сухаго пути и съ моря, хотя бы и самимъ малымъ отрядомъ занялъ противъ несмѣтныхъ войскъ.

60. Но Германикъ, еще не зная, что поѣздки эта подвергалась осужденію, плылъ Ниломъ, начавъ отъ города Канопа. Построили его Спартанцы по случаю похороненнаго тамъ правителя судна—Канопа въ ту бурю, которою Менелай, плывшій въ Грецію, отброшенъ совсѣмъ въ другое море къ землѣ Либіи. Оттуда (отъ Канопа) въ самомъ близкомъ разстояніи устье рѣки, посвященное Геркулесу, о которомъ здѣшніе жители утверждаютъ, что онъ древнѣйшій и родился у нихъ, а что тѣ, которые впослѣдствіи обнаружили равныя съ нимъ качества, приняли его же прозваніе. За тѣмъ осмотрѣлъ онъ обширные слѣды древнихъ Ѳивъ и на воздвигнутыхъ громадахъ оставались еше Египетскія письмена, относившіяся къ прежнему богатству. Одинъ изъ старѣйшихъ священнослужителей, получивъ приказаніе перевесть родную ему рѣчь, передалъ: «жили когда-то семьсотъ тысячь человѣкъ военнаго со-«словія и съ этимъ войскомъ царь Рамсесъ овладѣлъ Ливіею, Эѳі-«опіею, Мидами, Персами, Бактріею и Скиѳами и какія земли «населяютъ Сиры, Армяне и смежные имъ Каппадоки—все это «было подъ его властью съ одной стороны до Виѳинскаго, а съ «другой до Ликійскаго моря.»—Читались и наложенныя племенамъ дани: вѣсъ золота и серебра, количество оружія и коней и дары храмамъ, слоноваю кость и благовонія, какое количество хлѣба и всѣхъ нужныхъ припасовъ какой народъ поставлялъ, не менѣе значительныя, какія теперь силою Парѳовъ или могуществомъ Римлянъ истребуются.

61. Впрочемъ Германикъ обратилъ вниманіе и на другія чудесныя явленія, изъ коихъ главное было каменное изображеніе Мемнона, издающее звукъ голоса, когда на него падаютъ лучи солнца

и между разбросанными и едва проходимыми песками на подобіе горъ выведены пирамиды состязаніемъ и богатствами царей: озеро, вырытое въ землѣ, пріемникъ избытка воды рѣки Нила, а индѣ узкое мѣсто и страшная глубина, не доступная никакимъ попыткамъ изслѣдователей. Оттуда пришли въ Элефантинъ и Сіэну, нѣкогда пограничные пункты Римскаго владычества, которое теперь простирается до Краснаго моря.

62. Между тѣмъ какъ это лѣто проходитъ для Германика по многимъ провинціямъ, не малой чести искалъ себѣ Друзъ, возбуждая Германцевъ къ несогласіямъ, чтобы они, сломивъ Маробода, домогались его конечной гибели. Между Гатонами былъ знатный юноша, по имени Катуальда, нѣкогда бѣглецъ отъ насилія Маробода, а теперь, въ сомнительныхъ его обстоятельствахъ, дерзнулъ на мщеніе. Онъ съ сильнымъ отрядомъ входитъ въ предѣлы Маркоманновъ и подкупивъ знатнѣйшихъ лицъ къ союзу, врывается въ царскій дворецъ и укрѣпленіе подлѣ находящееся. Найдена тамъ старинная добыча Свевовъ и изъ нашихъ провинцій служители и торговцы. Ихъ—торговыя дѣла, потомъ страсть пріобрѣсть побольше денегъ, наконецъ забвеніе отечества перенесли каждаго изъ его прежняго мѣстопребыванія въ непріятельскую землю.

63. Марободу, со всѣхъ сторонъ оставленному, не было другаго исхода, кромѣ въ милосердіи Цезаря. Перейдя Дунай въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ течетъ вдоль провинціи Норики, написалъ Тиберію не какъ бѣглецъ и проситель, но съ памятью прежняго своего счастія: «между тѣмъ какъ многіе народы знаменитѣйшаго нѣкогда «царя зовутъ къ себѣ, предпочелъ онъ дружбу Римлянъ.» Данъ Цезаремъ отвѣтъ: «будетъ для него въ Италіи безопасное и по«четное мѣсто, если останется; если же онъ найдетъ для своихъ «дѣлъ что либо другое полезнымъ, то можетъ уйдти съ тѣмъ же «довѣріемъ, съ какимъ пришелъ.» Впрочемъ сенату говорилъ онъ (Тиберій): «что ни для Аѳинянъ Филиппъ, ни народу Римскому «Пирръ или Антіохъ не были такъ страшны.» Существуетъ рѣчь, въ которой онъ превозноситъ: «величіе этого человѣка, силу под«властныхъ ему народовъ и (излагаетъ) какой близкой къ Италіи «врагъ и свой (осуществленный) планъ къ его уничтоженію.» Маробода держали въ Равеннѣ и дѣлали тотъ видъ, что въ случаѣ если Свевы забудутся, возвратится онъ на царство; но не вышелъ онъ изъ Италіи въ теченіи 18 лѣтъ и состарѣлся, много утративъ славы, вслѣдствіе излишняго пристрастія къ жизни. Тоже случилось и съ Катуальдою и тоже убѣжище; прогнанъ онъ не-

много послѣ силами Гермундуровъ и вождемъ Вибуліемъ; будучи принятъ, отправленъ въ Форумъ Юлія, поселеніе Нарбонской Галліи. И того (Маробода) и другаго (Катуальда) сопровождавшіе его соотечественники дикари, для того чтобы перемѣшанные не произвели смутъ въ спокойныхъ провинціяхъ, помѣщены по ту сторону Дуная между рѣками Маромъ и Кузомъ и данъ имъ царь Ванній изъ племени Квадовъ.

64. Вмѣстѣ получено извѣстіе, что «Армянамъ отъ Германика данъ царь Артаксій.» Опредѣлили сенаторы: «чтобы Германикъ и Друзъ вошли въ городъ съ почестями оваціи (малаго тріумфа). Построены и арки (ворота) по бокамъ храма Марса Мстителя съ изображеніемъ цезарей. Тиберій, упрочивъ миръ мудростью, радовался болѣе, чѣмъ если бы окончилъ войну сраженіемъ. А потому пытается подѣйствовать хитростью и на Рескупориса, царя Ѳракіи. Всѣмъ этимъ народомъ владѣлъ Реметалцесъ; съ его смертью Августъ предоставилъ часть Ѳраковъ Рескупорису, брату его, а часть сыну Котію. При этомъ дѣленіи воздѣланныя поля, города и прилежащее къ Греціи — Котію; все же невоздѣланное, суровое, прилежащее къ врагамъ, уступилъ Рескупорису. Самихъ царей характеры были: у того смирный и пріятный, а у этого суровый, жадный и недружелюбный. Но сначала они дѣйствовали съ притворнымъ согласіемъ: вслѣдъ за тѣмъ Рескупорисъ сталъ выходить за предѣлы, обращать къ себѣ данное Котію и дѣлать насиліе, когда онъ противился, еще нерѣшительно при Августѣ, котораго, какъ виновника того и другаго царства, опасался мстителемъ, если пренебрежетъ имъ. Но, услыхавъ о перемѣнѣ главы государства, сталъ насылать толпы разбойниковъ, срывать укрѣпленія, какъ поводы къ войнѣ.

65. Ничто такъ не тревожило Тиберія, какъ чтобы улаженное не разстроилось. Выбираетъ онъ сотника, который извѣстилъ бы царей — чтобы они оружіемъ не разбирались, и Котіемъ немедленно отосланы вспомогательныя войска, которыя онъ было приготовилъ. Рескупорисъ съ притворною скромностью требуетъ: «пусть они сойдутся «въ одно мѣсто: можно уладить несогласія переговорами.» Не долго оставались въ неизвѣстности о времени, мѣстѣ, самихъ условіяхъ, такъ какъ одинъ вслѣдствіе уступчивости, а другой коварства, все между собою и уступали, и принимали. Рескупорисъ, для скрѣпленія, какъ говорилъ, союзнаго договора, прибавилъ пиршество: веселіе продлилось далеко въ ночь. Котиса, вслѣдствіе пира и попойки, не принявшаго никакахъ мѣръ осторожности и, послѣ того какъ по-

нялъ коварство, призывавшаго въ свидѣтели: «святыню царства, боговъ одного и того же семейства и гостепріимные столы»—обременяетъ цѣпями. Овладѣвъ всею Ѳракіею, пишетъ къ Тиберію: «устроены были ему ковы, но виновникъ предупрежденъ.» Вмѣстѣ съ тѣмъ подъ предлогомъ войны противъ Бастарновъ и Скиѳовъ, усиливаетъ себя новыми войсками пѣшими и конными. Мягко написано: «если не было коварства, то можетъ онъ полагаться на «свою невинность; впрочемъ ни онъ, ни сенатъ иначе, какъ разо-«бравъ дѣло, не опредѣлятъ—на чьей сторонѣ правда и на чьей «оскорбленіе; а потому, передавъ Котія, пусть онъ явится и уст-«ранитъ обвиненіе въ преступленіи.»

66. Эти письма Латиній Пандъ, пропреторъ Мэзіи, послалъ во Ѳракію съ воинами, которымъ Котисъ долженъ быть выданъ. Рескупорисъ, нѣсколько времени оставаясь въ нерѣшительности между опасеніями и раздраженіемъ гнѣва, предпочелъ быть виновникомъ совершеннаго, чѣмъ начатаго преступленія, приказываетъ убить Котиса и ложно высказываетъ, будто бы онъ смерть себѣ причинилъ добровольно. Впрочемъ Цезарь не измѣнилъ разъ избраннаго образа дѣйствія; но, по смерти Панда, котораго себѣ непріязненнымъ уличалъ Рескупорисъ—Помпонія Флакка, стариннаго служаку и связаннаго съ царемъ тѣсною дружбою, а потому и болѣе годнаго къ его обману—вслѣдствіе преимущественно этихъ соображеній, поставилъ начальникомъ надъ Мэзіею.

67. Флаккъ, перейдя во Ѳракію—огромными обѣщаніями, хоть колебавшагося при мысли о своихъ злодѣяніяхъ, царя побудилъ—войдти въ Римскіе предѣлы. Тутъ окружилъ царя подъ предлогомъ почести сильный отрядъ. Трибуны и сотники просьбами и убѣжденіями, а чѣмъ далѣе отходили, болѣе явнымъ присмотромъ, наконецъ уже сознавшаго необходимость, увлекли въ городъ. Будучи обвиненъ въ сенатѣ женою Котиса, осужденъ—быть содержимымъ далеко отъ его царства. Ѳракія раздѣлена между сыномъ Реметалцеса, о которомъ навѣрное было извѣстно, что онъ противился намѣреніямъ отца и между дѣтьми Котиса; а такъ какъ они еще не возрасли, то дается Требелліенъ Руфъ, занимавшій должность претора, чтобы онъ въ промежуткѣ этого времени управлялъ царствомъ по примѣру, что предки наши послали въ Египетъ Марка Лепида опекуномъ дѣтей Птоломея. Рескупорисъ отвезенъ въ Александрію и тамъ, въ попыткѣ бѣжать, и можетъ быть это обвиненіе и придумано—убитъ.

68. Въ это же время Вононъ, о удаленіи котораго въ Кили-

кію я упомянулъ, подкупивъ сторожей, бѣжалъ къ Армянамъ; оттуда пытался проникнуть къ Албанцамъ, Геніохамъ и себѣ единокровному царю Скиѳовъ; подъ предлогомъ охоты оставивъ приморскія мѣста, онъ удалился въ непроходимыя лѣса; потомъ на быстромъ конѣ бросился къ рѣкѣ Пираму, но мосты на ней—сосѣдніе жители, услыхавъ о бѣгствѣ царя, сломали, а въ бродъ не могъ переѣхать; потому онъ связанъ на берегу рѣки Вибіемъ Фронтономъ, префектомъ всадниковъ; но скоро Реммій, будучи вызванъ—а онъ имѣлъ до этого надзоръ за царемъ, какъ бы въ раздраженіи гнѣва, прокололъ его мечемъ; отсюда еще больше вѣры, что, вслѣдствіе сознанія преступленія и опасенія суда, нанесъ онъ смерть Вонону.

69. А Германикъ, во возвращеніи изъ Египта, нашелъ, что всѣ его распоряженія относительно легіоновъ и городовъ уничтожены или растолкованы совсѣмъ иначе. Вслѣдствіе этого тяжкія обвиненія пали на Пизона; не менѣе возмутительны были и его попытки противъ Цезаря. Потомъ Пизонъ положилъ уйдти изъ Сиріи, но вслѣдъ за тѣмъ задержанный болѣзнью Германика, узнавъ, что онъ поправился и совершались обѣты за его здоровье, при посредствѣ ликторовъ разгоняетъ приведенныя жертвенныя животныя, изготовившихся священниковъ и ликовавшую чернь Антіохійскую. Тутъ онъ удалился въ Селевкію, дожидаясь (исхода) болѣзни, снова постигшей Германика. Силу болѣзни жестокую увеличивало убѣжденіе въ отравленіи ядомъ, принятымъ отъ Пизона. Находили въ землѣ и стѣнахъ вырытые останки человѣческихъ тѣлъ, стихи и обреченія, а также имя Германика, вырѣзанное на свинцовыхъ табличкахъ, полуистлѣвшій пепелъ, покрытый гадостью и прочія злыя колдовства, которыми, какъ полагаютъ, обрекаются души (адскимъ) подземнымъ божествамъ. Вмѣстѣ обвиняли присланныхъ Пизономъ, что они какъ будто бы слѣдили за развитіемъ болѣзни.

70. Германикомъ все это принималось не меньше подъ вліяніемъ раздраженія, какъ и опасеній: «если пороги осаждаются, если предстоитъ испустить духъ передъ глазами непріятелей—что потомъ «станется съ его несчастною женою? Что будетъ съ малыми дѣтьми. Уже ядъ кажется средствомъ слишкомъ медленнымъ; спѣшитъ «и не даетъ покою, чтобы одному имѣть провинцію, легіоны, но «еще не на столько пораженъ Германикъ и награда за преступленіе не достанется убійцѣ». Составилъ письмо «которымъ отказываетъ ему въ дружбѣ». Большая часть прибавляютъ, что приказалъ (Германикъ) Пизону удалиться изъ провинціи. Да и Пи-

зонъ, не медля долѣе, отплылъ на суднѣ, но замедлялъ движеніе, чтобы имѣть возможность возвратиться скорѣе, если бы смерть Германика открыла для него Сирію.

71. Цезарь, не много было ободрившійся для надежды, а потомъ потерявъ силы тѣлесныя, когда приближался конецъ. къ стоявшимъ около друзьямъ сталъ говорить такъ: «если я бы сдѣ-«лался жертвою неумолимаго рока, то справедлива была бы моя «скорбь даже на боговъ, что они меня въ молодости чрезвычайно «раннимъ концомъ похищаютъ отъ родныхъ, дѣтей, отечества. Те-«перь же, сраженный злодѣяніемъ Пизона и Планцины, оставляю «въ сердцахъ вашихъ мои послѣднія просьбы. Передайте отцу и «брату, истерзанный какими злыми мученіями, какими злодѣйскими «умыслами окруженный—окончу бѣдственную жизнь самою жесто-«кою смертью. Если кого мои надежды, если кого родство кров-«ное, если даже кого зависть—и возбуждали противъ меня при «жизни моей—прольютъ слезы, что нѣкогда цвѣтущій, изъ столь-«кихъ войнъ вышедшій невредимымъ, палъ отъ женскаго коварства. «Будетъ вамъ основаніе жаловаться сенату, призывать законы. Не «въ томъ главная обязанность друзей, чтобы сопровождать умерша-«го безплоднымъ сожалѣніемъ, но помнить его волю; исполнить то, «что отъ него поручено. Оплачутъ Германика и люди ему незна-«комые. Тутъ то вы докажите, что ухаживали за мною, а не за «моимъ высокимъ положеніемъ. Покажите народу Римскому внуку «божественнаго Августа—она же супруга моя; перечтите шестеро «дѣтей. Состраданіе будетъ на сторонѣ обвинителей и придумываю-«щимъ преступныя порученія, или не повѣрятъ люди, или не про-«стятъ». Клялись друзья, касаясь руки умирающаго: «утратятъ прежде духъ, чѣмъ мщеніе. «Тогда, обратясь къ женѣ, умолялъ ее: «памятью о себѣ, общими дѣтьми—не предаваться скорби, поко-«риться духомъ жестокой судьбѣ и по возвращеніи въ городъ со-«ревнованіемъ власти не раздражать тѣхъ кто сильнѣе». Вотъ что говорилъ онъ (Германикъ) явно, а другое тайно и этимъ самымъ какъ полагали обнаруживалъ страхъ передъ Тиберіемъ. Немного спустя угасъ при великомъ плачѣ провинціи и кругомъ жившихъ народовъ. Скорбѣли чужеземные народы и цари; такова была его ласка къ союзникамъ, снисхожденіе къ врагамъ; и видъ его и голосъ равно внушали почтеніе, величіе и важность своего высокаго положенія онъ сохранялъ, избѣгая зависти и надменности.

73. Погребеніе—безъ изображеній и пышности—хвалою и памятью его добродѣтелей, было прославлено. Были люди, которые его на-

ружность, возрастъ, родъ смерти по случаю близкаго сосѣдства самой мѣстности, гдѣ онъ погибъ, приравнивали Александру Великому: «и тотъ и другой красивый наружностью, знаменитаго рода, «не много перешелъ за тридцать лѣтъ, погибъ жертвою коварныхъ «замысловъ своихъ (близкихъ) и среди чужеземныхъ народовъ; но «этотъ кроткій въ отношеніи къ друзьямъ, умѣренный въ наслаж-«деніяхъ, провелъ жизнь въ супружествѣ съ одною, имѣлъ дѣтей «только законныхъ; но тѣмъ не менѣе отличался на сраженіяхъ; «даже если бы менѣе имѣлъ самонадѣянности и не былъ бы удер-«жанъ—подавилъ бы рабствомъ пораженныя столькими побѣдами «Германіи. Будь онъ одинъ полнымъ хозяиномъ всего, съ именемъ «и правомъ царскимъ, тѣмъ скорѣе пріобрѣлъ бы онъ военную сла-«ву, что онъ превосходилъ кротостью, умѣренностью и другими доб-«рыми качествами». Тѣло Германика, прежде чѣмъ быть преданнымъ сожженію, было обнажено на площади Антіохіи—это мѣсто назначено было для похоронъ—носило ли оно на себѣ признаки отравленія—достовѣрно не разъяснено. Въ разномъ смыслѣ толковали, смотря потому кто былъ болѣе подъ вліяніемъ сожалѣнія о Германикѣ и подготовленнаго заранѣе подозрѣнія или расположенія къ Пизону.

74. Потомъ было совѣщаніе между легатами и сенаторами, сколько ихъ тамъ ни находилось—*кого сдѣлать начальникомъ въ Сиріи* и, при слабомъ домогательствѣ остальныхъ, долго не рѣшались между Вибіемъ Марсомъ и Кн. Сентіемъ; потомъ Марсъ уступалъ Сентію какъ болѣе старому и болѣе усильно домогавшемуся. Онъ послалъ въ городъ (Римъ) женщину именемъ Мартину, пользовавшуюся въ той провинціи худою славою отравленій, а Планциною очень любимую по требованію Вителлія, Веранія и прочихъ, которые производили обвиненіе и устроивали слѣдствіе, какъ бы противъ уже признанныхъ преступниковъ.

75. Агриппина, хотя истомленная горемъ и сама больная, но не перенося ничего, чтобы могло замедлить мщеніе, сѣла на корабль съ прахомъ Германика и дѣтьми при общемъ сожалѣніи: «что жен-«щина, занимающая по знатности первое мѣсто, еще недавно на-«ходившаяся въ прекраснѣйшемъ брачномъ союзѣ, которую обык-«новенно видѣли въ числѣ благодарящихъ поклонницъ (божествамъ) «теперь несетъ на груди смертные останки, еще неувѣренная въ «отмщеніи, въ заботахъ о себѣ и вслѣдствіе несчастнаго плодоро-«дія столько разъ (сколько дѣтей) въ зависимости отъ судьбы». Между тѣмъ Пизона у острова Кая настигаетъ гонецъ съ извѣс-

тіемъ, что Германикъ умеръ. Безъ всякой умѣренности принявъ это извѣстіе приноситъ жертвы, посѣщаетъ храмы и самъ не удерживалъ радости и въ особенности неприлично вела себя Планцина; она трауръ по умершей сестрѣ тутъ только перемѣнила на одежду радости.

76. Стекались сотники и убѣждали: «готово усердіе легіоновъ: «пусть возвращается въ провинцію, не по праву отнятую и неза- «нятую». А потому когда онъ совѣтовался: какъ поступить, сынъ М. Пизонъ полагалъ: «что надобно спѣшить въ городъ; еще ни- «чего не допущено, чего бы нельзя загладить и не слѣдуетъ бо- «яться ни подозрѣній ниначемъ неоснованныхъ, ни пустыхъ слу- «ховъ. Несогласіе съ Германикомъ можетъ быть достойно нена- «висти, а не наказанія: отнятіемъ провинціи дано удовлетвореніе «врагамъ. Если же возвратиться, то при сопротивленіи Сентія, нач- «нется междуусобная война; да и не долго останутся на ихъ «сторонѣ сотники и воины, у которыхъ свѣжа еще память объ «ихъ полководцѣ и любовь къ цезарямъ, глубоко проникшая, бу- «детъ имѣть болѣе силы.»

77. Напротивъ Домицій Целеръ, изъ числа самихъ близкихъ его пріятелей говорилъ: «надо пользоваться случаемъ. Пизонъ, а «не Сентій поставленъ надъ Сиріею; ему даны пуки и право «претора, ему—легіоны. Еслибы что и случилось непріязненнаго, «то чего же справедливѣе — противуставить оружіе ему, получив- «шему власть легата и особенный наказъ? Да и слухамъ надобно «оставить время, въ которое бы они устарѣли; по большей части «съ еще свѣжимъ раздраженіемъ и невинные не въ состояніи бо- «роться. Но если онъ удержитъ войско, увеличитъ свои силы, то «многое чего предвидѣть невозможно, случайно обратится къ луч- «шему. Не поспѣшимъ мы пристать вмѣстѣ съ прахомъ Германика, «чтобы при первой молвѣ тебя беззащитнаго и невыслушаннаго «похитили вопли Агриппинны и несмысленная чернь. Конечно Ав- «густа твоя единомышленница, Цезарь къ тебѣ расположенъ, но «втайнѣ; а о гибели Германика никто невысказываетъ такого глас- «наго сожалѣнія какъ тѣ именно, которые наиболѣе радуются.»

78. Безъ большаго труда Пизонъ, склонный къ мѣрамъ крутымъ, увлеченъ этимъ мнѣніемъ; отправивъ письмо къ Тиберію, обвиняетъ Германика: «въ роскоши и надменности и «онъ изгнанный съ цѣлью дать просторъ попыткамъ къ новому, воз- «вратился — имѣть заботу о войскѣ съ тою же вѣрностью съ «какою прежде его держалъ.» Вмѣстѣ отдаетъ приказаніе Домицію, сѣвъ на трирему: «избѣгать приближенія къ берегамъ и ми-

мо островов открытым морем плыть въ Сирію.» Сбѣгавшихся дезертировъ располагаетъ въ роты, вооружаетъ маркитантовъ, переправивъ суда на твердую землю, перехватываетъ отрядъ новобранцевъ идущихъ въ Сирію. Царькамъ Киликіи—*чтобы они* оказали ему содѣйствіе вспомогательными войсками—написалъ, при чемъ нелѣнивымъ на исполненіе военныхъ обязанностей оказался Пизонъ младшій, хотя и отклонялъ было необходимость начатія войны. А потому двигаясь вдоль береговъ Ликіи и Панфиліи встрѣтили суда, которыя везли Агриппину. И съ той, и другой стороны непріязненные—сначала изготовили оружіе, потомъ вслѣдствіе взаимныхъ опасеній, дѣло не перешло за брань. Марсъ Вибій далъ знать Пизону—«чтобы онъ явился въ Римъ для принесенія оправданій.» Тотъ уклончиво отвѣчалъ: «что явится когда «преторъ, который долженъ производить изслѣдованіе объ отрав«леніяхъ, назначитъ раньше день (явки) обвиненному и обвинителямъ.» Между тѣмъ Домицій, приставъ къ Лаодикеѣ, городу Сиріи, направился было къ зимнимъ квартирамъ шестаго легіона, такъ какъ онъ считалъ его наиболѣе склоннымъ къ осуществленію новыхъ замысловъ, но предупреждается Пакувіемъ легатомъ. Сентій открываетъ это Пизону письмомъ и убѣждаетъ: «не касаться лагерей людьми вредными (склоняющими къ порчѣ), ни провинцій войною.» Собираетъ въ одно тѣхъ, которые помнили Германика или врагамъ его враждебны, упоминая при этомъ случаѣ, что «оружіе наносится противъ величія Императора и общественнаго «порядка.» Ведетъ сильный отрядъ и готовый къ сраженію.

80. Да и Пизонъ, хотя начатое дѣло иначе выходило (принимало другой оборотъ) опустилъ самое безопасное изъ настоящаго положенія дѣлъ, а занялъ замокъ Киликіи сильно укрѣпленный, по имени Целендерисъ. Съ примѣсью дезертировъ и рекрутовъ только что передъ тѣмъ перехваченныхъ, своихъ рабовъ и Планцины, вспомогательныхъ войскъ Киликовъ, присланныхъ царьками, составилъ почти численность легіона. Высказывалъ, что: «онъ легатъ (намѣстникъ) цезаря, отъ провинціи, «данной имъ, устраняется, не легіонами—по ихъ приглашенію «прибылъ—но Сентіемъ, прикрывающимъ ненависть частнаго че«ловѣка ложными обвиненіями. Пусть они станутъ въ боевой по«рядокъ, а воины не будутъ сражаться какъ только увидятъ «что Пизонъ, отъ нихъ нѣкогда прозванный отцемъ—если дѣло «будетъ разбираться по праву, имѣетъ его на своей сторонѣ, а «если и оружіемъ, то не слабѣе.» Тутъ передъ укрѣпленіями

замка разставляетъ войска (соб. развертываетъ роты) на холмѣ крутомъ и обрывистомъ; а съ прочихъ сторонъ опоясывало море. Напротивъ—ветераны, устроенные въ порядкѣ и снабженные резервами; съ одной стороны была суровость воиновъ, съ другой мѣстности, но ни присутствія духа, ни надежды (на успѣхъ), ни даже оружія кромѣ полеваго, изготовленнаго для нечаяннаго употребленія. Какъ только сошлись на бой, то не дольше могло еще оставаться сомнѣніе, пока Римскія когорты не выбрались на ровное мѣсто; оборачиваютъ тылъ Килики и запираются въ укрѣпленіи.

81. Между тѣмъ Пизонъ флотъ, не вдали дожидавшійся, тщетно пытается аттаковать. По возвращеніи передъ стѣнами, то поражая самъ себя, то поименно вызывая воиновъ и приглашая ихъ наградами, начиналъ возмущеніе и дотого взволновалъ, что значконосецъ шестаго легіона перенесъ къ нему значокъ. Тутъ Сентій отдалъ приказаніе: «заиграть въ рога и «трубы, устремиться къ окопамъ и подставить лѣстницы и что«бы всѣ лучшіе воины были впереди, а прочіе чтобы бросали «изъ орудій копья, камни и зажженные пуки.» Наконецъ побѣждено упорство Пизона и онъ просилъ: «чтобы, выдавъ оружіе, оставаться ему въ лагерѣ, пока Цезарю будетъ возможность спросить—кому онъ предоставитъ Сирію.» Условія не приняты и недозволено ничего, кромѣ удалиться на суда и безопасно отправиться въ Римъ.

82. А въ Римѣ—когда все болѣе и болѣе распространялся слухъ о нездоровьи Германика и все, какъ обыкновенно изъ мѣстъ отдаленныхъ, приносилось увлеченное въ дурную сторону—господствовали скорбь, раздраженіе. Вырывались жалобы: «да вотъ «зачѣмъ онъ (Германикъ) былъ отосланъ на край земли! вотъ «отъ чего Пизону предоставлена провинція; вотъ что было пред«метомъ тайныхъ бесѣдъ Августы съ Планциною! Справедливое «вполнѣ толковали о Друзѣ старики; не нравится правителямъ «образъ мыслей сыновей достойнаго гражданина и не за другое «что перехвачены (скошены) какъ за то, что замышляли народъ «Римскій обнять правомъ равенства, возвративъ ему свободу.» Эти рѣчи народа—слухъ о смерти воспламенилъ до того, что прежде распоряженія властей, прежде сенатскаго опредѣленія, площади опустѣли, дома заперлись; вездѣ или молчаніе или вопли, ничего искусственно устроеннаго и хотя не удерживались и отъ внѣшнихъ признаковъ людей въ горѣ, но въ душахъ еще

глубже скорбѣли. Случилось, что купцы, вышедшіе изъ Сиріи еще при жизни Германика, принесли болѣе радостныя извѣстія о его здоровьи; тотчасъ повѣрили, разнесли слухъ, какъ только кто кому встрѣчался, хотя и слегка слышаннымъ, дѣлился съ другимъ, а тотъ съ увеличенною радостью переносилъ еще на другихъ; бѣгутъ по городу, вламываются въ двери храмовъ. Содѣйствовала легковѣрію ночь и болѣе готовое во мракѣ ея завѣреніе. Тиберій не старался опровергнуть неосновательности (слуха), пока съ теченіемъ времени онъ самъ собою не исчезъ.

83. А народъ тѣмъ съ большимъ сожалѣніемъ оплакивалъ какъ бы вдвойнѣ похищеннаго. Почести найдены и опредѣлены на сколько лишь хватило любви къ Германику или изобрѣтательности: «чтобы имя его было воспѣто въ Саліевыхъ стихахъ; «чтобы поставлены были курульныя кресла въ мѣстахъ Авгу-«стовыхъ священнослужителей и надъ ними помѣщены дубовые «вѣнки; чтобы во время игръ цирка его изображеніе изъ сло-«новой кости было несено впереди и чтобы на мѣсто Германика «ни фламиномъ, ни авгуромъ не назначался никто иначе какъ изъ «рода Юліевъ.» Прибавлены арки въ Римѣ и у берега Рейна и на Сирійской горѣ Аманѣ съ надписью совершенныхъ дѣяній и о томъ: «что принялъ смерть за отечество.» Надгробный памятникъ въ Антіохіи, гдѣ преданъ сожженію; трибуналъ въ Епидафнѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончилъ жизнь. Статуй и мѣстъ, гдѣ должна быть чтима его память, не легко было бы сосчитать. Когда присуждаемъ былъ щитъ, замѣчательный по величинѣ и отдѣлкѣ золотомъ, въ числѣ краснорѣчивыхъ ораторовъ, въ такомъ смыслѣ говорилъ Тиберій: «необходимо сдѣлать обыкновенный «и подобный прочимъ. Краснорѣчіе не зависитъ отъ высокаго по-«ложенія человѣка и довольно знаменитости, если его (Германика) «будутъ считать наравнѣ съ древними писателями.» Порядокъ всадничій назвалъ *клиномъ Германика*, что прежде прозывался Юніевъ и установилъ, чтобы эскадроны сопровождали его изображеніе въ Іюльскія Иды. Большая часть всего этого остается и теперь, а кое-что или тотчасъ опущено или время изгладило.

84. Впрочемъ, при свѣжемъ еще горѣ, сестра Германика Ливія, бывшая въ замужествѣ за Друзомъ, родила вмѣстѣ двухъ младенцевъ мужескаго пола; это явленіе, рѣдкое въ семействахъ съ средствами умѣренными, причинило такую радость главѣ государства, что не могъ удержаться отъ похвальбы передъ сенаторами: «что прежде никогда у Римлянъ у человѣка въ та-

«комъ высокомъ положеніи не родилось еще двойней.» Все, даже и случайное, обращалъ въ славу; по народу въ такое время и это принесло огорченіе, какъ будто бы пріумноженный дѣтьми Друзъ больше стѣснилъ домъ Германика.

85. Въ этомъ году строгими Сенатскими декретами сдержана похотливость женщинъ и постановлено: «чтобы тѣломъ своимъ не торговала та, у которой дѣдъ, отецъ или мужъ былъ всадникъ Римскій.» Потому что Вистилія, происходившая изъ семейства преторскаго, обнаружила передъ Едилями распутную жизнь, по обычаю принятому у древнихъ, которые полагали, что безстыднымъ женщинамъ достаточно наказанія въ самомъ исполненіи ихъ порочнаго ремесла. Потребовали и отъ Титидія Лабеона, мужа Вистиліи: «почему онъ при явномъ проступкѣ жены не прибѣгъ къ возмездію законовъ?» Когда онъ утверждалъ: «назначены шестьдесятъ дней на размышленіе, и еще непрошли,» то найдено достаточнымъ постановить приговоръ о Вистуліи и она скрыта на островъ Серифосъ. Толковали объ изгнаніи священнодѣйствій Египетскихъ и Іудейскихъ и составлено опредѣленіе сенаторовъ: «чтобы четыре «тысячи человѣкъ изъ сословія вольноотпущенниковъ, зараженныхъ «этимъ суевѣріемъ, которые находятся въ возрастѣ годномъ (для «военной службы) отвезены были въ Сардинію»—усмирять тамъ разбойниковъ, а еслибы и погибли отъ суровости климата, то—потеря небольшая; «остальные должны удалиться изъ Италіи, если «только къ извѣстному дню не оставятъ запрещенныхъ обрядовъ.»

86. Послѣ этого Цезарь доложилъ: «надобно взять дѣвицу на мѣсто Оціи,» а она въ продолженіи 57 лѣтъ съ величайшею святостью жизни, завѣдывала священнодѣйствіемъ весталокъ. Благодарилъ Фонтея Агриппу и Домиція Полліона: «что предлагая «своихъ дочерей, соревнуютъ одинъ передъ другимъ исполнить свою «обязанность передъ обществомъ.» Предпочтеніе отдано дочери Полліона не вслѣдствіе чего либо другаго, какъ того, что мать ея оставалась въ одномъ супружествѣ, а Агриппа разводомъ бросилъ тѣнь на свое семейство. Цезарь дочь его, хотя обойденную, утѣшилъ приданымъ, въ милліонъ сестерціевъ.

87. Такъ какъ народъ обвинялъ дороговизну хлѣба, то Тиберій постановилъ цѣну хлѣбу, какую долженъ былъ платить покупатель «подвѣ монеты будетъ онъ прибавлять купцамъ на каждую мѣру. Впрочемъ не принялъ и за это названія *отца отечества* предложеннаго еще раньше и рѣзко побранилъ тѣхъ, которые называли его занятія божественными и самаго—господиномъ. Вслѣдствіе

этого стѣснена и скользка была рѣчь при государѣ, который свободы боялся, а лесть ненавидѣлъ.

88. Нахожу у писателей и сенаторовъ того времени: читаны въ сенатѣ письма Адгандестрія, государя Каттовъ, въ коихъ обѣщалъ *смерть Арминія,* если только будетъ присланъ ядъ для совершенія убійства. Данъ отвѣтъ: «не коварствомъ и средствами «тайными, но явно и вооруженною рукою народъ Римскій мститъ своимъ врагамъ.» Этою славою Тиберій приравнивалъ себя древнимъ Императорамъ, которые воспретили употребленіе яда противъ царя Пирра и выдали.—Впрочемъ Арминій, по уходѣ Римлянъ и изгнаніи Маробода, домогаясь царства, имѣлъ противъ себя свободу соотечественниковъ и, вооружа ихъ противъ себя, боролся съ разнообразнымъ счастіемъ, и палъ вслѣдствіе коварства близкихъ. Внѣ всякаго сомнѣнія освободитель Германіи, онъ—не начатки народа Римскаго, но власть его въ самомъ цвѣтѣ затронулъ: въ сраженіяхъ нерѣшительныхъ, на войнѣ не побѣжденъ; исполнилъ 37 лѣтъ жизни и 12 власти; воспѣваемъ и до сихъ поръ у дикихъ народовъ; незнакомый лѣтописямъ Грековъ, которые удивляются только тому, что ихъ; да и у Римлянъ не столько извѣстный, такъ какъ мы превозносимъ древнее, нелюбопытные къ недавнему.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

---

1. Агриппина съ траурною урною встрѣчена великимъ плачемъ въ разныхъ мѣстахъ.—2. Торжество похоронъ; встрѣтили знатнѣйшія лица города.—3. Тиберій, Августа и Антонія не показываются публично.—4. Общественная скорбь.—5. Тиберій оказалъ себя скупымъ въ оказаніи похоронныхъ почестей.—6. Извиняетъ себя и ободряетъ народъ.—7. Оставлено прекращеніе дѣлъ. Друзъ уходитъ къ Иллирскимъ войскамъ.—8. Пизонъ къ Друзу.—9. оттуда въ Римъ съ бодрымъ духомъ.—10. Вслѣдъ за тѣмъ обвиненъ. Глава государства отсылаетъ дѣло къ сенату.—11. Отыскиваются подсудимому защитники.—12. Тиберія рѣчь къ сенаторамъ.—13. Обвинителей доводы, 14, подсудимый плохо опровергаетъ.—14. Противъ него судьи не обнаруживаютъ большой дѣятельности,

а народъ въ высшей степени враждебенъ.—15. Планцина дѣло свое отдѣляетъ. Смерть Пизона.—16. Сомнительно—не по приказанію ли—и завѣщаніе Тиберію.—17. Пизонъ сынъ оправданъ. Планцину простили вслѣдствіе просьбъ Августы. Мнѣнія противъ Пизона—18. Государь смягчаетъ. Неблагоразумная лесть.—19. Друзъ получаетъ почести оваціи. Випсанія умираетъ.—20. Такфаринасъ возобновляетъ войну въ Африкѣ.—21. Строгостью Апронія она подавлена.—22. Лепида обвинена въ ложныхъ родахъ, прелюбодѣяніи, отравленіи.—23. При нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ Тиберія осуждена.—24. Силанъ исхлопоталъ дозволеніе на ссылку.—25. Законъ Папія Поппея. Доносчики.—26. Нѣсколько словъ о законахъ, которые сначала были просты и немногочисленны.—27. Потомъ умножились до бозконечности.—28. Попытка ихъ поправить.—29. Неронъ, сынъ Германика, получаетъ повышенія почестей, беретъ въ супружество Юлію, дочь Друза.—30. Смерть и похвальное слово Саллюстія и Волузія, могущество при дворѣ невѣрно.—31. Консулами Тиберій и Друзъ. Замѣчена непочтительность молодежи. Забота о дорогахъ.—32. Такфиринасъ производитъ смятеніе вновь. Лепидъ проконсулъ Азіи.—33. Цецина удаляетъ женъ изъ провинцій.— 34.—Ему, съ поддержкою Друза, сопротивляется Вал. Мессалинъ.—35. Блезъ, проконсулъ Африки.—36. Злоупотребленіе изображеніями Государя.—37. Остановлено Друзомъ.—38. Обвиненные во взяткахъ, въ оскорбленіи величества. Движеніе во Ѳракіи.—39. Веллей подавляетъ.—40. Галлія возмущается подъ предводительствомъ Флора и Сакровира.—41. Андековеновъ усмиряетъ Авіола; Туроніевъ подавляетъ.—42. Флоръ падаетъ отъ собственной руки; конецъ Тревирскаго возмущенія.—43. Эдуевъ возмущаетъ Сакровиръ.—44. Поражаетъ страхомъ Римъ, но не Тиберія.—45. Силій.—46. Галловъ поражаетъ, панцырныхъ избиваетъ. Сакровіръ налагаетъ на себя руки.—47. Тиберій притворяется будто хочетъ идти въ Галлію.—48. Смерть Квирина почтена.—49. Луторій обвиненъ.—50. Защищается Лепидомъ.—51.

Умерщвленъ въ тюрьмѣ. Сенатское опредѣленіе объ отложеніи наказанія.—52. Едили толкуютъ объ уменьшеніи роскоши. Сенатъ это дѣло возлагаетъ на главу государства.—53. 54. Онъ объявляетъ, что пособія этому надобно ждать отъ времени.—55. Мало по малу сами собою перемѣнятся нравы.—56. Власть трибуна проситъ для Друза и 57. получаетъ при изъявленіяхъ лести сенаторовъ.—58. Діальскій фламинъ добивается провинціи.—59. Другіе сопротивляются. Друзъ замѣченъ въ надменности.—60—63. Изображеніе свободы.—*Азили* (пріюты) Греческихъ городовъ сенатъ разсматриваетъ и предписываетъ имъ способъ устройства.—64. Болѣзнь Августы. Тиберія къ матери нечистосердечная любовь.—65. Времена, зараженныя гнусною лестью. — 66. К. Силанъ призванъ на судъ во взяткахъ и оскорбленіяхъ величества.—67 отъ многихъ тѣснимъ и отъ самаго государя и 68. Осуждается. Лесть Долабеллы.—69. Подавляетъ Тиберій и смягчаетъ мнѣнія. — 70. Кордъ, Енній, Капито — подсудимые.—71. Всадничье счастье. Право фламиніевъ.—72. Базилика Павлла, театръ.—73, Безстыдная просьба Такфаринаса.—74. Блезъ на него нападаетъ, беретъ его брата, но войну не довершаетъ.—75. Смерть Салонина, Катона.—76. Юніи и ея торжественныя похороны. Все это совершалось въ теченіи трехъ лѣтъ въ консульство

М. Валерія и М. Аврелія—Тиберія Императора въ четвертый разъ и Друза Нерона во второй—К. Сульпиція и К. Гатерія.

---

1. Нисколько не оставляя плаванія зимняго моремъ, Агриппина приплыла къ острову Корцирѣ, лежащему напротивъ береговъ Калабріи. Тутъ немного дней взяла она успокоиться духомъ, неумѣренная въ горѣ и не умѣя переносить. Между тѣмъ, услыхавъ о ея прибытіи, каждый изъ близкихъ и друзей и очень много военныхъ, какъ тѣ, которые служили при Германикѣ, такъ и многіе неизвѣстные изъ сосѣднихъ городовъ, часть — считая это обязанностью въ отношеніи къ главѣ государства, а большинство, слѣдуя

за ними, бросились къ городу Брундизію, служившему для плавателей самимъ скорымъ и вѣрнымъ пристанищемъ. И какъ только увидѣли флотъ издали, наполнился не только портъ и ближайшія мѣста къ морю, но стѣны, дома и откуда только можно было видѣть подальше — толпою горевавшихъ и спрашивавшихъ другъ друга: «въ молчаніи ли или какимъ либо привѣтствіемъ должны принять, когда будетъ выходить изъ судна?» И недостаточно было извѣстно—что больше соотвѣтствовало бы времени; когда флотъ подошелъ мало по малу, не быстрою, какъ обыкновенно греблею, но все было прилажено къ выраженію печали. Послѣ того какъ Агриппина вышла изъ судна, держа траурную урну съ двумя дѣтьми, потупила глаза — одинъ у всѣхъ вырвался вопль, и невозможно было различать плачъ близкихъ и чужихъ, мущинъ и женщинъ. Только свиту Агрипинину, утомленную продолжительнымъ горемъ, встрѣтившіе, еще свѣжіе въ печали, опережали. Пославъ двѣ преторіанскія когорты, Цезарь присовокупилъ: «что власти Калабріи, Апулы и Кампанцы исполнятъ «послѣднія свои обязанности къ памяти его сына.» Вслѣдствіе этого прахъ несли на своихъ плечахъ трибуны и сотники; впереди шли неприлаженные значки, перевернутые къ низу пуки; а гдѣ переходили колоніи простой народъ въ черномъ одѣяніи, всадники въ траурѣ, сообразно съ средствами мѣстности, жгли одежды, благовонія и прочее, что обыкновенно во время похоронъ. Даже тѣ, города которыхъ находились въ сторонѣ, все таки выходили на встрѣчу и, устроивая жертвы и алтари богамъ тѣнямъ, слезами и восклицаніями свыдѣтельствовали о своемъ горѣ. Друзъ выступилъ въ Таррачину съ братомъ Клавдіемъ и дѣтьми Германика, находившимися въ городѣ. Консулы М. Аврелій и К. Аврелій (уже они заняли свои должности), Сенатъ и большая часть народа наполнили дорогу, разбросанные и съ плачемъ сколько кто хотѣлъ. Лести тутъ не было, такъ какъ всѣ знали худо скрытую радость Тиберія о смерти Германика.

3. Тиберій и Августа удержались показаться всенародно, считая несоотвѣтствующимъ ихъ величію явно проливать слезы, а можетъ быть какъ бы, когда всѣ глаза будутъ тщательно всматриваться въ ихъ лица, не уразумѣли бы ихъ лживость. Относительно матери Антоніи, ни у описывавщихъ эти событія, ни въ письменномъ дневникѣ имъ веденномъ, не нахожу, чтобы она исполняла какую нибудь видную обязанность, когда кромѣ Агриппины, Друза и Клавдія и прочіе одной крови поименно переписаны; но или удер-

жало ее нездоровье или духъ, побѣжденный плачемъ, всю громадность горя не могъ бы перенесть въ глазахъ. Всего легче я повѣрю, что ее удержали Тиберій и Августа, которые изъ дому не выходили, чтобы показать равную скорбь и что примѣръ матери подѣйствовалъ и на бабку и на дядю.

4. День, въ который останки Германика вносимы были въ гробницу Августа, или носилъ отпечатокъ могильной тишины или тревожимъ былъ плачемъ; полны городскія улицы, по Марсову полю сверкали факелы. Тамъ воины съ оружіемъ; должностныя лица безъ признаковъ своего достоинства, народъ по трибамъ, вопили: «погибло дѣло общественное, никакой надежды не осталось.» Съ большею готовностью и откровенностью, чѣмъ повѣрилъ бы кто что они помнятъ о властвующихъ надъ ними; ничто не кольнуло Тиберія болѣе, какъ усердіе гражданъ, обнаружившееся съ жаромъ къ Агриппинѣ; ее называли: «украшеніемъ отечества, «единственною кровью Августа, послѣднимъ (остаткомъ) примѣ«ромъ древности.» Обратясь къ небу и богамъ, молили: «потом«ство ея оставалось бы цѣлымъ и пережило бы неправедныхъ.»

5. Были, которые требовали «торжества всенародныхъ похоронъ» и сравнивали: «что Августъ совершилъ почетнаго и ве«ликолѣпнаго относительно Друза, отца Германика; такъ какъ «онъ самъ, въ крайне суровую зиму, вышелъ до Тичина и не от«ходя отъ тѣла вошелъ вмѣстѣ въ городъ. Окружали ложе (по«койнаго) изображенія Клавдіевъ и Ливіевъ; оплакивали его на «форумѣ, хвалили передъ рострами; собрано все, что найдено «предками или придумано потомками. А Германику не досталось «и обычныхъ почестей, должныхъ даже каждому человѣку «знатнаго рода. Конечно тѣло, вслѣдствіе огромнаго разстоянія «дорогъ, въ чужой землѣ какъ только можно было сожжено; но «справедливо было бы потомъ приложить еще больше почестей, «когда сначала судьба въ нихъ отказала. Братья встрѣтили «только на разстояніи ѣзды одного дня, а дядя даже и до «воротъ, и то не вышелъ на встрѣчу. Гдѣ же эти старинные «обычаи предковъ? Поставленное передъ ложемъ изображеніе, «стихи, внушенные воспоминаніемъ о его доблестяхъ, и похвалы, «и слезы, какъ возбужденія скорби?» Извѣстно это было Тиберію и чтобы подавить рѣчи народныя, внушалъ эдиктомъ: «много знаменитыхъ Римлянъ приняли смерть за отечество; но «никто не былъ прославленъ до такой степени живою скорбью. «Все это очень хорошо и для него и для другихъ, если только

«приложена будетъ умѣренность. Не одно и тоже прилично людямъ, стоящимъ во главѣ государства и народу властителю «(императору), что простымъ семействамъ или обществамъ. Еще «свѣжей печали приличенъ былъ плачь и утѣшеніе въ самомъ «горѣ; но пора уже обратить духъ къ ободренію, какъ нѣкогда «божественный Юлій, утративъ единственную дочь, какъ божественный Августъ когда у него исторгнуты были внуки, прогнали же прочь печаль. Вовсе не нужно примѣровъ болѣе древнихъ: сколько разъ народъ Римскій съ твердостью переносилъ «потери войскъ, гибель вождей, совершенную утрату знаменитыхъ «родовъ. Правители смертны, государство вѣчно, а потому пусть «возьмутся за свои обыкновенныя занятія, а—такъ какъ подходило время смотрѣть Магалезскія игры — то и за самыя удовольствія.»

7. Тутъ окончилось прекращеніе дѣлъ и каждый принялся за свои занятія. Друзъ отправился къ Иллирскимъ войскамъ; умы всѣхъ были на сторожѣ въ надеждѣ скораго отмщенія Пизону; раздавались частыя жалобы: «что онъ между тѣмъ странствуя по «веселымъ мѣстамъ Азіи и Ахеіи, надменнымъ и коварнымъ промедленіемъ старается уничтожить доказательства своихъ преступленій.» Такъ сдѣлалось общеизвѣстнымъ: «что посланная Кн. «Сентіемъ, какъ я выше сказалъ, знаменитая отравительница Мартина погибла въ Брундизіѣ внезапною смертью; ядъ оказался «скрытымъ у ней въ волосахъ и на тѣлѣ не оказалось никакихъ «признаковъ, чтобы она сама себѣ причинила смерть.» А. Пизонъ, пославъ впередъ въ Римъ сына и давъ порученія, какими онъ долженъ былъ смягчить главу государства, отправился къ Друзу; онъ надѣялся, что его онъ будетъ имѣть къ себѣ не столько ожесточеннаго вслѣдствіе гибели брата, сколько болѣе расположеннаго вслѣдствіе удаленія соперника. Тиберій, чтобы тѣмъ доказать безпристрастіе суда, принявъ ласково молодаго человѣка, обращается съ нимъ съ щедростью, какую обыкновенно употреблялъ относительно сыновей знатныхъ семействъ. Друзъ отвѣчалъ Пизону: «если «была бы правда въ томъ, въ чемъ его упрекаютъ, то мѣсто его «въ скорби было бы главнѣйшее, но предпочитаетъ онъ считать «это ложнымъ и пустымъ и смерть Германика не обращать кому либо въ пагубу.» Это онъ говорилъ явно и избѣгая какой либо таинственности. Да и небыло сомнѣнія, что такъ было предписано и Тиберіемъ, такъ какъ юноша обыкновенно простой и не хитрый дѣйствовалъ тутъ съ искуствомъ старика.

9. Пизонъ, переправясь черезъ Далматское море и оставивъ суда у Анконы черезъ Пиценъ, а потомъ Фламенскою дорогою, настигаетъ легіонъ, который былъ веденъ изъ Панноніи въ городъ, а потомъ на караулы въ Африку. Много толковъ было о томъ обстоятельствѣ: «что онъ дорогою во время движенія часто показывался воинамъ.» Отъ Нарніи, избѣгая подозрѣнія или вслѣдствіе того что люди робкіе обыкновенно незнаютъ на что рѣшиться, спустился по Нару, а потомъ по Тибру и усилилъ раздраженіе народа, приставъ съ кораблемъ къ могилѣ Цезарей. Днемъ, когда на берегу было много людей, и самъ среди большой толпы Кліентовъ, Планцина, окруженная женщинами—выступали съ веселыми лицами. Къ обстоятельствамъ, увеличивавшимъ негодованіе, принадлежало и то, что домъ Пизона, возвышавшійся надъ форумомъ, былъ украшенъ какъ на праздникъ, готовилось торжество и пиршество и вслѣдствіе знаменитости мѣста—ничего не могло оставаться втайнѣ.

10. На другой день Фульциній Тріо заявилъ у консуловъ требованіе къ Пизону. Съ другой стороны Вителлій, Вераній и прочіе изъ свиты Германика, домогались: «нѣтъ тутъ никакого дѣла «Тріону; да и они не обвинителями, но въ качествѣ свидѣтелей «и доказчиковъ событій передадутъ порученія Германика.» Онъ, опустивъ доносъ этого дѣла, добился позволенія обвинять его прежнюю жизнь и сенаторы просили государя, чтобы онъ принялъ на себя дознаніе. И подсудимый не уклонялся отъ этого, опасаясь расположенія умовъ народа и сенаторовъ. Напротивъ: «Тиберій доста- «точно силенъ, чтобы пренебречь слухами; да и связанъ онъ со- «участіемъ матери. Одинъ судья легче разберетъ истину и то, «что растолковано въ дурную сторону; ненависть же и не добро- «желательство преобладаютъ у большинства.» Тиберій сознавалъ всю тягость дознанія и то, какими толками терзали его собственную добрую славу. А потому, допустивъ немногихъ приближенныхъ, выслушиваетъ угрозы обвинителей, а съ другой стороны мольбы—и дѣло нетронутымъ возлагаетъ на сенатъ. Между тѣмъ Друзъ, возвратясь изъ Иллирика, хотя сенаторы и положили: «за принятіе Маробода и дѣла совершенныя въ предшествующее лѣто, войдти ему въ городъ съ почестями оваціи»—отлагая почесть, вошелъ такъ. Послѣ этого подсудимый просилъ себѣ защитниками Л. Аррунція, Т. Виниція, Азинія, Галла, Эзернина Марцелла и Секс. Помпея, но они отказывались подъ разными предлогами и явились защитниками М. Лепидъ, Л. Пизонъ и Ливиней Регулъ.

вниманіе всѣхъ гражданъ было возбуждено: «какая вѣрность у «друзей Германика, какая самоувѣренность въ подсудимомъ! До«статочно ли Тиберій сдерживаетъ и подавляетъ то, что чув«ствуетъ?» Къ этому болѣе чемъ къ чему либо другому внимательный народъ, относительно главы государства позволилъ себѣ болѣе тайныхъ толковъ или многозначительнаго молчанія.

12. Въ день собранія сената Цезарь сказалъ рѣчь, обдумавъ въ какомъ расположеніи духа: «Пизонъ былъ легатомъ и другомъ «его отца, а имъ данъ въ помощники Германику, по внушенію «Сената, для управленія дѣлами Востока. Тамъ наглостью и со«перничествомъ ожесточилъ юношу и предлежитъ безпристрастнымъ «настроеніемъ умовъ разобрать — радовался ли только онъ его «кончинѣ или Германикъ погибъ жертвою злодѣйства. Такъ какъ «если Пизонъ, будучи легатомъ, нарушилъ предѣлы своихъ обязан«ностей, нарушилъ долгъ повиновенія къ Императору, если смерть «его, а мое горе служило для него предметомъ радости, возненавижу его, устраню отъ моего дома, но не буду силою государя «мстить за частныя неудовольствія. А если откроется преступле«ніе, которое должно быть отомщено хотя бы касалось убійства «какого бы то ни было гражданина; то себѣ, и дѣтямъ Германика, «и намъ родителямъ доставите праведное утѣшеніе. Вмѣстѣ то «имѣйте въ виду, что Пизонъ обращался съ войскомъ какъ воз«мутитель и бунтовщикъ; искательствомъ старался онъ пріобрѣсть «расположеніе воиновъ; съ оружіемъ въ рукахъ домогался пріоб«рѣсть назадъ провинцію. Но можетъ быть это ложно и въ пре«увеличенномъ видѣ представили обвинители; на ихъ излишнее «усердіе, справедливо негодую. Къ чему напримѣръ шло — обна«жать тѣло, допускать его быть предметомъ празднаго зрѣлища «для черни, распустить и между чужеземцами слухъ, что онъ «погибъ жертвою яда, если все это еще не вѣрно и должно быть «предметомъ изслѣдованія? Оплакиваю моего сына и всегда буду «оплакивать; но не воспрепятствую подсудимому—представить все, «что можетъ обнаружить его невинность или обнаружить въ чемъ «даже могъ быть несправедливъ Германикъ. Да и васъ умоляю, «чтобы вы въ этомъ дѣлѣ потому только, что оно связано съ «моею скорбью, предложенныя обвиненія не приняли за доказан«ныя. Защитники, которыхъ ему дали или узы крови, или довѣ«ріе къ нему—помогите находящемуся въ опасности, на сколько «у кого достанетъ силы краснорѣчія и заботы. Такой же трудъ, «такое же постоянство убѣждаю имѣть и обвинителей. Только то

«сдѣлаемъ мы для Германика помимо законовъ, что изслѣдованіе «о его смерти будетъ производиться въ сенатѣ, а не на форумѣ «и сенаторами, а не (простыми) судьями. Во всемъ остальномъ «должна быть употреблена одинаковая умѣренность. Пусть никто «не видитъ ни слезъ Друза, ни моей печали и вообще того, что «противъ насъ вымышляютъ ложнаго.»

13. За тѣмъ назначенъ двухдневный срокъ для представленія обвиненій и чтобы черезъ промежутокъ времени въ шесть дней, обвиненный могъ защищаться въ продолженіи трехъ дней. Тутъ Фульциній начинаетъ старое и пустое: «съ надменностью и корыстолюбіемъ управлялъ онъ Испаніею». И доказанное это не могло обратиться во вредъ подсудимому, если въ недавнемъ оправдается а въ случаѣ еслибы онъ былъ въ этомъ защищенъ, немогло бы послужить къ его оправданію, если онъ будетъ связанъ болѣе значительными преступленіями. Послѣ него Сервей, Вераній и Вителлій. съ одинаковымъ стараніемъ, а Вителлій съ большимъ краснорѣчіемъ ставили въ вину подсудимому: «изъ ненависти къ Германику и желанія переворотовъ, Пизонъ—большинство простыхъ «воиновъ своеволіемъ и обидами союзниковъ до того испортилъ, «что отъ самыхъ, что ни есть худшихъ, получилъ названіе: *отца «легіоновъ*. Напротивъ, ко всѣмъ лучшимъ людямъ, въ особенно«сти сопровождавшимъ Германика и его друзей, былъ свирѣпъ; «наконецъ его самаго извелъ заклинаніями и ядомъ; это послужило «ему и Планцинѣ,—къ священнодѣйствіямъ и нечестивымъ приноше«ніямъ жертвъ. Взялся онъ за оружіе противъ государства и для «того, чтобы явиться подсудимымъ, побѣжденъ въ сраженіи.» Защита въ прочихъ отношеніяхъ была робка; невозможно было отвергать ни ухаживанья за воинами, ни того что провинція отдана была на жертву самымъ дурнымъ людямъ, ни даже ругательства противъ императора; только въ одномъ обвиненіи онъ повидимому оправдался. Да и обвинители не слишкомъ на этомъ настаивали, уличая его, будто бы онъ на пиршествѣ Германика, возлежа выше его, своими руками испортилъ пищу. Нелѣпымъ казалось,—чтобы Пизонъ дерзнулъ на это среди чужихъ рабовъ и въ виду столькихъ бывшихъ тамъ и передъ самимъ Германикомъ. Подсудимый предлагалъ всю свою прислугу и требовалъ исполнителей на пытку. Но судьи по разнымъ причинамъ были неумолимы: Цезарь—за войну нанесенную провинціи; сенатъ—не могъ вполнѣ повѣрить, чтобы смерть Германика не сопровождалась коварствомъ.

(*) написали требуя; но это отвергли и Тиберій. и Пизонъ. Передъ зданіемъ сената раздавались голоса народа: «если Пизонъ ускольз«нетъ отъ мнѣнія сенаторовъ. то они наложатъ на него руки». Изображенія Пизона влекли въ Гемоніи и разорвали бы—если бы, по приказанію главы государства, не были они защищены и поставлены на мѣсто. Вслѣдствіе этого Пизонъ увезенъ въ закрытыхъ носилкахъ трибуномъ преторіанской когорты; разные слухи были—сопровождаетъ ли это его стражъ безопасности, или исполнитель смертнаго приговора.

15. Такая же была не любовь къ Планцинѣ, но больше къ ней милости и потому считалось сомнительнымъ—насколько Цезарю относительно ея была воля. И сама, пока еще надежды Пизона были ни въ ту, ни въ другую сторону; обѣщала «что она раздѣлитъ его участь какая бы она ни была и, если къ тому дѣло пойдетъ, будетъ товарищемъ его гибели.» Но когда тайными просьбами Августы исхлопотала себѣ прощеніе, мало по малу начала удаляться отъ мужа и раздѣлять свою защиту отъ его. Подсудимый понялъ въ этомъ признакъ своей гибели, колебался—не сдѣлать ли послѣднюю попытку; по убѣжденію сыновей, укрѣпляется духомъ и снова входитъ въ сенатъ. Снесъ онъ возобновленіе обвиненія, непріязненные голоса сенаторовъ, все противъ него враждебное и неумолимое, но ничѣмъ такъ неустрашенъ какъ видя Тиберія безъ сострадания, безъ гнѣва, замкнутаго какъ бы упорствомъ, чтобы не дать мѣста прорваться какому либо чувству. Будучи отнесенъ домой, какъ бы придумывая защиту къ слѣдующему дню, немного написалъ, запечаталъ и передалъ вольноотпущеннику. Затѣмъ исполняетъ онъ обычную заботу относительно отдохновенія тѣла, много уже ночи прошло, когда по выходѣ жены изъ спальни, велѣлъ затворить дверь и на разсвѣтѣ найденъ съ проколотымъ горломъ, а мечь лежалъ на землѣ.

16. Помню слышалъ я отъ стариковъ—не разъ видали въ рукахъ Пизона книжечку, которую онъ самъ не пускалъ въ общее извѣстіе; но друзья его говорили: «содержитъ она письма Тибе«рія и порученія относительно Германика и имѣлъ было онъ на«мѣреніе—изложить это передъ сенаторами и уличить главу го«сударства, не будь онъ обманутъ Сеяномъ ложными обѣщаніями; да и не самъ собою погибъ онъ, но впущенъ былъ убійца.» Ни того,. ни другаго утверждать не стану; но и недолженъ былъ скрыть

(*) *Прим.* Здѣсь въ подлинникѣ пропускъ.

разсказанное тѣми, которыхъ жизнь продлилась до нашей молодости. Цезарь съ лицомъ, принявшимъ выраженіе печали, жаловался передъ сенатомъ, что «такая смерть имѣла цѣлью возбудить негодованіе противъ него» и частными вопросами допытывался: «какъ Пизонъ провелъ послѣдній день и ночь.» А онъ по большей части умно, а кое что и необдуманно отвѣчалъ—прочелъ послѣднюю волю Пизона, выраженную почти въ такой формѣ: «подавленный заговоромъ враговъ моихъ и тяжестью лживаго обвиненія, насколько нигдѣ нѣтъ мѣста ни истинѣ ни моей «невинности, свидѣтельствуюсь богами безсмертными что жилъ я, «Цезарь, вѣрнымъ къ тебѣ и съ такимъ же чувствомъ благоговѣнія къ твоей матери. И васъ умоляю подумайте о моихъ дѣтяхъ. Изъ нихъ Кн. Пизонъ нисколько не былъ участникомъ «моего жребія, все это время оставаясь въ городѣ. М. Пизонъ «отсовѣтывалъ мнѣ возвращаться въ Сирію; и за чѣмъ лучше я «неуступилъ сыну юношѣ чѣмъ, онъ старику отцу? И тѣмъ усерднѣе прошу, чтобы онъ невинный не поплатился за мои дурные «поступки. Сорока пяти лѣтнею службою, удостоенный когда то «отцемъ твоимъ божественнымъ Августомъ быть товарищемъ консульства, твоею прежнею дружбою—и никогда уже послѣ этого «не буду тебѣ докучать просьбами,—умоляю о спасеніи несчастнаго сына.»

17. О Планцинѣ ничего не прибавилъ. Послѣ этого Тиберій очистилъ юношу отъ обвиненія въ междуусобной войнѣ: «сынъ не могъ уклониться отъ приказаній отца» и вмѣстѣ сострадалъ надъ знатностью дома и надъ тяжкимъ несчастіемъ съ самимъ Пизономъ, какъ бы оно ни было заслужено. За Планцину говорилъ онъ со стыдомъ и противъ совѣсти, ссылаясь на просьбы матери; а на нее то преимущественно и раздавались тайныя жалобы всѣхъ лучшихъ людей: «такъ это долгъ бабушки—убійцу внука видѣть, приговаривать, исторгать у сената! Что законы требуютъ «за всѣхъ гражданъ, одному Германику не досталось! Вителлія «и Веранія голоса оплакали Цезаря, а Планцина нашла себѣ «защиту въ Императорѣ и Августѣ. Конечно теперь она—ядъ «и искусство, имѣвшее уже такое удачное приложеніе къ дѣлу «обратитъ на Агрипиину, на дѣтей ея и насытитъ примѣрную «бабку и дядю кровью несчастнѣйшаго семейства.» Затѣмъ истрачены еще два дни подъ видомъ слѣдствія. Тиберій приставалъ къ дѣтямъ Пизона, чтобы они защищали мать. И послѣ того какъ наперерывъ говорили обвинители и свидѣтели, а никто не

давалъ отвѣта, увеличивалось болѣе сожалѣніе, чѣмъ недоброжелательство. Первый спрошенъ о мнѣніи Аврелій Котта, консулъ (потому что при докладѣ Цезаря, и должностныя лица исполняли эту обязанность) онъ полагалъ: «имя Пизона изгладить изъ об-«щественныхъ памятниковъ; часть имущества назначить въ пуб-«личную продажу, часть отдать сыну Кн. Пизону, но чтобы онъ «перемѣнилъ прозваніе. М. Пизона, лишить сана, дать ему десять «милліоновъ сестерціевъ и сослать на десять лѣтъ, а Планцинѣ да-«ровать безнаказанность по просьбѣ Августы.» Въ этомъ мнѣніи многое смягчено Государемъ: «изъ общественныхъ памятниковъ недолжно быть изглажено имя Пизона, когда тамъ остаются имена М. Антонія, нанесшаго войну отечеству, Юлія Антонія, учинившаго насиліе въ домѣ Августа.» И М. Пизона избавилъ отъ потери чести и отдалъ ему отцовское достояніе; довольно твердый, какъ не разъ уже я замѣтилъ противъ денежныхъ соблазновъ, а въ то время былъ еще милостивѣе вслѣдствіе стыда въ оправданіи Планцины. Онъ же (Тиберій) воспротивился, когда подали мнѣнія Валерій Мессанинъ—чтобы поставлена была золотая статуя въ храмѣ Марса Мстителя, а Цецина Северъ—чтобы воздвигнутъ былъ жертвенникъ мщенію. Онъ говорилъ: «все это посвящается за внѣшнія побѣды; домашнія же бѣдствія надобно прикрывать печалью.» Прибавилъ Мессалинъ: «Тиберію, Августѣ, Агриппинѣ и Друзу надобно высказать благодарность за отмщеніе Германика», а о Клавдіѣ не упомянулъ. Мессалина Л. Аспренасъ передъ сенатомъ спросилъ: «съ умысломъ ли пропустилъ?» и уже тутъ только приписано имя Клавдія. А я чѣмъ болѣе обдумываю какъ то, что дѣлалось встарину, такъ и то что теперь дѣлается, тѣмъ болѣе замѣчаю во всѣхъ дѣлахъ человѣческихъ забавнаго. И по слуху, и по извѣстности, и по уваженію скорѣе всѣ назначались для власти кромѣ именно того, кого судьба припрятывала тайно какъ будущаго главу государства.

19. Немного дней спустя, Цезарь предложилъ сенату: «Вителлію, Веранію и Сервею дать священство. Фульцинію обѣщая свое содѣйствіе къ почестямъ, внушилъ, чтобы онъ краснорѣчіе не портилъ рѣзкостью. Таковъ былъ конецъ мщенія за смерть Германика, которая послужила предметомъ разнообразныхъ толковъ не только для людей тогда жившихъ, но и во времена послѣдующія; такъ самыя значительныя событія бываютъ сомнительными вслѣдствіе того, что иные какимъ бы то ни было обра-

зомъ услышанное считаютъ за достовѣрное; другіе самую истину обращаютъ въ противное; а въ потомство переходитъ и то, и другое.—Друзъ, выйдя за городъ для повторенія гаданій, вслѣдъ за тѣмъ вошелъ съ почестями оваціи. Немного дней спустя кончила жизнь Випсанія, его мать, одна изо всѣхъ дѣтей Агриппы смертью покойною; а прочіе или погибли явно мечемъ или какъ полагали—ядомъ и голодомъ.

20. Въ этомъ же году Такфаринасъ, о которомъ я упоминалъ, что онъ въ предшествовавшее лѣто разбитъ Камилломъ, возобновляетъ войну въ Африкѣ сначала неопредѣленными набѣгами и опустошеніями, по быстротѣ движенія остававшимися безнаказанными; потомъ сталъ уничтожать цѣлыя деревни, увлекать большую добычу. Наконецъ, недалеко отъ рѣки Пагида, окружилъ когорту Римскую. Надъ укрѣпленіемъ начальствовалъ Декрій, человѣкъ дѣятельный, опытный, на войнѣ; такую осаду считалъ онъ позоромъ. Онъ сдѣлалъ увѣщаніе воинамъ—чтобы они въ открытомъ мѣстѣ дали возможность сраженія—передъ лагеремъ устроиваетъ боевую линію. Первымъ натискомъ сбита когорта и Декрій быстро среди летящихъ стрѣлъ бросается на встрѣчу бѣгущихъ, ругаетъ значконосцевъ—«что воины Римскіе «обращаютъ тылъ передъ нестройными толпами бѣглецовъ.» Тутъ онъ получаетъ раны и хотя съ проколотымъ глазомъ, но все обращаетъ лицо прямо къ непріятелю; и битву не покинулъ пока не упалъ, оставленный своими.

21. Когда узналъ Л. Апроній, преемникъ Камилла, болѣе озабоченный позоромъ своихъ, чѣмъ славою непріятелей, вслѣдствіе преступленія рѣдкаго и въ то время и по старой памяти, десятаго человѣка изъ безславной когорты, жребіемъ назначеннаго, умерщвляетъ подъ палками. И эта строгость сдѣлала такую пользу, что отрядъ ветерановъ, числомъ не болѣе пятисотъ, разбилъ тѣже Такфаринатовы войска, когда они напали на укрѣпленіе называемое Тала. Въ этомъ сраженіи Руфъ Гельвій, простой воинъ, совершилъ подвигъ спасенія гражданина и получилъ отъ Апронія въ подарокъ ожерелье и копье. Цезарь прибавилъ гражданскій вѣнокъ (civica corona); онъ скорѣе жаловался, чѣмъ оскорбленъ былъ, что и его не далъ Апроній по праву Проконсула. А Такфаринасъ—такъ какъ Нумиды были устрашены и не хотѣли имѣть дѣла съ укрѣпленіями, раздробляетъ войну; при наступленіи онъ удалялся, опять являлся въ тылу и пока дикарь дѣйствовалъ такимъ образомъ, безнаказанно издѣвался надъ Ри-

млянами, утомленными безплодными поисками. А когда онъ свернулъ въ мѣста приморскія, то, будучи связанъ добычею, оставался въ постоянныхъ лагеряхъ; посланный отцемъ Апроній Цезіанъ съ конницею и вспомогательными когортами, къ которымъ онъ прибавилъ самыхъ ловкихъ воиновъ изъ легіоновъ — далъ удачное сраженіе противъ Нумидовъ и прогналъ ихъ въ пустынныя мѣста.

22. А въ Римѣ на Лепиду—у ней сверхъ славы (происхожденія отъ Эмиліевъ), были прадѣдами Л. Сулла и Кн. Помпей, послѣдовалъ доносъ — что она притворилась родившею отъ П. Квирина богатаго и безроднаго. Присоединяли къ этому прелюбодѣянія, отравленія и что чрезъ Халдеевъ дѣлались разспросы относительно дома Цезарей; подсудимую защищалъ братъ Манлій Лепидъ. Квиринъ и послѣ даннаго развода все еще непріязненный, только прибавлялъ сожалѣнія къ женщинѣ, какъ ни была она худо ославлена и виновна. Въ изслѣдованіи этого дѣла не легко было бы кому нибудь узнать истинный образъ мыслей государя, до того онъ разнообразно дѣйствовалъ, перемѣшивая признаки то раздраженія, то кротости. Сначала онъ упрашивалъ сенатъ: обвиненіе въ оскорбленіи величества не принимать въ соображеніе. А вслѣдъ за тѣмъ М. Сервилія изъ бывшихъ консуловъ и другихъ свидѣтелей склонилъ высказать то, что какъ будто бы хотѣлъ смолчать. Онъ же рабовъ Лепиды, когда она содержалась подъ военною стражею, перевелъ къ консуламъ и не допустилъ, чтобы съ пыткою распрашивали о томъ, что касалось его дома. Друза, назначеннаго консула, изъялъ отъ обязанности —первому говорить мнѣніе. Одни считали это гражданскою доблестью, чтобы другихъ не поставить въ необходимость соглашаться. Нѣкоторые относили къ жестокости: «не уступилъ бы онъ иначе, какъ съ обязанностью осудить.»

23. Лепида—въ дни игръ, которые наступили во время изслѣдованія, войдя въ театръ вмѣстѣ съ знатными женщинами, съ горькими воплями называя предковъ своихъ и самого Помпея, а его памятники и изображенія находились въ виду, вызвала такое состраданіе, что, разливаясь слезами въ крикахъ, желали «всего худшаго и ненавистнаго Квирину, которому уже старику «безродному самаго темнаго происхожденія дана, назначенная «когда то въ супруги Л. Цезарю и въ невѣстки божественному «Августу.» Потомъ пыткою рабовъ открыты преступленія и принято мнѣніе Рубеллія Блонда, который устранялъ ее отъ огня

и воды. Съ нимъ согласился Друзъ, хотя другіе болѣе снисходительныя подавали мнѣнія. Вслѣдъ за тѣмъ для Скавра, имѣвшаго отъ нея дочь, сдѣлано—чтобы имѣніе ея не было назначено въ публичную продажу. Тутъ только открылъ Тиберій: «узналъ онъ даже отъ рабовъ П. Квирина -- что Лепида покушалась и на него ядомъ.» Несчастіямъ знатныхъ домовъ (утратившихъ въ непродолжительное время Кальпурнія Пизона, Эмилія Лепида) послужило утѣшеніемъ возвращеніе Д. Силана семейству Юніевъ. Въ немногихъ словахъ припомню то, что съ нимъ случилось. На сколько имѣло силы счастіе Августа въ общественномъ дѣлѣ, на столько въ его домѣ оно было неблагополучно, вслѣдствіе безстыдства дочери и внуки; ихъ онъ изгналъ изъ Рима, а соучастниковъ въ преступленіи наказалъ или смертью, или ссылкою. Винѣ, весьма обыкновенной между мущинами и женщинами, придавалъ тяжкое названіе *оскорбленія религіи* и *насилія величеству* и выходилъ за предѣлы снисходительности предковъ и своихъ собственныхъ законовъ. Но другихъ участь, а также и прочее того времени, сохраню для памяти, если довершивъ то, что я вознамѣрился, протяну жизнь для большихъ заботъ. Д. Силанъ, соблазнитель внучки Августа, хотя строгость къ нему не перешла бы за предѣлы устраненія отъ дружбы Цезаря, понялъ за указаніе ему ссылку и только уже въ правленіе Тиберія, дерзнулъ умолять сенатъ и государя черезъ сильное вліяніе брата своего, М. Силана, который отличался и знатностью рода и краснорѣчіемъ. Но Тиберій, когда Силанъ благодарилъ, передъ сенаторами, далъ отвѣтъ: «и онъ съ своей стороны радуется, что братъ его вернулся изъ отдаленнаго странствованія; «и по праву это дозволено, такъ какъ онъ не былъ изгнанъ «ни сенатскимъ опредѣленіемъ, ни закономъ, но впрочемъ у «него всецѣлымъ осталось отцовское раздраженіе и возвращеніемъ «Силана не уничтожено то, чего хотѣлъ Августъ.» Послѣ того Силанъ находился въ городѣ (Римѣ), но почестей никакихъ не получалъ.

25. Потомъ доложилъ о смягченіи закона Папіа Помпеа, утвержденнаго Августомъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ Юльскихъ проэктовъ, съ цѣлью вызвать наказанія холостяковъ и усилить средства казначейства. Но послѣдствіемъ его не было усиленія числа браковъ и воспитанія дѣтей, а одиночество преобладало. Впрочемъ увеличивалось число лицъ, находившихся въ опасности, такъ какъ всякій домъ могъ пострадать отъ толко-

ваній доносчиковъ. И какъ прежде преступленія, такъ теперь законы стали въ тягость. Это обстоятельство внушаетъ глубже вникнуть въ начала права и въ то, какимъ образомъ достигли мы до такого безконечнаго множества и разнообразія законовъ.

26. Люди отдаленной древности, не имѣя еще никакихъ дурныхъ страстей, проводили жизнь безпорочно, безъ преступленій, а потому безъ необходимости наказаній или мѣръ обузданія. Да не было надобности въ наградахъ, такъ какъ честнаго добивался каждый по своимъ наклонностямъ. И гдѣ не было стремленій внѣ нравственности, нечего было запрещать страхомъ. Но съ утратою равенства—мѣсто скромности и стыда заступили честолюбіе и насиліе. Появилась страсть къ господству и на вѣки осталась у многихъ народовъ. Нѣкоторые тотчасъ или послѣ того, какъ цари имъ надоѣли, предпочли законы. Сначала они, по необразованности еще людей, были просты. Преимущественно были въ славѣ законы Кретійцевъ, написанные Миносомъ, Спартанцевъ—Ликургомъ и вслѣдъ за тѣмъ Аѳинянъ уже болѣе обработанные и многочисленные—Солономъ. Нами Ромулъ управлялъ какъ только ему хотѣлось; потомъ Нума связалъ народъ религіею и божественнымъ правомъ. Кое что придумано Тулломъ и Анкомъ, но Сервій Туллій былъ главнымъ установителемъ законовъ, которымъ должны были повиноваться и цари.

27. Съ изгнаніемъ Тарквинія противу домогательствъ патриціевъ народъ многое приготовилъ въ защиту свободы и для утвержденія согласія. Избраны децемвиры и сводомъ всего, что гдѣ либо нашлось лучшаго, составлены двѣнадцать таблицъ—вѣнецъ истиннаго права. Затѣмъ послѣ давали законы, хотя иногда и на злодѣевъ вслѣдствіе преступленія, но чаще вслѣдствіе раздоровъ между сословіями и домогательства недозволенныхъ почестей или для изгнанія людей знаменитыхъ и другихъ дурныхъ побужденій, насиліемъ введены. Отсюда Гракхи и Сатурнины, возмутители черни и не меньше щедрый именемъ сената Друзъ; союзники подкупленные надеждами или проведенные вмѣшательствомъ. Даже въ войну Итальянскую, вслѣдъ за тѣмъ междуусобную, не опущено того, чтобы утвердить много разнообразнаго, пока Л. Сулла диктаторъ, уничтоживъ и измѣнивъ прежнее, а еще больше прибавивъ, приготовилъ отдыхъ этому дѣлу, но не надолго; тотчасъ возмутительными предложеніями Лепида и немного послѣ—трибунамъ возвращенъ произволъ, куда ни захотятъ увлекать народъ. И уже не только въ томъ, что

касалось общества, но и относительно отдѣльныхъ личностей сдѣланы распоряженія и при высшей степени испорченности общества всего болѣе законовъ.

28. Тутъ Кн. Помпей, въ третій разъ консулъ избранный для исправленія нравовъ, сдѣлался болѣе въ тягость стараніемъ помочь, чѣмъ были тяжки самыя порочныя дѣйствія, своихъ же законовъ вмѣстѣ и творецъ и нарушитель, что защищалъ оружіемъ, оружіемъ же утратилъ. Вслѣдствіе этого постоянныя, въ теченіи двадцати лѣтъ, несогласія: ни нравственности, ни права. Самые возмутительные поступки оставались безнаказанными, а много честныхъ служили къ гибели. Наконецъ въ шестое консульство Цезарь Августъ, обезпеченный во власти, уничтожилъ, что бывши тріумвиромъ установилъ и далъ права, которыми мы должны пользоваться мирно подъ властью государя. Вслѣдствіе этого строже стали обязанности, приданы стражи и закономъ Папія Поппеа побуждены наградами, такъ что если права родителей теряли силу, то мѣсто ихъ заступалъ какъ бы общій отецъ —народъ. Но и глубже проникали; городъ, Италію и гдѣ только были граждане касались ихъ; многихъ состоянія совершенно разорены и ужасомъ грозили всѣмъ, если бы не Тиберій: чтобы помочь горю, онъ по жребію назначилъ пять бывшихъ консуловъ, пять бывшихъ преторовъ и столько же изъ остальнаго сената; они облегчили большую часть обязательствъ закона, что и послужило въ настоящемъ нѣкоторымъ облегченіемъ.

29. Въ это же время Нерона, изъ дѣтей Германика, уже вступившаго въ юношескій возрастъ, представилъ сенаторамъ и, не безъ смѣха слушателей, просилъ: «освободить его отъ обязанности домогаться Vigintiviratus (*) и пятью годами ранѣе, чѣмъ слѣдуетъ по законамъ, дозволить просить Квестуры. Приводимъ въ примѣръ —ему и брату опредѣлено то же самое по просьбѣ Августа. Не усумнился бы я, что уже въ то время находились люди, которые тайно издѣвались надъ подобными просьбами и впрочемъ это были первые ступени возвышенія Цезарей. Болѣе въ глазахъ былъ еще обычай старины и пасынкамъ съ вотчимомъ не такъ тѣсна была связь родственная, какъ дѣда относительно внука. Присоединяется первосвященство и въ какой первой день вступилъ онъ на общественную площадь (forum)—congiarium, подарокъ, простому народу, который сильно радовался, видя потомство Герма-

(*) *Прим.* Обязанности имѣть двадцатилѣтній возрастъ.

ника уже возмужалымъ. Радость еще увеличилась вслѣдствіе бракосочетанія Нерона и Юліи, дочери Друза. И какъ это встрѣчено благопріятными толками, такъ принято съ непріятнымъ чувствомъ, что сыну Клавдія тестемъ назначенъ Сеянъ. Казалось оскверняющимъ знатность семейства и черезъ мѣру возвышающимъ Сеяна, уже подозрѣваемаго въ честолюбивыхъ надеждахъ.

30. Въ концѣ года распростились съ жизнью знаменитые люди Л. Волузій и Саллюстій Криспъ. У Волузія старинный родъ, не выходившій впрочемъ далѣе преторства, а самъ внесъ консульство и со властью цензора, онъ занимался избраніемъ декурій всадниковъ и былъ первымъ собирателемъ богатствъ, которыми этотъ домъ необъятно усилился. Криспа, родившагося во всадническомъ сословіи, К. Саллюстій, знаменитый писатель исторіи Римской, внука сестры, принялъ въ свою фамилію. А тотъ, хотя и готовъ былъ ему доступъ къ полученію почестей, соревнуя Меценату, не имѣя достоинства сенаторскаго, превзошелъ могуществомъ многихъ увѣнчанныхъ тріумфомъ и бывшихъ консуловъ, отличался отъ обычая древнихъ опрятностью и заботливостью о своей наружности; вслѣдствіе избытка и богатства—ближе къ роскоши; впрочемъ обладалъ онъ силою духа, достаточною для самыхъ значительныхъ дѣлъ и тѣмъ дѣятельнѣе, чѣмъ больше показывалъ сонливости и лѣни. А потому и когда Меценатъ былъ еще не тронутъ—ближайшій, а вслѣдъ за тѣмъ былъ главнымъ, на комъ опирались тайны императоровъ, —зналъ онъ объ убіеніи Постумія Агриппы въ преклонномъ возрастѣ; болѣе по видимому былъ въ дружбѣ государя, чѣмъ пользовался силою — то же случилось и съ Меценатомъ. Такова уже участь власти, рѣдко вѣчной — пресыщеніе ли овладѣваетъ тѣми ли, что уже все дали, что можно, или другими, когда уже не осталось ничего болѣе желать.

31. Послѣдовало четвертое Тиберія и Друза второе консульство, знаменитое сотовариществомъ отца и сына; за два года передъ тѣмъ Германику съ Тиберіемъ была таже почесть, и для дяди не веселая и не представляла такой родственной связи. Въ началѣ этого года Тиберій какъ будто для поправленія здоровья, удалился въ Кампанію, мало по малу обдумывая долговременное и постоянное отсутствіе, или для того чтобы, съ удаленіемъ отца, Друзъ одинъ исполнялъ обязанности консульства. Случилось, что обстоятельство, само по себѣ ничтожное, обратясь въ размѣры значительнаго состязанія, подало молодому человѣку поводъ пріобрѣсть расположеніе. Домицій Корбуло, исполнявшій должность претора, жаловался

передъ сенатомъ на Л. Суллу, благороднаго юношу, что онъ ему во время гладіаторскихъ зрѣлищъ не уступилъ мѣста. За Корбулона были: лѣта, отеческій обычай, сочувствіе стариковъ. Напротивъ Мамеркъ Скавръ и Л. Аррунцій и другіе близкіе поддерживали Суллу. Состязались рѣчами и припоминаемы были примѣры предковъ, которые непочтительность молодежи строгими декретами заклеймили. Пока Друзъ не изложилъ того, что могло успокоить умы и Корбулону оказано удовлетвореніе Мамеркомъ; онъ вмѣстѣ и дядя и вотчимъ Суллы, былъ изъ ораторовъ того времени самымъ плодовитымъ. Тотъ же Корбулонъ, объявляя во всеуслышаніе—что большая часть дорогъ въ Италіи вслѣдствіе обмана содержателей и беззаботности должностныхъ лицъ, сдѣлались непроходимыми и какъ бы прерванными, принялъ на себя охотно исполненіе этого дѣла. И это не столько принесло пользы обществу, сколько было гибельно для многихъ, на деньги и добрую славу которыхъ съ жестокостью употребилъ онъ осужденія и продажи съ аукціона.

32. Немного спустя Тиберій въ посланныхъ къ сенату письмахъ увѣдомлялъ его: «взволнована опять Африка набѣгомъ Такфаринаса и по обсужденію сенаторами необходимо избрать за консула человѣка опытнаго въ военномъ дѣлѣ, сильнаго тѣломъ и котораго достало бы на войну.—Секстъ Помпей, получивъ поводъ высказать свою ненависть къ М. Лепиду, обвинялъ его какъ недѣятельнаго, нищаго, въ позоръ его предкамъ и что его за это надо устранить по жеребью и отъ Азіи. Сенатъ противорѣчилъ: «Лепидъ больше смиренъ чѣмъ недѣятеленъ; стѣсненныя обстоя-«тельства наслѣдовалъ онъ отъ отца и поддержалъ свое благород-«ство безъупречно, что и должно быть обращено ему въ честь, «а не въ позоръ». А потому онъ посланъ въ Азію. И относительно Африки опредѣлено: «Цезарю предоставить избраніе—кому ее поручить».

33. Тутъ же Северъ подалъ мнѣніе: «чтобы должностному ли-«цу, которому достанется провинція, не сопутствовала жена». Предварительно онъ подробно излагалъ: «съ женою живетъ онъ въ со-«гласіи и она родила ему шесть человѣкъ дѣтей и онъ, что хо-«четъ примѣнить къ общему дѣлу, соблюлъ и дома, удержавъ же-«ну въ Италіи, между тѣмъ какъ самъ по многимъ провинціямъ «исполнилъ сорокъ лѣтъ службы. Не даромъ и встарину было по-«становленіе, чтобы женщинъ не таскать съ собою къ союзникамъ «и чужестраннымъ народамъ. Въ присутствіи женщинъ есть кое-«что вносящее въ мирное время роскошь, въ военное—опасенія и

«движеніе Римскаго войска уподобляютъ нашествію народовъ ди-«кихъ. Полъ не только слабый и къ трудамъ неспособный, но если «только дашь волю—жестокій, честолюбивый, жадный къ власти. «Ходитъ (женщина) среди воиновъ, имѣетъ подъ рукою сотниковъ: «недавно женщина стояла въ главѣ упражненія когортъ, маневра «легіоновъ. Пусть сообразятъ—всякой разъ какъ кто либо обви-«няется во взяткахъ, большая часть обвиненій падаетъ на жену. «Къ нимъ тотчасъ льнетъ все что ни есть худшаго въ провинціи. «Онѣ берутъ на себя дѣла, ведутъ ихъ; двухъ лицъ выходовъ «ждутъ съ подобострастіемъ; двѣ главныхъ квартиры. А прика-«занія женщинъ болѣе рѣзки и неудобны. Онѣ, нѣкогда связанныя «Оппіевымъ и другими законами, теперь разорвавъ всѣ узы—бу-«дутъ управлять дѣлами гражданскими, а скоро и войскомъ».

34. Это все выслушано было съ одобреніемъ немногими; большинство старалось помѣшать: «и не доложено объ этомъ дѣлѣ, да «и Цецина плохой цензоръ въ такомъ важномъ вопросѣ. Затѣмъ «Валерій Мессалинъ; отецъ его былъ Мессала, было въ немъ по-«добіе отеческаго краснорѣчія, отвѣчалъ такъ: многое въ старину «суровое перемѣнено на лучшее и болѣе пріятное. И теперь, не «какъ прежде, городъ нашъ не находится въ облежаніи враговъ, «и провинціи уже болѣе не непріязненны и немногое дѣлается какъ «уступка необходимостямъ женщинъ, что не можетъ быть въ тя-«гость домамъ самихъ мужей, а не только союзниковъ, остальное—«общее съ мужемъ и нѣтъ въ этомъ никакой помѣхи миру. Ко-«нечно на войну надобно идти совершенно готовому; но по воз-«вращеніи съ трудовъ—что же приличнѣе, какъ не ласки жены? «Но нѣкоторыя сдѣлались причастны корыстолюбію и честолюбію! «Что же? Развѣ сами сановники не подвержены многимъ и разно-«образнымъ дурнымъ страстямъ? Но вѣдь нельзя же вслѣдствіе «этого никого не посылать въ провинціи. Мужья часто подверга-«ются вредному вліянію женщинъ; ну, а всѣ холостяки безпорочны? «Приняты нѣкогда Оппіевы законы,—того требовало положеніе го-«сударства. Потомъ сдѣланы уступки и смягченія, потому что «такъ признано полезнымъ. Тщетно нашу же недѣятельность будемъ «взваливать на другихъ. Мужъ въ томъ виновенъ, если жена вы-«ходитъ изъ границъ умѣренности. Да и вслѣдствіе слабости ха-«рактера того или другаго, неужели необходимо сдѣлать зло мужь-«ямъ—лишивъ ихъ самыхъ вѣрныхъ сотоварищей въ счастіи и «несчастіи? При томъ же полъ, отъ природы слабый, предоставляет-«ся самъ себѣ на жертву собственной роскоши и пожеланій дру-

«гихъ. Съ трудомъ остаются брачныя связи невредимыми и при по«стоянномъ присмотрѣ. Что же будетъ, если въ теченіи разлуки много«гихъ лѣтъ въ родѣ развода, они ослабнутъ. Такъ они, предупреждая «порочныя дѣйствія въ другихъ мѣстахъ, должны же имѣть въ па«мяти то, что дѣлается дурнаго и въ самомъ Римѣ». Немногое присоединилъ Друзъ о своемъ бракѣ: «Государямъ часто бываетъ «необходимо посѣщать самыя отдаленныя мѣста Имперіи. Сколько «разъ божественный Августъ странствовалъ по Востоку и Западу «въ сопровожденіи Ливіи? Да и онъ ѣздилъ въ Иллирикъ, и если «необходимо будетъ, отправиться къ другимъ народамъ, то не со «всѣмъ равнодушно перенесъ бы онъ, если бы пришлось ему раз«статься съ обожаемою женою, родительницею столькихъ общихъ «дѣтей». Такимъ образомъ мнѣніе Цецины осталось втунѣ. И въ день слѣдующаго собранія сената, Тиберій, письмами косвенно упрекнувъ сенаторовъ, что «всю заботу дѣлъ сбрасываютъ на государя», назначилъ М. Ленида и Юнія и изъ нихъ долженъ быть выбранъ проконсулъ Африки. Тогда выслушаны слова того и другаго. Весьма усильно отговаривался Лепидъ, ссылаясь на тѣлесное нездоровье, возрастъ дѣтей, невѣсту дочь. Понятно было и то, о чемъ онъ умалчивалъ—что Блезъ родня (дядя) Сеяна, а потому сильнѣе. Отвѣчалъ и Блезъ, показывая видъ будто отказывается, но не съ такимъ упорствомъ и сочувствіе льстецовъ его не поддерживало (въ отказѣ).

36. Вслѣдствіе этого обнаружено то, что прикрывалось задушевными жалобами многихъ. Распространялось каждому самому дурному человѣку полная свобода—безнаказанно возбуждать противъ людей хорошихъ порицанія и ненависть, схвативъ изображеніе Цезаря. Даже вольноотпущенники и рабы, противъ хозяина или господина возвышали голосъ, руки—сами внушали страхъ. А потому сенаторъ К. Цестій высказывалъ: «конечно государи «на подобіе боговъ; но и боги слушаютъ просьбы молельщиковъ «только справедливыя, и никто не ищетъ убѣжища въ Капи«толіѣ или другихъ храмахъ города, чтобы тамъ находить за«щиту въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Отмѣнены законы и въ ко«нецъ уничтожены, когда на форумѣ, на порогѣ сенатскаго зда«нія, Аннія Руффила, которую передъ судьбою обвинилъ бы онъ «въ обманѣ, осыпала его бранью и угрозами и не дерзаетъ онъ «примѣнить правосудіе вслѣдствіе противопоставленнаго изобра«женія Императора.» Въ этомъ родѣ другіе, нѣкоторые и еще хуже—высказывали кругомъ ропотъ; молили Друза «подать при-

мѣръ отмщенія,» пока онъ ее приведенную и уличенную не приказалъ держать подъ общественною стражею.

37. И. Консидій Эквъ и Целій Курсоръ, всадники Римскіе за то, что вымышленными обвиненіями въ оскорбленіи величества—коснулись претора Магія Цециліана, наказаны декретомъ Сената, по распоряженію государя. То и другое обращалось въ похвалу Друза: «имъ, обращающимся въ городѣ въ собраніяхъ и бесѣдахъ людей, смягчаются тайныя (дѣйствія) отца. И вслѣдствіе этого самая роскошь въ юношѣ не такъ не нравилась: «пусть лучше онъ имѣетъ такое направленіе: день про«водитъ въ выходахъ, ночь въ пиршествахъ, чѣмъ одинъ, не «прельщаемый никакими наслажденіями, предается грустной на«блюдательности и попеченіямъ о злѣ.»

38. И Тиберій, и обвинители не утомлялись. Анхарій Прискъ потребовалъ на судъ во взяткахъ Цезія Корда, проконсула Крита, прибавивъ обвиненіе оскорбленія величества, а оно въ то время было дополненіемъ всѣхъ обвиненій. Цезарь—Антистія Ветера, изъ значительнѣйшихъ лицъ Македоніи,—оправданнаго въ прелюбодѣяніи, побранивъ судей, снова вызвалъ на судъ оправдываться въ оскорбленіи величества, какъ возмутителя, соучастника замысловъ Рескупориса въ то время, когда онъ умертвивъ Котія, замышлялъ противъ насъ войну. А потому: «обвиненному не велѣно давать «ни огня, ни воды, и прибавлено, чтобы его содержать на ост«ровѣ, не прилежащемъ ни къ Ѳракіи, ни къ Македоніи.» Такъ какъ Ѳракія—гдѣ власть была раздѣлена между Реметалкомъ и дѣтьми Котія, у которыхъ по ихъ малолѣтству былъ опекуномъ Требелліенъ Руфъ, къ намъ еще непривычная, была жертвою раздоровъ, обвиняя не меньше Реметалка, какъ и Требелліена въ томъ, что онъ даетъ безнаказанно обижать соотечественниковъ. Целеты, Одрузы и Діи, сильные народы, взялись за оружіе, съ вождями различными, но равными между собою незначительностью происхожденія. Что и было причиною, что война не приняла большихъ размѣровъ. Одни вносятъ смуту въ настоящее положеніе дѣлъ, другіе переходятъ гору Гемъ, чтобы вызвать и отдаленные народы. Большая часть и по лучше устроенные осаждаютъ царя и городъ Филиппополисъ, поставленный Филиппомъ Македонскимъ.

39. Когда объ этомъ узналъ и Веллеій (а онъ начальствовалъ надъ ближайшимъ войскомъ).... послалъ всадниковъ и легковооруженныхъ воиновъ когортъ на тѣхъ, которые блуж-

дали, отыскивая добычу или содѣйствіе. Самъ повелъ всю силу пѣхоты для снятія осады. Все вмѣстѣ совершено съ успѣхомъ; грабители истреблены, а между осаждающими начались несогласія. царь сдѣлалъ удачную вылазку, а тутъ прибылъ и легіонъ. Да и не соотвѣтствовало бы названіе битвы или сраженія, въ которомъ избиты полувооруженные бродяги безъ пролитія капли нашей крови.

40. Въ этомъ году города Галлій начали возмущеніе вслѣдствіе значительности долговъ. Главный возбудитель его былъ у Треверовъ—Юлій Флоръ, у Эдуевъ—Юлій Сакровіръ. И тотъ, и другой могли похвалиться знатностью рода и хорошими дѣйствіями предковъ и, вслѣдствіе этого, дано когдато Римское гражданство, еще тогда, когда это было рѣдкимъ и только наградою за добродѣтели. Они, тайно сговорясь—пригласивъ людей, что ни самыхъ на все рѣшительныхъ или такихъ, которымъ, по ихъ нищетѣ, опасеніемъ наказаній за преступныя дѣйствія была величайшая надобность сдѣлать что нибудь дурное, соглашаются—Флоръ возмутить Бельговъ, а Сакровіръ ближайшихъ галловъ. А потому на сборищахъ и въ публичныхъ мѣстахъ ведутъ возмутительныя рѣчи: «нѣтъ конца податямъ, проценты тяжелые, начальники жестоки и «надменны. И между воинами несогласіе вслѣдствіе слуха о гибели «Германика. Лучшее время воспользоваться опять свободою, если «только они, будучи сами въ цвѣтущемъ состояніи, сообразятъ— «какъ бѣдна Италія, какъ городская чернь невоинственна, нѣтъ «силы въ войскахъ кромѣ въ иноземныхъ.»

41. Врядъ ли хотя одинъ городъ не былъ тронутъ сѣменами этого волненія; но первые высказались Андекавы и Туроніи; изъ нихъ—Андекавовъ усмирилъ Ацилій Авіола, легатъ, вызвавъ когорту, содержавшую гарнизонъ въ Лугдунѣ. Туроніи подавлены воинами легіона, присланными Визелліемъ Варрономъ, легатомъ нижней Германіи, подъ начальствомъ того же Авіолы и нѣкоторыхъ Галльскихъ старѣйшинъ. Они подали помощь, чтобы скрыть свое отпаденіе и обнаружить его при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Видѣнъ былъ и Сакровіръ съ непокрытою головою, вызывавшій на борьбу за Римлянъ: для показанія, какъ онъ говорилъ, «доблести,» а плѣнники его уличали: «далъ онъ себя узнавать, чтобы въ него не стрѣляли». Объ этомъ дали знать Тиберію, но онъ пренебрегъ доносомъ и далъ войнѣ пищу нерѣшительностью.

42. Между тѣмъ Флоръ настойчиво осуществлялъ свои намѣ-

ренія, переманивалъ эскадронъ конницы, который, будучи набранъ изъ Треверовъ, дисциплиною и знаніемъ военнаго дѣла считался за нашъ, съ тѣмъ чтобы, перерѣзавъ купцовъ римскихъ, начать войну. Немногіе изъ всадниковъ подались соблазну, а большинство осталось вѣрно своимъ обязанностямъ.—Другая толпа обремененныхъ долгами и кліентовъ взялась за оружіе; стремились они въ лѣса, носившіе названіе Ардуэнны, но легіоны изъ того и другаго войска, посланные Визелліемъ и К. Силіемъ встрѣчными дорогами не допустили ихъ туда. Пославъ впередъ съ отборнымъ отрядомъ Юлій Индъ, изъ того же города, но врагъ Флора и, вслѣдствіе этого, готовый усердно дѣйствовать, толпу большую, но еще неустроенную разогналъ. Флоръ мало извѣстными потайными мѣстами ушелъ было отъ побѣдителей, но, увидавъ воиновъ, сторожившихъ выходъ, палъ отъ своей руки и таковъ былъ конецъ Треверскаго волненія.

43. У Эдуевъ началось движеніе съ большею силою, такъ какъ и городъ ихъ былъ богаче и дальше силы, которыя могли бы подавить. Августодунъ, столицу народа, занялъ Сакровіръ вооруженными когортами и захватилъ знатнѣйшую малодежь Галліи, занимавшуюся тамъ изученіемъ наукъ и искуствъ съ цѣлью — этимъ залогомъ присоединить къ себѣ ихъ родныхъ и близкихъ. Вмѣстѣ оружіе, тайно сдѣланное, раздаетъ молодымъ людямъ. Было сорокъ тысячь; пятая часть имѣла вооруженіе легіоновъ; остальные имѣли рогатины и ножи и вообще обыкновенное оружіе охотниковъ. Изъ рабовъ присоединили назначенныхъ въ гладіаторы, которыхъ по обычаю, въ ихъ племени принятому, носить постоянный покровъ—называютъ *круппелларіями*; они, неспособные наносить удары, сами были непроницаемы, силы эти росли хотя еще не явнымъ содѣйствіемъ сосѣднихъ городовъ, но усердіемъ и готовностью отдѣльныхъ лицъ; да и притомъ же вслѣдствіе соперничества вождей римскихъ, между которыми было нерѣшено, такъ какъ и тотъ и другой веденіе войны присвоивалъ себѣ; но скоро Варронъ, дряхлый отъ старости уступилъ Силію, полному силъ.

44. А въ Римѣ говорили: «отпали уже не Треверы только и «Эдуи, но шестьдесятъ четыре Гальскихъ города вступили въ со«юзъ съ Германцами, сомнительны и Испаніи». Все какъ обыкновенно бываетъ по слуху принято съ преувеличеніемъ. Лучшіе люди въ заботахъ объ отечествѣ горевали: многіе изъ ненависти къ современному положенію дѣлъ и желая перемѣны, сами радовались своей же опасности и пеняли Тиберія: «что при такомъ опа-

«сномъ положеніи дѣлъ, всю заботу посвящаетъ донесеніямъ обви-«нителей. Будетъ ли Юлій Сакровіръ въ сенатѣ подсудимымъ по «дѣлу въ оскорбленіи величества. Явились наконецъ люди, кото-«рые остановили оружіемъ кровожадныя посланія. Исполненный «бѣдствій миръ лучше промѣнять даже и на войну». Тѣмъ тща-тельнѣе принявъ на себя видъ совершенно беззаботный, не измѣ-нивъ ни мѣстопребыванія, ни выраженія лица, Тиберій и въ то время велъ себя по прежнему: изъ возвышенности ли духа, или достовѣрно зналъ, что все это далеко не такъ значительно и важно какъ распространилось въ народѣ.

45. Между тѣмъ Силій, выступивъ съ двумя легіонами, пославъ впередъ вспомогательный отрядъ, опустошилъ земли Секвановъ, а они были самые пограничные союзники и сосѣди Эдуевъ и взя-лись за оружіе. Вслѣдъ за тѣмъ поспѣшнымъ движеніемъ стре-мится онъ къ Августодуну—значконосцы соревновали другъ другу, да и простые воины толковали: «не нужно давать время ни обыч-«ному покою и обращать вниманіе на ночи; лишь бы только уви-«дѣть непріятеля и показаться ему лицомъ къ лицу; этого до-«статочно для побѣды». У двѣнадцатаго камня показался Сакро-віръ и его войска въ открытыхъ мѣстахъ: съ фронта поставилъ онъ покрытыхъ желѣзомъ (въ панцыряхъ), на флангахъ когорты, сзади полувооруженныхъ. Самъ впереди на отличномъ конѣ разъ-ѣзжалъ, приводя на память: «старую славу Галліевъ и сколько они «бѣдствій причинили Римлянамъ; какъ украситъ побѣдителей сво-«бода и снова побѣжденнымъ сколько несноснѣе будетъ опять «рабство».

46. Не долго такъ говорилъ и не передъ веселыми: прибли-жался уже строй легіоновъ; а неустроенные и незнающіе военнаго дѣла жители города уже недостаточно хорошо владѣли зрѣніемъ или слухомъ. А Силій съ своей стороны, хотя предвзятая надежда дѣлала убѣжденія излишними, однако, восклицалъ: «должно имъ «стыдиться, что ихъ—побѣдившихъ Германцевъ, ведутъ противъ «Галловъ, какъ бы противъ непріятеля. Недавно одна когорта по-«разила возмутившагося Туронія, одинъ эскадронъ Тревера, а не-«многія роты этого самого войска—Секвановъ. Тѣмъ скорѣе по-«бѣдите Эдуевъ, еще менѣе воинственныхъ, богатыхъ деньгами и «погрязшихъ въ наслажденіямъ, а съ побѣжденными поступите какъ «знаете». Слова эти встрѣчены громкимъ крикомъ. Конница окру-жила (непріятеля), а съ фронта наступала пѣхота. На флангахъ не было нисколько задержки; немного остановки принесли закован-

*

ные въ желѣзо, такъ какъ панцыри выдерживали удары дротиковъ и мечей; но воины, схвативъ топоры и ломы—какъ будто бы сокрушать стѣну, поражали и тѣла, и то что ихъ покрывало. Нѣкоторые дубинами и вилами валили тяжесть неспособную къ движенію и лежавшіе, не дѣлая никакихъ попытокъ встать, оставлены были какъ бы бездыханные. Сакровіръ идетъ сначала въ Августодунъ; потомъ, опасаясь сдачи, удаляется съ людьми наиболѣе ему вѣрными въ сосѣднюю виллу. Тамъ онъ погибъ отъ своей руки, а остальные отъ взаимныхъ ударовъ; зажженая потомъ вилла служила всѣмъ погребальнымъ костромъ.

47. Тутъ только Тиберій написалъ сенату, что война началась и кончилась; и не убавилъ и не прибавилъ ничего къ тому какъ было, но: «ему принадлежитъ планъ дѣйствій, а легаты отличились «доблестью и вѣрностью». Вмѣстѣ присоединилъ онъ причины, почему не онъ самъ, ни Друзъ не отправились на эту войну. Превозносилъ онъ: «обширность Имперіи, и неприлично государямъ «если тотъ и другой городъ возмутится, оставлять столицу, средоточіе управленія. Теперь, такъ какъ уже не опасеніями будетъ «онъ руководиться, отправится—видѣть настоящее положеніе дѣлъ «и устроить». Назначили сенаторы обѣты за его возвращеніе, и молебствія, и иное приличное случаю. Одинъ Корнелій Доллабелла, въ своихъ усиліяхъ опередить другихъ, дошелъ до нелѣпой лести, подавъ мнѣніе: «чтобы съ почестями оваціи вошелъ изъ Кампаніи «въ городъ». Послѣдствіемъ было письмо Цезаря, въ которомъ высказывалъ; «что онъ не такъ чуждъ славы, чтобы по усмиреніи «самыхъ свирѣпыхъ народовъ, послѣ столькихъ тріумфовъ въ молодости или полученныхъ или пренебреженныхъ—уже старикомъ «добиваться пустой награды за подгородную поѣздку».

48. Около этого времени Тиберій просилъ сенатъ: «чтобы умер«шій Сульпицій Квиринъ получилъ почести публичныхъ похоронъ». Этотъ Квиринъ не имѣлъ ничего общаго съ древнимъ родомъ патриціевъ того же наименованія (Сульпиціевъ); родился онъ въ муниципіѣ Ланувіѣ. Показавъ свою дѣятельность въ военной службѣ и усердно исполняя порученія, получилъ консульство при божественномъ Августѣ и вслѣдъ за тѣмъ, взявъ приступомъ въ Киликіи укрѣпленія Гомонадензевъ —получилъ почести тріумфа и данъ въ попечители К. Цезарю, когда онъ владѣлъ Арменіею и за Тиберіемъ онъ, когда тотъ жилъ въ Родосѣ, ухаживалъ, что въ то время и обнаружилъ (Тиберій) въ сенатѣ: хваля его (Квирина) услужливость къ себѣ и обвиняя М. Моллія, какъ виновника ис-

порченности К. Цезаря и несогласій. А для прочихъ невесела была память К. Квирина за то опасное положеніе, въ которое поставилъ онъ Лепиду, о чемъ я упоминалъ выше, за гнусную (вслѣдствіе скупости) старость съ чрезмѣрнымъ вліяніемъ.

49. Въ концѣ года доносчикъ ухватился за К. Луторія Приска, всадника Римскаго, получившаго отъ Цезаря денежный подарокъ за знаменитое стихотвореніе, въ которомъ онъ оплакалъ послѣднія минуты Германика. Ему ставили въ вину что онъ: «когда «Друзъ былъ боленъ, написалъ еще стихи съ тѣмъ, чтобы, если бы «онъ померъ, обнародовать ихъ еще съ большею гласностью». Ихъ К. Луторій читалъ изъ тщеславія въ домѣ П. Петронія передъ его тещею Вителліею и многими знатными женщинами. Какъ только явился доносчикъ, прочіе въ ужасѣ сдѣлали свидѣтельскія показанія; одна Вителлія утверждала, что ничего не слыхала; но уличавшимъ на гибель больше дано вѣры, и по мнѣнію Гатерія Агриппы, назначеннаго консула, подсудимый осужденъ на смертную казнь.

50. Напротивъ М. Лепидъ началъ говорить такимъ образомъ: «Если, отцы достопочтенные, будемъ имѣть въ виду только то, «какъ нечестивымъ голосомъ К. Луторій Прискъ осквернилъ и умъ «свой, и слухъ людей, то недостаточно будетъ для него ни тюрь«мы, ни петли, и никакихъ самыхъ рабскихъ мученій. Но если «нѣтъ мѣры преступленіямъ и порокамъ; наказанія же и средства «исправленія смягчаютъ умѣренность государя и примѣры ваши и «предковъ. Пустое отъ преступнаго, слова отъ злыхъ дѣйствій пред«ставляютъ разницу. Есть мѣсто мнѣнію, по которому ни просту«покъ его (Леторія) останется безнаказаннымъ, и намъ не приш«лось бы раскаиваться ни въ снисходительности, ни въ строгости. «Часто слышалъ я, что Государь нашъ жалѣлъ, если кто, причи«нивъ себѣ смерть, предупреждалъ его милосердіе. Жизнь Луторія «невредима; его спасеніе не послужитъ ни ко вреду общественнаго «порядка; казнь не будетъ примѣромъ. Всѣ его стремленія, какъ «полныя безразсудства, ничтожны и непостоянны. И ничего важ«наго или опаснаго можно ожидать отъ человѣка, который самъ «же выдалъ свое преступленіе и старался дѣйствовать на слухъ не «мущинъ, а женщинъ. Впрочемъ пусть онъ удалится изъ города, «утратитъ имущество, устранится отъ огня и воды и, по моему мнѣ«нію, это все тоже какъ бы онъ подлежалъ дѣйствію закона объ «оскорбленіи величества». Съ Лепидомъ согласился только Рубеллій Бландъ изъ бывшихъ консуловъ; прочіе приняли мнѣніе Аг-

риппы; отведенъ въ тюрьму Прискъ и тотчасъ же лишенъ жизни. Тиберій съ свойственною ему двусмысленностью какъ бы осудилъ дѣйствіе сената, превознося: «набожное чувство къ государю тѣхъ, которые строго мстятъ за самыя легкія его оскорбленія», просилъ впередъ такъ поспѣшно не наказывать за слова. Похвалилъ Лепиду, но и Агриппу не осудилъ. А потому состоялось сенаторское опредѣленіе: «декреты сената не вносить въ казначейство до де-«сятаго дня и чтобы это продолженіе времени служило отсрочкою «осужденнымъ». Но и сенатъ не былъ воленъ возвращаться на свои рѣшенія и Тиберій промежуткомъ времени не смягчался.

52. За тѣмъ послѣдовали консулы: К. Сульпицій, К. Гатерій. Дѣлами внѣшними невозмущенный годъ — дома (отличился) подозрительною строгостью противъ роскоши; которая пріобрѣла необъятные размѣры на все, на что только тратятся деньги.

52. Но другія издержки, хотя и важнѣе, скрывались, такъ какъ, по большей части, цѣны не были извѣстны; а приготовленія обжорства и пресыщенія желудка, пріобрѣтшія общую извѣстность постоянными толками въ народѣ, принесли заботу, какъ бы государь не повернулъ круто къ старинной бережливости. Началъ К. Бибулъ и прочіе эдилы толковали: «пренебрегаютъ закономъ про-«тивъ роскоши и запрещенныя цѣны на предметы домашняго упот-«ребленія увеличиваются со дня на день; умѣренными средствами «остановить невозможно». Сенаторы, спрошенные, все это дѣло возложили на государя. Но Тиберій часто самъ съ собою обдумывалъ есть ли возможность удержать въ предѣлахъ такъ разгулявшіяся страсти? И строгія мѣры не принесутъ ли болѣе вреда общественному дѣлу? Какъ неприлично касаться того, чего достигнуть былъ бы онъ не въ силахъ? Или строгимъ соблюденіемъ домогаться безславія и позора людей знаменитыхъ. Наконецъ составилъ онъ письмо къ сенату слѣдующаго содержанія: «Отцы достопочтенные, въ «прочихъ можетъ быть дѣлахъ и болѣе было бы полезно, чтобы «я былъ спрошенъ лично и высказалъ, что считаю соотвѣтствую-«щимъ общественному интересу. При этомъ же докладѣ лучше бы-«ло мнѣ глазъ не показывать, дабы, когда вы будете замѣчать на «лицахъ выраженныя опасенія модъ, которыя уличаются въ по-«стыдной роскоши, и мнѣ не видѣть ихъ и, какъ бы захватить «съ поличнымъ. И если бы ранѣе посовѣтовались со мною эти дѣя-«тельные люди юдоли — не знаю посовѣтовалъ ли бы я имъ — лучше «оставить пороки уже усилившіеся и возмужавшіе, чѣмъ добиваться «обнаруженія того — съ какими порочными наклонностями справиться

«мы не можемъ. Но они исполнили свою обязанность такъ, какъ «бы я желалъ, чтобы и прочія должностныя лица дѣйствовали въ «исправленіи ихъ должностей. Но и нечестно молчать и неловко «говорить мнѣ, на которомъ не лежитъ обязанностей ни эдиля, ни «претора, ни консула, и когда въ хорошо сдѣланномъ честь каж- «дый себѣ беретъ лично, недостатки всѣхъ обращаются къ отвѣт- «ственности одного. Ну что первое начну я запрещать и возвра- «щать къ прежнему обычаю? Необъятныя ли пространства виллъ, «число прислуги или, правильнѣе, цѣлыя племена? Количество зо- «лота и серебра? Чудеса произведеній ваянія и живописи? Одеж- «ды ли общія для мущинъ и женщинъ? И ту исключительную «принадлежность женщинъ, для коихъ за камни — деньги наши «уходятъ къ чужестраннымъ и враждебнымъ народамъ.»

54. Не безъизвѣстно мнѣ, что на пирахъ и въ бесѣдахъ «осуждаютъ это и требуютъ границъ, но если бы кто утвердилъ «законъ, назначилъ наказанія, то тѣже самые возопіютъ о ги- «бели общества, о томъ что самымъ свѣтлымъ личностямъ гото- «вится пагуба, что никто не уйдетъ отъ обвиненія.—Конечно, «и въ тѣлѣ болѣзни застарѣвшія долго усиливавшіяся, нельзя «остановить иначе, какъ крутыми и рѣшительными средствами. «Уже испорченный, но и самъ порча, вмѣстѣ больной и нена- «сытный духъ должень быть обузданъ средствами настолько же «сильными, какъ сильны пожеланія, которыми онъ пылаетъ. Сколь- «ко законовъ придумано предками нашими, сколько издано Ав- «густомъ: одни изглажены забвеніемъ, а другіе—что хуже всего, «отмѣнены пренебреженіемъ, а роскошь сдѣлалась еще безопас- «нѣе. Желая того, что еще не запрещено, опасаешься какъ бы «не запретили: но если можно запрещенное обойдти безнаказан- «но, то нѣтъ уже мѣста ни страху, ни стыду. Почему же ког- «дато преобладала бережливость? потому что каждый самъ се- «бя удерживалъ, потому что мы были граждане одного города, «да и соблазны были еще не тѣ, пока власть наша ограничи- «валась предѣлами одной Италіи. Внѣшними побѣдами чужое, «а гражданскими (междуусобными) войнами выучились тратить и «свое. Какъ не важно то, о чемъ внушаютъ эдили! Какъ, если «посмотришь на прочее, легко надобно на то смотрѣть! Но, кля- «нусь Геркулесомъ, никто не выскажетъ, что Италія существен- «но нуждается въ внѣшнихъ силахъ и средствахъ, что жизнь «народа Римскаго со дня на день въ зависимости отъ бурь и «непостоянства морскаго. Если не подоспѣютъ средства провин-

«ціи и господамъ, и рабамъ, и полямъ, то поддержутъ ли насъ «наши сады и виллы. Вотъ, достопочтенные отцы, какая забота «овладѣваетъ государемъ; нерадѣніе объ этомъ повлечетъ за со- «бою гибель государства. Остальному надобно помочь въ душѣ; «насъ стыдъ, бѣдныхъ крайность, богатыхъ пресыщеніе наве- «детъ на лучшее. Но если кто изъ должностныхъ лицъ будетъ «обѣщать такую дѣятельность и строгость, что въ состояніи «будетъ противудѣйствовать этому злу, такого и хвалю и соз- «наю, что онъ облегчитъ часть трудовъ моихъ. Если же они «желаютъ только выставить для обвиненія пороки, а потомъ, «снискавъ славу такого поступка, уклоняются и мнѣ оставляютъ. «Повѣрьте, отцы достопочтенные, что и я не слишкомъ жаденъ «къ порицаніямъ; и безъ того много тяжкихъ и, по большей ча- «сти, несправедливыхъ принимаю за общественное дѣло—и ос- «новательно избѣгаю пустыхъ и неосновательныхъ, которые ни «мнѣ, ни вамъ не принесутъ никакой пользы.» По выслушаніи письма Цезаря, эдили уволены отъ этой заботы и роскошь ста- ла отъ конца Актіакской войны до той, которой Сервій Гальба сталъ во главѣ правленія; въ продолженіи ста лѣтъ бывшая по- водомъ къ огромнымъ расходамъ, мало по малу стала приходить въ упадокъ. Не считаю излишнимъ вникнуть въ причины этой перемѣны. Нѣкогда богатыя семейства, знатныя по роду или по пріобрѣтенной ими извѣстности, увлекались стремленіемъ къ рос- коши, потому что еще тогда дозволялось ухаживать за чернью, союзными царствами и наоборотъ принимать и отъ нихъ знаки рас- положенія. Какъ кто обращалъ на себя вниманіе богатствами, домомъ, образомъ жизни, такъ и знатнѣе считался именемъ и количествомъ кліентовъ. Но когда совершились жестокія убійст- ва и самая извѣстность обращалась на гибель, прочіе обратились къ болѣе разумному образу дѣйствій. Вмѣстѣ новые люди изъ муниципій, колоній и даже провинцій, часто принятые въ се- натъ, внесли домашнюю бережливость и хотя черезъ случай или собственную дѣятельность большая часть достигли до богатой деньгами старости, однако, оставались вѣрны прежнему образу мыслей. Въ особенности виновникомъ строгихъ нравовъ былъ Ве- спасіанъ, въ жизни и поведеніи вѣрный древности. Подобрастіе къ государю и страсть подражать ему сдѣлали гораздо больше, чѣмъ наказаніе по законамъ и страхъ. А можетъ быть во всѣхъ событіяхъ есть какъ бы очередь, по которой какъ наступаетъ время пороковъ, такъ и смѣняется временемъ нравственнымъ. Да

и не все это было лучше у нашихъ предшественниковъ, но и наше время произвело много искуснаго и похвалы достойнаго на подражаніе потомству. Впрочемъ это намъ.... а за предками безспорно останется превосходство въ стремленіи къ честному.

56. Тиберій, снискавъ славу умѣренности за то, что установилъ нападки обвинителей, послалъ къ сенату письмо, въ которомъ просилъ для Друза *Трибунской власти.* Это слово придумалъ Августъ для означенія верховной власти, чтобы не принимать названій ни царя, ни диктатора, а все таки какимъ либо названіемъ стать выше другихъ властей. Потомъ товарищемъ этой власти назначилъ онъ М. Агриппу, а по смерти его Тиберія Нерона, дабы не было сомнѣній о томъ кто будетъ его преемникомъ; тѣмъ хотѣлъ онъ удержать злые замыслы другихъ. Вмѣстѣ полагался онъ на скромность Нерона и на свое величіе. По этому то примѣру Тиберій Друза принимаетъ участникомъ въ верховномъ управленіи, такъ какъ, при жизни Германика, онъ держалъ себя одинаково (безпристрастно) и къ тому и къ другому. Въ началѣ письма, почтивъ боговъ мольбою, чтобы они его намѣренія обратили къ пользѣ государства, привелъ кое что немногое о нравственности молодаго человѣка и притомъ безъ лживаго преувеличенія: «есть у него жена, трое дѣтей и находит-«ся въ томъ возрастѣ, въ какомъ находился онъ, Тиберій, ког-«да его божественный Августъ призвалъ къ исполненію этихъ «же обязанностей. Да и теперь не съ поспѣшностью, но на ос-«нованіи восьмилѣтняго опыта: подавлены возмущенія, поконче-«ны войны, увѣнчаннаго тріумфомъ и два раза бывшаго консу-«ломъ принимаетъ соучастникомъ труда, уже ему извѣстнаго.» Содержаніе этого письма сенаторы какъ бы прозрѣвали въ душахъ и лесть тѣмъ была изысканнѣе. Впрочемъ не нашлось ничего придумать кромѣ подать мнѣніе относительно изображеній государей, воздвигнутія жертвенниковъ богамъ, храма и арки. Только М. Силанъ уничиженіемъ консульства добивался новой почести для государей и сказалъ вмѣсто мнѣнія «чтобы на об-«щественныхъ и частныхъ памятникахъ, для памяти времени не «консуловъ имена записывались, но тѣхъ которые несутъ три-«бунскую власть.» А. К. Гатерій, подалъ мнѣніе: «что «этого дня сенатскія опредѣленія должны быть золотыми буква-«ми изображены въ Куріи; былъ смѣшонъ старикъ въ самой «гнусной лести, дошедшій до такой степени посрамленія.»

58. Тутъ же провинція Африка отсрочена Юнію Блезу; а

Сервій Малугинензъ, фламиній Юпитеровъ, (flamen Dialis) требовалъ, чтобы ему, по жеребью, предоставили Азію; онъ говорилъ: «неосновательно общее убѣжденіе, что Діаламъ нельзя выходить «изъ Италіи и будтобы право его не иное, какъ и фламиновъ «Марса и Квирина. Далѣе, если брали провинціи, то почему же «это запрещено Діальскимъ (Юпитера) фламинамъ? Нѣтъ объ «этомъ никакихъ постановленій народа и ничего не находится «въ книгахъ обрядныхъ. Часто первосвященники совершали свя«щеннодѣйствія фламиновъ, если фламину препятствовало здо«ровье или общественныя обязанности. Въ теченіи семидесяти «двухъ лѣтъ, послѣ смерти Корнелія Мерулы никто на его мѣ«сто не былъ назначенъ, впрочемъ обряды религіи не прекращались. «И если въ теченіи столькихъ лѣтъ возможно было не назначать «фламина безо всякаго вреда для священнодѣйствій, то тѣмъ лег«че можно ему отлучиться для исполненія проконсульской власти «въ теченіи года? Послѣдствіемъ частныхъ когда то неудоволь«ствій было то, что верховные первосвященники не допускали «ихъ идти въ провинціи. Теперь, по милости боговъ, верховный «первосвященникъ есть вмѣстѣ и глава всѣхъ, недоступный ни «зависти, ни недоброжелательству, ни какимъ либо частнымъ «вліяніямъ.» Когда противъ этого спорили авгуръ Лентулъ и другіе весьма разнообразно, дошли до того: «что необходимо дождаться мнѣнія великаго первосвященника.» Тиберій, отложивъ изслѣдованіе о правѣ фламиновъ, умѣрилъ обряды, назначенные по поводу Трибунской власти Друза; онъ прямо обличилъ: «уродливость мнѣнія и что золотыя буквы противъ обычая предковъ.». Прочитаны и письма Друза: скромныя ихъ выраженія приняты какъ самыя надменныя: «до того все пришло въ упадокъ, «что даже молодой человѣкъ, получивъ такую почесть, не поч«тилъ (посѣщеніемъ) боговъ города, не вошелъ въ сенатъ, не на«чалъ своего служенія подъ предзнаменованіями взятыми на род«ной почвѣ? Война его удерживаетъ или можетъ быть дальность «разстоянія? Нѣтъ, онъ, главное, скитается по берегамъ и озерамъ «Кампаніи. Вотъ въ какомъ духѣ воспитывается будущій прави«тель рода человѣческаго; вотъ ему главный урокъ изъ отеческихъ «совѣтовъ! Конечно видъ гражданъ въ тягость старику Императору; «усталость лѣтъ и совершенныхъ имъ трудовъ беретъ предлогомъ. «Друза же что удерживаетъ, если не надменность?»

60. Тиберій, укрѣпляя за собою силу первенства, предоставлялъ сенату подобіе стараго (порядка вещей)—требованія провин-

цій отсылая на разсмотрѣніе сенаторовъ. Распространялось по Греческимъ городамъ своеволіе и безнаказанность учрежденія пріютовъ (asyla). Храмы наполнялись худшими изъ рабовъ; тамъ же находили защиту должники отъ кредиторовъ и принимаемы были подозрѣваемые въ уголовныхъ преступленіяхъ. И не было власти достаточно сильной для усмиренія возмущеній народа, оказавшаго свое покровительство преступнымъ дѣйствіямъ людей такъ какъ бы священнымъ обрядамъ боговъ. А потому положено, чтобы города представили свои права и пословъ. И нѣкоторые добровольно оставили то, чѣмъ воспользовались безъ основанія; а многіе полагались на старинныя суевѣрія или на заслуги народу Римскому. Замѣчательно было величіе этого дня, въ который сенатъ подвергъ своему разбору благодѣянія предковъ, договоры союзниковъ, установленія царей, предшествовавшія власти Римлянъ съ полною свободою, какъ прежде—и утверждать и отмѣнять.

61. Первые изъ всѣхъ пришли Эфезцы; они припоминали, «что Діана и Аполлонъ родились не въ Делосѣ, какъ вѣритъ «народъ. У нихъ находится рѣчка Кенхрій, Ортигійская роща, «гдѣ Латона беременная, опираясь на масличное, и до нынѣ су«ществующее, дерево, родила эти божества: по внушенію боговъ «посвящена роща. И самъ Аполлонъ тамъ, послѣ убіенія Цик«лоповъ, искалъ убѣжища отъ гнѣва Юпитера. Потомъ Либеръ «отецъ, побѣдивъ на войнѣ, простилъ Амазонкамъ, умолявшимъ «о пощадѣ и занявшимъ жертвенникъ. Съ дозволенія Геркулеса, «когда онъ овладѣлъ Лидіею, эта священная принадлежность «храма еще увеличена; да и во время власти Персовъ, право «это не уменьшено. Послѣ того Македоняне, а потомъ мы со«храняли.»

62. Первые послѣ Ефезцевъ, Магнеты опирались на учрежденія Л. Сципіона и Л. Суллы, изъ нихъ тотъ, прогнавъ Антіоха, а этотъ — Митридада, увѣнчали вѣрность и доблесть Магнетовъ тѣмъ, чтобы: «убѣжище Діаны Левкофрины было недоступно на«силію. За тѣмъ Афродіензы, Стратоникійцы представили опре«дѣленія диктатора Цезаря за старинныя услуги его дѣлу и «недавній декретъ Августа. Похвалены: за то что нашествіе «Парѳовъ перенесли, не измѣнивъ ни насколько вѣрность народу «Римскому.» Но городъ Афродіензевъ—Венеры, а Стратоникійцевъ—Юпитера и Тривіи защищали поклоненіе. Еще далѣе пошли Гіероцезарейцы, излагая, что: «Діана у нихъ Персидская «и капище освящено еще при царѣ Кирѣ.» Припоминали имена

Перперны, *Исаврика* и многихъ иныхъ Римскихъ полководцевъ, которые приписали ту же святость не только храму, но и мѣсту кругомъ на двѣ тысячи шаговъ. Далѣе жители Кипра защищали три храма, изъ коихъ самого древняго—Венеры Паѳосской построителемъ былъ Эріасъ; послѣ него сынъ Аматъ воздвигъ храмъ Венеры Аматузской; а Юпитеру Саламинскому—Тевцеръ, убѣжавшій отъ гнѣва его отца Теламона.

63. Выслушаны также посольства и другихъ городовъ. Утомленные ихъ обиліемъ сенаторы, а такъ какъ это было предметомъ большихъ споровъ, предоставили консуламъ: «разсмотрѣвъ «права, если найдутъ какую либо несправедливость, дѣло, не ка«саясь его сущности, опять доложутъ сенату.» Консулы о тѣхъ городахъ, которые я упоминалъ, донесли: «за Пергамомъ досто«вѣрно признано право убѣжища; остальныхъ же начало темно, «вслѣдствіе древности. Такъ жители Смирны ссылаются на ора«кулъ Аполлона, по приказанію котораго будто бы посвятили «они храмъ Стратоникійской Венерѣ; а жители Теноса приво«дятъ его стихи, коими онъ отдалъ приказаніе имъ воздвигнуть «изображеніе Нептуна и храмъ. Ближе по времени Сарды: по«дарокъ это Александра побѣдителя; точно также Милезійцы «основываются на царѣ Даріѣ; но и тѣхъ и другихъ чтится «одинаково память Діаны и Аполлона. А Кретійцы просятъ въ «честь изображенія божественнаго Августа.» Составлены сенатскія опредѣленія, которыми, съ большею, впрочемъ, почестью, предписывались всетаки границы (этого права) и приказано: «въ са«михъ храмахъ прикрѣпить мѣдныя доски для священнаго вос«поминанія и подъ предлогомъ религіи не предаваться честолюби«вымъ замысламъ.»

64. Около этого времени крайне плохое здоровье Юліи Августы поставило государя въ необходимость поспѣшить возвращеніемъ въ городъ: искренне ли было еще согласіе между матерью и сыномъ или скрытая ненависть. Не задолго передъ тѣмъ Юлія, посвящая изображеніе божественному Августу недалеко отъ театра Марцелла, имя Тиберія помѣстила послѣ своего и полагали, что онъ это, какъ униженіе величіе Государя, затаилъ въ груди какъ тяжкое оскорбленіе, не показавъ, впрочемъ, виду. Но въ то время сенатъ опредѣлилъ: «мольбы богамъ, *великія игры;* «ихъ должны были дать первосвященники, авгуры, члены кол«легіи пятнадцати, члены коллегіи семи и члены коллегіи Ав«густа.» Д. Апроній подалъ мнѣніе; «чтобы и Феціалы приняли

«особенное участіе въ этихъ играхъ.» Цезарь воспротивился этому, вслѣдствіе различія правъ священнослужителей и приведенныхъ примѣровъ: «никогда Феціалы не пользовались такимъ значе-«ніемъ: Августовы (жрецы) прибавлены вслѣдствіе того, что это «священство есть собственность его дома съ цѣлью за него со-«вершить обѣты.»

65. Не имѣю я намѣренія приводить мнѣнія, развѣ замѣчательныя по ихъ честности или по явному позору. По моему мнѣнію главная обязанность лѣтописей—не умалчивать о добродѣтеляхъ, а за дурныя слова и дѣйствія внушать опасенія потомства и безславія. Впрочемъ, тѣ времена до того уже были заражены самою гнусною лестью, что не только первыя лица въ государствѣ, которыя самимъ униженіемъ должны были прикрывать свою извѣстность, но всѣ бывшіе консулы, большая часть тѣхъ, которые исполняли должности преторовъ и многіе простые сенаторы наперерывъ другъ передъ другомъ вставали, подавая мнѣнія излишнія и позорныя. Сохранилось въ памяти, будтобы Тиберій, каждый разъ какъ выходилъ изъ куріи, обыкновенно такъ выражался греческими словами: «о люди, готовые на рабство!» То есть даже и тотъ, кто не хотѣлъ общественной свободы, скучалъ терпѣливостью столь униженнаго рабства.

66. Мало по малу потомъ отъ неприличныхъ дѣйствій переходили къ непріязненнымъ. К. Силанъ, проконсулъ Азіи, потребованъ союзниками на судъ во взяткахъ. Вмѣстѣ напали на него: Мамеркъ Скавръ изъ бывшихъ консуловъ, преторъ Юній Отто, эдиль Брутидій Нигеръ и ставятъ ему въ вину: «оскорб-«лена божественность Августа, пренебрежено величіе Тиберія.» Мамеркъ приводилъ старинные примѣры, что: Л. Котта обвиненъ «Сципіономъ Африканскимъ, Серв. Гальба—бывшимъ цензоромъ «Катономъ, П. Рутилій—М. Скавромъ. То есть за такія именно дѣла требовали возмездія и Сципіонъ, и Катонъ, и тотъ Скавръ, котораго, своего прадѣда Мамеркъ, позоръ предкамъ, безчестилъ безславною дѣятельностью. Юнія Оттона стариннымъ ремесломъ было учить грамотѣ; вскорѣ чрезъ могущественное вліяніе Сеяна сдѣлался онъ сенаторомъ и темноту своего происхожденія старался прикрыть безстыднымъ дерзновеніемъ. Брутидій имѣлъ избытокъ честныхъ силъ и если бы шелъ прямымъ путемъ, могъ бы достигнуть всего славнаго, но его подстрекала торопливость: домогался онъ опередить сначала сверстниковъ, потомъ высшихъ, а наконецъ собственныя надежды. А многихъ: даже людей добра,

погубило то, что пренебрегли медленнымъ, но безопаснымъ — торопятся даже къ своей гибели.

67. Увеличили число обвинителей: Геллій Попликала и М. Посконій; тотъ—квесторъ —Силана, а этотъ—легатъ. И не было сомнѣнія, что подсудимый связанъ уже достаточно преступленіемъ захвата денегъ, но присоединили многое гибельное и для невинныхъ. Когда, при непріязни столькихъ сенаторовъ, при избранныхъ для его обвиненія краснорѣчивѣйшихъ людяхъ всей Азіи, приходилось ему отвѣчать одному,—незнакомому съ ораторскимъ искуствомъ и притомъ въ опасеніи за себя, которое ослабляетъ и самый опытный въ дѣлѣ краснорѣчія талантъ; Тиберій не сдерживался, но тѣснилъ его и голосомъ, и выраженіемъ лица и тѣмъ, что самъ, какъ можно чаще, задавалъ вопросы. Не давалось возможности ни опровергать, ни уклоняться и часто даже приходилось признаваться, чтобы не оставить вопросы безъ отвѣта. Да и рабовъ Силана, чтобы они могли быть спрошены подъ пыткою, общественный агентъ отпустилъ на волю; а для того, чтобы кто нибудь изъ близкихъ не оказалъ помощи находившемуся въ опасности — подавали обвиненія въ оскорбленіи величества—что сковывало языкъ и заставляло молчать. А потому, испросивъ промежутокъ немногихъ дней, оставилъ свою защиту, осмѣлившись написать къ Цезарю записку, въ которой перемѣшивалась ненависть съ просьбами.

68. Тиберій, чтобы подъ болѣе извинителнымъ предлогомъ было принято приготовленное отъ него Силану, приказываетъ прочитать обвинительный актъ божественнаго Августа о Волезѣ Мессалѣ, также проконсулѣ Азіи и составленное противъ него сенатское рѣшеніе. Вслѣдъ за тѣмъ Тиберій спрашиваетъ Л. Пизона о мнѣніи. Тотъ, предпославъ многое о милосердіи государя, высказалъ: «запретить Силану давать огонь и воду» и сослать его на одинъ изъ Гіарскихъ острововъ. То же и прочіе; только Лентулъ сказалъ: «необходимо отдѣлить у Силана имущество «его матери (какъ рожденнаго отъ второй жены) и возвратить «сыну»; на что согласился Тиберій.

69. А Корнелій Долабелла, давая внѣшній ходъ лести, порицалъ нравственность К. Силана и прибавилъ: «чтобы никто «не былъ допускаемъ къ жеребью провинцій порочный и покры«тый безславіемъ. И пусть это разбираетъ государь, законы на«казываютъ проступки. На сколько же будетъ лучше выразить «заботливость и о себѣ, и о союзникахъ предупредивъ дурныя

«дѣйствія.» Противъ этого высказался Цезарь: «не безъизвѣстно «было ему то, что говорили о Силанѣ; но нельзя уже основы«ваться на слухахъ и многіе дѣйствовали въ провинціяхъ не«соотвѣтственно ни надеждамъ, ни опасеніямъ, какія о нихъ «имѣли. Для нѣкоторыхъ самая важность дѣла служила побуж«деніемъ къ лучшему; другіе же дѣлаются еще глупѣе. Да и «невозможно государю своимъ знаніемъ обнять все; и мало бу«детъ пользы, если онъ будетъ увлекаться честолюбіемъ другихъ. «Потомуто законы установлены на уже совершившееся, что бу«дущее вовсе неизвѣстно. Такъ и предками установлено, чтобы «наказаніе слѣдовало за предварительнымъ совершеніемъ прос«тупка. Не нужно измѣнять того, что умно придумано и посто«янно соблюдалось. Довольно бремени государямъ, довольно и «власти. Правда уменьшается по мѣрѣ того, какъ вкрадывается «произволъ; не нужно употреблять въ дѣло власть тамъ, гдѣ «можно дѣйствовать черезъ посредство законовъ.» Чѣмъ рѣже случалось Тиберію говорить въ народномъ духѣ, тѣмъ болѣе съ веселымъ расположеніемъ духа встрѣчены его слова. А онъ, склонный къ умѣренности, если только не былъ подъ вліяніемъ собственнаго раздраженія, прибавилъ: «островъ Гіерскій суровъ и безъ слѣ«довъ человѣческой дѣятельности. Пусть же они сдѣлаютъ сни«схожденіе для фамиліи Юнійской и для человѣка, нѣкогда од«ного съ ними сословія—пусть онъ лучше удалится въ Цитеру. «Умоляетъ объ этомъ и сестра Силана, Торквата, дѣвушка ста«ринной святости жизни.» Согласно этому мнѣнію состоялось рѣшеніе.

70. Послѣ того выслушаны Кирсенейцы и, по обвиненію Анхарія Приска, Цезій Кордъ осужденъ за взятки. Л. Эннія, всадника Римскаго, потребованнаго къ суду въ оскорбленіи величества тѣмъ: «будто бы онъ изображеніе государя обратилъ на разнаго рода «употребленіе серебра». Явно высказалъ свое пренебреженіе Атей Капитонъ, какъ будтобы заступаясь за свободу: «не слѣдуетъ от«нимать у сенаторовъ власть дѣлать постановленія; да и нельзя «оставить безнаказаннымъ такое преступленіе: пусть какъ онъ «хочетъ будетъ медлителенъ въ собственномъ оскорбленіи, но не «даритъ оскорбленія государственныя». Понялъ это Тиберій какъ оно было, а не такъ какъ говорилось и продолжалъ заступаться. Для Капитона позоръ былъ тѣмъ значительнѣе, что знакомый съ правомъ человѣческимъ и божественнымъ, прекрасную публичную дѣятельность и честныя занятія дома онъ обезчестилъ.

71. Потомъ занялись религіознымъ вопросомъ: въ какомъ храмѣ поставить даръ, за здоровье Августы принесенный, по обѣту всадниками Римскими. *Всадничьему счастію,* хотя въ Римѣ и много было капищъ этой богини, но ни одного съ такимъ названіемъ. Найдено, что у Антія есть храмъ, который носитъ такое названіе: «а всѣ церемоніи въ Итальянскихъ городахъ, храмы и изобра-«женія боговъ—принадлежатъ къ праву и владѣнію Римлянъ». Вслѣдствіе этого даръ поставленъ у Антія.—И такъ какъ коснулись религіозныхъ вопросовъ, то отложенный недавно отвѣтъ противъ Сервія Малугинеза, Діальскаго фламена, изложилъ Цезарь, прочитавъ декретъ первосвященниковъ: «если случится съ Діаль-«скимъ фламиномъ, то, по усмотрѣнію Великаго первосвященника, «онъ можетъ отсутствовать болѣе двухъ ночей, лишь бы только «не въ дни публичнаго священнодѣйствія и не чаще двухъ разъ «въ годъ». Такое рѣшеніе въ правленіе Августа, достаточно показывало, что отсутствіе на цѣлый годъ и управленіе провинціями для Діаловъ не допускалось. Припоминали примѣръ Л. Метелла, Великаго первосвященника, который задержалъ фламина Авла Постумія. Такимъ образомъ жребій Азіи отнесенъ къ тому, кто изъ бывшихъ консуловъ былъ ближайшимъ къ Корнелію Малугинезу. Въ тѣже дни Лепидъ просилъ сенатъ: «чтобы дозволили ему «базилику Павла—воспоминаніе Емиліева рода, на собственныя «деньги поправить и украсить». Еще въ то время было въ обычаѣ тратиться на общественные расходы. Да и Августъ не удерживалъ Тавра, Филиппа, Бальба—добычу отъ непріятеля и излишекъ богатствъ употреблять на украшеніе города и славу въ потомствѣ. И по этому примѣру Лепидъ, хотя и съ умѣренными денежными средствами, поддержалъ честь, наслѣдованную отъ предковъ. А театръ Помпея, сдѣлавшійся случайно жертвою огня, Цезарь обѣщалъ построить: «такъ какъ изъ рода Помпеевъ ни у кого «не достанетъ средствъ на его возобновленіе, а имя Помпея все-«таки останется». Вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ онъ похвалами Сеяна: «будто бы его трудами и бдительностью такой сильный по-«жаръ ограничился гибелью одного строенія». И сенаторы приговорили: «статую Сеяну, а поставить ее у Помпеева театра». И немного спустя Цезарь—когда Юнія Блеза, проконсула Африки, почтилъ почестями тріумфа, сказалъ: что дѣлаетъ это въ честь Сеяна, котораго онъ былъ дядею по матери». А, впрочемъ, дѣйствія Блеза были достойны такой почести, потому что Такфаринасъ, хотя неоднократно прогоняемый, внутри Африки возобновивъ

свои потери новыми силами, дошелъ до такой наглости, что отправилъ посла къ Тиберію: требуя съ своей стороны мѣстъ для поселенія себѣ и войску, или грозя безконечной войною. Говорятъ еще ни разу не скорбѣлъ еще такъ Цезарь, вслѣдствіе обиды ему и народу Римскому нанесенной; «бѣглецъ и разбойникъ дѣй-«ствуетъ какъ бы врагъ открытый. И Спартаку, когда онъ послѣ «гибили столькихъ консульскихъ войскъ, безнаказанно жегъ Ита-«лію, а государство изнемогало въ важныхъ войнахъ Серторія и «Митридата, не дано, чтобы онъ, по договору, былъ припятъ на «вѣру: неужели теперь, когда дѣла народа Римскаго находятся «въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, отъ разбойника Такфаринаса «откупаться миромъ и уступкою полей». Даетъ порученіе Блезу: «остальныхъ склонять къ надеждѣ, что они могутъ положить ору-«жіе безъ вреда для себя; а чтобы самимъ вождемъ овладѣлъ во «чтобы то ни стало». Большая часть прощены и приняты, а потомъ стали вести войну противъ хитростей Такфаринаса тѣмъ же, что и онъ, способомъ. Такъ какъ онъ, далеко неравный силою войска болѣе къ воровству способный, дѣлалъ набѣги многими въ разъ шайками, уклоняясь отъ Римлянъ и вмѣстѣ пытаясь имъ сдѣлать засаду. Приготовлено движеніе по тремъ направленіямъ и столько же отрядовъ. Изъ нихъ Корнелій Сципіонъ, легатъ, начальствовалъ съ той стороны, откуда грабили Лептиновъ и убѣжище Гарамантовъ. На другомъ флангѣ, чтобы земли Циртензевъ не были безнаказанно жертвою непріятеля собственный отрядъ велъ Блезъ сынъ, а въ срединѣ съ отборными воинами, оставляя въ мѣстахъ удобныхъ укрѣпленія и запасы, вождь самъ все сдѣлалъ для непріятеля тѣснымъ и враждебнымъ: потомучто въ какую бы сторону ни уклонился непріятель, какая нибудь часть войска Римскаго оставалась спереди, съ фланговъ и часто съ тылу, многіе такимъ образомъ убиты или обойдены. Тогда всѣ три отдѣленія войска распредѣляетъ на многіе отряды, поставивъ во главѣ сотниковъ испытанной доблести и не слѣдуя принятому обычаю, не отвелъ войска по прошествіи лѣта и не расположилъ по зимнимъ квартирамъ старой провинціи, но какъ па порогѣ войны расположивъ укрѣпленія, черезъ воиновъ на легкѣ и хорошо знакомыхъ съ пустынею, тревожитъ Такфаринаса, переносившаго кочевье съ мѣста на мѣсто, пока не отступилъ: захвативъ его брата, впрочемъ, поспѣшнѣе, чѣмъ требовали пользы союзниковъ, такъ какъ остались тѣ, которые могли возобновить войну. Но Тиберій истолковалъ это какъ конченное и допустилъ даже для Блеза то, что легіоны его поздравили *Импе-*

ратором. Старинная это была почесть относительно вождей и они за хорошее веденіе общественнаго дѣла получали это наименованіе восклицаніями войска въ порывѣ радости; одновременно было много императоровъ, но безо всякаго вреда для равенства другихъ. И Августъ далъ нѣкоторымъ это названіе; но въ то время Тиберій Блезу въ послѣдній разъ.

75. Умерли въ этомъ году знаменитые люди—Азиній Салонинъ, бывшій на виду (какъ внукъ) М. Агриппы и Полліона, братъ Друза, назначенный зять Цезаря. И Капитонъ Атей, о которомъ я упоминалъ, стяжавшій первое мѣсто въ государствѣ гражданскою дѣятельностью; дѣдъ у него былъ сотникъ Суллы, а отецъ преторъ. Августъ поторопился дать ему консульство, чтобы онъ Лабеона Антистія, отличавшагося на томъ же поприщѣ, опередилъ удостоеніемъ этого сана. То время произвело вмѣстѣ тѣхъ двухъ людей какъ украшеніе міра; но Лабеонъ—ревнитель свободы неподкупленный и потому слава его значительнѣе; повелители же болѣе ободряли услужливость Капитона. Лабеону то, что онъ остановился на преторствѣ, самое оскорбленіе обращалось въ честь, а зависть къ Капитону за то, что онъ добился консульства, возбуждала къ нему ненависть.

76. Юнія окончила жизнь въ шестьдесятъ четвертомъ году послѣ Филиппензскаго сраженія; дѣдъ ея былъ Катонъ; жена К. Кассія, она была сестрою М. Брута. Завѣщаніе ея подало поводъ къ большимъ толкамъ въ народѣ: при своемъ большомъ состояніи, упомянувъ съ честью почти о всѣхъ знатнѣйшихъ лицахъ, Цезаря опустила. Это принято съ чувствами гражданина и онъ (Цезарь) не препятствовалъ тому, чтобы ея похороны почтены были похвальнымъ словомъ съ ростръ и прочими торжественными обрядами. Впереди несены изображенія двадцати знатнѣйшихъ фамилій—Манліевъ, Квинкціевъ и другихъ столь же именитыхъ, но болѣе всѣхъ сіяли имена Кассія и Брута, тѣмъ самымъ, что изображеній ихъ не было видно.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Содержаніе. 1. Тиберій становится жестокъ—причиною Элій Сеянъ, его характеръ и нравственность.—2. Онъ стремится къ господству и чтобы достигнуть его, уводитъ вои-

новъ изъ Рима въ преторіанскіе лагери.—3. Друзу, сыну Тиберія, онъ строитъ ковы черезъ жену его, вступивъ съ нею въ преступную связь.—4. Друзъ, сынъ Германика, надѣваетъ мужскую тогу.—Положеніе государства, число легіоновъ.—5. Изложеніе мѣстъ, гдѣ они расположены, когортъ и флотовъ.—6. Каково было до тѣхъ поръ гражданское управленіе.—7. Сеянъ увеличиваетъ свою власть,—8. ядомъ погубивъ Друза. Тиберій укрѣпляется духомъ, ободряетъ сенатъ и ему представляетъ двухъ сыновей Германика, какъ преемниковъ власти.—9. Блестящія похороны Друза.—10. и 11. Ложная молва объ умерщвленіи Друза неосторожнымъ отцемъ.—12. Расположеніе народа обращается ко вреду дѣтей Германика. Имъ и Агриппинѣ Сеянъ устроиваетъ ковы. 13. Тиберій выслушиваетъ посольства и обвиненія городовъ и провинцій.—14. Толкуютъ о пріютахъ. Актеры изгнаны изъ Италіи—15. Одинъ изъ дѣтей Друза умираетъ, также Луцилій Лонгъ, другъ государя. Капитонъ осужденъ.—16. Изданъ законъ о Діальскомъ фламинѣ: Весталкамъ оказана почесть.—17. Торжественные обѣты за государя. Въ нихъ внесены Неронъ и Друзъ; вслѣдствіе того ненависть Тиберія, которую развиваетъ Сеянъ.—18. Онъ нападаетъ на друзей Германика.—19. Силій осужденъ.—20. Жена его, Созія, отправлена въ ссылку. Умѣренность М. Лепида.—21. Пизонъ умираетъ обвиненнымъ. Кассій Северъ сосланъ на утесъ Серифій.—22. Плавтій Силанъ погибаетъ.—23. Такфарината, опять начавшаго войну—24. Долабелла подавляетъ—25. и убиваетъ.—26. Почестей тріумфа добиться не могъ. Птоломей получаетъ дары.—27 Въ Италіи подавлены начатки возмущенія рабовъ.—28. К. Вибій Серенъ обвиненъ сыномъ;—29—30. отсылается въ Аморгъ. Доносчикамъ назначены награды.—31. П. Суилій удаленъ въ ссылку, а Фирмій изъ сената.—32—33. Сужденіе объ этихъ лѣтописяхъ.—34. Кремуцій Кордъ, писатель исторіи, подвергается обвиненію за похвалы Бруту и Кассію, свободно защищается и—35 жизнь кончаетъ, воздерживаясь отъ пищи. Книги его сожжены.—36. У Кизикійцевъ

отнята вольность.—37—38. Тиберій съ пренебреженіемъ отклоняетъ почесть храма, предложенную Испанцами.—39. Сеянъ, возгордясь отъ непомѣрнаго счастія, проситъ у государя себѣ въ супружество Ливію. Тотъ—40. скромно отказываетъ, опровергнувъ доводы Сеяна.—41. Сеянъ, для увеличенія власти, совѣтуетъ Тиберію удалиться изъ города.—42. Выслушанными въ дѣлѣ Вотіена Монтана убѣждаетъ.—43. Въ Римѣ выслушаны посольства Грековъ о правѣ пріютовъ.—44. Смерть Лентулла, Домиція, Антонія.—45. Преторъ Л. Пизонъ умерщвленъ какимъ-то крестьяниномъ.—46. Взбунтовавшіеся горные Ѳракійцы—47—51. Сабиномъ поражены, избиты, подвергнуты облежанію и сдаются послѣ тщетной вылазки.—52. Осуждена Клавдія Пульхра, обвиненная въ Римѣ въ прелюбодѣяніи.—53. Агриппина проситъ мужа, но безуспѣшно; ей—54. Сеянъ устроиваетъ ковы.—55. Одиннадцать городовъ Азіи состязаются между собою о постройкѣ храма Тиберію.—56. Предпочтены жители Смирны.—57—58. Тиберій, вслѣдствіе причинъ весьма сомнительныхъ, удаляется въ Кампанію съ небольшою свитою.—59. Въ пещерѣ жизнь его подверглась опасности вслѣдствіе внезапнаго паденія камней и онъ спасенъ Сеяномъ; отсюда еще больше къ нему довѣрія. Онъ нападаетъ на Нерона, сына Германика, и 60. клеветами вредитъ ему.—61. Смерть Азинія Агриппы и К. Гатерія.—62—63. Паденіемъ амфитеатра въ Фиденахъ много тысячь людей или завалено совсѣмъ, или повреждено.—64—65. Въ Римѣ пожаръ истребилъ гору Целій.—66. Варъ обвиненъ.—67. Глава государства скрывается на островѣ Капресъ.—68—70. Тицій Сабинъ, жертва гнуснаго обмана, осужденъ въ самые календы года.—71. Тиберій негодуетъ, что его умъ темнѣетъ.—Умираетъ Юлія, внучка Августа.—72. Фризіи, вслѣдствіе денежныхъ вымогательствъ, взбунтовались.—73. Подавить ихъ идетъ Л. Апроній, но не очень счастливо.—74. Гнусное подличаніе сената; Сеяна надменность.—75. Кней Домицій беретъ въ супружество Агриппину, дочь Германика.

Все это дѣлалось почти шесть лѣтъ въ консульства: К. Азинія, К. Антистія, Корнелія Цетега, Визеллія Варрона, Косса Лентулла, Азинія Агриппы, Кн. Лентулла Гетула, К. Кальвизія, М. Лицинія Красса, Л. Кальпурнія Пизона, Ап. Юнія Силана, П. Силія Нервы.

---

1. Въ консульство К. Азинія, К. Антистія исполнился Тиберію девятый годъ спокойнаго правленія государствомъ и процвѣтанія его дома (потомучто смерть Германика считалъ для себя благополучнымъ событіемъ). Вдругъ судьба начала мутить: сталъ онъ или самъ жестокъ или жестокимъ дѣйствіямъ давать силы. Начинъ и поводъ отъ Элія Сеяна, префекта преторіанскихъ когортъ. О могуществѣ его упоминалъ я выше; теперь изложу происхожденіе, характеръ и какими преступными дѣйствіями стремился ко власти. Родился онъ въ Вулсиніяхъ отъ отца Сея Страбона, всадника Римскаго и въ первой молодости находился въ свитѣ К. Цезаря, внука божественнаго Августа, при чемъ носился слухъ, что онъ продалъ за деньги свое цѣломудріе Апицію, богатому и расточительному. Вскорѣ разными средствами опуталъ онъ Тиберія до того, что его, скрытнаго для другихъ, сдѣлалъ только для себя откровеннымъ и довѣрчивымъ, не столько хитростью (самъ онъ побѣжденъ тѣми же средствами), сколько вслѣдствіе гнѣва боговъ къ дѣлу Римскому, на пагубу которому было и его процвѣтаніе и паденіе. Тѣло у Сеяна было сносное для трудовъ, духъ дерзновенный: прикрывая себя, чернилъ другихъ; вмѣстѣ и льстивъ и гордъ; явно бралъ на себя личину скромности, въ душѣ сильная страсть ко власти и вслѣдствіе этого то щедръ и расточителенъ, то еще чаще дѣятеленъ и внимателенъ, но эти самыя качества вредны уже, какъ только примѣняются къ домогательству верховной власти.

2. Онъ усилилъ власть префекта до того времени умѣренную, сведя разсѣянныя по городу когорты въ одинъ лагерь съ цѣлью, чтобы одновременно принимали онѣ приказанія, чтобы видъ ихъ множества и силы внушалъ бы имъ увѣренность въ себѣ, а другимъ страхъ. Предлогомъ ему было: «у воиновъ, разведенныхъ по «разнымъ мѣстамъ усиливается своеволіе. Въ случаѣ чего нибудь не«ожиданнаго, дружная помощь будетъ имѣть такую же силу и бу«дутъ вести себя воины строже, если окопы (лагерные) будутъ воз-

«ведены вдали отъ соблазновъ городскихъ». Когда эти лагери были сдѣланы, Сеянъ сталъ дѣйствовать мало по малу на умы воиновъ привѣтливымъ обращеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ сотниковъ и трибуновъ назначалъ самъ. Не удерживался и отъ ухаживанья въ сенатъ—украшая почестями и провинціями своихъ кліентовъ, на что Тиберій смотрѣлъ легко и даже такъ благосклонно, что не только въ разговорахъ, но и передъ сенаторами и народомъ прославлялъ его, какъ товарища трудовъ, допускалъ сказывать въ театрахъ и на общественныхъ площадяхъ и на сборныхъ мѣстахъ легіоновъ. Впрочемъ полный домъ Цезарей: сынъ—юноша, внуки уже возросшіе приносили замедленіе алчному ко власти и такъ какъ не безопасво было бы на стольких разомъ дѣйствовать силою, то коварство требовало для злодѣйствъ промежутковъ. Впрочемъ, облюбилъ Сеянъ путь еще болѣе сокровенный и началъ съ Друза, подъ вліяніемъ еще свѣжаго къ нему негодованія: такъ какъ Друзъ, характера вспыльчиваго и не терпя соперника, поссорившись случайно съ Сеяномъ, замахнулся на него руками и ударилъ по лицу, такъ какъ тотъ уклоняться и не думалъ. Готовый на всѣ попытки, Сеянъ избралъ какъ самое удобное средство—обратиться къ женѣ Друза—Ливіи; она сестра Германика—сначала была наружностью некрасива, но скоро развитіемъ красоты опередила всѣхъ. Ее Сеянъ, какъ будто бы пылая любовью, склонилъ къ преступной связи и какъ только достигъ цѣли—женщина, утративъ стыдливость, уже ни отъ чего не откажется—сталъ ее побуждать надеждою брака съ собою и раздѣла верховной власти, къ убійству супруга. И та, имѣя дѣдомъ Августа, тестемъ Тиберія, отъ Друза дѣтей, осквернила себя, и предковъ и потомство связью съ мѣщаниномъ, прелюбодѣемъ и вмѣсто честнаго, что уже было въ ея рукахъ, стала жить мыслью о порочномъ и невѣрномъ. Берется въ соучастники Евдемъ, другъ и медикъ Ливіи, подъ предлогомъ искусства знавшій о тайнахъ. Сеянъ прогоняетъ изъ дому жену Аспикату, отъ которой родилъ трехъ дѣтей, чтобы не внушать подозрѣній любовницѣ. Но огромность преступленія приносила страхъ, а проволочка времени—нерѣшительность въ образѣ дѣйствій.

4. Между тѣмъ въ началѣ года Друзъ, изъ дѣтей Германика, принялъ мужскую тогу и повторено все то, что (по тому же случаю) сенатъ опредѣлилъ брату его, Нерону. Цезарь присоединилъ рѣчь, гдѣ много хвалилъ сына: «что онъ имѣетъ отеческое рас«положеніе къ дѣтямъ брата.» Такъ какъ Друзъ—хотя и весьма трудно, чтобы вмѣстѣ были и могущество и согласіе—былъ, по

общему убѣжденію, справедливъ въ отношеніи къ молодымъ людямъ (племенникамъ) или по крайней мѣрѣ не враждебенъ. За тѣмъ излагается старинное и нерѣдко уже притворно высказанное намѣреніе отправиться въ провинціи. Какъ предлогъ выставлялъ императоръ «множество заслуженныхъ воиновъ и необхо«димость пополнить войска наборомъ, при недостаткѣ воиновъ «охотниковъ; да будь таковыхъ и достаточное количество, ве«дутъ они себя не такъ хорошо и скромно, потомучто по большей ча«сти нищіе и бродяги добровольно принимаютъ на себя военную «службу.» Изложилъ вкратцѣ число легіоновъ и какія провинціи ими оберегаются. Я полагаю, что и мнѣ также слѣдуетъ изложить: какія тогда Римскія войска были подъ оружіемъ, какіе цари союзниками и насколько тѣснѣе (теперешняго) простиралась власть (Римлянъ).

5. Италію съ того и другаго моря прикрывали два флота: у Мизена и Равенны и ближайшій берегъ Галліи окованныя въ носовой части мѣдью суда, которыя Августъ, взявъ послѣ Актійской побѣды, отослалъ въ Форумъ Юльскій съ сильнымъ составомъ гребцовъ. Но главныя силы были подлѣ Рейна—какъ готовая помощь вмѣстѣ и противъ Галловъ и Германцевъ—восемь легіоновъ. Испаніи недавно усмиренныя, удерживаемы были тремя легіонами. Мавровъ царь Юба принялъ какъ даръ народа Римскаго. Въ остальной Африкѣ было два легіона и такое же количество въ Египтѣ. За тѣмъ, начавъ съ Сиріи и до рѣки Евфрата, сколько ни есть тамъ необъятнаго пространства земель, все это защищалось четырьмя легіонами. Сосѣди были цари: Иберскій, Албанскій и другіе, которые въ величіи нашемъ находятъ себѣ защиту отъ другихъ державъ. Ѳракіею владѣли: Реметалкъ и дѣти Котиса; берега Дуная прикрывали два легіона въ Панноніи и два въ Мезіи; столько же помѣщено въ Долмаціи. Они, вслѣдствіе положенія провинціи съ тылу ихъ, могли быть, по близости разстоянія, вызваны въ Италію, если бы она нуждалась въ поспѣшной помощи. Хотя въ городѣ (Римѣ) находилось собственное войско: три когорты городскихъ, девять преторіанскихъ, набранныя почти всѣ въ Этруріи, или Умбріи, или старинномъ Лаціѣ и поселеніяхъ издавна Римскихъ. Въ удобныхъ пунктахъ провинцій помѣщены были союзныя триремы, эскадроны и резервы когортъ. Немного менѣе силъ заключалось въ нихъ; но изложить подробно невозможно съ точностью, такъ какъ вслѣдствіе потребностей времени они переходили туда и сюда, измѣнялись

въ числѣ и иногда уменьшались. Полагалъ бы кстати коснуться и прочихъ частей общественнаго дѣла какъ съ ними обращались до того дня, когда начало этого года принесло съ собою измѣненіе управленія Тиберія къ худшему. Начнемъ съ того, что дѣла общественныя и главнѣйшія изъ частныхъ находились въ вѣдѣніи сенаторовъ. Первымъ лицамъ въ государствѣ дозволялось разсуждать и впадавшихъ въ лесть воздерживалъ самъ Тиберій; раздавалъ почести, соображаясь съ знатностью предковъ, извѣстностью заслугъ на войнѣ и похвальною дѣятельностію дома, такъ что довольно ясно было, что иныхъ лучшихъ нѣтъ. Свое значеніе было у консуловъ, было у преторовъ. И второстепенныхъ должностныхъ лицъ власть имѣла силу; законы, помимо изслѣдованія объ оскорбленіи величества, въ хорошомъ употребленіи (примѣненіи). А хлѣбная поставка и сборы пошлинъ и другихъ общественныхъ доходовъ, находились въ завѣдываніи компаній всадниковъ Римскихъ. Дѣла свои (частныя) Цезарь препоручалъ людямъ въ особенности достойнымъ, а нѣкоторымъ и неизвѣстнымъ по доброй о нихъ молвѣ; разъ взятые оставались на мѣстахъ, совершенно безъ ограниченій и большая часть успѣвали состариться при однихъ и тѣхъ же занятіяхъ. Простой народъ нѣсколько страдалъ отъ недостатка хлѣбныхъ подвозовъ, но въ томъ не было никакой вины государя, потому что онъ старался помочь безплодію земель, или суровости моря насколько только было возможно деньгами и дѣятельностію. И о томъ заботился, чтобы провинціи не были тревожимы новыми тягостями и прежнія переносили безъ корыстолюбія, или жестокости должностныхъ лицъ; не было ни тѣлесныхъ наказаній, ни отнятія имуществъ.

7. По Италіи рѣдки были земли Цезаря; количество рабовъ умѣренно; домашняя прислуга состояла изъ немногихъ отпущенниковъ; а въ случаѣ какихъ либо споровъ съ частными людьми, было публичное разбирательство по закону. Все это, хотя и не ласково, а по большой части, скрѣпя сердце и внушая опасенія, однако соблюдалъ (Тиберій), пока все это не измѣнилось вслѣдствіе смерти Друза. Пока онъ былъ живъ, оставалось все по старому, такъ какъ и Сеянъ, власть котораго еще только начиналась, хотѣлъ заслужить извѣстность совѣтами на добро, да и спасенъ былъ мститель (Друзъ), не скрывавшій свою ненависть и часто высказывавшій жалобы: «при бытности сына сотрудни«комъ власти приглашается другой и много ли еще нужно, что-

«бы провозгласить его товарищемъ? Только первыя надежды гос-«подства затруднительны, а стоитъ вступить на этотъ путь, «явятся усердные слуги: Устроены уже, по волѣ префекта, лаге-«ри; даны въ его руки воины; изображеніе его виднѣется на «памятникахъ Кн. Помпея. Общіе будутъ ему съ фамиліею Дру-«зовъ внуки. Послѣ этого остается только молить объ умѣрен-«ности, чтобы онъ, Сеянъ, удовольствовался всѣмъ этимъ.» Не рѣдко и не передъ многими высказывался такъ Друзъ и самыя тайны его, вслѣдствіе испорченности жены, выходили наружу.

8. А потому Сеянъ, считая нужнымъ спѣшить, избралъ ядъ, медленное дѣйствіе котораго имѣло видъ случайной болѣзни. Ядъ данъ Друзу эвнухомъ Лигдономъ, какъ это узнано черезъ восемь лѣтъ. Впрочемъ Тиберій, во всѣ дни болѣзни Друза не обнаруживалъ никакихъ опасеній, можетъ быть, для того, чтобы показать твердость духа; а когда Друзъ умеръ, но еще похороненъ не былъ, Тиберій вошелъ въ зданіе сената. Консуламъ, подъ видомъ печали сидѣвшимъ на простыхъ мѣстахъ, напомнилъ ихъ честь и мѣсто. И когда сенатъ разразился въ слезахъ, онъ, подавивъ стенанія, вмѣстѣ съ тѣмъ ободрилъ его связною рѣчью: «Не безъизвѣстно «ему, что возможно даже въ вину ему поставить, что при такомъ еще свѣжемъ горѣ явился онъ передъ глаза сената. Большая часть «горюющихъ съ трудомъ переносятъ рѣчи близкихъ, едва взираютъ «на свѣтъ дневный. И не надобно ихъ осуждать какъ за слабость; «а онъ ищетъ болѣе сильныхъ утѣшеній изъ тѣснаго общенія съ «дѣломъ общественнымъ». Умилился онъ надъ преклонною старостью Августы, еще незрѣлымъ возрастомъ внуковъ и надъ уменьшеніемъ вслѣдствіе лѣтъ собственныхъ силъ — просилъ: «ввесть «дѣтей Германика какъ единственное утѣшеніе въ теперешнихъ «несчастіяхъ». Консулы вышли и ставятъ передъ Цезаремъ приведенныхъ ими молодыхъ людей, успокоивъ ихъ предварительно убѣжденіями. Держа ихъ, Тиберій сказалъ: «Отцы достопочтенные, «вотъ ихъ то, потерявшихъ отца, я передалъ было ихъ дядѣ и «умолялъ его, чтобы онъ, хотя имѣетъ и собственныхъ дѣтей, не-«иначе какъ кровь свою ласкалъ и воспитывалъ, приготовляя ихъ «для себя и потомства. Такъ какъ теперь Друзъ похищенъ смертью, «то мольбы мои обращаю къ вамъ и заклинаю передъ богами и «отечествомъ: примите, устройте правнуковъ Августа, отъ знамени-«тѣйшихъ родителей рожденныхъ; исполните вашу и мою обязан-«ность. А вамъ, Неронъ и Друзъ, они (сенаторы) будутъ вмѣсто «родителей. Вы такъ рождены, что и хорошее ваше и дурное не-

«раздѣльно съ судьбою общественною». Выслушано это съ большимъ плачемъ, а вслѣдъ за тѣмъ съ пожеланіями на лучшее. И удовольствуйся Тиберій тѣмъ только, что сказалъ, то исполнилъ бы онъ умы всѣхъ слышавшихъ сожалѣніемъ о немъ и похвалою; но, обратясь къ рѣчамъ пустымъ и столько уже разъ осмѣяннымъ: «о возстановленіи общественнаго управленія и чтобы во главѣ его «стали консулы или иной кто-либо», тѣмъ самимъ отнялъ вѣру къ тому, что было въ его словахъ правдиваго и честнаго. Въ память Друза опредѣлено все тоже, что и относительно Германика, а очень много и прибавлено, какъ обыкновенно любитъ позднѣйшая (по времени) лесть. Похороны въ особенности отличались обиліемъ изображеній, такъ какъ родоначальникъ семейства Юліевъ Эней, всѣ цари Албанцевъ и построитель города, Ромулъ, за тѣмъ знатный Сабинецъ Аттъ Клавзъ и прочія изображенія Клавдіевъ— виднѣлись длиннымъ рядомъ.

10. Передавая смерть Друза я привелъ то, что передано большою частью писателей наиболѣе заслуживающихъ вѣры, но не могу опустить слухъ того времени до того сильный, что и до сихъ поръ онъ не могъ изгладиться: «соблазнивъ на преступленіе Ливію, Сеянъ привязалъ къ себѣ духъ эвнуха Лигда преступною «связью: тотъ и возрастомъ и наружностью былъ дорогъ господину «и былъ у него въ числѣ первыхъ служителей; потомъ, когда «единомышленники уладили между собою и время и мѣсто отрав«ленія, дошелъ (Сеянъ) до такой дерзости, что съ себя свернулъ «и тайнымъ показаніемъ уличая Друза въ намѣреніи отравить «отца, предупредилъ Тиберія уклониться отъ питья, которое бу«детъ ему во время его пиршества у сына предложено первое. «Вслѣдствіе этого обмана, старецъ, принявъ участіе въ пиршествѣ, «взявъ чашу, передалъ ее Друзу, а тотъ, ничего не зная, выпилъ «съ веселостью свойственною его молодости и тѣмъ усилилъ подо«зрѣніе, будто бы отъ страха и стыда причинилъ самъ себѣ «смерть, которую готовилъ было отцу».

11. Ну кто же бы сколько нибудь благоразумный, а не только Тиберій, пріобрѣтшій опытность въ дѣлахъ самыхъ важныхъ—не выслушавъ, сына отдавалъ бы его на гибель и притомъ собственноручно и безъ всякой возможности поправить дѣло? Не скорѣе ли бы предалъ пыткамъ подавшаго ядъ, старался бы отыскать виновниковъ и при врожденной, даже относительно чужихъ медлительности и нерѣшимости, отступилъ бы отъ нихъ дѣйствуя противъ единственнаго сына, до тѣхъ поръ ни въ чемъ дурномъ не

уличеннаго. Но такъ какъ Сеяна считали виновнымъ всѣхъ преступныхъ дѣяній, то вслѣдствіе излишняго къ нему расположенія Цезаря и ненависти остальныхъ къ нимъ обоимъ (Цезарю и Сеяну)—вѣрили самымъ нелѣпымъ выдумкамъ: такъ какъ и молва принимаетъ всегда огромные размѣры въ томъ, что касается обстоятельствъ смерти повелителей. Впрочемъ самый ходъ преступленія, обнаруженный Апикатою Сеяна (женою), раскрытъ вслѣдствіе пытки Евдема и Лигда. Да и не нашлось писателя столь непріязненнаго, который ставилъ бы это въ вину Тиберію, все прочее отыскивая и подбирая. А я же счелъ нужнымъ привесть этотъ слухъ и обличить его несостоятельность, чтобы нагляднымъ примѣромъ опровергнуть ложные толки и я просилъ бы тѣхъ, въ руки которыхъ дойдетъ этотъ мой трудъ — не предпочитать распространенное въ народѣ и тѣмъ съ большею жадностью принятое, чѣмъ оно невѣроятнѣе—истинѣ, какъ бы она проста ни казалось собствено: неиспорченной въ чудесное.

12. Впрочемъ, когда Тиберій передъ Рострами говорилъ похвальное слово сыну, сенатъ и народъ приняли и въ наружности и въ голосѣ видъ скорбящихъ, но болѣе притворно, чѣмъ по добровольному побужденію, а въ душѣ радовались, что домъ Германика вновь пріобрѣтаетъ значеніе. Эти начатки народнаго расположенія и то, что мать Агриппина плохо прикрывала надежды, ускоряло гибель. Сеянъ, видя что смерть Друза осталась его убійцамъ неотмщенною, да и не имѣла послѣдствіемъ общественной печали, дерзкій на преступленія именно потому, что первое удалось—сталъ самъ собою обдумывать—какимъ бы способомъ извести дѣтей Германика, наслѣдованіе которыхъ было внѣ всякаго сомнѣнія. Да и невозможно было дѣйствовать ядомъ на трехъ, при испытанной вѣрности ихъ дядекъ и неприкосновенномъ цѣломудріи Агриппины. А потому сталъ онъ преслѣдовать ее заочными наговорами, раздувая старинную ненависть Августы и дѣйствуя на еще свѣжее сознаніе Ливіи — чтобы они обличали передъ Цезаремъ: «гордится же она своимъ плодородіемъ, жадничаетъ власти, «опираясь на расположеніе народа». Такія рѣчи отъ хитрыхъ клеветниковъ (въ число ихъ выбралъ Сеянъ Юлія Постума, черезъ прилюбодѣйную связь съ Мутиліею Прискою попавшаго въ число приближенныхъ бабки и его намѣреніямъ наиболѣе пригоднаго, потому что Приска имѣла сильное вліяніе на душу Августы) старуху, отъ природы дрожавшую за власть, отчуждали отъ невѣстки.

Близкихъ къ Агриппинѣ лицъ склоняли—злонамѣренными рѣчами развивать и безъ того надменное расположеніе ея духа.

13. Тиберій, нисколько не оставивъ заботы о дѣлахъ—самыя занятія служили ему утѣшеніемъ, обсуждалъ права гражданъ, прошенія союзниковъ. Состоялись, по его предложенію, сенатскія опредѣленія: «городу Цибиратикъ въ Азіи, Эгіѣ въ Ахаіѣ, разрушен-«нымъ землетресеніемъ оказать помощь освобожденіемъ отъ повин-«ностей на три года». Вибій Серенъ, проконсулъ дальней Испаніи, виновный въ насиліи общественномъ, осужденъ за суровость нравовъ и отправленъ въ ссылку на островъ Аморгъ. Карсидій священнослужитель, обвиненный въ томъ, будтобы онъ хлѣбомъ помогалъ непріятелю нашему, Такфаринату, оправданъ; въ томъ на обвиненіи оправданъ и К. Гракхъ. Его, товарища ссылки, въ раннемъ еще дѣтствѣ, взялъ съ собою отецъ Семпроній на островъ Церцину. Взросъ онъ тамъ среди изгнанниковъ, чуждыхъ высшаго образованія, прокармливался кое какъ, промѣнивая по Африкѣ и Сициліи товары самые простые; но не ушелъ отъ опасности великаго имени. Еслибы его невиннаго не защитили Элій Ламія и Л. Апроній, управлявшіе Африкою—погибъ бы онъ жертвою знатности несчастнаго рода и отцовскихъ бѣдствій. И въ этомъ году были посольства Греческихъ городовъ: Самосцы просили за Юноны, а Коосцы за Эскулапа храмомъ утвердить старинное право пріюта. Самосцы основывались на декретѣ Амфитріоновъ, у которыхъ сосредоточено было главное сужденіе обо всѣхъ дѣлахъ въ то время, когда греки построивъ по Азіи города, владѣли морскимъ прибрежьемъ. Въ родѣ этой древность была и у Коосцевъ, но присоединялась еще чисто мѣстная заслуга. Коосцы ввели въ храмъ Эскулапія гражданъ Римскихъ, когда они, по приказанію царя Мидридата, избиваемы были по всѣмъ островамъ и городамъ Азіи. За тѣмъ послѣ разнобразныхъ и часто безполезныхъ жалобъ преторовъ, наконецъ Цезарь доложилъ: «о невоздержности актеровъ, «многое они стараются дѣлать въ общесвѣ возмутительнаго, дома «гнуснаго. Забава, взятая нѣкогда отъ Осковъ, доставляющая на-«роду пустѣйшее препровожденіе времени, дошла до такой злов-«редной силы, что необходимо ее подавить властью сената». Тогда актеры изгнаны изъ Италіи.

15. Тотъ же годъ принесъ еще горе Цезарю—похитивъ одного изъ родившихся было у Друза двояшекъ, и не менѣе смертью друга. То былъ Луцилій Лонгъ, товарищъ его бѣдствій и удачъ, единственный изъ сенаторовъ, сопровождавшій его

при удаленіи на Родосъ. А потому, хотя новому человѣку—сенаторы опредѣлили: похороны цензорскіе, изображеніе на форумѣ Августа и все это на общественныя деньги. Въ то время въ сенатѣ были сосредоточены всѣ дѣла до такой степени, что когда прокураторъ Азіи, Луцилій Капито, обвиняемый провинціею, защищался, то государь завѣрялъ сильно: «далъ онъ ему только права распоряженія на рабовъ и свои частныя средства; «если же онъ присвоилъ себѣ власть претора и пользовался трудами воиновъ, то этимъ пренебрегъ онъ его порученія, пусть «выслушаютъ союзниковъ.» По изслѣдованіи дѣла, подсудимый осужденъ. За эту строгость и то, что въ прошломъ году также строго поступлено съ К. Силаномъ, города Азіи опредѣлили храмъ Тиберію, матери его и сенату. Получивъ дозволеніе, воздвигли. Въ этомъ дѣлѣ благодарилъ Неронъ сенаторовъ и отца, при общемъ къ нему расположеніи слушателей; по свѣжей еще памяти Германика, полагали что его видятъ, его слышатъ. Молодой человѣкъ обладалъ скромностью и красивою наружностью, достойною его высокаго положенія: знали и ненависть къ нему Сеяна, а потому и самая опасность увеличивала къ нему участіе.

16. Около этого же времени Цезарь изложилъ: о фламинѣ Діальскомъ (Юпитера), котораго предстоитъ выбрать на мѣсто умершаго Сервія Малугинеиза и о необходимости издать новый законъ: «по древнему обычаю назначаемы были вмѣстѣ три па-«триція, происходящіе отъ родителей, соединенныхъ бракомъ «съ обрядами конфарреаціи съ тѣмъ, что изъ нихъ долженъ «быть выбранъ одинъ (фламиномъ). А теперь нѣтъ уже въ нихъ «такого изобилія, какое было прежде, вслѣдствіе пренебреженія «обычаемъ конфарріаціи, который сохранили весьма немногіе. «Приводилъ многія причины этому дѣлу; но главная—незабот-«ливость о томъ самихъ мущинъ и женщинъ. Присоединяются и «затрудненія самой церемоніи, такъ что намѣренно отъ нихъ «уклоняются, тѣмъ болѣе что освобождался отъ права отцов-«скаго, кто получалъ фламинство, а также и та, которая доставалась «въ руки фламина. А потому необходимо пособить сенатскимъ «декретомъ или закономъ; такъ и Августъ многое изъ той су-«ровой древности примѣнилъ къ теперешнему употребленію.» Вслѣдствіе этого, обсудивъ эти религіозные вопросы—постановили: «въ установленіи фламиновъ не дѣлать никакой перемѣны.» Но изданъ законъ, по которому «фламиника Діальская (Юпи-

«терова) въ отношеніи священнодѣйствій должна находиться во «власти мужа; во всѣхъ же прочихъ случаяхъ пользоваться об«щими правами со всѣми женщинами.» Сынъ заступилъ мѣсто отца Малугиненза. А чтобы распространялось уваженіе къ священнослужителямъ и чтобы они изъявляли болѣе усердія къ исполненію церемоній, опредѣлено Корнелію дѣвицѣ, которая была назначена на мѣсто Скантіи 20 сестерціевъ и чтобы Августа всякой разъ какъ входитъ въ театръ, имѣла бы мѣсто сидѣть между весталокъ.

17. Въ консульство Корнелія Цетега и Визеллія Варрона первосвященники и по ихъ примѣру прочіе священнослужители, возсылая мольбы за здоровье государя—Нерона и Друза препоручили въ милость тѣхъ же боговъ, не столько изъ расположенія къ этимъ молодымъ людямъ, сколько изъ лести, а она, при испорченности нравовъ одинаково опасна и совершеннымъ отсутствіемъ, и излишествомъ. Тиберій, не могшій когда либо смягчаться относительно семейства Германика, не могъ перенесть, что отроковъ приравниваютъ его старости и огорчился этимъ. Призвавъ первосвященниковъ, спрашивалъ: «уступили ли они въ этомъ случаѣ просьбамъ Агриппины или угрозамъ?» Хотя они и запирались, но въ умѣренныхъ выраженіяхъ получили выговоръ (большая часть ихъ были изъ его же близкихъ или знатнѣйшія лица государства). Впрочемъ, и въ сенатѣ онъ внушалъ рѣчью на будущее время: «легко подвижные умы молодыхъ людей преж«девременными почестями не возбуждать къ гордости.» Сеянъ между тѣмъ, настаивалъ, обличая: «общество раздѣлилось какъ бы въ междуусобной войнѣ. Есть люди, сами себя называющіе сторонниками Агриппины и если не оказать противудѣйствія будетъ ихъ гораздо больше и нѣтъ другаго средства остановить вкрадывающійся раздоръ, какъ ниспровергнуть того или другаго изъ наиболѣе усердныхъ.

18. По этой причинѣ нападаетъ онъ на К. Силія и Тиція Сабина. Дружба Германика послужила на гибель тому и другому. А такъ какъ Силій, въ теченіи семи лѣтъ завѣдывалъ огромнымъ войскомъ и побѣдитель въ войнѣ съ Сакровиромъ заслужилъ почести тріумфа надъ Германіею, то чѣмъ чувствительнѣе было бы его паденіе, тѣмъ болѣе страха распространилось бы на другихъ. Большинство было того убѣжденія, что раздраженіе противъ себя усилилъ невоздержностью, неумѣренно хвалясь: «что его воины остались вѣрны долгу, когда остальные увлече-

«ны были къ возмущенію и не осталось бы власти Тиберію, если бы и этими легіонами овладѣло стремленіе къ нововведеніямъ.» Цезарь полагалъ, что такія слова сокрушаютъ его счастіе и ставятъ его въ неоплатный долгъ къ такой заслугѣ. «Благодѣянія пріятны до тѣхъ поръ, пока повидимому можно «отплатить за нихъ; но когда же они зашли слишкомъ далеко, «то вмѣсто благодарности платятъ ненавистью.»

19. У Силія была жена Созія Галла, любовь Агрипины дѣлала ее ненавистною государю. Положено за нихъ взяться, отложивъ до время дѣло Сабина: напущенъ консулъ Варронъ; онъ подъ предлогомъ еще отцовской непріязни, съ собственнымъ безславіемъ старается подслужиться ненависти сената. Подсудимый просилъ: «немного отсрочки, пока обвинитель оставитъ консульство.» Цезарь воспротивился: «въ обычаѣ и лицамъ должностнымъ призывать къ суду частныхъ лицъ; и не слѣдуетъ нарушать пра«во консуловъ, на бдительности котораго лежитъ отвѣтственность «какъ бы дѣло общественное не понесло какого урона.» Свойственно было Тиберію вновь придуманныя преступленія прикрывать выраженіями древними. А потому съ большою настойчивостью, какъ будто бы и съ Силіемъ поступали на основаніи законовъ, и Варронъ былъ дѣйствительно консулъ, и порядокъ общественный былъ все тотъ же что прежде, созываются сенаторы. Подсудимый молчалъ, да если бы онъ и началъ защиту, то ясно было, чей гнѣвъ его гнѣтетъ. Въ вину ставили: «зналъ «онъ о приготовленіяхъ къ войнѣ Сакровира, но долго скры«валъ, побѣду, осквернилъ жадностью и жену Созію.» Сомнѣнія не было въ захватѣ ими чужихъ денегъ; но все шло, согласно требованіямъ закона въ оскорбленіи величества и Силій неизбѣжное осужденіе предупредилъ добровольнымъ концомъ.

20. Строго поступлено и съ его имуществомъ, но не съ тѣмъ, чтобы возвратить деньги заслужившимъ: о томъ никто изъ нихъ не просилъ, но и отняты плоды щедрости Августа, при чемъ тщательно сосчитано сколько именно слѣдуетъ въ казну. Это первая была заботливость Тиберію относительно (присвоенія) чужихъ денегъ. Созія прогнана въ ссылку, по мнѣнію Азинія Галла, а тотъ полагалъ; «часть имущества въ казну, а часть ос«тавить дѣтямъ.» Напротивъ М. Лепидъ призналъ нужнымъ: «чет«вертую часть дать обвинителямъ согласно требованію закона, «остальное дѣтямъ.» Объ этомъ Лепидѣ я достовѣрно узналъ, что въ тѣ времена онъ былъ человѣкъ почтенный и умный.

Очень многое отъ жестокой услужливости другихъ, обратилъ на лучшее. Да и не имѣлъ онъ надобности скрывать свой характеръ, пользуясь у Тиберія справедливымъ вліяніемъ и расположеніемъ. Все это вынуждаетъ меня думать, что судьбою и жребіемъ рожденія предопредѣлено какъ и все прочее, такъ и расположеніе государей къ однимъ, немилость къ другимъ. Или что нибудь зависитъ отъ нашихъ соображеній и предстоитъ возможность между грубымъ осужденіемъ и гнусною угодливостью, идти своимъ путемъ, чуждаясь честолюбія и опасностей. А Мессалинъ Котта, неменьше знатный родомъ, но совсѣмъ другаго характера, подалъ мнѣніе: «необходимо предусмотрѣть сенатскимъ «декретомъ, чтобы какъ бы ни были невинные должностныя ли-«ца, не зная о чужой винѣ, но по обвиненіямъ женъ за ихъ «дѣйствія въ провинціяхъ, подлежали бы отвѣтственности какъ «за собственныя.»

21. Потомъ толковали о Кальпурніѣ Пизонѣ, человѣкѣ знатномъ и смѣломъ. Онъ то, какъ я изложилъ выше, кричалъ въ сенатѣ, что удалится изъ города, вслѣдствіе происковъ обвинителей и дерзнулъ, презрѣвъ властью Августы, привлекать къ суду Ургуланію, вызвавъ ее изъ дому государя. Въ то время Тиберій снесъ это какъ слѣдуетъ гражданину, но въ душѣ подавленный гнѣвъ, хотя сила оскорбленія и ослабѣла отъ времени, обновлялся воспоминаніемъ. К. Граній обвинилъ Пизона въ тайныхъ бесѣдахъ, оскорбительныхъ для величества, и прибавилъ: «въ домѣ его есть ядъ и онъ, опоясанный мечемъ, входитъ въ «курію.» Впрочемъ это обстоятельство, какъ съ истиною далеко несогласное, опущено; въ остальномъ же—а много было взводимо на него обвиненій, признанъ подсудимымъ, но судимъ не былъ, по случаю пришедшей кстати смерти. Доложено и объ изгнанникѣ Кассіѣ Северѣ; низкаго происхожденія, зловредной жизни, но мастеръ говорить—вызвавъ безмѣрную противъ себя непріязнь достигъ того, что по приговору присяжнаго сената удаленъ въ Критъ а тамъ, продолжая дѣйствовать по прежнему, обратилъ на себя и прежнія и новыя чувства ненависти; лишенный имущества, устраненный отъ огня и воды, состарился на Серифійскомъ утесѣ.

22. Въ это же время преторъ Плавтій Сильванъ по неизвѣстной причинѣ сбросилъ жену свою Апронію черезъ голову. Повлеченный къ Цезарю тестемъ своимъ Л. Апроніемъ смутясь отвѣчалъ, что онъ былъ отягченъ сномъ и ничего не знаетъ, а жена сама

себѣ причинила смерть. Немедленно Тиберій отправился въ домъ, осмотрѣлъ спальню, а тамъ были видны слѣды борьбы и драки. Докладываетъ сенату; назначены судьи, тогда Ургуланія, бабка Сильвана, посылаетъ внуку кинжалъ. И это въ общемъ мнѣніи такъ и принято, что сдѣлано, по внушенію государя, вслѣдствіе дружественныхъ отношеній Августы къ Ургуланіи. Подсудимый, послѣ тщетной попытки лишить себя жизни желѣзомъ (кинжаломъ), далъ себѣ разрѣзать жилы. Вслѣдъ затѣмъ обвинена Нумантина, первая его жена въ томъ, будто бы она наговорами и отравами набросила на мужа безумство—судъ нашелъ что она невинна.

23. Наконецъ этотъ только годъ освободилъ народъ Римскій отъ продолжительной войны противъ Нумида Такфарината. Бывшіе съ тѣхъ поръ вожди, какъ только полагали, что достаточно сдѣлали для полученія почестей тріумфа—оставляли непріятеля. Уже въ Римѣ было три статуи увѣнчанныхъ лаврами, а Африку все еще опустошалъ Такфаринатъ, усиленный содѣйствіемъ тѣхъ изъ Мавровъ, которые при Птоломеѣ, сынѣ Юбы, вслѣдствіе молодости еще неопытномъ въ дѣлахъ, промѣняли царскихъ отпущенниковъ и рабское господство на войну. У него былъ укрывателемъ добычи и товарищемъ опустошеній—царь Гарамантовъ и не тѣмъ, чтобы онъ наступалъ съ войскомъ, но посылая легковооруженныя войска, а вдали о нихъ распространялся слухъ преувеличенный. Да и изъ самой провинціи люди неимущіе, безпокойные по характеру, спѣшили съ готовностью, такъ какъ Цезарь, послѣ дѣйствій Блеза, какъ будто бы въ Африкѣ уже нѣтъ никакого непріятеля, отдалъ приказаніе вывезти девятый легіонъ. И проконсулъ этого года П. Долабелла не осмѣлился удержать—опасаясь болѣе приказаній государя, чѣмъ неизвѣстныхъ случайностей войны.

24. А потому Такфаринатъ, распространивъ слухъ: «Римлянъ «терзаютъ и другіе народы и, вслѣдствіе этого, они мало по малу «оставляютъ Африку; а остальные могутъ быть окружены, если на-«лягутъ на нихъ всѣ, кому свобода дороже рабства», умножаетъ силы и поставивъ лагерь, осаждаетъ городъ Тубускъ. А Долабелла, стянувъ воиновъ сколько было, ужасомъ имени Римскаго и вслѣдствіе того, что Нумиды не могутъ выносить дѣйствія пѣхоты—первымъ наступательнымъ движеніемъ заставилъ снять осаду и укрѣпилъ всѣ удобныя для того мѣста. Вмѣстѣ старѣйшинъ Музуланскихъ, приступавшихъ къ отпаденію, казнилъ отсѣченіемъ головъ. Потомъ—такъ какъ извѣдано многими противъ Такфарината походами, что непріятеля блуждающаго невозможно застигнуть од-

нимъ движеніемъ, да и притомъ тяжелаго войска. Вызванъ и царь Птоломей съ его соотечественниками; изготовлено четыре отряда, ввѣренные трибунамъ или легатамъ; а отряды для грабежа поведены отборными изъ Мавровъ; самъ (Долабелла) является для всѣхъ совѣтникомъ.

25. Немного спустя приносятъ извѣстіе: «Нумиды, разставивъ «палатки, расположились у полуразрушеннаго укрѣпленія, ими же «когда то преданнаго огню, которому названіе—Авзеа; полагаются «они на мѣстность, будучи замкнуты отовсюду обширными лѣсами». Тогда легкія когорты и эскадроны, сами не зная въ какую сторону ихъ поведутъ, отправляются въ поспѣшный походъ. Вмѣстѣ начался день и при звукѣ трубъ и грозныхъ крикахъ бросились на полусонныхъ дикарей, а лошади Нумидовъ были или стреножены или блуждали по разнымъ пастбищамъ. Со стороны Римлянъ сплошная масса пѣхоты, конные отряды въ порядкѣ, все приготовлено къ бою; а напротивъ у непріятелей, ничего не знавшаго, ни оружія, ни устройства, ни плана дѣйствія, но, подобно скоту, ихъ увлекаютъ, убиваютъ, берутъ въ плѣнъ. Воинъ раздраженъ памятью трудовъ и сраженія столько разъ желаннаго, но отъ котораго они уклонялись, а потому насыщался въ волю мщеніемъ и кровью. Разносится по рядамъ: «пусть они всѣ преслѣдуютъ Такфарината, «знакомаго уже имъ по столькимъ сраженіямъ; отдохновеніе отъ «войны будетъ только когда убьютъ вождя». А онъ—окружавшіе его были разбросаны и сынъ уже связанъ—со всѣхъ сторонъ стремились Римляне—бросился на оружіе и избѣжалъ плѣна не безъ отмщенія.

26. Таковъ былъ конецъ военныхъ дѣйствій. На просьбу Долабеллы тріумфа, Тиберій отказалъ, дѣлая это для Сеяна, какъ бы не затмилась слава его дядюшки, Блеза; но Блезъ не сдѣлался оттого знаменитѣе, и отказанная почесть увеличила славу Долабеллы, такъ какъ онъ съ меньшимъ войскомъ вывезъ знатныхъ плѣнныхъ, смерть вождя и убѣжденіе войны къ концу приведенной. Послѣдовали и послы Гарамантовъ; рѣдко видали ихъ въ городѣ Римѣ; ихъ, по смерти Такфарината, прислалъ съ удовлетвореніемъ народу Римскому народъ, пораженный страхомъ и несознававшій за собою вины. Когда узнали объ усердномъ участіи Птоломея въ этой войнѣ—возобновленъ обычай древности и посланъ изъ числа сенаторовъ—вручить ему скипетръ изъ слоновой кости, разрисованную тогу—старинные подарки сената и привѣтствовать его названіемъ царя, союзника и друга.

27. Въ этомъ же году возникшіе было въ Италіи зачатки возстанія рабовъ подавилъ случай. Виновникъ возмущенія Т. Куртизій, нѣкогда воинъ преторіанской когорты, сначала на тайныхъ сходкахъ въ Брундизіѣ и окружающихъ городахъ, потомъ выставленными явно объявленіями призывалъ къ свободѣ рабовъ; разсѣянные по обширнымъ лѣсамъ они были дики и грубы: тутъ, какъ бы даромъ боговъ причалили три биремы (судна о двухъ рядахъ веселъ), на случай надобности переѣзжающимъ это море. И въ этихъ сторонахъ находился квесторъ Курцій Лупъ, которому, по старинному обычаю, досталась провинція Калесъ. Онъ расположивъ экипажемъ этихъ судовъ, разсѣялъ возмущеніе, начавшее было распространяться очень сильно. Цезаремъ посланъ поспѣшно Стайй трибунъ съ сильнымъ отрядомъ; онъ вождя самого и ближайшихъ къ нему по дерзости (готовности на все) повлекъ въ городъ, уже трепетавшій вслѣдствіе множества прислуги, а со дня на день уменьшалось количество свободнаго простаго народа.

28. При тѣхъ же консулахъ—возмутительный примѣръ строгости и бѣдствій—подсудимый отецъ, обвинитель сынъ—и того и другаго звали Вибіемъ Ѳереномъ—введены въ сенатъ. Возвращенный изъ ссылки, пылью и грязью покрытый, и въ то время цѣпью скованный отецъ по просьбѣ сына. А молодой человѣкъ, весьма заботливо прикрасившій свою наружность и съ веселымъ лицомъ: «устроены противъ государя ковы и посланы въ Галлію подстре«катели войны»—высказывалъ онъ же—доносчикъ, онъ же—свидѣтель и присоединялъ, что «Цецилій Корнутъ, бывшій преторъ, «давалъ на то деньги». И онъ (Цецилій), скучая заботами и такъ какъ опасность самая считалась гибелью, ускорилъ самъ себѣ смерть. Напротивъ подсудимый, нисколько не падая духомъ, обратясь къ сыну, потрясалъ цѣпями, призывалъ «боговъ, мстителей, пусть ему «возвратятъ ссылку, гдѣ онъ будетъ жить по прежнему; сыну же «когда нибудь послѣдуетъ наказаніе». Утверждалъ: «Корнутъ не«виненъ и ложно приведенъ въ ужасъ и это легко будетъ понять, «если представятъ другихъ; не могъ же онъ замышлять убійство «государя и нововведенія съ однимъ товарищемъ».

29. Тутъ обвинитель наименовалъ Кн. Лентулла и Сеія Туберона къ большому стыду Цезаря, такъ какъ первыя лица въ государствѣ, приближенные его друзья—Лентуллъ уже чрезвычайно старый человѣкъ, а Туберонъ съ искалѣченнымъ тѣломъ—призывались въ непріязненныхъ смутахъ и ниспроверженіи общественнаго порядка. Но они, по крайней мѣрѣ, тотчасъ же изъяты. Относи-

тельно отца (Серена) допросили пыткою рабовъ и ихъ показанія были противъ обвинителя. И тотъ, робкій отъ самаго преступленія, вмѣстѣ приведенный въ ужасъ толками народа, грозившими ему страшною темницею—утесомъ или казнью отцеубійцъ, возвращенный изъ Равенны, вынужденъ провесть до конца обвиненіе; а Тиберій не скрывалъ старинную ненависть противъ изгнанника Серена. Послѣ осужденія Либона, онъ послалъ къ Цезарю письмо, въ которомъ упрекалъ его, что «одного его усердіе осталось без-«плоднымъ» и прибавилъ кое что рѣзче, чѣмъ насколько это было безопасно слуху надменному и расположенному къ обидчивости. Цезарь это припомнилъ и черезъ восемь лѣтъ, разнообразно ставя ему въ вину и прошедшее съ тѣхъ поръ время, если бы даже упорныя пытки рабовъ свидѣтельствовали совершенно противное.

30. Потомъ когда высказывались мнѣнія, Тиберій, желая смягчить неудовольствіе, заступился, требуя, чтобы Серенъ былъ наказанъ по обычаю предковъ. Галлъ Азиній подалъ мнѣніе, что нужно его (Серена) заключить на Гіаръ или Донузу—и этимъ пренебрегъ, приводя: «что тотъ и другой островъ имѣетъ недостатокъ «въ водѣ, а надобно дать возможность пользоваться жизнью тѣмъ «кому она дается.» Такимъ образомъ Серенъ отправленъ въ ссылку въ Аморгъ. А такъ какъ Корнутъ палъ отъ своей руки, то и предложено: «объ отмѣнѣ награды обвинителемъ, если кто будучи «призванъ къ суду въ оскорбленіи величества, самъ себя лишитъ «жизни.» Соглашались было сенаторы на это мнѣніе, если Цезарь въ выраженіяхъ рѣзкихъ, противъ своего обычая, явно за обвинителей, жаловался: «безполезны законы и общественный порядокъ «въ опасности; пусть лучше уничтожатъ права, чѣмъ удалятъ ихъ «блюстителей.» Такимъ образомъ доносчики, родъ людей найденный на гибель общества и наказаніемъ никогда достаточно не обузданный—поощряемы были наградами.

31. При такомъ постоянствѣ направленія грустномъ вызвало умѣренную радость то, что Цезарь—К. Коминія, всадника Римскаго, уличеннаго въ сочиненіи ругательнаго противъ него стихотворенія—простилъ по просьбѣ брата, бывшаго сенаторомъ. И тѣмъ удивительнѣе кажется, что зная лучшее и то, какая слава слѣдуетъ за милосердіемъ—предпочиталъ направленіе болѣе печальное. Да и въ числѣ его недостатковъ не было полнаго равнодушія ко всему. И не составляетъ тайны, когда правдиво и когда съ оттѣнкомъ радости дѣянія Императоровъ прославляются. Да и самъ Тиберій, въ другихъ случаяхъ принужденно и какъ бы черезъ силу находя

выраженія, говорилъ быстрѣе и развязнѣе, когда предстояло явиться кому нибудь на помощь. А относительно П. Суллія, нѣкогда квестора Германика, когда его удаляли изъ Италіи, убѣжденный, что онъ за сужденіе дѣлъ бралъ деньги, подалъ мнѣніе, что необходимо его удалить на островъ, а съ такимъ напряженіемъ духа, что и клятвою обязалъ: такъ поступить требуютъ интерессы государства. Такое распоряженіе съ неудовольствіемъ принятое тогда, впослѣдствіи обратилось въ похвалу; по возвращеніи Суллія последовавшее поколѣніе видѣло его на верху могущества продажнымъ и дружбою Клавдія, главы государства, пользовался онъ долго и благополучно, но никогда хорошо. Тоже наказаніе назначено сенатору Кату Фирмію—будтобы онъ ложными обвиненіями въ оскорбленіи величества преслѣдовалъ сестру. Катъ, какъ я привелъ выше, сначала опуталъ ковами Либона, потомъ поразилъ его судебнымъ преслѣдованіемъ. Тиберій, помня это его содѣйствіе, но подъ другими предлогами—упросилъ его не ссылать, а не противился, чтобы его прогнали изъ сената.

32. Большая часть того, что я привелъ и привожу можетъ быть покажутся незначительными и недостойными памяти; это мнѣ не безъизвѣстно; но никто же лѣтописей нашихъ и не станетъ сравнивать съ писаніемъ тѣхъ, которые изложили старинныя дѣянія народа Римскаго. Въ свободномъ изложеніи припоминали они громадныя войны, взятія городовъ, пораженія и плѣны царей или, обращаясь къ дѣламъ внутреннимъ, раздоры консуловъ противъ трибуновъ, законы поземельные и продовольственные, борьбу между народомъ и знатью. Нашъ же трудъ и тѣсенъ, и неблагодаренъ. Миръ ничѣмъ ненарушенный или чуть возмущенный, грустныя дѣла въ Римѣ, а государь—неохотникъ расширять границы владѣній. Но не безполезно будетъ вникнуть въ то, что незначительное съ перваго взгляда нерѣдко служитъ зародышемъ великихъ переворотовъ.

33. Всѣ народы и города управляются или гражданами, или знатью, или однимъ. Форма правленія изъ этихъ трехъ выбранная и составленная скорѣе можетъ быть предметомъ похвалъ, чѣмъ осуществиться на дѣлѣ, а если и осуществляется, то не можетъ быть долговременною. А потому какъ нѣкогда при могуществѣ простаго народа или перевѣсѣ сенаторовъ—необходимо было изучить характеръ народа и какими способами надобно было дѣйствовать на него благоразумно; сената и аристократовъ умы, наилучше изучившіе, считались умными и знакомыми съ обстоятельствами времени. Такимъ образомъ при со-

вершенной перемѣнѣ обстоятельствъ и такомъ положеніи дѣлъ Римскихъ, что вся власть сосредоточилась въ рукахъ одного — изыскать и передать то не будетъ чуждымъ предмета, такъ какъ немногіе разумно отдѣляютъ честное отъ дурнаго, полезное отъ вреднаго. Большинство же научается только тѣмъ, что случится съ другими. Впрочемъ, хотя и полезные уроки въ будущемъ представляютъ въ настоящемъ мало занимательнаго. Описанія народовъ чужеземныхъ, разнообразія сраженій, знаменитые исходы вождей занимаютъ и ободряютъ умы читающихъ; а мы соединяемъ жестокія повелѣнія, ложныя дружбы, гибель невинныхъ и тѣже причины ихъ гибели; тотчасъ же слѣдуетъ пресыщеніе этими разказами похожими одинъ на другой. Притомъ же древнихъ писателей рѣдко кто станетъ осуждать и никому нѣтъ дѣла на чьей сторонѣ будетъ твое расположеніе—Римскихъ ли или Карѳегенскихъ войскъ, а многихъ, которые, въ царствованіе Тиберія, подверглись казни или безславію остаются потомки. Даже еслибы самые роды уже и перевелись, найдешь и такихъ, которые, похожіе нравственностью, чужія злодѣянія сочтутъ брошеннымъ себѣ упрекомъ.—Даже слава и доблесть вызываетъ недоброжелательство, какъ бы изъ слишкомъ близкаго прошлаго представляя въ упрекъ совсѣмъ другое. Но возвращусь къ тому, что началъ.

34. Въ консульство Корнелія Косса и Азинія Агриппы—призванъ на судъ Кремуцій Кордъ въ преступленіи новомъ и тогда въ первый разъ услышанномъ—за то: «что онъ, издавъ лѣтописи «и похваливъ М. Брута, назвалъ К. Кассія послѣднимъ Римляни«номъ». Обвинителями были Сатрій Секундъ и Пинарій Натта, кліенты Сеяна Это было гибельно для подсудимаго, и Цезарь съ лицомъ непріязненнымъ встрѣтилъ защиту. А Кремуцій, убѣжденный въ необходимости оставить жизнь, началъ въ такомъ смыслѣ: «обличаются слова мои, отцы достопочтенные; слѣдовательно «дѣйствіемъ я невиновенъ. Да и тѣ (слова) не противъ государя «или его родныхъ, которыхъ объемлетъ законъ величества. Мнѣ «говорятъ, что я похвалилъ Брута и Кассія; объ ихъ дѣлахъ «писали многіе, но никто не упоминалъ безъ похвалы. Титъ Ли«вій, занимающій первое мѣсто по знаменитости краснорѣчія и «достовѣрности, превознесъ Кн. Помпея такими похвалами, что «Августъ его назвалъ Помпеевымъ, а, впрочемъ, это не повредило «ихъ дружественнымъ отношеніямъ. Сципіона, Афранія, этого са«маго Касія, этого Брута, нигдѣ не именуетъ разбойниками и «отцеубійцами—какія названія имъ нынѣ приписываются—а не-

«рѣдко упоминаетъ о нихъ, какъ о людяхъ замѣчательныхъ. Со«чиненія Азинія Полліонна передаютъ отличную память о томъ и «о другомъ. Мессала Корвинъ хвалился Кассіемъ, какъ своимъ «Императоромъ; но тотъ и другой остались при своихъ поче«стяхъ и богатствахъ. На книгу Марка Цицерона, въ которой «онъ до небесъ привознесъ Катона, диктаторъ Цезарь отвѣ«тилъ ли иначе какъ писанною рѣчью какъ бы передъ судьями? «Письма Антонія, Брута рѣчи заключаютъ въ себѣ конечно лжи«выя порицанія Августа, но весьма рѣзкія. Читаются стихи Би«бакула и Катулла, полные брани на Цезарей. Но сами: боже«ственный Юлій, божественный Августъ и переносили это, и остав«ляли (безъ преслѣдованія); не легко объяснить—болѣе ли подъ «вліяніемъ умѣренности или благоразумія, потому что пренебре«женное само собою приходитъ въ забвеніе; а если вызоветъ «гнѣвъ, сознается какъ бы за истину. Не касаюсь Грековъ, у «которыхъ не только свобода, но и своеволіе безнаказанны; а если кто «и обращаетъ вниманіе, то рѣчами же отмщаетъ за рѣчи. Всего «же извинительнѣе, не навлекая на себя неудовольствій, говорить «о тѣхъ, которыхъ смерть уже освободила и отъ ненависти и отъ «расположенія. Развѣ съ вооруженными Кассіемъ и Брутомъ, за«нимающими поля Филиппензскія,—виновникъ междуусобной вой«ны—народъ возмущаю рѣчами? Или они, павшіе лѣтъ семдесятъ «тому назадъ, узнаются же въ ихъ изображеніяхъ, которыя и «побѣдитель даже не уничтожилъ, не сохранятъ у писателей нѣ«которой доли воспоминанія? Потомство каждому отдаетъ должную «ему честь и если послѣдуетъ осужденіе, найдутся люди, которые «вспомнятъ не только о Кассіѣ и Брутѣ, но и обо мнѣ. Выйдя «потомъ изъ сената, окончилъ жизнь воздержаніемъ. Сенаторы при«говорили—книги сжечь черезъ эдилей, но всетаки остались из«данныя тайно. А потомуто, по истинѣ, заслуживаетъ посмѣянія «безразсудство тѣхъ, которые своею настоящею властью полагаютъ «возможнымъ уничтожить память и въ послѣдующихъ вѣкахъ. На«противъ чѣмъ болѣе наказываются умы, тѣмъ ихъ вмѣненіе уси«ливается; и ничего другаго не достигли чужестранные цари или «тѣ, которые примѣняли такую же строгость, кромѣ посрамленія «себѣ, а тѣмъ славы.»

36. Впрочемъ этотъ годъ былъ такъ занятъ безпрерывными обвиненіями, что даже въ дни Латинскихъ ферій—къ начальнику города, Друзу, взошедшему на трибуналъ для взятія ауспицій, подошелъ Кальпурній Сальвіанъ съ обвиненіемъ Секс. Марія, за

что Цезарь явно побранилъ и что для Сальвіана было причиною ссылки. Всенародно поставлена въ виду Цициценамъ незаботливость объ обрядахъ божественнаго Августа; къ этому присоединены обвиненія въ насиліи противъ гражданъ Римскихъ. И утратили свободу, которую заслуживали во время войны съ Митридатомъ осажденные, прогнавъ царя столько же своею твердостью, сколько и содѣйствіемъ Лукулла. А Фонтей Капитонъ, который прокунсуломъ управлялъ Азіею, оправданъ, такъ какъ достовѣрно открылось, что Вибій Серенъ взвелъ на него вымышленныя обвиненія. Впрочемъ это Серену не было во вредъ; самая общая ненависть дѣлала его еще безопаснѣе и чѣмъ кругъ дѣятельности обвинителя былъ шире, тѣмъ считался онъ священнѣе и неприступнѣе; незначительные же и неважные подвергались наказаніямъ.

37. Въ то же время дальняя Испанія, отправивъ пословъ къ сенату, умоляла: чтобы, по примѣру Азіи, дозволено ей было выстроить капище Тиберію и его матери. По этому случаю Цезарь, вообще имѣвшій довольно силы для презрѣнія почестей, счелъ нужнымъ отвѣчать тѣмъ, толками которыхъ уличался, якобы онъ сталъ увлекаться честолюбіемъ и началъ рѣчь слѣдующаго рода: «знаю, отцы достопочтенные, что большая часть желали бы во «мнѣ больше прежняго постоянства, чѣмъ когда не воспротивился «я городамъ Азіи, недавно просившимъ о томъ же; а потому и «вмѣстѣ открою и защиту прежняго молчанія, и что я постановилъ «на будущее время. Когда божественный Августъ не воспрепят«ствовалъ воздвигнуть себѣ и городу Риму храмъ у Пергама, я, слова «и дѣйствія Августа замѣчая какъ законъ для себя, тѣмъ съ «большею готовностью послѣдовалъ уже за одобреннымъ примѣ«ромъ, что къ почести моей присоединялось уваженіе къ сенату. «Но если извинительно разъ принять, то по всѣмъ провинціямъ «быть предметомъ обожанія въ видѣ божества было бы возмути«тельною гордостью. Да и самая честь Августа померкнетъ, если «сдѣлается предметомъ общаго всенароднаго обожанія.»

38. «Но я, отцы достопочтенные, сознаю, что смертенъ и раз«дѣляю всѣ обязанности людей; довольно съ меня занимать пер«вое мѣсто въ государствѣ и передъ вами свидѣтельствуюсь и «желаю передать въ память потомства. А оно для моей памяти «сдѣлаетъ достаточно и даже слишкомъ, если будетъ такого «убѣжденія, что я достоинъ моихъ предковъ, заботливъ о дѣ«лахъ вашихъ, твердъ въ опасностяхъ, не боюсь ни чьихъ не«удовольствій за общественную пользу. Вотъ какой храмъ воз-

«двигнете вы мнѣ въ душахъ вашихъ, вотъ изображенія самыя «лучшія и прочныя. А которыя изъ камней воздвигаются, если «судъ потомства обратитъ въ ненависть, презираются какъ гроб«ницы. А потому обращаюсь съ мольбою моею къ союзникамъ, «согражданамъ и самимъ богамъ; послѣднихъ прошу о томъ, «чтобы они до конца жизни дали бы мнѣ умъ спокойный и ра«зумѣющій права божественныя и человѣческія; а первыхъ, что«бы, когда я удалюсь (со сцены житейской)—добрымъ словомъ «и воспоминаніемъ проводятъ мои дѣйствія и славу моего имени.» Упорствовалъ послѣ того даже въ тайныхъ бесѣдахъ пренебрегать такимъ его обожаніемъ.. Одни объясняли это какъ скромность, многіе потому что не довѣрялъ, а нѣкоторые какъ признакъ выродившагося духа. «Лучшіе потому что изъ смертныхъ «желали всего самого высокаго. Такъ къ числу боговъ присое«динены — Геркулесъ и Либеръ у Грековъ, Квиринъ у насъ. «Лучше Августъ былъ, и тотъ питалъ эту надежду. Прочее у «государей тотчасъ же есть: одно должно приготовлять нена«сытно—благополучную себѣ память; съ презрѣніемъ къ славѣ «презираются и добродѣтели.» А Сеянъ, излишнимъ счастіемъ избалованный и кромѣ того поджигаемый страстными стремленіями женщины—такъ какъ Ливія сильно домогалась обѣщаннаго ей брака, составилъ къ Цезарю записку—таковъ былъ тогда обычай—къ нему хотя и на лицо находившемуся обращаться на письмѣ; она, записка, была въ такомъ видѣ: «благосклонность «отца его, Августа, а вслѣдъ за тѣмъ весьма многія сужденія «Тиберія пріучили его такъ, чтобы онъ свои надежды и обѣты «обращалъ не прежде къ богамъ, какъ и къ слуху государей. «Да и никогда не просилъ онъ о самыхъ блистательныхъ изъ «почестей: предпочиталъ онъ переносить какъ одинъ изъ вои«новъ труды и бдительность сторожа за безопасность императора. «Впрочемъ онъ добился самого лучшаго—что его считали дос«тойнымъ союза съ Цезаремъ. Отсюда начало надежды. И такъ «какъ онъ слышалъ, что Августъ, устроивая судьбу дочери нѣ«сколько принималъ въ соображеніе и всадниковъ Римскихъ; та«кимъ образомъ, еслибы сталъ искать мужа Ливіи, имѣлъ бы «въ памяти друга, который воспользуется только славою родства. «Не сниметъ онъ съ себя наложенныхъ на него обязанностей. «Достаточнымъ считаетъ — упрочить домъ (Друза) противъ не«справедливыхъ оскорбленій Агриппины —и это для дѣтей, а

«для него самого много и слишкомъ много жизни, которую онъ «проведетъ съ такимъ государемъ.»

10. На это Тиберій, похваливъ чувства Сеяна и умѣренно коснувшись своихъ къ нему благодѣяній, просилъ времени для обсужденія этого вопроса въ цѣлости и прибавилъ: «прочимъ «смертнымъ образъ дѣйствія заключается въ томъ, что они на«ходятъ для себя полезнымъ. Государей жребій совсѣмъ другой; «въ важныхъ дѣлахъ они должны соображаться съ славою; а «потому онъ не обращается прямо къ тому, на что отвѣчать «очень легко. Ливія сама можетъ рѣшить—послѣ Друза нужно «ли ей выходить замужъ, или должна сносить свою участь у «тѣхъ же пенатовъ. Есть у ней мать и бабушка, съ которыми «посовѣтоваться ближе. А онъ будетъ дѣйствовать проще; сна«чала о непріязни Агриппины, но и та разгорится еще сильнѣе, «если бракосочетаніе Ливіи разорветъ какъ бы домъ Цезарей «на части. Такъ то и вырываются у женщинъ соревнованія, а «эти несогласія гибельны для его внуковъ. А что если возник«нетъ борьба противъ такого брачнаго союза? Ошибешься ты, «Сеянъ, если полагаешь что останешься въ томъ же положеніи «и что Ливія, бывшая въ замужествѣ за К. Цезаремъ, а вслѣдъ «за тѣмъ за Друзомъ, будетъ дѣйствовать въ такомъ образѣ «мыслей, чтобы состариться съ всадникомъ Римскимъ. Если бы я «это и допустилъ, то—думаешь ты—стерпятъ тѣ, которые ви«дѣли ея брата, отца и всѣхъ нашихъ предковъ на верху мо«гущества и славы? Но ты, конечно, и желаешь остаться на твоемъ «мѣстѣ, но тѣ должностныя лица и знатные люди, которые про«рываются противъ твоей воли и обо всѣхъ дѣлахъ заботятся «—не скрывая, толкуютъ что давно уже затмился блескъ всад«ничьяго сословія и что далеко опережены дружественныя связи «отца моего—и, завидуя тебѣ, меня обвиняютъ. Но и Августъ «помышлялъ дочь свою вручить всаднику Римскому. По истинѣ «удивительно, что, будучи тревожимъ заботами всякаго рода и «предвидя непомѣрное возвышеніе—того, кого такимъ союзомъ «возвысилъ бы надъ другими—К. Прокулея и нѣкоторыхъ дру«гихъ, упоминалъ въ бесѣдахъ — людей, отличавшихся спокой«ствіемъ жизни и нисколько не замѣшанныхъ въ дѣла обще«ственныя. Но, если на насъ дѣйствуетъ колебаніе Августа, то «на сколько сильнѣе то, что всетаки онъ отдалъ ее М. Аг«риппѣ, а потомъ мнѣ. И я это не скрылъ отъ тебя по нашимъ «дружескимъ отношеніямъ; впрочемъ, я не буду противиться судьбѣ

«ни твоей, ни Ливіи. Что я самъ обсуживалъ въ душѣ и въ «какія еще болѣе тѣсныя ко мнѣ отношенія хотѣлъ тебя поставить—не стану излагать на этотъ разъ. Открою только, что «нѣтъ ничего достаточно высокаго, чего не заслужили бы твои «добродѣтели и твое ко мнѣ расположеніе и когда представится «время, то не смолчу объ этомъ ни въ сенатѣ, ни въ народномъ собраніи.»

41. Въ отвѣтъ на это Сеянъ уже не о бракѣ, но въ опасеніи худшаго—старается отклонить тайныя подозрѣнія, толки народа, нападки зависти. И для того, чтобы прекращеніемъ постоянныхъ сборищъ въ своемъ домѣ не подорвать власть или, принимая, не подать повода къ обвиненію, свелъ дѣло на то, чтобы склонить Тиберія къ жизни вдали отъ Рима въ пріятныхъ мѣстахъ. Многое онъ тутъ предвидѣлъ: въ его рукахъ доступъ писемъ большей части онъ будетъ полнымъ хозяиномъ, такъ какъ они шли черезъ воиновъ. Да и Цезарь, все старѣясь и изнѣжась въ уединеніи того мѣста, легче будетъ относиться къ обязанностямъ власти. Зависть же къ нему (Сеяну) уменьшилась, съ отсутствіемъ толпы, приходившихъ на поклонъ, уничтожится пустая внѣшность, а истинная власть увеличится. А потому, мало по малу, сталъ онъ поносить дѣла городскія, стеченіе народа, множество приходящихъ превозноси похвалами: «спокойствіе и одиночество; тамъ нѣтъ ни наскучающихъ, ни «оскорбляющихъ, и преимущественно можно заботиться о важ«ныхъ дѣлахъ.»

42. Случилось такъ, что въ тѣ дни происходило изслѣдованіе о Вотіенѣ Монтанѣ, мужѣ знаменитаго ума; оно то медлившаго еще Тиберія и привело къ убѣжденію о необходимости избѣгать собраній сената и ихъ рѣчей, которыя, по большей части, передъ нимъ произносились правдивыя и важныя. Вотіенъ потребованъ былъ къ суду за бранныя слова, сказанныя противъ Цезаря. Свидѣтель Емилій, человѣкъ военный, изъ усердія доказать, излагая все и хотя встрѣченъ былъ ропотомъ, но усиливается съ большимъ упорствомъ и Тиберію пришлось выслушать брань, которою втайнѣ его осыпали. До того былъ пораженъ, что закричалъ: «что онъ или тотчасъ же или при изслѣ«дованіи оправдается.» Просьбами ближайшихъ, лестью всѣхъ съ трудомъ успокоилъ духъ. И Вотіенъ подвергся казни за оскорбленіе величества. Цезарь, поставленное ему въ вину отсутствіе милосердія.

13. Выслушаны затѣмъ посольства Македонянъ и Месинцевъ —о правѣ храма Діаны Лимнатидской. Лакедемоняне утверждали, что онъ посвященъ ихъ предками и на ихъ землѣ, ссылаясь на показанія лѣтописей и на стихи прорицателей: но отнятъ оружіемъ Филиппа Македонскаго, съ которымъ воевали и впослѣдствіи возвращенъ по опредѣленію К. Цезаря и М. Антонія. Противъ этого Месинцы представили: «древнее раздѣленіе «Пелопоннеза между потомками Геркулеса, по которому Дентелі«адское поле, гдѣ стоитъ храмъ, уступлено ихъ царю. Память «этаго событія сохранилась рѣзьбою на камняхъ и старинныхъ «мѣдныхъ статуяхъ. Да и если приводить въ свидѣтели прори«цателей и лѣтописи, то за нихъ найдется и поболѣе, и подробнѣе. «Да и Филиппъ постановилъ такъ не властью, но по правдѣ. «Таково же было сужденіе и царя Антигона и императора Мум«мія: такъ опредѣлили Милезійцы, допущенные въ гласные пос«редники, наконецъ Антидій Геминъ, преторъ Ахеіи». Такимъ образомъ дѣло это рѣшено, согласно желанію Месинцевъ. И Сегестаны домогались возобновить храмъ Венеры у горы Ерика, развалившійся отъ ветхости, приводя на память о его началѣ извѣстное и Тиберію пріятное; охотно принялъ заботу, какъ одной съ ними крови. Затѣмъ толковали о просьбахъ Массилійцевъ и одобренъ примѣръ П. Рутилія; его, изгнаннаго законами, Смирнейцы присоединили къ числу своихъ гражданъ; по этому же праву Вулкатій Мосхъ, изгнанникъ, принятъ въ число Массилійцевъ и свое имущество оставилъ ихъ обществу, какъ отечеству.

14. Въ этомъ году умерли знатные люди: Кн. Лентуллъ и Л. Домицій. Лентуллу, кромѣ консульства и тріумфа надъ Гетулами, къ славѣ послужила честно перенесенная бѣдность, потомъ великое богатство, безвредно пріобрѣтенное и скромно употребленное; Домицію честь принесъ отецъ, въ междуусобную войну могущественный на морѣ, пока присоединился онъ сначала къ сторонѣ Антонія, потомъ Цезаря. Дѣдъ погибъ въ Фарсальскомъ сраженіи за интересы аристократіи; а самъ онъ избранъ быть супругомъ Антоніи Меньшой, рожденной отъ Октавіи. Впослѣдствіи съ войскомъ перешелъ онъ Альбисъ (Эльбу) и проникъ въ Германію далѣе, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ и за эти дѣла получилъ онъ почести тріумфа. Умеръ и Л. Антоній, весьма знатный родомъ, но неблагополучно. Когда отецъ его, Юлъ Антоній, былъ казненъ смертью за преступную связь съ

Юліею—его, внука сестры еще въ раннемъ отрочествѣ, Августъ удалилъ въ городъ Массилійскій, гдѣ названіе ссылки прикрывалось предлогомъ ученія. Впрочемъ, отдана послѣдняя почесть и кости его, по опредѣленію сената, внесены въ гробницу Октавіевъ.

45. При тѣхъ же консулахъ совершено въ ближней Испаніи жестокое преступленіе однимъ селяниномъ изъ народа Терместинцевъ; онъ на претора провинціи, Л. Пизона, вслѣдствіе мирнаго времени ничего не опасавшагося, неожиданно напалъ на дорогѣ и одною раною нанесъ ему смерть: онъ убѣжалъ на быстромъ конѣ и достигнувъ лѣсистыхъ мѣстъ, отпустилъ коня и непроходимыми и утесистыми путями обманывалъ преслѣдовавшихъ, но не долго. Лошадь была схвачена и поведена по сосѣднимъ деревнямъ, гдѣ и узнали чья она. Найденный, пытками вынуждаемъ бывъ открыть соучастниковъ, громкимъ голосомъ на родномъ языкѣ воскликнулъ: «напрасно его спрашиваютъ; «пусть будутъ здѣсь его товарищи и смотрятъ; не будетъ столь «сильныхъ болей, которыя могли бы исторгнуть у него истину.» Онъ, же когда его на другой день снова тащили къ допросу, съ усиліемъ вырвался у сторожей и такъ ударился головою о камень, что тотчасъ же потерялъ дыханіе. Впрочемъ о Пизонѣ полагаютъ, что онъ палъ жертвою коварства Терместинцевъ, съ которыхъ онъ вымогалъ деньги, перехваченные изъ общественной казны строже, чѣмъ могли стерпѣть эти дикари.

46. Въ консульство Лентулла Гетулика и К. Кальвизія опредѣлены знаки тріумфа Помпею Сабину за пораженіе Ѳракійскихъ племенъ; эти горные народы оттого еще болѣе дикіе, смѣло не знали покоя. Поводомъ къ волненію послужило то, что на памяти людей не могли переносить они наборовъ и не хотѣли наиболѣе сильныхъ изъ среды себя отдавать намъ на военную службу. Да и царямъ не привыкли они повиноваться, развѣ изъ прихоти и, если посылали вспоможеніе, своихъ вождей ставили во главѣ его и вели войну только съ своими сосѣдями. А тутъ распространился слухъ, будто бы разбросанные и перемѣшанные съ другими народами, повлечены они будутъ въ разныя земли. Но прежде чѣмъ взяться за оружіе отправили они пословъ, приводя на память ихъ дружбу и повиновеніе и останутся они при нихъ, если только не будутъ ихъ испытывать никакою новою тягостью; если же имъ, какъ бы побѣжденнымъ, наложено будетъ рабство, то есть у нихъ желѣзо и молодежь и духъ, готовый и къ вольности и на смерть. Вмѣстѣ укрѣпленія, нахо-

дившіяся на утесахъ, собранныхъ тамъ родителей и женъ показывали, грозя войною кровопролитною, жестокою и неудобною.

47. А Сабинъ, пока войско собиралъ въ одно мѣсто, давалъ отвѣты мягкіе, пока Помпоній Лабеонъ прибылъ изъ Мезіи съ легіономъ и царь Реметалкъ съ вспомогательными войсками его соотечественниковъ, которые не измѣнили вѣрности. Присоединивъ эти войска къ тѣмъ, которые уже онъ имѣлъ на лицо, двинулся къ непріятелю, уже изготовившемуся въ тѣснинахъ лѣсистыхъ мѣстъ. Нѣкоторые посмѣлѣе показывались на открытыхъ холмахъ; ихъ вождь Римскій, подойдя къ нимъ въ боевомъ порядкѣ, безъ труда сбилъ, съ малымъ урономъ дикарей по близости ихъ убѣжищъ. Вслѣдъ за тѣмъ укрѣпивъ лагерь на мѣстѣ сильнымъ отрядомъ занимаетъ гору узкую и протянувшуюся ровнымъ хребтомъ до ближайшаго укрѣпленія, которое было прикрыто большими силами частью вооруженными, частью неустроенными дикарей. Вмѣстѣ противъ самыхъ отчаянныхъ, которые передъ окопами, по обычаю народа, гарцовали съ пѣніемъ и пляскою, послалъ отборныхъ стрѣлковъ. Они, пока двигались издали, наносилы раны частыя и неотомщенныя, но когда подошли ближе, приведены въ замѣшательство внезапною вылазкою и приняты резервомъ Сугамбрской когорты. Ее, готовую на опасности и не менѣе (дикарей) наводившую страхъ шумомъ пѣсень и звукомъ оружія, поставилъ Римскій вождь неподалеку.

48. Перенесенъ потомъ лагерь ближе къ непріятелю, а у прежнихъ укрѣпленій оставлены Ѳракійцы, которые, какъ я выше упоминалъ, находились при нашихъ войскахъ; имъ предоставлено: «опустошать, жечь, тащить добычу, лишь бы опустошеніе ограничивалось днемъ, а ночь должны они были проводить «въ лагерѣ безопасно и бдительно.» Сначала это такъ и соблюдалось; но скоро пустились они въ роскошь, разбогатѣвъ отъ награбленнаго, стали пренебрегать караулами, предаваясь наслажденіямъ пиршествъ, сну и вину. Вслѣдствіе этого непріятель, узнавъ объ ихъ безпечности, приготовилъ два отряда съ тѣмъ, чтобы съ однимъ напасть на грабителей, а съ другимъ приступить къ Римскому лагерю, не въ надеждѣ взять его, но чтобы, вслѣдствіе крика и звука оружія, каждый, будучи занятъ своею собственною опасностью, не слыхалъ шума отъ другаго сраженія; а кромѣ того избрано темное время для увеличенія страха. Но тѣ, которые произвели покушеніе на валъ легіоновъ, безъ труда прогнаны; вспомогательныя войска Ѳракійцевъ, приведенные въ

ужасъ внезапнымъ набѣгомъ—когда часть ихъ лежала подлѣ укрѣпленій, а еще больше скиталась снаружи, тѣмъ съ большимъ чувствомъ непріязни умерщвлены, что ихъ винили какъ перебѣжчиковъ и измѣнниковъ, поднявшихъ оружіе къ порабощенію себя и отечества. На другой день Сабинъ показалъ войско на ровномъ мѣстѣ на случай, если бы дикари, ночнымъ успѣхомъ ободренные, дерзнули на сраженіе; а послѣ того какъ они не отходили отъ укрѣпленій и соединенныхъ съ ними холмовъ, началъ осаду посредствомъ вооруженныхъ постовъ, которые онъ укрѣплялъ, гдѣ было удобно; потовъ прикрывъ ихъ рвомъ и брустверомъ, захватилъ окружность на четыре тысячи шаговъ. Тутъ мало по малу, чтобы обрѣзать непріятеля отъ воды и пастьбищъ, подвигомъ укрѣпленія ближе и окружалъ линіею, все болѣе и болѣе тѣсною. Воздвигалась насыпь, съ которой можно было бы бросать уже въ близкаго непріятеля камни, копья, огонь: но ничто такъ не истомляло непріятеля какъ жажда, такъ какъ огромному количеству воиновъ и безоружныхъ приходилось пользоваться однимъ источникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ лошади и рабочій скотъ, по обычаю дикарей, тутъ же заключенные, колѣли отъ недостатка корму. Тутъ же лежали тѣла людей: одни погибли отъ раны, другіе отъ жажды; вредно дѣйствовали на всѣхъ зловредныя испаренія и прикосновеніе. Къ смутному положенію дѣлъ присоединилось, какъ послѣднее зло—несогласіе; одни готовились къ покорности, а другіе къ смерти и взаимнымъ между себя ударамъ. Были такіе, которые совѣтовали гибель не безъ отмщенія, а вылазку, и люди не простые, хотя и весьма разнообразными мнѣніями.

50. Впрочемъ изъ вождей—Динисъ, преклонной старости, наученный долгимъ опытомъ силѣ и милосердію Римлянъ, утверждалъ, что положить оружіе, единственное средство помощи въ ихъ бѣдахъ. Первый онъ съ женою и дѣтьми отдался побѣдителю; послѣдовали слабые возрастомъ, или поломъ и тѣ, которые имѣли болѣе страсти къ жизни, чѣмъ къ славѣ. А молодежь раздѣлялась между Тарсою и Турезисомъ; и тотъ и другой рѣшились погибнуть съ вольностью; но тарса, призывая криками близкій конецъ необходимость разомъ положить конецъ и надеждамъ и опасеніямъ, подалъ примѣръ, опустивъ въ грудь желѣзо; не было недостатка къ людямъ, которые тѣмъ же способомъ лишились жизни. Турезисъ съ своимъ отрядомъ дожидается ночи, что не безъизвѣстно было наше-

му вождю. А потому посты укрѣплены болѣе сильными массами и надвигалась ночь, суровая вслѣдствіе дождя, а непріятель, то смутными криками, то совершеннымъ молчаніемъ, оставлялъ осаждающихъ въ неизвѣстности. Между тѣмъ Сабинъ, обходя воиновъ, увѣщевалъ ихъ, чтобы «они ни на двусмысленные зву«ки, ни на мнимое спокойствіе непріятеля, не открыли бы слу«чая исполнить его коварный замыселъ, но пусть, не двигаясь съ «мѣста, каждый исполняетъ свои обязанности и оружіе не бро«саетъ попустому.» Между тѣмъ дикари сбѣгали отрядами, и то бросали на окопы ручныя каменья, надожженные колья и срубленныя бревна, то хворостомъ, плетнями и бездыханными тѣлами наполняли рвы. Нѣкоторые, заготовивъ ранѣе мосты и лѣстницы, приставляли ихъ къ укрѣпленіямъ, схватывали, вытаскивали (частоколъ) и грудью силились противъ оказывавшихъ сопротивленіе. Воины съ своей стороны старались сбить стрѣлами, сдвинуть щитами, бросая оборонительные дротики и собранныя кучи камней. Однимъ—надежда пріобрѣтенной побѣды и въ случаѣ отступленія тѣмъ большій позоръ; а другимъ послѣднее средство спасенія и тутъ же у большей части, находившіяся матери и жены и ихъ вопли придаютъ мужества. Однимъ ночь способствовала къ дерзости, а другимъ къ робости; удары невѣрны, раны неожиданы, неразспознавали непріятелей отъ своихъ; а голоса, отражаемые уступами горъ и слышавшіеся какъ бы стылу, дотого смѣшали все, что Римляне оставили нѣкоторыя укрѣпленія какъ бы прорванныя, а впрочемъ непріятели не перешли черезъ нихъ, развѣ весьма немногіе; а прочіе, когда самые усердные, или погибли, или ранены, съ наступленіемъ разсвѣта прогнаны на самую вышину укрѣпленія. Тутъ наконецъ вынуждена покорность и ближайшія мѣста заняты вновь съ согласія жителей; остальнымъ къ тому, чтобы они не были покорены силою и облежаніемъ, помогла зима весьма ранняя и жестокая въ горахъ Гема.

52. А въ Римѣ затронутъ и домъ государя и какъ бы вступленіе къ будущей гибели Агриппины, требуется на судъ Клавдія Пульхра, двоюродная сестра ея; обвинителемъ былъ Домицій Афръ. Еще свѣжій преторъ, неизбалованный наградами, но торопившійся прославиться какимъ бы то ни было преступленіемъ—ставилъ въ вину преступленіе безстыдства, прелюбодѣйную связь съ Фурніемъ, покушенія ядомъ и обреченіями противъ государя. Агриппина всегда смѣлая, а тутъ въ особенности воспламененная опасностью близкой

къ ней особы, бросилась къ Тиберію и случайно нашла его приносящимъ жертвы отцу. Начавъ съ этого повода осужденіе, стала говорить: «не можетъ одинъ и тотъ же человѣкъ приносить жертвы «божественному Августу и преслѣдовать его потомство; не въ нѣмыя «изображенія перешелъ божественный духъ, но истинный образъ, «происшедшій отъ небесной крови, понимаетъ опасность, облекается «въ одежду печали. Напрасно преслѣдуется Пульхра, для которой «единственная причина гибели то, что совершенно глупо избрала «она Агриппину предметомъ своего ухаживанья, забывъ Созію, за «то же попавшую въ бѣду». Слушаніе этого вызвало голосъ, затаенный въ груди: съ неудовольствіемъ онъ ей сдѣлалъ внушеніе греческимъ стихомъ: «не оттого ли оскорбляется, что не царствуетъ?» Пульхра и Фурній осуждены. Аферъ присоединенъ къ первымъ изъ ораторовъ; обнаружились его способности и послѣдовало завѣреніе Цезаря, въ которомъ онъ назвалъ его опытнымъ въ его (Цезаря) правѣ. Вслѣдъ затѣмъ, принимая на себя обвиненія, или защищая подсудимыхъ, былъ онъ болѣе счастливъ въ краснорѣчіи, чѣмъ въ нравственности, развѣ только что преклонный возрастъ многое отнималъ у краснорѣчія, такъ какъ утомленіе духа сдерживало нетерпѣніе говорить.

53. Агриппина, упорная въ гнѣвѣ, и впавшая въ болѣзнь тѣла, когда ее навѣстилъ Цезарь, долго молча проливала слезы; вслѣдъ затѣмъ высказала неудовольствіе и мольбы: «пусть поможетъ одиночеству, дастъ ей мужа: еще она молода и на все способна, а «честнымъ единственное утѣшеніе въ бракѣ; найдутся въ государ«ствѣ.... удостоятъ принять жену Германика и дѣтей». Но Цезарь, зная очень хорошо—сколь важнаго въ отношеніи къ общественному дѣлу просятъ у него, но чтобы не обнаружить, ни оскорбленія, ни опасеній, оставилъ безъ отвѣта, какъ она не настаивала. Я это, не переданное писателями лѣтописей, нашелъ въ запискахъ Агриппины дочери; она, мать государя Нерона, жизнь свою и то, что случилось съ ея близкими, предала памяти для предковъ. Впрочемъ Сеянъ Агриппину, печальную и непредъусмотрительную поразилъ глубже, подославъ такихъ, которые подъ предлогомъ дружбы, внушили бы ей: «приготовленъ ей ядъ, должна она избѣгать пир«шествъ свекора». А она, не умѣя притворяться, возлежа подлѣ свекора, нисколько не смягчалась ни выраженіемъ лица, ни бесѣдою, а вовсе не касалась пищи: пока замѣтилъ Тиберій случайно, или потому, что слышалъ; а чтобы испытать это точнѣе, похваливъ лежавшія тутъ яблоки—собственной рукою подалъ невѣсткѣ. Уси-

лилось вслѣдствіе этого подозрѣніе Агриппины и не коснувшись устами, передала рабамъ. И, впрочемъ, Тиберій ничего ей прямо не сказалъ, но, обратясь къ матери: «неудивительно, произнесъ онъ, «если бы онъ что нибудь и строже поступилъ въ отношеніи къ той, «которая на него взводитъ подозрѣніе въ отравленіи». Вслѣдствіе этого слухъ: «готовится гибель; но явно сдѣлать это не дерзаетъ «императоръ, совершить преступленіе ищетъ втайнѣ».

55. А Цезарь, для того, чтобы дать другое направленіе толкамъ, сталъ часто бывать въ сенатѣ и, въ теченіи многихъ дней, выслушивалъ пословъ Азіи, недоумѣвавшихъ—въ какомъ городѣ построить храмъ. Одинадцать городовъ спорили, съ равнымъ честолюбіемъ, но силами разными. Они припоминали непредставлявшее большой разницы одно съ другимъ: «древность происхожденія, усер«діе къ Римскому народу во время войнъ съ Персеемъ, Аристо«никомъ и другими царями». Впрочемъ Гипепены, Траллiаны вмѣстѣ съ Лаодиценцами и Магнетами оставлены безъ вниманія, какъ имѣвшіе притязанія недостаточно основательныя. Даже Иліензы, ссылаясь, что Троя родоначальница города Рима, имѣли силу только славою древности. Немного призадумались было надъ тѣмъ, что Галикарнасцы утверждали, что: «въ теченіи тысячи двухсотъ лѣтъ «не было у нихъ землетрясенія и не переносили они жилищъ сво«ихъ и основанія храма лягутъ на живомъ (чистомъ) камнѣ». Относительно Пергаменцевъ сочтено достаточнымъ (а на это самое они опирались), что они уже имѣютъ храмъ Августа. Относительно городовъ Ефеза и Милета показалось, что они уже достаточно заняты обрядами богослужебными, первые—Аполлона, вторые—Діаны. Такимъ образомъ пришлось рѣшать между Сардійцами и Смирнейцами. Сардіаны прочитали опредѣленіе (декретъ) Этруріи, какъ связанные кровнымъ родствомъ: «Тирренъ и Лидъ, рожденные отъ «царя Атія, раздѣлили народъ по случаю его многочисленности; «Лидъ остался на отцовскихъ земляхъ; а Тиррену дозволено— «занять новыя мѣста для жительства, и по названіямъ вождей да«ны наименованія народамъ: тѣмъ въ Азіи, а этимъ въ Италіи. «И увеличилась еще сила Лидовъ, такъ что они послали еще на«роды въ Грецію, которая вслѣдъ затѣмъ получила наименованіе «отъ Пелопа». Вмѣстѣ съ тѣмъ приводили на память: «письма «императоровъ и заключенный съ ними союзный договоръ въ Ма«кедонскую войну, обиліе рѣкъ, умѣренность климата и богатство «окрестныхъ земель».

56. А Смирнейцы, ссылались на свою древность: «Танталъ ли

«происшедшій отъ Юпитера, Тезей ли—тоже божественнаго рода, «однали изъ Амазонокъ построили ихъ городъ». Перешли потомъ, на что имѣли больше всего надежды, на услуги народу Римскому, отправленіемъ морскихъ силъ не только на внѣшнія войны, но и тѣ, которыя были въ самой Италіи: «они первые поставили храмъ «городу Риму при консулѣ М. Порціѣ—уже при цвѣтущемъ по«ложеніи дѣлъ народа Римскаго, хотя еще и недостигшемъ пол«наго развитія, такъ какъ еще существовали: и Пуническій го«родъ, и въ Азіи сильные цари». Вмѣстѣ приводили они въ свидѣтели Л. Суллу: «когда войско его находилось въ величайшемъ «затрудненіи, вслѣдствіе суровости зимы и недостатка одеждъ и «когда объ этомъ получили извѣщеніе въ Смирнѣ, въ народномъ «собраніи, то всѣ, которые тутъ находились, сняли покровы съ «тѣла и отослали нашимъ легіонамъ». Такимъ образомъ сенаторы, спрошенные о мнѣніи, предпочли Смирнейцевъ. Вибій Марсъ подалъ мнѣніе, чтобы: «къ М. Лепиду, которому досталась эта провинція, «сверхъ прочихъ лицъ его свиты долженъ быть присоединенъ, кто «принялъ бы на себя попеченіе о храмѣ». И такъ какъ Лепидъ самъ, по скромности, отказался выбрать, то по жеребью посланъ Валерій Назо, изъ бывшихъ преторовъ.

57. Между тѣмъ долго обдумывая и часто откладывая это намѣреніе, Цезарь, наконецъ, сталъ жить во всякомъ случаѣ вдали отъ Рима, въ Кампаніи подъ предлогомъ освятить храмы: у Капуи—Юпитера, у Нолы—Августа. Причину удаленія, хотя я, послѣдуя большей части писателей, отнесъ къ продѣлкамъ Сеяна; но такъ какъ онъ, и по совершеніи убійства надъ нимъ и шесть послѣдовавшихъ за тѣмъ лѣтъ, провелъ въ томъ же уединеніи, то сильно это меня побуждаетъ—несправедливѣе ли будетъ отнести къ нему самому, такъ какъ онъ свою жестокость и любострастіе, исполняя на дѣлѣ, скрывалъ мѣстностью. Были и такіе, которые полагали, что онъ въ старости сталъ стыдиться наружности своей: при высокомъ ростѣ онъ былъ сухощавъ и сгорбленъ, голова лишена волосъ, лицо покрытое струпьями и значительно испятненно лѣкарствами. И въ Родосѣ привыкъ онъ къ уединенію, избѣгалъ собраній, скрывалъ свои дурныя страсти. Передаютъ и то, будто бы онъ удалился, не сладивъ съ матерью; какъ товарищемъ управленія пренебрегалъ онъ ею, но удалить ее совершенно не могъ, получивъ самую власть отъ нея въ даръ. Думалъ-было Августъ—Германика, внука сестры, хвалимаго всѣми, поставить во главѣ дѣлъ Римскихъ; но, уступая просьбамъ жены, пріобщилъ Тиберію—Герма-

ника, а себѣ Тиберія; и этимъ Августа его упрекала и требовала (своей части).

58. Отъѣздъ былъ съ небольшою свитою: одинъ сенаторъ, бывшій уже консуломъ—Кокцей Нерва, опытный въ законахъ: всадникъ Римскій, кромѣ Сеяна, изъ знатныхъ—Курцій Аттикъ. Остальные изъ числа лицъ, занимавшихся науками и искуствами, почти всѣ Греки, должны были развлекать его своими бесѣдами. Опытные въ изученіи небесныхъ явленій говорили: «при такихъ движеніяхъ небесныхъ свѣтилъ Тиберій оставилъ Римъ, что ему не прійдется туда возвратиться». Это было поводомъ гибели многихъ, которые догадывались о близкомъ концѣ его жизни и распускали объ этомъ слухъ; а столь невѣроятнаго случая не предвидѣли, чтобы онъ въ теченіи одиннадцати лѣтъ добровольно лишилъ себя отечества. Тутъ то обнаружилось какъ близко граничитъ наука съ ложью и какъ самая истина прикрывается мракомъ. Не случайно, конечно, сказано: «что онъ не вернется въ городъ», а о прочемъ оставались въ неизвѣстности, такъ какъ Тиберій въ сосѣдней деревнѣ, или на прибрежьѣ, и часто находясь какъ бы у самыхъ стѣнъ города дожилъ до крайней старости.

59. Случилось, что въ тѣ дни постигла Цезаря двойная опасность и она то увеличила пустые толки; она же подала Тиберію поводъ—болѣе вѣрить дружбѣ и преданности Сеяна. Завтракали они въ виллѣ (загородномъ домѣ), называемой *пещеры* (speluniae), между Амукланскимъ моремъ и Фунданскими горами, въ природной пещерѣ. Вдругъ въ ея устьѣ обвалились камни и задавили нѣсколько слугъ; отсюда робость овладѣла всѣми и разбѣжались участники пиршества. Сеянъ на колѣнахъ наклонился и лицомъ и руками надъ Цезаремъ защищая его отъ того, что падало сверху и въ такомъ положеніи найденъ онъ воинами пришедшими на помощь. Выросъ онъ этимъ и чтобы пагубное ни совѣтовалъ онъ, съ довѣріемъ былъ выслушиваемъ какъ не о себѣ тревожный.—Онъ принималъ роль свидѣтеля противъ потомства Германика, подставивъ тѣхъ, которые брали на себя обязанности обвинителей, и въ особенности преслѣдовали Нерона, самаго близкаго къ наслѣдству, и хотя скромно проводившаго молодость, но, по большей части, забывавшаго что ему было бы полезно въ настоящемъ, между тѣмъ какъ отпущенники и кліенты, торопившіеся достигнуть власти, подстрекали его обнаруживать смѣлый и надежный образъ мыслей: «желаетъ того народъ Римскій, домогается войско; и не дерзнетъ «противъ него Сеянъ, теперь разомъ оскорбляющій долготерпѣніе

«старика и бездѣйствіе молодаго человѣка». Выслушивая эти рѣчи и въ такомъ родѣ, не имѣлъ онъ по истинѣ никакихъ злыхъ мыслей: но иногда вырывались у него слова, необдуманныя порицанія; приставленные сторожа подхватывали ихъ и переносили съ прибавленіями, а Нерону не давалось возможности защищаться; разные кромѣ того возникали виды заботы. Тотъ избѣгалъ встрѣчи съ нимъ; нѣкоторые, отплативъ привѣтствіемъ, тотчасъ же отвращались; весьма многіе начатый разговоръ прерывали, а при этомъ были и насмѣхались тѣ, которые благопріятствовали Сеяну. Самъ Тиберій смотрѣлъ сурово и съ притворно-веселымъ лицомъ; говорилъ ли молодой человѣкъ, молчалъ ли—въ вину ставилось ему и молчаніе, и разговоръ. И ночь не была для него безопасна; жена открывала то, что онъ говорилъ на яву и во снѣ и самые вздохи матери Ливіѣ, а та—Сеяну. Сеянъ привлекъ на свою сторону и брата Неронова Друза, польстивъ его надеждою перваго мѣста, если онъ устранитъ старшаго возрастомъ и уже готоваго къ паденію. Суровый духъ Друза, кромѣ страсти къ владычеству и обыкновенной между братьями ненависти, подстрекаемъ былъ и завистью, такъ какъ мать Агриппина была болѣе расположена къ Нерону. Впрочемъ Сеянъ ласкалъ Друза не на столько, чтобы не обдумывать и противъ него зачатковъ будущей гибели, зная его за предерзкаго и наиболѣе доступнаго ковамъ.

61. Въ концѣ года умерли замѣчательные люди: Азиній Агриппа, знатный предками, хотя и недревними и неизмѣнившій имъ и жизнью и К. Гатерій, изъ семейства сенаторскаго, славимый за краснорѣчіе, пока жилъ: памятники ума его не настолько уважаются, такъ какъ онъ болѣе имѣлъ силы порывомъ слова, чѣмъ обработкою. И между тѣмъ какъ другихъ мысли и трудъ имѣютъ значеніе и въ потомствѣ, такъ многословное и звучное слово Гатерія замолкло съ нимъ вмѣстѣ.

62. Въ консульство М. Лицинія и Л. Кальпурнія съ урономъ огромныхъ войнъ сравнялось бѣдствіе неожиданное; его начало и конецъ случились вмѣстѣ. Начавъ у Фиденъ амфитеатръ, нѣкто Атилій изъ рода отпущенниковъ—въ этомъ амфитеатрѣ должно было быть дано зрѣлище гладіаторовъ—ни основаній не укрѣпилъ на материкѣ, ни выведенное сверхъ строеніе не укрѣпилъ достаточно твердыми связями; такъ какъ онъ (дѣлалъ это) не отъ избытка денегъ, и не подъ вліяніемъ гражданскаго честолюбія, но домогался позорнаго барыша. Стеклись охотники до такихъ зрѣлищъ, при господствѣ Тиберія устраненные отъ наслажденій—

мужчины и женщины вмѣстѣ всякаго возраста и по близости мѣста тѣмъ въ большемъ числѣ. Отчего и несчастіе было тѣмъ важнѣе. Тѣсно и тяжело наполненное строеніе обломилось, провалилось внутрь или распалось по сторонамъ. Огромное число людей, смотрѣвшихъ на зрѣлище или стоявшихъ близко вокругъ—потащило за собою или покрыло. И тѣ, по крайней мѣрѣ, которыхъ начало этой бѣды поразило на смерть, при такомъ жребіѣ избѣжали мученій. Болѣе достойны жалости тѣ, которые съ поврежденными частями тѣла, не были оставлены жизнью: въ теченіи дня — видомъ своимъ, въ продолженіи ночи—воплями и стонами—терзали супруговъ и дѣтей. Уже прочіе, вызванные слухомъ, оплакивали: тотъ брата, тотъ близкаго, тотъ родителей. Даже и тѣ, у которыхъ по другой причинѣ отсутствовали родные и знакомые, были въ опасеніи и пока не было дознано, кого именно постигло это несчастіе, страхъ былъ тѣмъ больше, вслѣдствіе неизвѣстности.

63. Какъ начали разбирать обломки, сбѣжались къ бездыханнымъ обнимать, цаловать и часто спорили, если лицо было неузнаваемо, а наружность и возрастъ соотвѣтствовали и вводили въ заблужденіе узнавшихъ. Пятьдесятъ тысячь человѣкъ этимъ случаемъ, или изранены, или побиты. Предусмотрѣно на будущее время сенатскимъ декретомъ: «чтобы не давалъ гладіаторскихъ игръ никто, «имѣвшій менѣе пятисотъ тысячь капиталу и чтобы амфитеатръ «строился, не иначе какъ на почвѣ дознанной твердости».—Атилій прогнанъ въ ссылку. Впрочемъ, при свѣжемъ еще бѣдствіи, растворились дома знатныхъ, въ разныхъ мѣстахъ приготовлены лѣкарства и врачи и въ тѣ дни городъ, хотя представлялъ видъ грустный, но соотвѣтствующій обычаямъ предковъ, которые, послѣ большихъ сраженій поддерживали раненыхъ щедростью и заботливостью.

64. Еще то бѣдствіе не изгладилось, какъ сильный сверхъ обыкновеннаго пожаръ потревожилъ городъ Римъ; погорѣла гора Целій. Толковали: «гибельный этотъ годъ и подъ дурными предзнаменованіями Государь предпринялъ намѣреніе отъѣзда». Таковъ обычай народа дѣло случая обращать въ вину; но Цезарь предупредилъ, роздавъ деньги соразмѣрно убытку. Высказана ему благодарность въ сенатѣ знатными и доброю молвою въ народѣ, потому не изъ тщеславія, или по просьбамъ близкихъ, но лицъ совершенно неизвѣстныхъ и, самъ призывая, одѣлялъ щедро въ видѣ пособія. Прибавлены (въ сенатѣ) мнѣнія, чтобы гора Целій на будущее время называлась Августовою, такъ какъ среди общаго

кругомъ пожара, одно лишь изображеніе Тиберія, находившееся въ домѣ сенатора Юнія, оставалось нетронутымъ: «случилось это «нѣкогда съ Клавдіею Квинтою и ея статую, два раза изъ огня «вышедшую, предки освятили у храма Матери Боговъ. Священны «и пріятны богамъ Клавдіи и нужно увеличить священное почте-«ніе къ мѣсту, въ которомъ боги оказали такую честь первенству-«ющему лицу въ государствѣ».

65. Кстати будетъ упомянуть, что гора эта издревле называлась *дубовою*, такъ какъ тутъ произрасталъ частый и отличный дубовый лѣсъ. Вслѣдъ за тѣмъ названа гора Целіевою отъ Цела Вибенна, вождя Этрускаго племени. Приведя призванное вспоможеніе, получилъ это мѣстопребываніе отъ Тарквинія Приска, или кто другой изъ царей далъ, потому что у писателей есть на этотъ предметъ разногласіе; остальное же внѣ сомнѣнія; эти значительныя войска жили и по ровнымъ мѣстамъ и близкимъ къ форуму; вслѣдствіе этого, по имени пришельцевъ названа *Тускская улица*.

66. Но если усердіе знатныхъ лицъ и щедрость государя облегчали случайное бѣдствіе, увеличивавшееся день ото дня, число обвинителей и сила ихъ все болѣе и болѣе непріязненная — дѣйствовали безо всякаго облегченія. Ухватился за Вара Квинктилія, богача и родню Цезаря, Домицій Аферъ, осудившій мать его, Клавдію Пульхру и никому не было удивительно, что, терпѣвъ долго нужду и дурно употребивъ пріобрѣтенную недавно награду, поощренъ былъ на большія преступленія. Удивительно было, что товарищемъ обвиненія явился Публій Долабелла, такъ какъ знатный предками, съ родни Вару, самъ губилъ свою знатность, свою кровь. Впрочемъ сенатъ воспротивился и постановилъ: *дожидаться Императора;* въ то время это было единственное прибѣжище, тѣснившихъ (отовсюду) золъ.

67. А Цезарь, посвятивъ по Кампаніи храмы, хотя едиктомъ и предупредилъ, чтобы никто не пытался нарушить его покой и поставленные воины не допускали стеченія горожанъ, возненавидѣвъ впрочемъ и города (муниципіи) и колоніи (поселенія) и все, что находилось на твердой землѣ, удалился въ Капрею, на островъ проливомъ трехъ миль отдѣленный отъ края Суррентинскаго мыса. Я полагалъ бы, что въ особенности понравилась ему пустынность этого мѣста, такъ какъ кругомъ море безъ пристаней и едва для небольшихъ судовъ небольшія убѣжища. И никто не могъ бы пристать безъ вѣдома сторожей: климатъ зимою умѣренный вслѣдствіе защиты горы, останавливающей дѣйствіе суровыхъ вѣтровъ. Лѣ-

томъ островъ обращенъ къ Фавонію (Восточному вѣтру, зефиру) и пріятный видъ на открытое кругомъ море и далѣе на заливъ прекраснѣйшій, прежде чѣмъ Везувій загорѣвшій измѣнилъ видъ мѣстности. Молва передаетъ, что Греки владѣли когдато этимъ островомъ и жили тамъ Телебои. Но въ то время Тиберій—занялъ его именами и постройками двѣнадцати виллъ и насколько былъ онъ прежде внимателенъ къ общественнымъ заботамъ, на столько теперь пустился въ тайное сладострастіе и злую праздность. Осталось въ немъ расположеніе къ подозрѣніямъ и довѣрчивость; ее, Сеянъ, привыкнувъ увеличивать и въ городѣ, сильнѣе развивалъ, не скрывая уже коварныхъ замысловъ противъ Агриппины и Нерона. Приставлены къ нимъ воины и какъ бы въ дневникъ записывались и кто приносилъ вѣсти, и кто входилъ, явное и тайное. Самъ подстроивалъ тѣхъ, которые внушали имъ, или бѣжать къ Германскимъ войскамъ, или на самомъ людномъ мѣстѣ форума обнять изображеніе божественнаго Августа и призвать на помощь народъ и сенатъ. И это, пренебреженное ими, ставилось въ вину какъ будто они приготовляли.

68. Въ консульство Юнія Силана и Силія Нервы гнусное начало года послѣдовало; повлеченъ былъ въ тюрьму знаменитый всадникъ Римскій — Тицій Сабинъ, за дружбу Германика, такъ какъ онъ не опустилъ .... чтить его жену и дѣтей, постоянно былъ у нихъ въ домѣ, сопровождалъ въ общество—послѣ столькихъ кліентовъ одинъ; тѣмъ онъ заслуживалъ похвалу отъ людей добрыхъ и тяжекъ былъ злымъ. Латиній Лаціарисъ, Порцій Катонъ, Петицій Руфъ, М. Опсій—исполнявшіе должности преторовъ, напали на него изъ желанія консульства; а къ нему доступъ неиначе какъ чрезъ Сеяна; расположеніе же Сеяна снискивалось только преступленіемъ. Слажено между ними, чтобы Лаціарисъ, который имѣлъ нѣкоторыя отношенія знакомства къ Сабину, подстроилъ ковъ, а прочіе должны были явиться свидѣтелями: потомъ уже начать обвиненіе. Такимъ образомъ Лаціарисъ заводилъ сначала какъ бы случайно рѣчь; потомъ сталъ хвалить твердость: «что онъ не такъ какъ другіе пріятель цвѣтущаго дома, «угнетенный оставляетъ». Вмѣстѣ онъ разсуждалъ о Германикѣ, съ честью сожалѣя объ Агриппинѣ. И послѣ того какъ Сабинъ —въ несчастіи вѣдь мягки характеры людей — пролилъ слезы, соединенныя съ жалобами, смѣлѣе уже винитъ Сеяна, жестокость, гордость, его надежды; даже не воздерживается отъ брани на Тиберія. Эти разговоры—такъ какъ бы они помѣнялись запре-

щеннымъ, сдѣлали подобіе тѣсной дружбы. И уже Сабинъ, съ своей стороны, сталъ отыскивать Лаціариса, приходить къ нему въ домъ, дѣлиться съ нимъ горемъ какъ съ самымъ вѣрнымъ пріятелемъ.

69. Совѣщаются тѣ, о которыхъ я упомянулъ — какимъ образомъ это услышано было большимъ числомъ лицъ, потому что мѣсту, въ которомъ сходились (Сабинъ съ Лаціарисомъ) надобно было оставить видъ уединенія и еслибы они присутствовали за дверями, можно было опасаться какъ бы ихъ не увидали, не услыхали, или можетъ быть уже случайно и были подозрѣнія. Между крышею и настилкою потолка спрятались три сенатора въ убѣжищѣ на столько же гнусномъ, на сколько отвратительно было ихъ коварство; къ отверстіямъ и щелямъ прикладываютъ уши. Между тѣмъ Лаціарисъ, встрѣтивъ на улицѣ Сабина, какъ бы для того чтобы разсказать ему только что узнанное, потащилъ за собою въ домъ и въ спальню: прошедшее и настоящее — а всего этого было вдоволь много — и новые предметы опасеній излагаетъ все вмѣстѣ. Точно также и тотъ (Сабинъ) и тѣмъ продолжительнѣе; что горе, разъ прорвется, не легко замолкнетъ. Вслѣдъ за тѣмъ поспѣшили съ обвиненіемъ и посланы къ Цезарю письма, гдѣ разсказали ходъ обмана и свой собственный позоръ. Врядъ ли, когда обществомъ овладѣло такое тревожное состояніе, какъ тогда: стали не довѣрять самымъ близкимъ; стали избѣгать свиданій, разговоровъ, слуха людей и знакомыхъ и незнакомыхъ; даже осматривали нѣмое и бездушное — крышу и стѣны.

70. А Цезарь, въ письмѣ послѣ обычной молитвы по случаю торжества начала новаго года — календъ январскихъ, обратился на Сабина, уличая въ томъ, «что подкуплены нѣкоторые отпу«щенники и были на него замыслы», и нескрытно требовалъ возмездія. Не было замедленія въ опредѣленіи его декретомъ. Влеченъ былъ осужденный и насколько позволяли ему голова, прикрытая одеждою и туго стянутое горло, съ усиліемъ кричалъ: «такъ начинается годъ! Такія то падаютъ жертвы Сеяну!» Куда бы ни обратилъ глаза, куда бы ни падали слова его, повсюду бѣгство, пустыня: дороги, площади оставлены; и нѣкоторые опять возвращались и показывались снова, опасаясь именно того, что обнаружили робость. «Какой же день свободенъ отъ «казни, если среди священнодѣйствій и молебствій, въ то время, «когда въ обычаѣ воздерживается даже отъ неприличныхъ вы«раженій, надѣваются оковы и петля? Благоразумно ли Тиберій

«навлекаетъ на себя такую массу ненависти? Изыскано и обду-«мано—какъ бы что не помѣшало должностнымъ лицамъ открыть «вмѣстѣ капища и олтари, и доступъ въ тюрьму». Послѣдовали вслѣдъ за тѣмъ письма Тиберія, гдѣ онъ благодарилъ за то, что они наказали человѣка враждебнаго общественному порядку» прибавивъ: «въ тревогѣ онъ за свою жизнь, подозрѣваетъ онъ замыслы враговъ». Ни на кого именно не указалъ, но не было сомнѣнія—что онъ тутъ разумѣлъ Нерона и Агриппину.

71. Не будь у меня назначено—все приводить подъ своимъ годомъ, желалъ бы я душевно зайдти впередъ и тотчасъ же припомнить исходъ, какой имѣли Латиній, Опсій и прочіе виновники этого злодѣйства, не только послѣ того какъ К. Цезарь сталъ во главѣ государства, но еще при жизни Тиберія. Онъ—тѣхъ, которые были орудіемъ преступленій, не дозволялъ губить другимъ, но по большей части, пресытившись и когда являлись на это же дѣло люди свѣжіе, прежнихъ и уже ставшихъ въ тягость—губилъ; но эти и другія казни виновныхъ, передадимъ въ свое время. Тутъ Азиній Галлъ, дѣтямъ, коимъ Агриппина была теткою, подалъ мнѣніе: «нужно просить государя — свои «опасенія высказать сенату и дозволить ихъ отстранить». Ни одно изъ своихъ достоинствъ, какъ полагаютъ, Тиберій такъ не любилъ, какъ скрытность; тѣмъ съ большею досадою встрѣтилъ желаніе открыть то, что онъ скрывалъ. Успокоилъ его Сеянъ не изъ любви къ Галлу, но выжидая нерѣшительность государя и зная, что медленно обдумывая, разъ онъ прорвется—къ словамъ печальнымъ присоединитъ жестокія дѣйствія. Около того же времени умерла Юлія; ее, свою внучку, Августъ, уличенную въ прелюбодѣяніи, осудилъ и отбросилъ на островъ Тримиру не далеко отъ береговъ Апуліи; тамъ она вынесла двадцатилѣтнюю ссылку, будучи поддерживаема помощью Августы: она тайно, погубивъ цвѣтущихъ пасынковъ, явно высказывала состраданіе къ гонимымъ.

72. Въ этомъ же году Фризіи, народъ за—Рейнскій, нарушили миръ болѣе вслѣдствіе нашей жадности, чѣмъ не вынося повиновенія. Дань имъ Друзъ наложилъ умѣренную, по малому ихъ достатку: «чтобы они на военныя потребности платили кожи «быковъ», но никто не позаботился опредѣлить, какая должна быть прочность, мѣра, пока Оленній, изъ примипиларіевъ (*)

(*) *Прим.* Примипиларій—начальникъ первой роты тріаріевъ; а *тріаріи* луч-

поставленный для управленія Фризіями, избралъ кожи буйволовъ (дикихъ, лѣсныхъ быковъ) по образцу которыхъ должны быть принимаемы кожи. Это и для другихъ народовъ тяжелое, тѣмъ труднѣе было вынести Германцамъ; лѣса ихъ богаты были огромными звѣрями, а дома они имѣли небольшія стада. Сначала они отдавали въ неволю самихъ быковъ, потомъ поля, наконецъ—женъ и дѣтей. Вслѣдствіе этого —раздраженіе и жалобы, и когда и это не помогало, стали искать облегченія въ войнѣ: схвачены воины, которые находились при сборѣ этого налога и повѣшены. Оленній предупредилъ бѣгствомъ непріязнь и удалился въ укрѣпленіе, называемое *Флевъ*. Не маловажныя тамъ силы гражданъ и союзниковъ прикрывали берега океана. Когда объ этомъ узналъ Л. Апроній, пропреторъ нижней Германіи, призвалъ онъ значки легіоновъ изъ верхней провинціи и отборныхъ воиновъ пѣшихъ и конныхъ изъ вспомогательныхъ войскъ. И вмѣстѣ то и другое войско, привезя его по Рейну, ввелъ въ земли Фризіевъ, а уже осада крѣпости была снята и бунтовщики ушли защищать свое достояніе. А потому ближайшее теченіе рѣки укрѣпилъ насыпями и мостами, для того чтобы перевести войска болѣе тяжелыя; а между тѣмъ, найдя броды, эскадрону Каннифатскому и всѣмъ пѣшимъ Германцамъ, сколько ихъ было у насъ на службѣ, отдалъ приказаніе обойдти непріятеля съ тылу, а тѣ, уже устроясь въ боевой порядокъ, тѣснятъ союзные отряды союзниковъ и всадниковъ легіоновъ, на помощь имъ посланныхъ. Тутъ пущены въ дѣло сначала три легкихъ когорты и потомъ двѣ, затѣмъ, спустя нѣкоторое время — союзные всадники. Этихъ силъ было бы достаточно, еслибы они налегли разомъ; но какъ они подходили съ промежутками, то и не придавали твердости пришедшимъ въ замѣшательство и сами увлекаемы были робостью бѣгущихъ. Передалъ Цетегу Лабеону, легату пятаго легіона все что оставалось еще вспомогательнаго войска и тотъ, при сомнительномъ положеніи и самъ увлеченный въ опасность послалъ гонцовъ и умолялъ о подкрѣпленіи силами легіоновъ. Бросились прежде всѣхъ воины пятаго легіона и, въ упорномъ сраженіи, сбивъ непріятеля, принимаютъ къ себѣ когорты и эскадроны, изнемогшіе отъ раны. Да и вождь Римскій не пошелъ мстить и тѣла не предалъ погребенію, хотя пали многіе изъ трибуновъ,

---

шіе солдаты римскаго легіона, составлявшіе *третій* рядъ (оттого и названіе) за *гастатами* и *принципами;* ихъ тогда вводили въ дѣло, когда была крайняя надобность въ людяхъ.

префектовъ и самые видные изъ сотниковъ. Вслѣдъ за тѣмъ узнали отъ перебѣжчиковъ, что девятьсотъ Римлянъ у рощи, называемой *Бадугенне* — побиты въ сраженіи, протянувшемся до другаго дня; а другой отрядъ въ четыреста человѣкъ занялъ виллу Крупторика, когда то находившагося на жалованіи у Римлянъ и воины, изъ опасенія предательства, сами себя поразили взаимными ударами.

74. Прославилось вслѣдствіе этого между Германцами — имя Фризовъ: скрывалъ Тиберій уронъ, чтобы никому не поручать веденія войны. Да и сенату не было въ томъ заботы—не терпитъ ли государство безчестія на границахъ: внутренній страхъ овладѣвалъ душами и пособія ему искали только въ лести. А потому, хотя ихъ мнѣнія спрашивали совершенно о другихъ предметахъ, они постановили: «жертвенникъ Милосердію, жерт«венникъ Дружбѣ, и изображенія около нихъ Цезаря и Сеяна.» Частыми просьбами усиливались: «чтобы далъ возможность его «видѣть.» Впрочемъ они (Тиберій и Сеянъ) не пошли ни въ городъ, ни въ прележащія къ нему мѣста. Достаточнымъ показалось—оставить островъ и показаться въ ближайшемъ мѣстѣ Кампаніи. Туда явились сенаторы, всадники, большая часть простаго народа, весьма озабоченные относительно Сеяна, свиданіе съ которымъ было затруднительно и снискивалось только ухаживаніемъ и общеніемъ намѣреній. Довольно было достовѣрно, что надменность увеличилась у него, когда онъ увидалъ явно самое гнусное раболѣпство. Въ Римѣ посѣщенія были въ обычаѣ и, по огромности города, было неизвѣстно на какое кто шелъ дѣло; а тамъ, расположившись по полю или берегу, безо всякаго различія днемъ и ночью, переносили вмѣстѣ благоволеніе или наглость привратниковъ; когда и это было запрещено и возвратились въ городъ смущенными тѣ, которыхъ не удостоилъ ни словомъ, ни видомъ своимъ. Нѣкоторые и обрадованные, но къ дурному; ихъ неблагополучной дружбѣ угрожалъ, и скоро, тяжкій конецъ.

75. Впрочемъ Тиберій внучку Агриппину, родившуюся отъ Германика, при себѣ передалъ Кн. Домицію, а свадьбу велѣлъ праздновать въ городѣ. Въ Домиціѣ кромѣ древности рода— избралъ близкую Цезарямъ кровь, такъ какъ у него бабушка была Октавія, а черезъ нея Августъ—дѣдъ по матери.

КНИГА ПЯТАЯ.

Содержаніе. Глава 1. Смерть Августы Ливіи и похвальное ей слово.—2. Тиберій несправедливъ даже къ мертвой.—3. Сеяна власть увеличивается. Агриппина и Неронъ обвинены государемъ.—4. Благосклонность къ нимъ народа—5. при раздраженіи Тиберія. Недостатокъ событій за три года.—6. Сеянъ, когда стремленіе къ власти открыто, гибнетъ—7.—9. съ большимъ числомъ друзей своихъ.—10. Псевдо(лже)—Друза преслѣдуетъ Помпей Сабинъ.—11. Раздоръ консуловъ.

Все это дѣлалось въ теченіе почти трехъ лѣтъ въ консульство К. Рубеллія Цемина и К. Фуфія Гемина, М. Винуція Квартина, К. Кассія Лонгина, Тиберія Цезаря въ пятый разъ и Элія Сеяна.

1. Въ консульство Рубеллія и Фуфія—и у того и у другаго изъ нихъ было прозваніе Геминъ—умерла Юлія Августа, въ крайне глубокой старости, чрезвычайной знатности рода, черезъ семейство Клавдіевъ и усыновленіемъ Ливіевъ и Юліевъ. Первое ея супружество и дѣти были съ Тиберіемъ Нерономъ; бѣглецъ въ войну Перузинскую, онъ, по заключеніи мира между Секстомъ Помпеемъ и тріумвирами возвратился въ городъ. Вслѣдъ за тѣмъ Цезарь, прельстясь наружностью, отнялъ её у мужа, неизвѣстно противъ ея ли воли и дотого спѣшилъ что даже не давъ времени родить, беременную ввелъ къ себѣ домъ. Никакого послѣ того потомства не произвела она, но, вступивъ въ кровный союзъ съ Августомъ, вслѣдствіе соединенія Агриппины и Германика, имѣла общихъ внуковъ. Святостью домашней жизни вѣрная древнимъ обычаямъ, ласковая болѣе, чѣмъ одобрялось у женщинъ въ прежнее время, мать безсильная, жена слабая и хорошо ознакомленная съ хитростями мужа, съ притворствомъ сына. Похороны ея были не пышны, а завѣщаніе долго оставалось неисполненнымъ; хвалима она съ рострѣ правнукомъ К. Цезаремъ, который вскорѣ сталъ во главѣ государства.

2. А Тиберій, не присутствовавъ при отданіи послѣдняго долга матери, нисколько не измѣнивъ пріятнаго ему образа жиз-

ни, письмомъ извинился *многочисленностію дѣлъ*. Памяти Юліи Сенатомъ оказанныя щедро почести, онъ (Тиберій) уменьшилъ, оставивъ весьма немногое и прибавивъ, чтобы: «отнюдь не было «опредѣлено божественное поклоненіе; такъ она сама предпочла.» А въ части этого письма коснулся съ порицаніемъ *женскихъ привязанностей*, косвенно упрекая консула Фуфія. Онъ цвѣлъ расположеніемъ Августы, имѣя все для прельщенія женскихъ умовъ; притомъ же онъ былъ болтливъ и имѣлъ въ обычаѣ насмѣхаться надъ Тиберіемъ въ рѣзкихъ шуткахъ, а люди сильные помнятъ объ этомъ очень долго.

3. Впрочемъ, съ тѣхъ поръ господство Тиберія сдѣлалось крутымъ и стѣснительнымъ. Пока жива была Августа, было еще прибѣжище, потомучто у Тиберія сохранялось еще старинное почтеніе къ матери, да и Сеянъ не смѣлъ опережать вліяніе родительницы. А тутъ, какъ бы разорвавъ узду, пустились во все; отправлены письма противъ Агриппины и Нерона; о нихъ народъ полагалъ, что они давно принесены и задержаны Августою и черезъ немного времени послѣ ея смерти, прочитаны. Выраженія были изысканно суровы: но въ вину ставилъ не оружіе, не стремленіе къ новому порядку вещей, а попрекалъ внука *страстью къ молодымъ людямъ* и *безстыдствомъ поведенія*. На невѣстку и этого не дерзнувъ придумать, взводилъ обвиненіе въ надменности лица и дерзновенномъ образѣ мыслей, къ большому страху и молчанію сената: пока немногіе—которымъ нечего было надѣяться отъ честнаго образа дѣйствій (и общественное зло для отдѣльныхъ личностей служитъ средствомъ снискать милость) стали требовать: «*чтобъ было доложено.*» Больше всѣхъ усердія показывалъ Котта Мессалинъ съ мнѣніемъ немилосердымъ; но другія знатныя лица, преимущественно должностныя, находились въ тревогѣ, потому что Тиберій, хотя и непріязненно нападалъ, прочее все оставилъ подъ сомнѣніемъ.

4. Былъ въ сенатѣ Юній Рустикъ, избранный Цезаремъ для редактированія распоряженій сената; вслѣдствіе этого думали, что онъ проникаетъ въ его размышленія. Онъ то подъ какимъ то роковымъ вліяніемъ (и до того времени не былъ онъ образцомъ твердости) или отъ ложнаго усердія—въ опасеніи неизвѣстнаго, забывъ о настоящемъ—вмѣшался среди людей, полныхъ сомнѣнія и убѣждалъ консуловъ: «не начинать докладъ, «разсуждая, что въ краткое мгновеніе могутъ имѣть другой обо-«ротъ самыя важныя дѣла, и, можетъ быть, Герм.... раскаяніе

«старика.» Тутъ и народъ, неся изображенія Агриппины и Нерона, сталъ около зданія сената и съ радостными Цезарю пожеланіями, кричалъ: «письма лживыя и противъ воли государя грозятъ гибелью этому дому (Германика).» И такимъ образомъ въ этотъ день не совершилось ничего грустнаго; даже подаваемы были, подъ именами бывшихъ консуловъ, мнѣнія, придуманныя противъ Сеяна. Весьма многіе скрытно, и тѣмъ рѣзче давами волю изобрѣтательности; а вслѣдствіе этого гнѣвъ его (Сеяна) былъ тѣмъ сильнѣе, а равно и поводъ къ обвиненіямъ: «пренебрежена сенатомъ скорбь государя; отпалъ и народъ; уже «слушаютъ и читаютъ новыя рѣчи, новые декреты сената. Что «же еще осталось, какъ не взяться за оружіе и чьимъ изобра«женіямъ послѣдовали они вмѣсто знаменъ—тѣхъ и взять вож«дями и императорами?»

5. А потому Цезарь, повторивъ порицанія, высказанныя имъ противъ внука и невѣстки, эдиктомъ попенявъ простой народъ, жаловался передъ сенатомъ, что: «обманомъ одного сенатора все«народно осмѣяно величіе императора;» но требовалъ, чтобы все дѣло было поручено вполнѣ ему (Тиберію). Разсужденій больше не было, а тѣмъ менѣе возможно было опредѣлить что либо рѣшительное—это было запрещено; а только сенаторы свидѣтельствовали «что готовы они къ отмщенію, но препятствуетъ имъ «власть государя.».... Сорокъ четыре рѣчи сказаны объ этомъ дѣлѣ; изъ нихъ немногіе, вслѣдствіе страха, а большая часть по привычкѣ.... я полагалъ, что я причиню себѣ стыдъ, а Сеяну навлеку негодованіе.... Счастіе перемѣнилось и даже тотъ, кто его принялъ товарищемъ и зятемъ, ему прощаетъ, а прочіе того, за кѣмъ съ позоромъ ухаживали, съ преступленіемъ преслѣдуютъ.... что бѣдственнѣе—за дружбу терпѣть обвиненіе, или друга обвинять, рѣшать не берусь.... ни жестокости, ни милосердія ничьего испытывать не стану, но свободнымъ и самъ себѣ вѣрный, предупрежду опасность. А васъ заклинаю, чтобы вы не съ грустью воспоминали обо мнѣ исполненномъ радости, прибавивъ и имена къ списку тѣхъ, которые честнымъ концомъ избѣжали общественныхъ золъ.

7. Тутъ онъ съ каждымъ порознь, чьего присутствія или разговора онъ хотѣлъ, удерживалъ или отпускалъ, и въ томъ провелъ часть дня и среди еще многолюднаго собранія, когда всѣ видѣли его неустрашимое лицо и полагали, что еще остается времени въ избыткѣ для рѣшительнаго конца, налегъ на мечь,

спрятанный на груди. Да и Цезарь не преслѣдовалъ умершаго какими либо обвиненіями или порицаніями, между тѣмъ какъ на Блеза взводилъ много гнуснаго.

8. Доложено потомъ о П. Вителліѣ и П. Секундѣ; перваго доносчики уличали, что онъ: «желавшимъ переворота предло-«жилъ доступъ въ казнохранилище, надъ которымъ былъ на-«чальникомъ, и военныя деньги.» Ему Консидій, занимавшій должность претора, ставилъ въ вину «пріязнь Эмія Галла, который, «послѣ казни Сеяна, убѣжалъ въ сады Помпонія, какъ убѣжи-«ще самое вѣрное.» И находившимся въ опасности не было другой помощи, какъ въ постоянствѣ братьевъ, явившихся поруками. Вслѣдъ за тѣмъ, при частыхъ отсрочкахъ, Вителлій, тревожимый одинаково и надеждами и опасностями, выпросивъ подъ предлогомъ ученыхъ занятій ланцетъ, нанесъ легкій ударъ въ жилы и окончилъ жизнь, скорбя духомъ. А Помпоній, знаменитый умомъ и ведшій жизнь нравственно и изящно, равнодушно перенесъ невзгоду и пережилъ Тиберія.

9. Постановлено вслѣдъ за тѣмъ: «чтобы и къ остальнымъ «дѣтямъ Сеяна примѣнена была казнь.» Хотя раздраженіе простаго народа уже проходило и большинство было уже удовлетворено прежними казнями. Вслѣдствіе этого отнесли въ тюрьму сына, уже понимавшаго что ему угрожало, а дѣвочку, до того непонимавшую, что она часто спрашивала: «за какой просту-«покъ и куда ее влекутъ? больше она того дѣлать не станетъ» и можно ее дитя наказать и розгами. Передаютъ писатели того времени, что такъ какъ неслыханнымъ считалось дѣвственницу подвергнуть тріумвиральской казни, то палачь ее изнасиловалъ подлѣ висѣлицы; потомъ съ перетянутыми горлами тѣла этого возраста брошены въ гемоніи.

10. Около этого же времени Азія и Африка приведены въ ужасъ болѣе рѣзкимъ, чѣмъ продолжительнымъ слухомъ, будто бы Друза, сына Германика, видѣли на Цикладскихъ островахъ, а вслѣдъ за тѣмъ и на твердой землѣ. И дѣйствительно явился молодой человѣкъ соотвѣтствующаго возраста, съ хитрымъ замысломъ, сопровождаемый нѣкоторыми отпущенниками Цезаря, какъ будто ими узнанный. Привлекала незнающихъ слава имени и расположеніе Грековъ ко всему новому и чудесному: «будто бы, вырвавшись изъ подъ «стражи идетъ онъ къ отцовскимъ войскамъ, съ тѣмъ, чтобы завла-«дѣть Египтомъ, или Сиріею»—такъ и вымышляли вмѣстѣ и вѣрили. Уже сбѣгалась молодежь, уже сдѣлался онъ предметомъ об-

щественнаго усердія, радуясь настоящему въ несбыточныхъ надеждахъ. Тутъ то услыхалъ это Поппей Сабинъ; въ то время занятый Македоніею имѣлъ онъ попеченіе и объ Ахаіѣ. А потому, чтобы упредить справедливое ли, ложное ли, онъ поспѣшно прошелъ заливы Торонейскій и Термейскій, потомъ Эвбею, островъ Эгейскаго моря и Пирей на берегу Аттики; потомъ вышелъ на Коринѳскій берегъ въ узкомъ мѣстѣ Истиса и войдя на другомъ морѣ въ Никополисъ—Римское поселеніе, тутъ то наконецъ узналъ и на тщательные распросы о томъ кто онъ? тотъ отвѣчалъ, что родился отъ М. Силана. Многіе изъ слѣдовавшихъ за нимъ разошлись и онъ вошелъ на корабль какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Италію. Онъ написалъ это Тиберію. Дальнѣйшихъ свѣдѣній, ни о началѣ, ни о концѣ этого событія не находимъ.

11. Въ концѣ года обнаружился между консулами раздоръ, давно уже возраставшій, потому что Тріо, легко пріобрѣтавшій непріязни и опытный на форумѣ, косвенно упрекнулъ Регула въ недостаткѣ дѣятельности при подавленіи слугъ Сеяна. Тотъ держался скромности, если его не затронутъ и не только отразилъ (нападки) товарища, но и привлекалъ къ слѣдствію, какъ виновнаго въ заговорѣ. Многіе сенаторы просили отложить ненависть, имѣющую обратиться на гибель, но они оставались непріязненными и грозили другъ другу, пока не оставили должности.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Содержаніе: Главы 1. Гнусныя страсти Тиберія.—2. Жестокое преслѣдованіе самой памяти Сеяна и Ливіи. Государь насмѣхается надъ лестью Тогонія.—3. Галліона за лесть бранитъ и наказываетъ. Паконіанъ.—4. Лаціарисъ. Раздоръ консуловъ успокоиваетъ Максимъ.—5. Котта Мессалинъ обвиненъ.—6. Тиберія сознаніе, сокровенныя мученія тирановъ.—7. Цециліанъ, Сервей, Термъ осуждены. Частые доносы.—М. Теренцій, обвиненный за дружбу Сеяна, защищается отлично и свободно и—9. оправданъ. Вестиллій умерщвляетъ себя; большая часть обвинены сподрядъ.—10. Л. Пизона смерть и погребеніе.—11. Начало и развитіе городской

префектуры.—12. О сибиллинскихъ стихахъ совѣщаніе.—13. Возмущеніе въ Римѣ вслѣдстіе дороговизны хлѣба усмирено.—14. Всадники Римскіе падаютъ жертвами обвиненія въ заговорѣ.—15. Дочери Германика отданы за Л. Кассія и М. Виниція.—16. Ростовщики обвинены; подавлена лихва.—17. Щедростью Цезаря возстановленъ кредитъ.—18. Опять обвиненія въ оскорбленіи величества и—19. всѣ обвиненные въ товариществѣ съ Сеяномъ умерщвлены.—20. К. Цезарь беретъ Клавдію. Тиберія предсказаніе о Сер. Гальбѣ.—21. Искусство Халдеевъ. Тразиллъ.—22. Сомнѣніе о судьбѣ.—23. Азиній Галлъ умираетъ. Жалкая смерть Друза.—24. Ожесточеніе противъ него Тиберія.—25. Агриппина погибаетъ голодомъ.—26. Кокцей Нерва добровольно оставляетъ жизнь.—27. Смерть Элія Ламіи, Флакка Помпонія, М. Лепида.—28. Въ Египтѣ видѣли феникса; о немъ разказы и сужденія.—29. Лабеонъ умираетъ добровольно, при стараніи Тиберія отклонить нерасположеніе. Скавръ предупреждаетъ осужденіе.—30. Разные граждане изгнаны изъ города. Гетуликъ удивительною самонадѣянностью уклоняется.— 31. Пареамъ, желавшимъ удалить Артабана и просившимъ царя, Тиберій даетъ Фраата и—32. послѣ его смерти, назначаетъ Тиредата. Надъ Востокомъ дѣлаетъ начальникомъ Вителлія.—33.—35. Армяне нападаютъ на Пареовъ; имъ помогаютъ Албанцы и Иберы, происходя еще отъ Ѳессалійцевъ.—36. Когда Артабанъ бѣжалъ въ Скиѳію,—37. Тиридатъ его замѣщаетъ.—38. Въ Римѣ Тиберій продолжаетъ жестокости.—39. Умираетъ Поппей Сосбинъ.—40. Смерть Вибулея Агриппы, Тиграна, Емиліи Лепиды.—41. Клитовъ Каппадоковъ, возмутившихся противъ своего царя, подавляетъ Требеллій.—42. Тиридатъ принимаетъ царскіе знаки,—43. вслѣдъ за тѣмъ несогласіемъ вельможъ изгнанъ и—44. Артабанъ возстановленъ.—45. Большой пожаръ въ Римѣ Тиберій смягчаетъ своею щедростью. Макро завлекаетъ Калигулу.—46. Тиберій недоумѣваетъ о наслѣдникѣ; его предсказаніе о Калигулѣ; скрываетъ

болѣзнь.—47. Акуція осуждена; Альбуцилла подвергается доносу въ неуваженіи къ государю.—48. Аррунцій, наскучивъ обстоятельствами времени, разрѣзаетъ жилы.—49. Папиній бросается.—50. Тиберій скрываетъ свой упадокъ силъ, открытый хитростью доктора Хариклеса. Кончается задавленный.—51. Разныя съ нимъ случайности и смерть.

Все это совершилось въ теченіи почти шести лѣтъ, при консулахъ Кн. Домиціѣ и М. Фуріѣ Каммилѣ, Серв. Сультиціѣ Гальбѣ и Л. Корнеліи Суллѣ, П. Фабіѣ и Л. Вителліѣ, Г. Гестіѣ Галлѣ и М. Сервиліѣ Руфѣ, К. Плавтіѣ, Секст. Папиніѣ, К. Ацерроніѣ и К. Понтіѣ.

---

1. Кн. Домицій и Камиллъ Скрибоніанъ вступили въ консульство, когда Цезарь, переправившись черезъ проливъ, отдѣляющій Капреи и Суррентъ, шелъ вдоль Кампаніи, колеблясь—не войдти ли въ городъ или уже твердо рѣшась на противное, притворяясь будто бы взойдетъ. Часто доходилъ онъ очень близко, посѣтилъ даже сады у Тибра, но потомъ опять удалился къ утесамъ и уединенію моря, стыдясь своихъ преступленій и разврата. Онъ воспылалъ до того необузданною похотливостью, что, по обычаю царей, благородную молодежь оскверналъ растлѣніемъ, и побужденіемъ похоти служили не только красота и хорошія формы тѣла, но въ однихъ—дѣтская скромность, въ другихъ—изображенія предковъ. Тутъ то въ первый разъ придуманы названія дотолѣ неизвѣстныя: отходниковъ (селларіевъ) и *спинтріевъ*, вслѣдствіе гнусности мѣста и многообразнаго терпѣнія. Подстроены рабы, которые должны были отыскивать, увлекать съ дарами, готовыми угрозами противъ отказывающихся; а если удерживали родители или родственники, то приводили въ дѣло насиліе, похищеніе и вообще что ни вздумалось, какъ бы противъ плѣнныхъ.

2. А въ Римѣ въ началѣ года, какъ бы только тутъ узнали преступленія Ливіи и какъ будто не были они уже давно наказаны, произносимы были жестокія мнѣнія на ея изображенія и память и о томъ, чтобы имущество Сеяна было взято изъ общественной казны и передано въ собственную Императорскую—какъ будто бы въ этомъ была разница. И такъ—Сципіоны, и Силаны

и Кассіи, этими же почти или немного измѣненными словами— подавали мнѣнія съ большою настойчивостью. Какъ вдругъ пришлось съ насмѣшкою выслушать Тогонія Галла, который свою малоизвѣстность примѣшалъ къ знатнымъ именамъ. Онъ умолялъ государя: «назначить сенаторовъ, изъ которыхъ двадцать, избранные по «жеребью и мечемъ опоясанные, всякій разъ какъ только будетъ «входить въ зданіе сената, должны защищать его безопасность». Повѣрилъ онъ, разумѣется, письму, въ которомъ Тиберій требовалъ содѣйствія другаго консула для того, чтобы безопасно отъ Капреи добраться до города. А Тиберій, у котораго было въ обычаѣ мѣшать шуточное съ важнымъ, благодарилъ сенаторовъ за ихъ расположеніе: «но кого же изъ нихъ онъ можетъ опустить? кого из«брать? постоянно ли однихъ и тѣхъ же? Или за одними другихъ? «И покрытыхъ уже почестями или молодыхъ людей? Изъ частныхъ «или должностныхъ лицъ? И что это будетъ за видъ—брать имъ «мечи на порогѣ Куріи? Да и жизнь не такъ ему дорога, если «пришлось бы защищать ее оружіемъ». Вотъ что противъ Тогонія, умѣряя выраженія и совѣтовалъ только отмѣнить мнѣніе.

3. Но Юлія Галліена подавшаго мнѣніе, чтобы преторіанцы, по окончаніи срока службы, получали право, сидѣть на четырнадцати скамейкахъ, назначенныхъ для всадниковъ—сильно побранилъ, какъ бы лицомъ къ лицу спрашивая: «что ему (общаго) съ воинами? «Имъ слѣдуетъ и приказанія и награды получать отъ одного лишь «императора. Нашли и то чего не предвидѣлъ божественный Ав«густъ. Не скорѣе ли Сеяновъ слуга добивался раздора и возму«щенія? И грубые умы видомъ почести побудить къ порчѣ воен«ныхъ обычаевъ». Такую то награду получилъ Галлій за обдуманную лесть, будучи изгнанъ немедленно изъ сената, потомъ изъ Италіи. И такъ какъ его винили, что легко ему будетъ переносить ссылку на избранномъ имъ островѣ Лабосѣ, именитомъ и веселомъ, то онъ возвращенъ въ городъ и содержится подъ стражею, въ домахъ сановниковъ. Этимъ же письмомъ Цезарь сразилъ Секста Паконіана, бывшаго претора, къ большой радости сенаторовъ, смѣлаго, злонамѣреннаго, подстерегавшаго тайны всѣхъ, избранный Сеяномъ, чтобы при его содѣйствіи приготовить коварный умыселъ К. Цезарю. Когда это открылось, вырвалась наружу давно уже созрѣвавшая ненависть и опредѣлена была бы смертная казнь, если бы онъ не высказалъ доносъ. А когда онъ напалъ на Латинія Лаціара, то и обвинитель и обвиненный, равно ненавистные, представили пріятнѣйшее зрѣлище. Лаціарисъ, какъ я уже говорилъ,

нѣкогда главную роль въ гибели Тицезія Сабина, и въ то время первый долженъ былъ поплатиться за это наказаніемъ. Тутъ же Гатерій Агриппа напалъ на прошлогоднихъ консуловъ: почему, затѣявъ взаимное обвиненіе, теперь молчатъ? Конечно, союзомъ имъ служитъ страхъ и вредныя послѣдствія единомыслія; а отъ сенаторовъ не должны они скрывать, чтобы ни услышали. На это отвѣчали—Регулъ: есть еще время для отмщенія и онъ приведетъ свое намѣреніе въ исполненіе передъ государемъ; а Тріо—соревнованіе было между товарищами и если они что въ раздорѣ высказали, то лучше предать это забвенію. Когда Агриппа сильно приставалъ съ этимъ, то Санквиній Максимъ изъ бывшихъ консуловъ умолялъ сенатъ: «не увеличивать заботы императора, отыскивая «вездѣ раздраженіе; достаточно и его (сената) чтобы помочь этому «дѣлу». Такимъ образомъ Регулъ спасенъ, а Тріона гибель отсрочена. Гатерій былъ тѣмъ ненавистнѣе, такъ какъ изнуренный сномъ или распутною безсонницею и по своей лѣни не опасавшійся государя, какъ ни былъ онъ жестокъ, обдумывалъ гибель людей знатныхъ среди обжорства и разврата.

5. Вслѣдъ за тѣмъ Котта Мессалинъ, виновникъ постоянно самихъ строгихъ мнѣній и потому уже давно ненавистный, какъ только дана была возможность, уличается въ весьма многомъ: будтобы онъ говорилъ о К. Цезарѣ, какъ кровосмѣсительной возмужалости и когда, въ день рожденія Августы, пировалъ онъ между священниковъ, назвалъ этотъ ужинъ девятидневными поминками: жалуясь на силу М. Лепида и Л. Аррунція, съ коими имѣлъ споръ по денежному дѣлу, прибавилъ: «пусть ихъ сенатъ, «а меня защититъ мой Тиберчикъ». И не во всемъ находилъ онъ защиту у первыхъ лицъ государства. При ихъ настойчивости аппеллировалъ къ императору и немного спустя принесено было письмо, въ которомъ, въ видѣ защиты, обратясь къ началу дружбы между нимъ и Коттою и, припомнивъ частые его услуги, требовалъ: чтобы не обращаемы были въ преступленія слова злонамѣренно перетолкованныя и чистосердечіе бесѣдъ за пиршествомъ. Особенно замѣчательно показалось вступленіе этого письма Цезарева, такъ какъ онъ началъ этими словами: «если «я, отцы достопочтенные, знаю, что вамъ писать или какимъ «образомъ писать, или вовсе не писать въ это время, то пусть «меня боги и богини накажутъ хуже, чѣмъ я теперь чувствую «себя гибнущимъ ежедневно!» До такойто степени его преступленія и пороки обратились къ его собственной казни. И не да-

ромъ лучшій въ дѣлѣ мудрости имѣлъ обыкновеніе утверждать, что еслибы открылись внутренности тирановъ видны были бы терзанія и удары: и какъ тѣло раздираютъ побои, такъ духъ терзаемъ жестокостью, похотливостью, злыми намѣреніями; потому что Тиберія не защитили ни его высокое положеніе, ни уединеніе отъ признанія во внутреннихъ мученіяхъ и въ своей собственной казни.

7. Тутъ, когда сенаторамъ дана была возможность постановить о Цециліанѣ, сенаторѣ, который болѣе другихъ свидѣтельствовалъ на Котту, постановлено: «назначить тоже наказаніе, какое «Арузею и Санквинію, обвинителямъ Л. Аррунція». И ничего не могло быть почетнѣе для Котты; онъ благороднаго происхожденія, но отъ роскоши въ нуждѣ, опозоренный порочными поступками, достоинствомъ (степенью) возмездія сравнялся съ Аррунціемъ, отличавшимся святостью жизни. Послѣ того введены Квинтъ Сервей и Минуцій Термъ: Сервей, исполнявшій должность претора и когда то изъ свиты Германика; Минуцій изъ сословія всадниковъ—скромно пользовались они дружбою Сеяна и вслѣдствіе этого къ нимъ было больше состраданія. Напротивъ Тиберій, порицая ихъ какъ первыхъ на преступленія, внушалъ К. Цестію отцу—высказать сенату, что онъ ему написалъ и Цестій взялъ на себя обвиненіе. И въ особенности гибельное принесли тѣ времена, когда знатнѣйшіе сенаторы занимались самыми низкими доносами: одни явно, а многіе тайно, и не отличилъ бы ты чужихъ отъ родныхъ, друзей отъ незнакомыхъ, что недавное и что уже стало темно отъ времени: одинаково о чемъ бы ни переговорили на форумѣ, на пиршествѣ, были обвиняемы, такъ какъ каждый спѣшилъ предупредить и указать на виновнаго: одни защищали себя, а большая часть какъ бы зараженные въ здоровьи и обращеніи; но Минуцій и Сервей осужденные присоединились къ доносчикамъ. Вовлечены въ тоже положеніе Юлій Африканъ, изъ Сантонъ Галльскаго города и Сеій Квадратъ: его происхожденія не отыскалъ. И не безъизвѣстно мнѣ, что большая часть писателей опустили многихъ опасности и казни, утомленные ихъ многочисленностью или опасаясь, какъ бы то, что и имъ показалось излишнимъ и печальнымъ, такою же скукою не поразило читателя. Намъ большая часть достойнаго памяти попалась, хотя другими не упомянутая.

8. Такъ въ то время, когда прочіе ложно снимали съ себя (обвиненіе) въ дружбѣ Сеяна, осмѣливался всадникъ Римскій М.

Теренцій, за это именно обвиненный, въ ней сознаться, обратясь такъ къ сенату: «судьбѣ моей можетъ быть и не такъ будетъ «выгодно, если я сознаю обвиненіе, чѣмъ буду его отрицать, но «какія бы ни были послѣдствія, сознаюсь, что и былъ я другомъ «Сеяна, и добивался быть имъ, и радовался, когда сдѣлался имъ. «Видѣлъ я его сотоварищемъ отца въ управленіи преторіанскими «когортами; вслѣдъ за тѣмъ вмѣстѣ исполнявшимъ обязанности «и гражданскія и военныя; его близкіе и родные осыпаемы были «почестями. Насколько кто коротокъ съ Сеяномъ, но столько си- «ленъ въ дружбѣ Цезаря. Напротивъ, кому онъ былъ непріяз- «ненъ—опасеніемъ и позоромъ поражаемы были. Никого не при- «вожу въ примѣръ, но всѣхъ, которые были чужды его послѣд- «няго замысла, я буду защищать съ опасностью меня одного. «Чтили мы не Сеяна, уроженца Вульмній, но часть семейства «Клавдіевъ и Юліевъ, въ которыя вошелъ онъ свойствомъ; тво- «его, Цезарь, зятя, товарища твоего консульства, исполнителя «твоихъ обязанностей дѣлу общественному. Не наше дѣло обсу- «живать—кого ты возвышаешь надъ другими и по какимъ при- «чинамъ. Боги дали тебѣ верховное сужденіе обо всемъ; намъ «осталась слава повиновенія. Мы видимъ то, что у насъ передъ «глазами—кому ты даешь силы, почести, власть наиболѣе и при- «несть пользы и повредить. А что Сеянъ имѣлъ все это — ни- «кто и отрицать не станетъ. Сокровенныя же чувства государя «и не готовитъ ли онъ что либо втайнѣ, разыскивать — непоз- «волительно и опасно: да и все таки не узнаешъ. Отцы досто- «почтенные, припомните не послѣдній день Сеяна, но шестнад- «цать лѣтъ (его могущества); даже Сатрія и Помпонія, и тѣхъ «мы чтили; за большую честь считалось сдѣлаться извѣстнымъ «даже его отпущенникамъ и привратникамъ. Чтожъ это? Неуже- «ли безразлично будетъ обвиненіе и смѣшанно? Нѣтъ, разгра- «ничьте вѣрными чертами: пусть будутъ наказаны коварные за- «мыслы противъ общественнаго порядка и жизни императора: «а относительно дружбы и ея обязанностей одинъ и тотъ же «конецъ: Цезарь, оправдаетъ и тебя, и насъ».

9. Твердость рѣчи и потому что нашелся, кто бы высказалъ то, что у всѣхъ было на душѣ,—все это возмогло на столько, что обвинители его, съ присоединеніемъ въ чемъ прежде погрѣшили, наказаны ссылкою или смертью. Послѣдовали за тѣмъ письма Тиберія на Секста Вестилія, бывшаго претора; его весьма любимаго братомъ Друзомъ, перевелъ въ свою когорту. Причина

оскорбленія Вестилію была: или сочинилъ онъ кое-что на К. Цезаря, какъ (будто бы) безстыднаго, или сдѣлано довѣріе вымышленному. За это устраненный изъ общества государя, когда старческою рукою принялся было за желѣзо, перевязалъ жилы; умолялъ было его запискою, получилъ немилосердый отвѣтъ; открылъ жилы. Вслѣдъ за тѣмъ разомъ потребованы на судъ въ оскорбленіи величества—Анній Полліо, Аппій Силанъ вмѣстѣ съ Скавромъ Мамеркомъ и Сабиномъ Кальвизіемъ; къ Полліону отцу присоединенъ Виниціанъ, знатные родомъ и нѣкоторые послѣ высшихъ почестей. Содрогнулись сенаторы: такъ какъ кто же былъ чуждъ или связей родства или дружбы съ столькими знаменитыми людьми? Но Цельзъ, трибунъ городской когорты, въ то время, въ числѣ доносчиковъ (находившихся), изъялъ изъ опасности Аппія и Кальвизія. Цезарь Полліона и Виниціана и Скавра дѣло, чтобы самому разобрать съ сенатомъ, отложилъ, давъ нѣкоторыя противъ Скавра печальныя отмѣтки. Даже и женщины не были изъяты изъ опасности; а такъ какъ нельзя же было ихъ обвинить въ домогательствѣ стать во главѣ вещей, то за слезы ихъ обвиняли. Казнена старушка Витія, мать Фузія Гемина за то, что оплакивала смерть сына. Вотъ что у сената (дѣлалось). И не иначе и у государя: Вескуларій Аттикъ и Юлій Маринъ гонятся на смерть—а они изъ стариннѣйшихъ его приближенныхъ послѣдовали въ Родосъ и въ Капреи были неразлучны. Викуларій—передатчикъ коварнаго умысла противъ Либона: съ участіемъ Марина Сеянъ подавилъ Курція Аттика и тѣмъ съ большею радостью принято, что на совѣтниковъ палъ ихъ собственный примѣръ.

10. Въ это же время умеръ первосвященникъ Л. Пизонъ своею смертью—явленіе рѣдкое при такой извѣстности; никакого рабскаго мнѣнія не былъ онъ добровольнымъ виновникомъ и всякій разъ какъ только предстояла въ томъ необходимость, благоразумно смягчая. Я уже припоминалъ, что отецъ его былъ цензоромъ: дожилъ до восьмидесяти лѣтъ; почести тріумфа заслужилъ онъ во Ѳракіи; но особенная слава его была въ томъ, что, будучи послѣднее время префектомъ города, власть постоянную и по новости повиновенія тяжелую, удивительно смягчилъ.

11. И прежде, при отъѣздѣ изъ города царей, а вслѣдъ за ними должностныхъ лицъ, дабы городъ не оставался безъ власти, избираемъ былъ на время тотъ, кто оказывалъ бы правосудіе и оказывалъ бы заботу въ случаяхъ нечаянныхъ. Передаютъ, что

такъ Ромулъ оставилъ Дентро Ромулія, а впослѣдствіи Туллъ Гостилій—Нуму Морція и Тарквиній Гордый—Спурія Лукреція. Затѣмъ консулы передавали также власть; остается подобіе всякой разъ какъ по случаю Латинскихъ ферій (празднествъ) назначается лицо, для исполненія консульской обязанности. Впрочемъ, Августъ во время междуусобныхъ войнъ надо всѣмъ въ Римѣ и Италіи сдѣлалъ начальникомъ Цилнія Мецената, всадническаго сословія. Вслѣдъ за тѣмъ, ставъ во главѣ государства, по многочисленности народа и медленности пособія законовъ, взялъ изъ бывшихъ консуловъ — людей, которые сдерживали бы рабовъ и все что есть гражданъ дерзкихъ и расположенныхъ къ смутамъ, ничего, не опасающихся кромѣ силы. И первый — Мессала Корвинъ принялъ эту власть, кончившуюся въ теченіи немногихъ дней, какъ бы неумѣлый ею пользоваться. Тутъ Тавръ Статилій, хотя и въ преклонномъ возрастѣ, отлично ее исполнялъ. Потомъ Пизонъ, въ теченіи двадцати лѣтъ равно одобряемый, почтенъ общественными похоронами вслѣдствіе сенатскаго декрета.

12. Доложено потомъ сенату Квинтиліаномъ, плебейскимъ трибуномъ—о книгѣ Сивиллы, которую Кининій Галлъ изъ Коллегія пятнадцати требовалъ—принять въ число прочихъ той же прорицательницы и объ этомъ предметѣ сенатское опредѣленіе. Когда оно состоялось посредствомъ ухода сенаторовъ, Цезарь прислалъ письмо въ которомъ умѣренно бранитъ трибуна — «по молодости «лѣтъ, незнающаго стариннаго обычая». Галла упрекалъ: «что состарившись въ наукѣ священныхъ обрядовъ, не зная автора, прежде постановленія Коллегія, а не такъ какъ требуетъ обычай по прочтеніи магостраліи людьми учеными и оцѣнкѣ стихотворенія, провелъ это дѣло въ малочисленномъ собраніи сената. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ внушалъ: «что такъ какъ много пустаго распространяемо было «въ народѣ подъ славнымъ именемъ, то Августъ постановилъ—въ ка«кой срокъ все это должно быть представляемо къ городскому пре«тору и за тѣмъ частнымъ образомъ не можетъ быть сохраняемо». Тоже было опредѣленно предками послѣ сожженія Капитолія въ междуусобную войну, при чемъ розысканы были въ Самосѣ, Иліонѣ, Еритрахъ, даже по Африкѣ, Сициліи и Итальянскимъ колоніямъ— стихи Сивиллы—была ли она одна, или много и дано порученіе священникамъ разобрать истину, на сколько возможно это съ человѣческими средствами. А потому и тутъ книга эта предоставлена разсмотрѣнію Коллегіи пятнадцати. При тѣхъ же консулахъ вслѣдствіе дороговизны хлѣба дошло было до возмущенія; многое

и въ теченіи значительнаго числа дней вытребовано въ театрѣ съ большимъ своеволіемъ, чѣмъ это было въ обычаѣ, относительно Императора. Взволнованный этимъ, обвинилъ сановниковъ и сенаторовъ за то, что не усмирили народъ общественнымъ вліяніемъ и прибавилъ—изъ какихъ провинцій и на сколько большее, чѣмъ Августъ, количество хлѣбныхъ запасовъ велѣлъ привесть». Вслѣдствіе этого, для обузданія простаго народа, составлено опредѣленіе сената въ духѣ старинной строгости. И съ меньшею дѣятельностью распорядились консулы: молчаніе же самаго Тиберія не было сочтено, какъ онъ предполагалъ, за гражданскую съ его стороны доблесть, но перетолковалось за надменность.

14. Въ концѣ года Геминій, Цельзъ, Помпей, всадники Римскіе, пали обвиненные въ заговорѣ. Изъ нихъ Геминій расточительностью своихъ средствъ и роскошью жизни — пріятель Сеяна; но ни на что серьозное неспособенъ. И Юлій Цельзъ трибунъ, въ оковахъ ослабившую цѣпь, которою былъ обовязанъ, растягивая въ разныя стороны самъ разбилъ свою голову. А Рубрію Фабату приданы караульные; будтобы онъ, отчаявшись въ положеніи дѣлъ Римскихъ, хотѣлъ бѣжать и искать сострадання у Пареовъ; конечно онъ былъ найденъ у Сицилійскаго пролива и приведенъ назадъ сотникомъ, никакихъ основательныхъ причинъ дальняго странствованія не приводилъ онъ; остался впрочемъ невредимъ болѣе отъ забвенія, чѣмъ отъ милосердія.

15. Въ консульство Гальбы и Л. Суллы, послѣ долговременнаго разсмотрѣнія кого мужьями назначить своимъ внучкамъ—Цезарь—такъ какъ требовалъ уже того совершенный возрастъ дѣвицъ, избралъ Л. Кассія и М. Виниція. М. Виницій—изъ роду горожанъ, родился въ Калесѣ, отецъ и дѣдъ его были консулами, остальные (родные) всадническаго сословія: мягкій характеромъ и выражался хорошо. Кассій—плебейскаго рода Римскаго, но древняго и честнаго; воспитанный въ строгой наукѣ отца, заслуживалъ одобреніе чаще уступчивостью, чѣмъ дѣятельностью. Его соединилъ онъ съ Друзиллою, а Виниція съ Юліею, дочерьми Германика и объ этомъ дѣлѣ написалъ сенату, слегка почтивъ молодыхъ людей; потомъ, представивъ довольно неясные поводы отлучки, обратился къ болѣе важному и преслѣдованіямъ начатымъ за общее дѣло и просилъ: чтобы префектъ Макро и немногіе изъ трибуновъ и сотниковъ входили съ нимъ вмѣстѣ всякой разъ когда посѣтитъ сенатъ. Исполнено это широко и безъ означенія числа, или рода (воиновъ) сенатскимъ декретомъ; но онъ (Тиберій) ни разу не во-

шелъ подъ крыши города, а нетолько въ общественный совѣтъ, большею частью окольными путями обходя мѣсто рожденія и избѣгая. Между тѣмъ обвинители съ большою силою накинулись на тѣхъ, которые приращали деньги процентами, вопреки закона Диктатора Цезаря, которымъ онъ установилъ размѣры кредита поземельнаго владѣнія внутри Италіи. Давно уже онъ былъ оставленъ, такъ какъ общее благо приносится на жертву частнымъ пользамъ. Конечно, для города Рима старинное было зло — лихвенные проценты, самая частая причина раздоровъ и возмущеній и оно пока сдерживалось древними и менѣе испорченными правами. Такъ вначалѣ двѣнадцатью таблицами было постановлено: «чтобы никто не «бралъ болѣе одного процента (въ мѣсяцъ)» — между тѣмъ какъ прежде въ этомъ случаѣ былъ полный произволъ людей богатыхъ: потомъ, по предложенію трибуновъ, установленъ полпроцента, а наконецъ и вовсе отмѣненъ платежъ процентовъ. Многими народными приговорами предупреждались обманы, и они столько разъ подавленные, удивительными способами возникали опять. Но тутъ преторъ Гракхъ, которому досталось это изслѣдованіе, пораженный множествомъ лицъ, находившихся въ опасности, доложилъ сенату; встревоженные сенаторы (потомучто никто не былъ свободенъ отъ вины въ этомъ) просили снисхожденія у Государя и, съ его согласія, данъ впередъ годъ и шесть мѣсяцевъ, въ которые, согласно распоряженію закона, каждый долженъ былъ устроить свои денежные расчеты.

17. Вслѣдствіе этого обнаружился недостатокъ денегъ, такъ какъ разомъ затронуты долги всѣхъ и вслѣдствіе осужденія столькихъ лицъ и продажи ихъ имуществъ заклейменное серебро оставалось въ общественной или Императорской казнѣ. Сверхъ того Сенатъ предписалъ, чтобы каждый двѣ части роста помѣстилъ въ земляхъ по Италіи. Но кредиторы призывали къ расплатѣ наличными и не къ чести должниковъ уменьшили кредитъ. Вслѣдствіе этого стеченіе народа и просьбы, потомъ шумъ около преторскаго трибунала. И въ чемъ искали средства помочь горю—продажа и покупка, то обратилось совсѣмъ въ противоположную сторону, потомучто ростовщики затратили всѣ деньги на покупку полей. За избыткомъ продажи послѣдовала дешевизна и чѣмъ кто болѣе обремененъ долгами, тѣмъ съ большимъ трудомъ могъ продать. Многіе теряли все имущество: утрата состоянія влекла за собою упадокъ достоинства и добраго имени, пока Цезарь не оказалъ пособія, расположивъ по столамъ тысячу сестерціевъ (собств. тысячу тысячъ, милліонъ) и

давъ возможность занимать на три года безъ процентовъ, если должникъ народу представитъ обезпеченіе вдвойнѣ недвижимою собственностью. Такимъ образомъ возобновленъ кредитъ и мало по малу нашлись и частные кредиторы. Да и покупка полей совершалась не въ точности по сенатскому опредѣленію; въ началѣ, какъ обыкновенно случается, было строго, а къ концу пренебрегли имъ.

18. Затѣмъ вернулись прежнія опасенія, такъ какъ потребованъ на судъ въ оскорбленіи величества—Консидій Прокулъ. Ничего не опасаясь, праздновалъ онъ свой день рожденія, какъ повлеченъ въ сенатъ и вмѣстѣ осужденъ и умерщвленъ. А сестра его, Санція, устранена отъ воды и огня, вслѣдствіе обвиненія К Помпонія. Онъ, характера безпокойнаго, утверждалъ что дѣйствуетъ такъ и въ этомъ родѣ съ тѣмъ, чтобы, пріобрѣтя благорасположеніе государя, помочь брату Помпонію Секунду, находившемуся въ опасности. Опредѣлена ссылка и Помпоніѣ Макринѣ, которой мужа Арголика и свекора Лакона, изъ первыхъ лицъ у Ахейцевъ, казнилъ Цезарь. Отецъ, именитый всадникъ Римскій и братъ, бывшій преторъ, въ виду неизбѣжнаго обвиненія, умертвили сами себя. Поставлено было въ вину то, что Теофана Митиленейца, прадѣда ихъ, Кней Магнъ имѣлъ въ числѣ приближенныхъ и что умершему Теофану льстивость грековъ предоставила небесныя почести.

19. Послѣ этихъ предметомъ доноса сдѣлался Секс. Марій, самый богатый въ Испаніяхъ въ томъ, будто бы онъ имѣлъ кровосмѣшеніе съ дочерью, и сброшенъ съ Тарпейской скалы; а чтобы не оставалось подъ сомнѣніемъ, что именно во вредъ ему послужило богатство—то его золотые пріиски, хотя они были назначены въ публичную продажу, Тиберій себѣ оставилъ. Разсвирѣпѣвъ отъ казней, всѣхъ содержавшихся въ тюрьмѣ и обвиненныхъ въ союзѣ съ Сеяномъ, повелѣлъ умертвить. Послѣдовало необъятное побоище: всякаго пола, всякаго возраста, знатные и простые, порознь и массами. Да и не дозволялось близкимъ и друзьямъ ни быть при этомъ, ни оплакивать, ни долго смотрѣть. Но поставленные кругомъ стражи, внимательные къ горю каждаго, сопровождали тѣла, предавшіяся тлѣнію, пока влачили ихъ въ Тибръ, гдѣ плывшія или приставшія къ берегамъ, не дозволялось ни касаться кому либо, ни сожигать. Силою страха прекратилось общеніе рода человѣческаго и куда только проникала жестокость, устранялось состраданіе.

20. Около того же времени К. Цезарь, сопровождая дѣда, ухо-

дившаго изъ Капреи—принялъ въ супружество Клавдію, дочь М. Силана; неукротимый духъ прикрывая коварною скромностью, не проронивъ (звука) голоса ни при осужденіи матери, ни при изгнаніи братьевъ. Какъ день начинался для Тиберія—тѣже маневры и слова (выраженія) немного представлявшія разницы. Вслѣдствіе этого вскорѣ разнеслось умное изреченіе оратора Пассіена «не было ни лучшаго когда либо раба, ни худшаго повелителя». Не опустилъ бы я предсказанія Тиберія о Серв. Гальбѣ, въ то время консулѣ: пригласивъ его и испытавъ въ разныхъ бесѣдахъ—наконецъ на греческомъ языкѣ сказалъ ему въ такомъ смыслѣ: «и «ты Гальба когда нибудь отвѣдаешь верховной власти, означая «позднее и кратковременное могущество знаніемъ Халдейскаго ис«кусства, пріобрѣсть которое имѣлъ довольно свободнаго времени «въ Родосѣ, а учителемъ Тразилла, въ опытности его удостовѣ«рясь такимъ образомъ».

21. Всякій разъ какъ о подобномъ дѣлѣ совѣтовался, пользовался возвышенною частью дома и соучастіемъ одного отпущенника. Тотъ, незнавшій грамотѣ, но здоровый тѣломъ, по непроходимымъ и крутымъ мѣстамъ (такъ какъ домъ возвышается надъ скалами) шелъ впереди того, чье искусство испытать предположилъ себѣ Тиберій и, на обратномъ пути, если только возникало подозрѣніе въ тщеславіи или обманѣ, низвергалъ въ находившееся внизу море, дабы не было свидѣтеля тайны. А потому Тразиллъ приведенный по тѣмъ же скаламъ, послѣ того какъ заинтересовалъ Тиберія, открывая на его вопросы ему власть и будущее, тщательно былъ спрошенъ: «знаетъ ли онъ свой часъ рожденія; который ему годъ «и какой день тогда?» Онъ положенія небесныхъ тѣлъ и промежутки размѣровъ, сначала остановился, потомъ оробѣлъ и что больше всматривался, то болѣе и болѣе трепеталъ отъ удивленія и страха, а наконецъ восклицаетъ: «въ опасности онъ и пришелъ «въ грозящей крайнею гибелью».—Тутъ Тиберій, обнявъ его, поздравляетъ, что онъ предузналъ опасность, но останется невредимымъ,—и все, чтобы онъ ни говорилъ, принимая какъ голосъ оракула, имѣетъ его въ числѣ самыхъ приближенныхъ друзей.

22. Но для меня, слыша такое и въ этомъ родѣ, остается неизвѣстнымъ окончательное рѣшеніе вопроса—дѣла смертныхъ управляются ли судьбою и неизмѣнною необходимостью, или случаемъ, потому что мудрѣйшихъ изъ древнихъ и тѣхъ, которые соревнуютъ ихъ ученію, найдешь ты разныхъ мнѣній. Многіе остаются при убѣжденіи: «что богамъ нѣтъ заботы ни о началѣ нашемъ,

ви о концѣ, но вообще о людяхъ; а потому-то всего чаще грустное случается съ добрыми и веселое съ дурными. Напротивъ, другіе полагаютъ, что судьба соотвѣтствуетъ событіямъ, но не по блуждающимъ звѣздамъ, а по началамъ и связямъ естественныхъ причинъ: впрочемъ выборъ жизни намъ предоставляютъ и уже, по выборѣ ея, хорошо извѣстна послѣдовательность того, что имѣетъ случиться. Да и не то счастіе или несчастіе, что такимъ считаетъ народъ: многіе, повидимому поражаемые неудачами, счастливы, а большая часть и при великихъ богатствахъ крайне бѣдствуютъ; если тѣ тяжкія обстоятельства переносятъ съ твердостью, то эти благополучіемъ своимъ неблагоразумно пользуются. Впрочемъ большей части смертныхъ не чуждо убѣжденіе, что: «при первомъ «началѣ каждаго его будущее уже опредѣлено; но если кое-что «случается иначе, какъ сказано, то вслѣдствіе обмана говорящихъ «то, чего не знаютъ; такимъ образомъ подрывается довѣріе къ на«укѣ, которой ясныя доказательства принесло и древнее время и «наше». Такъ сыномъ тоже Тразилла предсказано господство Нерона, о чемъ въ свое время упомянемъ, дабы теперь не уклониться далеко отъ начатаго нами. При этихъ же консулахъ прошло извѣстіе о смерти Азинія Галла, о которомъ нѣтъ сомнѣнія, что погибъ отъ недостатка пищи—добровольно или по необходимости считалось неизвѣстнымъ. Спрошенный о мнѣніи Цезарь—позволитъ ли похоронить, не краснѣя позволилъ и съ своей стороны винилъ случайность, похитившую подсудимаго, прежде чѣмъ съ очей на очи могъ онъ быть уличенъ». Какъ будто въ срединѣ трехлѣтія не доставало времени подвергнуть суду старца, бывшаго консула, родню столькихъ бывшихъ консуловъ.—Затѣмъ гаснетъ Друзъ, протянувшій жизнь свою до девятаго дня самою жалкою пищею, вынимая изъ тюфяка то, чѣмъ онъ былъ набитъ. Нѣкоторые передали, что было предписано Макрону—если Сеянъ попытается прибѣгнуть къ оружію, извлекши изъ подъ стражи молодаго человѣка (такъ какъ его держали во дворцѣ), поставить его во главѣ народнаго движенія. Вслѣдъ за тѣмъ, такъ какъ прошелъ слухъ, что Цезарь хочетъ простить невѣстку и внука—предпочелъ строгость раскаянію.—Даже напалъ на умершаго и ставилъ ему въ вину: пороки тѣла, гибельное настроеніе ума относительно своихъ и непріязненное относительно общественнаго дѣла. Затѣмъ приказалъ онъ прочесть ежедневную записку того, что онъ дѣлалъ и говорилъ. Ничего не могло показаться возмутительнѣе этого: въ теченіи столькихъ лѣтъ при немъ (Друзѣ) находились люди, под-

мѣчавшіе выраженіе лица, стоны, даже тайный ропотъ. И что дѣдъ былъ въ состояніи слышать, читать, высказывать публично съ трудомъ можно повѣрить; а письма сотника Акція и вольноотпущенника Дидима заключали даже имена рабовъ, какъ который выходившаго изъ спальни Друза билъ или пугалъ. Даже сотникъ присовокупилъ свои слова, полныя жестокости, какъ нѣчто отличное и слова умиравшаго, которыми онъ сначала (притворяясь утратившимъ разсудокъ) какъ бы въ безуміи—призывалъ гибель на Тиберія, а вслѣдъ затѣмъ, когда потерялъ надежду къ жизни, обдуманно изысканныя проклятія: «чтобы онъ какъ невѣстку и племянника и «внуковъ и весь домъ наполнилъ убійствами, такъ пусть воздастъ «казнь имени и роду предковъ и потомкамъ». Прирывали конечно сенаторы какъ будто бы изъ негодованія; но проникалъ въ нихъ страхъ и удивленіе, что человѣкъ когда-то хитрый и умѣвшій скрывать злодѣянія, дошелъ до такой довѣрчивости, что, какъ бы раздвинувъ стѣны, показывалъ внука подъ бичемъ сотника среди ударовъ, наносимыхъ рабами, тщетно просящаго пищи для поддержанія послѣднихъ остатковъ жизни.

25. Эта скорбь не успѣла еще изгладиться, какъ распространился слухъ объ Агриппинѣ, которая, какъ я полагаю, поддерживаемая надеждою послѣ умерщвленія Сеяна, прожила долѣе и послѣ того какъ жестокость въ отношеніи къ ней нисколько не уменьшалась—добровольно окончила жизнь; а можетъ быть отказано ей въ пищѣ и данъ видъ ея кончинѣ, будто бы по ея волѣ послѣдавшей. Да и Тиберій разразился самыми гнусными обвиненіями, уличая ее въ безстыдствѣ, въ прелюбодѣйной связи съ Азиніемъ Галломъ, смерть котораго побудила будто бы покончить съ наскучившею ей жизнью. Но Агриппина, не выносившая равенства, алчная ко власти, въ заботахъ мужчины утратила недостатки, женщинамъ свойственные: «Въ тотъ же день она умерла, въ который за два «года передъ тѣмъ поплатился жизнью Сеянъ и это заслуживаетъ «быть сохраненнымъ въ памяти».—Прибавилъ Цезарь и хвалился что «незадушена петлею и не брошена въ Гемоніи». Высказана ему за это признательность и опредѣлено: «пятнадцатый день Ноябр-«скихъ календъ, день смерти обоихъ (Сеяна и Агриппины)—во всѣ «будущіе года приноситъ даръ Юпитеру».

26. Немного спустя Кокцей Нерва, приближенный Государя, опытный въ знаніи правъ божескихъ и человѣческихъ, не тронутый въ положеніи, не страдая тѣломъ, задумалъ умереть. Когда это стало извѣстно Тиберію—присталъ онъ къ нему, спрашивалъ о

причинѣ, присовокупилъ просьбы, наконецъ признавался: «тяжко «будетъ на его совѣсти, оскорбительно для чести, если ближайшій «изъ друзей его, безъ всякой причины умереть, оставитъ жизнь». Уклонясь отъ его убѣжденій, Нерва пересталъ принимать пищу. Разсказывали знавшіе его мысли, что чѣмъ ближе видѣлъ онъ бѣдствія общества, тѣмъ болѣе желалъ честнаго конца, вслѣдствіе раздраженія и страха пока еще былъ цѣлъ. и ни въ чемъ не обвиненъ. Впрочемъ, гибель Агриппинны—а поэтому едва возможно повѣрить, повлекла за собою и Планцины. Когда-то жена Пизона, не скрывала она радость о смерти Германика; при паденіи Пизона нашла себѣ защиту въ просьбахъ Августы и, неменѣе, во враждѣ Агриппинны; а когда ненависть и пристрастіе окончились, возъимѣла силу справедливость; преслѣдуемая обвиненіями не безъизвѣстными, своею рукою совершила надъ собою казнь скорѣе позднюю, чѣмъ незаслуженно.

27. Въ обществѣ, опечаленномъ столькими потерями, и то служило поводомъ къ сожалѣнію, чло Юлія, дочь Друза, нѣкогда жена Нерона, вышла въ замужество въ домъ Рубеллія Бланда, котораго дѣда Тибурта, всадника Римскаго, многіе припоминали. Въ концѣ года смерть Элія Ламы почтена похоронами цензорскими; онъ наконецъ освобожденный отъ мнимаго управленія Сиріею начальствовалъ въ городѣ.—Онъ былъ честнаго рода, свѣжій старикъ и недопущеніе его до провинціи прибавило къ его достоинству. Вслѣдъ за тѣмъ со смертью Флакка Помпонія, пропретора Сиріи, прочитано письмо Цезаря, въ которомъ винилъ что лучшіе люди, способные управлять войсками, отказываются отъ этой обязанности. И онъ вынужденъ необходимостью прибѣгнуть къ просьбамъ, чтобы убѣдить нѣкоторыхъ изъ бывшихъ консуловъ взять на себя управленіе провинціями. Забылъ о томъ, что Аррунція уже девятый годъ удерживалъ отъ отправленія въ Испанію. Въ этомъ же году умеръ и М. Лепидъ, объ умѣренности и мудрости котораго достаточно помѣстилъ я свѣдѣній въ прежнихъ книгахъ. Да и благородство происхожденія далѣе нечего доказывать: потомучто родъ Емиліевъ богатъ былъ благонамѣренными гражданами и такими, которые происходя изъ того же семейства были испорченной нравственности, но пользовались высокимъ положеніемъ.

28. Въ консульство Павла Фабія и Л. Вителлія, послѣ длиннаго ряда вѣковъ, птица фениксъ прилетѣла въ Египетъ и доставила поводъ ученѣйшимъ изъ туземцевъ и Грековъ—многое

изложить объ этомъ чудесномъ явленіи; въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ согласно, а гораздо больше разнообразно, но, какъ не нелѣпое, считаю нужнымъ тутъ изложить. Посвящена солнцу эта птица, видомъ и цвѣтомъ перьевъ отличная отъ прочихъ птицъ, по согласному показанію тѣхъ, которые опредѣлили ея наружность. О числѣ лѣтъ передаютъ разное: наиболѣе принято время пятьсотъ лѣтъ, а есть которые утверждаютъ, что этотъ промежутокъ времени составляетъ тысячу четыреста шестьдесятъ одинъ годъ и что прежнія птицы прилетали первый разъ во время господства Сезостриса, потомъ Амазиса, потомъ Птолемея, который изъ Македонянъ царствовалъ третій, въ городъ, называемый Геліополисъ, сопровождаемыя большимъ количествомъ другихъ птицъ, дивившихся невиданной наружности. Но древность конечно темна, а жежду Птолемеемъ и Тиберіемъ прошло менѣе двухсотъ пятидесяти лѣтъ. Вслѣдствіе этого нѣкоторые считали этого феникса ложнымъ и не изъ Арабской земли и что онъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми, о которыхъ утверждаетъ древнее преданіе. Съ окончаніемъ извѣстнаго числа лѣтъ, когда приближается смерть, на своихъ земляхъ строитъ гнѣздо, спускаетъ туда плодородную силу, отъ которой зачинается плодъ. Взросшей птицѣ первая забота—похоронить отца и это не какъ нибудь, но, поднявъ тяжелый кусокъ мирры, пробуетъ дальній путь и когда совладаетъ съ тяжестью и съ полетомъ, беретъ тѣло отца, переноситъ его на жертвенникъ солнца и тамъ сожигаетъ. Все это невѣрно и смѣшано съ баснями; впрочемъ не подвержено сомнѣнію, что птицу эту видаютъ иногда въ Египтѣ.

29. А въ Римѣ продолжались убійства: Помпоній Лабео, о которомъ я говорилъ, что онъ былъ начальникомъ Мезіи, изъ перерѣзанныхъ жилъ испустилъ кровь; его примѣру послѣдовала жена его Паксея. Опасеніе палача причиняло такія быстрыя кончины, такъ какъ осужденныхъ имущества конфисковались и они лишаемы были погребенія; а тѣхъ, которые сами себя порѣшали, тѣла предавались землѣ, завѣщанія имѣли силу и оттого стоило спѣшить; но Цезарь, пославъ письмо сенату, излагалъ: «было въ обычаѣ предковъ, прекращая дружественныя отношенія, «отказывать отъ дому и тѣмъ полагать конецъ ласкѣ». Этотъ примѣръ примѣнилъ онъ къ Либону. А тотъ, тѣснимый обвиненіями въ дурномъ управленіи провинціею и другими, вину свою прикрылъ немилостью; тщетно устрашилъ онъ жену; она, хотя

и виновная, была изъята отъ опасности. Потомъ опять призывается на судъ Мамеркъ Скавръ, знаменитый знатностью рода и защищенными имъ дѣлами. Его погубила нестолько пріязнь Сеяна, сколько не менѣе имѣвшая силу на погубленіе ненависть Макрона, который, хотя втайнѣ, шелъ тѣмъ же путемъ (что и Сеянъ), донесъ о содержаніи трагедіи, писанной Скавромъ, прибавивъ стихи, которые имѣли будто примѣненіе къ Тиберію; а отъ обвинителей Сервилія и Корнелія ставились ему въ вину— прелюбодѣянная связь съ Ливіею и священные обряды маговъ. Скавръ, какъ и было достойно потомка древнихъ Эмиліевъ, предупредилъ осужденіе; убѣждала его и жена Секстія, она побудила его къ смерти и раздѣлила ее. Впрочемъ и обвинители, если только представлялся удобный случай—подвергались наказаніямъ, такъ Сервилій и Корнелій, получившіе извѣстность черезъ погубленіе Скавра, за то, что взяли деньги съ Варія Лигура, чтобы оставить свой доносъ, удалены на острова съ устраненіемъ отъ огня и воды. Абудій Руфъ, служившій эдилемъ—въ попыткѣ причинить опасность Лентуллу Гетулику, подъ начальствомъ котораго командовалъ легіономъ, тѣмъ—будтобы онъ прочилъ себѣ въ зятья сына Сеянова, самъ осужденъ и изгнанъ изъ города. Въ это время Гетуликъ завѣдывалъ легіонами верхней Германіи и пріобрѣлъ удивительную ото всѣхъ любовь: безгранично милосердый, въ строгости умѣренный и ближайшему даже войску черезъ тестя Л. Апронія не непріятный. Вслѣдствіе этого былъ вѣрный слухъ, что онъ дерзнулъ послать къ Цезарю письмо: «толки о родственныхъ отношеніяхъ между нимъ и Сея«номъ начались не по его мысли, а по совѣту Тиберія, а потому «онъ могъ ошибиться на столько же, насколько и Тиберій, а по«тому не должно ошибку, которую онъ себѣ не ставитъ въ ви«ну, обращать на гибель другихъ. Онъ вполнѣ ему вѣренъ и та«кимъ останется если не будетъ предметомъ враждебныхъ замыс«ловъ; преемника же приметъ онъ не иначе какъ за объявленіе «ему смерти; а потому пусть они скрѣпятъ между собою какъ «бы союзный договоръ, по которому онъ, государь, пусть будетъ «полнымъ властителемъ всего прочаго, а онъ удержитъ лишь свою «провинцію». Этотъ слухъ, какъ удивителенъ ни былъ, но заслуживаетъ вѣроятія уже и потому, что Гетуликъ одинъ изъ всѣхъ свойственниковъ Сеяна остался невредимымъ и даже въ большой милости. Тиберій принималъ въ соображеніе—всенародную къ себѣ ненависть, преклонность лѣтъ и то, что господ-

ство его поддерживалось болѣе славою, чѣмъ дѣйствительною силою. Въ консульство К. Цестія и М. Сервилія знатные Парѳы пришли въ городъ безъ вѣдома царя Артабана. Онъ, изъ опасенія Германика былъ вѣренъ Римлянамъ, справедливъ къ своимъ; а впослѣдствіи сталъ надмененъ въ отношеніи къ намъ и жестокъ къ соотечественникамъ, обнадеженный войнами, которыя велъ счастливо противъ окружающихъ народовъ и презирая старость Тиберія, какъ безоружную, жаждалъ Арменіи, надъ которою, по смерти царя Артиксіи, поставилъ Арсака, старшаго изъ дѣтей своихъ; прибавилъ къ этому и ругательства, послалъ требовать: денежную казну, оставленнуюВанономъ въ Сиріи и Киликіи, а также старинныя границы Персовъ и Македонянъ, и хвалился въ пустыхъ рѣчахъ съ угрозами, что онъ займетъ все чѣмъ владѣлъ Киръ и впослѣдствіи Александръ. Но тому, что Парѳы послали тайныхъ вѣстниковъ, главнѣйшій виновникъ былъ Синнацессъ, знатный родомъ, а также и богатствами и первый послѣ него Абдъ, лишенный принадлежностей мущины (эвнухъ). Это не въ пренебреженіи у варваровъ, а еще придаетъ значенія. Они, съ вѣдома и другихъ знатныхъ лицъ, — такъ какъ не могли никого изъ рода Арсакидовъ поставить во главѣ государства—большую часть умертвилъ Артабанъ, а прочіе не выросли еще,—требовали изъ Рима Фраата, сына царя Фраата: «необходимо только имя и орудіе, для того, чтобы по во-«лѣ Цезаря родъ Арсака опять появился на берегахъ Евфрата.» Это соотвѣтствовало желанію Тиберія: осыпаетъ честью Фраата и возвышаетъ на отеческое достоинство, вѣрный своему образу дѣйствій—политикою и хитростью дѣйствовать въ дѣлахъ иностранныхъ, вовсе не прибѣгая къ оружію. Между тѣмъ, узнавъ замыселъ, Артабанъ, то медлитъ отъ страха, то пылаетъ жаждою мщенія, а дикарямъ медленность кажется свойствомъ рабскимъ; а тотчасъ приводить въ исполненіе—дѣломъ царскимъ. Впрочемъ польза имѣла верхъ и подъ предлогомъ дружбы пригласивъ Абда на пиршество, отравилъ медленнымъ ядомъ, а Синнака замедлялъ притворствомъ и дарами, а также переговорами. А Фраатъ въ Сиріи, оставивъ образъ жизни Римскій, къ которому привыкъ въ теченіи столькихъ лѣтъ, принялъ обычаи Парѳовъ; не подъ силу отечественнымъ нравомъ, умеръ отъ болѣзни; но Тиберій не оставилъ предпринятое: Тиридата, той же крови, избираетъ соперникомъ Артабана, а для возвращенія Арменіи Ибера Митридата и примиряетъ съ братомъ Фаразманомъ,

*

царствовавшимъ надъ своими соотечественниками, а надо всѣмъ, что дѣлалось на Востокѣ, сдѣлалъ начальникомъ Л. Вителлія. Объ этомъ человѣкѣ, не безъизвѣстно мнѣ, какой мрачный слухъ ходилъ въ городѣ: припоминали весьма многія его гнусныя дѣла: впрочемъ въ управленіи провинціями дѣйствовалъ онъ съ доблестью временъ древнихъ. По возвращеніи оттуда, изъ опасенія К. Цезаря и изъ пріязни Клавдія, перемѣнилъ свой образъ дѣйствій на позорное раболѣпство и у потомства послужилъ примѣромъ безобразія лести. Первые начатки уступили послѣднимъ и порочная старость затмила хорошія дѣйствія молодости.

33. А изъ царьковъ Митридатъ первый склонилъ хитростью и силою помогать его попыткамъ; нашлись люди, которые подкупили слугъ Арсака и большимъ количествомъ золота побуждаютъ ихъ къ преступленію. Вмѣстѣ Иберы, съ большими силами, врываются въ Арменію и овладѣваютъ городомъ Артаксатою. Когда это узналъ Артабанъ, онъ сына, Орода, приготовляетъ мстителемъ, даетъ войска Пареескія и посылаетъ людей, которые за плату нашли бы вспоможеніе. Фаразманъ съ своей стороны присоединяетъ Албанцевъ, призываетъ Сарматовъ; ихъ державцы, взявъ дары и съ той, и другой стороны, по обычаю народа, приняли различныя личины. Но Иберы, хозяева мѣстности, Каспійскою дорогою поспѣшно выпускаютъ Сарматовъ на Армянъ; а которые изъ Сарматовъ шли къ Пареамъ, безъ труда были задерживаемы, такъ какъ другіе проходы заперъ непріятель; единственный же оставшійся—между моремъ и краемъ горъ Албанскихъ; препятствовало время года (лѣто), потому что когда дуютъ пассатные вѣтры, броды наполняются водою; а зимній, съ юга дующій вѣтеръ, отгоняетъ волны, вода удаляется и небольшія пространства берега обнажаются.

34. Между тѣмъ Орода, лишеннаго вспомогательныхъ войскъ, получившій подкрѣпленіе Фаразманъ зоветъ на сраженіе; видя, что уклоняется, пристаетъ къ нему, дѣлаетъ набѣги съ самого лагеря, не даетъ спокойно пользоваться пастбищемъ и часто, какъ бы осажденнаго, окружалъ постами, пока Пареы, не привыкшіе къ оскорбленіямъ, обступили царя, требовали сраженія; у нихъ вся сила въ конницѣ, а Фаразманъ былъ богатъ и пѣхотою; такъ какъ Иберы и Албанцы, живя по мѣстамъ лѣсистымъ, болѣе пріобыкли къ терпѣнію и лишеніямъ. Толкуютъ, будто бы они происходятъ отъ Ѳессалійцевъ того времени, когда Язонъ, увезя Медею и родныхъ отъ нея дѣтей, снова отправился уже въ пустой дворецъ Есты и къ осиротѣвшимъ Колхамъ. Многое упоминаютъ о его имени и ора-

кулѣ Фрикса и никто не принесетъ въ жертву барана въ убѣжденіи, что они всѣ Фрикса; было ли это животное, или таковъ былъ отличительный признакъ корабля. Впрочемъ, когда сошлись оба войска, Парѳъ излагалъ: «господство надъ Востокомъ, знаме-«нитость Арсакидовъ; напротивъ Иберъ обезславилъ себя наемны-«ми воинами». Фаразманъ: «уцѣлѣли они отъ власти Парѳовъ: «чѣмъ большаго домогаются они, тѣмъ болѣе чести побѣдителямъ, «а если, обратятъ тылъ, тѣмъ болѣе позора и опасности вынесутъ». Вмѣстѣ указывалъ онъ на суровый строй своихъ и росписанные золотомъ ряды Македонянъ, показывалъ что съ одной стороны—мужи, съ другой—добыча. Дѣйствительно у Сарматовъ вождя голосъ не единственный: каждый поощряетъ самъ себя: «не начинать сраже-«нія стрѣлами, а нужно предупредить непріятеля натискомъ и ру-«копашнымъ боемъ». Вслѣдствіе этого разный видъ у враждующихъ сторонъ: между тѣмъ какъ Парѳъ равно обыкшій и преслѣдовать, и бѣжать, раздвигалъ полки, чтобы дать болѣе мѣста ударамъ; Сарматы, оставивъ лукъ, которымъ они менѣе сильны, бросились съ копьями и мечами; то, какъ бы въ конномъ сраженіи дѣйствовали съ фронта, забѣгая и стылу; то, гдѣ находили густыя массы напоромъ тѣла и силою оружія тѣснили или были тѣснимы. Уже Албаны и Иберы схватывались съ непріятелемъ, сбивали его и давали бою характеръ сомнительный. Кромѣ того ему вредила конница и пѣхота, вблизи наносившая раны. Тутъ особенно на виду были Фаразманъ и Ородесъ, ободряя усердныхъ, помогая колебавшимся и всѣмъ извѣстные, встрѣчаются на коняхъ съ крикомъ и готовымъ оружіемъ. Ударъ Фаразмана былъ сильнѣе: сквозь шлемъ нанесъ онъ рану врагу и повторить ударъ не былъ въ состояніи, потому что и конь пронесъ его мимо, и раненнаго прикрыли сильнѣйшіе изъ его товарищей. Но ложной молвѣ о томъ, что вождь убитъ, повѣрили Парѳы и, пришедши въ ужасъ, уступили побѣду.

36. Вслѣдъ за тѣмъ Артабанъ отправился мстить со всѣми силами царства; но Иберы лучше вели войну, зная хорошо мѣстность; но Артабанъ, и вслѣдствіе того, не уходилъ, если бы не Вителлій, распространивъ слухъ будто бы онъ хочетъ сдѣлать вторженіе въ Месопотамію, заставилъ опасаться войны съ Римлянами. Тогда Арменія оставлена и дѣла Артабана приняли другой оборотъ. Вителлій прельщалъ: «пусть они оставятъ царя; жестокаго въ мирное «время, а въ сраженіяхъ ведущаго на гибель». Вслѣдствіе этого Синникъ, о враждебномъ настроеніи котораго я и прежде говорилъ, увлекъ въ измѣну отца Абдагаза и другихъ, незнавшихъ замысла,

а тутъ, вслѣдствіе постоянныхъ пораженій, болѣе къ тому расположенныхъ; мало по малу стекались тѣ, которые, бывъ удерживаемы болѣе страхомъ чѣмъ расположеніемъ, какъ только нашлись вожди, ободрились духомъ. И у Артабана не оставалось никого другихъ, кромѣ какіе при немъ находились тѣлохранители изъ чужестранцевъ, утратившихъ свое отечество—они, не разумѣя хорошаго и не заботясь о дурномъ, находя себѣ пропитаніе въ наемной платѣ—готовые исполнители злодѣйствъ. Взявъ ихъ, онъ поспѣшилъ бѣжать въ дальнія мѣста сопредѣльной Скиѳіи въ надеждѣ на помощь (такъ какъ онъ имѣлъ связи, свойства съ Гарканами и Карманіями) а между тѣмъ и Парѳы, къ отсутствующимъ справедливые, съ тѣми кто на лицо непостоянные, могли обратиться къ раскаянію.

37. А Вителлій, послѣ бѣгства Артабана, когда умы соотечественниковъ обратились къ новому царю, увѣщевалъ Тиридата—«взяться за готовое»—главныя силы легіоновъ и союзниковъ повелъ къ берегамъ Евфрата. Когда они приносили жертвы и Римскій вождь, по своему обряду—свиньею, овцею и быкомъ, Тиридатъ изготовилъ въ умилостивленіе рѣки богатоубраннаго коня, сосѣдніе жители принесли вѣсть, что Евфратъ вовсе не отъ дождей, которыхъ и не было, а самъ собою страшно переполнился водою; вмѣстѣ катитъ онъ волны съ пѣною на гривахъ въ видѣ короны—предзнаменованіе благополучнаго перехода. Нѣкоторые толковали это болѣе тонкимъ образомъ: «начало предпріятія будетъ удачно, но «непродолжительно, потому что предвѣщающимъ явленіямъ неба и «земли болѣе довѣрія, а непостоянное свойство водъ таково, что «они вмѣстѣ и показываютъ и уносятъ». Устроенъ мостъ изъ судовъ и переправлено войско; тутъ первый Орноспадесъ пришелъ въ лагерь съ тысячью человѣкъ конницы; когда то изгнанникъ и Тиберію, когда онъ привелъ къ концу Далматскую войну, не безславный помощникъ и за то одаренный Римскимъ гражданствомъ; но потомъ снискалъ дружбу царя и былъ въ большемъ у него почетѣ, получилъ начальство надъ землями, которыя, обтекаемыя двумя знаменитыми рѣками: Евфратомъ и Тигромъ, получили названіе Месопотаміи (Междурѣчья). Немного спустя Синницесъ еще увеличилъ войска, а столпъ отечества, Абдагезъ, присоединилъ сокровищницу и всѣ принадлежности царскія. Вителлій, считая достаточнымъ сдѣлать только показъ Римскихъ силъ, дѣлаетъ увѣщаніе Тиридату и знатнѣйшимъ лицамъ: первому о томъ, чтобы онъ помнилъ дѣда Фраата и виновника возвышенія Цезаря и всего хорошаго, сдѣлан-

наго и тому и другому. а послѣднимъ, чтобы они сохранили повиновеніе къ царю, уваженіе къ намъ, каждый свою честь и вѣрность. Вслѣдъ за тѣмъ онъ съ легіонами возвратился въ Сирію. Все это совершавшееся въ теченіи двухъ лѣтъ я соединилъ вмѣстѣ, чтобы отдохнуть душею отъ внутреннихъ бѣдствій. И Тиберій, хотя уже три года прошло послѣ казни Сеяна, не смягчался тѣмъ, что обыкновенно дѣйствуетъ на другихъ—временемъ, мольбами, пресыщеніемъ и за невѣрное и уже несуществовавшее наказывалъ какъ за самое свѣжее и недавнее. Въ такомъ то страхѣ Фульциній Тріо не вынесъ накинувшихся на него обвинителей и въ послѣдней (предсмертной) запискѣ изложилъ много крайне рѣзкаго о Макронѣ и главныхъ отпущенникахъ Цезаря, его самого попрекая затмѣніемъ ума отъ старости и постоянное удаленіе въ родѣ ссылки. Эту записку, скрытую было наслѣдниками, Тиберій приказалъ прочесть, обнаруживая терпѣніе къ чужой свободѣ и пренебрегая самъ своимъ безславіемъ, или долго остававсь въ невѣдѣніи преступленій Сеяна, вслѣдъ за тѣмъ предпочиталъ давать гласность всему, чтобы ни говорилось, желая хоть въ видѣ брани узнать истину, которая не уживалась съ лестью. Въ эти же дни сенаторъ Граній Марціанъ, потребованный на судъ К. Гракхомъ въ оскорбленіи величества, самъ насильственно покончилъ съ жизнью; а Тацій Граціанъ, служившій преторомъ, тѣмъ же закономъ осужденъ на смертную казнь.

39. Въ этомъ же родѣ былъ конецъ Требелліена Руфа и Секстія Паконіана; такъ какъ Требелліенъ палъ отъ своей руки, а Паконіанъ задушенъ въ тюрьмѣ за стихи тамъ составленные противъ государя. Узнавалъ это Тиберій не моремъ, какъ прежде отдѣленный и черезъ дальнихъ гонцовъ, но подлѣ города, чтобы въ тотъ же день или въ протежуткѣ ночи давать консуламъ отвѣтъ на письмѣ, какъ бы любуясь текшею по домамъ кровью и дѣйствіями палачей. Въ концѣ года оставилъ жизнь Поппей Сабинъ, происхожденія скромнаго, черезъ дружбу государей удостоенный почестей консульства и тріумфа; въ теченіи двадцатичетырехъ лѣтъ управлялъ важнѣйшими провинціями, вовсе не за какія либо возвышенныя достоинства, но что, управляясь съ дѣлами, не становился во главѣ ихъ.

40. Затѣмъ были консулами: К. Плавтій и Секс. Папиній. Въ этомъ году *** и не то, что Л. Арузеій—смертью были казнены, по привычкѣ къ бѣдствіямъ, не казалось особенно возмутительнымъ; но привело въ ужасъ, что Вибуленъ Агриппа,

всадникъ Римскій, когда говорили противъ него обвинители, въ самомъ зданіи сената принялъ ядъ скрытый на груди; упалъ и въ предсмертныхъ судорогахъ поспѣшно руками ликторовъ увлеченъ въ тюрьму и уже бездыханная шея осквернена петлею. Да и Тигранъ, нѣкогда властитель Арменіи, а въ то время подсудимый, именемъ царя не былъ спасенъ отъ обычной казни гражданъ. А К. Гальба, бывшій консулъ, и два Блеза погибли добровольною смертью. Гальбѣ мрачное письмо цезаря помѣшало по жеребью получить провинцію; священническія должности Блезовъ, вполнѣ принадлежавшія ихъ семейству, сначала отнялъ, а тутъ, какъ бы уже никѣмъ незанятыя, отдалъ другимъ. Они поняли это какъ знакъ смерти, и привели въ исполненіе. Емилія Лепида, о которой я уже говорилъ, что она была отдана въ замужество за молодаго Друза, частными обвиненіями преслѣдовала мужа и, хотя не годилась въ свидѣлели, однако оставалась безнаказанною, пока живъ былъ отецъ ея, Лепидъ. Послѣ доносчики ухватились за нее, обвиняя въ прелюбодѣйной связи съ рабомъ; сомнѣній не было въ этомъ преступленіи, а потому не стала защищаться и покончила сама жизнь.

41. Въ тоже время народъ Клитовъ, подчиненный Каппадоку Архелаю, вынуждаемый, по нашему обычаю, вносить цензъ и платить подати, удалился на вершины горы Тавра и въ самомъ свойствѣ мѣстности находилъ себѣ защиту отъ невоинственныхъ силъ царя, пока М. Требеллій, легатъ—Вителліемъ, завѣдывавшемъ Сиріею, отправленъ съ четырьмя тысячами воиновъ легіона и отборными вспомогательными войсками; а два холма, занятые дикарями (меньшему названіе *Кадра*, а другому—*Давара*) окружилъ осадными работами и дерзнувшихъ сдѣлать вылазку мечемъ, а остальныхъ жаждою, выпудилъ къ сдачѣ. А Тиридатъ, по желанію Парѳовъ—Нцефорій и Антемузіаду и прочіе города, которые, будучи построены Македонянами, имѣютъ Греческія названія, Галъ и Артелисту, Парѳскіе города, опять занялъ. Соревновали въ изъявленіяхъ радости тѣ, которые ненавидѣли Артабана, воспитаннаго среди Скиѳовъ, за жестокость, надѣялись, что Тиридатъ, по примѣру Римлянъ, будетъ имѣть мягкій характеръ. Болѣе всего лести приняли на себя Селевкійцы; ихъ сильный городъ, огражденный стѣнами, остался вѣренъ своему основателю Селевку, безъ всякой порчи со стороны дикарей. Триста человѣкъ, по выбору, за богатство или мудрость, составляли сенатъ; народъ имѣлъ свое значеніе и когда эти двѣ

силы дѣйствовали согласно, то пренебрегали Парѳомъ а при несогласіи, призывая себѣ помощь противъ враждебной партіи. Парѳу, призванному на часть, дали власть на все. Это случилось незадолго передъ тѣмъ въ царствованіе Артабана, который отдалъ простой народъ знатнымъ лицамъ, согласно съ своими пользами; такъ какъ власть народа нераздѣльна съ свободою, господство немногихъ ближе къ произволу царей. Тутъ явившагося Тиридата осыпаютъ почестями древнихъ царей и тѣми, которыя позднѣйшее время придумало въ изобиліи; вмѣстѣ съ тѣмъ осыпали Артабана бранью: «происхожденіемъ по матери Арзакидъ, «въ прочихъ отношеніяхъ выродокъ.» Тиридатъ правленіе въ Селевкіи предоставилъ народу. Вслѣдъ за тѣмъ, совѣтуясь—въ какой день торжественно вступить на царство—получилъ письма Фраата и Гіерона, владѣвшихъ сильнѣйшими областями—просили они небольшой отсрочки. Положено—подождать этихъ могущественныхъ людей; между тѣмъ отправились въ Ктезифонъ, столицу государства. Но когда тѣ откладывали со дня на день, то въ присутствіи многихъ и съ ихъ одобренія, Сурена, согласно съ обычаемъ предковъ, Тиридата облекъ знаками царскими. И еслибы онъ немедленно отправился въ глубь страны и къ прочимъ народамъ, подавлено было бы колебаніе нерѣшительныхъ и всѣ бы уступили одному; а, сидя въ замкѣ, куда собралъ Артабанъ деньги и наложницъ, далъ время уклониться отъ исполненія договоровъ. Фраатъ и Гіеронъ, а также и всѣ другіе, которые, производя наборъ, не праздновали день вѣнчанія на царство, одни вслѣдствіе опасеній, другіе—зависти къ Абдагезу, во власти котораго находился и дворъ и новый царь, обратились къ Артабану. Его нашли въ землѣ Гирргкановъ, покрытаго грязью и снискивавшаго пропитаніе стрѣльбою изъ лука. Сначала онъ пришелъ въ ужасъ какъ будтобы готовился коварный противъ него умыселъ; а когда завѣрили его, что пришли возвратить ему власть «ободрился онъ духомъ и сталъ разспрашивать: что «за внезапная перемѣна?» Тутъ Гіеронъ сталъ винить: молодость Тиридата и власть не у Арзакида, а только пустое имя (власти) у изнѣженнаго чужестранною роскошью; вся же сила (власти) въ домѣ Абдагеза. Поняли состарѣвшійся на царствѣ, что притворство бываетъ въ любви, а ненависть искренна и, не медля долѣе сколько нужно было, чтобы вызвать вспоможеніе отъ Скиѳовъ, двинулся впередъ поспѣшно, идя на встрѣчу умысламъ непріятелей и раскаянію друзей; не измѣнилъ и грязную наруж-

ность, чтобы вызвать въ простомъ народѣ состраданіе; ни обманъ, ни просьбы, ничто не упущено изъ виду, чтобы опутать нерѣшительныхъ и обнадежить готовыхъ содѣйствовать. Уже съ большимъ отрядомъ подходилъ въ сосѣдство Селевкіи, когда Тиридатъ, пораженный сначала слухомъ, потомъ самимъ Артабаномъ, терялся въ разныхъ предположеніяхъ—идти ли на встрѣчу или войну протянуть медленностью? Тѣ, которымъ нравилось сраженіе и поспѣшный исходъ, увѣряли, что непріятели разбросаны и утомлены дальнимъ путемъ, да и въ мысляхъ недостаточно еще сошлись они на повиновеніе—еще недавніе измѣнники и враги того, кого опять лелѣютъ.—А Абдагезъ полагалъ: «нужно «отступить въ Месопотамію, чтобы, прикрывшись рѣкою, вызвать «между тѣмъ Армянъ, Елимеевъ и прочихъ стылу и, усилясь вой«сками союзными и тѣми, которыя пришлетъ вождь Римскій, по«пытать счастія.» Это мнѣніе имѣло перевѣсъ, потомучто главное вліяніе было у Абдагеза, а Тиридатъ былъ труслива на опасность, но удалились то въ видѣ бѣгства и начавъ съ народа Арабовъ одни уходятъ домой, а другіе въ лагерь Артабана, пока Тиридатъ съ немногими, прійдя въ Сирію, освободилъ всѣхъ отъ стыда измѣны.

45. Тотъ же годъ поразилъ городъ (Римъ) сильнымъ пожаромъ: сгорѣла часть цирка, прилежащая къ Авентинскому холму и на самомъ Авентинѣ. Это бѣдствіе Цезарь обратилъ себѣ въ славу, заплативъ цѣнность домовъ и наемныхъ помѣщеній. Тысячу тысячъ сестерціевъ (милліонъ) роздано вслѣдствіе этой щедрости и тѣмъ пріятнѣе это было народу, что онъ очень былъ расчетливъ на частныя постройки. Да и общественнаго не строилъ ничего кромѣ двухъ зданій: храма Августу и сцены Помпеева театра и окончивъ ихъ—изъ пренебреженія къ честолюбію или вслѣдствіе старости, не посвятилъ ихъ (т. е. не сдѣлалъ имъ торжественнаго открытія). Для оцѣнки убытка каждаго лица избраны четыре зятя Цезаря: Кн. Домицій, Кассій Лонгинъ, М. Виницій, Рубеллій Бландъ, а, по назначенію консуловъ, прибавленъ П. Петроній; изобрѣтательность каждаго изъ нихъ была занята изысканіемъ и опредѣленіемъ почестей государю: какія изъ нихъ онъ оставилъ бы, а какія принялъ, было неизвѣстно вслѣдствіе близкаго конца жизни. Немного спустя послѣ кончины Тиберія, консулы Кн. Ацерроній и К. Понтій вступили въ отправленіе должности; а могущество Макрона было уже слишкомъ велико; онъ день ото дня заискивалъ болѣе и болѣе расположенія въ К. Це-

зарѣ, которымъ никогда не пренебрегалъ и побудилъ послѣ смерти Клавдіи, о которой замужствѣ за него я говорилъ—жену свою Еннію прельстить молодаго человѣка, напустивъ на него любовь и скрѣпить брачнымъ договоромъ, а ни отъ чего бы не отказался К. Цезарь, пока домогался лишь власти, потому что онъ, хотя и раздражительнаго характера, но всю ложь притворства изучилъ въ груди дѣда. Извѣсттно было это государю, а потому сначала колебался—не передать ли власть внукамъ: изъ нихъ рожденный Друзомъ былъ ближе и по крови, и по расположенію, но не достигъ еще возраста возмужалости; а сынъ Германика имѣлъ на своей сторонѣ и всю силу юности и любовь народа—достаточно причинъ для ненависти дѣда. Даже и о Клавдіѣ онъ было подумывалъ—такъ какъ онъ уже лѣтъ зрѣлыхъ, искренно желалъ дѣйствовать хорошо—но слабость уже умственныхъ способностей воспрепятствовала. Если же бы онъ попытался искать преемника внѣ своего дома, опасался—какъ бы память Августа и имя Цезарей не сдѣлались предметомъ поруганія и насмѣшки, потому что онъ принималъ въ соображеніе не столько то, что лучше въ настоящемъ, сколько честолюбіе относительно потомковъ. Но скоро ни на что не рѣшаясь въ душѣ, а слабѣя, тѣмъ рѣшеніе, которое ему было не подъ силу, предоставилъ судьбѣ. Впрочемъ вырывались у него слова, которыми давалъ разумѣть, что предвидѣлъ будущее, такъ Макрона, не скрывая намекъ, попрекнулъ: Западъ ужь онъ покидаетъ, а обратился къ Востоку. «А К. «Цезарю, въ случайно зашедшемъ разговорѣ насмѣхавшемуся надъ «Л. Суллою, предрекъ, что онъ будетъ имѣть всѣ пороки Суллы «и ни одной его добродѣтели.» Вмѣстѣ съ обильными слезами обнимая младшаго изъ внуковъ при чемъ другой смотрѣлъ мрачно, сказалъ: «ты убьешь этого, а тебя кто нибудь другой.» Но здоровье становилось хуже, а онъ не опускалъ ничего изъ своихъ прихотей, терпѣніемъ стараясь придать себѣ видъ крѣпости силъ. Имѣлъ онъ обыкновеніе обращать въ шутку искусство медиковъ или тѣхъ, которые послѣ тридцатилѣтняго знакомства съ его сложеніемъ, обнаруживали необходимость въ ~~посѣ~~щеніи съ другими для узнанія того, что ему полезно и что вредно.

47. А между тѣмъ въ Римѣ разбрасывали сѣмена казней, которыя должны были совершиться послѣ Тиберія. Лелій Бальбъ потребовалъ на судъ въ оскорбленіи величества Акуцію, нѣкогда жену П. Вителлія; по осужденіи ея, когда толковали объ опре-

дѣленіи награды обвинителю, Юній Отто, трибунъ народный, воспротивился. Вслѣдствіе этого между ними ненависть, а вслѣдъ за тѣмъ изгнаніе Оттона. Потомъ Альбуцилла, заслужившая извѣстность многими любовными интригами—а въ супружествѣ была она за Сатріемъ Секундомъ, доносчикомъ заговора—уличается въ непочтеніи къ государю. Запутаны были какъ соучастники и соблазнители ея: Кн. Домицій, Вибій Марсъ и Л. Аррунцій. Объ извѣстности Домиція я говорилъ выше; Марсъ знаменитъ былъ своими учеными занятіями и давно полученными почестями. Записка, присланная въ сенатъ, извѣщала, что Макронъ завѣдывалъ допросомъ свидѣтелей, пытками рабовъ. Совершенное отсутствіе письма Императора противъ нихъ давало поводъ къ подозрѣнію, что онъ былъ нездоровъ, а даже, можетъ быть, и вовсе не зналъ; а большая часть (обвиненій) была вымышленная вслѣдствіе извѣстной недружбы Макрона къ Аррунцію.

48. Домицій, обдумывая защиту, а Марсъ, какъ будто бы рѣшась уморить себя голодомъ—продлили себѣ жизнь; Аррунцій—когда друзья его совѣтовали ему медлить и продлить время, далъ имъ такой отвѣтъ: «не всѣмъ одно и тоже прилично; ему «уже довольно лѣтъ (жизни) и если онъ о чемъ либо жалѣетъ, «то о томъ, что съ терпѣніемъ выносилъ тревожимую опасно-«стями и насмѣшками старость, долгое время Сеяну, теперь Мак-«рону, а постоянно кому либо изъ могущественныхъ ненавистный, «не по его винѣ, но потомучто не могъ равнодушно смотрѣть «на злодѣянія. Конечно возможно уклониться отъ немногихъ и «послѣднихъ дней государя, но какъ уйдти отъ юности имѣю-«щаго вступить? И если Тиберій послѣ такой опытности въ дѣ-«лахъ, силою господства сраженъ и измѣненъ, то за лучшее ли «возмется К. Цезарь, чуть только вышедшій изъ дѣтства, «ничего незнающій или напитанный всѣмъ что есть дурнаго—«имѣя Макрона руководителемъ? А тотъ, какъ худшій, будучи «избранъ для подавленія Сеяна, многими преступными дѣйствіями «причинилъ вредъ государству. Предвидитъ онъ еще худшее «рабство, а потому вмѣстѣ хочетъ избѣгнуть и отъ настоящаго «и отъ будущаго». Высказавъ это въ видѣ прорицателя разрѣзалъ себѣ жилы. Послѣдующее послужитъ доказательствомъ, что Аррунцій хорошо воспользовался смертью. Альбуцилла, ранивъ сама себя безуспѣшнымъ ударомъ, по приказанію сената, отнесена въ тюрьму. Соучастники ея распутства приговорены: Карсидій Садерцосъ, бывшій преторъ, быть отправленнымъ въ

ссылку на островъ, а Понтій Фрегелланъ—къ лишенію сенаторскаго званія, а Леллій Бальбъ—къ смертной казни. Впрочемъ этотъ послѣдній приговоръ сдѣланъ съ радостью, потому что краснорѣчіе Бальба было ненавистно; онъ его обращалъ противъ невинныхъ.

49. Въ это же время Секстъ Папиній, изъ консульскаго семейства, избралъ себѣ конецъ внезапный и безобразный, бросившись въ пропасть. Причину относили къ матери: она, давно уже отвергнутая мужемъ, баловствомъ и роскошью побудила молодаго человѣка къ тому, чему исхода найдти онъ не могъ ни въ чемъ кромѣ смерти. А потому, когда она обвинена была передъ сенатомъ, то хотя и валялась въ ногахъ сенаторовъ, подробно излагая, что горе общее и что духъ женщины въ такихъ случаяхъ гораздо слабѣе мущины; многое съ цѣлью вызвать печаль и состраданіе высказала она объ этомъ горестномъ предметѣ; впрочемъ на десять лѣтъ ей воспрещенъ въѣздъ въ городъ, пока меньшій сынъ уйдетъ отъ соблазновъ юности.

50. Уже Тиберію измѣняли тѣлесныя силы, но не притворство; тотъ же непреклонный духъ: внимательный и къ словамъ и къ выраженію лица, даже изысканною иногда вѣжливостью прикрывалъ самую явную слабость (силъ). Чаще (обыкновеннаго) перемѣняя мѣста, остановился наконецъ у Мизенскаго мыса въ загородномъ домѣ, нѣкогда принадлежавшемъ Л. Лукуллу. Тутъ то, что приходитъ ему послѣдній часъ, узнано было такимъ образомъ: былъ медикъ, знаменитый своимъ искуствомъ, по имени Хариклесъ; конечно онъ не постоянно слѣдилъ за здоровьемъ государя, но подавалъ ему обыкновенно совѣты. Онъ какъ бы удаляясь по собственнымъ дѣламъ и подъ видомъ почтенія, цѣлуя руку, коснулся пульса; но не обманулъ Тиберія. А тотъ неизвѣстно—обидѣлся ли, но тѣмъ сильнѣе сдерживая негодованіе велѣлъ приготовить пиршество и принялъ въ немъ участіе сверхъ обыкновеннаго, какъ будто бы въ честь отъѣзжавшаго пріятеля. Хариклесъ, впрочемъ, завѣрилъ Макрона, что жизнь его оставляетъ и не протянетъ онъ больше двухъ дней; а потому спѣшили все устроить переговорами съ находившимися на лицо и гонцами съ легатами и войсками. Въ 17 день апрѣльскихъ календъ пересталъ дышать и всѣ подумали что покончилъ онъ съ жизнью. При большемъ стеченіи поздравителей К. Цезарь выходилъ уже начать первыя дѣйствія правленія; какъ вдругъ даютъ знать, что Тиберію возвратились: и голосъ, и зрѣніе, и зоветъ

онъ—подать ему пищу, подкрѣпить слабыя силы. Страхъ овладѣлъ всѣми; прочіе тотчасъ же разбѣжались и каждый притворялся или печальнымъ или незнающимъ. Цезарь упорно молчалъ; послѣ самыхъ высокихъ надеждъ ждалъ гибели. Неустрашимый Макронъ отдаетъ приказаніе—задушить старика, набросивъ много платья и уйдти отъ порога. Такъ скончался Тиберій, на семьдесятъвосьмомъ году отъ роду.

51. Отцомъ его былъ Неронъ, и по отцу и матери происходилъ онъ изъ рода Клавдіевъ, хотя мать перешла усыновленіемъ въ родъ сначала Ливіи, а потомъ Юлія. Съ перваго дѣтства судьба его была двойная: изгнанникомъ послѣдовалъ онъ за осужденнымъ отцемъ и, когда вошелъ пасынкомъ въ семейство Августа, былъ предметомъ преслѣдованія многихъ соперниковъ, пока были въ силѣ сначала Марцеллъ и Агриппа, потомъ Кайй и Луцій. Даже братъ его Друзъ имѣлъ болѣе расположенія со стороны гражданъ. Но въ особенности скользкое его положеніе было, когда онъ взялъ въ супружество Юлію, причемъ онъ сносилъ безстыдство жены или уклонялся отъ него. Потомъ, по возвращеніи изъ Родоса, въ теченіи 12 лѣтъ былъ полнымъ хозяиномъ въ опустѣвшемъ домѣ государя и въ теченіи 23 лѣтъ былъ распорядителемъ дѣлъ Римскихъ. Да и нравственный характеръ его былъ по времени различный: отличные и образъ жизни его и репутація пока былъ частнымъ человѣкомъ или и съ властью, но подъ рукою Августа. Скрытнымъ и съ маскою ложныхъ добродѣтелей, пока живы были Германикъ и Друзъ; такимъ же, представляя смѣсь добра и зла, пока жива была мать; ненавистный жестокостью, но скрывая свои дурныя страсти, пока Сеяна и любилъ и опасался; наконецъ разомъ бросился и на преступленія и пороки, когда, отложивъ стыдъ и боязнь, пользовался только своимъ умомъ.

КНИГА ОДИНАДЦАТАЯ.

Содержаніе. Глава 1.—3. Валерій Азіатикъ, обвиненный Сулліемъ и Созибіемъ, гибнетъ жертвою коварства Мессалины и Вителлія и умираетъ весело.—4. Сонъ—поводъ къ жестокости.—5. Противъ обмана адвокатовъ сильно домогаются за-

кона Цинціева.—6.—7. Наградамъ за покровительство полагаетъ мѣру государь.—8. Несогласіе у Парѳовъ. Готарцесъ разбитый возобновляетъ силы.—9. Заключаетъ миръ съ Барданомъ.—10. А тутъ, побѣдителемъ, умерщвленъ своими.—11. Игры вѣковыя. Домицій Неронъ назначенъ властвовать.—12. Мессалина влюбляется страстно въ Силія.—13. Клавдій думаетъ совсѣмъ о другомъ, издаетъ законы, обнародуетъ новую форму литтеръ.—14. Объ изобрѣтателяхъ буквъ.—15. Клавдій утверждаетъ гадателей.—16. По просьбѣ Херусковъ дается имъ царемъ Италикъ.—17. Вслѣдъ за тѣмъ раздоръ о немъ народа и война.—18. Корбулонъ подавляетъ Хавковъ, возобновившихъ было войну; строго дѣйствуетъ въ отношеніи къ воинамъ.—19. Устраиваетъ дѣла у Фризовъ, убиваетъ Ганнаска.—20. Усердіе его умѣряется Клавдіемъ; проводитъ ровъ (каналъ) между Мозелемъ и Рейномъ. Даны ему почести тріумфа.—21. Также и Курцію Руфу.—22. Ноній погибаетъ. О зрѣлищѣ гладіаторовъ и о квесторахъ.—23. Галлы домогаются полнаго гражданства и—24. покровительствуемые государемъ,—25. получаютъ, и прежде всего Эдуи. Дополнены патриціи; сдѣлана перепись.—26. Мессалина, обезумѣвъ отъ любви—27. явно выходитъ замужъ за Силія.—28. Приходятъ въ смущеніе придворные.—29.—30. Нарциссъ доноситъ объ этомъ дѣлѣ черезъ распутныхъ женщинъ.—31. Клавдій трепещетъ, а Мессалина празднуетъ Вакху;—32. приготовляется просить черезъ весталокъ.—33. Нарциссъ возбуждаетъ медлившаго государя,—34. отклоняетъ просьбы,—35.—36. виновныхъ, и въ томъ числѣ Мнестера, требуетъ наказанія.—37.—38. Мессалину при нерѣшительности государя, безъ его вѣдома, принимаетъ мѣры убить..

Совершилось все это въ теченіи почти двухъ лѣтъ, въ консульство: К. Валерія Азіатика, М. Валерія Мессалы, А Вителлія, Л. Випсанія.

......такъ какъ она была того убѣжденія, что Валерій Азіатикъ два раза бывшій консуломъ, былъ нѣкогда ея соблазнителемъ; а также сильно домогалась она его садовъ: начатые Лукулломъ, онъ ихъ украсилъ изящною роскошью. Для обвиненія того и другаго напускаетъ Суллія. Присоединенъ Созибій, воспитатель Британника; онъ, подъ видомъ доброжелательства, долженъ былъ внушить Клавдію: «остерегаться силы и богатствъ, враждебныхъ государямъ; «главнымъ виновникомъ убіенія Цезаря былъ Азіатикъ: не оробѣлъ «передъ стеченіемъ народа Римскаго, сознался въ своемъ поступкѣ «и самъ искалъ за него славы. Заслужилъ онъ этимъ извѣстность «въ городѣ; слухъ о томъ распространился и по провинціи, гото-«вится онъ въ дорогу къ Германскамъ войскамъ: а между тѣмъ, «родясь въ Віеннѣ, опираясь на множество сильныхъ родственниковъ, «всего удобнѣе онъ можетъ возмутить чужестранные народы». А Клавдій, безо всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, поспѣшно посылаетъ съ воинами какъ бы на военныя дѣйствія Криспина, префекта преторія. Тотъ нашелъ Азіатика въ Баіяхъ и, заключивъ въ оковы, повлекъ въ городъ. И не дали ему возможности оправдываться передъ сенатомъ. Выслушанъ онъ въ спальнѣ: передъ Мессалиною и Суиліемъ ставили ему въ вину: развращеніе воиновъ, которыхъ онъ деньгами и распутствомъ изготовилъ на всѣ преступленія, потомъ связь съ Попеіей и наконецъ изнѣженность тѣла. — На это, прервавъ молчаніе, подсудимый высказался: «спроси, Суиллій, сы-«новей своихъ, сознаютъ, что я мущина». Начавъ защиту, растрогалъ въ высшей степени Клавдія, а у Мессалины даже извлекъ слезы. Уходя изъ спальни, чтобы омыть ихъ, предупреждаетъ Вителлія, чтобы отнюдь не выпускалъ подсудимаго; а сама спѣшитъ на погубленіе Поппеи, подославъ людей, которые, угрожая тюрьмою, побудили ее къ добровольной смерти. До такой степени не зналъ этого Цезарь, что немного дней спустя обѣдавшаго у него мужа ея, Сципіона, спросилъ: «почему онъ явился безъ жены»? «Умерла» — отвѣтилъ тотъ. Но когда совѣтовался объ освобожденіи Азіатика, Вителлій, съ плачемъ припомнивъ старую дружбу и то, какъ они вмѣстѣ чтили Антонію, мать Государя, изложилъ потомъ услуги Азіатика общественному дѣлу и недавній походъ въ Британнію и многое иное повидимому для возбужденія состраданія, предоставилъ ему свободный выборъ рода смерти. Затѣмъ послѣдовали и слова Клавдія въ духѣ тогоже милосердія. Совѣтовали нѣкоторые воздержаніе отъ пищи и медленный конецъ — Азіатикъ имъ сказалъ, что онъ отказывается отъ такой милости. Послѣ обычныхъ, какъ

и всегда упражненій, омывъ тѣло, весело пировалъ, сказавъ: что честнѣе погибъ бы онъ отъ хитрости Тиберія или вспыльчивости К. Цезаря, чѣмъ отъ женскаго коварства и безстыдныхъ устъ Вителлія. Разрѣзалъ себѣ жилы: но увидя передъ этимъ костеръ велѣлъ его перенесть въ другую сторону, «дабы густота деревьевъ «не пострадала отъ жару огня». Столько у него было беззаботности и въ минуту кончины. Созваны послѣ того сенаторы и Суилій идетъ далѣе, присоединивъ какъ подсудимыхъ всадниковъ Римскихъ знатныхъ, по прозванію Петра; а причина ихъ казни то, что домъ свой давали для свиданій Валерія и Поппеи. Впрочемъ одному изъ нихъ поставили въ вину грезы ночнаго успокоенія: «будто бы онъ видѣлъ Клавдія въ вѣнкѣ изъ колосьевъ съ ко«лосьями обращенными внутрь и будто бы онъ сказалъ, что это «видѣніе предвѣщаетъ дороговизну хлѣба». А нѣкоторые передаютъ, что видѣлъ вѣнокъ изъ виноградныхъ, но побѣлѣвшихъ листьевъ и что онъ это объяснялъ такъ, что съ наступленіемъ осени умретъ государь. Одно только то внѣ сомнѣнія, что сонное видѣніе, какое бы оно ни было, ему и брату условило гибель. Криспину опредѣлены: пять милліоновъ сестерцій и украшенія претуры. Вителлій прибавилъ милліонъ сестерцій Созибію за содѣйствіе Британнику наставленіями, а Клавдію совѣтами. Спрошенный о мнѣніи Сципіонъ: «такъ какъ я раздѣляю образъ мыслей другихъ относительно «поступковъ Поппеи то считайте, что я тоже говорю (объ этомъ «предметѣ) что и другіе—ловко лавировалъ между любовью къ «супругѣ и обязанностями сенатора».

5. Вслѣдствіе этого Суилій сталъ постоянно и строго обвинять подсудимыхъ и много явилось соревнователей его смѣлой дѣятельности. Такъ какъ государь, сосредоточивая на себѣ всѣ обязанности законовъ и высшихъ сановниковъ—подалъ поводъ (къ грабительству) хищенію. И врядъ ли изъ предметовъ общественной торговли было что-либо такъ продажно, какъ коварство адвокатовъ; въ такой степени что Самій, знаменитый всадникъ Римскій, давъ Суилію 400 тысячь денегъ и узнавъ о его сдѣлкѣ съ противною стороною—въ его же домѣ бросился на мечь. Вслѣдствіе этого, по начину К. Силлія, назначеннаго консула, о могуществѣ и гибели котораго упомяну въ свое время, сенаторы встали и потребовали Цинціева закона, а имъ издревле предусмотрѣно: «дабы никто, за защиту дѣла, не бралъ ни денегъ, ни подарковъ». Потомъ, при ропотѣ тѣхъ, которымъ готовилось это посрамленіе, враждебный Суилію, Силлій сильно налегъ (на это дѣло) ссылаясь

на примѣры древнихъ ораторовъ, которые имѣли въ виду славу въ потомствѣ—лучшую награду краснорѣчія, а теперь главное изъ изящныхъ искуствъ опозорено гнусною наемною платою; даже и вѣрность не остается безупречною тамъ, гдѣ имѣется въ виду только количество прибыли. Еслибы въ дѣлахъ не было расчета на денежную выгоду, то и дѣлъ было бы меньше; теперь развиваются недружбы, обвиненія, ненависти и оскорбленія; точно также, какъ болѣзни даютъ деньги докторамъ, такъ развращеніе, порча форума доставляетъ ихъ одвокатамъ. Пусть припомнятъ К. Азинія и Мессалу Аррунція и Эзернина; они достигли самаго высокаго положенія безпорочною жизнью и краснорѣчіемъ. Такъ говорилъ назначенный консулъ, соглашались съ нимъ и другіе, готовилось мнѣніе, по которому долженъ былъ имѣть тутъ примѣненіе законъ о взяткахъ. Тутъ Суилій, Коссуціанъ и прочіе, видя, что постановляется уже не сужденіе (потому что всѣ они были въ виду), но наказаніе, обступили Цезаря, прося снисхожденія за то, что дѣлалось прежде. А когда онъ согласился, начинаютъ представлять ему: «кто можетъ имѣть столько самоувѣренности, чтобы надеждою «предвосхищать вѣчность славы? Въ дѣлахъ же и событіяхъ жиз«ни является помощь, дабы никто, за отсутствіемъ защитника «(адвоката), не былъ готовою добычею людей могущественныхъ. «Да и красночѣчіе не дается даромъ: оставляетъ свои собствен«ныя, кто посвящаетъ себя чужимъ дѣламъ; многіе въ военной «службѣ, а нѣкоторые въ занятіи земледѣліемъ снискиваютъ сред«ства къ жизни. Никто не станетъ стремиться къ тому, въ чемъ «ранѣе не предвидитъ пользы. Легко было быть великодушными— «Азинію и Мессалѣ, обогатившимися добычею войнъ, бывшихъ «между Августомъ и Антоніемъ или Эзернинамъ и Аррунціямъ, «наслѣдникамъ богатыхъ семействъ; но готовы и у нихъ примѣры, «за какую плату обыкновенно говорили въ народномъ собраніи «П. Клодій или К. Куріо; а они, сенаторы, съ средствами умѣ«ренными: при спокойномъ состояніи общественныхъ дѣлъ, не могутъ «искать прибыли иначе какъ мирными средствами. Пусть поду«маетъ и о простомъ народѣ, которому единственное средство воз«вышенія—гражданская дѣятельность; если же не будетъ награды «за занятія, то и самыя занятія погибнутъ. — Находя все это «хотя и менѣе честнымъ, но все же высказаннымъ не напрасно. «Государь положилъ предѣлъ взысканію денегъ до десяти тычячь «сестерціевъ, а сверхъ этого размѣра должны были отвѣчать какъ «за взятки».

8. Около этого времени Митридатъ, о которомъ я упоминалъ, что онъ начальствовалъ въ Арменіи и былъ вызванъ явиться къ Цезарю, по убѣжденію Клавдія, отправился въ свое царство, полагаясь на средства Фаразмана. Онъ, царь Иберовъ и братъ Митридата, давалъ вѣсть, что у Парѳовъ несогласіе, недоумѣніе насчетъ верховной власти, а о прочемъ менѣе важномъ и заботы нѣтъ. Такъ какъ вслѣдствіе многихъ жестокихъ поступковъ Готарцеса (онъ приготовилъ убійство брату Артабану, женѣ его и сыну, а оттого страхъ напалъ и на прочихъ) призвали Бардана. Онъ готовый на смѣлыя и важныя предпріятія, въ два дни прошелъ три тысячи стадій и сбилъ ничего незнавшаго и пришедшаго въ ужасъ Готарцеса: да и не медлитъ—занять ближайшія префектуры; одни лишь Селевкійцы отказали ему въ повиновеніи. Раздраженный противъ нихъ какъ противъ измѣнившихъ и отцу его, болѣе слѣдуя влеченію гнѣва, чѣмъ расчетамъ что ему было нужнѣе въ настоящемъ, берется за осаду города сильнаго, укрѣпленнаго и заграждавшею его рѣкою, и стѣнами и съ обезпеченными подвозами. Между тѣмъ Готарцесъ, усилясь вспоможеньемъ Даговъ и Гирканов, возобновляетъ войну, и Барданъ, вынужденный оставить осаду Селевкіи, перенесъ лагерь въ Бактріанскія равнины.

9. Тутъ-то, когда силы Востока были развлечены въ разныя стороны и неизвѣстно было—въ какую они обратятся сторону—Митридату представился случай занять Арменію при содѣйствіи Римскихъ воиновъ для сокрушенія твердынь крѣпостей, между тѣмъ какъ Иберское войско дѣйствовало въ мѣстахъ ровныхъ. Да и Армяне не оказывали сопротивленія послѣ того какъ разбитъ Демонактъ префектъ, дерзнувшій на сраженіе. Немного замедленія причинилъ было Котисъ, царь Малой Арменіи, къ которому обратились нѣсколько знатныхъ лицъ, но образумленъ письмомъ Цезаря и обратилось къ Митридату, болѣе жестокому, чѣмъ-то было въ пользу его новому еще правленію. Парѳскіе вожди уже приготовлялись къ бою, какъ вдругъ заключаютъ союзный договоръ, узнавъ коварный замыселъ ихъ соотечественниковъ, открытый самимъ Готарцесомъ брату, и, сойдясь, сначала медлятъ, потомъ взялись правыми руками и дали другъ другу клятву передъ олтаремъ боговъ: «отмстить врагамъ за ихъ коварство, а другъ другу уступить». Барданесъ признанъ болѣе имѣющимъ право —сохранить власть, а Готарцесъ, чтобы не оставалось и тѣни соперничества, удалился въ глубь Гирканіи. По возвращеніи Барданеса къ Селевкіи, она сдалась на седьмой годъ послѣ ея отпаденія, не безъ стыда для

Пареовъ, отъ власти коихъ столько времени ускользалъ одинъ городъ.

10. Затѣмъ онъ занялъ сильнѣйшія префектуры и домогался снова захватить Арменію, но былъ удержанъ Вибіемъ Марсомъ, легатомъ Сиріи, грозившимъ войною. Между тѣмъ Готарцесъ, раскаясь, что уступилъ царство и призываемый назадъ дворянствомъ, которому рабство въ мирное время тяжеле, собралъ войска; ему на встрѣчу вышли къ рѣкѣ Ериндy. При переходѣ черезъ нее произошла упорная борьба, наконецъ Барданесъ побѣдилъ и въ счастливыхъ битвахъ покорилъ всѣ народы, жившіе до рѣки Синда, отдѣляющей Даговъ и Аріевъ. Тутъ-то положенъ предѣлъ удачнымъ дѣйствіямъ, потому что Пареы, хотя побѣдители, не любили отдаленныхъ походовъ. А потому, воздвигнувъ памятникъ, свидѣтельствовавшій о его силахъ и о томъ, что еще никто изъ Арзакидовъ не бралъ еще дани съ этихъ народовъ—возвратился назадъ. Громадную славу пріобрѣлъ Барданесъ и оттого сдѣлался только жесточе и невыносимѣе для подвластныхъ. Они, составивъ прежде коварный умыселъ, убили его неостерегшагося и занимавшагося охотою, въ ранней юности стяжалъ, онъ славу рѣдкую и между престарѣлыми царями, если бы онъ столько же заботился о любви соотечественниковъ, сколько о томъ, чтобъ быть грозою непріятелей. Вслѣдствіе смерти Барданеса пришли въ замѣшательство дѣла Пареянъ, нерѣшавшихся кого принять на царство. Многіе склонялись къ Готарцесу, а нѣкоторые къ Мегердату, сыну Фраата, отданному намъ въ заложники. Потомъ имѣлъ перевѣсъ Готарцесъ, и, овладѣвъ царскимъ дворцомъ, жестокостью и роскошью вынудилъ Парфовъ послать къ государю Римскому съ тайными просьбами—отпустить Мегердата на отеческій престолъ.

11. При тѣхъ же консулахъ даны (вѣковыя) столѣтнія игры на восьмисотомъ году послѣ построенія Рима и на шестьдесятъ четвертомъ послѣ того, какъ ихъ далъ Августъ. Основанія, которыя имѣли тотъ и другой государь опускаю, достаточно изложивъ ихъ въ книгахъ, въ которыхъ я изложилъ дѣянія императора Домиціана, такъ какъ и онъ давалъ вѣковыя игры и я при нихъ присутствовалъ со вниманіемъ облеченный саномъ жреца изъ коллегія пятнадцати и въ то время претора; объ этомъ упоминаю я не изъ тщеславія, но потому что коллегіи пятнадцати издревле принадлежала эта забота, а сановники преимущественно исполняли обязанности обрядовъ. Сидѣлъ и Клавдій во время игръ въ циркѣ, когда молодые знатные лю-

ди на коняхъ представили зрѣлище Троянское и между ними Британникъ, сынъ императора и Л. Домицій, черезъ усыновленіе вскорѣ потомъ пріобщенный къ (участію) власти и прозванію Нерона. Расположеніе простаго народа высказалось сильнѣе къ Домицію, что и принято вмѣсто предзнаменованія. Толковали «будто въ дѣтствѣ окружали его драконы въ видѣ стражей». Все это были басни въ подражаніе иноземнымъ чудеснымъ явленіямъ, такъ какъ и онъ самъ, ужь очень далекій отъ уменьшенія собственной славы, имѣлъ обыкновеніе разсказывать, что только одного ужа видѣлъ въ спальнѣ.

12. Но расположеніе народа оставалось при немъ въ память Германика, котораго онъ былъ единственнымъ потомкомъ мужескаго пола. И состраданіе къ матери его Агриппинѣ росло по мѣрѣ жестокости Мессалины: постоянно ей враждебная, а въ то время еще раздражительнѣе и, если только не приготовляли новыхъ обниненій и обвинителей, то, отдавшись новой и близкой къ безумію любви. Она до того воспылала страстью къ К. Силію, красивѣйшему изъ молодыхъ людей Рима, что Юнію Силану, женщину знатнаго рода, удалила отъ брачнаго съ нимъ сожитія для того, чтобы имѣть въ своей власти нераздѣльно обольстителя. Силій сознавалъ и преступленіе и опасность, но увѣренный въ гибели, еслибы отказалъ Мессалинѣ, питалъ еще нѣкоторую надежду увернуться: потомъ же осыпаемый большими наградами считалъ утѣшеніемъ—дожидаться будущаго и пользоваться настоящимъ. А она не украдкою, но съ большою свитою приходила къ нему въ домъ, не отставала отъ него и когда онъ выходилъ, осыпала его богатствами, почестями; наконецъ, какъ бы уже и самая судьба измѣнилась, рабы, отпущенники, вся пышность государя показались при соблазнителѣ.

13. А. Клавдій, какъ бы не зная женатъ ли онъ, взявъ на себя обязанности цензора, строгими едиктами порицалъ: «своеволіе народа въ театрѣ за то, что тотъ высказалъ бранныя слова противъ П. «Помпонія, бывшаго консула (онъ назначалъ произведенія на сцену), и знатныхъ женщинъ.»—И изданнымъ закономъ обуздалъ притѣсненія кредиторовъ, установивъ, чтобы они не давали изъ процентовъ денегъ молодымъ людямъ семействъ, расчитывая на смерть родителей. Родниковую воду, проведя отъ Симбруинскихъ холмовъ, ввелъ въ городъ. Новыя формы буквъ присовокупилъ и обнародовалъ, узнавъ основательно, что и грамотность Грековъ не разомъ началась и пришла въ совершенство,

14. Первые Египтяне изображеніемъ животныхъ старались передать умственныя понятія (эти древнѣйшіе памятники умственной дѣятельности человѣка, видны напечатлѣнными на камняхъ) и они (Египтяне) выдаютъ себя за изобрѣтателей буквъ. Потомъ Финикіяне, преобладая на морѣ, внесли въ Грецію и стяжали славу какъ будто бы сами изобрѣли то, что получили отъ другихъ. Дѣйствительно есть слухъ, будто бы Кадмъ, прибывшій на Финикійскомъ флотѣ, былъ изобрѣтателемъ искусства письменности для еще необразованныхъ народовъ Греціи. Нѣкоторые упоминаютъ, будто Кекропсъ Аѳинянинъ или Линъ Ѳивянинъ, а во времена Троянскія Паламедъ Аргивецъ—изобрѣли шестнадцать (формъ) фигуръ буквъ; а впослѣдствіи другіе, въ особенности же Симонидъ, придумали другіе.» Въ Италіи Херуски выучились имъ отъ Коринѳянина Демарата, а Аборыгены отъ Аркадійца Евандра и форма письменъ латинскихъ была таже, что древнѣйшихъ Греческихъ. Да и у насъ сначала было ихъ не много, потомъ прибавлены. По этому примѣру Клавдій прибавилъ три буквы; они были въ употребленіи, пока онъ властвовалъ, впослѣдствіи забыты и понынѣ ихъ видно на мѣдной доскѣ для объявленія народныхъ приговоровъ, прикрѣпленной на площадяхъ и храмахъ.

15. Потомъ Клавдій обратилъ вниманіе сената на коллегій гадателей: «какъ бы древнѣйшая наука Италіи не пришла въ «забвеніе, вслѣдствіе безпечности. Нерѣдко, при неблагополуч«ныхъ обстоятельствахъ государства, приглашаемы были люди, по «наставленію которыхъ возстановлялись обряды и на будущее вре«мя соблюдаемы были правильнѣе. Старѣйшины Етрурскіе, сами «собою или побуждаемые сенаторами Римскими, сохранили эти зна«нія и передали ихъ въ семейства. А теперь все это исполняет«ся небрежнѣе, вслѣдствіе общаго равнодушія къ хорошимъ за«нятіямъ и распространенія иноземныхъ суевѣрій. Теперь въ на«стоящемъ все представляется въ радостномъ видѣ, но необходимо «принесть благодарность благоволенію боговъ, какъ бы свя«щенные обряды,—предметъ заботливости во времена трудныя—не «пришли въ забвеніе во времена благополучія.» Вслѣдствіе этого состоялся сенатскій декретъ: «пусть озаботятся первосвященники «тѣмъ, что относительно гадателей нужно удержать и утвер«дить.»

16. Въ этомъ же году народъ Херусковъ просилъ себѣ царя изъ Рима; во внутреннихъ войнахъ утратили они знатнѣй-

шихъ лицъ и остался только одинъ потомокъ царскаго рода; держали его въ Римѣ и назывался онъ Италикомъ. По отцу происходилъ онъ отъ Флавія, брата Арминіева, и мать была дочерью Каттумера, государя Каттовъ; самъ красивой наружности, отлично владѣлъ лошадью и оружіемъ, по отеческому и нашему обычаю. А потому Цезарь, осыпавъ его деньгами и давъ ему свиту, убѣждалъ: «съ возвышенными мыслями взяться за на-«слѣдственную почесть. Онъ первый, родясь въ Римѣ, не залож-«никомъ, а гражданиномъ, отправляется на чужеземное господ-«ство.» Сначала прибытіе его было радостно Германцамъ и тѣмъ болѣе, что, чуждый всѣмъ несогласіямъ, былъ ко всѣмъ одинаково внимателенъ: прославляли его, ухаживали за нимъ; а онъ то былъ обходителенъ и соблюдалъ умѣренность, что никому не можетъ быть противнымъ, а чаще пускался въ пьянство и распутство, пріятныя дикарямъ. Уже и у близкихъ, и у дальныхъ народовъ пронеслась о немъ слава, какъ тѣ, которые цвѣли партіями — подозрительно смотря на могущество Италика уходятъ къ сопредѣльнымъ народамъ и свидѣтельствуютъ: «отнимается у «Германіи ея древняя свобода и увеличивается вліяніе Римлянъ. «Неужели до такой степени изъ рожденныхъ въ одной и той «же землѣ нѣтъ никого—занять первенствующее мѣсто, кромѣ «потомка лазутчика Флавія, возвысившагося надъ всѣми? Вотще «упоминаютъ имя Арминія, если бы сынъ его, взросши въ не-«пріятельской землѣ, прибылъ на царство, то могъ бы внушить «опасенія, какъ зараженный чужестранными пищею, службою, об-«разомъ жизни и вообще всѣмъ. Да еслибы Италикъ и наслѣ-«довалъ отцовскій образъ мыслей, то врядъ ли кто когда нибудь «враждебнѣе отца его обращалъ оружіе противъ отечества и бо-«говъ домашнихъ.»

17. Такими, и въ этомъ родѣ, убѣжденіями собрали большія войска, а не меньшіе сопровождали Италика; о немъ припоминали: «не противъ ихъ воли навязался онъ, но приглашенъ». И если знатностью рода превосходитъ онъ другихъ, то пусть испытаютъ и его доблесть — покажетъ ли онъ себя достойнымъ дяди Арминія и дѣда Каттумера. Да и нечего ему краснѣть за отца, что онъ, съ согласія Германцевъ, вступивъ въ отношенія вѣрности къ Римлянамъ, ни разу ихъ не нарушилъ. Лживо прикрываются словомъ свободы тѣ, которые, какъ частные люди, измѣнили своему происхожденію, какъ общественные дѣятели пагубны и всѣ надежды свои возлагаютъ только на раздоры.—

Простой народъ подтверждалъ это усердно своими криками и въ большомъ сраженіи между дикарей побѣдилъ царь; потомъ, вслѣдствіе удачъ, впалъ онъ въ гордость и изгнанъ; снова подкрѣпленный силами Лангобардовъ, и въ счастіи и въ несчастіи вредилъ дѣламъ Херусковъ.

18. Около этого же времени Хавки, вслѣдствіе отсутствія домашнихъ несогласій и смертью Санквинія обрадованные, сдѣлали, подъ предводительствомъ Ганнаска, вторженіе въ нижнюю Германію. Онъ родомъ Каннинефасъ, долго служилъ у насъ воиномъ вспомогательнымъ, потомъ сдѣлался перебѣжчикомъ и для грабежа на малыхъ судахъ, преимущественно опустошалъ берега Галліи, не безъизвѣстный о томъ, что они богаты, но невоинственны. А Корбулонъ, войдя въ провинцію съ большою заботливостью а потомъ и славою, началомъ которой былъ этотъ походъ, триремы привелъ русломъ Рейна, а прочія суда только по возможности какую они представляли, привелъ по заливамъ и каналамъ, подавилъ челноки непріятелей и прогналъ Ганнаска. А когда настоящее положеніе дѣлъ было достаточно устроено, легіоны, незнакомые съ трудами и занятіями и обрадованные опустошеніями, поставилъ на старую ногу: чтобы никто не оставлялъ строя и не начиналъ боя иначе какъ по приказанію; караулы, посты, обязанности службы денной и нощной, исполняемы были съ оружіемъ въ рукахъ. Говорятъ, что казнены смертью «одинъ «воинъ за то, что неопоясанный мечемъ подошелъ къ валу, а «другой за то, что вооруженный однимъ кинжаломъ, копалъ землю». Такія крайности, неизвѣстно можетъ быть и ложно придуманныя, брали начало отъ строгости вождя: это давало понять до какой степени былъ внимателенъ и неумолимъ къ важнымъ проступкамъ тотъ, котораго считали столь строгимъ и въ отношеніи къ маловажнымъ.

19. Впрочемъ такая гроза различно подѣйствовала на воиновъ и на враговъ: у нашихъ увеличивалось доблести, а у дикарей поубавилось дерзости. И народъ Фризіевъ, послѣ возмущенія, начавшагося пораженіемъ К. Апронія, непріязненный или неискренный въ вѣрности, давъ заложниковъ, поселился на земляхъ, назначенныхъ Корбулономъ. Онъ же установилъ имъ сенатъ, сановниковъ, законы; а чтобы они не уничтожили его распоряженій—усилилъ гарнизонъ. Онъ послалъ соблазнять старѣйшихъ Хавковъ къ покорности и вмѣстѣ нельзя ли хитростью подѣйствовать на Ганнаска; и не безуспѣшны и не безчестны

были коварные замыслы противу перебѣжчика и нарушителя вѣрности. Но убійство его взволновало умы Хавковъ, а Корбулонъ подалъ поводъ къ возмущенію, насколько онъ доброю у однихъ пользовался славою, настолько у другихъ мрачною: «зачѣмъ онъ «вызываетъ непріятеля? Неудача обратится на дѣло общественное; если же бы онъ сталъ дѣйствовать счастливо, то опасенъ «въ мирное время замѣчательный человѣкъ и въ высшей степени «непріятенъ государю недостойному». А потому Клавдій воспретилъ дальнѣйшія дѣйствія силою въ Германіи и даже отдалъ приказаніе всѣ вооруженные посты перевесть по сю сторону Рейна. Это письмо императора отдано Корбулону, когда ужъ онъ устроивалъ лагерь на непріятельской землѣ. Онъ, пораженный неожиданностью и хотя представилось его уму многое вмѣстѣ:—опасеніе со стороны императора, презрѣніе дикарей, насмѣшки союзниковъ, не сказалъ ничего болѣе кромѣ словъ: «счастливы были «прежніе вожди Римскіе!» и подалъ знакъ къ отступленію. А впрочемъ, чтобы воины не оставались праздными, онъ провелъ между Маасомъ и Рейномъ каналъ на протяженіи 23 миль, для того чтобы избѣгнуть непостоянства водъ океана. Впрочемъ, Цезарь, отказавъ въ возможности весть войну, благосклонно далъ знаки тріумфа. И не много спустя Курцій Руфъ достигъ той же почести за то, что онъ на Маттіакскомъ полѣ открылъ пещеру, гдѣ нашлись жилы серебра. Добыча была скудная—и не на долго, а для легіоновъ трудъ со вредомъ—вырывать ходы, сверху снимать тяжести и внизу копать землю. Изнуряемые такими работами воины—такъ какъ по многимъ провинціямъ приходилось имъ выносить подобное, составили безъименное письмо, отъ войскъ и въ немъ просили императора — кому онъ будетъ ввѣрять войска, тому пусть заранѣе дастъ почести тріумфа.

21. О происхожденіи Курція Руфа — о которомъ нѣкоторые утверждали даже, что онъ сынъ гладіатора, не стану приводить ложныхъ показаній, да и вникать въ истину какъ то совѣстно. Когда онъ возмужалъ, то, находясь въ свитѣ квестора, которому досталась Африка, когда въ городѣ Адруметѣ ходилъ одинъ по портикамъ середи дня опустѣлымъ, явилось передъ нимъ подобіе женщины природы выше человѣческой и услышалъ онъ слова: «ты, Руфъ, прійдешь въ эту провинцію проконсуломъ». Ободренный въ своихъ надеждахъ такимъ предзнаменованіемъ. отправился въ Римъ и деньгами друзей, а также и своимъ острымъ умомъ получилъ квестору, а потомъ и при знатныхъ со-

искателяхъ волею государя получилъ претуру и Тиберій низость его происхожденія прикрылъ слѣдующими словами: «мнѣ кажется «что Курцій Руфъ самъ отъ себя родился». Продолжительная послѣ того старость; къ высшимъ съ жалкою лестью, съ низшими надмененъ, а съ равными тяжелъ въ обращеніи, достигъ власти консула, знаковъ тріумфа и наконецъ управленія Африкою; тамъ и померъ и тѣмъ исполнилъ предвѣщаніе судьбы.

22. Между тѣмъ въ Римѣ безо всякой явной причины, да и впослѣдствіи такой открыть не могли, Кн. Ноній, всадникъ Римскій, найденъ опоясаннымъ мечемъ въ кружкѣ явившихся привѣтствовать государя. Когда его терзали пытками, то относительно себя не скрывалъ, а соучастниковъ не назвалъ, неизвѣстно утаивая ли ихъ (или таковыхъ и не было). При тѣхъ же консулахъ П. Долабелла подалъ мнѣніе: «гладіаторское зрѣлище «черезо всѣ года должно совершаться на деньги тѣхъ, которые «получатъ квестуру.» У предковъ это было наградою добродѣтели и всѣмъ гражданамъ: если они располагались на добрыя средства, дозволено было домогаться должностей; даже и возрастъ не принимался въ расчетъ, такъ что въ ранней юности получали и консульство, и диктатуру. Что же касается до квесторовъ, то они учреждены еще при господствѣ царей, что доказываетъ законъ, утвержденный народомъ по куріямъ, на который ссылается Л. Брутъ. Консуламъ оставалась власть выбирать ихъ; пока наконецъ и эта почесть стала зависѣть отъ народа. Сначала избраны Валерій Потитъ и Емилій Мамеркъ въ шестьдесятъ третьемъ году по изгнаніи Тарквиніевъ для завѣдыванія всѣмъ, что до войны относится; потомъ, по мѣрѣ развитія дѣлъ, прибавлены двое, которыхъ дѣятельность ограничивалась Римомъ. Потомъ удвоено число, когда Италія уже платила подати и присоединились платежи пошлинъ изъ провинцій. Вслѣдъ за тѣмъ, по закону Суллы, двадцать выбраны для пополненія сената, которому онъ передалъ судебную часть и, хотя всадникамъ она была возвращена, однако квестура по достоинству кандидатовъ или уступчивости тѣхъ, которые давали ее, давалось даромъ, пока по мнѣнію Долабеллы, стала какъ бы съ торговъ продаваться. При консулахъ А. Вителліѣ и Л. Випсаніѣ, когда толковали о пополненіи сената и старѣйшины Галліи—которая называется Комата, (долговолосая)—давно уже получившіе права союза и гражданства Римскаго, испрашивали право получать въ городѣ почести, то объ этомъ предметѣ былъ большой разнообразный

толкъ. Разными доводами старались подѣйствовать на государя; одни утверждали, что: «не до того изнемогла Италія, чтобы не «быть въ силахъ своему городу доставить сенатъ. Прежде по-«полняли туземцевъ единокровными народами, и не раскаивалась «въ томъ издревле республика. Не привесть ли еще примѣровъ, «какъ старинными нравами природа Римлянъ возбуждала ихъ «на добродѣтель и славу? Развѣ мало, что Венеты и Инсубры «вторглись въ курію, если будетъ введено туда цѣлое сборище «чужеродцевъ, какъ (готовое) порабощеніе? Какая же еще по-«честь будетъ для остальныхъ людей знатныхъ или если какой «бѣдный сенаторъ изъ Лаціума? Наполнятъ все тѣ богачи, ко-«торыхъ дѣды и прадѣды, вожди враждебныхъ народовъ вой-«ска наши поражали оружіемъ и силою; божественнаго Юлія оса-«дили у Алезіи. Это все недавнее, а что же, ежели коснуться «памяти тѣхъ, которые собственными руками Капитолій и жерт-«венники Римскіе .... воспользовались бы, конечно, наимено-«ваніемъ гражданства; и слѣдуетъ бросать на поруганіе почести «сенаторовъ, отличія должностныхъ лицъ».

24. Но такія и въ этомъ родѣ рѣчи не подѣйствовали на государя и немедленно онъ ихъ оспаривалъ и, созвавъ сенатъ, началъ такъ: «предки мои (изъ коихъ древнѣйшій Клавзъ, происхожденія «Сабинскаго одновременно принятъ и въ гражданство Римское и «роды патриціевъ) побуждаютъ меня дѣйствовать также по отно-«шенію къ общественному дѣлу, перенося сюда, что гдѣ либо бы-«ло лучшаго. Мнѣ не безъизвѣстно что Юлы изъ Альбы, Корун-«каніи изъ Камерія, Порціи изъ Тускула и не пускаясь въ из-«слѣдованіе глубокой древности, въ сенатъ призываемы были изъ «Этруріи, Луканіи и всей Италіи. Потомъ они раздвинулись до «самыхъ Альповъ, такъ что не только отдѣльныя личности, но «земли, племена сростались въ единство имени съ нами. Тутъ то «обеспечено было спокойствіе и внутри государства и усилились мы «противъ внѣшнихъ враговъ, какъ жители той стороны. Но при-«няты въ гражданство, какъ подъ предлогомъ развести легіоны по «лицу земли, прибавлены сильнѣйшіе изъ жителей провинцій— «тутъ то изнемогавшему государству оказано пособіе. Приходится «ли намъ раскаиваться, что Бальбы изъ Испаніи и люди не ме-«нѣе замѣчательные перешли къ намъ изъ Нарбонской Галліи? Ос-«таются потомки ихъ и въ любви къ этому отечеству намъ не «уступаютъ. Что же другое погубило Лакедемонянъ и Аѳинянъ, «хотя они и сильны были оружіемъ, что они побѣжденныхъ ус-

«траняли отъ себя какъ чужеродцевъ? А основатель нашъ Ромулъ «обладалъ такою мудростью, что большую часть народовъ въ одинъ «и тотъ же день имѣлъ врагами и потомъ согражданами. При-«шельцы надъ нами царствовали. Сыновьямъ отпущенниковъ пору-«чать государственныя должности—явленіе не недавнее, какъ боль-«шинство ошибочно полагаетъ, но случалось и прежде въ народѣ «Римскомъ. Но мы сражались съ Сенонами, а Вольски и Эквы ни-«когда не воздвигали противъ насъ враждебнаго строя! Мы взяты «были Галлами, но мы и Тускамъ (Этрускамъ) давали заложни-«ковъ и вынесли иго Самнитовъ. Впрочемъ, если принять въ со-«ображеніе всѣ войны, то ни одна не приведена къ концу въ про-«межутокъ времени болѣе краткій, какъ война противъ Галловъ, «и затѣмъ утвердился миръ постоянный и вѣрный. Уже, сливаясь «нравами, занятіями и сродствомъ съ нами, пусть лучше вносятъ «къ намъ золото и богатства свои, чѣмъ имѣютъ ихъ отдѣльно. «Отцы достопочтенные! всѣ установленія, которыя нынѣ считаются «древнѣйшими, были новыми: должностныя лица изъ плебеевъ по-«слѣ патриціевъ; латиняне послѣ плебеевъ; прочіе народы Италіи «послѣ латинянъ. И теперешняя мѣра будетъ имѣть за себя пра-«во древности и теперь мы ее подкрѣпляемъ, а тогда она сама «будетъ примѣромъ».

25. За рѣчью государя послѣдовало сенатское опредѣленіе и первые Эдуи приняты въ городъ съ правами сенаторства; сдѣлано это вслѣдствіе древности союза и потому, что одни изъ Галловъ пользуются именемъ братства въ отношеніяхъ къ народу Римскому. Въ эти же дни Цезарь принялъ въ число патриціевъ изъ сенаторовъ самыхъ старыхъ и тѣхъ, которые происходили отъ знатнаго рода, такъ какъ уже немного осталось семействъ, получившихъ названіе отъ Ромула *старѣйшихъ родовъ* и отъ Л. Брута *младшихъ родовъ*. Даже и тѣ уже перевелись, которыми дополнилъ диктаторъ Цезарь по Кассіеву закону, а государь (собственно первенствующій) Августъ закономъ Сеніевымъ. Пріятныя эти обязанности въ отношеніи къ дѣлу общественному, принимаемы были съ большою радостью цензора. Озабоченный тѣмъ, какъ удалить изъ сената лицъ ославившихся пороками—употребилъ лучшее средство мягкое и вновь изобрѣтенное, чѣмъ примѣнилъ старинную строгость, внушая: «пусть каждый подумаетъ самъ о себѣ и проситъ о правѣ «оставить это сословіе. Легко они получатъ на то дозволеніе и «вмѣстѣ онъ предложитъ и объ удаленныхъ и объ уволенныхъ, для «того, чтобы приговоръ цензоровъ и стыдъ добровольно удаляю-

«щихся, одновременно дѣйствуя, смягчили позоръ. Вслѣдствіе этого «Випсаній консулъ доложилъ: что Клавдій долженъ быть названъ «отцомъ сената, такъ какъ названіе отца отечества слишкомъ об«щее, а новыя заслуги въ отношеніи дѣла общественнаго должны «быть почтены словами еще небывшими въ употребленіи». Но самъ (Клавдій) остановилъ консула, какъ слишкомъ угодливаго и произвелъ перепись, по которой гражданъ сочтено 6.944.000. Тутъ только возъимѣло конецъ незнаніе о томъ, что происходило у него въ домѣ. Немного спустя вынужденный разслѣдовать и наказать преступленія жены, потомъ воспламенился самъ на кровосмѣсительный бракъ.

26. Уже Мессалинѣ наскучила легкость ея преступныхъ связей и она пускалась въ степень распутства, дотолѣ еще невѣдомаго. Даже самъ Силій понуждалъ ее—положить конецъ притворству: или самая судьба влекла его къ этому безумію или онъ въ самыхъ опасностяхъ находилъ единственное средство помощи противъ грозящихъ опасностей. «Такъ какъ не до того дошло, чтобы имъ до«жидаться старости государя; только у невинныхъ и планы без«вредные, а въ явныхъ преступленіяхъ можно расчитывать только «на смѣлость: есть и соучастники, у которыхъ тѣ же опасенія. «Онъ холостъ, бездѣтенъ, готовъ на ней жениться и усыновить «Британника. За Мессалиною останется тоже могущество, но только «прибавится безопасность, если они предупредятъ Клавдія, столько «же непредупрежденнаго противъ коварныхъ замысловъ, сколько и «готоваго на гнѣвъ». Равнодушно приняты эти слова, не изъ любви къ мужу, но изъ опасенія какъ бы Силій, достигнувъ верховной власти, не пренебрегъ развратною женою и преступленіе, въ затруднительномъ положеніи имъ одобренное, потомъ не оцѣнилъ бы по истинному его достоинству. Но страстно пожелала она названія супружества по громадности безславія, а для людей, пустившихся во все это—высшая степень наслажденія. И долѣе не ждали, какъ только пока Клавдій отправился въ Остію на жертвоприношеніе, совершены всѣ торжественные обряды бракосочетанія.

27. Не безъизвѣстно мнѣ, что сочтутъ за сказочную выдумку, что когда нибудь люди могли дойдти до такой самоувѣренности, что въ городѣ, гдѣ все знали и ни о чемъ не умалчивали, назначенный консулъ сошелся съ женою государя въ день заранѣе объявленный, призвавъ свидѣтелей для подписи какъ бы въ дѣлѣ законнаго (обезпечивающаго участь дѣтей) брака; они выслушивали слова предвѣщаній, молились богамъ, приносили имъ жертвы. По-

томъ разлеглись они среди пирующихъ: поцѣлуи, обниманія, и ночь проведена со всею безграничною свободою супружества. Но рѣшительно ничего не прибавлено къ этому истинно удивительному событію, а все передано съ записаннаго старшаго, что они сами слышали.

28. А потому всѣ домашніе государя пришли въ ужасъ, а въ особенности тѣ, у кого была власть, а при переворотѣ и больше за себя опасеній, уже не въ тайныхъ бесѣдахъ, но явно роптали: «пока актеръ осквернилъ ложе государя, конечно, причи-«ненъ былъ этимъ позоръ; но до развода было еще далеко; те-«перь молодой человѣкъ знатнаго рода, красивой наружности, «сильнаго ума, въ недалекомъ времени консульству—увлекается «болѣе значительными надеждами; да и не скрыто—что остается «послѣ такого брака?» Конечно овладѣвали ими и опасенія, когда они соображали: «какъ тупоуменъ Клавдій и привязанъ къ женѣ «и что много смертныхъ казней совершено, по приказанію Месса-«лины». Съ другой стороны самое легкомысліе императора придавало увѣренность: «если только они возьмутъ верхъ самою «гнусностью преступленія, то можно погубить осужденную и безъ «суда. Но въ томъ то и опасность—если будетъ выслушана за-«щита, то какъ бы слухъ Клавдія не остался замкнутымъ и для «самаго признанія». И прежде всего Калмитъ, о которомъ я уже упоминалъ, говоря объ убійствѣ К. Цезаря и исполнитель казни надъ Аппіемъ—Нарциссъ и Палласъ, бывшій въ то время въ наибольшей милости Клавдія, толковали: «тайными угрозами не «отпугнуть ли Мессалину отъ любви къ Силію, а прочее все «скрыть?» Потомъ изъ опасеній, какъ бы самихъ не повлекли на гибель, отступаются: Палласъ—изъ трусости, Калмитъ, опытный въ дѣлахъ и предшествовавшаго двора, считалъ безопаснѣе основать власть болѣе на осторожныхъ чѣмъ на рѣшительныхъ планахъ. Упорствовалъ одинъ Нарциссъ и только въ томъ измѣнивъ планъ дѣйствія, чтобы какимъ нибудь словомъ не предупредить ее знаніемъ обвиненія и обвинителя, самъ подстерегалъ случая и такъ какъ Цезарь долго замедлилъ въ Остіи, то Нарциссъ двухъ женщинъ легкаго поведенія, къ тѣлесной связи съ которыми наиболѣе привыкъ Клавдій—убѣдилъ деньгами, обѣщаніями и усиленіемъ вліянія когда ниспровергнута будетъ жена —взять на себя доносъ.

30. Вслѣдствіе этого Кальпурнія (такъ звали любовницу Цезаря), когда представился случай быть съ нимъ втайнѣ, броси-

лась къ его ногамъ и воскликнула: «Мессалина вышла замужъ за Силія»; вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ онъ Клеопатру, которая стояла тутъ же дожидаясь: знаетъ ли она объ этомъ? и когда она подтвердила, приказываетъ: «вызвать Нарцисса».— Тотъ сталъ говорить: «прося прощеніе за прошлое, что скры-«валъ отъ него относительно Векція и Плавція, да и теперь не «сталъ бы указывать на одни любовныя интриги и не требуетъ «онъ назадъ ни дома, ни рабовъ, ни прочихъ принадлежностей «состоянія. Пусть онъ ими наслаждается, а возвратитъ жену, «уничтожитъ брачный договоръ». Зналъ ты, спрашиваетъ тутъ Клавдія Нарциссъ, о твоемъ разводѣ? А бракосочетаніе Силія видѣли и народъ, и сенатъ, и воины, и если не будешь дѣйствовать поспѣшно, то новобрачный завладѣетъ городомъ.

31. Тутъ то призываетъ лучшихъ друзей своихъ: перваго спрашиваетъ начальника хлѣбной части Турранія, потомъ Лузія Гету, которому ввѣрено было начальство надъ преторіанцами. Когда тѣ признались, наперерывъ прочіе шумятъ: «пусть от-«правляется въ лагерь, утвердитъ за собою преторіанскія ко-«горты и прежде озаботится обезопасить себя, чѣмъ мстить».— Довольно вѣрно, что такая робость овладѣла Клавдіемъ, что онъ много разъ спрашивалъ: да въ его ли рукахъ еще власть? Частный ли человѣкъ Силій? А Мессалина, болѣе чѣмъ когда нибудь предавалась сладострастію, въ самой срединѣ осени, празднуетъ въ своемъ домѣ подобіе уборки винограда. Давятъ виноградъ прессомъ, текутъ потоки вина; а женщины, опоясанныя кожами, припрыгиваютъ, какъ Вакханки, приносящія жертвы, или неистовствующія. Сама, съ распущенными волосами, потрясаетъ тирсомъ; а подлѣ Силій, опоясанный плющомъ, въ котурнахъ (театральной обуви) кривляется головою, а вокругъ раздается своевольный хоръ. Говорятъ, что Векцій Валентъ, изъ шалости, забрался на превысокое дерево и когда его спросили: что онъ видитъ? отвѣчалъ: грозную тучу, идущую отъ Остіи. Въ самомъ ли дѣлѣ показалось ему такъ, или случайно вырвавшееся слово обратилось въ предзнаменованіе.

32. Между тѣмъ уже не слухъ, но вѣстники со всѣхъ сторонъ являются, донося, что извѣстно Клавдію и идетъ онъ готовый на мщеніе. Вслѣдствіе этого Мессалина удалилась въ Лукулловы сады, а Силій, скрывая свой страхъ, на форумъ для исполненія своихъ обязанностей. Когда и другіе расходились было въ разныя стороны, явились сотники и заключали въ око-

вы какъ кого находили въ общественномъ ли мѣстѣ или въ потайномъ. Впрочемъ Мессалина, хотя самое несчастіе исключало возможность дѣйствовать обдуманно — не медля рѣшилась идти на встрѣчу и показаться мужу, что часто ей служило пособіемъ и приказала, чтобы Британникъ и Октавія спѣшили въ объятія отца. А Вибидію, старѣйшую изъ дѣвъ Вестальскихъ упросила: «добиться аудіенціи у великаго первосвященника и испросить «помилованіе.» А между тѣмъ всего въ сопровожденіи трехъ лицъ (такая вдругъ сдѣлалась около нея пустота), прошла пѣшкомъ все пространство города и на телегѣ, въ которой возили соръ при очищеніи садовъ, отправилась по дорогѣ, ведущей въ Остію; ни въ комъ не возбуждая состраданія, до такой степени преобладало безобразіе ея преступныхъ дѣйствій. Тѣмъ неменѣе не безъ опасеній было и у Цезаря: Гетѣ, префекту преторія, онъ не совсѣмъ довѣрялъ, какъ человѣку равно легкомысленному и въ честномъ и дурномъ. А потому Нарцисъ, призвавъ тѣхъ, у которыхъ было тоже опасеніе, утверждаетъ: «нѣтъ другой надежды на безопасность Цезаря, какъ расположеніе воинами на одинъ этотъ день передать кому либо изъ отпущенниковъ и себя предлагаетъ, что онъ на себя возметъ. А для «того чтобы Клавдія дорогою въ городъ не склонили къ со«страданію Л. Вителлій и П. Ларгъ Цецина, проситъ сѣсть въ «однихъ съ нимъ носилкахъ, чего и достигаетъ.»

34. Частый былъ послѣ этого слухъ, что между тѣмъ какъ государь говорилъ различно, то обвиняя жену въ преступленіи, то обращаясь воспоминаніемъ къ союзу съ нею и дѣтству дѣтей, Вителлій ничего другаго не сказалъ, кромѣ: вотъ дѣло! вотъ преступленіе!—Настаивалъ впрочемъ Нарциссъ «открыть двусмысленности и изложить истину вполнѣ, но ничего не добился кро«мѣ словъ обоюдныхъ, которыя могли быть разстолкованы куда «бы ни склонилось счастіе; примѣру Вителлія слѣдовалъ и Ларгъ «Цецина. Уже была въ виду Мессалина; она кричала, чтобы вы«слушалъ мать Октавіи и Британника; а обвинитель шумѣлъ, упо«миная о Силіѣ и бракосочетаніи; вмѣстѣ онъ передалъ Клавдію «записку о любовныхъ похожденіяхъ Мессалины, чтобы только «дать глазамъ его другое направленіе. Немного спустя, когда онъ «входилъ въ городъ, явились бы передъ нимъ общіе дѣти, если«бы Нарциссъ не отдалъ приказанія ихъ увесть. Вибидіи не могъ «сбить и она съ большимъ негодованіемъ требовала, чтобы не гу«билъ свою жену беззащитную. А потому онъ отвѣчалъ: выслу-

«шаетъ ее государь и даетъ возможность оправдаться отъ обви-«ненія, а пока пусть дѣвица уходитъ и займется святынею.»—Удивительно было при такихъ обстоятельствахъ молчаніе Клавдія: Вителлій походилъ на ничего незнающаго; все повиновалось отпущеннику; онъ отдаетъ приказаніе «отворить домъ соблазни-«теля и повесть туда императора». И прежде всего въ передней залѣ указываетъ на изображеніе отца Силія, уничтоженное сенатскимъ опредѣленіемъ; потомъ на все, что изъ дѣдовскаго достоянія Нероновъ и Друзовъ поступило сюда какъ цѣна позора. Разгнѣваннаго и разрдажавшагося угрозами, приказываетъ несть въ лагерь, гдѣ воины уже были приготовлены въ сборъ. Тутъ, по внушенію Нарцисса, сказалъ коротенькую рѣчь, потомучто стыдъ сдерживалъ огорченіе, какъ оно справедливо ни было. Дружный раздался въ котортахъ крикъ; желали они знать имена виновныхъ и наказать ихъ. Силій подведенъ къ трибуналу, не пытался ни защищаться, ни тянуть время, просилъ: ускорить смерть. Такою твердостью побудилъ онъ и знатныхъ всадниковъ Римскихъ усердно желать скорѣйшей смерти. Нарциссъ приказываетъ влечь на казнь Тиція Прокула, котораго Силій далъ стражамъ Мессалинѣ. Векція Валента, предлагавшаго показанія и сознавшагося и изъ соучастниковъ Помпея Урбика и Суффея Трога. Да и Децій Кальпурніанъ, префектъ стражей, Сульпицій Руфъ, завѣдывавшій играми, Юнкъ Виргиліанъ сенаторъ, подверглись тому же наказанію.

36. Одинъ Мнестеръ принесъ замедленіе; разорвавъ платье, кричалъ онъ: пусть взглянетъ на слѣды розогъ и вспомнитъ слова, которыми онъ отдалъ его въ полное распоряженіе приказаній Мессалины. Другихъ вина отъ подкупа, или значительности надеждъ, а ему отъ нужды: да и никто бы не погибъ бы раньше его, если бы Силій сталъ во главѣ вещей. Тронутъ былъ этимъ Цезарь, готовый къ милосердію, но отпущенники его убѣдили: «не заботиться объ актерѣ когда уже казнено столько «знатныхъ людей; добровольно ли или вынужденно онъ сдѣлалъ «такую важную вину—нисколько къ дѣлу не относится.»—Не принято также оправданіе Травла Монтана, всадника Римскаго. Скромно проводилъ онъ молодость, но красивой наружности, призванъ былъ нарочно и въ теченіи одной ночи смущенъ былъ Мессалиною одинаковыми соблазнами и на похоть, и на пренебреженіе. Суллій Цезонинъ и Плавцій Латеранъ помилованы отъ смерти; этотъ послѣдній за отличные заслуги его дяди, а Це-

зонинъ нашелъ себѣ защиту въ самомъ порокѣ, такъ какъ онъ въ томъ гнусномъ обществѣ, терпѣлъ страдательную роль женщины. Между тѣмъ Мессалина въ Лукулловыхъ садахъ старалась протянуть жизнь съ нѣкоторою надеждою, а иногда и раздраженіемъ; съ такою надменностью вела она себя даже въ крайнемъ положеніи. Да и не поспѣши Нарциссъ ея убійствомъ, гибель обратилась бы на обвинителя. Потомучто Клавдій возвратясь домой, смягченный своевременнымъ обѣдомъ, разгорячась виномъ, приказываетъ идти и дать знать несчастной (говорятъ онъ употребилъ именно это слово), чтобы она на другой день явилась для защиты своего дѣла. «Слыша это, опасались того, «что гнѣвъ утихаетъ, любовь возвращается или въ случаѣ за-«медленія всего болѣе близкой ночи и воспоминанія о брачномъ «ложѣ жены. Бросился Нарциссъ и извѣщаетъ сотниковъ и три-«буновъ, находившихся тутъ же: совершить убійство; таково «приказаніе императора. Блюстителемъ и исполнителемъ назна-«ченъ изъ отпущенниковъ Еводъ. Онъ поспѣшно отправился въ «сады и нашелъ тамъ Мессалину, растянувшуюся на землѣ и при «этомъ сидѣла мать Лепида. Она не дружна была съ дочерью «въ ея цвѣтущее время, но послѣднія грустныя ея обстоятель-«ства подвинули на состраданіе.» Она убѣждала: не дожидаться убійцы; жизнь прошла и теперь не остается ничего болѣе искать кромѣ честной смерти. «Но въ душѣ, испорченной вож-«деленіями, не было ничего честнаго: а слезы и жалобы выры-«вались безполезныя. Напоромъ приходящихъ растворились две-«ри и явился трибунъ молча, а отпущенникъ понося ее сильною «и рабскою бранью.»

38. Тутъ только впервые прозрѣла она судьбу свою, взялась за желѣзо, но безъ успѣха въ торопяхъ придвигала она его къ горлу и груди; а ударомъ трибуна пронзена; тѣло отдано матери. Клавдій пировалъ когда ему принесено извѣстіе, что Мессалина погибла, не упоминая: отъ собственной ли или отъ чуждой руки. Да онъ и не спросилъ, а потребовалъ чашу и исполнилъ все какъ слѣдуетъ на пиршествѣ. Да и въ послѣдующіе дни не подалъ никакихъ знаковъ ненависти, радости, гнѣва, печали, вообще ничѣмъ не обнаружилъ сколько нибудь человѣческаго чувства ни тогда, когда видѣлъ радость обвинителей и печаль сыновей. Забывчивости его помогъ сенатъ, постановивъ опредѣленіе, чтобы имя и изображеніе (Мессалины) были уничтожены во всѣхъ мѣстахъ общественныхъ и частныхъ. Нарциссу опре-

дѣлены: отличительные знаки квесторскіе, совершенно незначительные для возвышенія того, который и такъ уже дѣйствовалъ сильнѣе Палланта и Каллиста. Конечно все это было честно, но должно было послужить исходомъ самому худшему, къ большому горю.

КНИГА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Главы 1.—2. Клавдій имѣетъ разсужденіе съ отпущенниками о бракѣ.—3. Агриппина, дочь брата его Германика, предпочтена другимъ. Л. Силану, которому сосватана Октавія, устроиваетъ ловушку,—4. при содѣйствіи Вителлія.—5—7. Проведенные его искусствомъ сенатъ и народъ одобряютъ позорный бракъ.—8. Силанъ себѣ причиняетъ смерть. Сенека, по возвращеніи изъ ссылки, завѣдываетъ ученіемъ Нерона.—9. И ему просватана Октавія.—10. Парѳы просятъ изъ Рима царя Мегердата.—11. Его посланнаго Клавдіемъ, Кассій пытается отвесть на царство.—12. Препятствуетъ обманъ Абгара и 13. Изата.—14. Побѣжденный Мегердатъ передается Готарцесу; по смерти его царскій санъ перенесенъ на Вонона, а потомъ на Вологеза.—15. Митридату, въ его усиліяхъ возвратить себѣ царство Понта, противятся Римляне, и Котисъ и Евнонъ.—16. По взятіи города Успы,—17. Зорзинесъ оставляетъ Митридата и тотъ—18. умоляетъ Евнона и—19—21. черезъ него отъ государя получаетъ прощеніе и отведенъ въ Римъ.—22. По проискамъ Агриппины, Лолліа получаетъ приказаніе удалиться изъ Италіи, а Кальпурнія погублена.—23. Гаданіе благополучія, объемъ города распространенъ.—24. Кто прежде это дѣлали.—25. Неронъ Домицій усыновленъ Клавдіемъ по вліянію Палланта.—26. Британникъ упалъ духомъ. 27.—28. Поселеніе отведено въ землю Убіевъ. Катты, занявшіяся грабительственными набѣгами, побѣждены.—29.—30. Венній, царь Све-

вовъ, прогнанъ своими.—31. Возмутившихся въ Британніи усмиряетъ Osторій Иценасъ.—32. Канговъ, Бригантовъ,—33.—35. Царя Силуровъ Карактата побѣждаетъ.—36. Онъ, отведенный въ Римъ—37 мужественно говоритъ съ Цезаремъ и получаетъ прощеніе. 38.—39. Британцы возобновляютъ силы. Осторій умираетъ, получивъ почести тріумфа.—40. Ему преемникомъ назначенъ Дидій. Междуусобная война Венуція и Картисмандуи.—41. Нерона спѣшатъ облечь въ тогу мужа, принебрегши Британникомъ.—42. Бурръ,—префектъ преторія.—Надменность Агриппины расположена къ Вителлію.—43. Чудесныя явленія въ Римѣ. Дороговизна хлѣба.—44.—47. Война между Армянами и Иберами. Радомистъ, сынъ Фарасмана Иберъ, подъ личиною союзнаго договора, нападаетъ на Митридата, заключаетъ его въ оковы, умерщвляетъ.—48. Квадратъ, начальникъ Сиріи, разсуждаетъ о возмездіи.—49. Пелигнъ совѣтуетъ смѣло Радомисту принять на себя знаки царскаго достоинства.—50. Парѳы нападаютъ на Арменію.—51. Радомистъ прогнанъ своими. Жена его Зенобія, имъ раненная, съ трудомъ спасена.—52. Фурій Скрибоніанъ сосланъ. Сенатское опредѣленіе о математикахъ.—53. Сенатское опредѣленіе о женщинахъ, которыя соединились бы съ рабами. Лесть Палланту.—54. Феликсъ и Вентидій смущаютъ Іудею. Квадратъ возвращаетъ ей спокойствіе.—55 Волненія въ Киликіи усмиряетъ царь Антіохъ.—56. Озеро Фуцинское выпущено и на немъ морское зрѣлище и—57. пиршество съ опасностью.—58. Неронъ женится на Октавіи.—59. Статилій Тавръ ниспровергнутъ.—60. Увеличена власть управляющихъ провинціями.—61. Коосцамъ дана безнаказанность.—62.—63. Византійцамъ на время отложены платежи; положеніе этаго города.—64. Чудесныя явленія гибели Клавдія.—65. Лепидѣ назначена смерть. Нарцисса свободный голосъ.—66.—67. Клавдія Агриппина отравляетъ ядомъ.—68. Неронъ вступаетъ въ управленіе имперіею.—69. Погребеніе Клавдія и освященіе его памяти.

Совершалось все это въ теченіи шести лѣтъ въ консульства: К. Помпея и К. Вераннія, К. Антистія, М. Суллія Руфа, Т. Клавдія и Сер. Корнелія Орфита, П. Корнелія Суллы и Л. Сальвія Оттона, Д. Юнія Силана, К. Гатерія, М. Азинія Марцелла, М. Ацилія Авіолы.

---

1. Вслѣдствіе убійства Мессалины произошло большое смятеніе въ домѣ государя и между отпущенниками завязалась борьба— кто выберетъ жену Клавдію, немогущему вынести холостой жизни и жить безъ зависимости отъ власти жены. Неменьшимъ соревнованіемъ воспламенились и женщины: каждая, упираясь на свою знатность, красоту, богатства, показывала себя достойною такого брачнаго союза. Но въ особенности не рѣшались сдѣлать выборъ между Лолліею Павлиною, дочерью бывшаго консула М. Лолліяи Юліею Агриппиною, рожденною отъ Германика. Благопріятелями были: у этой—Палласъ, а у той Каллистъ, а Элія Петина, изъ семейства Тубероновъ, была покровительствуема Нарциссомъ. Самъ Клавдій то туда, то сюда; какъ только выслушивалъ кого-либо изъ совѣтовавшихъ, на то и былъ готовъ. Несогласныхъ зоветъ на совѣтъ и приказываетъ—высказать мнѣнія и присоединить основанія. Нарциссъ излагалъ: «старинная брачная связь, общее семейство «(такъ какъ Антонія была дочь Петины), ничего новаго въ его «домашнемъ быту, если вернется уже привыкшая супруга; ни въ «какомъ случаѣ ненависти свойственной мачихамъ не примѣнитъ «она къ Британнику и Октавіи, ближайшимъ послѣ ея собствен-«ныхъ; залогомъ любви супружеской—Каллистъ утверждалъ, не въ «похвалу ей, былъ продолжительный разводъ и если бы она опять «была взята, то этимъ самимъ возгордится. Гораздо правильнѣе «взять Лоллію тѣмъ болѣе что она вовсе не родила дѣтей, сво-«бодна отъ соревнованія и пасынкамъ будетъ вмѣсто матери». А Палласъ хвалилъ то особенно въ Агриппинѣ: «что она съ собою «привела бы внука Германика, знатную отрасль, достойную вполнѣ «Императорскаго величія и того, чтобы соединить своихъ потом-«ковъ съ родомъ Клавдія и какъ бы женщина испытаннаго пло-«دородія, безупречной молодости, знаменитость Цезарей не пере-«несла въ другое семейство».

3. Пересилили эти доводы вмѣстѣ съ обольщеніями Агриппины.

Она, приходя къ нему часто подъ видомъ родства, соблазнила дядю такъ, что предпочтенная прочимъ и еще не жена, пользовалась уже властью жены. А когда она̀ была уже увѣрена въ томъ, что бракъ ее не минуетъ, подстроивала большее и замышляла бракосочетаніе Домиція, котораго родила отъ Кн. Энобарба и Октавіи, дочери Цезаря; а совершить это безъ преступленія было невозможно, потому что Цезарь просваталъ Октавію Л. Силану, молодому человѣку и въ другихъ отношеніяхъ знаменитому почетомъ тріумфа и роскошью даровыхъ гладіаторскихъ представленій имъ данныхъ и его выставлялъ какъ предметъ усердія народнаго. Но ничего труднаго не казалось уму государя, который не имѣлъ ни собственнаго убѣжденія, ни предпочтеній, развѣ только наданныхъ и приказанныхъ.

4. А потому Вителлій, прикрывая именемъ цензора рабскія плутни и предвидя уже будущихъ властителей, съ цѣлью снискать благорасположеніе Агриппины, сталъ соучастникомъ ея замысловъ—взводилъ обвиненія на Силана, котораго вмѣстѣ красивая и бойкая сестра—Юнія Кальвина—незадолго передъ тѣмъ была невѣсткою Вителлія. Отсюда начало обвиненія и родственную, не кровосмѣсительную, но неосторожную любовь обратилъ ему (Силану) въ безчестіе, и Цезарь слушалъ охотно; самая любовь его къ дочери располагала съ довѣрчивостью принимать подозрѣнія противъ зятя. А Силанъ, вовсе незнавшій о коварномъ противъ него умыслѣ; случилось что онъ въ этомъ году былъ преторомъ; вдругъ объявленіемъ (эдиктомъ) Вителлія удаленъ изъ сенаторскаго сословія, хотя уже прежде былъ пересмотренъ сенатъ и составлена перепись. Вмѣстѣ съ тѣмъ Клавдій прервалъ родственныя отношенія; Силанъ вынужденъ отказаться отъ должности и остальные дни претуры перенесены на Епрія Марцелла.—Въ консульство К. Помпея и К. Веранія условленъ между Клавдіемъ и Агриппиною бракъ; уже имѣлъ основаніе въ молвѣ, въ любви недозволенной; а впрочемъ не дерзали еще отпраздновать торжественно бракосочетанія, такъ какъ не было примѣра, чтобы дядя бралъ въ домъ (женою) дочь брата. Опасались обвиненія въ кровосмѣшеніи, а еслибы и пренебречь имъ, то какъ бы не обратилось ко вреду общества. Не прежде оставлена нерѣшительность какъ Вителлій взялъ совершить это своими хитростями. Онъ спросилъ Цезаря: уступитъ ли онъ требованію народа и настоянію сената?—А когда тотъ далъ отвѣтъ, что онъ только одинъ изъ гражданъ и противъ общаго голоса спорить не будетъ—велитъ подождать внутри дворца, а самъ вхо-

дитъ въ сенатъ и, свидѣтельствуя, что онъ будетъ говорить о самыхъ важныхъ для общественнаго блага дѣлахъ, испрашиваетъ право голоса прежде другихъ и начинаетъ: «самые тяжкіе труды «государя: онъ объемлетъ своею заботою весь кругъ земной и нуж- «дается въ поддержкѣ, чтобы, свободный отъ домашней заботы, «могъ заняться общимъ благомъ. Какое же, конечно, самое честное «утѣшеніе, какое только можетъ придумать умъ цензора, какъ не «взять жену, которая дѣлила бы и счастіе и обстоятельства «сомнительныя; которой онъ, государь, ввѣрялъ бы самыя задушев- «ныя мысли, передалъ бы ея попеченію малыхъ дѣтей, не привык- «шей къ сладострастію и наслажденіямъ, но съ ранней молодости «повиноваться законамъ.»

6. Когда онъ это предпослалъ въ искусной рѣчи и ее сопровождало сильное одобреніе сенаторовъ, то онъ началъ опять говорить: «если всѣ совѣтуютъ государю жениться, то необходимо, «чтобы выборъ палъ на женщину, замѣчательную знатностью рода, «плодородіемъ и святостью жизни. И не нужно большихъ изслѣ- «дованій къ убѣжденію въ томъ, что Агриппина превосходитъ «всѣхъ знатностью рода. Ея плодородія она представляетъ обра- «зецъ; соотвѣтствуетъ и честность нравовъ. А лучше всего того, «что предусмотрѣніемъ боговъ вдовою соединена она будетъ съ «государемъ, также испытавшимъ только одинъ свой бракъ. Слы- «халъ онъ отъ родителей—сами они видѣли какъ по произволу «Цезарей увлекали женъ. Далеко это отъ теперешней скромности. «Пусть же будетъ постановлено основаніе, по которому императоръ «приметъ жену. Но не виданы еще у насъ супружества съ доче- «рями братьевъ; а у другихъ народовъ совершаются торжественно «и никакимъ закономъ не запрещены. Такъ и брачные союзы съ «двоюродными сестрами, долгое время неизвѣстные, съ теченіемъ «времени приняты въ обычай. А обычаи измѣняются подъ влія- «ніемъ обстоятельствъ и также будетъ и относительно того, что «вслѣдъ за этимъ будетъ принято въ употребленіе». Не было недостатка и въ такихъ, которые на перебой бросились изъ зданія сената, свидѣтельствуясь, что если замедлитъ Цезарь, то употребятъ силу. Собирается разнообразная толпа съ криками, что народъ Римскій умоляетъ о томъ же. Да и Клавдій, не дожидаясь болѣе, является на форумъ и принимаетъ поздравленія. Войдя въ сенатъ, требуетъ декрета, по которому и на будущее время считались правильными браки между дядями и дочерьми братьевъ. Впрочемъ, нашелся только одинъ охотникъ до такого брачнаго союза,

Т. Алледій Северъ, всадникъ Римскій; да и то большая часть говорили, что побужденіемъ было расположеніе Агриппины. Измѣнилось положеніе дѣлъ и все повиновалось женщинѣ, не дерзко, какъ Мессалина, въ распутствѣ издѣвавшейся надъ Римскими дѣлами. Порабощеніе имѣло характеръ серьезный и какъ бы отъ мущины; явно строгость, а еще чаще надменность; дома ничего безстыднаго кромѣ насколько нужно было, чтобы обезпечить себѣ власть. Ненасытная алчность къ золоту имѣла предлогомъ — приготовить силы правленію.

8. Въ день брака Силанъ себѣ причинилъ смерть; протянулъ ли онъ до того времени надежду жизни или избравъ этотъ день, чтобы усилить негодованіе. Кальвина, сестра его, изгнана изъ Италіи. Клавдій прибавилъ: «должны быть совершены священные «обряды согласно съ законами царя Тулла и первосвященниками «принесены искупительныя жертвы у рощи Діаны». Всѣ издѣвались, что въ это кровосмѣшательное время отыскиваемы были и казни, и очистительные обряды. Агриппина, желая пріобрѣсть извѣстность не одними дурными дѣлами, выхлопатываетъ для Аннія Сенеки прощеніе ссылки и вмѣстѣ преторское достоинство, полагая, что это произведетъ благопріятное впечатлѣніе на публику, вслѣдствіе извѣстности ученыхъ занятій Сенеки; Агриппина полагала, что Сенека будетъ вѣренъ ей, помня о ея благодѣяніи и непріязненъ Клавдію огорченный его обидою.

9. Вслѣдъ за тѣмъ положено: далѣе не медлить, но назначеннаго консула—Мелемія Полліонна—огромными обѣщаніями побуждаютъ—высказать мнѣніе, которымъ бы просить Клавдія—просватать Октавію за Домиція; что не совсѣмъ не соотвѣтствовало ихъ возрасту и открывало огромную перспективу въ будущемъ. Полліо подаетъ мнѣніе почти въ томъ же смыслѣ, какъ недавно Вителлій. Просватана Октавія и сверхъ прежней связи родства, женихъ и зять уже Домицій сравненъ съ Британникомъ стараніемъ матери и происками тѣхъ, которые опасались отъ сына мщенія за обвиненіе Мессалины.

10. Около этого времени уполномоченные Парѳовъ, посланные, какъ я уже упомянулъ—выпросить Мегердата, вошли въ сенатъ и начинаютъ излагать порученіе такимъ образомъ: «не безъизвѣ«стенъ имъ союзный договоръ и приходятъ они не съ измѣною «семейству Арзакидовъ; но прибѣгаютъ къ сыну Вонона, внуку «Фраата—противъ господства Готарцеса, сдѣлавшагося равно невы«носимымъ и дворянству, и простому народу. Уже немного ихъ

«братьевъ, родственниковъ, какъ бы они отдаленно ни жили, ко«торые уцѣлѣли бы отъ его убійствъ; присоединились сюда бере«менныя жены, малые дѣти: недѣйствительный дома, несчастли«вый на войнахъ, свою неспособность прикрываетъ жестокостью. «У нихъ же издревле и всенародно начатыя съ нами дружествен«ныя отношенія; и необходимо помочь союзникамъ, силами почти «равнымъ, но уступающимъ изъ почтенія. Затѣмъ то и даются въ «заложники дѣти царей: если имъ будетъ въ тягость ихъ внут«реннее правленіе, а чтобы было прибѣжище къ государю и сенато«торамъ и возможность получить лучшаго царя, уже привыкшаго «къ ихъ обычаямъ». Когда они высказали это и въ этомъ же родѣ, то Цезарь началъ рѣчь о величіи Римлянъ и покорности Пареовъ; сравнилъ себя съ божественнымъ Августомъ, ссылаясь, что и отъ него просили царя, а о Тиберіѣ не упомянулъ, хотя и тотъ посылалъ. Прибавилъ и наставленія (такъ какъ Мегердатъ тутъ присутствовалъ): «чтобы онъ помышлялъ не о тираніи и рабахъ, «а о томъ, что онъ правитель гражданъ; употребилъ бы въ дѣло «милосердіе и справедливость, которыя будетъ тѣмъ пріятнѣе ди«карямъ, чѣмъ менѣе они имъ извѣстны». Тутъ, обратясь къ посламъ, превозноситъ похвалами: вскромленника города Рима, скромности до сихъ поръ примѣрной; но необходимо выносить характеры царей и не на пользу частыя перемѣны. Дѣло Римлянъ пресыщеніемъ славы до того дошло, что и чужестраннымъ народамъ желаютъ спокойствія.—Послѣ этого поручено К. Кассію, начальствовавшему въ Сиріи, отвесть молодаго человѣка на берега Евфрата.

12. Въ то время Кассій превосходилъ прочихъ опытностью въ законахъ; во время спокойствія, военное искуство становится неизвѣстнымъ и миръ держитъ наравнѣ (такъ сказать на одной доскѣ) и дѣятельныхъ, и лѣнивыхъ. Впрочемъ—на сколько это было доступно безъ войны, возобновилъ старинные обычаи, упражнялъ легіоны заботливостью, предусмотрительностью; дѣйствовалъ такъ, какъ если бы наступалъ непріятель. Онъ считалъ, что такой образъ дѣйствія достоенъ его предковъ и рода Кассіевъ и утѣхъ даже народовъ знаменитыхъ. Затѣмъ, вызвавъ тѣхъ, по мыслямъ которыхъ выпрошенъ былъ царь, сталъ лагеремъ у Зевгмы, гдѣ рѣка всего удобнѣе для перехода и послѣ того какъ прибыли знатные Пареы и царь Арабовъ Акбаръ, совѣтуетъ Мегердату— стремительныя рѣшенія дикарей отъ промедленія слабѣютъ, или вѣроломно измѣняются. Но этотъ совѣтъ пренебреженъ, вслѣдствіе

коварства Ахариса, который юношу неопытнаго и считавшаго высшее счастіе въ роскоши, задержалъ въ теченіи многихъ дней у города Едесы. По призыву Карренна, указывавшаго на то, что все готово (въ ихъ пользу), если поспѣшатъ пріидти, не идутъ прямо въ Мессопотамію, но обходомъ въ Арменію, въ то время неблагопріятную, потомучто начиналась зима.

13. Отсюда утомленные движеніемъ по снѣгамъ и горамъ—когда приближались къ равнинамъ, соединились съ ними войска Каррена. По переправѣ черезъ рѣку Тигръ, проходятъ (земли) Адіабеновъ, которыхъ царь Изатесъ явно взялъ на себя личину союза съ Мегердатомъ, а тайно съ большею вѣрностью склонялся въ пользу Готарцеса. По дорогѣ взятъ городъ Ниносъ—древнѣйшая столица Ассиріи и Арбела, крѣпость знаменитая славою, такъ какъ въ послѣдней битвѣ между Даріемъ и Александромъ—тутъ сокрушены силы Персовъ. Между тѣмъ Готарцесъ у горы, которой названіе *Самбулосъ*, воздавалъ обѣты мѣстнымъ богамъ, въ особенности уважаемому тамъ Геркулесу. Онъ въ опредѣленное время во снѣ даетъ знать священникамъ, чтобы подлѣ храма они поставили коней, приготовленныхъ для охоты.—Лошади, принявъ на себя колчаны, полные стрѣлъ, блуждаютъ по лѣсамъ и наконецъ возвращаются ночью съ опустѣвшими колчанами и тяжело дыша отъ усталости. Снова богъ, въ ночномъ видѣніи, показываетъ, въ какихъ мѣстахъ прошелъ онъ лѣса и въ разныхъ мѣстахъ находятъ распростертыхъ животныхъ.

14. Впрочемъ Готарцесъ, недостаточно еще усиливъ войско, пользовался рѣкою Корма вмѣсто укрѣпленія и хотя вызывали его на бой и преслѣдованіемъ и вѣстниками, медлилъ, перемѣнялъ мѣста и, подсылая лазутчиковъ, подкупалъ противниковъ измѣнить ихъ слову. Изъ нихъ уходятъ сначала Изатесъ съ Адіябенами, а вслѣдъ за нимъ Акбаръ съ Арабскимъ войскомъ съ легкомысліемъ свойственнымъ этимъ народамъ и потомучто изъ опыта извѣстно было, что дикари предпочитаютъ просить изъ Рима царей, чѣмъ ихъ держать. А Мегердатъ, потерявъ сильныя вспомогательныя войска, подозрѣвая измѣну и остальныхъ, рѣшился прибѣгнуть къ послѣднему, какое осталось средству—дѣло предоставить судьбѣ и испытать счастія въ бою. Не уклонился отъ него и Готарцесъ, съ уменьшеніемъ непріятелей болѣе смѣлый. Въ схваткѣ произошло большое побоище, а результатъ его нерѣшительный, пока Каррена, зашедшаго далеко впередъ послѣ пораженія тѣхъ, которые были противъ него, не окружилъ сзади свѣжій отрядъ. Тутъ, потерявъ

всякую надежду—Мегердатъ, послѣдовавъ обѣщаніямъ Паррака, пользовавшагося покровительствомъ его отца, коварствомъ его связанъ и переданъ побѣдителю. А тотъ, порицая его не какъ родственника или члена рода Арзакидовъ, но чужеродцемъ и Римляниномъ, велитъ жечь, отрѣзавъ уши, на показъ своему милосердію, а намъ на посрамленіе. Потомъ Готарцесъ умеръ отъ болѣзни и приглашенъ на царство Вононесъ, въ то время правившій Медами. Не было у него ни удачъ, ни несчастій, которыя заслуживали бы упоминанія; правленіе его было кратковременно и славнымъ ничѣмъ не ознаменовано; а верховная власть надъ Пароами перенесена на сына его Вологеза.

15. А Митридатъ Босфорскій, скитавшійся, утративъ силы— послѣ того какъ узналъ что Дидій, вождь Римскій и все главное войско его ушли, оставивъ въ новомъ царствѣ Котиса; неопытнаго юношу и немного когортъ съ Юліемъ Аквилою всадникомъ Римскимъ—презирая тѣхъ и другихъ, возбуждалъ народъ, сманивалъ перебѣжчиковъ; наконецъ, собравъ войско, выгоняетъ царя Дандаридовъ и овладѣваетъ его областью. Когда это узнали и полагали, что вотъ вотъ онъ сдѣлаетъ нашествіе на Босфоръ, Аквила и Котисъ, не довѣряя собственнымъ силамъ, потому что Зорзинесъ, царь Сираковъ, возобновилъ военныя дѣйствія, и сами стали искать поддержки извнѣ и отправили пословъ къ Евнону, который стоялы во главѣ народа Адорсовъ. И небыло затрудненій къ союзу, такъ какъ они доказывали на могущество Римлянъ противъ возмутителя Митридата; а потому условились: конными сраженіями пусть состязается Евнонъ, а осаду городовъ пусть возьмутъ на себя Римляне. Затѣмъ они двигаются впередъ въ правильномъ боевомъ порядкѣ: его фронтъ и тылъ оберегали Адорсы, а середину когорты и Босфоране въ нашемъ вооруженіи. Такъ сбитъ непріятель и пришли къ Созѣ, городу Дандарики; его, оставленный Митридатомъ заблагоразсудили занять и вслѣдствіе шаткаго образа мыслей жителей оставить гарнизонъ. Отсюда двигаются они къ Сиракамъ, и перейдя рѣку Панду — окружаютъ городъ Успе, стоявшій на возвышенномъ мѣстѣ и укрѣпленный стѣнами и рвами; только стѣны не изъ камня, но изъ плетней съ набитою въ серединѣ землею — была плохою защитою противъ нападающихъ и возведенныя выше башни; оттуда факелами и копьями вносили замѣшательство въ осажденныхъ и, если бы сраженіе не было прервано ночью, то осада была бы начата и довершена въ одинъ и тотъ же день.

17. На другой день прислали уполномоченныхъ, умоляя о прощеніи свободнымъ, а предлагали десять тысячъ рабовъ; но побѣдители этимъ пренебрегли, потомучто избить отдавшихся было бы жестоко, а такое множество окружить стражею трудно; пусть лучше падутъ по праву войны. Воинамъ, вошедшимъ по лѣстницамъ, данъ знакъ къ убійству. Истребленіемъ Успензевъ наброшенъ страхъ на прочихъ и тѣ не находили уже ничего безопаснымъ, когда вмѣстѣ сокрушаемы были—вооруженіе, укрѣпленія въ неприступныхъ, или возвышенныхъ мѣстностяхъ, рѣки и города. А потому Зорзинесъ, долго взвѣшивая мыслью—озаботиться ли крайнимъ положеніемъ дѣлъ Митридата, или отеческимъ царствомъ; когда перевѣсила польза его народа, давъ заложниковъ, распростерся передъ изображеніемъ Цезаря къ большой славѣ войска Римскаго, которое побѣдоносное безъ кровопролитія, какъ достовѣрно извѣстно, находилось отъ рѣки Танаиса только на три дня пути; но на обратномъ движеніи счастіе было уже не то, потомучто нѣкоторыя изъ судовъ, возвращавшихся моремъ, занесены на берега Тавровъ и окружены дикарями, при чемъ убиты префектъ когорты и большая часть сотниковъ. Между тѣмъ Митридатъ, не находя себѣ никакой помощи въ оружіи обдумываетъ — чье состраданіе испытать. Братъ Котисъ, прежде измѣнникъ, а потомъ врагъ, внушалъ опасенія: изъ Римлянъ не было никого съ такимъ вѣсомъ, чтобы обѣщанія его могли считаться за что-либо значительное. Обратился онъ къ Евнону, не раздраженному никакими личными неудовольствіями и сильному вслѣдстіе недавно заключенной съ нами дружбы. А потому, приладивъ свою наружность и выраженіе лица какъ можно больше своему настоящему положенію—входитъ въ дворецъ, и, упавъ къ ногамъ Евнона, сказалъ: «я «Митридатъ, въ продолженіи столькихъ лѣтъ предметъ поисковъ «Римлянъ на сушѣ и на морѣ, являюсь добровольно. Пользуйся «какъ хочешь потомкомъ великаго Ахемена, что одно непріятели «не отняли еще у меня». А Евнонъ, на котораго произвели впечатлѣніе знатность этого человѣка, перемѣна его обстоятельствъ и просьба нелишенная благородства, поднимаетъ просителя, хвалитъ за то, что онъ избралъ народъ Адорсовъ и его правую руку для испрошенія прощенія. Вмѣстѣ онъ посылаетъ пословъ и письма къ Цезарю такого рода: «у императоровъ народа Римскаго и царей «великихъ народовъ первая дружба вслѣдствіе сходства счастія, а «у него съ Клавдіемъ даже общность (единство) побѣды. Самый

«честный конецъ войны какъ только улаживается все прощеніемъ. «Такъ у побѣжденнаго Зорзина ничего не отнято. За Митридата, «на сколько заслужилъ онъ болѣе тяжкую участь, не проситъ онъ «ни власти, ни царства; но лишь бы не былъ онъ предметомъ «тріумфа и не поплатился головою».

20. А Клавдій, хотя и снисходительный къ чужеземнымъ знаменитостямъ, усумнился было—принять ли плѣннаго съ договоромъ о его безопасности, или не будетъ ли правильнѣе требовать его выдачи оружіемъ? Къ послѣднему склоняло огорченіе отъ оскорбленій и жажда мщенія; но съ другой стороны представлялось: «предпринять войну необходимо будетъ путями не«проходимыми по морю, лишенному пристанищъ. Къ тому же цари «свирѣпы, народонаселеніе бродящее (кочующее); земля непроизво«дящая хлѣба. Отъ медленности явится скука, а отъ поспѣшно«сти—опасности; мало чести побѣдителямъ, а безславія много, если «будутъ прогнаты. Почему же не воспользоваться предложеніемъ «и не спасти изгнанника? И ему бѣдному чѣмъ жизнь будетъ «продолжительнѣе, тѣмъ болѣе наказанія». Подѣйствовали такія разсужденія на Клавдія и онъ написалъ Евнону: «Митридатъ «конечно заслужилъ примѣрную казнь, да и достаточно было бы «у него, Клавдія, силы исполнить это. Но такъ и предками по«становлено: сколько упорства нужно употреблять относительно «врага, столько снисходительности къ умоляющимъ о пощадѣ, «а тріумфы пріобрѣтаются надъ народами и царями, которые «во всей еще силѣ».

21. Выданъ послѣ того Митридатъ и отведенъ въ Римъ Юніемъ Цилономъ, правителемъ Понта, смѣлѣе чѣмъ слѣдовало бы въ его положеніи, говорятъ, онъ объяснялся передъ Цезаремъ. Распространилось въ народѣ сказанное имъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я не присланъ къ тебѣ, но возвратился, «а если не вѣришь, то отошли и отыскивай». Съ неустрашимымъ лицомъ остался и тогда, когда подлѣ ростръ, окруженный стражами, выставленъ былъ на показъ народа. Отличія бывшаго консула—Цилону, а Аквилѣ—претора опредѣлены.

22. При тѣхъ же консулахъ жестокая въ ненависти Агриппина, а Лолліи непріязненная, за то, что она съ нею соперничала о брачномъ союзѣ съ государемъ, вызываетъ обвиненія и обвинителя, который ее попрекнулъ бы Халдеями, Магами, спрошеніемъ изображенія Аполлона Кларія—о бракосочетаніи императора. Вслѣдствіе этого Клавдій, не выслушавъ подсудимой и

предпославъ въ рѣчи многое о знатности ея передъ сенатомъ: «что она рождена отъ сестры Валузія, что братъ ея прадѣда «былъ Котта Мессалинъ, а сама она была замужемъ когда то «за Мемміемъ Регуломъ,—а о бракѣ съ К. Цезаремъ съ умыс«ломъ умалчивалъ». Присоединилъ: «гибельныя ея замыслы про«тивъ общественнаго порядка и нужно отнять у ней средства «къ преступленію, а потому, имущество ея описать въ казну, «а ее удалить изъ Италіи». Такимъ образомъ пять милліоновъ сестерцій оставлено изгнанницѣ изъ необъятныхъ богатствъ. И знатная женщина, Кальпурнія, погублена за то, что ея красоту похвалилъ государь и вовсе не изъ вожделѣнія, а такъ случайно. Вслѣдствіе этого сила Агриппины не останавливалась ни передъ какими самыми крайними средствами. Къ Лолліи посланъ трибунъ, который долженъ былъ вынудить ее къ смерти. Осужденъ по закону о лихоимствѣ Кодій Руфъ, по обвиненію Виѳинцевъ. Галліѣ Нарбонской, за отличное уваженіе къ сенаторамъ, дано: «сенаторамъ этой провинціи дозволяется осматривать свои иму«щества, не испросивъ мнѣнія государя по праву, которымъ поль«зуется Сицилія».—Итуреи и Іудеи, по смерти царей Согема и Агриппы, присоединены къ провинціи Сиріи. *Гаданіе безопасности* (Augurium Salutis—гаданіе предпринимаемое въ мирное время о вопросѣ—можно ли боговъ просить за сохраніе государства), оставленное въ теченіи 25 лѣтъ, заблагоразсудили возобновить и потомъ продолжать. И объемъ города увеличилъ Цезарь стариннымъ обычаемъ, которымъ предоставлялось раздвигать предѣлы города тѣмъ, которые распространили владѣнія. И, впрочемъ, вожди Римскіе, хотя и покорили великіе народы не пользовались этимъ правомъ, кромѣ Л. Суллы и божественнаго Августа.

24. Разно переданы побужденія честолюбія или славы царей въ этомъ случаѣ; но ознакомиться съ началомъ устройства и какія границы городу назначилъ Ромулъ—полагаю неумѣстнымъ. Такимъ образомъ отъ форума бычачьяго, гдѣ мы видимъ мѣдное изображеніе быка—такъ какъ этотъ родъ животныхъ запрягается въ плугъ, начата борозда для назначенія города, такъ чтобы захватить въ эту черту и жертвенникъ Геркулеса. Оттуда въ извѣстныхъ промежуткахъ разбросаны камни по низамъ горы Палатинской до жертвенника Конза; за тѣмъ къ старымъ куріямъ и далѣе до часовни Ларовъ. Полагали, что форумъ Римскій и Капитолій прибавлены къ городу не Ромуломъ, а Т. Таціемъ.

Вслѣдъ за тѣмъ съ успѣхами счастія раздвигались предѣлы города, А какія въ то время Клавдій опредѣлилъ границы, легко узнать и записано въ общественныхъ актахъ.

25. Въ консульство Л. Антистія и М. Суллія торопятся съ усыновленіемъ Домиція—по вліянію Палланта. Онъ тѣсно связанный съ Агриппиною, какъ уладившій ея бракъ, а потомъ вступившій съ нею и въ тѣлесную связь, побуждалъ Клавдія: «позаботиться о дѣлѣ общественномъ; дѣтству Британника дать «сильную подпору. Такъ и у божественнаго Августа, хотя и «окруженнаго внуками, были въ силѣ и пасынки. Тиберій, кромѣ «собственнаго рода, присоединилъ Германика. Пусть онъ (Клав-«дій) и себѣ возьметъ молодаго человѣка, который раздѣлилъ «бы часть заботъ.» Уступая такимъ убѣжденіямъ Домицію даетъ первенство передъ сыномъ, котораго тотъ былъ старше двумя годами, а передъ сенатомъ сказалъ рѣчь въ томъ же смыслѣ, какъ слышалъ отъ отпущенника. Люди опытные замѣтили, что никакого до тѣхъ поръ не было усыновленія у патриціевъ Клавдіевъ и отъ самого Атта Клавза непрерывно велись они. Впрочемъ, высказана государю признательность съ лестью относительно Домиція болѣе изысканною и принятъ законъ, по которому онъ долженъ былъ перейдти въ семейство Клавдіевъ и прозваніе Нерона. И Агриппина почтена наименованіемъ *Августы*. Когда это совершилось, не было никого столь чуждаго состраданія, котораго не коснулось бы горе объ участи Британника. Мало по малу покинутый даже услугами рабовъ, неумѣстное вниманіе мачихи обращалъ въ насмѣшку, понимая его лживость. И передаютъ, что онъ имѣлъ отъ природы быстрыя способности—можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, а можетъ быть опасное положеніе задобривало въ его пользу, но добрая слава при немъ осталась, хотя и безъ опытовъ.

27. Но Агриппина для того, чтобы показать свою силу и союзнымъ народамъ, выхлопатываетъ отвесть въ городъ Убіевъ, въ которомъ родилась, заслуженныхъ воиновъ и поселеніе, которому названіе придано отъ ея имени. И надобно было случиться, что именно дѣдъ ея, Агриппа, принялъ изъявленіе покорности этого народа, когда онъ перешелъ Рейнъ. Въ тоже время въ верхней Германіи произошла тревога, вслѣдствіе прихода Каттовъ, пришедшихъ въ движеніе съ цѣлью грабежа. Вслѣдствіе этого легатъ Л. Помпоній убѣждаетъ вспомогательныхъ Вангіоновъ и Неметовъ съ присоединеніемъ союзной конницы—опере-

дить грабителей, или окружить, когда они разойдутся, ничего не ожидая. Совѣту вождя соотвѣтствовала дѣятельность воиновъ; раздѣлились они на два отряда и тотъ, который пошелъ по дорогѣ на лѣво—только что возвратившихся, употребившихъ добычу на наслажденія и отягченныхъ сномъ, окружили. Радость была тѣмъ сильнѣе, что нѣкоторыя жертвы Варова побоища освободили изъ рабства послѣ сорокалѣтней неволи. А тѣ, которые пошли на право по ближайшимъ дорогамъ непріятелю, попавшемуся на встрѣчу и дерзнувшему на бой, сдѣлали еще болѣе урону; обремененные добычею и славою воротились къ горѣ Тавну, гдѣ дожидался Помпоній съ легіонами на случай, если Катты отъ жажды мщенія, дадутъ случай къ сраженію. Они изъ опасенія какъ бы не окружили ихъ съ одной стороны Римляне, съ другой Херуски, съ которыми они вѣчно враждуютъ, отправили въ городъ пословъ изъ сотниковъ. Опредѣлена Помпонію почесть тріумфа, малая часть славы его у потомства, въ которомъ онъ блистаетъ геніемъ поэта.

29. Около этого же времени Ванній, навязанный Свевомъ Друзомъ Цезаремъ, прогнанъ изъ царства; въ первое время правленія былъ пріятенъ своимъ землякамъ и пользовался у нихъ доброю славою, а потомъ, вслѣдствіе долговременнаго правленія, сдѣлался надменнымъ и сдѣлался жертвою ненависти сосѣдей и домашнихъ неудовольствій. Исполнителями были: Вибиллій, царь Гермундуровъ, Вангій и Сидъ, дѣти сестры Ваннія. А Клавдій, не смотря на частыя просьбы не вмѣшался съ оружіемъ въ борьбу дикарей, обѣщая Ваннію—безопасное убѣжище, если будетъ прогнанъ и написалъ П. Ателлію Гистру, завѣдывавшему Паннонiею: «чтобы онъ «передъ берегомъ (Дуная) устроилъ легіонъ и вспоможенія, набран«ныя изъ самой провинціи, для поддержки побѣжденныхъ и устра«шенія побѣдителей, какъ бы они, возгордясь счастіемъ, не воз«мутили и нашего спокойствія». Приходили въ безчисленномъ множествѣ Лигіи и другіе народы по слуху богатаго царства, которое Ванній въ теченіи 30 лѣтъ обогатилъ грабительствами и денежными сборами. А у него собственный отрядъ пѣхоты, а конница была изъ Сарматовъ и Язиговъ—все это не подъ силу многочисленности враговъ; а потому рѣшился защищаться укрѣпленіями и войну тянуть. Но Язиги, не вынося осады, разбрелись по сосѣднимъ полямъ и причинили необходимость сраженія, такъ какъ туда наступили Лигій и Гермундуръ. Вслѣдствіе этого Ванній, вышедшій изъ укрѣпленій, разбитъ въ сраженіи и не смотря на не-

удачу заслужилъ похвалу за то, что въ сраженіи принялъ непосредственное участіе и получилъ раны, дѣйствуя противъ непріятеля. Впрочемъ, онъ нашелъ убѣжище на флотѣ, дожидавшемся на Дунаѣ; за нимъ послѣдовали тѣ, которые пользовались его покровительствомъ и, получивъ земли, поселены въ Панноніи. Царство раздѣлили между собою Вангіо и Сидо, сохранивъ примѣрную въ отношеніи къ намъ вѣрность; а къ подданнымъ—таковъ ли былъ ихъ собственный характеръ, или таково свойство рабства, пока домогались власти, обращались съ большою ласкою, а съ большею еще ненавистью, когда получили ее.

30. А въ Британніи П. Осторія, пропретора, встрѣтило смутное положеніе дѣлъ: непріятели разсыпались по землямъ союзниковъ и тѣмъ сильнѣе полагали—что новый вождь, еще не знавшій войска и при начавшейся уже зимѣ, не пойдетъ на встрѣчу. Онъ зная, что отъ первыхъ событій возникаютъ, или опасенія, или увѣренность, увлекаетъ поспѣшно когорты и избивъ тѣхъ, которые сопротивлялись, преслѣдовалъ разсѣявшихся и чтобы не дать имъ возможности снова сосредоточиться въ массы и чтобы непрочный и непріязненный миръ не далъ покою ни воину, ни вождямъ, готовится отобрать оружіе у подозрительныхъ и всѣхъ удержать укрѣпленнымъ лагеремъ у рѣкъ Аввоны и Сабрины. Первые отказали въ этомъ Ицены, народъ сильный, еще не сраженный въ битвахъ такъ какъ они добровольно приступили къ союзу съ нами. Подъ ихъ руководствомъ сосѣдніе народы избрали мѣсто для сраженія, огражденные сельскою плотиною и съ узкимъ доступомъ, для того чтобы оно было непроходимо конницѣ. Эти укрѣпленія вождь Римскій, хотя онъ велъ союзныя войска не подкрѣпленныя силою легіоновъ, пытается прорвать и, распредѣливъ когорты, и отрядамъ пѣшихъ назначаетъ ихъ обязанности. Тогда, по данному сигналу, прорываютъ насыпь и приводятъ въ замѣшательство запутавшихся въ своихъ собственныхъ окопахъ. А они вслѣдствіе сознанія возмущенія и видя, что пути къ бѣгству заграждены, совершили многія славныя дѣйствія. Въ этомъ сраженіи сынъ легата, М. Osторій, заслужилъ честь спасенія гражданина. Впрочемъ пораженіе Иценовъ успокоило тѣхъ, которые не рѣшались между войною и миромъ и войско оттуда поведено въ землю Канговъ. Опустошены поля, добыча въ разныхъ мѣстахъ собрана; непріятель не рѣшился на сраженіе и даже коварные попытки тайкомъ тревожить движеніе нашего войска, были строго наказаны. Уже дошли не далеко отъ моря, которое обращено къ острову Гиберніи, когда начавшіеся

у Бригантовъ раздоры вернули вождя, твердо рѣшившагося новаго не начинать, пока не будетъ упрочено прежнее. Да и Бриганты, по убіеніи немногихъ, взявшихся за оружіе, успокоились, когда остальнымъ даровано прощеніе. Народъ Силуровъ ни жестокія, ни кроткія мѣры не могли отклонить отъ продолженія войны и ихъ необходимо было тѣснить постоянными лагерями легіоновъ. А чтобы скорѣе этого достигнуть — поселеніе Камилодунумъ — сильный отрядъ заслуженныхъ воиновъ, отведенъ на земли плѣнныхъ—какъ вспоможеніе противъ возмутившихся и средство союзниковъ пріучить къ повиновенію законамъ.—Оттуда пошли въ землю Силуровъ, а тѣ, кромѣ собственной смѣлости, полагались и на силы Карактака: его многія сомнительныя и многія удачныя дѣйствія возвысили до того, что онъ сталъ выше прочихъ Британнскихъ вождей. Но превосходя хитростью, умѣніемъ пользоваться мѣстностью къ обману противниковъ, а уступая силою воиновъ, переноситъ войну къ Ордовикамъ, присоединивъ тѣхъ, для кого миръ съ нами былъ предметомъ опасеній и испытываетъ рѣшительный бой, выбравъ для него мѣстность, гдѣ доступъ и отступленіе равно для насъ неблагопріятныя, для его воиновъ были къ лучшему. Тутъ на крутизнахъ горъ, гдѣ удобнѣе былъ всходъ на подобіе вала набрасываетъ камни, а впереди бѣжала рѣка съ невѣрными бродами и лучшихъ изъ воиновъ поставилъ впереди укрѣпленій.

34. Кромѣ того народные предводители обходили, дѣлали увѣщанія, ободряли умы, уменьшали опасенія, а поощряли надеждами и другими побужденіями къ войнѣ. А самъ Карактакъ, летая туда и сюда, свидѣтельствовалъ: «вотъ готовъ день, готовъ бой или «для возвращенія свободы, или для начала вѣчнаго рабства». Называлъ имена предковъ, которые Диктатора прогнали; доблестью коихъ они, свободные отъ сѣкиръ и податей, сохраняютъ неоскверненными тѣла своихъ женъ и дѣтей. «Когда онъ говорилъ это и «въ такомъ родѣ народъ одобрялъ криками; свойственными ихъ на-«роду клятвами обязали они другъ друга—неуступать ни передъ «оружіемъ, ни передъ ранами.»

35. Такая готовность поразила удивленіемъ вождя Римскаго и вмѣстѣ приводила въ ужасъ: препятствіе находившейся впереди рѣки, прибавленнаго къ ней вала, возвышавшихся надъ ними холмовъ—все это грозное и наполненное защитниками. А воины требовали битвы; они кричали, что храбростью можно взять все. Префекты и трибуны говорили въ томъ же смыслѣ и разжигали усердіе войска. Тогда Осторій, разсмотрѣвъ гдѣ невозможно было

пройдти и гдѣ можно, повелъ открытою силою и перебрался черезъ рѣку безъ большихъ затрудненій. Когда достигли насыпи, пока состязались стрѣлами, наши терпѣли болѣе отъ ранъ, да и убитыхъ было очень много. Но когда воины, прикрывшись щитами въ видѣ черепахи, растащили грубо и безобразно сложенныя массы камней и рукопашный бой завязался при равныхъ условіяхъ, дикари удалились на горныя возвышенности. Но и туда прорвались и легко и тяжело вооруженные воины первые бросая стрѣлы, а вторые дружнымъ маршемъ. А ряды Британцевъ пришли въ замѣшательство у нихъ небыло никакихъ покрововъ, панцырей и шлемовъ и если они сопротивлялись вспомогательнымъ войскамъ, гибли отъ мечей и копей воиновъ легіонныхъ, а если они обращали свои силы противъ нихъ, то—отъ дротиковъ и кинжаловъ вспомогательныхъ воиновъ. То была блистательная побѣда; взяты жена и дочь Карактака и братья изъявили покорность; а самъ (такъ какъ при несчастіи трудно найдти гдѣ-либо безопасность) просилъ убѣжища у Картисмандуи, царицы Бригантовъ, но былъ связанъ и выданъ побѣдителямъ черезъ девять лѣтъ послѣ того, какъ началась война въ Британніи. Молва о ней распространилась по островамъ и ближайшимъ провинціямъ и достигла Италіи: всѣ желали видѣть того, кто въ теченіи столькихъ лѣтъ презиралъ наши силы. Да и въ самомъ Римѣ не безъизвѣстно было имя Карактака и Цезарь, возвышая свою собственную ~~честь~~, прибавилъ славы побѣжденному. Созывается народъ какъ на какое-то необычайное зрѣлище. Подъ оружіемъ стали преторіанскія когорты на полѣ, находящемся впереди ихъ лагерей. Тутъ шли впереди люди, принадлежавшіе къ свитѣ царя, потомъ богатыя убранства коней и ожерелья были несены, а также все, что онъ пріобрѣлъ во внѣшнихъ войнахъ; влѣдъ за тѣмъ вели его братьевъ, жену и дочь, а наконецъ показался и самъ. Прочихъ мольбы были униженныя, внушенныя страхомъ; а Карактакъ, не смирясь ни въ выраженіи лица, ни въ словахъ, не искалъ состраданія. Когда онъ предсталъ передъ трибуналъ, то сталъ говорить такъ: «если бы моей знатности и высо«кому положенію соотвѣтствовала бы и умѣренность въ счастьи, то «я пришелъ бы въ этотъ городъ скорѣе другомъ, чѣмъ плѣннымъ «и не пренебрегъ бы ты принять въ союзъ мира человѣка, проис«ходящаго отъ знатныхъ предковъ, повелителя многихъ народовъ. «Теперешній жребій мой сколько для меня позоренъ, столько для «тебя честенъ; были у меня кони, люди, оружіе, богатства. Что «же удивительнаго, если я все это утратилъ недобровольно? Развѣ

*

«при вашемъ стремленіи повелѣвать всѣми не есть естественное по-
«слѣдствіе—всѣмъ принимать рабство. Если бы я сдался немед-
«ленно и съ покорностью, ни судьба моя, ни твоя слава не прі-
«обрѣли бы такой громкой извѣстности. И казнь мою покроетъ
«забвеніе, а если ты сохранишь меня невредимымъ, то я буду вѣч-
«нымъ примѣромъ твоего милосердія». На это Цезарь даровалъ
прощеніе ему, женѣ и братьямъ и они, освобожденные отъ оковъ
Агриппину, не подалеку сидѣвшую на другомъ возвышеніи —тѣми
же что и государя почтили изъявленіями похвалы и признатель-
ности. Невиданное дотолѣ зрѣлище и несвойственное древнимъ
нравамъ, что женщина сидѣла во главѣ знаковъ Римскаго мо-
гущества и сама себя представляла какъ бы соучастницею власти,
ея предками пріобрѣтенной. Позванные послѣ того сенаторы не
щадили выраженій самыхъ пышныхъ по поводу плѣна Карак-
така: дѣло это не менѣе славно, какъ когда Сифакса П. Сци-
піонъ, а Персея—Л. Павилъ и если какіе другіе полководцы
показывали народу Римскому царей въ оковахъ. Осторію присуж-
дены знаки тріумфа. До этого времени счастливы были его дѣла,
но тутъ стали сомнительными или потому что съ удаленіемъ Ка-
рактата, какъ будто бы война приведена была къ концу и не
такъ старательно уже занимались и съ нашей стороны военнымъ
дѣломъ, а можетъ быть и непріятели изъ сожалѣнія о такомъ
царѣ, воспылали болѣе сильною жаждою мести. Окружаютъ они
префекта лагерей и когорты легіоновъ, оставленныя для постро-
енія укрѣпленій въ землѣ Силуровъ. Если бы не было оказано
поспѣшной помощи изъ сосѣднихъ селъ и укрѣпленій, то войска
эти были бы окончательно истреблены. Впрочемъ и такъ пали: пре-
фектъ, восемь сотниковъ и лучшіе изъ рядовыхъ воиновъ; немного
спустя обращаютъ въ бѣгство нашихъ фуражировъ и посланные
на помощь отряды.»

39. Тогда Осторій противопоставилъ легкія когорты и все
таки не оставилъ бы бѣгства, если бы не ввелъ въ дѣло ле-
гіоны; ихъ силою уравновѣшена борьба и наконецъ приняла
оборотъ для насъ болѣе благопріятный. Убѣжали непріятели съ
небольшимъ урономъ, такъ какъ день клонился къ вечеру.
Частыя вслѣдъ за тѣмъ стычки и чаще на подобіе разбоевъ по
лѣсамъ, было тамъ, по указанію обстоятельствъ, или по степе-
ни мужества: нечаянно, съ предусмотрительностью; изъ раздра-
женія и изъ за добычи; по приказанію, а иногда и безъ вѣдо-
ма вождей. И въ особенности, вслѣдствіе упорства Силуровъ, а

ихъ подстрекало слово императора Римскаго: «какъ нѣкогда «Сугамбры вырѣзаны и переведены въ Галлію, такъ самое имя «Силуровъ слѣдуетъ искоренить.» Вслѣдствіе этого двѣ вспомогательныхъ когорты, высланныхъ корыстолюбіемъ преторовъ для грабежа неосторожно, были перехвачены непріятелемъ; щедро раздавая добычу и плѣнныхъ—и прочіе народы влекли къ измѣнѣ. Тутъ Осторій, наскучивъ утомленіемъ заботъ, оставилъ жизнь къ радости непріятелей, какъ вождь котораго презирать не слѣдовало, а жертва если не битвы, то во всякомъ случаѣ войны. А Цезарь, узнавъ о смерти легата, дабы провинція не была безъ правителя, замѣстилъ А. Дидіемъ. Онъ прибылъ поспѣшно, но нашелъ дѣла не въ цвѣтущемъ положеніи, такъ какъ между тѣмъ произошла неудачная битва легіона, которымъ начальствовалъ Манлій Валенсъ. Слава этого событія и непріятелей приняла громадные размѣры; было бы чѣмъ попугать шедшаго вождя; да и онъ самъ выслушалъ, увеличивая еще значеніе событія для того, чтобы въ случаѣ, если бы уладилъ пріобрѣсть больше похвалы, а если бы продолжались неудачи, то это было бы для него тѣмъ извинительнѣе. Силуры и этотъ уронъ намъ причинили и широко распространили набѣги, пока прибытіемъ Дидія не были прогнаны. Но послѣ взятія Карактака, особенно хорошо знавшій военное дѣло Венуцій, изъ города Бригантовъ, какъ я выше упомянулъ, долгое время вѣрный и защищенный Римскимъ оружіемъ — былъ въ супружествѣ съ царицею Картисмандуею; потомъ вышелъ раздоръ, открылась война и онъ противъ насъ началъ непріязненныя дѣйствія. Но сначала была у нихъ только между собою борьба и Картисмандуя хитрыми замыслами погубила брата и близкихъ Венуція. Вслѣдствіе этого, непріятель раздраженный позоромъ, чтобы не быть подъ властью женщины, съ сильною и отборною вооруженною молодежью вторгается въ его царство, а мы это предвидѣли и посланныя на помощь когорты завязали упорное сраженіе; начало его сомнительное имѣло исходъ болѣе благопріятный. Не съ меньшимъ успѣхомъ сразился легіонъ, которымъ начальствовалъ Цезій Назика, такъ какъ Дидій, отягченный старостью и избыткомъ богатствъ, считалъ достаточнымъ дѣйствовать чрезъ уполномоченныхъ и только отражать непріятеля. Эти дѣла, хотя двумя пропреторами Осторіемъ и Дидіемъ въ продолженіи многихъ лѣтъ совершенныя, соединилъ я вмѣстѣ для того, что

отдѣльно они не такъ то заслуживали бы памяти. Возвращаюсь къ послѣдовательному порядку времени.

40. Въ консульство Тиб. Клавдія въ пятый разъ и Серв. Корнелія орфиты поспѣшили облечь Нерона въ тогу возмужалости для того, чтобы онъ казался способнымъ заняться общественными дѣлами. И Цезарь охотно уступилъ льстивымъ предложеніямъ сената: «чтобы Неронъ на двадцатомъ году принялъ «консульство, а между тѣмъ будучи назначенъ въ эту должность, «пользуется проконсульскою властью внѣ города и получилъ бы «наименованіе *перваго* (старшаго) изъ молодыхъ людей.» Присоединены отъ имени его денежныя раздачи войску и раздачи деньгами и припасами народу. Во время совершенія игръ цирка, а они давались для снисканія народнаго благорасположенія, провезены Британникъ въ претекстѣ, а Неронъ въ тріумфальной одеждѣ. Пусть смотритъ народъ одного въ императорскомъ убранствѣ, а другаго въ дѣтскомъ платьѣ и пусть одинаково догадывается о судьбѣ того и другаго. Вмѣстѣ тѣ изъ сотниковъ и трибуновъ, которые сострадали надъ жребіемъ Британника, удалены подъ разными вымышленными предлогами и нѣкоторые подъ предлогомъ почтить ихъ; да и изъ вольноотпущенниковъ, если которые неподкупной преданности, прогнаны при такомъ случаѣ. Встрѣтясь другъ съ другомъ, Неронъ привѣтствовалъ Британника его именемъ, а тотъ его назвалъ Домиціемъ. И это какъ начало раздора, Агриппина сильно, жалуясь переноситъ къ мужу: «пренебрегается усыновленіе и что присудили сенаторы и «повелѣлъ народъ, то среди семейства отмѣняется и, если не «предупредить столь непріязненной злонамѣренности научающихъ, «то кончится это со вредомъ для общества.» Растревоженъ этимъ Клавдій какъ бы преступленіемъ, и лучшихъ изъ воспитателей сына казнитъ изгнаніемъ или смертью и навязываетъ ему данныхъ мачихою. Впрочемъ, Агриппина не рѣшалась еще приняться за самое важное, прежде чѣмъ отъ завѣдыванія преторіанскими когортами освобождены Лузій Гета и Руфій Криспинъ, а она полагала, что они помнятъ о Мессалинѣ и преданы ея дѣтямъ. А потому, вслѣдствіе завѣреній супруги, что когорты жертвою честолюбивыхъ происковъ двоихъ и если одинъ будетъ ими управлять, то тщательнѣе будетъ дисциплина, начальство надъ когортами ввѣрено Бурру Афранію, съ отличною военною славою, но знавшему по чьей милости получилъ онъ это назначеніе. И

свое значеніе Агриппина увеличивала все болѣе и болѣе: въ колесницѣ въѣзжала въ Капитолій, а право это издревле предоставленное только жрецамъ и священнослужителямъ—увеличивало почтеніе къ женщинѣ и единственный по сей день примѣръ представляла она, рожденная отъ императора, сестра того, кто стоялъ во главѣ государства, супруга и мать. Между тѣмъ главный ея поборникъ Вителлій, будучи въ ея самой большой милости и уже въ преклонной старости (до такой степени невѣрны дѣла могущественныхъ лицъ) подвергся обвиненію по доносу сенатора Юнія Лупа; онъ ставилъ ему въ вину оскорбленіе величества и стремленіе къ верховной власти. Послушалъ бы Цезарь, если бы не подѣйствовали на него скорѣе угрозы, чѣмъ просьбы Агриппины, и обвинителя устранилъ отъ огня и воды. Именно того и хотѣлъ Вителлій.

43. Многія въ этомъ году случились чудесныя явленія; на капитолій сѣли зловѣщія птицы; дома обвалились отъ частыхъ землетрясеній и при распространившемся страхѣ и смятеніи народа всѣ малосильные были задавлены. Самый недостатокъ произведеній земли и возникшій вслѣдствіе того голодъ—были приняты за чудесное. И не одни тайныя жалобы, но Клавдія, когда онъ оказывалъ судъ и расправу—осыпали возмутительными криками и, загнавъ въ самую крайнюю часть форума, тѣснили силою, пока онъ съ отрядомъ воиновъ не прорвался чрезъ непріязненныхъ. Вѣрно только то, что на продовольствіе города оставалось хлѣба только на пятнадцать дней и только, по великой благосклонности боговъ и умѣренной зимѣ, успѣли пособить такому крайнему положенію. А по истинѣ когда то изъ Италіи возили припасы легіонамъ въ отдаленныя провинціи; да и теперь нельзя жаловаться на непроизводительность почвы; но мы предпочитаемъ пользоваться Африкою и Египтомъ и жизнь народа Римскаго предоставлена судамъ и случайностямъ.

44. Въ этомъ же году война, начавшаяся между Армянами и Иберами была поводомъ къ весьма важнымъ столкновеніямъ Парѳовъ и Римлянъ. Надъ народомъ Парѳовъ начальствовалъ Вологезъ, происходившій отъ матери, любовницы гречанки; а надъ Иберами Фаразманъ и владѣніе его было старинное. Армянами владѣлъ братъ его Митридатъ при содѣйствіи нашемъ. Былъ у Фаразмана сынъ, по имени Радамистъ, высокій и стройный, обладавшій замѣчательною тѣлесною силою, перенявшій всѣ знанія отца и пользовавшійся доброю славою у сосѣдей. Онъ слишкомъ часто

и смѣло говорилъ: «скромное царство Иберовъ задерживаетъ ста-«рость отца, для того, чтобы скрыть свои пожеланія. А потому «Фаразманъ юношу готоваго уже властвовать, обнадеженнаго рас-«положеніемъ соотечественниковъ, опасаясь за свой уже преклонный «возрастъ сталъ прельщать другою надеждою—указывалъ ему на «Арменію, напоминая, что онъ то далъ ее Митридату, прогнавъ «Парѳовъ, но нужно отложить намѣреніе дѣйствовать силою, и «предпочесть хитрость, которою и подавить неосторожнаго». Такимъ образомъ Радамистъ, притворно разсорившись будто бы съ отцемъ, не будучи въ состояніи переносить нерасположенія мачихи, отправился къ дядѣ. Тотъ принялъ его чрезвычайно ласково точно сына роднаго, сталъ склонять знатнѣйшихъ Армянъ къ перевороту, а Митридатъ этого не зналъ и продолжалъ честить его все болѣе и болѣе.

45. Подъ предлогомъ будто бы примиренія вернулся къ отцу съ извѣстіемъ: чего можно только достигнуть хитростью, сдѣлано все; прочее же нужно довершить оружіемъ. «Между тѣмъ Фараз-«манъ придумываетъ поводы къ войнѣ: когда сражался онъ про-«тивъ царя Албанцевъ и звалъ на помощь Римлянъ, то воспро-«тивился братъ и за это оскорбленіе отмститъ онъ тѣмъ, что пой-«детъ на его гибель». Вмѣстѣ передаетъ онъ сыну большія войска. Тотъ приведеннаго въ ужасъ внезапнымъ вторженіемъ и потерявшаго лагерь Митридата загоняетъ въ укрѣпленіе Горнсасъ, безопасное по мѣстности и гарнизону изъ воиновъ, которыми начальствовалъ префектъ Цэлій Полліонъ и сотникъ Касперій. Ни въ чемъ такъ малосвѣдущи дикари, какъ въ употребленіи машинъ и вообще осадномъ искусствѣ; а намъ эта часть военнаго дѣла преимущественно знакома. Такимъ образомъ Радамистъ, сдѣлавъ покушеніе на укрѣпленія или безъ успѣха или съ урономъ, началъ осаду и, видя что сила остается безъ дѣйствія, подкупаетъ корыстолюбиваго префекта, не смотря на громкія заявленія Каспэрія—какъ бы союзный царь и Арменія, даръ народа Римскаго, не сдѣлались жертвою преступленія и подкупа. Наконецъ такъ какъ Полліонъ ставилъ на видъ численность враговъ, а Радамистъ приказанія отца, то, условясь о перемиріи, удалился съ тѣмъ, чтобы, если Фаразмана не отпугнетъ отъ войны, то дать знать Т. Уммадію Квадрату, префекту Сиріи, въ какомъ положеніи находятся Арменіи.

46. По удаленіи сотника префектъ, какъ бы освободясь отъ надзора, сталъ убѣждать Митридата къ заключенію союзнаго договора, ссылаясь на ихъ братскую связь, на старшинство Годаліи,

Фаразмана и на другія родственныя отношенія; онъ женатъ на его дочери, а Радамистъ ему зять. Не отказываются отъ мира Иберы, хотя на этотъ разъ перевѣсъ силы на ихъ сторонѣ; а вѣроломство Армянъ довольно хорошо извѣстно. У него же не осталось другаго прибѣжища, кромѣ укрѣпленія, гдѣ уже чувствуется недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ; пусть онъ не усумнится предпочесть войнѣ условія, которыя не будутъ стоить кровопролитія. «Не рѣшался «на это Митридатъ и подозрѣвалъ замыслы префекта, такъ какъ «онъ осквернилъ царскую любовницу и считался продажнымъ во «всѣхъ отношеніяхъ. Между тѣмъ Касперій приходитъ къ Фараз«ману и требуетъ, чтобы Иберы оставили осаду». Онъ, давая явно отвѣты неясные и чаще въ духѣ примиренія, тайными гонцами даетъ Радамисту знать, чтобы какъ можно поспѣшилъ съ осадою. Увеличено вознагражденіе за преступленіе и Полліо тайнымъ подкупомъ склоняетъ воиновъ требовать мира и грозитъ, что они уйдутъ изъ укрѣпленія. Въ такой крайности Митридатъ принимаетъ день и мѣсто для союза и выходитъ изъ крѣпости.

47. Сначала Радамистъ бросился къ нему съ распростертыми объятіями, прикинулся послушнымъ, именуя его отцемъ и тестемъ. Присоединилъ и клятву: «не сдѣлаетъ онъ ему насилія ни мечемъ «ни ядомъ; тутъ же увлекаетъ его въ ближайшую рощу, говоря «что тамъ приготовлено, по его приказанію, жертвоприношеніе для «того, чтобы скрѣпить миръ свидѣтельствомъ боговъ». У Царей есть обычай всякой разъ, когда они заключаютъ союзный договоръ — соединить правыя руки и большіе пальцы связать, затянувъ узломъ; а потомъ когда кровь нальется въ оконечность члена, легкимъ ударомъ извлекаютъ кровь и другъ у друга прикасаются къ ней устами; этотъ союзъ считается тайнымъ и какъ бы освященнымъ взаимною кровью. Но тутъ тотъ, кто подходилъ съ этимъ завязываньемъ, притворяясь будто бы упалъ, ухватился за колѣна Митридата и его повалилъ; вмѣстѣ сбѣжались многіе, наложены цѣпи и его повлекли въ ножныхъ оковахъ, что считается позоромъ у дикарей. Тутъ же народъ, съ которымъ онъ обращался строго, осыпалъ его бранью и ударами. Съ другой стороны были, которые сострадали надъ такою перемѣвою судьбы. Слѣдовавшая съ малыми дѣтьми жена наполняла все плачемъ. Скрыты они въ разныя закрытыя повозки, пока послали узнать приказанія Фаразмана. А для него алчность владѣнія была дороже брата и дочери и духъ его готовъ на преступленія; впрочемъ онъ позаботился о томъ, чтобы они убиты были не въ виду его, а за глазами, Да и Радамистъ какъ бы

помня клятву, на сестру и дядю не употребилъ ни меча, ни яда, но брошенныхъ на землю лишаетъ жизни покрытыхъ большимъ количествомъ тяжелаго платья. И сыновья Митридата за то, что оплакивали убійство родителей, умерщвлены.

48. А Квадратъ, узнавъ, что Митридатъ сдѣлался предметомъ измѣны, а царство его во власти убійцъ, зоветъ совѣтъ, передаетъ о томъ, что сдѣлалось и спрашиваетъ: мстить ли? Немногимъ была забота о чести общественной: большая часть толкуютъ о томъ, что безопаснѣе: «каждое внѣшнее (иноземное) преступленіе нужно встрѣ-«чать съ радостью; необходимо даже бросать сѣмена неудовольствій, «такъ какъ уже часто государи Римскіе ту же Арменію, подъ ви-«домъ щедрости, дѣлали поводомъ къ тому, что произвесть смуты «у дикарей. Пусть владѣетъ Радамистъ дурно пріобрѣтеннымъ, «пусть онъ будетъ ненавистенъ, безславенъ, если только изъ этого «можно извлечъ больше пользы, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы «онъ пріобрѣлъ со славою». Мнѣніе это принято. А чтобы не показаться, что преступленіе одобрено, и такъ какъ Цезарь предписалъ совсѣмъ другое, то и отправлены къ Фаразману гонцы повѣстить: «чтобы онъ отступилъ отъ предѣловъ Арменіи и сына «бы отвлекъ».

49. Правителемъ Каппадокіи былъ Юлій Пелигнъ, лѣнивый умомъ и одинаково заслуживавшій презрѣніе смѣшною наружностью, но человѣкъ чрезвычайно близкій къ Клавдію, когда тотъ, будучи еще частнымъ человѣкомъ и празднымъ, находилъ удовольствіе проводить свободное время въ обществѣ шутовъ. Этотъ то Пелигнъ, собравъ вспомогательныя войска изъ провинціи какъ будто бы съ тѣмъ, чтобы возвратить Арменію, пока грабилъ болѣе союзниковъ, чѣмъ враговъ, вслѣдствіе ухода своихъ (воиновъ) и нуждаясь въ защитѣ, пришелъ къ Радамисту. Подъ вліяніемъ его подарковъ, онъ же самъ, по собственному побужденію, убѣждаетъ его—«при-«нять знаки царскаго достоинства», а когда тотъ принялъ, то онъ былъ его исполнителемъ и товарищемъ. Когда это разнеслось и молва о томъ была самая дурная, то какъ бы и о прочихъ не сдѣлали такой же догадки какъ о Пелигнѣ, то легатъ Гельвидій Прискъ посланъ съ легіономъ, чтобы по обстоятельствамъ принять мѣры въ такомъ смутномъ положеніи дѣлъ. А потому, поспѣшно перейдя гору Тавръ, онъ уладилъ больше умѣренностью, чѣмъ силою; но тутъ получилъ приказаніе—возвратиться въ Сирію, чтобы не подать повода къ началу войны противъ Парѳовъ.

50. Такъ какъ Вологезъ, считая, что пришелъ случай овла-

дѣть Арменіею: ею владѣли его предки, а теперь чужестранный царь присвоилъ преступленіемъ, собираетъ войска и готовится отвесть брата Тиридата на царство, для того, чтобы ни одинъ членъ его семейства не оставался безъ владѣнія. Наступленіемъ Парѳовъ безъ боя прогнаны Иберы и города Армянъ: Артаклата и Тиграноцерта—покорились. Затѣмъ жестокая зима, а можетъ быть и недостаточные запасы продовольствія, а вслѣдствіе той и другой причины возникшая моровая язва—побудили Вологеза оставить на этотъ разъ (замыселъ). Опустѣвшую снова Арменію занялъ Радамистъ, болѣе жестокій чѣмъ прежде, такъ какъ въ отношеніи къ измѣнившимъ и при случаѣ опять готовымъ взбунтоваться. Но они, хотя и привыкшіе къ рабству, теряютъ терпѣніе и съ оружіемъ окружаютъ царскій дворецъ.

51. И другаго средства къ спасенію не было у Радамиста, какъ быстрота коней и они унесли его и жену. Но беременная женщина кое какъ еще переносила начало бѣгства изъ опасенія враговъ и любви къ мужу; но вслѣдствіе постоянной поспѣшности животъ приходилъ въ сотрясеніе и вся внутренность потрясалась, а потому она умоляла честною смертью избавить ее отъ позора, попасть въ плѣнъ. Онъ сначала ее обнималъ, приподнималъ, увѣщалъ, то удивляясь ея твердости, то болѣзненный отъ страха, какъ бы она, будучи оставлена, кому нибудь не досталась. Наконецъ, въ изступленіи любви, да и не опытный въ дѣлѣ преступленій, извлекаетъ мечь и раненную влечетъ къ берегу Аракса и бросаетъ въ рѣку, какъ бы и тѣло то кто не унесъ, а самъ сломя голову спѣшитъ къ Иберамъ въ отцовское царство. Между тѣмъ Зенобію (такъ звали эту женщину) въ тихомъ заливѣ, увидали пастухи дышащую и съ признаками жизни; по ея величавой наружности, считая ее не простаго рода, перевязываютъ рану, прикладывая сельскія лѣкарства. Узнавъ ея имя и судьбу, несутъ въ городъ Артаксатъ, оттуда общественною заботливостью отведена къ Тиридату, ласково принята и съ нею обращались какъ съ царицею.

52. Въ консульство Фавста Суллы и Сальвія Оттона, Фурій Скрибоніанъ отправленъ въ ссылку за то, что будто бы онъ старался разузнать о кончинѣ государя, черезъ Халдеевъ. Къ обвиненію припутана была и Юнія, мать его, будто бы не вынося того, что постигло ее прежде (она была сослана). Отецъ Скрибоніана, Камиллъ, въ Долмаціи произвелъ было вооруженное возстаніе и Цезарь относилъ это къ милосердію, что опять оста-

вилъ въ живыхъ родъ непріязненный. Впрочемъ изгнанникъ жилъ послѣ того не долго; случайно ли онъ умеръ или изведенъ ядомъ, —каждый разсказывалъ такъ, какъ самъ вѣрилъ. Объ изгнаніи математиковъ изъ Италіи состоялось сенатское опредѣленіе, жестокое и безполезное. За тѣмъ похвалены въ рѣчи государя тѣ, «которые по стѣсненному положенію дѣлъ домашнихъ добровольно «оставляли сенатское сословіе и удалены тѣ, которые, оставаясь, «безстыдство присоединяли къ бѣдности.»

53. Между прочимъ доложено сенаторамъ—о наказаніи женщинъ, которыя соединяются съ рабами. Постановлено: «чтобы «поступившія такъ, безъ вѣдома господина, считались въ раб«ствѣ, а если съ его согласія, то отпущенниками.» Палланту, котораго Цезарь представилъ какъ виновника этого доклада, дать преторскіе знаки и пятьсотъ милліоновъ сестерцій—подалъ мнѣніе назначенный консулъ Бореа Соранъ. Сципіонъ Корнелій прибавилъ: «публично высказать ему (Палланту) благодарность «за то, что, происходя отъ царей Аркадіи, столь древнимъ бла«городствомъ пожертвовалъ общественной пользѣ и допустилъ— «считаться въ числѣ служителей государя.» Клавдій завѣрилъ: «доволенъ почестью Паллантъ и останется при прежней бѣдности.» И изображено на мѣдной доскѣ всенародно сенатское опредѣленіе, въ которомъ отпущенникъ, владѣлецъ трехъ сотъ милліоновъ сестерцій—осыпанъ былъ похвалами за бережливость (умѣренность) древнихъ временъ.

54. А братъ его, по прозванію *Феликсъ* (счастливый), дѣйствовалъ не съ такою умѣренностью уже давно будучи поставленъ начальникомъ надъ Іудеею, онъ считалъ для себя безнаказаннымь все, чтобы ни сдѣлалъ дурнаго, опираясь на такую всесильную поддержку. Конечно Іудеи подали поводъ, начавъ возмущеніе ослушаніемъ К. Цезаря. Когда узнали о его убіеніи, оно затихло; оставалось опасеніе, какъ бы кто изъ государей не распорядился бы приказать тоже самое. Между тѣмъ Феликсъ несвоевременными мѣрами подстрекалъ ихъ проступки, причемъ ему во всемъ худшемъ соревновалъ Вентидій Куманъ, которому принадлежала часть провинціи. Она была раздѣлена такъ, что Вентидію повиновался народъ Галиллеевъ, а Феликсу—Самаритяне; издавна въ раздорѣ они и въ то время, презирая правителей, не старались сдержать взаимной ненависти. А потому они грабили другъ друга, насылали шайки разбойниковъ, устраивали засады, а иногда и прямо сходились сражаться, а награбленное

и добычу относили къ прокураторамъ. Тѣ сначала радовались, но когда зло принимало все болѣе опасные размѣры, употребили въ дѣло оружіе воиновъ, а тѣ были разбиты. Загорѣлась бы войною провинція, если бы не пришелъ на помощь Квадратъ, правитель Сиріи. Не долго думали употребить въ дѣло смертную казнь противъ Іудеевъ, которые рѣшились на убійство воиновъ; а Куманъ и Феликсъ причинили замедленіе, такъ какъ Клавдій, выслушавъ о причинахъ возмущенія, далъ (Квадрату) право постановить приговоръ и надъ прокураторами. Но Квадратъ, чтобы умѣрить усердіе обвинителей, показалъ Феликса между судей принятаго на трибуналъ и осужденъ за преступленія, совершенныя двумя—одинъ Куманъ. Спокойствіе возвращено провинціи.

55. Не много спустя народъ полевыхъ Киликовъ, носившій прозваніе *Клитовъ*, часто волновавшійся и прежде, въ то время подъ предводительствомъ Тразобора, заняли лагеремъ крутыя горы, и оттуда набѣгами на берега и города, причиняли насиліе земледѣльцамъ и горожанамъ, а въ особенности купцамъ и плывшимъ на судахъ. Осажденъ городъ Анемуріензскій и посланы изъ Сиріи на помощь всадники, но они съ ихъ начальникомъ Курціемъ Северомъ — приведены въ замѣшательство, такъ какъ суровая мѣстность прилежащей страны, представляя удобства для пѣшаго сраженія, не годилась вовсе для коннаго. Потомъ уже царь прибрежья Антіохъ, лестью въ отношеніи къ простому народу и коварствомъ къ вождю, разстроилъ войска дикарей, Троюбора и не многихъ старѣйшинъ умертвилъ; остальныхъ успокоилъ мѣрами снисхожденія.

56. Около этого же времени, прорывъ гору между Фуцинскимъ озеромъ и рѣкою Лирисомъ—съ тѣмъ, чтобы великолѣпіе этого дѣла могло быть предметомъ зрѣлища для большаго числа, на самомъ озерѣ приготовляется морское сраженіе; какъ нѣкогда Августъ, устроивъ по сю сторону Тибра прудъ—показалъ такое же, но легкими судами и въ меньшемъ размѣрѣ. Клавдій снарядилъ вполнѣ триремы, квадриремы и девятнадцать тысячъ вооруженныхъ воиновъ; обходъ опоясалъ плотами для того, чтобы не было возможности уходить во всѣ стороны, но впрочемъ охвачено было пространство достаточное для силы гребли, искусства кормчихъ, натиска судовъ и вообще того, что обыкновенно дѣлается въ сраженіи. На плотахъ были разставлены взводы и эскадроны преторіанскихъ когортъ, а впереди устроены оплоты, съ которыхъ дѣйствовать катапультами и баллистами. Остальное

пространство занимали матросы на крутыхъ (съ палубами) судахъ. Берега, холмы и возвышенія горъ, на подобіе театра, наполнило несмѣтное количество зрителей изъ сосѣднихъ муниципій, а также и изъ самаго Рима изъ желанія видѣть и подслужиться государю. Самъ Клавдій въ блестящей одеждѣ, и недалеко Агриппина въ позлащенной хламидѣ, сидѣли впереди. Сраженіе, хотя и между осужденными, происходило съ настроеніемъ ума людей храбрыхъ и, послѣ многихъ ранъ, отъ смерти спасены.

57. По окончаніи зрѣлища открытъ ходъ водѣ. Нерадѣніе при производствѣ работъ ясно было, такъ какъ выемка была недостаточно глубока до низу или даже до середины озера. Тутъ же, спустя нѣкоторое время глубже вырыты рвы и для привлеченія опять народнаго множества дано зрѣлище гладіаторовъ и сдѣланъ помостъ для пѣшаго сраженія. Но тутъ пиршество, устроенное при истокѣ озера, поразило всѣхъ большимъ страхомъ, такъ какъ сила воды, прорываясь, увлекала то что ближе, снеся тѣхъ, которые стояли по ту сторону или приведя въ ужасъ шумомъ и плескомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Агриппина, воспользовавшись испугомъ государя, обвиняетъ Нарцисса, завѣдывавшаго работами, въ алчности и грабительствѣ; да и тотъ не смолчалъ, уличая ее въ женскихъ слабостяхъ и излишнихъ надеждахъ.

58. Въ консульство Д. Юнія и К. Гатерія, Неронъ, шестнадцати лѣтъ отъ рожденія, принялъ въ супружество Октавію, дочь Цезаря. А чтобы отличиться честными занятіями и славою краснорѣчія, взявшись за дѣло Иліензевъ, искусно изложивъ, что Римляне выходцы изъ Трои и Эней родоначальникъ семейства Юліевъ и другія преданія древности, недалекія отъ басень, добился, что Иліензы освобождены отъ всѣхъ повинностей для государства. Благодаря тому же оратору Бононіензскому поселенію, сдѣлавшемуся жертвою пламени, оказано пособіе въ десять милліоновъ сестерцій. Родосцамъ возвращена свобода, не разъ то отнятая, то закрѣпленная, какъ они оказывали заслуги во внѣшнихъ войнахъ, или провинились внутренними возмущеніями. Апалейцы, пострадавшія отъ землетрясенія, освобождены отъ податей на пять лѣтъ.

59. Клавдій вынуждаемъ былъ къ крайней жестокости интригами той же Агриппины; она погубила Статилія Тавра, знаменитаго богатствами, желая завладѣть его садами. Обвинителемъ былъ Тарквицій Прискъ. Онъ былъ легатомъ (помощникомъ) Тавра, правившаго Африкою съ властью проконсула; по возвращеніи ста-

вилъ ему въ вину незначительное обвиненіе во взяткахъ и еще въ волшебствѣ и суевѣріяхъ Тотъ не выдержалъ долѣе ложнаго обвиненія и незаслуженнаго жребія и насильственно лишилъ себя жизни прежде сенатскаго приговора. Тарквицій впрочемъ выгнанъ изъ куріи и сенаторы, изъ ненависти къ обвинителю, настояли на томъ, не смотря на усилія Агриппины.

60. Въ томъ же году часто и прежде повторяемыя государемъ слова: «приговоры его прокураторовъ должны имѣть такую же «силу какъ если бы онъ самъ ихъ постановилъ»,—чтобы не сочтены были за вырвавшіеся случайно—установлено и сенатскимъ опредѣленіемъ полнѣе и яснѣе чѣмъ прежде. Еще божественный Августъ повелѣлъ: «всадникамъ, завѣдывающимъ управленіемъ «Египта, разбирать дѣла по законамъ и рѣшеніямъ ихъ имѣть «такую же силу, какъ если бы ихъ постановили сановники Рим-«скіе». Вслѣдъ затѣмъ по другимъ провинціямъ и въ городѣ (Римѣ) предоставлена (всадникамъ) большая часть того, что прежде было въ вѣдѣніи преторовъ. Клавдій передалъ всю судебную часть, о которой столько разъ состязались возмущеніями и оружіемъ, когда по проэктамъ Семпроніевъ всадническое сословіе получило судебную власть и наоборотъ законы Сервиліевы возвратили ее сенату; а нѣкогда Марій и Сулла объ этомъ то главное и вели войну. Но въ то время сословій были уже вовсе не тѣ стремленія и тѣ, которые побѣдили, всенародно обнаруживали свою силу. К. Оппій и Корнелій Бальбъ первые силами Цезаря могли предписывать условія мира и объявлять войну. Ни къ чему не повело бы припоминать здѣсь всесильныя имена Мадіевъ, Ведіевъ и другихъ всадниковъ Римскихъ, когда Клавдій отпущенниковъ, которымъ ввѣрилъ управленіе своею частною собственностью, сравнялъ съ собою и законами.—Доложилъ потомъ о необходимости дать особыя права жителямъ Коса и привелъ на память многое объ ихъ древности: «Аргивцы или Коей, отецъ Латоны — древнѣйшіе воздѣлыватели «острова; потомъ съ прибытіемъ Эскулапія внесено искуство лѣ-«ченія и оно, въ высшей степени, заслужило извѣстность между его «предками». — причемъ приводилъ онъ имена каждаго порознь и въ какое время жили они. Онъ даже прибавилъ, что и Ксенофонтъ, знаніями котораго онъ самъ пользуется, происходилъ изъ того же семейства, и уступая его (Клавдія) просьбамъ, необходимо сдѣлать, чтобы Коосцы, на будущее время свободные отъ всякихъ платежей, населяли бы островъ священный, обреченный одному служенію божества. И не подлежитъ сомнѣнію, что можно было бы

передать много такого рода заслугъ народу Римскому и общихъ побѣдъ. Но Клавдій съ свойственною ему легкостью, то что дѣлалъ для кого нибудь не считалъ необходимымъ прикрывать какими либо чрезвычайными средствами.

62. Византійцы, получивъ возможность говорить, отмаливались передъ сенатомъ отъ непомѣрныхъ тягостей и припомнили все, начавъ отъ союзнаго договора, который они заключили съ нами въ то время, когда мы вели войну съ царемъ Македонскимъ, которому, какъ выродку, дано наименованіе Лжефилиппа. Приводили на память, что послѣ того посылали они войска на Антіоха, Персея, Аристоника и во время войны съ пиратами (морскими разбойниками) оказывали содѣйствіе Антонію, предлагали свои услуги Суллѣ, Лукуллу и Помпею; затѣмъ: «недавнія въ отношеніи къ Цезарямъ заслуги, такъ какъ они занимаютъ мѣстность, въ высшей «степени удобную для полководцевъ и войскъ, переходящихъ (изъ «Европы въ Азію) сухимъ путемъ и моремъ и для подвоза при«пасовъ». Дѣйствительно Греки поставили Византію въ самомъ узкомъ проливѣ между Европою и Азіею, на краю Европы. И когда они брали совѣтъ у Пиѳійскаго Аполлона: гдѣ воздвигнуть городъ? то данъ оракулъ: пусть ищутъ мѣсто для жительства насупротивъ земли слѣпыхъ. Этою двусмысленностью обозначались Халцедоніи, такъ какъ они первые, прибывъ въ эти края и разсмотрѣвъ пользы мѣстности, выбрали худшую. А Византія стоитъ на плодородной почвѣ и при обильномъ морѣ, такъ какъ безчисленное множество рыбы, вырываясь изъ Понта, испуганное рядами камней подводными, расположенными наискось, покинувъ изгибъ противуположнаго берега, стремится къ этому порту. Вслѣдствіе этого жители Византіи съ самаго начала стали алчными къ пріобрѣтенію и богатыми; въ послѣдствіи, тѣснимые громадностью повинностей, умоляли о концѣ или мѣрѣ. Содѣйствовалъ и государь, говоря, что имъ, недавно изнуреннымъ войною Ѳракійскою и Босфоранскою, необходимо помочь. А потому на пять лѣтъ имъ оставлены подати.

Въ консульство М. Азинія и М. Ацилія частыя чудесныя явленія показали предвѣстіе, что дѣла перемѣняются къ худшему. Небесный огонь показался на значкахъ и палаткахъ воиновъ. На вершинѣ Капитолія сѣлъ рой пчелъ. Двуликія порожденія людей и у свиньи родился плодъ, у котораго были ястребиные когти. Въ числѣ чудесныхъ явленій считалось уменьшенное число всѣхъ сановниковъ, такъ какъ въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ умерли одинъ за другимъ: квесторъ, эдиль, три-

бунъ, преторъ и консулъ; но въ особенномъ страхѣ была Агриппина, опасаясь словъ Клавдія, вырвавшихся у него въ пьяномъ видѣ: «видно ужь судьба его такая переносить позорное «поведеніе женъ и потомъ казнить ихъ.» Она рѣшилась дѣйствовать и какъ можно скорѣе, а прежде погубила Домицію Лепиду изъза женскихъ расчетовъ: Лепида родилась отъ меньшей Антоніи, дѣдъ у ней былъ Августъ; сначала двоюродная сестра Агриппины и родная Кнея, мужа ея, она считала себя равною Агриппинѣ знатностью. Дѣйствительно и наружность, и лѣта, и средсгва были почти одинаковы. Та и другая безстыдная, чуждая доброй славы, расположенная къ насилію; онѣ соревновали пороками не меньше, какъ и тѣмъ, что хорошаго получили по милости судьбы. И между нихъ шла борьба преупорная — кто будетъ имѣть больше вліянія на Нерона—тетка или мать. Ласкою и щедрыми подарками Лепида задабривала юношескій умъ, а Агриппина злилась и грозила; хотѣла она сыну дать власть, а переносить ее надъ собою была бы не въ состояніи.

65. Лепидѣ въ вину поставили: «будто бы она обреченіями «(заговоромъ, клятвами) посягала на брачную жизнь государя и «будто бы она хотѣла возмутить спокойствіе Италіи при содѣй-«ствіи не совсѣмъ усмиренныхъ по Калабріи шаекъ рабовъ.» За это назначена Лепидѣ смертная казнь, при сильномъ сопротивленіи Нарцисса. Онъ, все болѣе и болѣе подозрѣвая Агриппину, говорятъ высказывалъ своимъ ближнимъ: «вѣрная ему «(Нарциссу) гибель: достанется ли верховная власть Британнику «или Нерону. Впрочемъ Цезарь такія ему оказалъ заслуги, что «онъ для его пользы готовъ пожертвовать жизнью. Уличены «Мессалина и Силій. Такіе же вновь есть поводы къ обвиненію «(если Неронъ будетъ властвовать. Если же Британникъ будетъ «преемникомъ, то никакой заслуги государю не будетъ); ковар-«ство мачихи грозитъ гибелью всему роду съ большимъ позо-«ромъ, чѣмъ еслибы онъ смолчалъ о безстыдствѣ первой жены. «Да въ невѣрности и теперь нѣтъ недостатка, когда любовникомъ «Паллантъ и пусть никому не будегъ сомнѣнія, что для вер-«ховной власти жертвуется приличіями, стыдомъ, тѣломъ и всѣмъ «вообще.» Часто повторялъ онъ эти слова и въ такомъ родѣ, обнимая Британника и моля для него скорѣйшаго приращенія силъ съ лѣтами; то къ богамъ, то къ нему простирая руки: «пусть онъ возмужаетъ и поразитъ враговъ отца, а потомъ «пусть хоть отмститъ убійцамъ матери.»

66. При такихъ тяжкихъ заботахъ, съ Клавдіемъ случилось нездоровье и для поправленія силъ мягкостью климата и цѣлебностью водъ, отправился въ Синуессу. Тутъ Агриппина, уже давно рѣшась на преступленіе, торопливо ухватилась за представившійся случай и, не имѣя недостатка въ соучастникахъ, совѣтовалась о выборѣ яда: «какъ бы скорымъ и внезапнымъ не «обнаружить преступленія; а если выберетъ медленный и обезси«ливающій, то Клавдій какъ бы не понявъ на краю гроба ко«варство, не возвратился бы къ любви сына. Необходимо было «какое нибудь особенное средство, которое, внеся разстройство «въ умственныя способности, отдалило бы смерть. Орудіемъ это«го выбрана одна, по прозванію *Локуста* (кузнечикъ, саранча), «незадолго передъ тѣмъ за отравленіе осужденная, но долго «бывшая въ числѣ орудій верховной власти. Изобрѣтательностью «этой женщины приготовленъ ядъ, а подалъ его служитель изъ «эвнуховъ, по имени Галотъ, вносившій обыкновенно кушанья и «пробававшій ихъ. И все до того сдѣлалось скоро извѣстнымъ, «что писатели тѣхъ временъ передали»: ядъ влитъ въ вкусное кушанье изъ шампиньоновъ и Клавдій тотчасъ не почувствовалъ силы этого пріема, или, по безпечности, или по пьяному состоянію. Вмѣстѣ съ тѣмъ открывшійся поносъ повидимому облегчилъ его. А потому Агриппина пришла въ ужасъ и, опасаясь всего худшаго, пренебрегла негодованіемъ присутствовавшихъ, прибѣгла къ содѣйствію уже раньше приготовленному медика Ксенофонта. Онъ, какъ бы желая содѣйствовать рвотѣ, какъ полагаютъ, опустилъ въ его горло перо, покрытое быстрымъ ядомъ, хорошо зная, что начало преступленія сопряжено съ опасностью, а доведеніе до конца съ наградою.

68. Созывается между тѣмъ сенатъ; за здоровье государя приносятъ обѣты консулы и жрецы, а его бездыханнаго прикрывали уже одеждами и перевязками, пока уладятъ дѣла къ упроченію за Нерономъ верховной власти. Сначала Агриппина, какъ бы пораженная горемъ и ища себѣ утѣшенія, держала въ объятіяхъ Британника, называла его настоящимъ портретомъ отца и разными средствами задерживала, какъ бы онъ не вышелъ изъ спальни. Она удержала тутъ же Антонію и Октавію, сестеръ Британника; всѣ входы заперла караулами и часто повторяла громко, что здоровье государя лучше, «съ тою цѣлью, что«бы убаюкать воиновъ хорошими надеждами, а между тѣмъ по«дойдетъ благопріятное по совѣтамъ Халдеевъ время.»

69. Вдругъ середи дня, въ третій передъ идами Октябрскими день, растворились ворота дворца и Неронъ, въ сопровожденіи Бурра, вышелъ къ когортѣ, которая, по военному обычаю занимала караулы. Тутъ, по внушенію префекта, принятъ онъ радостными голосами и садится въ носилки. Говорятъ, что нѣкоторые (воины) были въ недоумѣніи, озирались и спрашивали: «гдѣ же Британникъ?» Но потомъ, такъ какъ съ другой стороны не было никого, ктобы дѣйствовалъ, послѣдовали за тѣмъ, что предлагалось какъ готовое. Неронъ внесенъ въ лагерь и сказалъ что соотвѣтствовало (обстоятельствамъ) времени, обѣщалъ денежную раздачу, по примѣру отцовской щедрости и привѣтствованъ *императоромъ*. За мнѣніемъ воиновъ послѣдовали сенатскія опредѣленія; не было колебанія и въ провинціяхъ. Опредѣлены Клавдію небесныя почести, а похороны совершены съ такою же торжественностью, какъ и божественнаго Августа: такъ какъ Агриппина соревновала пышности пробабушки Ливіи; а завѣщаніе не читано, для того, чтобы предпочтеніе пасынка сыну не вызвало въ умахъ простаго народа негодованія и недоброжелательства.

КНИГА ТРИНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Гл. 1. Силанъ, проконсулъ Азіи, коварно умерщвленъ ядомъ Агриппиною. Нарциссъ вынужденъ къ смерти.—2. Похвала Бурра и Сенеки.—3. Клавдію, выносъ тѣла котораго былъ какъ цензора, государь говоритъ похвальное слово.—4. Хорошее начало Нерона; многое установлено по волѣ сената.—5. Достойныя мущины занятія Агриппины.—6. Пароы стремятся въ Арменію; разныя о Неронѣ сужденія народа.—7. Онъ принимаетъ на себя заботу войны. Пароы теряютъ Арменію и надъ нею—8. сдѣланъ начальникомъ Корбуло.—9. Вологезъ даетъ заложниковъ. Неронъ улаживаетъ несогласія вождей.—10. Неронъ дѣйствуетъ какъ хорошій гражданинъ,—11. обнаруживаетъ милосердіе.—12. Любитъ Актенъ,—13 къ неудовольствію матери, потомъ тщет-

но подольщавшейся, но съ этого времени утратившей власть.— 14. Палласъ отпущенникъ уволенъ ото всѣхъ занятій общественными дѣлами. Агриппина начинаетъ грозить.—15—17. Неронъ Британника умерщвляетъ быстро дѣйствующимъ ядомъ и торопится его похоронами.—18. Негодующую мать лишаетъ почетной стражи, начинаетъ жить врозь.—19.—22. Покинутая обвинена въ домогательствѣ переворота; оправдывается. Обвинители ея наказаны.—23. Доносы на Палласа и Бурра.—24. Театрамъ данъ видъ большой свободы. Въ городѣ перепись.—25. Ночныя шалости Нерона. Монтанъ, сошедшійся съ государемъ въ потьмахъ, вынужденъ умирать. Актеры изгнаны изъ Италіи.—26.—27. Предложено о возвращеніи въ рабство неблагодарныхъ отпущенниковъ, но не прошло.—28. Трибуновъ и эдилей власть стѣснена.—29. Разнообразныя старанія о казначействѣ.—30.—31. Осужденія нѣсколькихъ знатныхъ лицъ. Л. Волузій умеръ своею смертью. Амфитеатръ Нерона. Начальствующимъ лицамъ запрещено давать игры.—32. Мѣры къ безопасности жизни господъ. Помпонія, Гречанка, обвиненная въ иноземномъ суевѣріи, объявлена невинною;—33. виновными П. Целеръ, Коссутіанъ Капито, Епрій Марцеллъ.—34. Мессала консулъ; щедрость Нерона.—35. Съ Парѳами снова раздоръ объ Арменіи. Дисциплина, доблесть и строгость Корбулона.—36. Пактій Орфитъ, сразившійся вопреки приказанія и разбитый, получилъ повелѣніе удалиться за валъ.—37. Тиридатъ войною тревожитъ Арменію, отправляетъ пословъ къ Корбулону, — 38. а тотъ коварный замыселъ, приготовленный ему во время переговоровъ, отклоняетъ ловко.—39—41. Беретъ укрѣпленныя мѣста Арменіи, дѣлаетъ къ Артаксатѣ приступъ и, по удаленіи непріятеля, беретъ и предаетъ пламени; почести за это Нерону и богамъ.—42. П. Суилій подсудимый нападаетъ на Сенеку,—43. отправленъ въ ссылку.—44. Октавій въ безразсудной любви къ Сагиттѣ уклонявшагося Понтія пронзаетъ мечемъ. Отпущенника удивительная вѣрность.

45. Неронъ начинаетъ любить Поппею Сабину. Ея родъ, наружность, богатства, супружества, любовникъ — 46. Чтобы удалить мужа ея Оттона, его дѣлаютъ начальникомъ Лузитаніи.—47. Корн. Сулла, подозрительный государю, отправленъ въ Массилію.—48. Въ Путеолахъ возстановлено согласіе.—49. Споръ о числѣ гладіаторовъ, которые должны были явиться на играхъ въ Сиракузахъ. Мнѣніе Тразея Пета. — 50. Пошлины удержаны, не смотря на нападки Нерона.—51. Положены мѣры несправедливости откупщиковъ. — 52. Подсудимые проконсулы оправданы.—53. Л. Ветъ, черезъ посредство Мозеллы и Арара, приготовляется соединить Рейнъ съ океаномъ. Препятствуетъ недоброжелательство Элія Грацилия. —54. Фризіи тщетно пытаются поселиться на постоянное жительство возлѣ Рейна.—55. Тѣже поля занимаютъ Анзибары и участь ихъ такая же.—56. Бойокала твердость. Анзибары уничтожены.—57. Катты истреблены Гермундурами почти совершенно. Огонь, вырвавшійся изъ земли, съ трудомъ погашенъ.—58. Руминальское фиговое дерево.

Все это дѣлалось въ теченіи четырехъ лѣтъ въ консульство: Императора Клавдія Нерона и Л. Антистія Витера, К. Волузія и П. Корнелія Сципіона, Императора Клавдія Нерона 2, Л. Кальпурнія Пизона, Императора Клавдія Нерона 3 и Валерія Мессалы.

---

1. При новомъ правленіи первая смерть была Юнія Силана, проконсула Азіи; безъ вѣдома Нерона совершена она коварствомъ Агриппины, не потому, чтобы онъ своею пылкостью ума подготовилъ себѣ гибель; безпечный, наскучилъ уже онъ властью всякаго рода до того, что К. Цезарь имѣлъ обыкновеніе его называть *золотою скотиною*. Но Агриппина, приготовившая убійство брата его Л. Силана, опасалась мстителя вслѣдствіе частыхъ въ народѣ толковъ: «необходимо бы предпочесть Нерону, «только что вышедшему изъ дѣтства, пріобрѣтшему власть пре«ступленіемъ, человѣка уже возрастомъ пожилаго, добродѣтельной

«жизни, знатнаго рода и—въ то время еще на это обращали вни-«маніе—изъ потомковъ Цезаря» такъ какъ и Силанъ былъ правнукъ божественнаго Августа. Вотъ причина убійства. Исполнителями были П. Целеръ, всадникъ Римскій и Гелій, отпущенникъ, завѣдывавшіе частнымъ достояніемъ государя въ Азіи. Ими проконсулу данъ ядъ во время пиршества открытѣе, чѣмъ они могли бы кого обмануть, на этотъ счетъ. Не менѣе поспѣшно Нарциссъ, отпущенникъ Клавдія, о бранныхъ словахъ котораго противъ Агриппины я упоминалъ, суровымъ присмотромъ и крайнею нуждою доведенъ до смерти, противъ воли государя, котораго еще скрытымъ порокамъ, черезъ корыстолюбіе и расточительность онъ удивительно соотвѣтствовалъ.

2. Пошло бы дѣло на убійства, если бы не воспротивились Афраній Бурръ и Анней Сенека. Они, управлявшіе молодостью императора и—явленіе рѣдкое при сотовариществѣ власти—согласные между собою, въ разныхъ отрасляхъ одинаково имѣли силу—Бурръ попеченіемъ о войскѣ и строгою нравственностью, а Сенека—знаніемъ краснорѣчія и честною угодливостью: они содѣйствовали другъ другу какъ бы удобнѣе молодость столь скользкую государя, если онъ пренебрежетъ добродѣтелью, удержать въ предѣлахъ дозволенныхъ наслажденій. Борьба и тому и другому была одна—противъ жестокости Агриппины; она, пылая всѣми страстями превратнаго честолюбія, имѣла сотрудникомъ Палланта, а онъ былъ виновникъ, что Клавдій кровосмѣсительнымъ бракомъ и зловреднымъ усыновленіемъ погубилъ самъ себя. Но умъ Нерона не былъ въ уровень съ рабскимъ и Палласъ, неумѣстною надменностью выйдя изъ предѣловъ, для отпущенника дозволенныхъ, былъ ему въ тягость. А явно осыпали ее всѣми почестями и когда трибунъ, по военному обычаю просилъ лозунга, Неронъ далъ такой: «лучшей матери». Сенатомъ опредѣлены два ликтора; дано званіе Клавдіева фламинія, а Клавдію назначены Цензорскіе похороны и вслѣдъ за тѣмъ посвященіе.

3. Въ день похоронъ государь началъ говорить ему похвальное слово. Пока онъ исчислялъ: древность рода, консульства и тріумфы предковъ, то онъ и прочіе были внимательны. Припоминаніе его занятій изящными искусствами и того, что въ его правленіе дѣлу общественному извнѣ не приключилось никакого несчастія—выслушано охотно; но когда онъ свернулъ на мудрость и предусмотрительность, то никто не могъ удержаться

отъ смѣха, хотя рѣчь, сочиненная Сенекою, отличалась искусною обработкою; у него были способности пріятныя и соотвѣтствовавшія требованіямъ того времени. Замѣтили люди пожилые, которымъ довольно свободнаго времени сравнивать давно прошедшее съ настоящимъ, что Неронъ первый изъ тѣхъ, которые стояли во главѣ государства, имѣлъ надобность въ чужомъ краснорѣчіи. Цезарь Диктаторъ стоялъ наравнѣ съ лучшими ораторами; да и краснорѣчіе Августа было какое надлежитъ имѣть государю—готовое и обильное. Тиберій тоже былъ силенъ въ искусствѣ выбирать слова или полныя смысла или умышленно неясныя. Даже смятенный умъ К. Цезаря не испортилъ его силы краснорѣчія. Да и въ Клавдіѣ, когда онъ говорилъ то, что обдумалъ, не было недостатка въ изяществѣ выраженій. Неронъ съ дѣтскихъ лѣтъ живой умъ—обратилъ на другое: лѣпить, рисовать, пѣть или управлять конями, а иногда сочиненіемъ стихотвореній обнаруживалъ, что и онъ не чуждъ началъ учености.

4. Затѣмъ совершивъ весь долгъ мнимой печали, онъ вошелъ въ курію и, предпославъ нѣсколько словъ о значеніи сенаторовъ и единодушіи воиновъ, онъ припомнилъ: «совѣты и примѣры для «него съ отличіемъ взятые за дѣло общественное. Молодое поко«лѣніе чуждо междуусобной войны и внутреннихъ несогласій: а «отсутствіе раздраженія и неудовольствій условливаетъ и нежеланіе «казней». Тутъ онъ начерталъ правила будущаго правленія, то въ особенности отклоняя, что ненавистно было въ настоящемъ: «Не «будетъ онъ судьею во всѣхъ дѣлахъ такъ, чтобы—при нахожде«ніи въ одномъ и томъ же домѣ и обвинителей и подсудимыхъ, «не распространялась власть немногихъ. Въ домашнемъ его кружкѣ не будетъ ничего продажнаго или такого, гдѣ бы личныя «искательства могли имѣть мѣсто: собственныя его дѣла будутъ «отдѣлены отъ общественныхъ. Пусть сенатъ исполняетъ свои ста«ринныя обязанности; передъ трибуналами консуловъ пусть является «Италія и провинціи государства. Они—консулы пусть даютъ до«ступъ къ сенаторамъ, а онъ будетъ заботиться о ввѣренныхъ ему «войскахъ». И не было недостатка въ искренности. Многое установлено по волѣ сената: «чтобы никто на защиту дѣлъ не былъ «нанимаемъ за плату или подарки; чтобы назначеннымъ въ кве«сторскую должность не было необходимости давать гладіаторскія «игры». И сенаторы настояли на этомъ, не смотря на противудѣйствіе Агриппины, жаловавшейся на ниспроверженіе будто бы распоряженій Клавдія. Сенаторовъ затѣмъ и звали во дворецъ, что-

бы она имѣла возможность присутствовать за находившимися сзади дверьми покрытыми занавѣсомъ, такъ, что, не показываясь, можно было все слышать. Даже когда послы Армянъ излагали въ рѣчи передъ Нерономъ дѣло своего народа, Агриппина приготовилась взойдти на возвышеніе Императора и сѣсть съ нимъ вмѣстѣ. Всѣ растерялись отъ страха, только Сенека посовѣтовалъ ему—поспѣшить на встрѣчу идущей матери. Такимъ образомъ подъ видомъ почтительности предупреждено униженіе.

6. Въ концѣ года пришли безпокойные слухи, что прорвались снова Парѳы и оторвали Арменію, прогнавъ Радамиса; а тотъ не разъ то овладѣвалъ царствомъ, то бѣжалъ и на этотъ разъ оставилъ войну. А потому въ городѣ, жадномъ до всякаго рода толковъ, одни задавали вопросы: «какимъ образомъ государь, кото«рому чуть исполнилось 17 лѣтъ, будетъ въ состояніи взяться за «такое бремя и съ нимъ справиться? Какую помощь можно найдти «въ томъ, кѣмъ управляетъ женщина? Развѣ сраженія, осады го«родовъ и другія военныя дѣйствія могутъ быть совершаемы че«резъ учителей»? А другіе имъ возражали: «лучшаго исхода на«добно ждать, чѣмъ еслибы Клавдій, обезсилѣвшій отъ старости «и бездѣйствія, призванъ былъ бы къ военнымъ трудамъ, пови«нуясь самъ рабскимъ приказаніямъ. Бурръ и Сенека извѣстны «опытностью во многихъ отрасляхъ дѣлъ. Да и императору сколько «же не достаетъ до полнаго развитія силъ, когда принимали уча«стіе въ междуусобныхъ войнахъ Кн. Помпей—восьмнадцати, а «Цезарь Октавіанъ—девятнадцати. Притомъ въ самихъ важныхъ «дѣлахъ гораздо болѣе дѣлается счастіемъ и предусмотрительностью, «чѣмъ оружіемъ и силою тѣлесною. Вотъ онъ, конечно, представитъ «доказательство—честными ли онъ друзьями пользуется или нѣтъ— «выберетъ ли онъ, отбросивъ зависть, вождя отличнаго или наз«начитъ по проискамъ богатаго деньгами и полагающагося на лич«ную милость.»

7. Между тѣмъ какъ толковали такъ и въ этомъ родѣ, Неронъ приказываетъ: «молодежь, набранную по ближайшимъ провин«ціямъ, отправить на пополненіе Восточныхъ легіоновъ и самые ле«гіоны поставить поближе къ Арменіи. А двумъ стариннымъ ца«рямъ—Агриппѣ и Антіоху, отправить войска, которыя бы сами «вступили въ предѣлы Парѳовъ; а вмѣстѣ навели бы мосты на рѣкѣ «Евфратѣ. Арменію малую поручаетъ Аристобулу а страну—Софену «Согему со знаками царскаго достоинства». И явился во время со-

перникъ Вологезу—сынъ Варданъ и Пареы удалились изъ Арменіи, какъ бы отложивъ войну.

8. А въ сенатѣ все прославлено въ большемъ размѣрѣ мнѣніями тѣхъ, которые опредѣлили: «благодарственное молебствіе и «на дни молебствій торжественную (тріумфальную) одежду государю «и входъ ему въ городъ съ почестями оваціи; статую ему (Неро«ну) такой же величины какъ и Марса и въ томъ же храмѣ». Сверхъ обычной льстивости радовались, что Неронъ поручилъ удержаніе Арменіи Домицію—Корбулону, и повидимому открылось мѣсто добродѣтелямъ. Войска Востока раздѣлены такъ, что часть вспомогательныхъ войскъ съ двумя легіонами должна была остаться въ провинціи Сиріи, у намѣстника ея Квадрата Уммидія. Ровное же число гражданъ и союзниковъ должно было находиться у Корбулона, съ присоединеніемъ когортъ и другихъ зимовавшихъ въ Каппадокіи, а союзнымъ царямъ повелѣно повиноваться, насколько потребуетъ того война. Но усердіе ихъ было больше къ Корбулону. Онъ, желая удовлетворить молвѣ, имѣющей великое значеніе при началѣ предпріятій, совершивъ поспѣшно переѣздъ, нашелъ у Егей, города Киликіи, вышедшаго къ нему на встрѣчу Квадрата съ цѣлью какъ бы Корбулонъ, если бы вошелъ въ Сирію для принятія войскъ не обратилъ на себя вниманія всѣхъ, громадный тѣломъ, величавый на словахъ и кромѣ мудрости и опытности, богатый и внѣшними, суетными достоинствами.

9. Впрочемъ и тотъ и другой черезъ посланцевъ предупреждали Вологеза: «предпочесть миръ войнѣ и, давъ заложниковъ, оста«ваться въ чувствахъ почтенія къ народу Римскому обычныхъ и «прежде». А Вологезъ—чтобы удобнѣе изготовиться на войну, а, можетъ быть, съ цѣлью удалить подъ предлогомъ заложниковъ тѣхъ, кого подозрѣвалъ въ соперничествѣ, выдалъ знатнѣйшихъ изъ рода Арсакидовъ. Принялъ ихъ сотникъ Питеій, посланный Уммидіемъ случайно по прежнему поводу, вслѣдствіе свиданія съ царемъ. Когда Корбулонъ узналъ объ этомъ, то приказалъ идти префекту когорты Аррію Вару и взять заложниковъ. Произошла перебранка между префектомъ и сотникомъ а, чтобы она не была долѣе зрѣлищемъ чужимъ, то рѣшеніе дѣла предоставлено заложникамъ и посламъ, которые ихъ вели. Они, вслѣдствіе свѣжей славы и нѣкотораго расположенія самихъ непріятелей, избрали Корбулона. Вслѣдствіе этого раздоръ между вождями: Уммидій жаловался, что воспользовались плодами его соображеній, а Корбулонъ напротивъ приводилъ какъ доказательство не въ пользу Уммидія то, что царь

не прежде склонился дать заложниковъ, какъ когда онъ, будучи избранъ главнымъ начальникомъ войны, надежды его перемѣнилъ въ опасенія. Неронъ, чтобы уладить несогласіе, приказалъ обнародовать: «за дѣла, счастливо совершенныя Квадратомъ и Корбулономъ, присоединить лавръ къ Императорскимъ пукамъ». Тутъ я изложилъ вмѣстѣ событія, которыя перешли во время управленія другихъ консуловъ.

10. Въ томъ же году Цезарь просилъ у сената—статую отцу своему Кн. Домицію и консульскія отличія Аспонію Лабеону, который былъ у него опекуномъ; а отказался отъ статуй литыхъ, золотыхъ или серебряныхъ, которыя были ему предлагаемы. И хотя сенаторы опредѣлили было, чтобы начало года считалось съ декабря мѣсяца, въ которомъ родился Неронъ—но онъ оставилъ за январскими календами прежнее значеніе—начинать годъ. И непринятаы подсудимыми: Каринасъ Целеръ, сенаторъ по обвиненію раба и Юлій Дензъ, всадническаго сословія, которому ставили въ вину расположеніе къ Британнику. Въ консульство Клавдія Нерона и Л. Антистія, когда должностныя лица давали присягу на дѣйствія государей, Неронъ не допустилъ чтобы Антистій, его сотоварищъ (консульства) далъ присягу на его дѣйствія. Сильно хвалили (этотъ поступокъ) сенаторы для того, чтобы юношескій умъ, поощряемый славою, хотя и въ малозначительныхъ дѣйствіяхъ, въ томъ же духѣ продолжалъ бы и въ большемъ размѣрѣ. Послѣдовала снисходительность къ Плевтію Латерану, котораго, за любовную съ Мессалиною связь удаленнаго изъ сословія (сенаторскаго) возвратилъ сенату, милосердіе свое, выставляя въ частыхъ рѣчахъ, которыя устами государя произносилъ Сенека, или въ доказательство какія честныя правила онъ ему внушалъ или для того, чтобы похвалиться изобрѣтательностью ума.

12. Впрочемъ мало по малу надломлено могущество матери, когда Неронъ низошелъ до любви къ отпущенницѣ, прозванной Акте, а дѣлалось это съ вѣдома Оттона и Клавдія Сенеціона, прекрасныхъ молодыхъ людей. Изъ нихъ Оттонъ происходилъ изъ консульскаго семейства, а Сенеціо родился отъ отца отпущенника Цезаря. Сначала мать (Агриппина) не знала, а потомъ безъ успѣха противудѣйствовала, и Неронъ совершенно погрузился въ сладострастіе и тайныя двусмысленности. И болѣе суровые друзья государя не усиливались противъ этого, такъ какъ эта женщина (Акте) безъ обиды кого-либо удовлетворяла страсти государя. Тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ отвращеніе отъ Октавіи, женщины знатной родомъ и че-

стности испытанной или по волѣ судебъ или потому, что не дозволенное имѣетъ болѣе силы. Съ другой стороны опасались какъ бы не прорвался бы онъ (Неронъ) на насилія женщинъ знатныхъ, если его воздержать отъ той страсти (къ Акте).

13. А Агриппина роптала: и соперница ей отпущенница, невѣсткою «раба», и другое въ этомъ родѣ, свойственное женщинѣ. И не дожидалась она, чтобы сынъ передумалъ или пресытился и чѣмъ она хуже его попрекала, тѣмъ подстрекала сильнѣе, и наконецъ—весь предавшись любви,—у матери отнялъ ея значеніе и передалъ Сенекѣ. Изъ его короткихъ знакомыхъ Анней Серенъ, притворною любовью къ той же отпущенницѣ, прикрывалъ первыя страстныя стремленія юноши и что государь тайкомъ давалъ женщинѣ, явно выдавалъ за изъявленіе своей щедрости. Тутъ Агриппина, перемѣнивъ образъ дѣйствія (тактику) лестью старалась дѣйствовать на молодаго человѣка; предлагала свое ложе и грудь для прикрытія того, чего требуютъ молодость и верховная власть. Сознавалась въ несвоевременной строгости и передавала всѣ свои богатства, которыя немного не равнялись съ императорскими; недавно доходя до крайностей въ обузданіи сына, теперь, на оборотъ, неумѣренно себя унижала. Такая перемѣна не обманула и Нерона, а ближайшіе изъ друзей высказывали свои опасенія и умоляли: «остерегаться ко-«варства женщины, всегда жестокосердой, а на этотъ разъ и лжи-«вой». Случайно тѣми днями Цезарь, пересматривая дорогія вещи, которыми блистали жены и родныя государей, отобралъ платье и драгоцѣнныя камни и послалъ въ даръ матери, безо всякой скупости предлагая первый и лучшее, и то что для другихъ составляло предметъ страстныхъ желаній. Но Агриппина высказала громко: «не этимъ показывается къ ней вниманіе, когда она отстра-«нена ото всего прочаго и сынъ дѣлитъ съ нею то, что все имѣетъ «по ея милости». Не было недостатка въ людяхъ, которые переносили еще въ худшемъ смыслѣ.

14. И Неронъ, враждебный тѣмъ, на кого опиралась женская надменность, удаляетъ Палланта отъ завѣдыванія дѣлами. Онъ, поставленный Клавдіемъ, былъ какъ бы распорядителемъ царства. И говорятъ, что Неронъ, когда Паллантъ уходилъ, сопровождаемый большою толпою слѣдовавшихъ за нимъ, не безъ остроумія сказалъ: «идетъ Паллантъ отрекаться отъ клятвы», Конечно Паллясъ условился: «не подвергаться допросу ни за какое дѣло въ «прошломъ и чтобы таковы же были его расчеты съ государ-«ствомъ». Послѣ того Агриппина, очертя голову, бросилась на за-

стращиванья и угрозы, и въ слухъ самаго государя говорила: «уже въ совершенныхъ лѣтахъ и Британникъ—истинная и достой-«ная отрасль для принятія отцовской власти, которою пришлецъ «и усыновленный пользуется къ оскорбленію матери; не прочь она «отъ того, чтобы обнаружились всѣ бѣдствія несчастнаго семейства: «во первыхъ ея бракосочетаніе, потомъ отравленіе. Впрочемъ и «боги, и она имѣли попеченіе о томъ, чтобы живъ былъ пасынокъ. «Пойдетъ она съ нимъ въ лагери. Пусть будетъ выслушена съ «одной стороны дочь Германика, съ другой низкій Бурръ и ссыль-«ный Сенека, отрубкомъ руки и учительскимъ языкомъ домогаю-«щіеся управленія надъ родомъ человѣческимъ». При этомъ поднимала она руки, не щадила бранныхъ словъ, призывала посвященнаго Клавдія, изъ ада тѣни Силановъ и столько безплодныхъ преступленій.

15. Смущенъ былъ этимъ Неронъ и на слѣдующій день, въ который исполнилось Британнику 14 лѣтъ отъ рожденія, обдумывалъ онъ самъ съ собою то готовность матери на всякое насиліе, то характеръ Британника. А послѣдній узналъ недавно по ничтожному обстоятельству, которымъ, впрочемъ, онъ снискалъ общее расположеніе. Въ праздничные Сатурну дни, въ числѣ другихъ игръ съ сверстниками, въ игрѣ бросавшихъ жребій кому царствовать, досталось Нерону. Прочимъ отдавалъ онъ приказанія разныя и въ краску не вводившія, а Британнику отдалъ приказаніе: встать и, выступивъ на середину, начать какое-либо стихотвореніе, въ надеждѣ обратить это въ насмѣшку мальчика, незнакомаго съ обществомъ и трезвыхъ, а не говоря уже пьяныхъ. А тотъ (Британникъ) твердымъ голосомъ началъ стихотвореніе, въ которомъ высказывалъ: «что онъ лишенъ отцовскаго мѣста и верховной вла-«сти». Это вызвало состраданіе съ откровенностью тѣмъ большею, что ночь и веселое настроеніе духа не давали мѣста притворству. Неронъ, понявъ недоброжелательство, сталъ питать ненависть; а такъ какъ Агриппина приставала съ своими угрозами, то Неронъ не дерзая ни на какое преступленіе и на то, чтобы явно отдать приказаніе убить брата, покушается на тайное: приказываетъ приготовить ядъ чрезъ посредство Полліона Юлія, трибуна Престоріанской когорты, а его заботливости поручено было охраненіе осужденной за отравленія именемъ Локустіи, извѣстной многими преступленіями. А уже давно приняты были мѣры, что всѣ лица, ближайшія къ Британнику ни во что ставили долгъ и обязанности. Сначала Британникъ принялъ ядъ отъ самихъ воспитателей, но онъ про-

шелъ разстройствомъ желудка, или не будучи достаточно силенъ или таково было его свойство, что онъ не тотчасъ обнаруживалъ всю свою жестокую силу. Но Неронъ не имѣлъ довольно терпѣнія для медленнаго преступленія, грозилъ трибуну и приказывалъ: «казнить отравительницу, такъ какъ они пока обращаютъ вниманіе «на толки, готовятъ какъ защищаться, замедляютъ безопасность». Вслѣдъ за этимъ обѣщали убійство такое скорое, какъ еслибы онъ былъ пронзенъ мечемъ. Подлѣ спальни Цезаря варятъ ядъ, самый быстрый изо всѣхъ дотолѣ извѣстныхъ ядовъ.

16. Былъ обычай, чтобы дѣти государей съ прочими того же возраста знатными дѣтьми, сидя вмѣстѣ, въ виду родныхъ, пользовались отдѣльнымъ столомъ и не столь роскошнымъ. Тутъ когда обѣдалъ Британникъ — такъ какъ и пищу его и питье пробовалъ на вкусъ, выбранный для этой цѣли служитель, то чтобы и обычаемъ этимъ не пренебречь, и преступленіе не обнаружилось бы смертью того и другаго, придумана такая хитрость. Еще не отравленное и отвѣданное на вкусъ, но прегорячее питье подано Британнику; и когда онъ отъ этаго кипятку обнаружилъ отвращеніе, то въ холодной водѣ данъ ядъ и онъ такъ быстро поразилъ всѣ его члены, что разомъ отнялись у него и голосъ и дыханіе. Сидѣвшіе около трепетали, а испуганные нечаянностью даже убѣжали. А тѣ, у кого понятія было побольше, оставались, внимательно смотря на Нерона. Онъ какъ возлежалъ будто бы ничего не зная, сказалъ: «это явленіе обыкновенное, «вслѣдствіе падучей болѣзни, которой съ ранняго дѣтства, стра«даетъ Британникъ и мало по малу возвратятся къ нему и зрѣ«ніе и чувства.» Агриппина, какъ не скрывала выраженіе лица, обнаружила такой страхъ и такое оцѣпененіе ума, что ясно было, что она настолько же не знала этого, насколько и Октавія, сестра Британника; она понимала, что у ней отнято послѣднее средство помощи и что это примѣръ отцеубійства. Да и Октавія какъ ни была еще неопытна годами, научилась скрывать скорбь, любовь и вообще всѣ чувства.

17. Такимъ образомъ, послѣ непродолжительной тишины, возобновилось веселіе пиршества. Одна и таже ночь соединила и смерть Британника, и его костеръ; заранѣе приготовлено было все для похоронъ, и притомъ очень скромно. Впрочемъ погребенъ Британникъ на Марсовомъ полѣ при погодѣ столь ненастной, что народъ былъ увѣренъ въ негодованіи боговъ на такое преступленіе. А его прощали и большинство людей, принимавшихъ въ

соображеніе старинныя несогласія братьевъ и невозможность совмѣстнаго управленія. Большинство писателей того времени передаетъ, что, за нѣсколько дней до смерти Британника, Неронъ не разъ воспользовался его невинностью, какъ будто бы уже и такъ не была преждевременною и жестокою смерть Британника, среди святыни пиршества, даже не давъ срока обнять сестру, въ глазахъ его врага совершенная надъ этимъ послѣднимъ потомкомъ крови Клавдіевъ, если онъ не былъ прежде опозоренъ насиліемъ, чѣмъ сдѣлался жертвою яда. Поспѣшность похоронъ защитилъ Цезарь эдиктомъ (указомъ)—ссылаясь на установленія предковъ: «устранять отъ глазъ печальную церемонію и не за-«держивать похвальными словами или пышностью. Впрочемъ и «ему, утративъ содѣйствіе брата, остаются надежды только въ «государствѣ. И тѣмъ болѣе и сенату и народу надлежитъ имѣть «расположенія къ государю, одному оставшемуся въ живыхъ изъ «семейства, рожденнаго для высшей власти». Вслѣдъ за тѣмъ онъ осыпаетъ щедрыми дарами сильнѣйшихъ изъ своихъ друзей. Нашлись и такіе, которые уличали людей, хвалившихся умѣренностью въ томъ, что они раздѣлили въ то время дома, виллы какъ бы добычу. А другіе полагали, что они поставлены въ эту необходимость государемъ, сознававшимъ за собою преступленіе и надѣявшимся на прощеніе, если подкупомъ привяжетъ всѣхъ, кто посильнѣе. А раздраженіе матери не смягчалось никакими самыми щедрыми подарками; она обратила всю любовь на Октавію, съ друзьями имѣла частые тайные переговоры и при своемъ природномъ корыстолюбіи, она со всѣхъ сторонъ старалась захватить деньги, какъ бы готовя средства. Ласково принимала трибуновъ и сотниковъ; почетно обращалась съ именами и доблестями знатныхъ родовъ, какіе еще въ то время оставались, какъ будто бы отыскивала вождя и составляла партію. Узналъ объ этомъ Неронъ и отдалъ приказаніе, чтобы удалились отъ нея военные караулы, которые, какъ прежде, были при женѣ императора, такъ теперь оставались при его матери и Германцамъ, которые были прибавлены стражами сверхъ обычной почести. А для того, чтобы ее не посѣщала толпа приходящихъ съ привѣтствіемъ, отдѣляетъ дома и мать переводитъ въ тотъ, что былъ Антоніи. Каждый разъ, какъ самъ туда приходилъ, былъ окруженъ толпою сотниковъ и послѣ короткаго поцѣлуя удалялся. Изъ обстоятельствъ человѣческихъ нѣтъ ничего столь непрочнаго и непостояннаго какъ слава могущества, на собственной силѣ неоснованнаго. Тот-

часъ же опустѣлъ порогъ Агриппины. Никто не утѣшалъ, никто не приходилъ, кромѣ немногихъ женщинъ, неизвѣстно и то, по расположенію ли, или по недоброжелательству. Въ числѣ ихъ находилась Юнія Силана, которую, какъ я говорилъ выше, развела Мессалина съ ея мужемъ К. Силіемъ, она обращала общее вниманіе знатностью рода, красотою и легкимъ поведеніемъ. Долго была она очень дорога Агриппинѣ; но потомъ открылись между ними тайныя неудовольствія за то, что Агриппина отвлекла отъ брака съ Силаною Секстія Африкана, знатнаго молодаго человѣка, говоря, что она и безстыдна, и лѣтъ уже не молодыхъ. И это не съ тѣмъ, чтобы для себя приберечь Африкана, но чтобы Силана оставалась одинокою и богатства ея не перешли къ мужу. Та, при представившейся надеждѣ отомстить, приготовляетъ обвинителей изъ своихъ кліентовъ—Итурія и Кальвизія, приводя нестарое и не разъ уже слышанное: «будто бы Агрип-«пина оплакиваетъ смерть Британника и распускаетъ слухи о томъ «какъ обижена Октавія»; но то: «будто бы она рѣшила Рубел-«лія Плавта, по матери равнаго происхожденіемъ и степенью рода «отъ божественнаго Августа и Неронамъ, поставить посредствомъ «переворота во главѣ государства и бракомъ съ нимъ обезпечить «за собою снова верховную власть». Итурій и Кальвизій открываютъ это Атимету, отпущеннику Домиціи, тетки по отцу Нерона. А тотъ, радуясь представившемуся случаю (такъ какъ между Агриппиною и Домиціею постоянно были соперничество и непріятности) Париса Гистріона (актера), тоже отпущенника Домиціи, побуждаетъ идти тотчасъ же и обвиненіе представить въ самомъ страшномъ видѣ. Уже много было ночи—а Неронъ проводилъ ее въ пьянствѣ, какъ вошелъ Парисъ, но онъ обыкновенно и въ такое время присматривалъ за наслажденіями государя. На этотъ разъ принялъ онъ видъ весьма печальный, и изложивъ порядкомъ доносъ, до того испугалъ слушавшаго его Нерона, что онъ рѣшилъ не только предать смерти мать Плавта, но и Бурра лишить префектуры, какъ человѣка. выдвинувшагося впередъ милостью Агриппины и ей обязаннаго. Фабій Рустинъ сообщаетъ, что уже была написана записка къ Цецинію Туску, въ которой ему поручаемо было попеченіе о преторіанскихъ когортахъ, но содѣйствіемъ Сенеки эта почесть осталась за Бурромъ. Плиній Клувій говорятъ, что о вѣрности префекта не было никакого сомнѣнія. Конечно Фабій имѣетъ наклонность хвалить Сенеку, дружбою котораго процвѣлъ. А мы слѣдовали болѣе согласному мнѣнію авторовъ изъ пе-

редавшихъ различныя и приволимъ ихъ, именуя каждаго. Оробѣвшій Неронъ, жаждавшій убійства матери, не прежде могъ отложить его, какъ Бурръ обѣщалъ предать ее смерти, если будетъ уличена въ преступленіи: «но каждому, а тѣмъ больше родитель-«ницѣ, надобно дать возможность защищаться. Да и обвинителей «нѣтъ, но слышится единственный голосъ изъ враждебнаго дому. «Пусть дастъ пройдти потемкамъ и ночи проведенной безъ сна въ «пиршествѣ, когда все неразлучно съ невѣдѣніемъ и неосмотритель-«ностію». Такъ успокоены опасенія государя, а съ наступленіемъ дня отправляются къ Агриппинѣ—ознакомить ее съ обвиненіемъ для того, чтобы она или опровергла или понесла бы должную казнь. Бурръ исполнялъ это порученіе передъ Сенекою; присутствовали и изъ отпущенниковъ свидѣтели объясненія. Бурръ, изложивъ сущность обвиненія и его виновниковъ, говорилъ съ угрозою. Агриппина, вѣрная своему неукротимому характеру, отвѣтила: «не удив-«ляюсь, что Силана, не родивъ никогда дѣтей, совершенно незна-«кома съ чувствами матери. Родители не мѣняютъ дѣтей такъ, «какъ безстыдныя женщины любовниковъ. И если Итурій и Каль-«визій, промотавъ все свое состояніе, стараются заплатить старухѣ «послѣднимъ содѣйствіемъ, взявъ на себя обвиненіе, то не слѣдуетъ «ни мнѣ навлекать на себя безславіе дѣтоубійства, ни Цезарю со-«вершить убійство надъ матерью. Враждѣ Домиціи простила бы я «охотно, если бы она соревновала мнѣ въ расположеніи къ Неро-«ну, а теперь черезъ наложника Атимета и актера Париса какъ «бы сочиняетъ сценическіе вымыслы. Она украшала свои Байскіе «садки въ то время: когда моими усиліями подготовлены были усы-«новленіе, права проконсула, назначеніе въ консулы и прочее что «нужно было для пріобрѣтенія верховной власти. Пусть явится кто «уличилъ бы меня въ покушеніяхъ на когортѣ въ городѣ, въ при-«зывѣ провинцій къ нарушенію вѣрности, наконецъ въ подкупѣ «рабовъ или отпущенниковъ на преступленіе! Могла бы я оста-«ваться жива, если бы Британникъ сдѣлался главою государства? «Да и если бы Плавтъ или кто другой овладѣлъ бы государ-«ствомъ и сталъ бы судить, то у меня ли будетъ недостатокъ въ «обвинителяхъ, которые поставятъ мнѣ въ вину невырвавшіяся кой «когда неосторожно слова любви неумѣренной, а такія преступле-«нія, въ которыхъ оправданія могу я ждать развѣ только отъ сына?» Тронуты были присутствующіе и уже сами стали успокоивать взволнованную Агриппину. Она требуетъ свиданія съ сыномъ и во время его ни слова о невинности—это показало бы какъ бы сомнѣ-

ніе въ себѣ, ни о благодѣяніяхъ—какъ бы не попрекнуть, но добилась наказанія доносчикамъ и награды друзьямъ.

22. Завѣдываніе продовольствіемъ поручено Фенію Руфу; надзоръ за играми, которыя готовилъ Цезарь—Аррунцію Стеллѣ; управленіе Египтомъ—К. Больбиллу. Сирія назначена П. Антеію, но, подъ разными предлогами, его задерживали и наконецъ оставили въ городѣ. Силана отправлена въ ссылку; Кальвизій и Итурій также. Атиметъ казненъ, а Парисъ слишкомъ былъ нуженъ для страстей государя, чтобы понести наказаніе. О Плавтѣ на этотъ разъ промолчали.

23. Затѣмъ послѣдовалъ доносъ: «согласились за одно Палласъ и Бурръ—призвать къ верховной власти Корнелія Суллу, «знатнаго происхожденія, находившагося въ свойствѣ съ Клавдіемъ, такъ какъ черезъ бракъ былъ зятемъ Антоніи. Виновникомъ этого обвиненія явился какой то Петъ, извѣстный публичными продажами при казнохранилищѣ, а въ то время явно «обличавшій свое тщеславіе. И не на столько пріятна была невинность Палланта, какъ тяжка его гордость. Онъ, когда наименованы были его отпущенники, которыхъ будто бы имѣлъ «онъ соучастниками, отвѣчалъ: я у себя дома свою волю не «обнаруживаю иначе, какъ мановеніемъ головы или руки, а если «нужно высказать что нибудь побольше, то выражалъ на письмѣ «для того, чтобы не имѣть общенія словъ (голоса).» Бурръ, хотя обвиняемый, говорилъ свое мнѣніе сидя между судей. Постановлено обвинителя сослать, а таблицы (списки) сожжены, которыми онъ выводилъ наружу долги казначейству, отъ времени уже стиравшіеся.

24. Въ концѣ года когорта, стоявшая обыкновенно на караулѣ во время игръ, уведена, чтобы дать болѣе подобія свободѣ и чтобы воины, не участвуя въ театральномъ своеволіи, оставались бы недоступными порчѣ, а народъ представилъ бы доказательства: можетъ ли онъ скромно себя вести, съ удаленіемъ стражей. Государь произвелъ очищеніе городу вслѣдствіе отвѣта гадателей по птицамъ и того, что храмы Юпитера и Минервы были тронуты небеснымъ огнемъ.

25. Въ консульство К. Волузія и П. Сципіона извнѣ было спокойно, а внутри (государства) господствовалъ гнусный развратъ. Неронъ скитался по улицамъ Рима, заходилъ въ бордели и трактиры, скрываясь подъ одеждою раба, чтобы его не узнали. Его сопровождавшіе похищали предметы, выставленные для

продажи и наносили раны тѣмъ, которые встрѣчались; и, при совершенномъ невѣдѣніи, ихъ принималъ удары и слѣды ихъ оставались на лицѣ. Потомъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что это Цезарь такъ прогуливается и все чаще и чаще дѣлались оскорбленія противъ знатныхъ мущинъ и женщинъ, а нѣкоторые—какъ разъ допущено было такое своеволіе подъ именемъ Нерона,—безнаказанно совершали тоже самое съ своими шайками и ночь проходила какъ бы во взятомъ непріятелемъ городѣ. Юлій Монтанъ, сенаторскаго сословія, но еще не домогавшійся никакихъ почетныхъ мѣстъ, сошедшись случайно въ потемкахъ съ государемъ, такъ какъ силою рѣзко отбилъ его нападеніе, а потомъ, узнавъ его, обратился къ нему съ мольбою, которая была какъ бы вмѣсто упрека, вынужденъ умереть. А Неронъ, ставъ побоязливѣе на будущее время, окружилъ себя воинами и большимъ числомъ гладіаторовъ; они должны были допускать начало ссоръ умѣренное и какъ бы частное дѣло (т. е. не вмѣшиваться); а если оскорбленные нападали сильнѣе, то должны были дѣйствовать оружіемъ. Свободу игръ обратилъ какъ бы въ сраженія между (поклонниками) благопріятелями актеровъ безнаказанностью и наградами, а самъ былъ скрытымъ и большею частью тутъ же смотрѣлъ, пока, вслѣдствіе раздора въ народѣ и изъ опасенія болѣе серьознаго волненія, не нашлось другаго средства помочь бѣдѣ, какъ актеровъ изгнать изъ Италіи и воины опять стали присутствовать въ театрѣ.

26. Около того же времени толковали въ сенатѣ объ обманахъ, дѣлаемыхъ отпущенниками и высказано желаніе: «чтобы «ихъ господамъ (хозяевамъ) было предоставлено право отнимать «свободу у тѣхъ, которые служатъ недобросовѣстно.» И не было недостатка въ людяхъ, въ пользу этого подававшихъ мнѣнія; но консулы, не смѣя, безъ вѣдома государя, начинать докладъ, изложили впрочемъ на письмѣ единодушное мнѣніе сената. Пусть отъ него, государя, будетъ исходить это мнѣніе, такъ какъ немного находилось ему противниковъ. Нѣкоторые высказывали неудовольствіе, что непочтеніе, какъ послѣдствіе свободы, достигло до того: «что неизвѣстно стало—силою ли или на рав«ныхъ съ хозяевами правахъ они дѣйствуютъ, спрашиваютъ ли «они (отпущенники) ихъ (хозяевъ) о ихъ мнѣніи, или сами уже «съ своей стороны грозятъ имъ побоями и вынуждая какъ бы «оставлять ихъ вину безнаказанною. Что же другое предостав«лено ихъ оскорбленному господину, какъ только сослать отпу-

«щенника за двадцатый милевой камень, на границу Кампаніи? «Всѣ другія отношенія смѣшаны и одинаковы. Нужно же предоставить такое средство обороны, которымъ пренебрегать было «бы невозможно. Да и для вольноотпущенныхъ какое же притѣсненіе—тою же услужливостью удержать свободу, какою они «ее пріобрѣли? А явно провинившихся не стоитъ ли вполнѣ «обращать въ рабство, чтобы хоть страхомъ сдержать людей, «на которыхъ и благодѣяніе не могло подѣйствовать.» Съ другой стороны утверждали: «вина немногихъ должна обращаться «въ пагубу только имъ, а нисколько не должна уменьшать права всѣхъ, такъ какъ это сословіе широко распространилось. «Изъ нихъ составлены большая часть трибъ. (*Прим.* такъ на«зывалось отдѣленіе Римскаго народа; сначала ихъ было 3, а «потомъ сдѣлалось 35; 31 назывались сельскими, а 4—город«скими), декурій (собственно: отдѣленіе по 10 человѣкъ) по«мощниковъ должностныхъ лицъ, свѣтскихъ и духовныхъ, даже «когорты набранныя въ городѣ. Большая часть всадниковъ и «сенаторовъ имѣютъ не иное происхожденіе. Если отдѣлить от«пущенниковъ, то обнаружится малочисленность лицъ благород«наго происхожденія. Не даромъ же предки, раздѣляя сословія «по ихъ значенію, вольность постановили общимъ для всѣхъ «правомъ. Да и отпущенія на волю установлены два способа, «съ цѣлью открыть возможность передумать или увеличить бла«годѣяніе и тѣ, которые отпущены на волю господиномъ безъ «участія общественной власти, остаются какъ бы прикрѣпленны«ми узами рабства. Пусть же каждый разсматриваетъ заслуги и, «только обдумавши, зрѣло допускаетъ то, что, давъ разъ, на«задъ взять уже не можетъ.» Это послѣднее мнѣніе имѣло болѣе силы и Цезарь написалъ сенату: «пусть они частнымъ об«разомъ обсуживаютъ дѣла отпущенниковъ каждый разъ какъ они «будутъ обвиняемы ихъ господами, а въ общемъ пусть ничего не «измѣняютъ». Немного времени спустя отнятъ у тетки (Нерона) отпущенникъ Парисъ какъ будто бы въ силу гражданскаго права, не безъ стыда для государя, по приказанію котораго сдѣланъ былъ приговоръ о его благородномъ (будто бы) происхожденіи.

28. Оставлялось еще что то похожее на общественное управленіе дѣлами. Такъ напримѣръ между преторомъ Вибулліемъ и трибуномъ народнымъ Антистіемъ произошелъ споръ за то не знавшихъ мѣры благопріятелей актеровъ (Гистріоновъ), кото-

рыхъ преторъ велѣлъ вести въ тюрьму, трибунъ приказалъ отпустить. Сенаторы одобрили дѣйствіе претора, а Антистію сдѣлали выговоръ за самоуправство. Вмѣстѣ съ тѣмъ запрещено трибунамъ: «предвосхищать право преторовъ и консуловъ или «звать изъ Италіи тѣхъ, съ кѣмъ можно дѣйствовать зако-«номъ.» Л. Пизонъ, назначенный консулъ, присовокупилъ: «что «бы они у себя дома не дѣлали ничего по должности; а штрафъ, «ими назначенный, квесторы казначейства пусть не вносятъ въ «общественные списки ранѣе четырехъ мѣсяцевъ и въ этотъ про-«межутокъ можно противъ него спорить и консулы пусть рѣ-«шаютъ эти споры.» Ограничена тѣснѣе и власть эдилей и постановлено: «какъ велико поручительство должны брать куруль-«ные эдили, и какое плебейскіе и какіе налагать штрафы. «Вслѣдствіе этого Гельвидій Прискъ, трибунъ народный, про-«тивъ Обультронія Сабина, квестора казначейства имѣлъ споръ «отъ своего лица, такъ какъ тотъ право публичной продажи не-«милосердно усиливаетъ будто бы въ отношеніи къ людямъ не-«достаточнымъ.» Затѣмъ государь завѣдываніе общественными расчетами отъ квесторовъ перенесъ къ префектамъ.

29. Исполненіе этого дѣла понималось различно и часто измѣнялось: такъ Августъ предоставилъ сенату выбирать префектовъ; потомъ, такъ какъ вкралось подозрѣніе въ пристрастіи голосовъ, то стали назначать ихъ по жеребью изъ числа преторовъ для главнаго управленія, но и это оставалось недолго, потомучто жребій сталъ склоняться въ пользу мало способныхъ. Тогда Клавдій опять поставилъ квесторовъ и имъ, какъ бы они изъ опасенія оскорбленій не отправляли бы нерадиво свою должность, предоставилъ почести внѣ порядка. Но недоставало зрѣлаго возраста, такъ какъ этой должности всего прежде добивались. Вслѣдствіе этого Неронъ избралъ уже бывшихъ преторами и опытомъ дѣла одобренныхъ.

30. При тѣхъ же консулахъ осужденъ Випсаній Ленасъ «за «жадность при управленіи Сардиніею провинціею.» Цестій Прокулъ оправданъ въ вымогательствахъ, такъ какъ сами обвинители отступились (отъ обвиненія.) Клодій Квириналисъ осужденіе въ томъ, что: «будучи начальникомъ гребцовъ, находившихъ-«ся въ Ровеннѣ, Италію, какъ будто самую послѣднюю изъ «странъ осквернилъ своимъ сладострастіемъ и жестокостью»— предупредилъ принятіемъ яда. К. Аминій Ребилъ, одинъ изъ первыхъ въ знаніи законовъ и количествомъ денегъ, избѣгъ бѣд-

ственныхъ страданій старости, выпустивъ кровь изъ жилъ. Не вѣрили, чтобы у него достало твердости принять смерть, такъ какъ онъ имѣлъ худую славу человѣка женскипреданнаго страстямъ. А Л. Волузій умеръ съ отличною славою; онъ прожилъ девяносто три года, посвятивъ особенное усиліе честнымъ занятіямъ и безобидно пережилъ злость столькихъ императоровъ. Въ консульство Нерона второй разъ и Л. Пизона случилось немногое достойное памяти, развѣ кому захочется наполнить книгу, превознося похвалами основанія и связи, на какихъ Цезарь воздвигъ громадный амфитеатръ на Марсовомъ полѣ; такъ какъ признано соотвѣтственнымъ достоинству народа Римскаго—замѣчательныя событія излагать въ лѣтописяхъ, а такія (какъ о чемъ сказали выше) въ дневныхъ запискахъ (протоколахъ) города. Между прочимъ поселенія—Капуя и Нуцерія упрочены прибавленіемъ заслуженныхъ солдатъ: черни данъ на человѣка подарокъ по **400** денегъ, а сорокъ милліоновъ сестерцій внесено въ казначейство въ обезпеченіе общенароднаго довѣрія (кредита). Отмѣнена пошлина пятой и двадцатой части съ товаровъ, больше видимая, чѣмъ дѣйствительная, такъ какъ, хотя продавцу приказано было платить, но настолько же увеличивалась цѣна предмета для покупателя. Цезарь издалъ указъ: чтобы никто изъ должностныхъ лицъ и правителей (прокураторовъ), которому достанется провинція, не давалъ бы зрѣлищъ гладіаторовъ или звѣрей и вообще никакихъ. «А прежде эта «ихъ щедрость была для ихъ подвластныхъ неменѣе тяжела «какъ и вымогательство денегъ, такъ какъ они всѣ грѣхи сво«его произвола старались прикрыть угодливостью народу.»

32. Состоялось сенатское опредѣленіе, вмѣстѣ для возмездія и общей бесопасности, такое: «если кто будетъ убитъ своими ра«бами, то и тѣ, которые будучи отпущены на волю по духов«ному завѣщанію были, въ то время, подъ одною съ убитымъ «кровлею, должны быть казнены вмѣстѣ съ рабами.» Возвращенъ сословію (сенаторскому) Л. Варій, бывшій консулъ, подвергнутый когдато наказанію по обвиненію въ корыстолюбіи. Помпонія Грецина, женщина знатная, вышедшая за мужъ за Плавтія, который вернулся изъ Британніи съ почестями оваціи, обвиненная въ иноземномъ суевѣріи, предоставлена сужденію мужа. Тотъ, по древнему обычаю, передъ родственниками, произвелъ изслѣдованіе о жизни и чести жены и призналъ ее невиновною. Долго жила эта Помпонія, но въ постоянной печали. Она, послѣ

того, какъ Юлія, дочь Друза, была умерщвлена коварствомъ Мессалины, въ продолженіи сорока лѣтъ не снимала съ себя траурнаго платья и всегда была грустна. И это ей при владычествѣ Клавдія оставалось безнаказаннымъ, а потомъ обратилось къ славѣ.

33. Этотъ же годъ имѣлъ весьма много подсудимыхъ; изъ нихъ П. Целера, котораго обвиняла Азія, Цезарь, не имѣя возможности оправдавать, дѣло тянулъ пока онъ умеръ, такъ какъ Целеръ, убивъ—о чемъ я упоминалъ—проконсула Силана, громадностью преступленія прикрывалъ прочія злодѣйства. Киликійцы обвинили Коссуціана Капитона, какъ человѣка гнуснаго и позорнаго, считавшаго себя вправѣ и въ провинціи дѣйствовать также дерзко какъ въ городѣ. «Поражаемый упорнымъ обвине«ніемъ, наконецъ пересталъ защищаться и осужденъ за взятки. «За Еприя Марцелла, отъ котораго Ликійцы отыскивали свою «собственность, до того имѣли силу интриги, что нѣкоторые изъ «его обвинителей осуждены въ ссылку, яко бы они невиннаго «подвергали опасности.»

34. Неронъ былъ въ третій разъ консуломъ и вмѣстѣ съ нимъ вступилъ въ консульство Валерій Мессала; немногіе уже изъ стариковъ могли припомнить, что его прадѣдъ, ораторъ Карвинъ, былъ товарищемъ въ той же должности (консульствѣ) божественному Августу, прадѣду Нерона; но честь благороднаго семейства получила приращеніе, такъ какъ ежегодно отпускаемо было по 50 милліоновъ сестерцій, которыми Массалла долженъ былъ поддерживать свою честную бѣдность. Аврелліо Коттѣ и Гатерію Антонію государь опредѣлилъ ежегодное денежное жалованье, хотя они черезъ роскошь утратили состояніе предковъ. Въ началѣ года, война между Парѳами и Римлянами о томъ, кому владѣть Арменіею, сначала тянувшаяся медленно и вяло, принимаетъ характеръ болѣе живой, такъ какъ и Вологезъ не хотѣлъ допустить, чтобы братъ его, Тиридатъ, лишенъ былъ даннаго имъ царства или имѣлъ его какъ даръ чужеземнаго властителя, а Корбулонъ считалъ достойнымъ величія народа Римскаго взять обратно (у непріятеля) пріобрѣтенное нѣкогда Лукулломъ и Помпеемъ. Къ тому же Армяне сомнительной вѣрности приглашали войско и то и другое, положеніемъ ихъ страны, сходствомъ правовъ болѣе близкіе къ Парѳамъ, съ которыми у нихъ были взаимныя брачныя связи; съ вольностью незнакомые, они были склонны болѣе къ рабству. Корбулону пришлось бороться съ большимъ трудомъ противъ безпечности воиновъ,

чѣмъ противъ коварства непріятелей. Передвинутые изъ Сиріи легіоны, облѣнившіеся вслѣдствіе продолжительнаго спокойствія, съ величайшимъ трудомъ переносили обязанности Римскихъ воиновъ. Довольно вѣрно, что въ этомъ войскѣ находились (ветераны) заслуженные воины, которые не стояли ни на постахъ, ни на караулахъ, а на валъ и ровъ смотрѣли какъ на что новое и чудное; безъ мечей, безъ панцырей, щеголеватые и имѣя въ мысляхъ одно пріобрѣтеніе, такъ какъ вся служба ихъ исполняема была по городамъ. А потому отпустивъ тѣхъ, которыхъ преклонныя лѣта или слабость здоровья не соотвѣтствовали службѣ, просилъ пополненія. По Галатіи и Каппадокіи произведенъ наборъ и присоединенъ легіонъ изъ Германіи съ союзными всадниками и пѣхотою когортъ. Все войско оставлено подъ кожами (въ палаткахъ), хотя зима была до того жестока, что на покрытой льдомъ палатокъ ставить было невозможно иначе, какъ вырывавъ землю. У многихъ члены поражены холодомъ, и нѣкоторые на караулахъ померли. Замѣчательно, что у воина, несшаго связку дровъ, руки до того окоченѣли, что пристали къ нимъ и вмѣстѣ съ ними отвалились. А самъ—вождь, въ одеждѣ легкой, съ непокрытою головою, часто находился на походѣ, во время производства работъ съ похвалою для дѣятельныхъ, съ утѣшеніемъ для слабыхъ, а всѣмъ служа примѣромъ. А какъ вслѣдствіе этого многіе тяготились суровостью климата и службы и оставляли ее, то средство помочь этому нашлось въ строгости. И не такъ какъ въ другихъ войскахъ первый и второй проступокъ покрывались прощеніемъ, но кто только оставлялъ значки, немедленно платился за это отсѣченіемъ головы. И на опытѣ это оказалось полезнымъ и лучшимъ чѣмъ снисхожденіе, такъ какъ гораздо меньше воиновъ дезертировъ оказалось въ этихъ лагеряхъ, чѣмъ въ тѣхъ, въ которыхъ прощаемо было.

36. Между тѣмъ Корбулонъ, держа легіоны внутри лагерей, пока наступитъ совершенная весна, расположивъ по удобнымъ мѣстамъ вспомогательныя когорты, запретилъ первымъ начинать сраженіе. Заботу о передовыхъ отрядахъ поручаетъ Пактію Орфиту, съ честью совершившему службу въ первыхъ рядахъ. Хотя онъ и написалъ (Корбулону) что дикари не берутъ никакихъ мѣръ осторожности и что представляется удобный случай дѣйствовать съ успѣхомъ, но получаетъ приказаніе: «оставаться въ укрѣпле-«ніяхъ и дожидаться большихъ войскъ». Нарушивъ приказаніе по прибытіи немногихъ отрядовъ изъ ближайшихъ укрѣпленій, а воины по своей неопытности требовали сраженія, онъ схватился съ

непріятелемъ и потерпѣлъ пораженіе. Приведенные въ ужасъ его бѣдою и тѣ, которые долженствовали подать ему помощь, возвратились всѣ въ лагери бѣгомъ и въ тревогѣ. Корбулонъ принялъ это весьма сурово: Пактію сдѣлалъ выговоръ, а префектамъ и воинамъ велѣлъ всѣмъ удалиться за валъ. И оставались они въ такомъ позорѣ, пока не прощены, по просьбамъ всего войска.

37. А Тиридатъ кромѣ собственныхъ силъ, получивъ пособіе отъ брата Вологеза уже не тайно, но явно сталъ тѣснить войною Арменію, раззоряя тѣхъ, о которыхъ полагалъ, что они намъ вѣрны, а какъ только выводимы были противъ него войска, онъ уклонялся, вертѣлся туда и сюда, стращая болѣе слухами, чѣмъ силою оружія. Вслѣдствіе этого Корбулонъ долго домогаясь сраженія, но обманувшись въ ожиданіи, по примѣру непріятеля вынужденъ былъ распространить кругъ военныхъ дѣйствій, раздѣлилъ силы съ тѣмъ, чтобы легаты и префекты разомъ въ различныхъ мѣстахъ произвели нападеніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ убѣждаетъ онъ царя Антіоха устремиться на ближайшія къ нему префектуры. Такъ какъ Фаразманъ, убивъ сына Радамиста, какъ будтобы измѣнника, за то что онъ объяснялся намъ въ вѣрности, тѣмъ съ большимъ усердіемъ, давалъ полный разгулъ своей ненависти противъ Армянъ. Такимъ образомъ соображенія Тиридата дѣлились въ двѣ противуположныя стороны, Отправилъ онъ пословъ—жаловаться отъ его имени и Парѳовъ: «зачѣмъ, когда недавно даны заложники и обновленъ союзъ «дружбы, долженствовавшій открыть мѣсто новымъ взаимнымъ услу«гамъ, его выживаютъ изъ давнишняго владѣнія Арменіею? Оттого до «сихъ поръ еще самъ Вологезъ не трогался, что Римляне предпочи«таютъ дѣйствовать переговорами, чѣмъ силою. Если же они бу«дутъ упорствовать въ открытой непріязни, но Арзакиды не обнару«жатъ недостатка въ доблести и въ содѣйствіи счастія довольно часто «уже доказаннаго пораженіемъ Римлянъ». На это Корбулонъ, знавшій хорошо, что Вологезъ задерживаетъ отпаденіе Гирканіи, убѣждаетъ Тиридата: «стараться подѣйствовать на Цезаря просьбами; «можетъ онъ обезпечить себѣ и прочность царства и чуждое кро«вопролитія управленіе, если, оставивъ надежды позднія и дальнія, «предпочтетъ послѣдовать за тѣмъ что лучше и существеннѣе».

38. Затѣмъ постановлено: такъ какъ взаимною пересылкою гонцовъ нисколько не приближаются къ главной цѣли—миру, то назначить и время, и мѣсто для переговоровъ ихъ самихъ. Тиридатъ говорилъ: что у него будетъ охрана изъ тысячи всадниковъ, а онъ не опредѣляетъ, сколько Корбулону взять съ собою воиновъ раз-

наго рода, лишь бы они пришли съ наружностью мирною, оставивъ панцыри и шлемы. Для каждаго изъ смертныхъ, а не только посѣдѣвшему и проницательному вождю ясно былобы коварство непріятеля. Съ одной стороны опредѣлено такое ограниченное число, а другой предложено большее, чтобы приготовить западню. Всаднику, опытному въ употребленіи стрѣлъ, немного могло противодѣйствовать и большее число воиновъ, если только они подставятъ ему непокрытыя тѣла. Впрочемъ, скрывъ, что онъ понялъ дѣло, Корбулонъ отвѣчалъ: «будетъ правильнѣе, если они о мѣрахъ до «всѣхъ касающихся будутъ разсуждать передъ войсками въ пол«номъ составѣ». Мѣстность избралъ онъ, одна часть которой состояла изъ холмовъ, поднимавшихся мало по малу, гдѣ могли расположиться ряды пѣхоты, а часть растилалась равниною, гдѣ могли развернуться эскадроны конницы. Въ условленный день первый Корбулонъ поставилъ союзныя когорты и вспомогательныя войска царей передъ флангами, а въ серединѣ построилъ шестой легіонъ; ночью призваны были сюда изъ другаго лагеря три тысячи воиновъ третьяго легіона и поставлены подъ одинъ орелъ такъ, что все это высматривало однимъ легіономъ. Тиридатъ, когда уже день склонялся къ вечеру, остановился вдали такъ, что удобнѣе было его видѣть, чѣмъ слышать. А потому Римскій вождь, не сойдясь съ нимъ, приказалъ воинамъ удалиться ко своимъ лагерямъ.

39. Царь, или подозрѣвая коварство, такъ какъ разомъ расходились во многія стороны, а можетъ быть для того, чтобы отрѣзать подвозы, приходившія къ намъ Понтійскимъ моремъ черезъ городъ Трапезонтъ, удалился поспѣшно. Но и не былъ въ состояніи повредить нашимъ подвозамъ; препровождены они были по горамъ, занятымъ нашими вооруженными отрядами. А Корбулонъ для того, чтобы война безъ пользы не протянулась вдаль и чтобы вынудить Армянъ защищать свое, приготовляется напасть на укрѣпленія; себѣ онъ выбралъ самый что ни есть укрѣпленный въ той префектурѣ по имени *Валандумъ*, а менѣе значительныя предоставилъ легату Корнелію Флакку и Юстею Капитону, префекту лагерей. Тутъ, обозрѣвъ кругомъ укрѣпленія и принявъ мѣры для заготовленія всего что нужно къ приступу, онъ увѣщеваетъ воиновъ: «непріятеля «скитающагося, неготоваго ни къ войнѣ ни къ миру, сознающаго бѣгство свое, коварство и неспособность, лишить мѣстъ пре«быванія и такимъ образомъ разомъ обезпечить себѣ и славу и «добычу». Затѣмъ, раздѣливъ войско на четыре части, однихъ

сплотивъ подъ черепаху, ведетъ для подкопа вала; другимъ отдаетъ приказаніе приставить лѣстницы къ стѣнамъ и посредствомъ машинъ набросать туда множество зажженныхъ факеловъ и копей. Стрѣлкамъ и пращникамъ назначено мѣсто, откуда издали должны они были метать пращи; одновременно со всѣхъ сторонъ произведено движеніе, чтобы ни одно отдѣленіе не могло подать помощи подвергнувшимся нападенію. Притомъ таково было усердіе введеннаго въ дѣло войска, что не болѣе какъ въ продолженіи третьей части дня стѣны очищены отъ защитниковъ, сбиты запоры воротъ, укрѣпленія взяты приступомъ и всѣ совершеннолѣтніе перебиты; ни одного воина не потеряно, да и ранено весьма мало, а безоружная толпа продана съ молотка: остальную добычу (вождь) уступилъ побѣдителямъ. Съ такимъ же успѣхомъ дѣйствовали легатъ и префектъ; въ одинъ день взяли они три укрѣпленія; и другіе, частью отъ ужаса, частью по согласію жителей, попадали въ нашу власть, такъ, что явилась увѣренность напасть на Артаксату, столицу народа. И не ближайшимъ путемъ ведены легіоны; они, еслибы рѣку Араксъ, омывающую стѣны города переходили по мосту, то были бы открыты для ударовъ непріятеля; а потому они перешли вдали и на болѣе просторныхъ бродахъ.

40. Тиридатъ, отъ стыда и изъ опасенія, если не воспрепятствуетъ осадѣ, обнаружить, что отъ него нѣтъ никакой помощи; а помѣшать намъ, значило бы себя и конныя войска поставить въ неблагопріятныя условія мѣстности, рѣшился наконецъ—показаться съ войскомъ и, назначивъ день, начать сраженіе, или притворнымъ бѣгствомъ снискать случай дѣйствовать предательски (изъ засады). А потому онъ вдругъ напалъ на Римское войско не безъ вѣдома вождя нашего, устроившаго войско одинаково и для похода, и для сраженія. На правомъ флангѣ шелъ третій легіонъ, на лѣвомъ—шестой, а въ серединѣ отборные воины десятаго легіона. Внутрь рядовъ приняты войсковыя тяжести, а тылъ прикрывали тысячу всадниковъ; имъ приказано: «непрія-«телямъ, если они будутъ близко напирать, оказывать сопротив-«леніе, а если они обратятся въ бѣгство, то не преслѣдовать.» По краямъ фланговъ пѣшіе, стрѣлки и остальная конница. Лѣвому флангу дано больше протяженія, съ тѣмъ чтобы, если непріятель подойдетъ ближе, принять его одновременно и спереди и зайдти съ боку. Съ разныхъ сторонъ подступалъ Тиридатъ, но не на полетъ стрѣлы; а то грозя, то какъ бы робѣя, не будетъ ли онъ какъ въ состояніи разстроить наши ряды и справиться

порознь. Но какъ нигдѣ не обнаружено ни малѣйшей неосторожности и только десятникъ конный, смѣло вышедшій впередъ, пронзенъ стрѣлами и примѣромъ своимъ доказалъ другимъ необходимость повиновенія, то Тиридатъ съ приближеніемъ сумерокъ удалился.

41. Корбулонъ, расположась лагеремъ въ этомъ мѣстѣ, соображалъ—съ легіонами налегкѣ неидти ли ночью къ Артаксатѣ и обложить ее осадою, полагая, что туда удалился Тиридатъ. А когда лазутчики принесли извѣстіе, что царь отправился въ дальній путь, неизвѣстно къ Медамъ или къ Албанцамъ, онъ сталъ дожидаться разсвѣта. Впередъ посланы легковооруженные воины обойдти покамѣсть стѣны и начать облежаніе издали. Но жители города добровольно отворили ворота и отдали себя и все свое Римлянамъ; это для нихъ послужило спасеніемъ. Артаксата же зажженъ, срытъ и сравненъ съ землею, такъ какъ ни удержать его во власти нельзя было безсильнаго гарнизона по обширности стѣнъ; и не столько силъ было у насъ, чтобы можно былъ раздѣлить и на достаточно крѣпкій гарнизонъ, и вмѣстѣ продолжать войну. Оставить же городъ цѣлымъ, но безъ охраны—не было никакой пользы и славы, что онъ взятъ былъ. Присоединяютъ чудо, какъ бы обнаружившее волю высшихъ силъ. Вездѣ извнѣ, кромѣ надъ городскими строеніями, облито было блескомъ солнца; и все, что было внутри стѣнъ, было до того покрыто вдругъ чернымъ облакомъ, по которому сверкали частыя молніи, что какъ бы все это враждебными богами было осуждено на гибель. За это Неронъ привѣтствованъ титуломъ императора. Вслѣдствіе сенатскаго декрета совершены благодарственныя молебствія; опредѣлены статуи, тріумфальныя ворота, безсмѣнное консульство государю и чтобы въ число праздничныхъ внесены были дни, въ какой совершилась побѣда, въ какой получено о ней извѣстіе и въ какой доложено, и еще кое что въ этомъ же родѣ до того внѣ всякой умѣренности, что К. Кассій, относительно прочихъ почестей, высказавъ свое согласіе, изложилъ: «если бы богамъ высказать признательность, соотвѣтственно благосклонности счастія, то и цѣлаго года не было бы достаточно «на благодарственныя молебствія; а потому необходимо отдѣлить «дни священные и дѣловые, такъ, чтобы, оказывая должное боже«ствамъ, не остановить ходъ и дѣлъ человѣческихъ.»

42. За тѣмъ подвергся осужденію, не безъ позора для Сенеки, подсудимый, подвергавшійся различнымъ случайностямъ и заслу-

жившій ненависть многихъ. То былъ П. Суилій, во время господства Клавдія грозный и продажный; перемѣнами времени (обстоятельствъ) не настолько униженный, на сколько хотѣли его недруги; да и онъ самъ предпочиталъ лучше казаться опаснымъ (могущимъ вредить), чѣмъ унижаться до мольбы о пощадѣ. Полагали, что именно съ цѣлью погубить его возобновлено опредѣленіе сената и наказаніе по Цинциніеву закону противъ тѣхъ, которые за деньги стали бы защищать дѣла на судѣ. Суилій, съ своей стороны, не воздерживался отъ жалобъ и попрековъ; отъ природы смѣлый; старость еще больше развязывала ему руки и онъ не щадилъ ругательствъ для Сенеки: и враждебенъ онъ Сенека—приближеннымъ Клавдія, при которомъ подвергся самой справедливой ссылкѣ. Привыкнувъ къ занятіямъ безплоднымъ и къ тому, чтобы имѣть дѣло съ неопытными отроками, завидуетъ онъ тѣмъ, которые живое и неиспорченное краснорѣчіе примѣнили къ защитѣ гражданъ. Онъ, Суилій, былъ квесторомъ (казначеемъ) Германика, а тотъ, Сенека—прелюбодѣемъ его дома. Не нужно ли считать преступленіемъ болѣе тяжкимъ — по добровольному согласію съ просителемъ получить отъ него вознагражденіе за честный трудъ, чѣмъ осквернять ложе женщинъ изъ семейства государя? Какою это мудростью, какими наставленіями философовъ, въ теченіи четырехъ лѣтъ дружбы властителя пріобрѣлъ онъ триста милліоновъ сестерцій. Въ Римѣ устроена правильная охота за завѣщаніями и лицами одинокими. Италія и провинціи истощены необъятными поборами. Скорѣе подвергнется онъ, Суилій, обвиненію, опасности, всему самому худшему, чѣмъ старинное и дома пріобрѣтенное значеніе подчинитъ внезапному счастію!»

43. Разумѣется не было недостатка въ людяхъ, которые это тѣми же словами, или даже еще болѣе рѣзкими передали Сенекѣ. Нашлись обвинители, которые донесли: «подверглись будто бы «грабежу союзники, когда Суилій правилъ провинціею Азіею и «присвоилъ общественныя деньги.» Затѣмъ такъ исхлопотали для этаго слѣдствія годъ, короче показалось—начать обвиненія городскія, свидѣтели которыхъ на лицо. Они ставили въ вину Суилію: «жестокость обвиненія вынудила К. Помпонія по неволѣ «начать гражданскую войну; Юлія—дочь Друза и Сабина Пом«пея вынуждены умереть: Валерій Азіатикъ, Лузій Сатурнинъ, «Корнелій Лупъ пали его жертвою; цѣлыя толпы всадниковъ «Римскихъ осуждены и все, что жестокаго ни сдѣлалъ Клавдій, «ставили въ вину Суилію. Онъ защищался тѣмъ, что ничего

«изъ этого не бралъ онъ на себя по собственному побужденію, «а повиновался государю, пока эту рѣчь не остановилъ Цезарь, «сказавъ, что онъ узналъ достовѣрно изъ записокъ отца, что «не было ни одного обвиненія по его принужденію.» Тутъ сталъ Суилій ссылаться на приказанія Мессалины, и вообще защита стала слабѣть. Почему не выбранъ кто либо другой представить свой голосъ къ услугамъ жестокосердой, безстыдной? Нужно казнить исполнителей дѣлъ жестокихъ, такъ какъ они, воспользовавшись плодами преступленій, всю ненависть ихъ взваливаютъ на другихъ. Вслѣдствіе этого отнята часть имущества (а сыну и внуку уступлена часть, а также изъято (отъ конфискаціи) все то, что получили по завѣщанію матери и бабки) и онъ отправленъ въ ссылку на Болгарскіе острова: ни среди опасности, ни послѣ осужденія не палъ духомъ и говорили, будто бы онъ переносилъ ссылку, живя въ изобиліи и роскоши. За сына его Нерулина, на котораго напали обвинители изъ ненависти къ отцу и уличая его во взяткахъ, заступился государь, находя возмездіе уже достаточнымъ.

44. Около этого же времени Октавій Сагитта, народный трибунъ, до безумія влюбленный въ Понтію, замужнюю женщину, огромными дарами склоняетъ онъ ее сначала къ преступной связи, а потомъ оставить мужа, обѣщая жениться на ней и взаимно договорясь о брачномъ союзѣ. Но когда эта женщина сдѣлалась свободною, стала медлить подъ разными предлогами, ссылаться на несогласіе будто бы отца, найдя надежду на болѣе богатаго супруга, отказалась отъ своихъ обѣщаній. Октавій съ своей стороны то жаловался, то грозилъ, ссылаясь на утраченную добрую славу, на истощеніе своихъ денежныхъ средствъ; въ ея распоряженіе отдавалъ онъ жизнь, какъ одно что ему еще осталось. Когда и это было отвергнуто съ пренебреженіемъ, домогается одной только ночи какъ утѣшенія и, удовольствуясь ею, съумѣетъ онъ удержать себя на будущее время. Назначена ночь. Понтія поручаетъ обереженіе спальни служанкѣ обо всемъ знавшей; а тотъ съ однимъ отпущенникомъ пришелъ, скрывъ оружіе подъ платьемъ. Тутъ, какъ обыкновенно бываетъ при любви и раздраженіи—брань, мольбы, упреки, удовлетвореніе; часть ночи посвящена наслажденію. Еще болѣе воспламенясь ревностью, онъ пронзаетъ мечемъ ничего не опасавшуюся; прибѣжавшую служанку отбросилъ раненную и убѣжалъ изъ спальни. На другой день открылось убійство; о совершителѣ его не было сомнѣнія, такъ какъ улики были, что они оставались

вдвоемъ. Но отпущенникъ высказалъ: «его это преступленіе, мстилъ «онъ за оскорбленіе своего господина». Подѣйствовало на нѣкоторыхъ величіе примѣра, пока служанка, оправясь отъ раны, открыла истину. Потребованный передъ консуловъ со стороны умерщвленной, послѣ того какъ оставилъ трибунство, приговоромъ сената осужденъ по закону объ убійцахъ, дѣйствовавшихъ предательски.

45. Не менѣе замѣчательный, въ этомъ же году случившійся примѣръ женскаго безстыдства послужилъ нначаломъ великихъ общественныхъ бѣдствій. Въ Римскомъ обществѣ была Сабина Поппеа, родившаяся отъ отца Т. Оллія, но имя приняла она дѣда съ материнской стороны, славной памяти Поппеа Сабина, бывшаго консула, блиставшаго честью тріумфа; и Оллію, прежде чѣмъ онъ добился какихъ либо почестей, пріязнь Сеяна обратилась въ гибель. У этой женщины было все остальное, кромѣ честнаго образа мыслей. Мать ея, далеко опередившая красотою всѣхъ современныхъ ей женщинъ, передала вмѣстѣ и славу и красоту. Средства соотвѣтствовали знатности рода; ласково она говорила и сама была не глупа; по наружности скромная, на дѣлѣ развратная. Рѣдко показывалась всенародно, да и то закрывъ часть лица, или чтобы не дать на себя насмотрѣться вдоволь, или потому, что такъ находила приличнѣе. Добрую славу свою никогда не щадила, не полагая различія между мужьями и любовниками; и при этомъ слушалась она не чувствъ своихъ или другаго; но гдѣ бы ни представлялась въ виду польза, туда обращала и свои желанія. Такимъ образомъ ее, когда она находилась въ супружествѣ съ Руфіемъ Криспиномъ, всадникомъ Римскимъ, отъ котораго родила сына, прельстилъ Оттонъ молодостью и роскошью и тѣмъ, что его считали въ величайшей милости Нерона. Безъ замедленія за любовною связью послѣдовалъ бракъ.

46. Оттонъ, или довольно неосторожный въ любви, хвалилъ передъ государемъ красоту и изящество манеръ жены. Можетъ быть, чтобы воспламенить его и въ случаѣ обладанія одною и тою же женщиною, скрѣпить этимъ свое вліяніе и силу. Нерѣдко слышали, что онъ, вставая съ пиршества Цезаря, говорилъ: «идетъ «онъ къ женѣ, въ которой соединены благородство, красота, все «чего только можно желать для полнаго наслажденія счастіемъ». За такими и въ этомъ родѣ подстреканіями, въ нерѣшительности прошло немного времени. Получивъ доступъ, Поппея сначала вошла въ силу лестью и хитростью; она притворилась, будто прельщенная красотою Нерона, не можетъ совладѣть со страстью. Вслѣдъ за тѣмъ,

когда государь разгорѣлся любовью, ударилась въ гордость, не соглашалась оставаться на одну или двѣ ночи, говоря: что она за мужемъ, не можетъ разорвать брачнаго союза, будучи привязана къ Оттону образомъ жизни, въ которомъ никто съ нимъ не сравняется. И въ душѣ, и въ обращеніи онъ величавъ; она видитъ въ немъ человѣка достойнаго стать на высшую степень счастія. А Неронъ, имѣя любовницею—служанку, привычкою связанный съ Акте, отъ сожительства съ рабою, не заимствовалъ ничего кромѣ низкаго и презрѣннаго. Оттонъ сначала устраненъ отъ прежней короткости (обращенія съ государемъ), потомъ отъ возможности его видѣть и быть у него въ свитѣ. Наконецъ для того, чтобы въ Римѣ не могъ онъ быть соперникомъ, сдѣланъ начальникомъ надъ провинціею Лузитаніею. Тутъ онъ прожилъ до самой междуусобной войны и не такъ какъ прежде съ худою славою, но честно и скромно, домогаясь больше всего спокойствія и умѣренно пользуясь властью.

47. До сихъ поръ Неронъ старался прикрывать свои позорныя дѣйствія и преступленія. Въ особенности имѣлъ онъ подозрѣніе противъ Корнелія Суллы, самый безпечный характеръ его принимая въ другую сторону и перетолковывая его хитростью и притворствомъ. Опасеніемъ этимъ воспользовался Граптъ, изъ отпущенниковъ Цезаря, хорошо знавшій что дѣлается въ домахъ государей, еще служа старику Тиберію и придумалъ такую ложь. Мульвійскій мостъ славился въ то время ночными шалостями и безчинствами всякаго рода. Похаживалъ туда и Неронъ, чтобы свободнѣе внѣ города распутничать. Ему отпущенникъ передаетъ вымышленное: «на обратномъ ему пути на Фламинійской улицѣ устроена «была ему, Нерону, засада, которой онъ избѣгъ, случайно удалясь «въ Саллюстіевы сады другою дорогою; виновникъ этого коварства «Сулла». И дѣйствительно случилось, когда возвращались служители государя, что нѣкоторые изъ юношеской шалости—что тогда часто дѣлалось—нападеніемъ на нихъ для виду хотѣли ихъ только попугать. Да и при этомъ не былъ узнанъ ни одинъ изъ рабовъ или кліентовъ Суллы. Да притомъ его полное равнодушіе ко всему и природная неспособность къ чему либо смѣлому, совершенно отвергали основательность обвиненія; но во всякомъ случаѣ онъ—Сулла, какъ будто уличенный, получилъ приказаніе оставить отечество и не выходить изъ за стѣнъ города Массиліи.

48. При тѣхъ же консулахъ выслушаны посольства Путеоланъ; разныя депутаціи прислали къ сенату управленіе города и чернь. Первая жаловалась на наслѣдственныя дѣйствія большинства, а

вторая на насилія должностныхъ лицъ и безмѣрное корыстолюбіе главнѣйшихъ. И такъ какъ возмущеніе, дошедшее до бросанія каменями и угрозъ поджогомъ, могло перейдти въ рѣзню оружіемъ, то избранъ К. Кассій, чтобы помочь этому дѣлу. Такъ какъ жителямъ была невыносима его строгость, то, по просьбѣ его самого, къ братьямъ Скрибоніямъ, перенесена эта забота и имъ дана преторіанская когорта; ея грозою и казнью немногихъ возстановлено между горожанами согласіе.

49. Не сталъ бы я упоминать о общеизвѣстномъ сенатскомъ декретѣ, коимъ дозволялось: «городу Сиракузамъ выйдти за число «гладіаторовъ, какое имъ было дозволено держать для игръ», если бы не сталъ говорить противъ него Петъ Тразея и не далъ бы тѣмъ повода своимъ завистникамъ осуждать его мнѣніе: «зачѣмъ «онъ, если полагаетъ, что дѣло общественное нуждается въ сво«бодномъ выраженіи мысли сенаторами, въ такомъ пустомъ вопросѣ «прилагаетъ свою дѣятельность?» Почему не подаетъ онъ положительнаго или отрицательнаго мнѣнія о войнѣ, мирѣ, податяхъ, законахъ и другихъ предметахъ, которыми держится Римское дѣло. Сенаторы, получивъ право высказывать свои мнѣнія, могутъ излагать ихъ о чемъ бы ни захотѣли и требовать о томъ доклада. Одно ли только то заслуживаетъ исправленія какъ бы въ Сиракузахъ зрѣлища не приняли незаконно огромнаго размѣра? Остальные же по всѣмъ частямъ Имперіи идетъ такъ отлично какъ будтобы управляетъ всѣмъ не Неронъ, а Тразея. Если дѣла важныя пропускаются съ притворствомъ, то не лучше ли и въ пустыхъ воздержаться? Противъ этого Тразея, на просьбы друзей объяснить имъ побужденія, отвѣчалъ: «не безъ знанія настоящаго по«ложенія дѣлъ позволяетъ онъ себѣ поправлять и такія сенатскія «опредѣленія, но дѣйствуетъ онъ такъ для чести сенаторовъ, что«бы показать, что не уклонятся они отъ заботы и о важныхъ дѣ«лахъ, со вниманіемъ занимаясь и самыми пустыми».

50. Въ этомъ же году, вслѣдствіе часто высказанныхъ желаній народа, уличавшаго откупщиковъ государственныхъ доходовъ въ неумѣренности, колебался было Неронъ: «не оставить ли всѣ сбо«ры и оказать тѣмъ великолѣпнѣйшій даръ роду смертныхъ». Его порывъ, осыпавъ предварительно большими похвалами величіе духа, сдержали сенаторы; они внушали, что послѣдуетъ общее разстройство государства, если уменьшатся доходы, которыми поддерживается общественное дѣло; за отмѣною таможенныхъ пошлинъ, станутъ домогаться отмѣны податей. Большинство товариществъ для

сборовъ установлено консулами и трибунами народными во время полной еще вольности народа Римскаго; а затѣтъ и остальное такъ предусмотрѣно, чтобы существовало правильное отношеніе между необходимостью поборовъ и расчетомъ издержекъ. Конечно нужно умѣрить жадность откупщиковъ и пусть они то, что въ теченіи стольких лѣтъ было переносимо безъ жалобъ, небывалыми притѣсненіями не обращаютъ въ ненависть себѣ.

51. Вслѣдствіе этого обнародовалъ государь: «условія, хотя бы «и отъ государства, но до того времени остававшіяся въ безгласности, изложить всѣ письменно; на возобновленіе прошеній, оставленныхъ безъ движенія, срокъ только годовой. Въ Римѣ преторъ, «а по провинціямъ тѣ должностныя лица, которыя тамъ за консуловъ и преторовъ должны оказывать правосудіе противъ откупщиковъ не въ очередь. Воины свободны отъ всякихъ платежей «кромѣ если займутся торговыми дѣлами». И многое другое, все вполнѣ справедливое; но короткое время все это соблюдалось, а потомъ осталось безплоднымъ. Остается впрочемъ отмѣна сороковой и пятидесятой долей и другихъ поборовъ подъ этими названіями, придуманныхъ откупщиками. Ограниченъ привозъ хлѣба у провинцій лежащихъ за моремъ, и постановлено: «суда не приписывать «къ окладамъ купцовъ и не платить за нихъ пошлины».

52. Обвиненныхъ изъ провинціи Африки, имѣвшихъ тамъ власть проконсульскую, Сульпиція Камерина и Помпонія Сильвана оправдалъ Цезарь: Камерина отъ частныхъ лицъ и немногихъ, уличавшихъ его болѣе въ жестокости, чѣмъ во взятіи денегъ. Сильвана обступило большое количество обвинителей; они требовали времени для вызова свидѣтелей. Обвиненный просилъ, чтобы ему защищаться тотчасъ же (на мѣстѣ). Пересилилъ своимъ богатствомъ при одиночествѣ и старости и пережилъ тѣхъ, которые ухаживая за нимъ, освободили его отъ преслѣдованія.

53. До этого времени въ Германіи дѣла были спокойны, умомъ вождей; видя что отличія тріумфа сдѣлались столь обыкновенными большей чести надѣялись отъ того, если поддержатъ миръ. Павлинъ Помпей и Л. Ветусъ въ то время начальствовали войскомъ. А чтобы воиновъ не держать въ праздности, первый привелъ къ концу насыпь начатую за 63 года передъ тѣмъ Друзомъ для сдержанія водъ Рейна. Ветусъ готовился соединить Мозель и Араръ, проведя между ними каналъ съ тѣмъ, чтобы войска, подвозимыя моремъ, а потомъ Роною и Араромъ—могли спускаться по каналу, потомъ рѣкою Мозелемъ въ Рейнъ, а за тѣмъ въ Океанъ и та-

кимъ образомъ съ устраненіемъ затрудненій переѣзда, доступны бы сдѣлались разомъ плаванію берега западные и сѣверные. Позавидовалъ этому предпріятію Элій Грацилисъ, легатъ Бельгики. Стращалъ онъ Ветера: «не вводилъ бы онъ легіоны въ чужую про-«винцію, какъ бы заискивая расположеніе Галлій; внушитъ онъ «этимъ опасенія Императору—а этимъ по большей части сдержи-«ваются порывы къ честному».

54. Впрочемъ, при постоянномъ бездѣйствіи войскъ, распространился слухъ, будто у легатовъ отнято право вести ихъ противъ непріятеля. Вслѣдствіе этого Фризіи—молодыхъ людей по лѣсамъ и болотамъ, а тѣхъ, что по лѣтамъ уже неспособны были къ военной службѣ по озерамъ придвинули къ берегу и засѣли никѣмъ не занятыя поля, отведенныя для пользованія воиновъ. Все это дѣлалось стараніями Веррита и Малорига, правившихъ этимъ народомъ на сколько Германцы доступны управленію. Уже они устроили дома, посѣяли землю и обращались съ нею какъ бы съ своимъ наслѣдственнымъ достояніемъ. Тутъ Дубій Авитъ, принявъ отъ Павллина провинцію, грозилъ: силою Римлянъ, если Фризіи не удалятся на прежнія мѣста жительства или не исходатайствуютъ себѣ у Цезаря новыхъ—заставилъ онъ Веррита и Малорига—приняться за мольбы. Отправились въ Римъ и тамъ пока дожидались Нерона, вниманіе котораго было обращено на другія заботы, въ числѣ прочаго, что показывалось дикарямъ, введены въ театръ Помпея, чтобы могли видѣть несмѣтное стеченіе народа. Тутъ отъ нечего дѣлать (по ихъ невѣжеству не забавляли ихъ игры), распрашивали—кто сидитъ на отдѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ всадники, гдѣ сенаторы, замѣтили на скамьяхъ сенаторовъ нѣсколько лицъ въ чужестранной одеждѣ. Они спросили: кто это такіе?—и услыхавъ: «почесть эта оказана по-«сламъ тѣхъ народовъ, которые превзошли другихъ доблестью и «дружбою къ Римлянамъ.»—«Нѣтъ людей, которые превосходили «бы Германцевъ силою оружія или «вѣрностью!»—воскликнули они, пошли и сѣли между сенаторовъ. Видѣвшіе приняли это благосклонно, какъ бы за порывъ стариннаго и благонамѣреннаго усердія.—Неронъ обоихъ наградилъ гражданствомъ Римскимъ, а Фризіямъ велѣлъ удалиться съ занятыхъ было ими полей. Такъ какъ они ослушались, то вдругъ напущена на нихъ вспомогательная конница, вынудившая ихъ (оставить поля), а оказавшіе болѣе упорное сопротивленіе, частью взяты въ плѣнъ, частью побиты.

55. Тѣ же поля заняли Ансибаріи, народъ посильнѣе (Фри-

зіевъ) не только численностью, но и состраданіемъ другихъ сосѣднихъ народовъ: изгнанные Хавками, не имѣя гдѣ поселиться они молили только о безопасной ссылкѣ. Начальствовалъ у нихъ знаменитый у тѣхъ народовъ и вмѣстѣ намъ вѣрный, по имени Боіокалъ. Онъ говорилъ, что «во время возмущенія Херусковъ «онъ заключенъ въ оковы, по приказанію Арминія, а потомъ «служилъ въ нашихъ войскахъ подъ предводительствомъ Тиберія и Германика. Къ пятидесятилѣтнему повиновенію присоединяетъ и то, что народъ свой отдаетъ подъ нашу власть. «Какое пространство земель лежитъ впустѣ и только кой когда «перегоняютъ туда стада рогатаго скота крупнаго и мелкаго, «принадлежащія воинамъ. Пусть сберегутъ и ихъ уже не съ почетомъ людей, а принявъ вмѣстѣ съ стадами; пусть только не «предпочитаютъ пустыни и безлюдья дружественному народу. «Нѣкогда поля эти были Хамавовъ, за тѣмъ Тубантовъ, а послѣ нихъ Узипіевъ. Небо предоставлено богамъ, а земли роду «смертныхъ и какія изъ нихъ лежатъ впустѣ, тѣ составляютъ «общее достояніе.» Озираясь потомъ на солнце и призывая прочія свѣтила, какъ бы лицомъ къ лицу спрашивалъ: «предпочитаютъ ли они взирать на пустынную землю. Пусть лучше наведутъ море на похитителей земель!» Тронутый этимъ Авитъ отвѣчалъ: «необходимо сносить власть тѣхъ, что лучше. И богамъ, къ заступничеству коихъ они прибѣгаютъ, угодно было, «чтобы у Римлянъ было распоряженіе—что дать, а что отнять «и пусть они не допускаютъ другихъ судей, кромѣ самихъ себя.» Таковъ былъ всенародный отвѣтъ Авита Ансибарамъ, а самъ отдѣльно Боіокалу: «въ память дружбы даетъ поля.» Но тотъ пренебрегъ этимъ какъ цѣною измѣны и прибавилъ: «нѣтъ «у насъ земель, на которыхъ жить, но гдѣ умереть недостатка «не будетъ!» Такимъ образомъ обѣ стороны разошлись въ непріязненномъ расположеніи духа. Ансибаріи звали товарищами на войну Бруктеровъ, Тенктеровъ и другіе еще болѣе отдаленные народы. Авитъ написалъ къ Куртилію Манціи, легату верхняго войска, чтобы онъ, перейдя Рейнъ, показался въ тылу у непріятеля, а самъ ввелъ легіоны въ землю Тенктеровъ, угрожая окончательнымъ разореніемъ, если они не разобщатъ своего дѣла съ дѣломъ Ансибаріевъ. Вслѣдствіе этого тѣ отказались; такое же опасеніе подѣйствовало на Бруктеровъ и прочихъ, которые взяли было подъ свою защиту чужую опасность и народъ Ансибаровъ одинъ удалился назадъ къ Узипіямъ и Ту-

бинтамъ; будучи изгнаны изъ ихъ земель, идя къ Каттамъ, потомъ къ Херускамъ, въ долгомъ странствованіи, странниками въ крайней нуждѣ истреблены на чужой землѣ непріятелемъ—молодежь вся сколько ея было, а неспособные носить оружіе раздѣлены какъ добыча. Этимъ же лѣтомъ происходило большое сраженіе между Гермундуровъ и Каттовъ; и тѣ и другіе силою присвоивали рѣку пограничную и обильную природною солью. Кромѣ страсти разбирать все оружіемъ, врожденное суевѣріе дѣйствовало тутъ: «въ особенности эти мѣста ближе къ небу и «мольбы смертныхъ богами ниоткуда скорѣе не могутъ быть «услышаны. Оттого-то, по милости высшихъ силъ, въ той рѣкѣ «и въ тѣхъ лѣсахъ родится соль не такъ, какъ у другихъ на«родовъ, оставленная волнами моря, когда высохнетъ вода, но «будучи вылита на горящій костеръ изъ деревьевъ, скипается «(соль) отъ взаимнаго дѣйствія враждебныхъ между собою сти«хій—огня и воды.» Но война, будучи счастлива для Гермундуровъ, Каттамъ обратилась въ гибель, такъ какъ побѣдители обрекли непріятельское войско Марсу и Меркурію, а поэтому обѣту кони, люди все живое предается избіенію. И самые угрозы непріятелей обратили на нихъ же. А народъ Югановъ, союзный намъ, подвергся неожиданному несчастію. Огонь, показавшись изъ земли, въ разныхъ мѣстахъ пожиралъ дома, посѣянныя поля, цѣлыя деревни и стремился на самыя стѣны недавно воздвигнутаго поселенія. Ничѣмъ нельзя было его потушить: ни падающій дождь, ни рѣчная вода, и вообще никакая жидкость не гасили его. Наконецъ при отсутствіи средства противъ такого бѣдствія и имъ раздраженные, нѣкоторые поселяне издали бросали камни, потомъ, когда пламя стало стихать, подойдя ближе, хлопали палками и другими бичами, какъ имѣли обыкновеніе пугать дикихъ звѣрей; наконецъ одежды, съ тѣла снятыя, бросаютъ въ огонь съ тѣмъ, что больше осквернено и загажено было, то будто бы сильнѣе подавляло пламя.

58. Въ этомъ же году Руминальское дерево на Комиціи (мѣсто, гдѣ происходили выборы), которое за восемьсотъ лѣтъ передъ тѣмъ прикрывало дѣтство Рема и Ромула, сдѣлавшееся гораздо меньше, такъ какъ сучья посохли и самый стволъ началъ было засыхать, что и сочтено было за чудесное вліяніе, пока оно не зазеленѣло новыми побѣгами.

КНИГА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Гл. 1. Неронъ задумываетъ убійство матери, побуждаемый Поппеею.—2. Агриппина покушается на кровосмѣшеніе или нескорѣе ли Неронъ?—3. Объ убійствѣ матери разсуждаетъ Неронъ. Аницета планъ.—4. Агриппины пиршество съ Нерономъ, скрывавшимъ преступленіе.—5. Она должна была погибнуть въ волнахъ моря и съ трудомъ спасается.—Ацерронія убита веслами.—6. Агриппина скрытничаетъ.—7. Неронъ въ испугѣ, совѣтуется съ Бурромъ и Сенекою. Аницетъ берется за убійство Агриппины и 8. совершаетъ его.—9. Бѣдныя похороны Агриппины.—10. Неронъ удрученный совѣстью, ободренъ лестью.—11. Въ письмѣ къ Сенату обвиняетъ мать и послѣ смерти.—12. Гнусная лесть Сената. Трозеа Петъ обнаруживаетъ достоинство человѣка. Неронъ беретъ на себя личину милосердія.—13. Въ Римъ входитъ озабоченный; испытавъ лесть, бросается во всякаго рода излишества.—14. Игрокъ на цитрѣ, наѣздникъ онъ и знатныя лица побуждаетъ къ такимъ же порочнымъ занятіямъ.—15. Юношества праздникъ. Неронъ на сценѣ; дѣлаетъ перепись всадниковъ римскихъ, называемые Августовы.—16. Сочиняетъ стихи, насмѣхается надъ философами.—17. Побоище между Нуцеринами и Помпеянами по случаю гладіаторскаго зрѣлища.—18. Осужденіе Блеза. Оправданіе Страбона —19. Смерть Домиція Афра, М. Сервилія.—20. Пятилѣтнія игры въ Римѣ. Различныя объ играхъ толки, ихъ порицаютъ.—21. Оправдываютъ и хвалятъ. Неронъ побѣдителемъ въ краснорѣчіи.—22. Встревоженный чудесными явленіями Рубеллія Плавта отправляетъ въ ссылку.—23. Корбуло наказываетъ грабительство Мардовъ.—24. Избѣгаетъ убійцы, беретъ Тиграноцерту.—25. Гиркановъ принимаетъ въ союзъ.—26. Тиридата устраняетъ отъ Арменіи и передаетъ ее Тиграну; дѣлается начальникомъ надъ Сиріею.—27. Поселенія (колоніи) въ Путеолахъ, Тарентѣ, Антіѣ.—28. Выбо-

ры преторскіе; осужденіе Вибія.—29. Пораженіе въ Британніи. Светоній нападаетъ на Мону.—30. Усмиряетъ жителей.—31. Ицены подъ предводительствомъ вождя Боадицея и Тринобанты возобновляютъ войну.—32. Берутъ силою Камилодунъ; Петилія Церіала съ девятымъ легіономъ обращаютъ въ бѣгство.—33. Оставленный Светоніемъ Лондиній и Веруламій предаютъ грабежу, гражданъ и союзниковъ Римскихъ избиваютъ.—34—37. Дерзости Боадицеи усмиряетъ Светоній. Она кончаетъ жизнь ядомъ. Пеній Постумъ пронзаетъ себя мечемъ.—38. Классиціанъ, имѣя раздоръ съ Светоніемъ, приводитъ дѣло въ замѣшательство.—39. Отправленный туда Поликлетъ дѣлается посмѣшищемъ непріятеля. Светонію преемникомъ дается Петроній Турпиліанъ.—40 и 41. Осужденные за ложное духовное завѣщаніе.—42. Педаній Секундъ, начальникъ (префектъ) города убитъ рабами.—43 и 44. Противъ нихъ хочетъ дѣйствовать закономъ К. Кассій.—45. Успѣваетъ въ томъ не смотря на противорѣчіе другихъ. Неронъ дѣлаетъ выговоръ народу, воспротивившемуся казни.—46. Тарквиній Прискъ осужденъ, произведенъ по Галліямъ цензъ.—47. Смерть и похвала Меммія Регула.—48. На Антистія послѣдовалъ доносъ въ оскорбленіи величества — 49. Запрещаетъ его Тразеа.—50. Фабрицій Всіенто, обличенный въ клеветѣ, изгнанъ изъ Италіи.—51. Смерть Бурра, похвальное ему слово, преемники Руфъ и Тигеллинъ.—52—54. Обвиненія готовится опровергнуть Сенека передъ Цезаремъ и проситъ пропуска, а тотъ—55 и 56. отвѣчаетъ хитро.—57—59. Руфу вредитъ Тигеллинъ, Плавту и Суллѣ ставитъ въ положеніе опасное и ихъ губитъ.—60. Неронъ, женясь на Поппеѣ, удаляетъ Октавію; потомъ ее призываетъ опять—61. къ радости народа. Поппеѣ впрочемъ вскорѣ послѣ того возвращены почести, ея коварство.—62—64. Злодѣйствомъ Аницета Октавія отправлена въ ссылку и умерщвлена въ Пандетаріи. Несчастныя времена.—65. Отпущенниковъ Дорифора и Палланта ядомъ уничтожаетъ Неронъ. Сенека обвиненъ—66. Пизонъ злоумышляетъ противъ Нерона.

Все это дѣлалось въ теченіи почти четырехъ лѣтъ, въ консульства: К Витапія и К. Фонтея Капитона, Имп. Нерона, В. Косса Корнелія Лентула, К. Целонія Пета, К. Петронія Турпиліана, П. Марія Цельза, Л. Азипія Галла Консуловъ.

---

1. Въ консульство Каія Випсанія и Фонтея, давно задуманный преступный умыселъ Неронъ не сталъ дальше откладывать; давность владѣнія прибавляла смѣлости, и со дня на день все сильнѣе влюблялся онъ въ Поппею; а та, не надѣясь добиться, пока жива Агриппина, чтобы Неронъ развелся съ Октавіею и женился на ней, часто взводила на нее обвиненія, а иногда и въ шуткахъ винила государя, называла его: «мальчикомъ, который «вполнѣ завися отъ чужихъ приказаній, уже не во власти только, «но и въ самой свободѣ имѣетъ нужду. Зачѣмъ онъ отлагаетъ «бракъ свой съ нею? Не нравится ему можетъ быть ея наружность и рядъ предковъ увѣнчанныхъ тріумфомъ? Или неплодо«родіе ли и искренность чувства? Опасается онъ, какъ бы, хоть «жена, не раскрыла обиды сенаторовъ, раздраженіе народа противъ надменности и корыстолюбія его матери. Если Агриппина «можетъ сносить только невѣстку непріязненную сыну, то пусть «она будетъ возвращена браку съ Оттономъ. Удалится она въ «какой нибудь уголокъ земли, гдѣ лучше будетъ слушать пори«цанія на императора, чѣмъ быть свидѣтельницею всего и дѣ«лить съ нимъ опасности.» Никто не возражалъ на эти и имъ подобныя рѣчи, глубоко дѣйствовавшія вслѣдствіе слезъ и уловокъ женщины развратной; всѣ желали сломить власть матери, но никто не полагалъ, чтобы ненависть сына могла простираться до убійства.

2. Клувій разсказываетъ, что «Агриппина въ порывѣ желанія «удержать власть дошла до того, что середи дня, въ то время «когда Неронъ былъ рязгоряченъ виномъ и пиршествомъ, пред«лагала себя ему пьяному много разъ разъукрасясь, готовая на «кровосмѣшеніе. Уже ближайшіе замѣчали поцѣлуи и другія ласки «предвѣстники преступленія, когда Сенека искалъ помощи про«тивъ женскихъ обольщеній въ женщинѣ же. Впущена (къ Не«рону) отпущенница Акте; она встревоженная и собственною опас«ностью и позоромъ Нерона, объявила ему, что уже гласно тол«куютъ о кровосмѣсительной связи вслѣдствіе похвальбы матери,

«и воины не снесутъ власти преступнаго государя.» Фабій Рустикъ говоритъ: «будто не Агриппинѣ, а Нерону хотѣлось этого, «но помѣшала хитрость той же отпущенницы. Но тоже, что Клувій, передали и прочіе писатели, да и самая молва была въ такомъ же смыслѣ: мало ли по малу созрѣла въ головѣ Агриппины мысль о такомъ неслыханномъ преступленіи, или весьма вѣроятнымъ показалась мысль о новомъ распутствѣ въ той. кто еще въ лѣтахъ отрочества дозволила себѣ имѣть связь съ Лепидомъ въ надеждѣ верховной власти, вслѣдствіе такихъ же побужденій отдалась въ полное распоряженіе Палланта и на всякое преступленіе пріобрѣтя опытность замужествомъ съ дядею.

3. Вслѣдствіе этого Неронъ сталъ избѣгать свиданій съ нею наединѣ; когда она удалялась въ сады, или Тускуланъ, или на Антіатское поле, хвалилъ: что она ищетъ спокойствія. Наконецъ, считая ее для себя преопасною, рѣшился предать смерти. Объ этомъ онъ совѣтовался—ядомъ ли, мечемъ ли, или другимъ какимъ насильственнымъ средствомъ. Сначала избранъ былъ ядъ; но если дать во время пиршества у государя, то отнести этого къ случайности невозможно было; подобный былъ уже конецъ Британника. Казалось труднымъ ввесть въ искушеніе служителей женщины, опытностью въ преступленіяхъ принявшей мѣры противъ всякаго коварства; она сама заблаговременно принимая средства предохранила тѣло. Убійство мечемъ какъ скрыть, никто не могъ придумать и опасался Неронъ какъ бы кто, будучи и избранъ для такого преступленія, не пренебрегъ приказаніемъ. Предложилъ выдумку вольноотпущенникъ Аницетъ, начальникъ флота у Мизена и воспитатель дѣтства Нерона, ненавистный Агриппинѣ и ей платившій взаимною ненавистью. Онъ внушаетъ, что: «можно устроить судно, котораго часть среди моря отпа«детъ намѣренно и она погибнетъ ничего не зная. Ничто такъ «какъ море не подлежитъ случайности и если Агриппина погиб«нетъ въ кораблекрушеніи, то кто же будетъ на столько неспра«ведливъ—приписать злодѣйскому умыслу погрѣшенія вѣтровъ и «волнъ? А государь опредѣлитъ ей уже мертвой храмъ, жерт«венники и прочія доказательства любви.» Понравилась выдумка и прилаживалось оно къ обстоятельствамъ времени, такъ какъ Неронъ праздничные дни Квинкватровъ (пятидневный праздникъ въ честь Минервы) проводилъ въ Баіяхъ. Онъ вызываетъ туда мать, не разъ повторяя: «нужно переносить и раздражительность «родителей и успокоивать ихъ состояніе духа.» Этимъ онъ хо-

тѣлъ распространить слухъ о примиреніи, чтобы ему вняла Агриппина съ свойственною женщинамъ довѣрчивостью и радостью. Когда Агриппина пріѣхала, Неронъ встрѣтилъ ее на берегу (она прибыла изъ Антія), принялъ ее въ объятія и повелъ въ Баулы. Такъ называлась вилла, находившаяся между Мизенскимъ мысомъ и Баянскимъ озеромъ на заливѣ моря. Стоялъ тутъ корабль изукрашенный болѣе другихъ, какъ будто бы и этимъ хотѣлъ онъ оказать почесть матери; она имѣла обыкновеніе совершать плаваніе на военномъ суднѣ и съ казенными гребцами. Тутъ приглашена она была къ ужину съ цѣлью, чтобы подошла ночь, какъ время болѣе удобное для скрытія преступленія. Довольно вѣрно извѣстіе, что нашелся предатель и Агриппина, слыша о зломъ умыслѣ, но можетъ быть считая еще этотъ слухъ сомнительнымъ, прибыла въ Баіи, несомая на креслѣ. Тутъ ласки разсѣяли опасенія; ласково принятая, она посажена была на мѣстѣ выше самаго Нерона. Въ продолжительныхъ разговорахъ, гдѣ Неронъ, то съ юношескою короткостью, то какъ бы болѣе сдержанный и серьозный, дѣлился онъ съ матерью мыслями о важныхъ дѣлахъ, долго протянулось пиршество. Когда уходила Агриппина Неронъ ее провожалъ, не сводилъ онъ съ нея глазъ и крѣпче прижималъ къ себѣ или для того, чтобы совершеннѣе было притворство или видъ въ послѣдній разъ матери, осужденной на погибель, дѣйствовалъ и на чувства Нерона, какъ они необузданы ни были.

5. Боги ниспослали ночь, свѣтившуюся звѣздами и совершенно тихую; море не волновалось, какъ бы для того, чтобы яснѣе было преступленіе. И не далеко выступилъ впередъ корабль; изъ числа приближенныхъ Агриппины провожали ее двое; изъ нихъ Креперей Галлъ стоялъ недалеко отъ руля, а Ацерронія, склонясь у ногъ лежавшей Агриппины, съ веселіемъ припоминала: «раскаяніе сына и полное его примиреніе съ матерью.» Вдругъ по данному знаку упали въ этомъ мѣстѣ навѣсы, отягченные большимъ количествомъ свинца; задавленъ Креперей и тутъ же испустилъ духъ. Агриппина и Ацерронія нашли себѣ защиту въ выдававшихся стѣнкахъ кровати, которые можетъ быть были крѣпче и не уступили тяжести. Разрушеніе судна не послѣдовало; всѣ были смущены, а какъ большинство не знало, то оно служило помѣхою и знавшимъ. Вздумалось наконецъ гребцамъ—наклонить судно на одинъ бокъ и такъ его потопить. Но они и не вдругъ стали единодушно дѣйствовать при такомъ внезапномъ рѣшеніи, а

нѣкоторые сопротивляясь и, усиливаясь въ противуположную сторону, сдѣлали то, что паденіе въ море совершалось исподволь. Неосторожная Ацерронія крича, что она Агриппина и чтобы подали помощь матери государя, палками, веслами и всѣмъ, что только изъ оружія подъ руку попалось на кораблѣ добита. Агриппина молчала и вслѣдствіе того менѣе узнанная, получила только одну рану въ плечо. Вплывь, а потомъ на одномъ изъ подплывшихъ челноковъ, она въѣхала въ Лукринское озеро и отнесена въ свою виллу. Туть то она сообразила, что именно за тѣмъ она обманчивымъ письмомъ приглашена и осыпана особенными почестями и что подлѣ берега корабль ни вѣтромъ не гонимый, ни на камни не наброшенный, рузрушился въ верхней части, какъ будто строеніе на твердой землѣ. Замѣтила она и обстоятельства убійства Ацерроніи, видѣла и свою собственную рану. Единственное средство противъ коварнаго злоумышленія, если сдѣлаетъ видъ будто не понимаетъ. Послала отпущенника Агерина — извѣстить сына: и по милости боговъ и его счастіемъ избѣжала она великой опасности: проситъ, чтобы онъ, какъ ни приведенъ въ ужасъ опасностью матери, отложилъ бы стараніе ее видѣть; ей въ настоящемъ нужнѣе всего спокойствіе. Между тѣмъ, притворясь, что она вполнѣ вѣритъ въ собственную безопасность, она прикладываетъ лѣкарства къ ранѣ и заботится о возстановленіи здоровья. Приказываетъ — и только въ одномъ этомъ не притворяется — розыскать завѣщаніе Ацерроніи и опечатать имущество.

7. Нерону, дожидавшемуся вѣстниковъ о совершеніи злодѣйства, доносятъ; «спаслась: (Агриппина) получивъ легкую рану и до того «очевидна была ея опасность, что о виновникѣ она не можетъ «имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія». Тутъ, внѣ себя отъ страха, онъ объявлялъ: «вотъ сейчасъ явится она, готовая на отмщеніе — вооружитъ ли рабовъ, возмутитъ ли воиновъ, бросится ли къ сенату «и народу, ставя ему въ вину кораблекрушеніе, рану и убитыхъ «приближенныхъ. А противъ этого въ чемъ ему защита? Развѣ «что можетъ быть придумаютъ Бурръ и Сенека». Немедленно онъ ихъ призвалъ, неизвѣстно знавшихъ ли предварительно обо всемъ. А потому долгое и съ той и съ другой стороны молчаніе, какъ бы не отсовѣтовать безъ успѣха или, по ихъ убѣжденію, въ такое пришло положеніе дѣло, что если Агриппина не будетъ предупреждена, необходимо погибнуть Нерону. На этотъ разъ Сенека поспѣлъ скорѣе, взглянулъ на Бурра и спросилъ: «нужно ли приказать воинамъ совершить убійство»? А тотъ отвѣтилъ: «преторіан-

«цы привязаны ко всему дому Цезарей и, храня воспоминаніе о «Германикѣ, не дерзнутъ ничего жестокаго противъ его потомства; «а пусть Аницезъ довершитъ обѣщанное». Тотъ, нисколько не медля, домогается совершить верхъ злодѣйства. На его слова Неронъ высказываетъ: «въ этотъ день дана ему верховная власть и «виновникъ этого дара—отпущенникъ пусть идетъ поспѣшнѣе и «ведетъ съ собою наиболѣе готовыхъ исполнить приказанія. А самъ, «услыхавъ, что пришелъ вѣстникомъ отъ Агриппины посланный «ею Агеринъ, устраиваетъ съ свой стороны сцену злодѣйства. Пока тотъ «излагаетъ, что ему поручено было, онъ бросаетъ мечь между ногъ «его. Затѣмъ какъ бы захваченнаго съ поличнымъ приказываетъ «заключить въ оковы для того, чтобы пустить въ ходъ выдумку «что мать покушалась погубить государя и отъ стыда что обли«чено злодѣйство, добровольно сама себѣ причинила смерть».

8. Между тѣмъ разнесся слухъ объ опасности, въ какой находилась Агриппина — всѣ полагали, что это дѣло случая — сбѣжались къ берегу: одни всходили на выдавшіеся въ море скалы, другіе на находившіяся вблизи лодки, нѣкоторые входили въ море насколько дозволяло тѣло. Весь берегъ наполнился голосами состраданія, обѣтами, криками спрашивавшихъ и дававшихъ отвѣты на угадъ. Нахлынуло огромное стеченіе народа съ факелами и когда узнали, что Агриппина невредима, готовились было идти ее поздравить, но видъ вооруженнаго и грознаго строя заставилъ ихъ разбѣжаться въ разныя стороны. Аницетъ окружилъ виллу вооруженнымъ отрядомъ, выломавъ дверь, схватилъ попавшихся на встрѣчу рабовъ, пока не достигъ дверей спальни. При ней находились немногіе, а прочіе приведены были въ ужасъ грозно ворвавшимися воинами. Въ спальнѣ находился слабый свѣтъ и одна изъ служанокъ. Агриппина тревожилась все болѣе и болѣе, что отъ сына нѣтъ никого, ни даже Агерина. Притомъ совершенно измѣнился видъ берега—вездѣ было пусто, раздавались какіе-то внезапные звуки; все предвѣщало крайнее и неминуемое зло. Уходила отъ нея и служанка: «и ты также меня покидаешь? сказавъ, увидала «Аницета, сопровождаемаго тріерархомъ (капитана триремы — во«еннаго судна о трехъ рядахъ веселъ), Геркулеемъ и Олосеритомъ «сотникомъ флотскимъ. Она имъ сказала: если онъ пришелъ про«вѣдать ее, то пусть отнесетъ вѣсть, что она оправилась; если «же—совершить злодѣяніе, то нисколько она не вѣритъ относи«тельно сына; онъ не могъ дать приказанія на убійство матери». Обступили постель убійцы, и первый тріерархъ ударилъ Агриппину

палкою по головѣ. Когда сотникъ извлекъ мечь, чтобы довершить убійство, выставивъ впередъ животъ: «бей въ него» воскликнула и пала подъ множествомъ ранъ. Всѣ эти подробности историки передаютъ согласно. Но—видѣлъ ли Неронъ мать бездыханную, при чемъ похвалилъ будто бы формы ея тѣла—есть которые передаютъ, а другіе отрицаютъ. Сожжена въ эту же ночь на ложѣ, служившемъ при пиршествахъ и похороны ея были очень бѣдны. И пока правилъ Неронъ, не была засыпана землею и не было у ней могилы; а потомъ, заботою ея домашнихъ, устроили ей небольшой могильной холмъ подлѣ Мизенской дороги и виллы Цезаря Диктатора, съ которой, какъ стоящей на самомъ возвышенномъ мѣстѣ, открывается видъ на растилающіеся внизу морскіе заливы. Когда зажгли костеръ, отпущенникъ ея прозываемый Мнестеръ, самъ себя пронзилъ мечемъ, неизвѣстно изъ привязанности къ госпожѣ, или изъ опасенія гибели. Въ такомъ своемъ концѣ за много лѣтъ раньше убѣждена была Агриппина и пренебрегла этимъ. Когда она совѣтовалась о Неронѣ, халдеи дали отвѣтъ: «онъ будетъ властвовать и убьетъ мать».—А она отвѣчала: «пусть «убьетъ, лишьбы властвовалъ».

10. Но Цезарь понялъ всю громадность злодѣйства, только совершивъ его; всю остальную ночь то упрямо молчалъ, то нерѣдко вставалъ въ страхѣ, самъ не зная, что дѣлать; наступленія дня ждалъ онъ словно, какъ бы онъ грозилъ ему гибелью. Но его—и тутъ виновникомъ былъ Бурръ—сначала ободрила, разувѣривъ его опасенія, лесть сотниковъ и трибуновъ, явившихся прикоснуться къ его рукѣ и поздравить «что онъ избѣгъ неожиданной опасности «и злодѣйства матери». Затѣмъ приближенные бросились въ храмы и, по поданному примѣру, ближайшіе города Компаніи изъявляли свою радость жертвоприношеніями и посольствами. А самъ Неронъ, давъ своему притворству другое направленіе, казался печальнымъ; собственное спасеніе казалось ему, какъ бы ненавистнымъ и проливалъ онъ слезы о смерти родительницы. Но какъ мѣстность не такъ быстро измѣняется, какъ выраженіе лицъ человѣческихъ; и постоянно передъ глазами Нерона былъ суровый видъ этого моря и его береговъ, находились люди, которые вѣрили—что слышится будто бы на близьлежащихъ высокихъ холмахъ звукъ трубы, а на могилѣ матери плачь;—удалился въ Неаполь, написавъ къ сенату письмо, сущность котораго была: «найденъ съ «мечемъ для совершенія убійства Агеринъ изъ самихъ близкихъ «Агриппинѣ отпущенниковъ и она сама себя казнила отъ сознанія

«задуманнаго преступленія. Присоединилъ и обвиненія придуман-«ныя гораздо раньше: надѣялась соучастія въ верховной власти, «присяги преторіанскихъ когортъ на вѣрность женщинѣ и такаго «же позора сената и народа; а когда ея надежды на это оказались «тщетными, то, сдѣлавшись враждебною воинамъ, сенаторамъ и «простому народу, стала отсовѣтовать раздачи денежныя и хлѣ-«бомъ и устраивать опасности людямъ именитымъ. Сколько труда «стоило ему, чтобы она не ворвалась въ зданіе сената, не давала «отвѣтовъ чужестраннымъ народамъ». Косвенными нападками на времена Клавдіевы, все что было дурнаго въ томъ правленіи (Неронъ припасалъ матери, излагая что она погибла къ общественному счастію. Расказывалъ онъ и караблекрушеніе, а случайнымъ его счесть могъ ли найдтись столь тупоумный? Или можно ли было повѣрить, чтобы женщина, только что избѣгшая кораблекрушенія, послала съ оружіемъ одного—сокрушить когорты и флоты Императора? А потому въ худой славѣ былъ уже не Неронъ, звѣрство котораго было выше всякаго осужденія, а Сенека за то, что онъ такое признаніе дерзнулъ изложить на письмѣ.

12. Но съ удивленнымъ усердіемъ знати опредѣлены: «молеб-«ствія во всѣхъ капищахъ, въ праздникъ Минервы, въ который «открылся коварный умыселъ, совершать ежегодныя игры; въ зда-«ніи сената поставить изображеніе Минервы изъ золота и подлѣ «него портретъ государя; день рожденія Агриппины считать въ «числѣ неблагополучныхъ». Тразеа Петъ, имѣвшій обыкновсніе прежнія выраженія лести проходить молчаніемъ или краткимъ одобреніемъ вышелъ тутъ изъ сената; условивъ для себя тѣмъ опасность, для прочихъ не положилъ начала вольности. Замѣшались тутъ и чудесныя явленія частыя и безплодныя: женщина родила ужа, а другая въ минуту совокупленія съ мужемъ убита молніею; солнце вдругъ померкло и поражены молніею четырнадцать частей города. Но все это случилось до того безъ промышленія (заботы) боговъ, что въ теченіи еще многихъ лѣтъ и послѣ того Неронъ продолжалъ править и злодѣйствовать. Впрочемъ, чтобы вызвать больше неудовольствія къ памяти матери и показать что безъ нея увеличилось его милосердіе, возвратилъ на родину изгнанныхъ нѣкогда Агриппиною знатныхъ женщинъ: Юнію и Кальпурнію, бывшихъ префектами Валерія Капитона и Лицинія Габала. Дозволилъ даже перенесть изъ ссылки прахъ Лолліи Павлины и воздвигнуть ей надгробный памятникъ; освободилъ отъ наказанія незадолго передъ тѣмъ имъ самимъ сосланныхъ—Иту-

рія и Кальвизія. А Силана умерла но возвращеніи въ Тирентъ изъ отдаленной ссылки, вслѣдствіе уже падавшаго значенія Агриппины, жертвою нерасположенія которой она сдѣлалась, а можетъ быть и сама Агриппина въ отношеніи къ ней смягчилась.

13. Медлилъ Неронъ въ городахъ Кампаніи въ тоскливомъ сомнѣніи «какимъ образомъ войдти ему въ городъ; встрѣтитъ «ли онъ раболѣпство въ сенатѣ, усердіе въ народѣ?» Но тутъ люди что ни есть хуже—а ими ни одинъ другой дворъ не могъ похвалиться въ такомъ изобиліи, стали его увѣрять: «ненавист-«но имя Агриппины и смерть ея увеличила расположеніе наро-«да: пусть идетъ безстрашно и лично убѣдится въ почтеніи къ «нему.» Вмѣстѣ съ тѣмъ они ходатайствуютъ, чтобы имъ идти впередъ. Нашли болѣе готовности чѣмъ сколько обѣщали. Трибы вышли на встрѣчу; сенатъ въ праздничной одеждѣ: ряды женъ и дѣтей, расположенные по полу и возрастамъ; устроены по той дорогѣ, гдѣ слѣдовало ему идти, подмостки для зрителей, такъ какъ это дѣлается, когда смотрятъ тріумфальныя шествія. Вслѣдствіе этого надменный побѣдитель, торжествуя надъ общимъ порабощеніемъ, вошелъ въ Капитолій и тамъ принесъ благодарность (богамъ) а самъ пустился во всѣ прихоти разврата, а полное развитіе ихъ все таки сколько нибудь задерживало уваженіе къ матери.

14. Давно уже имѣлъ Неронъ привычку управлять самъ лошадьми при бѣгахъ четверками; и не менѣе позорное занятіе—во время ужина играть на гитарѣ, какъ то бываетъ на сценическихъ представленіяхъ. При этомъ онъ напоминалъ, что тоже дѣлали цари и древніе вожди; это занятіе прославлено похвалами прорицателей и посвящено чести боговъ. Такъ пѣніе посвящено Аполлону и съ такимъ украшеніемъ изображается не только въ городахъ Греціи, но и въ Римскихъ храмахъ божество главное, прозирающее въ будущее. Да и удержать Нерона нельзя уже было. Сенека и Бурръ заблагоразсудили—какъ бы онъ не взялъ упорствомъ то и другое, допустить одно. Въ Ватиканской долинѣ огорожено мѣсто, гдѣ бы Неронъ управлялъ конями, не бывъ зрѣлищемъ для всѣхъ безъ различія. Но вскорѣ даже стали приглашать народъ Римскій, а тотъ превозносить похвалами, такъ какъ народъ вообще жаждетъ наслажденій и радуется, если государь имѣетъ къ тому же склонность. Впрочемъ гласность позора не принесла за собою пресыщеніе какъ того ожидали, а подстрекнула на дальнѣйшее. Съ цѣлью уст-

ранить позоръ, если осквернитъ онъ имъ какъ можно большее число, Неронъ вывелъ на сцену потомковъ знатныхъ родовъ, вслѣдствіе бѣдности сдѣлавшихся продажными: ихъ уже умершихъ не стану называть по именамъ, считая нужнымъ сдѣлать эту уступку чести ихъ предковъ. Стыдъ вмѣстѣ падаетъ и на того, кто предпочелъ давать деньги за проступки, чѣмъ отвлечь отъ нихъ. Извѣстныхъ всадниковъ Римскихъ обѣщать соучастіе въ зрѣлищахъ на аренѣ заставилъ огромными дарами; нельзя не принять въ соображеніе, что денежная награда отъ того, кто имѣетъ власть и приказать, приноситъ въ себѣ силу необходимости.

15. А чтобы покамѣсть не срамиться участіемъ въ публичномъ театрѣ, установилъ игры, подъ названіемъ юношескихъ; въ нихъ записывались кто ни попало: ни знатность рода, ни лѣта, ни уже полученныя на службѣ почести не служили препятствіемъ принимать участіе въ Греческихъ и Латинскихъ сценическихъ представленіяхъ, даже до жестовъ и манеръ не совсѣмъ приличныхъ мущинѣ. Да и знатныя женщины придумали безобразіе: у рощи, которою Августъ окружилъ озеро, служившее для маневровъ флота, выстроены мѣста для свиданій и наслажденій и открыта продажа всего, что можетъ раздражать сладострастіе всякаго рода. Даваемы были денежныя награды; люди благонамѣренные по необходимости, а невоздержные съ похвальбою ихъ тратили. Вслѣдствіе этого проникали испорченность и безславіе и ничто уже давно испорченной нравственности не принесло еще болѣе поощренія къ разгулу, какъ это сходбище. Съ трудомъ сдерживается стыдъ честными привычками; а при состязаніи въ порокахъ могли ли имѣть сколько нибудь мѣста—стыдливость, скромность и вообще чтолибо честное. Наконецъ самъ Неронъ вступилъ на сцену, съ большимъ стараніемъ дѣлая опыты игры на гитарахъ и руководя другими соучастниками. Была при этомъ и торжественная обстановка: когорта воиновъ, сотники и трибуны и Бурръ хвалившій чуть не сквозь слезы. Тутъ то въ первый разъ записаны всадники Римскіе подъ названіемъ Августовыхъ, лучшіе возрастомъ и крѣпостью силъ; одни по врожденной бойкости, а другіе—въ надеждѣ власти. День и ночь оглашали они рукоплесканіями наружность государя и голосъ и называя ихъ божественными.

16. Но для того, чтобы сдѣлалось извѣстнымъ искусство императора не только въ сценическихъ представленіяхъ, онъ взял-

ся съ усердіемъ и за сложеніе стиховъ. созвавъ всѣхъ сколько ни было мастеровъ на это. Дѣти уже не блестящаго періода, усѣлись они вмѣстѣ и связывали стишки частью принесенные, частью тамъ же придуманные и слова самаго Нерона какъ бы они тамъ выражены ни были, дополняли; самый наружный видъ стиховъ это доказываетъ, не однимъ порывомъ и побужденіемъ внушенныхъ и не плавно какъ изъ однихъ устъ выходящихъ. Да и учителямъ мудрости Неронъ удѣлялъ время послѣ пиршества съ тѣмъ, чтобы въ ихъ спорахъ открывались разнообразныя мнѣнія; не было недостатка и въ такихъ, которые страстно желали выставить на показъ, среди наслажденій царскихъ, свои печальныя лицо и наружность.

17. Около этого же времени изъ пустаго спора произошло ужасное побоище между поселенцевъ Нуцеринскихъ и Пампеянскихъ, во время гладіаторскаго зрѣлища, даннаго Ливинейемъ Регуломъ, о которомъ я говорилъ что онъ удаленъ былъ изъ сената; съ свойственнымъ горожанамъ своеволіемъ напали они другъ на друга сначала ругательствами, потомъ каменьями, наконецъ взялись и за оружіе, при чемъ перевѣсъ силы былъ на сторонѣ черни Помпеянской, да у нихъ же и зрѣлище давалось. Такимъ образомъ принесены назадъ въ городъ многіе изъ Нуцеринъ съ обезображеннымъ отъ ранъ тѣломъ и весьма многимъ пришлось оплакивать смерть кому дѣтей, а кому родителей. Сужденіе объ этомъ дѣлѣ государь предоставилъ сенату, а сенатъ консуламъ. Снова дѣло доложено сенату и запрещено на десять лѣтъ жителямъ Помпей имѣть такого рода публичныя сборища, а Коллегіи (общества), заведенныя ими противозаконно, распущены. Ливиней и другіе виновники возмущенія, наказаны ссылкою.

18. Удаленъ изъ сената и Пэдій Блезъ по обвиненію Киренейцевъ: «насильственно поступилъ онъ съ сокровищемъ Эску«лапія, а наборъ воиновъ произвелъ неправильно подъ влія«ніемъ денегъ и честолюбивыхъ соображеній.» Тѣ же Киренейцы призывали къ суду Ацилія Страбона пользовавшагося властью претора, а Клавдіемъ посланнаго для разбирательства спора о земляхъ, которыя составляя нѣкогда собственность царя Апіона; имъ вмѣстѣ съ царствомъ оставлены народу Римскому; ихъ позахватывали сосѣдніе владѣльцы и вслѣдствіе долговременнаго послабленія имъ неправды пользовались ею какъ бы правомъ имъ принадлежащимъ. А вслѣдствіе отсужденія полей возникло

противъ судьи неудовольствіе и сенатъ отвѣчалъ: «неизвѣстны «ему порученія Клавдія и нужно обратиться къ мудрости госу-«даря». Неронъ, одобривъ образъ мыслей Страбона, написалъ: что онъ все таки готовъ помочь союзникамъ и уступаетъ имъ захваченное.

19. Послѣдовали кончины именитыхъ мужей—Домиція Афра и М. Сервилія; достигли они высшихъ почестей и отличались обильнымъ краснорѣчіемъ. Первый пріобрѣлъ извѣстность, защищая дѣла, а Сервилій—долговременною дѣятельностью на форумѣ, а потомъ изложеніемъ событій Римской исторіи и изящнымъ образомъ жизни; ее онъ сдѣлалъ еще болѣе славною, будучи равенъ умомъ, но настолько же другой нравственности. Въ консульство четвертое Нерона и Корнелія Косса установлены въ Римѣ пятилѣтнія игры, по образцу Греческихъ состязаній; разные были толки, какъ почти всегда при всемъ новомъ. Находились и такіе, которые передавали, что и Кн. Помпею ставили въ вину люди старше его то, что онъ устроилъ постоянное помѣщеніе для театра; а прежде обыкновенно давали игры на подмосткахъ, выстроенныхъ на скорую руку и на временной сценѣ, а если обратиться къ еще болѣе отдаленной древности, то народъ, стоя смотрѣлъ для того, чтобы сидя не сталъ проводить цѣлыхъ дней въ праздности. Древній обычай зрѣлищъ былъ бы соблюденъ какъ только преторы давали бы ихъ, не ставя въ необходимость кого-либо изъ гражданъ въ нихъ состязаться. Впрочемъ мало по малу отмѣненные обычаи предковъ, гибнутъ совершенно, вслѣдствіе пришлого своеволія, такъ что въ городѣ (Римѣ) можно видѣть что гдѣ либо есть испорченнаго или порчѣ содѣйствовать можетъ; молодежь выродилась, вслѣдствіе чуждыхъ вліяній и занятія гимназіями, празднаго препровожденія времени и гнусныхъ привязанностей, съ вѣдома и содѣйствія государя и сената; а они не только предоставили порокамъ полный просторъ, но даже примѣняютъ насиліе. Сановники Римскіе, подъ предлогомъ рѣчей и стихотвореній, оскверняютъ себя сценою. Что же осталось имъ, какъ, не обнаживъ тѣла, взять гладіаторскую перевязь и заниматься борьбою вмѣсто военной службы и занятія оружіемъ. Исполнятъ ли они всю правду гаданія птицами и высокую обязанность суда и расправы въ декуріяхъ всадническаго сословія, если съ знаніемъ дѣла будутъ слушать нѣжные звуки и пріятные голоса? Не ушли отъ позора и самыя ночи и пусть стыду не будетъ вовсе мѣста, но при общемъ смѣшеніи пусть каждый самый отчаянный чего возжелалъ въ теченіи дня могъ бы

дерзко осуществить въ мракѣ. Еще большему числу нравилось это безграничное своеволіе и, впрочемъ, прикрывали его честными предлогами: и предки не обнаруживали отвращенія къ наслажденіямъ зрѣлищами сообразно съ положеніемъ дѣлъ, какое тогда было. Вслѣдствіе этого отъ Этрусковъ приглашены гистріоны (актеры), а отъ жителей Турій заимствованы состязанія коней; а когда овладѣли Ахаіею и Азіею, игры стали даватьтя съ большею заботливостью. И въ Римѣ никто, кто могъ гордиться честнымъ происхожденіемъ, не унижался до театральнаго искуства, а двѣсти уже лѣтъ прошло отъ тріумфа Л. Муммія, который первый въ городѣ (Римѣ) представилъ этотъ родъ зрѣлища. И имѣли въ виду сбереженіе; предпочли устроить постоянное мѣсто для театра, чѣмъ съ огромными издержками ежегодно воздвигать его и строить. Должностныя лица не будутъ истощать свое состояніе и народу не будетъ повода требовать отъ должностныхъ лицъ Греческихъ зрѣлищъ, если государство беретъ ихъ на свой счетъ; ораторовъ и поэтовъ успѣхи принесутъ возбужденіе для умовъ; и ни одному судьѣ не тяжко—слухъ свой примѣнить къ занятіямъ честнымъ и наслажденіямъ дозволеннымъ. Веселости скорѣе, чѣмъ распутству посвящены немногія ночи всего пятидневнаго празднества, въ теченіи которыхъ при такомъ свѣтѣ огней нельзя скрыть ничего не дозволеннаго. Безспорно это зрѣлище прошло безъ особенно замѣтнаго скандала. И не малое возгорѣлось рвеніе въ народѣ, такъ какъ пантомимы, хотя возвращенныя сценѣ, были недопускаемы до священныхъ состязаній. Первой награды за краснорѣчіе не получилъ никто, но объявлено, что побѣдителемъ— Цезарь. Греческія одежды, въ которыхъ въ эти дни ходили большею частью, тутъ же скоро и были оставлены.

22. Въ это же время свилось свѣтило кометы; о немъ народное повѣрье, будто оно предвѣщаетъ перемѣну царства. А потому какъ будто уже свергнутъ Неронъ, пріискивали кого бы избрать на его мѣсто. Въ устахъ всѣхъ было имя Рубеллія Плавта; онъ гордился происхожденіемъ по матери отъ семейства Юліевъ. А самъ онъ держался старинныхъ обычаевъ, велъ себя строго, въ семействѣ цѣломудренно и скромно и чѣмъ отъ страху онъ болѣе скрывался, тѣмъ болѣе пріобрѣталъ извѣстности, Увеличило толки столь же самонадѣянное происшедшее истолкованіе молніи. Вслѣдствіе того, что у Нерона, когда онъ возлежалъ за обѣдомъ у Симбрунскаго пруда, прозываемаго suflaqueum (подъ петлею) — поражены яствы и столь разбросанъ и это случилось въ предѣлахъ

Тибуртовъ, откуда Плавтъ происходилъ по отцу, то и полагали, что воля боговъ указываетъ на него. Многіе, которые съ жадностью по большей части обманчивымъ честолюбіемъ предпочитаютъ поклоненіе новому и сомнительному — поддерживали эти слухи. А потому Неронъ, встревоженный всѣмъ этимъ, сочинилъ къ Плавту письмо: «пусть позаботится о спокойствіи города и «удалится отъ распускающихъ про него дурные слухи; есть у него «въ Азіи родовыя помѣстья, гдѣ онъ можетъ пользоваться безо«пасною и ничѣмъ не возмущаемою молодостью». Вслѣдствіе этого Плавтъ удалился туда съ женою Антиріею и немногими приближенными. Въ эти же дни излишняя жажда наслажденій принесла Нерону и дурную славу, и опасность, такъ какъ онъ въ воду источника Марціи, проведенной въ городъ, вошелъ вплывь; казалось, что онъ священное питье и святость мѣста осквернилъ мытьемъ тѣла. Послѣдовавшее за тѣмъ нездоровье какъ бы подтвердило раздраженіе боговъ.

23. А. Корбулонъ, уничтоживъ Артаксату, считалъ нужнымъ воспользоваться свѣжимъ еще ужасомъ, чтобы занять Тигранocерту; съ тѣмъ, чтобы разрушеніемъ этого города, или увеличить страхъ непріятеля, или въ случаѣ, если пощадитъ, пріобрѣсть славу милосердія. Онъ туда устремился съ войскомъ неоткрыто непріязненно какъ бы не уничтожить надежду на прощеніе, но и не безъ принятія мѣръ осторожности, зная, что народъ этотъ весьма склонный къ перемѣнѣ, въ опасности недѣятельный, при благопріятномъ случаѣ готовъ на измѣну. Дикари, сообразно съ своимъ образомъ мыслей, одни являлись съ мольбами; нѣкоторые оставляли селенія и уходили въ мѣста непроходимыя; были и такіе, которые прятались въ пещерахъ и туда же прятали все что имѣли наиболѣе дорогаго. Вслѣдствіе этого и вождь Римскій поступалъ различно: милосердный къ просителямъ, въ отношеніи бѣглецовъ онъ дѣйствовалъ быстро; неумолимъ былъ къ тѣмъ, которые прятались въ потайныхъ мѣстахъ; отверстія и выходы пещеръ, наполнивъ хворостомъ и бурьяномъ, предавалъ огню. На него, когда онъ проходилъ мимо ихъ предѣловъ, сдѣлали набѣгъ Марды, опытные въ разбояхъ, а сами защищенные горами отъ вторженія къ нимъ;ихъ земли Корбулонъ, напустивъ Иберовъ, опустошилъ и отмстилъ дерзость непріятеля чуждою кровью.

24. Самъ и войско отъ сраженія, не понеся никакого урону, истомлены были нуждою и трудами; голодъ вынуждены были прогонять мясомъ скота. Къ тому же недостатокъ воды, жаркое лѣто,

длинные переходы становились сносны вслѣдствіе лишь одного терпѣнія вождя, а онъ переносилъ даже болѣе чѣмъ простой воинъ. Затѣмъ перешли въ мѣста воздѣланныя, скошены жатвы и изъ двухъ укрѣпленій, куда сбѣжались Армяне, одно взято приступомъ а тѣ, которые отразили первый натискъ, вынуждены (покориться) осадою. Перейдя оттуда въ область Тавранціевъ, Корбулонъ избѣжалъ неожиданной опасности. Не вдали отъ его палатки найденъ дикарь не изъ простаго роду съ оружіемъ—весь порядокъ злаго умысла высказалъ вслѣдсвіе пытки—и что онъ виновникъ и кто его сооучастники. Уличены и казнены тѣ, которые подъ личиною дружбы готовили злодѣйство. Немного спустя депутаты, присланные изъ Тиграноцерты, принесли извѣстіе что доступъ туда открытъ и жители готовы исполнить все, что имъ прикажутъ. Вмѣстѣ они вручили даръ гостепріимства—золотой вѣнокъ. Корбулонъ принялъ его съ почетомъ и у города ничего не отнято, дабы жители, ничего не утративъ, съ большею готовностью оставались въ повиновеніи. Но царское укрѣпленіе, запертое неукротимою молодежью, взято не безъ борьбы; они (молодые люди) дерзнули и на бой передъ стѣнами и, будучи сбиты внутрь укрѣпленій, уступили только осаднымъ работамъ и оружію ворвавшихся (Римлянъ). Все это шло съ успѣхомъ тѣмъ легче, что Парѳы были отвлечены Гирканскою войною. Гирканы послали къ государю Римскому, прося о союзѣ и показывая, что: «они удерживаютъ Вологеза какъ «залогъ дружбы». Ихъ на обратномъ пути Корбулонъ, какъ бы они, перейдя Ефратъ, не были окружены непріятельскими отрядами, давъ конвой, велѣлъ проводить къ берегамъ Краснаго (чермнаго) моря; оттуда, миновавъ предѣлы Парѳовъ, возвратились въ родовыя мѣста жительства.

26. Корбулонъ и Тиридата, вошедшаго черезъ Медію въ окраины Арменіи—пославъ впередъ съ вспомогательными войсками Верулана легата и самъ двинувшись за нимъ съ легіонами, вынудилъ отоидти далеко и утратить надежду на войну, и земли тѣхъ, которыхъ зналъ, что они за царя расположены къ намъ враждебно, опустошилъ мечемъ и огнемъ и присвоилъ себѣ власть надъ Арменіею. Тутъ то прибылъ Тирганъ, избранный Нерономъ для того, чтобы быть облеченнымъ властью; онъ происходилъ изъ знатнаго Каппадокскаго рода, внукъ царя Архелая, но такъ какъ онъ долго оставался заложникомъ въ городѣ, то держалъ себя униженно даже до рабской терпѣливости. Принятъ былъ онъ не единодушно, такъ какъ у нѣкоторыхъ оставалось расположеніе къ Арзакидамъ,

а большинство изъ ненависти къ высокомѣрію Парѳовъ, предпочитали царя, даннаго Римлянами. Дана ему и охрана: тысячу воиновъ изъ легіона, три когорты союзниковъ, два эскодрона всадниковъ: все это для того, чтобы онъ легче удержалъ новое царство. Части Арменіи, какъ кому прилегала, получили приказаніе повиноваться Фаразману, Полемону, Аристобулу и Антіоху. Корбулонъ удалился въ Сирію, вслѣдствіе смерти Уммидія легата оставшуюся безъ начальника и ему предоставленную. Въ этомъ же году изъ именитыхъ городовъ Азіи, Лаодицея ниспровержена землетрясеніемъ; оправилась безо всякой отъ насъ помощи, собственными средствами. А въ Италіи старинный городъ Путеоме, получилъ отъ Нерона право и наименованіе Колоніи; заслуженные солдаты записаны въ Тарентъ и Анцій; не пособили они малолюдству мѣстъ и по большей части разошлись по провинціямъ, въ которыхъ оканчивали свой срокъ служенія; не привыкли они ни вступать въ брачные союзы, ни воспитывать дѣтей и послѣ нихъ оставались дома осиротѣлые, безъ потомства. Ибо теперь не такъ какъ прежде, не цѣлые легіоны были отводимы съ трибунами и сотниками и воинами каждый своего порядка, при чемъ они единомысліемъ и расположеніемъ представляли чтото въ родѣ общественнаго тѣла; но незнакомые другъ съ другомъ, въ разныхъ подраздѣленіяхъ, безъ главы, безъ взаимной привязанности, какъ бы изъ другаго рода смертныхъ внезапно собранные въ едино; болѣе толпа людей, чѣмъ Колонія.

28. Выборы преторовъ, обыкновенно дѣлавшіеся по усмотрѣнію сената, такъ какъ отличались особеннымъ искательствомъ, государь уладилъ; трехъ, которые просили сверхъ положеннаго числа, сдѣлалъ начальниками легіона. Увеличилъ и почесть сенаторовъ постановивъ: чтобы тѣ, которые аппеллировали къ сенату отъ частныхъ судей, подвергались также возможности заплатить денежный штрафъ, какой тѣ, которые аппеллировали къ императору, а прежде это не влекло за собою никакой отвѣтственности и наказанія. Въ концѣ года Вибій Секундъ, всадникъ Римскій, по обвиненію Мавровъ, обвиненъ за взятки и изгнанъ изъ Италіи, а чтобы онъ не подвергся болѣе тяжкому наказанію, содѣйствовали ему средства брата его—Вибія Криспа.

29. Въ консульство Цезонія Пета и Петронія Турпилліана понесенъ тяжкій уронъ въ Британніи. Тамъ и легатъ А. Дидій удержалъ только то, что было пріобрѣтено ранѣе и преемникъ его Вераній, умѣренными набѣгами, опустошилъ (земли) Силуровъ, но

смерть ему воспрепятствовала внесть войну далѣе; пока онъ живъ былъ, пользовался большою славою строгости, а послѣдними словами завѣщанія обнаружившій честолюбіе, съ большою въ отношеніи Нерона лестью присовокупилъ: «покорилъ бы онъ ему провинцію, «проживи только два года еще». А тутъ Паулиннъ Светоній сталъ управлять Британцами, знаніемъ военнаго дѣла и толками народа, который никого не оставляетъ безъ соперника,—достоинъ былъ состязаться съ Корбулономъ. Онъ страстно желалъ—сдѣлать равное съ честью пріобрѣтенія Арменіи, окончательно усмиривъ всѣ непріязненныя дѣйствія. Вслѣдствіе этого готовится онъ напасть на островъ Мону, сильно населенный и пріютъ бѣглецовъ; изготовлены суда съ плоскимъ дномъ для дѣйствія на берегахъ низменныхъ и неопредѣленныхъ очертаній. Такъ перевезена пѣхота, а всадники слѣдовали въ бродъ или переправились и въ болѣе глубокихъ мѣстахъ пустивъ коней вплавь.

30. На краю берега стоялъ разнообразный строй, тѣсно сплоченный изъ вооруженныхъ людей, а между ними бѣгали на подобіе фурій женщины въ траурныхъ одеждахъ съ распущенными волосами, нося передъ собою факелы. Кругомъ Друиды, поднявъ къ небу руки, произносили страшныя проклятія. Воины сначала были до того поражены новостью этого зрѣлища, что, какъ бы оцѣпенѣвъ и утративъ возможность двигать членами, подставляли ранамъ недвижимыя тѣла. Потомъ, вслѣдствіе увѣщаній вождя и ободряя сами себя—не робѣть передъ строемъ неистовыхъ и женщинъ, двигаютъ впередъ значки, ниспровергаютъ все, что попадается на встрѣчу и тѣснятъ непріятеля его же огнемъ. Затѣмъ у побѣжденныхъ оставленъ гарнизонъ и вырублены рощи, посвященныя ужаснымъ суевѣрнымъ обрядамъ; жители имѣли обыкновеніе кровью плѣнныхъ орошать олтари и по внутренностямъ людей спрашивать совѣта боговъ. Среди этихъ дѣйствій Светонія получается извѣстіе о внезапномъ отпаденіи провинціи.

31. Царь Иценовъ, Прасутагъ, снискавшій извѣстность продолжительнымъ благосостояніемъ, назначилъ наслѣдниками—Цезаря и двухъ дочерей; полагая такою угодливостью свои владѣнія и семейство обезпечить отъ какого либо оскорбленія; но вышло совсѣмъ напротивъ, и владѣнія его сдѣлались предметомъ грабежа сотниковъ, а домъ—рабовъ, какъ бы захваченныя силою. И съ самаго начала его жена Боодицея высѣчена розгами, а дочери изнасилованы. Какъ будто бы вся область получена была въ даръ; у знатнѣйшихъ изъ Иценовъ отняты ихъ родовыя имущества, а съ род-

ственниками царя обращались какъ бы съ рабами. Вслѣдствіе такихъ оскорбленій и изъ опасенія еще болѣе тяжкихъ (такъ какъ ихъ земли приняли совсѣмъ видъ провинціи) берутся за оружіе. Подвинуты къ возмущенію Тринобанты и другіе, еще не сломленные рабствомъ—условились на тайныхъ совѣщаніяхъ домогаться свободы. Въ высшей степени сильную ненависть питали они къ ветеранамъ: тѣ, будучи недавно отведены въ колонію Комалодунъ, гнали хозяевъ изъ домовъ, называя ихъ плѣнными рабами. При томъ же храмъ, устроенный божественному Клавдію, виднѣлся какъ оплотъ вѣчнаго господства; выбраны жрецы, которые, подъ предлогомъ религіи, тратили достояніе всѣхъ. И нетруднымъ казалось уничтожить колонію, неогражденную никакими укрѣпленіями: наши вожди мало объ этомъ думали, заботясь о томъ, что пріятно болѣе, чѣмъ о томъ что полезно.

32. Въ это время, безо всякой повидимому причины, въ Камалодунѣ изображеніе побѣды упало, оборотясь задомъ какъ бы уступая врагамъ. Женщины, прійдя въ неистовство, пѣли: «наступила гибель». Въ куріи (зданіи сената) колоніи слышались странные звуки ропота; театръ огласился воплями и въ волнахъ Темзы видно было изображеніе ниспровергнутой колоніи. И самый океанъ казался кровавымъ; волны, удаляясь въ отливѣ, оставляли изображенія человѣческихъ тѣлъ; все это подавало Британцамъ надежду, а ветеранамъ внушало опасенія. Но такъ какъ Светоній былъ далеко, то просили помощи у прокуратора Ката Деціана. Тотъ послалъ не болѣе 200, да и то не какъ слѣдуетъ вполнѣ вооруженныхъ; да тамъ—въ Колоніи—находилось небольшое число воиновъ. Надѣясь найдти защиту въ храмѣ и воспрепятствованные тѣми, которые тайно участвуя въ возмущеніи, старались внесть замѣшательство во всѣ намѣренія, не обвели ни рва, ни вала и не удалили стариковъ и женщинъ, оставивъ (какъ бы слѣдовало) одну молодежь. Все остальное при первомъ нападеніи разграблено или сожжено, а храмъ, въ которомъ столпились воины, взятъ послѣ двухдневной осады. Британецъ побѣдитель пошелъ на встрѣчу Петиллію Церіалу легату девятаго легіона, разбилъ его и всѣхъ пѣшихъ умертвилъ. Церіалъ съ всадниками ушелъ въ лагерь и нашелъ себѣ защиту въ укрѣпленіяхъ. Вслѣдствіе этого пораженія и ненависти провинціи, которую онъ своею жадностью вынудилъ къ войнѣ, прокураторъ Катъ въ тревогѣ перешелъ въ Галлію.

33. А Светоній съ удивительною настойчивостью посереди враговъ проложилъ себѣ путь въ Лондиній, не имѣвшій еще чести

называться колоніею, но имѣвшій очень большую извѣстность множествомъ торговцевъ и привозимыхъ товаровъ. Тутъ онъ обдумывалъ—не избрать ли тутъ мѣсто для военныхъ дѣйствій, видя вокругъ себя немногочисленность воиновъ и что неосторожность Петиллія уже обуздана довольно значительными доказательствами, вредомъ одного города рѣшился спасти все. Не смягчился онъ ни плачемъ, ни слезами умолявшихъ его о помощи, а подалъ знакъ къ выступленію; тѣхъ, которые захотѣли его провожать, принялъ въ составъ строя. Задержанные или безсиліемъ пола, или дряхлостью возраста, или пріятностью мѣстности, подавлены непріятелемъ. Такая же бѣдственная участь постигла и муниципій Веруламій: дикари оставивъ въ покоѣ укрѣпленія, гдѣ были военные гарнизоны, стремились туда, гдѣ больше могли найдти для грабежа и наименьше безопасности для защитниковъ; они довольствовались добычею, а о прочемъ не радѣли. Оказалось, что въ тѣхъ, которыя я упомянулъ мѣстностяхъ пало до семидесяти тысячь гражданъ и союзниковъ. Они не брали въ плѣнъ или для продажи и иной торговли обычной въ военное время не заводили, но убивали, вѣшали, жгли, распинали, какъ будто воздавая казнью за казнь и спѣша насытиться мщеніемъ.

34. Уже у Светонія находился четырнадцатый легіонъ съ значконосцами двадцатаго и изъ ближайшихъ мѣстностей вспомогательные воины, а всего около десяти тысячь человѣкъ подъ оружіемъ: онъ готовится оставить нерѣшительность и сразиться въ бою; выбираетъ мѣстность въ тѣсномъ ущельи и съ тыла прикрытую лѣсомъ, достаточно узнавъ, что непріятеля нѣтъ иначе какъ только спереди и что равнина открытая, гдѣ нѣтъ опасности засады. А потому поставлены воины легіоновъ частыми рядами, кругомъ легковооруженные, а передъ флагами конница густою толпою. Войска Британцевъ двигались быстро въ разсыпную пѣшими и конными отрядами въ такомъ числѣ, какъ еще не разу и въ такомъ ожесточеніи, что они влекли съ собою и женъ быть свидѣтельницами побѣды, посадивъ ихъ на телѣги, разставленныя вокругъ крайняго предѣла лагеря.

35. Боадицеа, на колесницѣ передъ собою ведя дочерей, какъ подъѣзжала къ войскамъ какого либо племени, высказывала: «въ «обычаѣ Британцевъ сражаться подъ предводительствомъ жен«щинъ, но на этотъ разъ, хотя и происходитъ отъ такого длин«наго ряда предковъ, но мститъ не за отнятыя царство и до«стояніе, но какъ послѣдняя изъ народа за утраченную свободу,

«тѣло изможденное ударами, поруганную стыдливость дочерей. «До того страсти Римлянъ не знаютъ предѣловъ, что не щадятъ «ни тѣлъ, ни старости, ни неоскверненной дѣвичьей невинности.» Но боги присутствуютъ при праведномъ мщеніи; палъ легіонъ, который дерзнулъ на сраженіе; прочіе скрываются въ лагерѣ или озираются куда бы бѣжать. Неустоятъ они противъ криковъ и шума столькихъ воиновъ, а не только противъ натиска и рукопашной схватки съ ними. Если они примутъ въ соображеніе число вооруженныхъ и самые поводы къ войнѣ, то имъ ничего болѣе не остается, какъ или побѣдить въ этомъ бою или умереть. Таково назначеніе женщины, а мужья пусть живутъ и рабствуютъ.

36. Въ такую рѣшительную минуту не молчалъ и Светоній; онъ, хотя и полагался на доблесть своихъ воиновъ, но просьбы мѣшалъ съ убѣжденіями: «пусть пренебрегутъ громкими, но пу«стыми угрозами дикарей; въ ихъ рядахъ видно болѣе женщинъ «чѣмъ молодежи; къ войнѣ неспособные, безоружные тотчасъ же «уступятъ, когда, бывъ столько разъ поражены, узнаютъ оружіе и «доблесть побѣдителей. Уже во многихъ легіонахъ мало такихъ, «которымъ приходится участвовать въ сраженіяхъ. Ихъ слава «еще увеличится тѣмъ, что не большой отрядъ совершитъ под«вигъ цѣлаго войска. Тѣснѣе сплотясь, бросивъ дротики, щита«ми и мечами пусть все ломятъ и умерщвляютъ передъ собою, «не думая о добычѣ; стяжавъ побѣду, все имъ уступитъ.» Такое усердіе воиновъ встрѣтило слова вождя; такъ старый воинъ пріобрѣтшій опытность во многихъ сраженіяхъ хорошо готовился къ бросанію дротиковъ, что Светоній, убѣжденный въ успѣхѣ, далъ знакъ къ сраженію.

37. Сначала легіонъ, не двигаясь съ мѣста и самую тѣсноту его имѣя вмѣсто укрѣпленій, когда непріятель, подойдя ближе далъ возможность побросать дротики и не даромъ, какъ бы клиномъ (свернувшись въ карре) бросился впередъ. Также силенъ былъ натискъ вспомогательныхъ войскъ, а конница, выставивъ впередъ копья, смяла все, что попадалось навстрѣчу и имѣло еще силу. Остальные обратили тылъ и трудно имъ было уйдти, потому что поставленныя кругомъ телѣги преграждали путь. Воины не воздерживались отъ убійства и женщинъ; пронзенныя стрѣлами лошади дѣлали груды тѣлъ еще больше. Въ этотъ день пріобрѣтена слава блестящая и равная древнимъ побѣдамъ, такъ какъ нѣкоторые утверждаютъ, будто бы въ

этотъ день пало Британцевъ немного менѣе восьмидесяти тысячь, а изъ воиновъ пало около 400 и немного болѣе ранено. Боадицея окончила жизнь ядомъ. Пэній Постумій, префектъ лагерей втораго легіона, узнавъ объ удачныхъ дѣйствіяхъ воиновъ четырнадцатаго и двадцатаго легіоновъ и такъ какъ онъ лишилъ свой легіонъ такой же славы, ослушавшись вождя, вопреки военнаго обычая, самъ себя пронзилъ мечемъ.

38. Потомъ все войско стянутое содержимо было въ палаткахъ для довершенія остальныхъ военныхъ дѣйствій. Увеличилъ Цезарь войска, приславъ изъ Германіи двѣ тысячи воиновъ изъ легіоновъ, восемь вспомогательныхъ когортъ и тысячу всадниковъ; съ прибытіемъ ихъ девятый легіонъ пополненъ воинами изъ легіоновъ, а когорты и эскадроны поставлены на новыхъ зимнихъ квартирахъ, а земли всѣхъ племенъ, которыхъ вѣрность была сомнительна или которыя и вовсе были враждебны, опустошены огнемъ и мечемъ. Но болѣе всего вредилъ имъ голодъ, такъ какъ они неохотники сѣять хлѣбъ и во всѣхъ возрастахъ занимаются лишь войною; наши подвозы они прочили было себѣ. Крайне свирѣпыя племена не охотно склонялись къ миру. Юлій Глассиціанъ, присланный на мѣсто Ката, находился въ ссорѣ съ Светоніемъ и общему благу вредитъ частными неудовольствіями; онъ распускалъ слухъ, что: «необходи-«мо дождаться новаго легата, который, безъ непріятнаго раздра-«женія надменности внушонной побѣдою, милосердно позаботился «бы о покорившихся.» Вмѣстѣ онъ давалъ знать въ городъ (Римъ): «чтобы не ждали конца битвамъ, пока Светонію не бу-«детъ присланъ преемникъ.» Неудачи его приписывалъ онъ его винѣ, а успѣшныя дѣйствія относилъ къ счастію государства.

39. А потому для изслѣдованія положенія Британніи посланъ изъ отпущенниковъ Поликлетъ, при чемъ Неронъ сильно надѣялся, что своимъ вліяніемъ не только водворитъ онъ согласіе между легатомъ и прокураторомъ, но внесетъ спокойствіе въ возмутившіеся умы дикарей. Не могло не случиться того, что Поликлетъ, огромною свитою бывшій въ тягость Италіи и Галліи, переправясь черезъ Океанъ, и для воиновъ нашихъ явился страшнымъ. Врагамъ же былъ только посмѣшищемъ; у нихъ, гдѣ еще вполнѣ процвѣтала свобода неизвѣстно было еще могущество отпущенниковъ. Видили они какъ вождь и войско, одолѣвшее такую войну, повиновались рабу. Императору все представлено въ видѣ смягченномъ и задержанный веденіемъ воен-

ныхъ дѣйствій Светоній за то, что немного судовъ потерялъ у берега и съ гребцами, получилъ приказаніе какъ будто бы война продолжалась: передать войско Петронію Турпиліану, уже оставившему консульство. Тотъ не раздражалъ непріятеля, да и самъ затрогиваемъ имъ не былъ и благовиднымъ именемъ мира прикрылъ позорное бездѣйствіе.

40. Въ этомъ же году въ Римѣ совершены два замѣчательныхъ злодѣйства—одно сенаторомъ, а другое—дерзостью раба. Домицій Бальбъ, бывшій преторъ, уже въ преклонной старости легко подвергся коварнымъ замысламъ, вслѣдствіе одиночества и богатства. Родственникъ его, Валерій Фабіанъ, назначенный домогаться почетныхъ должностей, поддѣлалъ духовное завѣщаніе, при соучастіи Виниція Руфина и Теренція Лентина, всадниковъ Римскихъ. Они приняли въ товарищи Антонія Прима и Азинія Марцелла. Антоній, смѣлый и на все готовый. Марцеллъ именитый прадѣдомъ своимъ, Азиніемъ Полліономъ; да и нравственное поведеніе его не представляло ничего, чтобы заслуживало презрѣніе развѣ только тѣмъ, что онъ бѣдность считалъ высшимъ зломъ. Такимъ образомъ Фабіанъ скрѣпилъ завѣщаніе тѣми свидѣтелями, о которыхъ я упомянулъ и другими менѣе извѣстными. Все это обличено передъ сенаторами; Фабіанъ и Антоній съ Руфиномъ и Теренціемъ осуждены въ силу Корнеліева закона. Марцелла—въ память предковъ, и заступничества Цезаря освободили болѣе отъ казни, чѣмъ отъ безславія.

41. Поразилъ этотъ день и Помпея Эліана, молодаго человѣка, квестора, какъ знавшаго о противозаконномъ проступкѣ Фабіана и ему запрещенъ въѣздъ въ Италію и Испанію, гдѣ онъ родился. Такое же безславіе постигло Валерія Понтика за то, что онъ обвиняемыхъ, съ цѣлью, чтобы они не были уличены передъ префектомъ города, отвелъ къ претору и, ссылаясь на законы, тянулъ дѣло, съ тѣмъ, чтобы какъ нибудь ускользнуть отъ наказанія. Къ сенатскому опредѣленію прибавлено: «кто подобнаго рода содѣйствіе будетъ продавать или покупать, «то долженъ подвергнуться такому же наказанію, какъ еслибы «онъ гласнымъ приговоромъ былъ осужденъ за клевету.»

42. Немного спустя префекта города — Педанія Секунда умертвилъ его рабъ или за то, что тотъ отказалъ ему въ свободѣ, за которую онъ заплатилъ деньги, или разсердясь за любовь его хозяина къ одному молодому человѣку, не терпя себѣ соперника. Но когда, согласно древняго обычая всю дворню,

сколько ее было подъ одною кровлею, слѣдовало весть на казнь, народъ сбѣжался, защищая столько невинныхъ и дѣло дошло почти до возмущенія. Да и въ самомъ сенатѣ обнаружилось стараніе нѣкоторыхъ умѣрить излишнюю жестокость; большинство же было того мнѣнія, что не нужно никакого измѣненія. Изъ числа этихъ К. Кассій, когда пришлось ему высказать мнѣніе, изложилъ его такъ:

13. «Часто, почтенные товарищи, присутствовалъ я въ этомъ «собраніи когда требовали новыхъ декретовъ противъ установ«леній и законовъ нашихъ предковъ, и я не противился не по«тому, чтобы во мнѣ было сомнѣніе на счетъ того, что обо всѣхъ «дѣлахъ въ старину лучше и правильнѣе было постановлено и «что всякое измѣненіе обращается къ худшему; но какъ бы не«умѣренною любовью древнихъ обычаевъ не показался я пре«возносящимъ мое усердіе. Притомъ же я не считалъ умѣст«нымъ сколько у насъ осталось еще значенія разрушать часты«ми противорѣчіями. Пусть останется неприкосновеннымъ, если «когда либо общественное дѣло потребуетъ нашихъ рѣшеній. «Именно теперь это и случилось, когда бывшій консулъ убитъ «въ своемъ домѣ предательскимъ замысломъ раба, которому ни«кто не воспрепятствовалъ и не выдалъ его, хотя еще не от«мѣнено постановленіе сената, грозящее казнью всей дворнѣ. «Свидѣтельствуюсь Геркулесомъ, декретируйте безнаказанность. «Но ктоже найдетъ защиту въ собственномъ достоинствѣ, если «и префектура города нисколько не помогла? Кому послужитъ «охраною число рабовъ, когда четыреста человѣкъ не защити«ли Педанія Секунда? Кому слуги его окажутъ помощь, если «они и гдѣ нужно опасаться, не отвращаетъ того, что намъ гро«зитъ? Неужели—какъ не краснѣютъ нѣкоторые вымышлять— «допустимъ, что убійца отмстилъ за нанесенное ему оскорбленіе. «Можетъ быть онъ утратилъ отъ отца полученныя деньги или «обязанности отъ дѣда дошедшія были у него отнимаемы? Вы«скажемъ же прямо, что, по нашему убѣжденію, господинъ убитъ «за дѣло.»

14. Нужно ли приводить доказательства тому, что думано людьми умнѣе насъ? Но положимъ, что намъ пришлось бы теперь дѣлать первое постановленіе объ этомъ, неужели вы думаете, что рабъ задумалъ убить господина такъ, что у него не вырвалось ни одной угрозы? Въ самонадѣянности нисколько онъ не высказался? Положимъ—скрылъ онъ свое намѣреніе, оружіе

досталъ такъ, что никто этого не зналъ, но какъ же онъ прошелъ караульщиковъ, отворилъ дверь спальни, внесъ огонь, совершилъ убійство такъ, что никто о томъ не зналъ. Обнаруживаются многочисленные слѣды преступленія. Если рабы станутъ насъ предавать, то возможно ли намъ будетъ жить однимъ среди болѣе многочисленныхъ, спокойнымъ среди безпокойныхъ, наконецъ—если уже намъ прійдется погибать, не отмщеннымъ среди виновныхъ. Предкамъ нашимъ расположеніе умовъ рабовъ всегда казалось подозрительнымъ, хотя бы они родились на тѣхъ же поляхъ и въ тѣхъ же домахъ и немедленно встрѣчали любовь господъ. А теперь, когда мы имѣемъ въ нашихъ дворняхъ людей племенъ совершенно другихъ обычаевъ, чуждой вѣры или и вовсе никакой, то такую смѣсь можно удержать только страхомъ. Но нѣкоторые погибнутъ невинно? Но и изъ бѣжавшаго войска, когда десятый человѣкъ гибнетъ подъ палкою, достается и старательнымъ воинамъ. Самая мнимая несправедливость послужитъ великимъ примѣромъ и то, на сколько пострадаетъ личность, вознаграждается общею пользою.

45. Мнѣнію Кассія никто самолично не дерзнулъ противорѣчить, но тамъ и сямъ раздавались голоса, высказывавшіе состраданіе о большомъ числѣ, возрастѣ, полѣ и безспорной невинности большинства. Перевысила, впрочемъ, сторона, опредѣлявшая казнь, но невозможно было привесть рѣшеніе въ исполненіе, такъ какъ столпился народъ и грозилъ каменьями и поджогомъ. Цезарь указомъ побранилъ народъ, а дорогу, по которой осужденные должны были идти на казнь, обставили вооруженными отрядами. Цингоній Варро подалъ было мнѣніе, чтобы и отпущенники, находившіеся подъ одною кровлею, были высланы изъ Италіи. Но государь не допустилъ до этого (говоря): «если старинный обычай не могъ быть измѣненъ милосердіемъ, то «нѣтъ надобности усиливать и его строгость».

46. При тѣхъ же консулахъ подвергся осужденію Тарквицій Прискъ за взятки, по просьбѣ Виѳинцевъ, къ большей радости сенаторовъ, припоминавшихъ, что имъ обвиненъ Статилій Тавръ, бывшій его проконсуломъ. Произведена перепись по Галліямъ, К. Волузіемъ, Секстіемъ Африканомъ и Требелліемъ Максимомъ; въ знатности спорили между собою Валузій и Африканъ, а Требеллія они терпѣли, презирая его оба.

47. Въ этомъ году умеръ Меммій Регулъ. Вліяніемъ, твердостью, доброю славою, пріобрѣлъ онъ такую извѣстность, какую

только могъ подъ сѣнью всеприкрывавшаго величія императора, до такой степени, что Неронъ, будучи боленъ, и, слыша голоса льстецовъ, говорившихъ: «наступилъ конецъ Имперіи» — отвѣчалъ· «если что съ нимъ и случится по волѣ судебъ, то оте-«чество не остается безъ опоры.» На вопросъ: «кто же это «именно?» прибавилъ — «Меммій Регулъ.» — Оставался и послѣ того живъ Регулъ, защищенный тѣмъ, что оставался покоенъ, пользовался извѣстностью новаго рода и средства его были таковы, что ни въ комъ зависти не возбуждали. Въ этомъ году освященъ Нерономъ гимназій и всадникамъ и сенату роздано масло съ тою готовностью, что у Грековъ...

48. Въ консульство П. Марія и Л. Азинія, Антистій преторъ, о которомъ я упоминалъ, что онъ въ бытность трибуномъ народнымъ, велъ себя своевольно, сочинилъ ругательные стихи на государя и ихъ пустилъ въ ходъ среди многолюднаго собранія, пируя у Осторія Скапулы. Вслѣдствіе этого Коссуціанъ Капитонъ, получившій не задолго передъ тѣмъ санъ сенатора, по просьбѣ Тигеллина, своего тестя, донесъ на Антистія въ оскорбленіи величества. Тутъ то въ первый разъ снова пустили въ ходъ этотъ законъ. И довольно основательно полагали, что не столько искали гибели Антистія, сколько славы императору: осужденный сенатомъ, онъ заступничествомъ трибунской власти долженъ былъ сохранить жизнь. Когда Осторій, приведенный въ свидѣтели, сказалъ, что ничего не слыхалъ, дано вѣру свидѣтельствовавшимъ противное. Юній Маруллъ, назначенный консулъ, подалъ мнѣніе: «подсудимаго необходимо лишить преторскаго «званія и казнить смертью по обычаю предковъ.» Когда прочіе на это соглашались, Петъ Тразеа въ самыхъ почетныхъ для Цезаря выраженіяхъ и самымъ рѣзкимъ образомъ осуждая поступокъ Антистія, высказалъ: какъ ни вполнѣ заслужилъ казнь подсудимый, но, при такомъ отличномъ государѣ и безо всякой необходимости, которая бы понуждала сенатъ, не нужно возстановлять казнь. Палачъ и висѣлица отмѣнены еще прежде, а есть наказанія, установленныя законами, каковыя и должны быть примѣняемы безъ жестокости судей и безславія времени. Будучи сосланъ на островъ, причемъ все имущество должно быть у него конфисковано, чѣмъ долѣе виновный протянетъ жизнь, тѣмъ и самъ по себѣ будетъ жалчѣе и послужитъ великимъ примѣромъ общественнаго милосердія.

49. Свободомысліе Тразеа побѣдило раболѣпство другихъ и

когда консулъ допустилъ подавать мнѣніе, то всѣ почти, за немногими исключеніями, приняли мнѣніе Тразеи. Въ числѣ несогласившихся съ нимъ наиболѣе готовности къ лести высказалъ А. Вителлій, не щадя брани лучшимъ людямъ, а на отвѣтъ сохраняя молчаніе, какъ то свойственно трусамъ. А консулы, не смѣя привесть въ исполненіе рѣшеніе сената, написали къ Цезарю о согласіи. Тотъ колебался между стыдомъ и раздраженіемъ, наконецъ отвѣтилъ письменно: «Антистій, не вызванный «на то никакимъ оскорбленіемъ, высказалъ самыя тяжкія на го«сударя порицанія. Возмездія за это требовалось отъ сенато«ровъ и справедливо было бы опредѣлить наказаніе, которое со«отвѣствовало бы значительности вины. Впрочемъ онъ, который «воспрепятствовалъ бы строгому декрету, не остановитъ испол«ненія и тяжкаго. Пусть сенаторы рѣшаютъ какъ хотятъ; имъ «предоставлена свобода даже оправдать.» По прочтеніи такихъ и въ этомъ же родѣ выраженій, въ которыхъ ясно высказывалось раздраженіе, все таки и консулы не перемѣнили доклада и Тразеа не отступилъ отъ своего мнѣнія да и остальные, одобривъ его, не измѣнили ему, частью какъ бы не показать, что они обличаютъ государя въ недоброжелательствѣ, частью считая себя безопасными многочисленностью; а Тразеа, по свойственной ему твердости духа и изъ опасенія помрачить свою славу.

50. Въ этомъ же родѣ обвиненіе пало на Фабриція Вейенто: «будто бы онъ много оскорбительнаго для сенаторовъ и священниковъ помѣстилъ въ книгахъ, изданныхъ подъ названіемъ *маленькаго сборника.* Талій Геминъ, обвинитель, прибавилъ: «что «онъ продавалъ дары государя и право полученія почестей.» Это было поводомъ, что Неронъ взялъ рѣшеніе дѣла на себя; Вейенто уличенъ и изгнанъ изъ Италіи, а книги приказано сжечь. Старались ихъ отыскать и прочитать, пока ихъ пріобрѣтеніе сопряжено было съ опасностью; но скоро легкая возможность имѣть ихъ привела за собою забвеніе.

51. Со дня на день зло общественное становилось все тяжелѣе, а противудѣйствіе уменьшалось. Оставилъ жизнь Бурръ неизвѣстно отъ болѣзни или отъ яда. Первое предполагали потому, что у него опухло горло, дыханіе становилось все труднѣе и наконецъ прервалось. Большинство утверждало, что по приказанію Нерона, въ видѣ употребленія лѣкарства, горло вымазали вреднымъ веществомъ. Бурръ, понявъ преступленіе, когда государь пришелъ съ нимъ повидаться, отвернулся отъ него и на

его вопросъ (о здравіи) отвѣчалъ только: «я чуствую себя хо-«рошо.» Общество все сильно жалѣло о потерѣ Бурра помня его добродѣтели, а преемниковъ одного—праздное, хотя и невинное, бездѣйствіе, а другаго—вопіющія злодѣянія и развратъ. Цезарь сдѣлалъ двухъ начальниковъ надъ преторіанскими когортами: одного Фенія Руфа, любимца народнаго за то, что онъ хлѣбнымъ дѣломъ завѣдывалъ безкорыстно, другаго—Софонія Тигеллина, къ которому привлекали его старинныя безстыдство и безславіе. Положеніе и того и другаго опредѣлилось извѣстною ихъ нравственностью: Тигеллинъ имѣлъ болѣе вліянія на государя, какъ соучастникъ самыхъ тайныхъ наслажденій; Руфъ пользовался хорошею славою у народа и воиновъ, а за то отъ Нерона испытывалъ совсѣмъ противное.

52. Смерть Бурра надломила и могущество Сенеки; нестолько было уже силы благотворнаго вліянія съ исчезновеніемъ одного дѣятеля: да и расположеніе Нерона обращалось все болѣе и болѣе къ людямъ дурнымъ. Они стали взводить на Сенеку различныя обвиненія: «будто бы онъ свое громадное и уже превы-«шающее потребности частнаго человѣка состояніе старается еще «увеличить, задобриваетъ расположеніе гражданъ; украшеніемъ са-«довъ и великолѣпіемъ загородныхъ дачь, какъ бы старается «превзойдти государя.» Ставили ему также въ вину, «что онъ «славу краснорѣчія старается снискать себѣ одному и чаще пи-«шетъ стихотворенія съ тѣхъ поръ, какъ Нерону пришла охота «слагать ихъ. Явно высказываетъ онъ (Сенека) свое неудоволь-«ствіе относительно забавъ государя, дурно отзывается о его «силѣ править конями, насмѣхается надъ голосомъ всякій разъ «какъ онъ поетъ. Съ какою цѣлью домогается онъ, чтобы въ «обществѣ не было ничего похвалы достойнаго, что, по общему «убѣжденію, не исходило бы отъ него? Нѣтъ сомнѣнія кончилось «дѣтство Нерона и наступило время крѣпкой юности; пора и «избавиться отъ наставника; достаточно руководителей будетъ «онъ имѣть въ примѣрахъ своихъ предковъ.»

53. Сенекѣ не безъизвѣстны были такія обвиненія; они ему были переданы тѣми, которымъ честное было еще сколько нибудь дорого. Цезарь все болѣе и болѣе уклонялся отъ короткости съ нимъ, а потому онъ умоляетъ о времени объясниться. Добившись этого, началъ такъ: «четырнадцатый годъ, Цезарь, какъ я со-«участникомъ твоихъ надеждъ; восьмой съ тѣхъ поръ какъ ты «получилъ власть императорскую: въ теченіи этого времени столько

«почестей и богатствъ сосредоточилъ на мнѣ, что къ моему бла-
«гополучію если что еще нужно, то именно умѣренность. При-
«веду великіе примѣры и изъ твоего высокаго положенія, а не
«изъ моего. Прадѣдъ твой, Августъ, предоставилъ М. Агриппѣ
«жить въ уединеніи и бездѣйствіи на Матиленѣ, а К. Меценату
«въ самомъ городѣ жить какъ бы чужеземцу; а изъ нихъ одинъ
«товарищъ военныхъ трудовъ, а другой въ Римѣ понесъ боль-
«шія заботы, получили щедрыя награды, но соразмѣрно съ ихъ
«великими заслугами; а я, къ твоему величію, что могъ приба-
«вить кромѣ занятій взлелѣянныхъ, такъ сказать, во мракѣ? Если
«ихъ увѣнчала извѣстность такъ, какъ по видимому я присут-
«ствовалъ при первомъ развитіи твоей молодости, то уже въ
«этомъ заключалась великая мнѣ награда. А ты окружилъ меня
«непомѣрною милостью, несмѣтными деньгами до того, что часто
«я самъ съ собою разсуждаю: неужели я, родясь, во всадничес-
«комъ сословіи и въ провинціи, долженъ быть причисленъ къ
«первымъ сановникамъ государства? Долженъ ли я, человѣкъ
«новый, стать въ блистательномъ ряду лицъ знатныхъ, имѣю-
«щихъ за собою право долговременныхъ почестей? Гдѣ же то
«расположеніе ума, которое должно довольствоваться немногимъ?
«А онъ устроиваетъ такіе сады, захватываетъ такія погород-
«ныя мѣста, изобилуетъ такими значительными доходами? Одно
«оправданіе только и есть, что твоимъ дарамъ противиться я
«не долженъ былъ».

54. Но оба уже мы исполнили мѣру и ты—сколько государь можетъ даровать другу и я, сколько въ качествѣ друга могу принять отъ государя. Идти далѣе значило бы возбуждать зависть. Всѣ эти соображенія, чисто человѣческія, конечно ниже твоего великодушія; но на мнѣ они лежатъ; мнѣ необходимо помочь. Какъ если бы на походѣ или на пути утомленный просилъ бы я объ опорѣ; такъ на этомъ пути жизни уже старикъ, которому не подъ силу и самыя легкія заботы, не будучи уже долѣе въ состояніи справиться съ моими средствами, прошу помощи. Вели—мои имѣнія управлять прокураторамъ и принять въ твое достояніе. Да я и не брошу самъ себя въ бѣдность, но, передавъ то, блескъ чего меня ослѣпляетъ, все время, которое теперь употребляется на заботу о садахъ или виллахъ, сберегу для ума. Есть у тебя въ избыткѣ силъ и въ теченіи столькихъ лѣтъ упроченное верховное могущество: пусть будетъ намъ, престарѣлымъ друзьямъ, возможность предаться спокойствію. Да и это отнесется къ твоей славѣ,

что ты поставилъ на высокую степень тѣхъ, которые довольствовались бы и умѣреннымъ.

55. На это Неронъ отвѣтилъ почти такъ: «что я обдуманной «рѣчи твоей въ состояніи отвѣчать немедленно и этимъ я обязанъ «тебѣ; ты меня научилъ справляться не только съ тѣмъ, что воз«можно предвидѣть, но и что встрѣтится вдругъ. Прадѣдъ мой «Августъ допустилъ Агриппѣ и Меценату послѣ трудовъ наслаж«даться спокойствіемъ, но въ томъ же возрастѣ, котораго значе«ніе охраняется уже само собою, чтобы онъ и какъ бы ни при«писалъ; однако ни того, ни другаго не лишилъ онъ данныхъ имъ «наградъ. Заслужили ихъ они на войнѣ и среди опасностей; среди «нихъ прошла молодость Августа. И мнѣ не было недостатка въ «содѣйствіи твоихъ рукъ и оружія, если пришлось дѣйствовать «имъ; но что требовало нынѣшнее положеніе дѣлъ—разумомъ, пред«начертаніями, наставленіями пригрѣлъ ты сначала мое дѣйство, «а потомъ и юношескій возрастъ. Твои въ отношеніи ко мнѣ за«слуги, пока хватитъ мнѣ жизни, неотъемлемы; а то, что ты «отъ меня имѣешь, сады, денежные доходы и виллы—подвержено «разнымъ случайностямъ и, хотя они кажутся и значительными, «но очень многіе, далеко неровняясь съ тобою заслугами, имѣли «еще болѣе. Стыдно указать на отпущенниковъ, которыхъ мы ви«димъ богаче, а потому мнѣ приходится краснѣть, что первый по «расположенію, по состоянію ты еще не превосходишь всѣхъ».

56. «Впрочемъ ты еще и по возрасту достаточно крѣпокъ, что«бы завѣдывать дѣлами съ пользою, да и мы только вступили на «поприще власти, если только ты себя не ставишь послѣ Вителлія, «бывшаго три раза консуломъ или меня послѣ Клавдія. Но сколь«ко Волузій пріобрѣлъ долговременною бережливостью, столько моя «щедрость не могла тебѣ доставить. Почему тебѣ и не напоминать, «если бы мы когда и уступили увлеченію молодости, честь и силу «твою окружить приличными издержками. Не будетъ умѣренностью «съ твоей стороны если ты возвратишь деньги; ни спокойствіемъ, «если оставишь государя, но всѣ станутъ говорить о моемъ коры«столюбіи, о томъ какъ ужасна моя жестокость. Если твою умѣ«ренность и стали бы осыпать великими похвалами, то умному че«ловѣку не будетъ честно —снискать себѣ славу безславіемъ друга». Къ этому присоединилъ объятія и поцѣлуи, отъ природы склонный а отъ навыки пріобрѣтшій опытность—прикрывать непріязнь обманчивыми ласками. Сенека—такъ оканчиваются всякаго рода бесѣды съ власть имѣющими—поблагодарилъ Нерона, но измѣнилъ

привычки прежняго могущества, запретилъ сборища приходившихъ къ нему на поклонъ, избѣгалъ провожатыхъ; рѣдко показывался въ городѣ, какъ бы страдая здоровьемъ или умственными занятіями будучи задержанъ дома.

57. Съ униженіемъ Сенеки не замедлили ослабить значеніе и Фенія Руфа, ставя ему въ вину пріязнь Агриппины. Съ каждымъ днемъ входилъ все болѣе въ силу Тигеллинъ; онъ полагалъ, что его способности на зло, а въ нихъ у него недостатка не было, сдѣлаютъ его тѣмъ пріятнѣе, если государя онъ свяжетъ сотовариществомъ въ преступленіяхъ. Онъ слѣдитъ за его опасеніями и подмѣтивъ, что больше всего опасается Плавта и Суллы, изъ которыхъ Плавтъ удаленъ былъ недавно въ Азію, а Сулла въ Галлію Нарбонскую, напоминаетъ: «знатность ихъ рода и близость «одному Восточнаго, а другому Германскаго войска. Онъ Тигел«линъ—не такъ какъ Бурръ, котораго надежды были и тамъ и «сямъ—имѣетъ въ виду лишь безопасность Нерона, лично оберe«гаетъ онъ ее отъ враждебныхъ замысловъ въ городѣ, но какъ «могъ бы онъ подавить отдаленныя возстанія? Полны ожиданія «Галліи при имени Диктаторскомъ, и не менѣе подозрительны на«роды Азіи, вслѣдствіе извѣстности дѣда Друза. Сулла бѣденъ, «а это главное побужденіе къ смѣлости; онъ притворяется без«печнымъ, подстерегая случай дѣйствовать рѣшительно. Плавтъ «при своихъ огромныхъ средствахъ и не укрывается желаніемъ «оставаться въ безъдѣйствіи, но предпочитаетъ примѣры древнихъ «Римлянъ. Онъ присталъ даже къ самостоятельному ученію стои«ковъ, которое дѣлаетъ людей безпокойными и жаждущими дѣя«тельности». Долѣе не стали медлить. Сулла на шестой день прибывшими въ Массилію убійцами умерщвленъ прежде опасеній и толковъ, когда собирался садиться за столъ ужинать. Надъ принесенною его головою издѣвался Неронъ, какъ обезображенною преждевременною сѣдиною.

58. Не такъ втайнѣ оставалось то, что Плавту готовится смерть вслѣдствіе того, что о его безопасности была забота многимъ. Притомъ же отдаленность пути моремъ и время, которое прошло между тѣмъ, подали поводъ къ слухамъ. Придумали въ народѣ, будтобы онъ запрашивалъ Корбулона, въ то время начальствовавшаго надъ большими войсками, самаго близкаго къ опасности, если смерть будетъ грозить всѣмъ лицамъ знаменитымъ и невиннымъ. Да и Азія изъ расположенія къ молодому человѣку взялась за оружіе, воины посланные совершить преступленіе, не

*

были довольно сильны числомъ, ни богаты усердіемъ и не будучи въ состояніи исполнить то, что имъ было приказано, перешли туда, гдѣ новыя надежды. Все это пустое, какъ обыкновенно слухи, принимало размѣры все большіе отъ праздности тѣхъ, которые этому давали вѣру. Впрочемъ отпущенникъ Плавта быстротою вѣтровъ предупредилъ сотника и принесъ вѣсть отъ тестя его Л. Антистія: «пусть онъ уйдетъ отъ безславной смерти въ бездѣйствіи; «найдетъ онъ убѣжище и состраданіе къ великому имени привяжетъ благонамѣренныхъ, соединитъ рѣшительныхъ, а пока не «нужно пренебрегать никакими средствами защиты. Отрази онъ «только шестьдесятъ воиновъ (столько ихъ приближалось), пока «прійдетъ объ этомъ извѣстіе Нерону, пока прибудетъ другой во-«оруженный отрядъ, произойдетъ многое, что разростется въ раз-«мѣры войны. А потому, пусть онъ или ищетъ спасенія въ та-«комъ рѣшеніи или понесетъ то, чего хуже не будетъ, дѣйствуя «смѣло, чѣмъ оставаясь, сложа руки».

59. Но на Плавта это не подѣйствовало; не предвидѣлъ ли онъ безоружнымъ и въ ссылкѣ никакой себѣ опоры, не по сердцу ли ему были сомнительныя надежды, любилъ ли онъ сильно жену и дѣтей, надѣясь, что государь, освободясь ото всякихъ опасеній будетъ къ нимъ милостивѣе. Нѣкоторые утверждаютъ, что онъ отъ тестя получилъ другія вѣсти, что будто ему не грозитъ ничего страшнаго, и что Церанъ Грекъ и Музоній Тускъ совѣтовали: твердость въ ожиданіи смерти предпочтительна передъ жизнью невѣрною и среди опасеній. «То вѣрно, что «его нашли середи дня голымъ въ тѣлесныхъ упражненіяхъ. «Тутъ его и умертвилъ сотникъ въ присутствіи эвнуха Пелаго-«на; его Неронъ поставилъ начальникомъ надъ сотникомъ и «воинами какъ служителя царскаго. Принесена голова умерщ-«вленнаго; при видѣ ея—привожу собственныя слова государя:» зачѣмъ же ты Неронъ, отложивъ страхъ, не спѣшишь готовить бракосочетаніе съ Поппеею, отложенное вслѣдствіе такихъ опасеній, удаливъ отъ себя жену Октавію. Какъ она ни скромно себя держитъ, но опасна именемъ отца и усердіемъ народа. «Въ «сенатъ онъ послалъ письмо въ которомъ не сознавался въ убій-«ствѣ Суллы и Плавта, но говорилъ о безпокойномъ располо-«женіи умовъ того и другаго и о томъ, что онъ постоянно пе-«чется о спокойствіи государства.» Вслѣдствіе этого опредѣлены декретомъ молебствія, а Сулла и Плавтъ удалены изъ сена-

та. Конечно это болѣе было смѣшно, чѣмъ заключало бы въ себѣ существенное зло.

60. Получивъ такой декретъ сената, и видя, что всѣ его преступленія принимаются какъ отличныя дѣйствія, прогоняетъ Октавію, говоря будто бы она безплодна. Вслѣдъ за тѣмъ соединяется съ Поппею. Она долгое время любовница, всесильная надъ Нерономъ и когда связь ихъ была еще преступна и теперь, когда онъ сдѣлался ея мужемъ, подучила одного изъ служителей Октавіи поставить ей въ вину любовныя отношенія къ рабу; указанъ и обвиненный, именемъ Евцеръ, родомъ изъ Александріи, мастеръ играть на флейтѣ. Вслѣдствіе этого горничныя Октавіи подвергнуты пыткѣ; нѣкоторыя, уступая силѣ мученій, подтвердили ложь своими показаніями, а большая часть упорно отстаивали святость жизни госпожи своей. Одна, когда ее настоятельно спрашивалъ Тигеллинъ, отвѣтила: «у Октавіи женскія «части чище (цѣломудреннѣе) чѣмъ твой ротъ.» Сначала Октавія удалена подъ видомъ гражданскаго развода и получила зловѣщими дарами домъ Бурра и помѣстья Плавта; вслѣдъ за тѣмъ изгнана въ Кампанію и окружена тамъ военнымъ карауломъ. Вслѣдствіе этого частыя жалобы и не скрывали ихъ въ народѣ; не богатъ онъ умомъ, да и по самой скромности положенія менѣе подверженъ опасностямъ. Вслѣдствіе этого Неронъ, нисколько не раскаиваясь въ злодѣяніи, возвратилъ Октавію женою.

61. Обрадованныя этимъ массы народа стремятся въ Капитолій и тутъ благодарятъ боговъ. Изображенія Поппеи ниспровергаютъ; статуи Октавіи несутъ на плечахъ, осыпаютъ цвѣтами, ставятъ на форумѣ и храмахъ; ей, возвращенной, оказываютъ знаки глубокаго уваженія. Пускаются и въ похвалы государю; уже многочисленныя толпы наполняли криками дворецъ, когда высланные отряды воиновъ, нанося побои и грозя оружіемъ, разсѣяли толпы. Возстановлено то, что было ниспровергнуто во время возмущенія и честь Поппеи удовлетворена. Постоянно дыша ненавистью, а въ то время тревожимая и сильными опасеніями—какъ бы народное возстаніе не обнаружилось съ новою силою и Неронъ не перемѣнился вслѣдствіе требованія народа, упала къ его ногамъ: «не въ такомъ она положеніи, чтобы спо- «рить о бракѣ (хотя онъ ей дороже жизни), но самая жизнь «ея находится уже въ опасности отъ рабовъ и приверженцевъ «Октавіи: они, прикрываясь именемъ народа, въ мирное время

«дерзаютъ на то, что едва и на войнѣ случается. Оружіе взято «противъ государя; недоставало только вождя, а онъ при такомъ «волненіи легко найдется. Пусть только оставитъ (Октавія) Кам«панію и пріидетъ въ городъ та, по мановенію которой и от«сутствующей возникаютъ смуты. Иначе въ чемъ ея (Поппеи) «вина? Кого она чѣмъ либо оскорбила. Не потому ли, что она «намѣревалась дать истинное потомство дому Цезарей, народъ «Римскій предпочитаетъ порожденіе Египетскаго музыканта поса«дить на престолъ императорскій. Наконецъ если таково уже тре«бованіе обстоятельствъ, то лучше пусть добровольно, чѣмъ вы«нужденно призоветъ властительницу, или пусть обезпечитъ безо«пасность справедливымъ возмездіемъ. Умѣренными средствами «успокоены начатки волненія, а если народъ отчается въ томъ «что Октавія будетъ женою Нерона, то онъ, народъ, самъ дастъ «ей мужа.»

62. Такія разнообразныя убѣжденія, приспособленныя вмѣстѣ и для развитія опасеній и раздраженія вмѣстѣ привели Нерона въ ужасъ и воспламенили его гнѣвъ. Но мало имѣло силы подозрѣніе раба, да и допросамъ горничныхъ ослаблено еще болѣе. Заблагоразсудили отыскать чье либо признаніе, которому можно было придать характеръ (политическій)—желанія переворота. На это показался способнымъ Аницетъ, совершитель убійства матери, начальникъ, какъ я уже упоминалъ о томъ, флота у Мизена; по совершеніи преступленія пользовался онъ легко милостью, а потомъ сдѣлался сильно ненавистенъ; на исполнителей преступленій смотрятъ какъ на живой упрекъ. Призвавъ его, Цезарь напоминаетъ ему его прежнее дѣло; онъ одинъ помогъ государю, безопасности котораго угрожали замыслы матери. Предстоитъ случай оказать неменьшую услугу,—содѣйствовать къ изгнанію ненавистной жены. Тутъ не нужно пускать въ ходъ ни рукъ, ни оружія; пусть признается только въ преступной связи съ Октавіею. Обѣщаетъ ему—въ настоящемъ еще скрытыя, но большія награды и веселую ссылку, а въ случаѣ отказа грозитъ смертью. Тотъ по природной подлости и уже пріобыкшій къ преступленіямъ, вымышляетъ болѣе чѣмъ сколько приказано было и дѣлаетъ признаніе передъ пріятелями, которыми какъ бы съ умысломъ окружилъ его государь. Затѣмъ сослали его въ Сардинію, гдѣ онъ терпѣлъ ссылку не въ бѣдности и умеръ своею смертью.

63. Неронъ эдиктомъ объявляетъ: префектъ соблазненъ что-

бы задобрить флотъ и забывъ, что незадолго передъ тѣмъ туже Октавію обвинялъ въ безплодіи, говоритъ въ томъ же эдиктѣ: «сознавая преступленіе выгнали зародышъ; все это онъ, Неронъ, «достовѣрно узналъ; Октавія отправлена въ заключеніе на ост-«ровъ Пандатарію. Ни одинъ изгнанникъ не возбуждалъ такого «состраданія во всѣхъ кто его видѣлъ, какъ именно Октавія. «Помнили еще нѣкоторые Агриппину, сосланную Тиберіемъ; свѣ-«жѣе въ памяти было Юлія, отправленная въ ссылку Клавдіемъ; «но та и другая была уже въ возрастѣ зрѣломъ, видѣли въ жиз-«ни кое что и веселаго; постигшее ихъ бѣдствіе становилось лег-«че, когда онѣ вспоминали о своихъ лучшихъ когда то дняхъ. «Октавіи же день брака былъ уже какъ бы похороннымъ; от-«ведена въ домъ, гдѣ ее ждало одно только горе: ядомъ от-«нятъ у ней отецъ и вслѣдъ за тѣмъ братъ; служанка ея бы-«ла сильнѣе госпожи. Поппея сдѣлалась женою лишь на поги-«бель первой; наконецъ обвиненіе оскорбительнѣе самой смерти.»

64. Молодая женщина на двадцатомъ году отъ рожденія между сотниковъ и воиновъ, съ жизнью отравленною ожиданіемъ худшаго, все еще не находила спокойствія въ смерти. Немного впрочемъ дней прошло какъ она получила приказаніе умереть: «свидѣтельствовалась уже она, что она вдова и сестра только, «общей (ей съ Нерономъ) Германики и наконецъ вызывала имя «Агриппины, при жизни которой несчастна она была въ бракѣ, «но гибель ей не грозила. Ее связали и перерѣзаны вены (кро-«вяныя жилы) по всемъ членамъ, а такъ какъ кровь шла мед-«ленно у пораженной ужасомъ, то ее умерщвляютъ паромъ слиш-«комъ горячей бани. Присоединена и неумѣренная жестокость; «голова отрѣзана, принесена въ городъ, показана Поппеѣ; за «это въ храмы посланы дары.» Объ этомъ мы упомянули на тотъ конецъ, чтобы всѣ, кто съ случаями тѣхъ временъ ознакомится черезъ насъ, или другихъ писателей, заранѣе знали, что каждый разъ какъ государь распорядится пыткою, или убійствомъ, то и богамъ воздавалась благодарность и то, что прежде возвѣщало о благополучныхъ событіяхъ, сдѣлалось признакомъ общественнаго дѣйствія. Но не умолчимъ и о сенатскомъ декретѣ если какой лестью былъ новый, или терпѣніемъ крайній.

65. Распространился слухъ и ему вѣрили, будто въ этомъ году Неронъ самыхъ значительныхъ отпущенниковъ умертвилъ ядомъ; Дорифора—за то что будто бы онъ противился браку съ Поппеею; Палланта—за то, что продолжительною старостью удер-

живалъ у себя громадную сумму денегъ. Романъ тайными наговорами винилъ Сенеку, какъ соучастника К. Пизона, но Сенека съ большею силою обвинялъ его въ томъ же преступленіи. Отсюда опасенія Пизона и огромный, но неблагополучный замыселъ противъ Нерона.

КНИГА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе: Главы 1. 2. Вологезъ, царь Парѳовъ, замышляетъ войну по наущенію брата Тиридата и Монобаза Адіабена, котораго оскорбилъ Тигранъ.—3. Корбулонъ принимаетъ мѣры къ оборонѣ Сиріи.—4. Парѳы, подъ предводительствомъ Монеза, осаждаютъ Тиграноцерту. — 5. Корбулонъ предлагаетъ Вологезу перемиріе и получаетъ.—6. Тщеславіе Цезеннія Пэта только что назначеннаго префектомъ Арменіи. 7. 8. Жестокость, неопытность, самохвальство.—9. Отъ нападенія на Сирію Корбулонъ отводитъ Парѳовъ страхомъ и они—10. бросаются на Арменію и Пэта. Тотъ съ трудомъ приглашаетъ на помощь Корбулона.—11. Будучи сильно тѣснимъ Парѳами,—12. тотъ отправляясь въ Арменію, ругаетъ бѣглецовъ, а своимъ дѣлаетъ увѣщаніе.—13. Вологезъ наступаетъ на Пэта.—14. Споръ между Римлянами и Парѳами, вслѣдствіе котораго — 15. постыдное соглашеніе Пэта.—16. Корбулонъ приходитъ въ Арменію. — 17. Побранивъ Пэта, возвращается въ Сирію. — 18. Въ Римѣ пустое торжество надъ Парѳами. Раздача хлѣба народу. Пошлины. — 19. Сенатское опредѣленіе объ усыновленіи для виду. — 20. 21. Клавдій Тимархъ Критянинъ подвергся обвиненію, но Тразеа Пэтъ обращаетъ это на общественную пользу.—22. Декретъ о томъ, чтобы должностнымъ главнымъ лицамъ не объявлять благодарности. Чудесныя явленія.—23. Вслѣдствіе рожденія дочери у Нерона неумѣренная, но безплодная радость. Ненависть государя къ Тразеѣ.—24. Послы Парѳовъ издѣваются надъ Римомъ.—25. Во главѣ Армянской войны ставятъ Кор-

булона. Цезарь преслѣдуетъ Пэта насмѣшками.—26. Корбулонъ ведетъ войско въ Арменію.—27. Выслушиваетъ Парѳскихъ пословъ. Мститъ отпавшимъ Армянамъ.—28.—30. Тиридатъ проситъ мира у Корбулона и, сложивъ у статуи Цезаря знаки царскаго достоинства, получаетъ (миръ) и ласково принятъ Корбулономъ.—31. Заботливость Вологеза о братѣ.—32. Жителей приморскихъ Альпъ Неронъ принимаетъ въ право Лацiя. Всадники Римскiе получаютъ въ циркѣ мѣста выше простаго народа. Знатныя женщины и сенаторы являются на аренѣ.—33. Неронъ самъ въ Неаполѣ вступаетъ на сцену.—34. Театръ обрушивается. Въ Беневентѣ Неронъ смотритъ зрѣлище, данное Ватинiемъ.—35. Вынуждаетъ къ смерти Тарквата Силана.—36. Тщетно замышляетъ поѣздку на Востокъ. — 37. Даетъ при посредствѣ Тигеллина пиршества роскошныя до гнусности. Женится на Пиѳагорѣ.—38. Бѣдствiе отъ огня пожигаетъ Римъ случайнымъ или коварнымъ умысломъ государя, который — 39. въ облегченiе бѣдствiя употребляетъ многiя мѣры прiятныя народу.—40. 41. Значительность бѣдствiя. Мысль заложить новый городъ.—42. Изъ развалинъ отечества воздвигаетъ Неронъ громадный домъ. Тщетно пытается на еще большiя предпрiятiя.—43. Наружность новаго города.—44. Богамъ приносятся умилостивленiя, но вотще. Вина пожара взвалена на Христiанъ и они подвергнуты страшнымъ мученiямъ. — 45. Италiю, союзниковъ, храмы грабитъ Неронъ; Сенеку за его неудовольствiе противъ этого старается погубить ядомъ.—46. Возстанiе Гладiаторовъ у Пренесты. Потеря флота у Мицена.—47. Чудесныя явленiя.—48. Заговоръ Пизона противъ Нерона.—49. 50. Имена заговорщиковъ, нравы, причины ненависти къ Нерону. Къ нимъ присоединяется Руфъ, Префектъ Преторiа. Субрiй долженъ былъ начать первый.—51. Епихарисъ выданъ въ его покушенiи подѣйствовать на флотъ. — 52. Стремленiе заговорщиковъ удержано Пизономъ вслѣдствiе священнодѣйствiй стола.—53. Другой замыселъ заговорщиковъ.—54. Неблагоразумiе Сцевина. Рабъ Милихъ доноситъ на господина; тотъ

отлично защищается, но уличенъ хитростью женскою.—55. 56. Наталисъ дѣлаетъ признаніе въ заговорѣ, именуетъ Пизона, Сенеку, а Луканъ—мать.—57. Епихарисъ, истерзанная пыткою, даетъ чудесный примѣръ вѣрности.—58. Неронъ выслушиваетъ подсудимыхъ, а ихъ сильно тѣснитъ Руфъ, скрывъ свое соучастіе.—59. Пизонъ, пренебрегши совѣтами друзей, умерщвленъ. Завѣщаніе его и жена. — 60. Казнь Латорана и Сенеки; его защита оставлена безъ вниманія;—62. Послѣднія его бесѣды.—63. Дружескій споръ съ женою,—64. смерти которой Неронъ велитъ воспрепятствовать. Мученіе Сеneки, смерть, погребеніе.—65. Онъ былъ назначаемъ Императоромъ.—66. Выданъ и Руфъ.—67. Субрія Флавія.—68. Аспра и другихъ исполненныя твердости слова и кончина. Слабость Руфа.—69. Неронъ казнитъ Вестина, хотя невиннаго. — 70. вслѣдъ за тѣмъ Лукана, Синеціона, Квинктіана, Сцевина. — 71. Притворныя по городу изъявленія радости. Доносчикамъ награды, подозрительнымъ освобожденіе отъ военной службы а инымъ ссылка. — 72. Турпиліану, Нервѣ, Тигеллину даны почести тріумфа, а Нимфидію знаки консульскаго достоинства.—73. Неронъ защищается отъ разныхъ о немъ слуховъ. Опасность Галліона.—74. Сенатское опредѣленіе о спасеніи Нерона. Кинжалъ Сцевина посвященъ Юпитеру Мстителю.—

Все это совершилось въ теченіи съ небольшимъ трехъ лѣтъ въ консульство: К. Меммія Регула, Вергинія Руфа, К. Леканія Басса, М. Лицинія Кросса, П. Силія Нервы, К. Юлія Аттика Вестика.

---

1. Между тѣмъ царь Пароовъ Вологезъ, узналъ о дѣйствіяхъ Корбулона и что чужеродецъ Тигранъ посаженъ царемъ въ Арменію. Вмѣстѣ, такъ какъ братъ его Тиридатъ прогнанъ, хотѣлось ему отомстить за униженное величіе рода Арзакова; но и съ другой стороны могущество Римлянъ и уваженіе къ продолжительному миру, занимали его умъ разнообразными заботами. Отъ природы нерѣшительный, вслѣдствіе отпаденія Гирканцевъ, народа сильнаго, впутался онъ въ сложныя военныя дѣйствія.

Среди этихъ колебаній новая вѣсть объ уничтоженіи подстрекнула его. Выйдя изъ Арменіи Тигранъ—Адіабеновъ, пограничнаго народа земли опустошилъ шире и долѣе, чѣмъ то бываетъ въ грабительскомъ набѣгѣ. Съ крайнимъ неудовольстіемъ терпѣли это старѣйшины народа; «въ такое пренебреженіе впали они, «что уже не Римскаго вождя нападеніямъ они подвергаются, но «дерзости заложника, въ теченіи сколькихъ лѣтъ считавшагося «между рабами.» Оскорбленное ихъ достоинство раздражалъ еще болѣе Монобазъ, которому принадлежала верховная власть надъ Адіабенами: онъ спрашивалъ: «въ комъ и откуда искать по«мощи? Уже уступили Арменію и прилежащія мѣста постигнетъ «таже участь, если не защитятъ Пареы: но у Римлянъ сноснѣе «рабство тѣхъ, что сами покорятся, чѣмъ взятыхъ въ плѣнъ. «А Тиридатъ, бѣжавшій изъ царства, дѣйствовалъ всего силь«нѣе частью молчаніемъ, частью умѣренными жалобами: позор«нымъ бездѣйствіемъ нельзя поддерживать великія государства; «необходима борьба оружіемъ и людьми. Верховной власти тамъ «справедливость, гдѣ сила. И частные люди умѣютъ сохранить «свое достояніе; слава же царей—состязаться о чужомъ.»

2. Подвинутый всѣмъ этимъ Вологезъ созываетъ совѣтъ; поставивъ подлѣ себя Тиридата, онъ началъ говорить такъ: «вотъ «его я, рожденнаго отъ одного отца, но лѣтами уступившаго «мнѣ первенство власти, посадилъ было властителемъ Арменіи. «Это—третье мѣсто по могуществу; Пакоръ еще ранѣе овладѣлъ «Медами. Казалось, что я, вопреки давнихъ семейныхъ неудо«вольствій и споровъ, какъ слѣдуетъ уладилъ участь членовъ «моего семейства. Но этому поперечатъ Римляне и миръ, доселѣ «ими еще ни разу безнаказанно ненарушенный, теперь ниспро«вергаютъ на свою гибель. Не стану притворствовать: предпо«челъ бы я удержать то, что пріобрѣтено предками предпочти«тельнѣе справедливостью, чѣмъ кровопролитіемъ, самою сущ«ностью дѣла, чѣмъ оружіемъ. Но въ чемъ погрѣшилъ медли«тельностью исправлю мужествомъ. Ваша сила и слава непри«косновенны; къ нимъ присоединили вы еще умѣренность, а она «никогда не будетъ въ пренебреженіи лучшимъ изъ людей, да «и богами цѣнится.» Вмѣстѣ онъ положилъ діадему на голову Тиридата; готовый отрядъ конницы, который долженъ былъ, по обычаю, сопровождать царя, ввѣрилъ Монезу, знатнаго рода мужу, присоединивъ вспомогательныя войска Адіабеновъ и поручилъ: «Тиграна прогнать изъ Арменіи, пока онъ, уладивъ несогласія

«съ Гирканцами, соберетъ всѣ силы и начнетъ главную войну, «грозя Римскимъ владѣніямъ.»

3. Когда Корбулонъ получилъ объ этомъ вѣрное извѣстіе, то онъ послалъ на помощь Тиграну два легіона съ Веруланомъ Северомъ и Веттіемъ Боланомъ, давъ имъ тайно приказаніе: «дѣй«ствовать осторожнѣе и не спѣшить». Онъ предпочиталъ имѣть войну, чѣмъ весть ее. Онъ написалъ Цезарю: «необходимъ осо«бенный вождь защищать Арменію, а Сирія, на которую намѣре«вается наступить Вологезъ, подвергается гораздо большей опас«ности». Между тѣмъ остальные легіоны ставитъ онъ по берегу Евфрата, вооружаетъ на скорую руку собранное ополченіе туземцевъ, слѣдитъ отрядами за движеніями непріятеля.

4. Вслѣдствіе того, что этотъ край бѣденъ водою, ставитъ укрѣпленія у источниковъ, а нѣкоторые заваливаетъ пескомъ. Пока Корбулонъ принимаетъ эти мѣры къ оборонѣ Сиріи, Монезъ поспѣшно двинувъ войско съ цѣлью предупредить самый слухъ о движеніи, нашелъ Тиграна не въ расплохъ и не безъ вѣстей о немъ. Тигранъ занялъ Тигранокертъ, городъ сильный числомъ защитниковъ и громадностью стѣнъ. Къ тому же Ницефорій рѣка не маловначительной ширины, обходитъ часть стѣнъ и проведенъ широкій ровъ тамъ, гдѣ на рѣку нельзя было надѣяться. Находились тутъ и воины, и прежде свезенные запасы; при доставкѣ ихъ нѣкоторые, зайдя неосторожно, были окружены нечаянно пришедшими непріятелями: но это вызвало у остальныхъ болѣе раздраженія, чѣмъ опасеній. Пареы при осадахъ вообще дѣйствуютъ несмѣло; метательныхъ оружій у нихъ мало; ни осажденныхъ не могли они привесть въ ужасъ и сами озлобились въ своихъ расчетахъ. Адіабены начали было подвигать лѣстницы и осадныя орудія, но легко отбиты, а вслѣдъ за тѣмъ нашими, сдѣлавшими вылазку, истреблены.

5. Впрочемъ Корбулонъ, какъ ни удачны были его дѣйствія, счелъ необходимымъ умѣренно пользоваться счастіемъ и послалъ къ Вологезу съ жалобою: «провинціи сдѣлано насиліе; царь со«юзникъ и другъ (народа Римскаго) и когорты Римскія въ оса«дѣ; пусть лучше оставитъ осаду, а иначе и онъ, Корбулонъ, въ «непріятельской области, станетъ лагеремъ.» Касперій сотникъ на это посольство избранный, у города Низибиса, находящагося отъ Тигранокерты въ разстояніи 37 тысячь шаговъ, нашелъ царя и смѣло и настоятельно изложилъ требованія вождя Римскаго. Вологезъ постоянно и издавна поставилъ себѣ за пра-

вило—избѣгать вооруженнаго столкновенія съ Римлянами. Да и въ настоящемъ дѣло шло неудачно. Осада была безуспѣшна. Тигранъ обезопашенъ и своею дѣятельностью и войсками. Тѣ, которые взяли на себя походъ, обращены въ бѣгство; легіоны посланы въ Арменію. Другіе, на крайнихъ предѣлахъ Сиріи, готовы сами ко вторженію; у него же конница изнемогла отъ недостатка провіанта. Такое множество появилось саранчи, что она поѣла всю траву и весь листъ на деревьяхъ. Вслѣдствіе этого, отвергнувъ опасенія, отвѣтилъ онъ въ духѣ умѣренности: «отправитъ къ императору Римскому пословъ—просить Арменію «и упрочить миръ.» Приказываетъ Монезу—оставить въ покоѣ Тиграноцерту и самъ удалился назадъ.

6. Большинство не находило выраженій достаточныхъ, превознося похвалами такой результатъ, добытый (будто бы) страхомъ царя и угрозами Корбулона. Другіе объясняли это тайною сдѣлкою: «съ той и другой стороны война должна была пре«кратиться, но съ удаленіемъ Вологеза и Тигранъ долженъ былъ «оставить Арменію. Иначе зачѣмъ войско Римское отведено изъ «Тиграноцерты? Зачѣмъ во время спокойное оставлено то, что «защищали въ военное? Лучше ли было зимовать на границахъ «Каппадокіи въ шалашахъ, поставленныхъ на скорую руку, чѣмъ «въ столицѣ царства, которую только что отстояли отъ враговъ? «Во всякомъ случаѣ отсрочены военныя дѣйствія для того, что«бы Вологезу пришлось бороться съ другимъ, а не съ Корбу«лономъ, и для того чтобы Корбулону не пришлось болѣе риско«вать славою, пріобрѣтенною въ теченіи стольких лѣтъ?» Дѣйствительно онъ—о чемъ я уже и упоминалъ, требовалъ особеннаго вождя для защиты Арменіи; былъ слухъ, что приближается Цезенній Пэтъ. Уже онъ и явился; войска раздѣлены такъ, что четвертый и двѣнадцатый легіоны, съ присоединеніемъ пятаго, который незадолго передъ тѣмъ вызванъ изъ Мезіи, а также вспомогательныя войска изъ Понта, Галатовъ и Капподоковъ должны повиноваться Пэту, а третій, шестой, десятый и прежнія Сирійскія войска должны оставаться у Корбулона. Въ остальномъ они должны были, по требованію обстоятельствъ, дѣйствовать, или вмѣстѣ, или отдѣльно. Впрочемъ и Корбулонъ не могъ снести себѣ равнаго и Пэтъ, для славы котораго было бы достаточно считаться по Корбулонѣ первымъ, съ пренебреженіемъ отзывался о томъ, что было сдѣлано; онъ говорилъ: «вовсе не «было ни сраженій, ни добычи, а взятія городовъ только существо-

«вали по названію; а онъ наложитъ побѣжденнымъ—дань и за«коны и вмѣсто призрака царскаго—право Римское».

7. Около этого времени послы Вологеза, которыхъ, какъ упоминалъ, онъ отправилъ къ Государю, возвратились ни съ чѣмъ. Пароы явно взялись за войну. И Пэтъ отъ нея не уклонялся, но съ двумя легіонами, изъ которыхъ въ то время четвертымъ начальствовалъ Фунизуланъ Веттонніанъ, а двѣнадцатымъ—Калавій Сабинъ, вошелъ въ Арменію при неблагополучномъ предзнаменованіи. При переходѣ Евфрата, черезъ который онъ переправлялся по мосту, безо всякой видимой причины лошадь, везшая знаки консульскаго достоинства, испугалась и бросилась назадъ; жертвенныя животныя, назначенныя для приношенія, находившіеся въ зимныхъ квартирахъ, которыя въ то время обводили укрѣпленіями, бросились бѣжать, когда они доведены были еще только до половины и ушли за окопы. Засверкали огнемъ дротики воиновъ и это чудесное явленіе имѣло тѣмъ болѣе значенія, что главное оружіе врага нашего Пароа—метательное.

8. Но Петъ, пренебрегши дурными предзнаменованіями и недостаточно еще укрѣпивъ зимнія квартиры, недостаточно озаботившись заготовленіемъ провіанта, повелъ войско за гору Тавръ: «для «взятія назадъ, какъ онъ говорилъ Тиграноцерты и опустошенія «земель, которыя Корбулонъ оставилъ неприкосновенными». Нѣкоторыя укрѣпленія взяты; снискано нѣсколько славы и добычи, если бы онъ съумѣлъ пользоваться славою умѣренно, или добычею старательно. Длинными переходами прошелъ онъ мѣста, удержать которыя былъ не въ состояніи; запасы, которыя онъ взялъ съ собою, испортились и съ наступленіемъ зимы отвелъ онъ войско назадъ, а къ Цезарю написалъ донесеніе какъ будто война приведена къ концу въ пышныхъ выраженіяхъ, но лишенное содержанія.

9. Между тѣмъ Корбулонъ, берегъ Евфрата, постоянно обращавшій на себя особенную его заботливость, прикрылъ вооруженными отрядами еще чаще прежняго; а чтобы при наведеніи моста непріятельскіе отряды не дѣлали препятствія (такъ какъ они уже многочисленными конными отрядами носились по прилежавшимъ полямъ) суда значительной величины, скрѣпивъ ихъ поперечными бревнами и устроивъ на нихъ башни, погналъ по рѣкѣ; дѣйствіемъ поставленныхъ на нихъ орудій (катапультовъ и баллистовъ) сбилъ дикарей; камни и копья хватали гораздо дальше, чѣмъ возможно было непріятелю отвѣчать, съ успѣхомъ бросая стрѣлы. Потомъ продолжали наводить мостъ и возвышенности противуположнаго

берега заняты сначала союзными когортами, а потомъ лагерями легіоновъ, съ такою быстротою и развитіемъ силъ, что Пароы, оставивъ приготовленія къ нападенію на Сирію, обратили всю надежду на Арменію.

10. А тамъ Пэтъ, не зная, что ему угрожало, пятый легіонъ держалъ далеко въ Понтѣ, да и остальные ослабилъ, давая воинамъ отпуски безъ разбора: какъ вдругъ услыхалъ, что Вологезъ приближается съ огромнымъ и враждебнымъ войскомъ. Призывается двѣнадцатый легіонъ и чѣмъ онъ надѣялся распространить слухъ объ увеличеніи войска, то обнаружило его немноголюдство. Во всякомъ случаѣ Пэтъ былъ бы въ состояніи удержать лагерь и провесть Пароовъ продолжительностью войны, если бы онъ хитѣлъ держаться твердо, или своихъ собственныхъ, или чужихъ рѣшеній. Но когда люди опытные въ военномъ дѣлѣ успокоили его относительно грозившей опасности, онъ вдругъ чтобы не показать, что нуждается въ чужихъ совѣтахъ, перешелъ къ совершенно другимъ и худшимъ рѣшеніямъ. Въ то время, оставивъ зимнія квартиры, провозглашая: «не рвы и валы нужны противъ непрія-«теля, но тѣла и оружія», повелъ легіоны, какъ бы намѣреваясь рѣшить дѣло сраженіемъ. Потомъ, утративъ сотника и немногихъ воиновъ, которыхъ послалъ впередъ для изслѣдованія силъ непріятельскихъ, отступилъ въ смятеніи. А такъ какъ Вологезъ наступалъ не слишкомъ горячо, то снова въ пустой самонадѣянности Пэтъ поставилъ на ближайшихъ возвышеніяхъ Тавра три тысячи отборной пѣхоты — воспрепятствовать переходу царя; а вспомогательныхъ Паннонцевъ, лучшую конницу, расположилъ на части поля. Жена и сынъ припрятаны въ укрѣпленіе, носившее названіе Арсамосаты; на прикрытіе дана имъ когорта. Такимъ образомъ разсѣяны по частямъ воины, которые, если бы ихъ держать вмѣстѣ, скорѣе могли бы удержать бродящаго непріятеля. Говорятъ, что будучи сильно стѣсненъ, признался онъ въ томъ Корбулону; но и тотъ не поспѣшилъ за тѣмъ, чтобы съ увеличеніемъ опасности, оказанная помощь имѣла бы болѣе похвалы. Впрочемъ онъ отдалъ приказаніе изготовиться въ путь по тысячѣ изъ трехъ легіоновъ и по восьмисотъ изъ вспомогательной конницы и такому же числу изъ когортъ.

11. Вологезъ, хотя и получилъ извѣстіе, что Пэтъ загородилъ ему путь съ одной стороны пѣхотою, съ другой конницею, нисколько не измѣнилъ задуманный планъ дѣйствія, но силою и угрозами привелъ въ ужасъ союзную конницу, а легіонныхъ воиновъ

истребилъ; только одинъ сотникъ Тарквицій Кресцентъ—башню, въ которой онъ находился съ гарнизономъ, дерзнулъ защищать, неоднократно дѣлалъ вылазки, нанося смерть тѣмъ изъ дикарей, которые подходили ближе, пока не былъ окруженъ огнемъ брошеннымъ издали. Изъ пѣхотинцевъ, какіе были не ранены, ушли въ мѣста отдаленныя и непроходимыя, а раненые въ лагерь; въ страхѣ они возвышали доблесть царя, жестокость и силы народа, а легко вѣрили тѣ, которые того же что и они робѣли. Да и вождь не пытался бороться съ невзгодою, но пренебрегъ всѣми обязанностями военными, а снова обратился къ Корбулону съ просьбою,— чтобы онъ пришелъ какъ можно скорѣе—сохранилъ значки, орлы и имя—все что осталось несчастнаго войска, а что они сохранятъ вѣрность, пока останется жизнь.

12. А тотъ, нисколько не поддавшись опасеніямъ, оставилъ часть войскъ у Сиріи для удержанія укрѣпленій возведенныхъ у Евфрата и по дорогѣ ближайшей и гдѣ не могло быть нужды въ припасахъ, пошелъ въ область Коммагону, оттуда въ Каппадокію и затѣмъ въ Арменію. Войско сопровождало кромѣ прочаго, что обыкновенно на войнѣ, большое число верблюдовъ, навьюченныхъ хлѣбомъ, для того чтобы быть въ состояніи отразить и непріятеля и нужду. Перваго изъ пораженныхъ встрѣтилъ Пактія, сотника перваго ряда, а за тѣмъ и множество воиновъ; когда они представляли различныя причины бѣгства Корбулонъ внушалъ имъ: «чтобы они вернулись къ значкамъ и «испытали бы милосердіе Пэта, а онъ не знаетъ снисхожденія «иначе какъ къ побѣдителямъ. Вмѣстѣ онъ обошелъ свои ле-«гіоны, сдѣлалъ имъ увѣщаніе, напоминалъ имъ прежнія ихъ «дѣйствія, показывалъ новую славу. Цѣль ихъ трудовъ на этотъ «разъ не села и города Армянъ, но лагерь Римскій и въ нихъ «два легіона. Если отдѣльнымъ воинамъ дается рукою импера-«тора самая важнѣйшая награда вѣнецъ за спасеніе граждани-«на, то какая же великая честь, когда окажется, что въ равномъ числѣ были и принесшіе спасеніе и получившіе его?» Такія убѣжденія общія поощряли всѣхъ (находились и такіе, которыхъ лично возбуждала опасность положенія братьевъ, или другихъ родственниковъ) воиновъ и они продолжали путь безостановочно день и ночь.

13. Тѣмъ усерднѣе Вологезъ тѣснилъ осажденныхъ, нападая то на окопы легіоновъ, то на укрѣпленіе, служившее защитою тѣмъ, которые не были въ состояніи участвовать въ военныхъ

дѣйствіяхъ, подходя ближе, чѣмъ то въ обычаѣ Парѳовъ, лишь бы какъ, хотя и мнимою неосторожностью, вызвать на бой непріятеля. А наши съ трудомъ оставляли мѣста отдохновенія и ограничивались только обороною укрѣпленій, частью по приказанію вождя, а другіе по собственной лѣности, какъ бы дожидаясь Корбулона, а на случай нападенія силы, припоминали примѣры пораженій Кавдинскаго и Нумантинскаго: «и не такая сила была у Самнитовъ, Итальянскаго народа или Испанцевъ, какъ у «Парѳовъ, соперниковъ Римлянъ во владычествѣ. И древле «было въ ходу и даже похвально—заботиться о безопасности, «если измѣняло счастіе.» Вождь, уступая такому отчаянію войска, сочинилъ первое письмо къ Вологезу непросительное, но какъ бы жалуясь: «на то, что онъ (Вологезъ) за Армянъ, по«стоянно или находившихся подъ Римскимъ владычествомъ или «подданныхъ царя, избираемаго императоромъ, началъ непріяз«ненныя дѣйствія; миръ полезенъ былъ бы и той и другой сто«ронѣ и пусть онъ, Вологезъ, сообразитъ не теперешнее только «положеніе дѣлъ; онъ теперь пришелъ противъ двухъ легіоновъ «съ силами всего царства; а у Римлянъ остался весь шаръ зем«ный для вспоможенія имъ на войнѣ.»

14. На это Вологезъ не счелъ нужнымъ оправдываться, но отвѣтилъ письменно: «необходимо ему подождать братьевъ Па«кора и Тиридата, назначено и мѣсто и время для совѣщанія «о мѣрахъ, какія надобно принять относительно Арменіи и— «придали боги достойнаго Арзакидовъ—относительно участи Рим«скихъ легіоновъ.—Вслѣдъ за тѣмъ посланы Пэтомъ гонцы— «просить личнаго съ царемъ объясненія и тотъ велѣлъ идти «Вазаку, начальнику конницы. Тутъ Пэтъ приводилъ на па«мять: Лукулловъ, Помпеевъ и все, что Цезарями сдѣлано от«носительно присвоенія и распоряженія Арменіею, а Вазакъ возра«жалъ, что какъ только принадлежитъ призракъ и власти и «распоряженія, а сила у Парѳовъ.» Много было споровъ съ той и другой стороны; на другой день призванъ Монобазъ Адіабенъ свидѣтелемъ тому что условлено; постановлено: «легіоны «освободить отъ облѣжанія и всѣмъ воинамъ удалиться за пре«дѣлы Арменіи, а укрѣпленія и припасы передать Парѳамъ. По «исполненіи всего этого Вологезу должна быть дана возмож«ность—отправить пословъ къ Нерону.»

15. Между тѣмъ на рѣкѣ Арзаніи (она протекала подлѣ лагеря, Пэтъ устроилъ мостъ, подъ видомъ будто бы готовя се-

бѣ переправу, но въ дѣйствительности по приказанію Парѳовъ, которымъ онъ долженъ былъ остаться какъ наглядное доказательство ихъ побѣды; имъ онъ собственно и нуженъ былъ, а наши пошли другою дорогою. Молва прибавила, будто легіоны пропущены подъ ярмо и приложено еще кое что, какъ обыкновенно при несчастіи, но основаніе дали этому нѣкоторое Армяне. Они вошли въ укрѣпленія прежде чѣмъ вышло оттуда войско Римское и обступили дороги, признавая взятыхъ у нихъ когда то рабовъ или вьючныхъ животныхъ и отнимая ихъ. Самыя одежды похищены, вырвано оружіе, а оробѣвшіе воины во всемъ уступали лишь бы не подать повода къ сраженію. Вологезъ, собравъ въ кучу оружіе и тѣла убитыхъ, чтобы засвидѣтельствовать о нашемъ пораженіи, удержался отъ лицезрѣнія бѣжавшихъ легіоновъ. Онъ искалъ славы умѣренности, удовлетворивъ вполнѣ чувству гордости. Онъ переѣхалъ черезъ рѣку Арзанію, сидя на слонѣ, а ближайшіе къ нему силою коней справились съ теченіемъ (рѣки). Пронесся слухъ: «будто мостъ провалится «подъ тяжестями, вслѣдствіе коварнаго умысла дѣлавшихъ его, «но тѣ, которые дерзнули войдти на него, нашли его крѣпкимъ «и прочнымъ.»

16. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что осажденные до того изобиловали хлѣбомъ, что предали огню житницы. Съ другой стороны Корбулонъ обнаружилъ: «силы Парѳовъ были слабы, под«ножный кормъ весь былъ потравленъ, оставили бы они при«ступъ, да и онъ Корбулонъ — находился всего на разстояніи «трехъ дней пути.» Онъ присовокупилъ: «клятвою Пэтъ скрѣ«пилъ у значковъ, въ присутствіи присланныхъ царемъ свидѣ«телей, что никто изъ Римлянъ не войдетъ въ Арменію, пока «не будетъ получено отъ Нерона письмо—согласенъ ли онъ на «миръ.» Можетъ быть это и придумано для увеличенія безславія, но слѣдующее не было никому тайною: въ одинъ день Пэтъ прошелъ пространство въ 40 миль, покинувъ тамъ и сямъ раненныхъ и замѣшательство бѣгущихъ имѣло видъ не менѣе безобразный, какъ еслибы они обратили тылъ въ бою. Корбулонъ, съ своими войсками попался на встрѣчу у берега Евфрата; видомъ знаковъ и оружія не хотѣлъ выставить какъ бы въ укоръ рѣзкую разницу; воины были въ печали, сострадая участи товарищей. Даже отъ слезъ воздержаться не могли и плачь не далъ почти мѣста обычному привѣтствію. Забыты были состязаніе въ мужествѣ и домогательство славы—ощущенія людей сча-

стливыхъ; одно состраданіе имѣло силу и у младшихъ по преимуществу.

17. Послѣдовало немногословное объясненіе между вождями; Корбулонъ жаловался: «напрасно онъ трудился; можно было бы «окончить войну бѣгствомъ Парѳовъ.» На это Пэтъ возражалъ: «для нихъ обоихъ ночего еще не испорчено; пусть они обратятъ «орловъ и дружно вторгнутся въ Арменію, слабую съ удаленіемъ Вологеза.» Корбулонъ: «не таковы повелѣнія императора, «опасность легіоновъ подвинула его оставить провинцію, а такъ «какъ неизвѣстны теперь замыслы Парѳовъ, то онъ Корбулонъ— «и пойдетъ назадъ въ Сирію. И такъ прійдется молить въ высшей степени благосклонное счастіе, чтобы пѣхота, изнуренная «большими переходами, могла слѣдовать за конницею свѣжею и «по ровному мѣсту не затрудненную въ движеніи.» Затѣмъ Пэтъ зимовалъ въ Каппадокіи. Вологезъ послалъ гонцовъ къ Корбулону: «чтобы онъ очистилъ укрѣпленія по ту сторону Евфрата «и чтобы по прежнему рѣка служила имъ границею; а Корбу«лонъ требовалъ, чтобы и Арменія была очищена отъ находив«шихся тамъ и сямъ вооруженныхъ отрядовъ. Наконецъ усту«пилъ царь, разрушены укрѣпленія возведенныя было Корбуло«номъ на той сторонѣ Евфрата и Армяне покинуты безъ вла«стителя.»

18. А въ Римѣ, на рединѣ Капитолинской горы, воздвигали трофеи надъ Парѳами и тріумфальные ворота—по опредѣленію сената, состоявшемуся, когда война еще была не окончена, и теперь не оставили ихъ лишь бы на показъ, пренебрегши сознаніе. А чтобы скрыть заботу о дѣлахъ внѣшнихъ, Неронъ хлѣбъ, раздаваемый народу и испортившійся отъ времени, велѣлъ бросить въ Тибръ, желая показать до какой степени онъ покоенъ относительно продовольствія. И цѣна хлѣба нисколько не увеличена, хотя почти 200 судовъ въ самой пристани погибли отъ бури, а то еще, приплывшіе по Тибру, отъ случайно сдѣлавшагося пожара. Потомъ Неронъ надъ сборами общественныхъ податей поставилъ трехъ бывшихъ консуловъ: Л. Пизона, Дуценія Гемина и Помпея Павллина, при чемъ порицалъ бывшихъ государей: «что они зна«чительностью издержекъ перевысили справедливые доходы, а онъ «ежегодно даритъ государству шестьдесятъ милліоновъ сестерцій».

19. Въ это время сильно распространился весьма дурной обычай, что съ близостью выборовъ и при распредѣленіи по жеребью провинцій, большинство людей одинокихъ усыновленіями для виду

*

пріобрѣтали себѣ сыновей и, распредѣливъ провинціи между отцовъ семействъ, тотчасъ отпускали отъ себя усыновленныхъ. Въ большомъ негодованіи явились въ сенатъ, ссылались: «на права при-«роды и труды воспитанія противъ хитрости, притворства и крат-«ковременности усыновленія. Довольно уже и такъ хорошо оди-«нокимъ, что совершенно спокойно, не неся никакихъ тягостей, «пользуются расположеніемъ, почестями—все для нихъ готово и «какъ бы идетъ на встрѣчу: а имъ обѣщанія закона, которыхъ «они долго ждали, обращаются въ посмѣяніе, когда вдругъ роди-«тель безо всякой заботы, безъ горя опять осиротѣть готовый, «разомъ равняется съ долговременными ожиданіями отцовъ». Вслѣдствіе этого состоялось сенатское опредѣленіе: «чтобы мнимое усы-«новленіе не имѣло никакого значенія при общественныхъ должно-«стяхъ и не приносило бы никакой пользы и при полученіи на-«слѣдствъ».

20. Вслѣдъ за этимъ обвиненъ Клавдій Тимархъ Критянинъ; вины ему поставлены обыкновенно свойственныя богатымъ жителямъ провинцій, которые, вслѣдствіе огромнаго своего состоянія, готовы на обиды людей менѣе значительныхъ. Одно выраженіе коснулось даже порицанія сената; говорили будто онъ не разъ говорилъ: «отъ его власти зависитъ—будетъ ли объявлена призна-«тельность проконсуламъ, которые только получатъ Критъ». Этотъ случай Пэтъ Тразеа, обращая къ общественной пользѣ, и подавъ мнѣніе, что обвиненнаго нужно выслать изъ острова Крита, присоединилъ слѣдующія соображенія: «на опытѣ доказано, достопочтенные се-«наторы, что самые лучшіе законы и честные примѣры людямъ «благонамѣреннымъ послѣдовали изъ проступковъ другихъ. Такъ «невоздержность ораторовъ вызвала Ценціевъ проэктъ (закона), «происки искателей должностей—Юліевъ законы; корыстолюбіе «должностныхъ лицъ—Кальпурніево постановленіе. По времени «вина предшествуетъ наказанію и прежде проступокъ—возмож-«ности предупредить его или исправить. А потому въ отпоръ «недавно появившейся дерзости жителей провинцій прибегнемъ къ «рѣшенію, которое было бы достойно и вѣрности и твердости Рим-«лянъ и которымъ мы нисколько, не измѣняя заботливости о союз-«никахъ, уничтожимъ мнѣніе будто бы передъ нами ктобы ни «былъ можетъ зависѣть отъ чего иного, кромѣ суда сограждан».

21. Встарину не только преторъ или консулъ, но и частныя лица были посылаемы—осматривать провинціи и доносить какъ кто тамъ исполняетъ свою обязанность. Народы трепетали передъ

мнѣніемъ одного лица. Теперь мы ухаживаемъ за иноземцами и льстимъ имъ; и какъ скоро по чьему либо мановенію высказываемъ признательность, также скоро опредѣляемъ и обвиненіе. Пусть опредѣляютъ и пусть остается жителямъ провинцій возможность такъ обнаруживать свое могущество; но лживая и цѣною купленная похвала должна быть ограничиваема столько же, какъ и злоба, и жестокость. Часто мы болѣе грѣшимъ, стараясь прислужиться, чѣмъ сдѣлать непріятное. И нѣкоторыми добродѣтелями можно заслужить ненависть—упорною суровостью, расположеніемъ ума, недоступнымъ никакому вліянію благосклонности. Потомуто наши должностныя лица почти всегда въ началѣ своей дѣятельности дѣйствуютъ лучше, а подъ конецъ портятся, когда, точно искатели должностей, гонятся за одобреніемъ. Устранивъ это, сдѣлаемъ, что провинціи будутъ управляться и справедливѣе и равнѣе. Какъ страхомъ преслѣдованія за взятки надломлено корыстолюбіе, такъ съ запрещеніемъ выраженія признательности, будетъ сдержано желаніе задобрить.

22. Общимъ одобреніемъ встрѣчено это мнѣніе, но сенатское опредѣленіе состояться не могло, такъ какъ консулы отрицали, чтобы объ этомъ вопросѣ былъ докладъ. Вслѣдъ затѣмъ, по инициативѣ государя, постановилъ сенатъ: «чтобы никто на собраніяхъ союзниковъ не дѣлалъ предложеній объ изъявленіи признательности пропреторамъ или прокунсуламъ и чтобы никто не бралъ на себя «съ «этимъ посольства». При тѣхъ же консулахъ сгорѣлъ отъ удара молніи гимназій и статуя Нерона въ немъ обратилась въ безобразный кусокъ мѣди. Отъ землетресенія обрушилась большая часть Помпей, знаменитаго города Кампаніи, умерла дѣва весталка Лэлія и на ея мѣсто взята Корнелія изъ фамиліи Коссовъ.

23. Въ консульство Меммія Регула и Вергинія Руфа, Неронъ рожденіе ему дочери отъ Поппеи встрѣтилъ съ радостью свыше человѣческою; онъ ее наменовалъ Августою и Поппеѣ далъ даже прозваніе. Мѣстомъ разрѣшенія отъ бремени была колонія Антій, гдѣ родился самъ Неронъ. Еще ранѣе сенатъ поручилъ милосердію боговъ чрево Поппеи и всенародно принялъ обѣты; они еще увеличены и исполнены. Присоединены: «молебствія, храмъ плодо«родію и состязаніе по подобію Актіакскаго религіознаго обряда». Опредѣлено: «поставить на порогѣ (храма) Капитолинскаго Юпитера «золотыя изображенія счастій; чтобы игры цирценскія подобно тому «какъ роду Юліевъ у Бовиллъ, такъ Клавдіеву и Домиціеву, совер«шались у Анція». Все это было напрасно, такъ какъ ребенокъ умеръ на четвертомъ мѣсяцѣ. Снова начались выраженія лести и

подано мнѣніе: въ бозѣ почившей: почести, олтарь, храмъ и жертвенникъ. Самъ Неронъ не зналъ умѣренности ни въ радости, ни въ печали. Замѣтили, что когда весь сенатъ отправился въ Анцій вскорѣ послѣ родинъ, Тразеа не былъ допущенъ, но съ твердостью духа встрѣтилъ оскорбленіе, предвѣщавшее грозившую ему гибель. Вслѣдъ затѣмъ, говорятъ, послѣдовало выраженіе Цазаря, въ которомъ онъ передъ Сенскою гордился, что помирился онъ съ Тразеею и Сенека поздравлялъ съ этимъ Цезаря. Такъ людямъ свѣтлымъ съ славою росли и опасности.

24. Между тѣмъ съ началомъ весны, послы Парѳовъ принесли порученія царя Вологеза и письмо отъ него въ этомъ родѣ: «не «станетъ онъ на этотъ разъ повторять старинной, столько разъ «повторенной похвальбы относительно присвоенія Арменіи, такъ «какъ боги, распорядители судебъ и самыхъ могущественныхъ на-«родовъ, передали обладаніе Арменіею Парѳамъ не безъ по-«зора Римлянъ. Недавно Тигранъ былъ въ осадѣ; послѣ Пэта и «легіоны отпустилъ, имѣя возможность ихъ уничтожить. Достаточно «доказана сила, данъ образецъ и умѣренности. И не отказался бы «Тиридатъ явиться въ городъ для принятія діадемы, еслибы его «не удерживало его жреческое значеніе. Отправится онъ къ знач-«камъ и изображенію государя и тамъ передъ легіонами получитъ «освященіе на царство».

25. Вслѣдствіе такого письма Вологеза—такъ какъ Пэтъ писалъ совсѣмъ другое, будто дѣла все въ одномъ положеніи какъ были—спрошенъ сотникъ, пришедшій съ послами: «въ какомъ по-«ложеніи находится Арменія»? и отвѣтилъ: «всѣ Римляне оттуда «удалились». Тутъ понята была насмѣшка дикарей, просившихъ то, что они уже исторгли силою. Неронъ совѣтовался съ значительнѣйшими лицами въ государствѣ: что предпочесть войну ли, результатъ которой еще сомнителенъ, или безчестный миръ? Война, безъ колебаній, предпочтена. И Корбулонъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ ознакомившійся и съ воинами и съ врагами, поставленъ во главѣ веденія войны, какъ бы незнаніемъ другаго не сдѣлать вторичной ошибки; и относительно Пэта каялись. А потому отосланы послы безъ успѣха, впрочемъ съ дарами, чтобы подать надежду—не вотще остались бы о томъ же просьбы Тиграна, принеси онъ ихъ самъ. Управленіе Сиріею поручено Цинцію, а военныя силы предоставлены Корбулону; прибавленъ ему изъ Панонiи 15 легіонъ подъ предводительствомъ Марія Цельза. Написано четвертовластникамъ (тетрархамъ) и царямъ, префектамъ и прокураторамъ и

тѣмъ изъ преторовъ, которые управляли сосѣдними провинціями— «чтобы они повиновались приказаніямъ Корбулона». Власть его увеличена почти въ такой же степени, въ какой далъ ее народъ Римскій Кн. Помпею на веденіе войны съ пиратами. Вернувшагося Пэта, опасавшагося строгаго наказанія, Цезарь нашелъ достаточнымъ преслѣдовать насмѣшкою въ такихъ почти словахъ: «немедленно онъ его прощаетъ какъ бы онъ, столько къ робости «склонный, отъ болѣе продолжительной заботы не захворалъ».

26. Корбулонъ, переведя въ Сирію четвертый и двѣнадцатый легіоны, — они утратили храбрѣйшихъ воиновъ, да и остальные еще не оправились отъ ужаса, и повидимому могли мало быть полезны въ дѣлѣ,—перевелъ въ Сирію, а, взявъ оттуда шестый и третій легіоны, войско свѣжее и пріобрѣтшее опытность въ частыхъ и увѣнчанныхъ успѣхомъ трудахъ, повелъ въ Арменію. Присоединилъ и пятый легіонъ, который, находясь въ Понтѣ, былъ чуждъ пораженія, а также и воиновъ пятнадцатаго легіона, недавно приведенныхъ, и значки отборныхъ изъ Иллирика и Египта, и все сколько было союзной конницы и пѣхоты (когортъ). И вспомогательныя войска царей собралъ въ одно мѣсто къ Мелитенѣ, гдѣ готовился перейдти Евфратъ. Тутъ войско, очистивъ по обычаю, зоветъ на собраніе; въ пышныхъ выраженіяхъ начинаетъ говорить о счастливой звѣздѣ Императора, о совершенныхъ имъ подвигахъ, всѣ неудачи относя къ незнанію Пэта; съ большимъ вѣсомъ (говорилъ онъ) и онъ то военному человѣку былъ вмѣсто краснорѣчія.

27. Вслѣдъ за тѣмъ онъ двинулся путемъ, когда то Лукулломъ проложеннымъ, отстранивъ препятствія отъ давняго времени возникшія. Не съ пренебреженіемъ обошелся онъ съ послами Тиридата и Вологеза, пришедшими къ нему о мирѣ; онъ присоединилъ къ нимъ сотниковъ съ порученіями не крутыми: «не до того дѣло дошло, чтобы неизбѣжна была рѣшительная «борьба. Много счастливаго случилось Римлянамъ, кое что и «Пареамъ, какъ улики противъ надменности. Во всякомъ слу«чаѣ и Тиридату выгоднѣе получить въ даръ царство нетро«нутое опустошеніемъ и Вологезъ больше пользы принесетъ наро«ду Пареовъ союзомъ съ Римлянами, чѣмъ взаимнымъ вредомъ. «Не безъизвѣстно, сколько внутреннихъ несогласій и какими «неукротимыми и свирѣпыми народами онъ управляетъ. Напро«тивъ у императора Римскаго вездѣ невозмутимый миръ и толь«ко эта одна война.» Къ совѣту присоединилъ угрозу и Меги-

станъ Армянскихъ, которые отпали отъ насъ первые, прогналъ съ ихъ мѣстожительства, разрушилъ ихъ укрѣпленія, ровныя, возвышенныя мѣста, сильныхъ и слабыхъ поразилъ равнымъ страхомъ.

28. Имя Корбулона дикарямъ не только не было ненавистно, но и не враждебно и потому его совѣтъ считали надежнымъ. Вслѣдствіе этого и Вологезъ не былъ ожесточенъ до крайности, и для нѣкоторыхъ префектуръ выспросилъ перемиріе. Тиридатъ требуетъ назначить мѣсто и день для переговоровъ. Время назначено недальнее, а мѣсто гдѣ незадолго передъ тѣмъ были осаждены легіоны съ Пэтомъ. Дикари его выбрали какъ напоминавшее о радостномъ для нихъ событіи; да и Корбулонъ не уклонился, такъ какъ разница обстоятельствъ увеличивала славу. И не увеличивалось безславіе Пэта и это въ особенности обнаружилось тѣмъ, что сыну его трибуну приказалъ Корбулонъ вести отрядъ и прикрыть останки неблагополучнаго сраженія. Въ условленный день Тиберій Александръ, именитый всадникъ Римскій, приданный Корбулону для веденія войны и Вивіанъ Анній, зять Корбулона, по молодости лѣтъ еще не получившій сенаторскаго званія, но въ качествѣ легата начальствовавшій надъ пятымъ легіономъ, пришли въ лагерь Тиридата въ почетѣ ему и чтобы онъ, при такихъ заложникахъ не опасался засады. За тѣмъ взяты двадцать всадниковъ. Увидавъ Корбулона, царь первый соскочилъ съ коня; не замѣдлилъ и Корбулонъ; спѣшившись, оба подали другъ другу правыя руки.

29. Тутъ Римлянинъ похвалилъ молодаго человѣка за то, что: «онъ, оставивъ опрометчивыя рѣшенія, предпочелъ образъ «дѣйствія безопасный и спасительный.» Тиридатъ, высказавъ прежде многое о знатности рода, впрочемъ, прибавилъ въ духѣ умѣренности: отправится онъ въ Римъ и принесетъ Цезарю честь «небывалую, что потомокъ Арзака, при благополучномъ положе- «ніи дѣлъ у Парфовъ, явится просителемъ.» Тутъ рѣшено «что- «бы Тиридатъ сложилъ у изображенія Цезаря знаки царскаго до- «стоинства и взялъ бы ихъ опять не иначе какъ изъ рукъ Не- «рона; совѣщаніе окончилось поцѣлуемъ. Потомъ, немного дней «спустя, съ большою съ обѣихъ сторонъ торжественностью: у «Парѳовъ конница была расположена по взводно въ убранствѣ «завѣщанномъ предками, а съ нашей стороны стояли ряды ле- «гіоновъ съ блестящими орлами, значками и изображеніями бо- «говъ, на подобіе храма. Въ срединѣ на возвышеніи стояло ку-

«рульное кресло и на немъ статуя Нерона. Подойдя къ ней, Тиридатъ, причемъ принесены были жертвы по обычаю, снявъ вѣнецъ съ головы, положилъ его къ ногамъ статуи. На умы всѣхъ «зрѣлище это сильно подѣйствовало; впечатлѣніе сильнѣе было «отъ нагляднаго еще такъ сказать воспоминанія о пораженіи и «осадѣ Римскихъ войскъ: теперь обстоятельства перемѣнились; «пойдетъ Тиридатъ на показъ народамъ чѣмъ, иначе какъ не «плѣнный?».

30. Присоединилъ къ славѣ Корбулонъ—ласку и угощеніе пиршествомъ. Царь распрашивалъ причины какъ только замѣчалъ что либо новое, какъ то: смѣны карауловъ по знаку сотника, отпускъ воиновъ послѣ принятія пищи звукомъ трубы, зажженіе подложеніемъ факела жертвенника, воздвигнутаго передъ *авгураломъ*. Все это превознося похвалами вызвалъ удивленіе къ завѣщаннымъ отцами обычаямъ. На другой день просилъ отсрочки, чтобы прежде чѣмъ отправиться въ такой дальній путь, повидаться съ матерью и братьями. Между тѣмъ онъ заложницею далъ дочь свою и передалъ письмо просительное къ Нерону.

31. Удалясь, нашелъ онъ Пакора въ землѣ Медовъ, а Вологеза въ Экбатанахъ, любопытствовавшаго о братѣ; онъ даже черезъ собственнаго гонца просилъ Корбулона: «чтобы Тиридату не пришлось сносить чего либо похожаго на рабство, чтобы не отбирали у него оружія, не устраняли отъ привѣтствія завѣдывающихъ провинціями и не пришлось бы ему дожидаться «у ихъ порога и чтобы ему въ Римѣ была почесть наравнѣ «съ консулами.» Это значило, что ему, пріобыкшему къ чужестранной гордости, мало было извѣстно наше обращеніе; у кого сила и власть въ рукахъ, тотъ пренебрегаетъ пустяками.

32. Въ этомъ же году Цезарь распространилъ право Лаціума на народы приморскихъ Альповъ; для всадниковъ Римскихъ отвелъ мѣста въ циркѣ впереди тѣхъ, что служили для простаго народа, а до того дня они помѣщались безъ различія, такъ какъ въ Росціевомъ законѣ не постановлено ничего, кромѣ о четырнадцати рядахъ. Зрѣлища гладіаторовъ представилъ этотъ годъ съ такою же пышностью какъ и прежній, но участіемъ въ дѣйствіи на сценѣ опозорено большее число именитыхъ женщинъ и сенаторовъ.

33. Въ консульство К. Леканія и М. Лицинія со дня на день усиливалась въ Неронѣ страсть—посѣщать разныя сцены;

до тѣхъ поръ пѣвалъ онъ въ домѣ или въ садахъ на играхъ молодежи (Ювенальскихъ), но отзывался о нихъ съ пренебреженіемъ какъ мало посѣщаемыхъ и для такого голоса тѣсныхъ. Не дерзнувъ, впрочемъ, начать съ Рима, избралъ Неаполь, какъ будто бы Греческій городъ: «оттуда сдѣлаетъ онъ начало и за-«тѣмъ перейдя въ Ахаію и пріобрѣтя украшенія и издревле «священные вѣнки, большею славою привлечетъ вниманіе граж-«данъ.» Вслѣдствіе этого собраны жители простолюдины, да слухъ объ этомъ дѣлѣ привлекъ нѣкоторыхъ изъ сосѣднихъ муниципій и колоній; присутствовали и тѣ, которые сопровождали Нерона какъ почетная свита или для разныхъ его надобностей даже отряды воиновъ; все это наполнили театръ Неаполя.

34. Тутъ то случилось происшествіе, по мнѣнію большинства, печальнаго предвѣстія, а по мнѣнію его, Нерона, скорѣе обнаружившее особенный промыселъ и расположеніе боговъ: по выходѣ находившагося тамъ народа, театръ обрушился уже опустѣлый и безъ чьего либо вреда. Вслѣдствіе этого въ составленныхъ нарочно пѣсняхъ, воздавая благодарственность богамъ и прославляя счастливый исходъ недавняго событія, онъ отправился съ намѣреніемъ переплыть Адріатическое море, но остановился на нѣкоторое время въ Беневентѣ; тутъ Ватиній давалъ знаменитыя гладіаторскія игры. Ватиній былъ однимъ изъ гнуснѣйшихъ явленій двора Неронова: вскормленный въ лавкѣ башмачника, безобразный тѣломъ, онъ отличался самымъ пошлымъ шутовствомъ; сначала онъ взятъ былъ, чтобы надъ нимъ издѣваться, но потомъ наушничествомъ на людей лучшихъ онъ до того усилился, что вліяніемъ, деньгами, возможностью вредить превзошелъ даже сверстниковъ зла.

35. Между тѣмъ какъ Неронъ посѣщалъ это зрѣлище и среди наслажденій не прекращались преступленія. Именно въ эти самые дни вынужденъ умереть Тарквать Силанъ за то, что онъ, свыше знатности рода Юніевъ, хвалился предкомъ—божественнымъ Августомъ. Обвинители получили приказаніе упрекнуть его въ томъ, что онъ и былъ очень щедръ на подарки и что другой надежды ему не оставалось, какъ на переворотъ; даже держитъ онъ людей, которымъ даетъ названія отъ занятій письмами, веденій записокъ и счетовъ, а это даетъ поводъ думать куда заносится онъ въ своихъ предположеніяхъ и мечтахъ. «За «тѣмъ самые приближенные изъ его отпущенниковъ заключены въ

«оковы и увлечены. Когда уже осужденіе было неизбѣжно, Торк-«ватъ перерѣзалъ себѣ жилы на рукахъ; послѣдовала обычная «рѣчь Нерона: хотя виновный и основательно не довѣрявшій «защитѣ живъ бы онъ былъ, если бы выждалъ милосердія «судей.»

36. Немного времени спустя, оставивъ на этотъ разъ Ахаію— причины были неизвѣстны—посѣтилъ снова городъ; области Востока въ особенности Египетъ—были предметомъ его тайныхъ помышленій. Вслѣдствіе этого засвидѣтельствовалъ онъ эдиктомъ: «недолго будетъ онъ въ отлучкѣ и въ государствѣ все будетъ «по прежнему спокойно и благополучно; по поводу этого отъ-«ѣзда отправился онъ въ Капитолій. Тутъ онъ поклонился бо-«гамъ, а когда хотѣлъ было войдти въ храмъ Весты, вдругъ «трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ его членамъ: или божество его «поразило ужасомъ или воспоминаніе его злодѣйствъ не остав-«ляло его ни на минуту свободнымъ отъ опасеній; оставилъ онъ «намѣреніе, высказывая, что любовь къ отечеству выше для «него всѣхъ остальныхъ заботъ. Видѣлъ онъ печальныя лица «гражданъ, слышалъ тайныя жалобы, что рѣшается на такой «путь онъ, котораго и кратковременныя отлучки имъ (гражда-«намъ) невыносимы, привыкшимъ въ лицезрѣніи государя нахо-«дить ручательство противъ всѣхъ случайностей. А потому какъ «и въ частыхъ надобностяхъ ближайшіе залоги должны имѣть «наиболѣе силы, такъ и народъ Римскій имѣетъ для него (Не-«рона) наиболѣе значенія и нужно повиноваться когда его удер-«живаютъ.» Дѣйствительно таковы или въ этомъ родѣ были ощущенія черни, жаждавшей удовольствій и—что составляло главный предметъ ея заботливости—опасавшейся недостатка въ продовольствіи, въ случаѣ отъѣзда Нерона. Сенатъ и сановники не могли себѣ отдать отчета: опаснѣе ли его жестокость когда онъ на лицо или вдали; отъ этого—и таково свойство великихъ опасеній считали худшимъ то, какъ дѣлалось.

37. А самъ, чтобы повѣрили, что ему нигдѣ въ другомъ мѣстѣ такъ не весело (какъ въ Римѣ), въ общественныхъ мѣстахъ устраивалъ пиршества и цѣлымъ городомъ пользовался какъ своимъ собственнымъ домомъ. Въ особенности отличался роскошью и молвою пиръ, приготовленный Тигеллиномъ; о немъ я разскажу, чтобы не пришлось часто повторять разсказы такихъ излишествъ. На прудѣ Агриппы устроилъ онъ плотъ; приготовленное на немъ пиршество приводилось въ движеніе, такъ

какъ паромъ влекли другіе суда, украшенныя золотомъ и серебромъ; гребцами были отборные красавцы, привыкшіе служить для удовлетворенія самой гнусной похоти; птицы и звѣри добылъ изъ самыхъ различныхъ странъ и животныя морскія изъ океана. Къ берегамъ пруда примыкали дома наслажденій, наполненныя знатными женщинами; съ другой стороны видны были совершенно голыя публичныя женщины; всѣ движенія и дѣйствія дышали развратомъ, а когда наступилъ сумерокъ, то вся близьлежавшая роща и окружавшія строенія огласились пѣніемъ и засвѣтились огнями, а самъ Неронъ, оскверненный и позволеннымъ, и не позволеннымъ, не оставилъ ни одного порока, которымъ могъ бы сдѣлаться еще хуже. Даже немного дней спустя онъ, съ однимъ изъ скопища этихъ опозоренныхъ людей, по имени Пиѳагорою, вступилъ въ бракъ, съ соблюденіемъ всѣхъ обрядовъ законнаго торжества. Императору надѣтъ фламеумъ, видѣли гадателей, приданое, брачное ложе и свадебные факелы; однимъ словомъ все выставлено на показъ, даже и то что въ женщинѣ прикрываетъ ночь.

38. Послѣдовало бѣдствіе неизвѣстно отъ случая ли, или отъ коварнаго умысла государя; и то и другое засвидѣтельствовали писатели, во всякомъ случаѣ это бѣдствіе превосходило и размѣромъ и силою все, что прежде городъ Римъ терпѣлъ отъ огня. Начался пожаръ въ той части цирка, которая прилежала къ горамъ Палатинской и Целіевой; оттуда по лавкамъ, наполненнымъ товарами, представляющими пищу огню, разъ начавшійся огонь разыгралея съ большою силою и раздуваемый вѣтромъ охватилъ всю обширность цирка: дома не были обведены оградами, ни храмы стѣнами и не было ничего, чтобы могло задержать ходъ пламени. Все распространяясь, пожаръ свирѣпствовалъ сначала на мѣстахъ ровныхъ, потомъ поднялся на холмы и, опять спустясь въ равнину, опустошалъ все. Самая быстрота не давала возможности помочь горю, а развитію огня способствовали узкія кривыя улицы, бросавшіяся то въ ту, то въ другую сторону и сплошныя громадныя строенія—таковъ былъ видъ древняго Рима. Вездѣ раздавался плачь оробѣвшихъ женщинъ, слабые старики и малые дѣти метались туда и сюда; одни заботились о себѣ, другіе о близкихъ; одни тащили слабыхъ, другіе дожидались и то, оставаясь на мѣстѣ, то спѣша, торопливо производили общее замѣшательство. Нерѣдко обративъ все вниманіе на то, что дѣлалось сзади, захватываемы были огнемъ

спереди или съ боковъ, или если и удавалось уходить въ мѣста ближайшія, и тамъ настигалъ огонь и что считалось отдаленнымъ, подвергалось все той же случайности. Наконецъ, не зная куда дѣваться и чего убѣгать, наполнили улицы, расположились по полямъ. Нѣкоторые, утративъ все состояніе, даже дневное пропитаніе, другіе же изъ жалости по своимъ, которыхъ исхитить изъ пламени не были въ состояніи, гибли, хотя и имѣли возможность спастись. И никто не дерзалъ бороться съ огнемъ, вслѣдствіе частыхъ угрозъ многихъ лицъ, препятствовавшихъ тушить; другіе даже явно подбрасывали факелы, громко крича, что они это исполняютъ чью то волю; можетъ быть съ цѣлью свободнѣе заниматься грабежемъ, а можетъ и вправду по чьему либо приказанію.

39. Въ это время Неронъ находился въ Анціѣ и не прежде вернулся въ городъ, какъ огонь сталъ приближаться къ его дому, который онъ пристроилъ къ дворцу и садамъ Мецената. Впрочемъ всѣ усилія остановить огонь были тщетны и онъ истребилъ дворецъ, домъ и все что окружало ихъ. Бездомному и бѣжавшему народу открыто убѣжище на Марсовомъ полѣ и въ памятникахъ Агриппы; Неронъ открылъ даже для него свои сады; выстроилъ временныя строенія для помѣщенія неимущихъ гражданъ; всѣ необходимыя хозяйственныя вещи подвезены изъ Остіи и ближайшихъ муниципій; цѣна хлѣба понижена до трехъ мелкихъ монетъ. Всѣ эти мѣры, хотя и въ пользу народа, не производили на него должнаго впечатлѣнія, такъ какъ распространился слухъ, что въ самое время пожара, Неронъ вступилъ на сцену своего домашняго театра и воспѣвалъ гибель Трои, приравнивая настоящее бѣдствіе съ древнимъ.

40. Наконецъ на шестой день внизу Есквилій положенъ конецъ пожару разрушеніемъ на необъятное пространство строеній, для того чтобы разрушительному пламени не предоставить другой пищи, кромѣ ровнаго мѣста и открытаго неба. Еще не улегся страхъ, а снова показался огонь, хотя и легче и въ болѣе открытыхъ мѣстахъ города, вслѣдствіе чего менѣе было потерь между людьми. Всего значительнѣе было разрушеніе капищъ боговъ и портика *прелести* посвящоннаго. Этотъ пожаръ подалъ поводъ къ еще болѣе дурнымъ слухамъ, такъ какъ огонь обнаружился въ строеніяхъ Емиліанскихъ. Полагали, что Неронъ домогается славы построенія новаго города съ тѣмъ, чтобы назвать его своимъ именемъ. Римъ, въ то время, дѣлился на четыр-

надцать округовъ; изъ нихъ четыре оставались невредимыми; три разрушены до основанія, а въ остальныхъ семи оставались изрѣдка слѣды строеній полуразрушенныхъ пламенемъ.

41. Было бы неудобно (невозможно) счесть все количество домовъ, лавокъ и храмовъ, тутъ погибшихъ; но древнѣйшія религіозныя воспоминанія, храмы, построенные Сервіемъ Тулліемъ Лунѣ, великій жертвенникъ и часовня, посвященныя Аркадцемъ Евандромъ Геркулесу лично, храмъ Юпитера Статора, воздвигнутый обѣтомъ Ромула, дворецъ Нумы и капище Весты съ богами, хранителями народа Римскаго — погибли въ огнѣ. Богатства, снисканныя столькими побѣдами, лучшія произведенія Греческаго искусства, даже умственные памятники древніе и неиспорченные, не смотря на всю красоту возставшаго изъ пепла города, не могли быть отысканы, а ихъ помнили многіе старики. Нашлись нѣкоторые замѣтить, что начало пожара случилось въ 14-й день Секстильскихъ календъ и что въ этотъ самый день Сеноны взятый ими городъ предали огню. Другіе до того простерли свою заботливость, что начли между тѣмъ и другимъ пожаромъ тоже число лѣтъ, мѣсяцевъ и дней.

42. Какъ бы то ни было, а Неронъ развалины отечества употребилъ на постройку себѣ дома; въ немъ заслуживали удивленіе уже не драгоцѣнныя камни и золото, предметы обычные и вслѣдствіе безмѣрной роскоши опошлившіеся, а цѣлые поля, озера и на подобіе пустынь тутъ лѣса, а тамъ открытыя мѣста и виды. Подали мысль и въ исполненіе привели Северъ и Целеръ; смѣлымъ умомъ своимъ они пытались искусствомъ выполнить то, въ чемъ отказала природа и тѣшиться средствами государя. Такъ они ему обѣщали: провести судоходный каналъ отъ Авернскаго озера до устья Тибра по грязнымъ берегамъ, по встрѣчнымъ горамъ. Но тутъ, по отсутствію влажности, неоткуда было взять воды, кромѣ болотъ Помптинскихъ; остальное — крутизны или мѣста безплодныя; да если бы и въ самомъ дѣлѣ возможно было прорыть каналъ, то—трудъ необъятный и недостаточно оправданный. Однако Неронъ, страстный охотникъ до всего, что повидимому превосходило всякую возможность, пытался прорвать горный хребетъ, ближайшій къ Аверну; остаются слѣды надежды оставшейся вотще.

43. Остальное города, незахваченное домомъ, не такъ какъ послѣ Галльскаго пожара безо всякаго разбора, какъ пришлось застроено, но размѣрены пространства кварталовъ и оставлены

широкія улицы; вышинѣ строеній назначена мѣра, сдѣланы открытые дворы и устроены съ лицевой стороны для ихъ прикрытія портики. Неронъ обѣщалъ, что ихъ устроитъ на свои деньги, а хозяевамъ передастъ мѣста ихъ домовъ расчищенными. Присоединилъ раздачу денежныхъ суммъ согласно съ состояніемъ и общественнымъ положеніемъ каждаго и назначилъ срокъ въ какой они должны были вступить во владѣніе выстроенными домами или лавками: «для принятія обломковъ назначилъ Остій-«скія болота и приказалъ, чтобы суда, привозившія хлѣбъ по «Тибру на обратномъ пути брали съ собою грузъ мусора. Строе-«нія въ назначенной ихъ части должны были взводиться безъ «поперечныхъ брусьевъ, будучи скрѣпляемы камнемъ Гобинскимъ «и Албанскимъ—такъ какъ онъ недоступенъ огню. Такъ какъ «воду перехватывали своевольно частныя лица, то чтобы въ боль-«шемъ количествѣ и многочисленнѣйшихъ мѣстахъ протекала она «для общаго употребленія, поставлены сторожа и каждый долженъ «былъ имѣть на видномъ мѣстѣ вспомогательныя средства для «тушенія огня. Запрещено имѣть общія стѣны, но каждое стро-«еніе должно было имѣть свои собственныя.» Все это предпринятое, въ видахъ пользы, содѣйствовало и красотѣ новаго города. Нашлись впрочемъ и такіе, которые полагали: «прежній «способъ постройки болѣе способствовалъ здоровью; узкія улицы «и вышина строеній не такъ то давали ходъ жару солнца, а «теперь полный просторъ широкихъ улицъ, гдѣ нѣтъ защиты въ «тѣни, содѣйствуютъ болѣе тяжкому развитію зноя.»

44. Такія то мѣры приняты были человѣческою предусмотрительностью. Вслѣдъ за тѣмъ пытались умилостивить боговъ, заглянули въ Сивиллины книги и по нимъ принесены мольбы Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ, а Юнону старались умилостивить женщины замужнія, сначала въ Капитоліѣ, а потомъ у ближайшаго моря; почерпнутою оттуда водою оросили храмъ и изображеніе богини; пиршествомъ и всенощнымъ бдѣніемъ отпраздновали женщины, у коихъ были мужья. Но ни средствами человѣческими, ни щедростью государя, ни умилостивленіемъ боговъ не уничтожилась дурная молва, будто этотъ пожаръ произошелъ по приказанію. Чтобы положить слухамъ конецъ Неронъ подыскалъ виновныхъ и примѣнилъ самыя изысканныя муки къ тѣмъ, которыхъ, ненавистныхъ за ихъ злодѣянія, народъ называлъ христіанами. Виновникомъ наименованія этого былъ Христосъ, котораго, въ правленіе Тиберія, казнилъ прокураторъ Понтій Пилатъ. Подавленное на этотъ

разъ пагубное суевѣріе снова обнаружилось не только въ Іудеи, колыбели этого зла, но даже и въ городѣ, куда отовсюду стекается и гдѣ развивается все ужасное и срамное. Сначала схвачены тѣ, которые сознавались, потомъ по ихъ показанію огромное множество уличенныхъ не столько въ причиненіи пожара, сколько въ ненависти ко всему человѣчесому роду. Губили ихъ съ посмѣяніемъ, какъ то: покрывали кожами звѣрей и отдавали на растерзаніе собакамъ, распинали на крестахъ, или предавали огню, такъ что когда угасалъ день, ихъ зажигали вмѣсто ночнаго освѣщенія. Для этого зрѣлища Неронъ отвелъ сады свои и давалъ цирценскія игры, въ одеждѣ кучера (правящаго колесницею) теряясь въ толпѣ народа, или управляя экипажемъ. Вслѣдствіе этого, хотя въ отношеніи виновныхъ и заслужившихъ самыя строгія наказанія, возникало состраданіе, будто они (христіане) гибли не въ видахъ общественной пользы, но на удовлетвореніе жестокости одного.

45. Между тѣмъ Италія предана грабежу для добытія денегъ; провинціи, союзные народы и города, именуемые свободными, разорены. И боги принесли свою часть добычи; обобраны въ городѣ храмы и вынесено золото, освященное вслѣдствіе тріумфовъ, обѣтовъ во всѣ возрасты народа Римскаго въ минуты счастія или опасеній. А по Азіи и Ахаіѣ уже не приношенія только, но самыя изображенія боговъ похищали; въ эти провинціи посланы были Арратъ и Секундъ Каринатъ; первый отпущенникъ, готовый на всякое злодѣйство, а второй, пріобрѣтя внѣшность Греческаго образованія, не обогатилъ умъ добрыми правилами. Говорятъ, что Сенека, чтобы отклонить отъ себя всю ненавистность святотатства, просилъ дозволенія—уединиться въ отдаленную деревню, но не получивъ его, притворился больнымъ нервами и не выходилъ изъ спальни. Нѣкоторые передали, будто бы ему былъ приготовленъ ядъ отпущенникомъ его по имени Клеоникомъ, вслѣдствіе приказанія Нерона; но Сенека избѣгнулъ его; выдалъ ли свою тайну самъ отпущенникъ или вслѣдствіе собственныхъ опасеній, ведя самый простой образъ жизни и питаясь одними древесными плодами, а въ питье употребляя одну лишь ключевую воду.

46. Около этого же времени гладіаторы у города Пренесты, пытаясь вырваться на свободу, усмирены отрядомъ воиновъ, находившимся тамъ для стражи. Толковали уже о Спартакѣ и бывшемъ давно бѣдствіи въ народѣ, жадномъ до всего новаго и склонномъ къ опасеніямъ. Немного спустя получается извѣстіе о несчастіи, постигшемъ флотъ и не на войнѣ—врядъ ли когда еще царствовало

такое полное спокойствіе—но Неронъ приказалъ флоту вернуться въ Кампанію къ назначенному дню, не дѣлая исключенія для случайностей моря. Вслѣдствіе этого кормчіе, не смотря на бурное море, отплыли изъ Формій и, при сильномъ отъ Африки дувшемъ вѣтрѣ, въ попыткахъ обогнуть Мизенскій мысъ отброшены къ берегамъ Кумъ и утратили тамъ большую часть триремъ, а мѣстами и меньшаго размѣра суда.

47. Въ концѣ года обнаружились чудесныя явленія, предвѣстники уже близкихъ бѣдствій. Молніи были такъ сильны и часты, какъ еще никогда и появилась комета, явленіе, вызывавшее постоянно Нерона на пролитіе именитой крови. Двуглавыя порожденія людей и другихъ животныхъ брошены всенародно или найдены въ жертвоприношеніяхъ, гдѣ обычай требуетъ заколать беременныхъ животныхъ. На Плацентинскомъ полѣ, подлѣ дороги, родился теленокъ, у котораго голова была будто быдляшка. Послѣдовало толкованіе гадателей: «готовится порядкамъ человѣческимъ новая гла-«ва, но не получитъ силы и не скроется—такъ какъ подавленная «во чревѣ, родилась подлѣ дороги».

48. Вступили потомъ въ консульство Силій Нерва и Аттикъ Вестанъ, когда уже начался и усилился заговоръ, на который наперерывъ давали имена сенаторы, всадники, воины, даже женщины, частью изъ ненависти къ Нерону, частью изъ расположенія къ К. Пизону. Онъ, происходя отъ рода Кальпурніевъ и въ наслѣдственной знатности, сосредоточивъ кровь многихъ знатныхъ семействъ, пользовался въ народѣ почетною извѣстностью за свои добродѣтели или, по крайней мѣрѣ, за качества къ нимъ подходящія. Краснорѣчіе свое употреблялъ онъ на защиту гражданъ, былъ щедръ въ отношеніи къ друзьямъ и съ незнакомыми обходился при свиданіи вѣжливо и ласково. Имѣлъ онъ и дары случая: высокій ростомъ, красивъ лицомъ; но далекъ онъ былъ строгости нравовъ или умѣренности въ наслажденіяхъ; охотно предавался онъ безпечности, роскоши, а иногда и сладострастію. И это у многихъ заслуживало одобреніе, такъ какъ, при увлекательной прелести пороковъ, каждый хотѣлъ въ представителѣ верховной власти видѣть человѣка не упорнаго и строгаго.

49. Заговоръ начался не отъ собственнаго стремленія Пизона; да и не легко мнѣ припомнить, кто былъ первый его виновникъ, по чьему побужденію возъимѣло начало то, за что взялись столь многіе. Что всего усерднѣе были Субрій Флавій, трибунъ преторіанской когорты и сотникъ Сульпицій Аспръ—доказали твердость

ихъ конца. И Луканъ Анней и Плавтій Латеранъ, назначенный консулъ, внесли полную жизни ненависть. Лукана разжигали его собственныя личныя побужденія, такъ какъ славу его стихотворныхъ произведеній подавлялъ Неронъ изъ пустаго соревнованія, запретивъ ихъ выпускать въ свѣтъ. Латерана, назначеннаго консула, заставило принять участіе въ заговорѣ не оскорбленіе какое либо, но любовь къ общему благу. Флавій Сцевинъ и Афраній Квинкціанъ, и тотъ и другой сенаторскаго сословія, сдѣлались участниками такого замысла свыше ожиданій, какія отъ нихъ имѣли. Умственныя способности Сцевина разслабѣли отъ сладострастія и вслѣдствіе этого жизнь его проходила въ сонливости. Квинкціанъ изнѣженностью тѣла въ худой славѣ, осмѣянный Нерономъ въ сатирическихъ стихахъ, мстилъ за свое личное оскорбленіе.

50. Такимъ образомъ, толкуя между себя и съ пріятелями, «что «государь совершаетъ преступленія, близокъ конецъ Имперіи и не«обходимо выбрать человѣка, который помогъ бы при такомъ об«щемъ изнеможеніи всего» — присоединили къ себѣ Туллія Сенеціона, Церварія Прокула, Вулкація Арарика, Юлія Тугурина, Мунація Грата, Антонія Наталиса, Марція Феста, всадниковъ Римскихъ; изъ нихъ Сенеціонъ былъ изъ числа самыхъ близкихъ къ Нерону лицъ и еще въ то время пользовался, повидимому, его расположеніемъ; тѣмъ большая опасность ему грозила. Съ Наталисомъ Пизонъ дѣлилъ свои самыя тайныя думы; остальные всего надѣялись отъ переворота. Присоединены, кромѣ Субрія и Сульпиція, о которыхъ я уже упомянулъ, люди военные: Граній Сильванъ и Статій Проксимъ, трибуны когортъ преторіанскихъ, Максимъ Скавръ и Венетъ Павилъ, сотники. Но главная сила заключалась повидимому въ префектѣ Фенiѣ Руфѣ; его, хвалимаго за образъ жизни и добрую славу, жестокостью и безстыдствомъ опережалъ Тигеллинъ въ расположеніи государя, тѣснилъ обвиненіями и не разъ наводилъ на серьезныя опасенія какъ на бывшаго любовника Агриппины, изъ жалости къ ней помышляющаго объ отомщеніи. А потому, когда заговорщики убѣдились изъ собственныхъ неоднократно повторяемыхъ его словъ, что и префектъ преторія сталъ за одно съ ними, то уже рѣшительнѣе стали толковать о времени и мѣстѣ убійства. Говорили, что сдѣлать нападеніе взялся Субрій Флавій, предположившій броситься на Нерона, когда онъ будетъ пѣть на сценѣ, или, когда среди пылающаго дома, ночью онъ будетъ бѣгать туда и сюда, никѣмъ не охраняемый. Тутъ случайность одиночества, тамъ самое многолюдство, долженствовав-

шее быть свидѣтелемъ такого прекраснаго поступка—поощряли возвышенный духъ; но удержало желаніе безнаказанности, постоянный врагъ великихъ начинаній.

51. Пока заговорщики медлили и тянули въ даль свои и надежды и опасенія, нѣкто Епихарисъ, неизвѣстно какимъ образомъ разузнавъ (до того не было ей никакой заботы о чемъ либо добропорядочномъ) поджигала и пеняла заговорщиковъ: наконецъ, наскучивъ ихъ медлительностью, и живя въ Кампаніи, она пыталась завлечь главнѣйшихъ изъ моряковъ Мизенскихъ къ соучастію въ заговорѣ, такимъ образомъ: былъ хиліархъ въ томъ флотѣ Волузій Прокулъ, участвовавшій въ числѣ исполнителей убійства матери Нерона, но недостаточно какъ онъ полагалъ вознагражденный за громадность злодѣйства. Онъ высказалъ свои заслуги въ отношеніи Нерона и какъ они безплодны для него остались, присоединилъ жалобы и намѣреніе свое отомстить, если бы представился случай, подалъ надежду, что можно задобрить и еще большее число. И не мало значительно было бы содѣйствіе флота; ему предстояли бы частые случаи, такъ какъ Нерону нравилось долговременное пребываніе у Путеолъ и Мизена. Тогда Епихарисъ еще больше стала высказывать всѣ преступныя дѣйствія государя: «и не хвалится она тѣмъ, что не имѣло бы «никакого основанія, предусмотрѣно какъ онъ долженъ понесть «наказаніе за ниспроверженіе общественнаго строя; пусть онъ толь«ко возмется оказать свое содѣйствіе и поведетъ воиновъ туда, «гдѣ больше будетъ дѣла, за что пусть и ожидаетъ достойной «награды.» Имена заговорщиковъ она, впрочемъ, скрыла; вслѣдствіе чего доносъ Прокула оказался безполезнымъ, хотя онъ слышанное имъ и сообщилъ Нерону. Епихарисъ, будучи призвана и поставленная на очную ставку съ доносчикомъ, безъ труда опровергла то, что не основывалось ни на какихъ свидѣтеляхъ; но сама удержана подъ стражею, такъ какъ Неронъ подозрѣвалъ, что не лживъ доносъ, хотя и не было доказательствъ его справедливости.

52. Однако заговорщики, встревоженные опасеніемъ, какъ бы ихъ не выдали, положили поспѣшить убійствомъ у Байй въ виллѣ Пизона; Цезарь, увлеченный красотою мѣстности, бывалъ тамъ часто, обѣдалъ и бралъ ванны, оставивъ почетную стражу и бремя своего высокаго положенія; но отказался Пизонъ, выставивъ всю мерзость поступка, если святыня стола и боги гостепріимства будутъ орошены кровью государя, какъ бы онъ дуренъ ни

*

былъ; лучше совершить это дѣло въ городѣ въ томъ ненавистномъ и воздвигнутомъ изъ достоянія отнятаго у гражданъ домѣ, или всенародно привести въ исполненіе то, что они и приняли на себя въ виду общей пользы. Такъ онъ говорилъ при всѣхъ, а, впрочемъ, было скрытое опасеніе, какъ бы Л. Силанъ, очень знатнаго рода, примѣромъ К. Кассія, у котораго былъ воспитанъ, приготовленный ко всякому самому высокому положенію, не захватилъ верховной власти, при готовомъ содѣйствіи тѣхъ, которые заговору непричастные обнаружили бы состраданіе къ Нерону, какъ жертвѣ преступнаго умысла. Большинство было того убѣжденія, что Пизонъ избѣгалъ консула Вестана, человѣка съ умомъ рѣшительнымъ и предпріимчивымъ—какъ бы онъ не склонился на сторону свободы, или избраніемъ другаго императора не присвоилъ бы себѣ высокаго значенія въ государствѣ. Онъ дѣйствительно былъ чуждъ заговора, что, впрочемъ, не воспрепятствовало Нерону вымѣстить на невинномъ старинную ненависть, обвинивъ его въ соучастіи.

53. Наконецъ постановили—въ день цирценскихъ игръ, которыя празднуются въ честь Цереры—привести въ исполненіе свой умыселъ, такъ какъ Цезарь, выходившій рѣдко, заключившись въ домѣ, или въ садахъ, посѣщалъ забавы цирка и доступнѣе былъ вслѣдствіе веселостей зрѣлища. Порядокъ исполненія постановили такой: «Латеранъ, какъ бы прося о пособіи «при своихъ недостаточныхъ домашнихъ средствахъ, умоляя, дол«женъ былъ упасть къ ногамъ государя и повалить его ничего «не ожидавшаго и придавить—смѣлымъ духомъ и громадный «тѣломъ. Тутъ на лежащаго и несвободнаго въ движеніяхъ, «трибуны, сотники и прочіе, у кого только хватило бы смѣло«сти, должны были броситься и умертвить.» Первую роль при этомъ требовалъ себѣ Сцевинъ; онъ утащилъ кинжалъ изъ храма Спасенія (въ Этруріи) или какъ другіе передаютъ, изъ храма Счастія въ Ферентинскомъ городѣ и носилъ какъ освященный на великое дѣло. Между тѣмъ Пизонъ долженъ былъ дожидаться у храма Цереры; оттуда его, префектъ Феній и прочіе взявъ, должны были нести въ лагерь въ сопровожденіи Антоніи, дочери Клавдія Цезаря, съ цѣлью привлечь расположеніе народа; такъ разсказываетъ К. Плиній. А мы, какъ бы это ни было передано, не сочли нужнымъ скрыть, какъ ни безсмысленнымъ повидимому кажется—какъ Антоніѣ, въ виду пустыхъ надеждъ употребить имя свое въ такое опасное дѣло, такъ и Пизону, котораго из-

вѣстна была любовь къ женѣ, связать себя другими брачными узами; но вѣдь страсть къ владычеству пересиливаетъ всѣ другія привязанности.

54. Удивительно было какъ при такомъ разнообразіи сословій, возрастовъ, пола—и богатые и бѣдные всѣ одинаково хранили глубокое молчаніе. Наконецъ измѣна началась съ дому Сцевина; онъ наканунѣ исполненія послѣ долгаго разговора съ Антоніемъ Наталисомъ, возвратился домой и скрѣпилъ печатью духовное завѣщаніе. Вынувъ изъ ноженъ кинжалъ, о которомъ я говорилъ выше, съ упрекомъ, нашелъ его затупѣвшимъ отъ долгаго времени, приказалъ отточить на камнѣ и выострить хорошенько лезвіе, поручивъ это дѣло заботливости отпущенника Милиха. Вмѣстѣ съ тѣмъ началось пиршество обильнѣе обыкновеннаго; любимѣйшіе изъ рабовъ получили свободу, а другіе и деньги. Ясно было, что самъ онъ грустилъ и погруженъ былъ въ глубокое размышленіе, хотя въ незначительныхъ разговорахъ старался выказать притворную веселость. Наконецъ тому же Милиху велитъ приготовить перевязи для ранъ, которыми останавливаютъ кровь. Зналъ ли Милихъ о заговорѣ и до того времени оставался вѣренъ, или не зналъ и тутъ только возъимѣлъ подозрѣніе—какъ большинство передало при разсказѣ о послѣдовавшихъ событіяхъ. Когда рабскій умъ сообразилъ награду за вѣроломство, причемъ въ мечтахъ носились громадныя деньги и могущество—то забылъ о долгѣ, безопасности хозяина и благодарности за полученную свободу. Взялъ онъ совѣтъ и у жены—свойственный женщинѣ и клонившійся къ дурному, такъ какъ она сама же напугала его: «много было при этомъ свободныхъ «и рабовъ, бывшихъ свидѣтелями того же самаго; молчаніе од«ного не принесетъ никакой пользы, а награда будетъ принад«лежать одному, кто предупредитъ своимъ показаніемъ.»

55. А потому съ разсвѣтомъ Милихъ отправился въ Сервиліанскіе сады и, когда его не пускали въ ворота, высказалъ неоднократно, что онъ имѣетъ сообщить важное и опасное. Привратники отвели его къ отпущеннику Нерона—Епафродиту, а тотъ тотчасъ же къ Нерону, сообщаетъ о грозящей ему опасности, о важномъ заговорѣ и передаетъ и слышанное, и свои догадки, показываетъ оружіе, приготовленное на его убійство, и предлагаетъ призвать обвиненнаго. Тотъ схваченъ воинами и началъ защищаться: «оружіе, которымъ его уличаютъ, какъ на«слѣдственная вещь, была сберегаема тщательно, находилось въ

«его спальнѣ и похищено коварствомъ отпущенника. Не разъ «уже скрѣплялъ онъ печатью духовное завѣщаніе, не обращая «вниманія на дни, когда это приходилось. Деньги и свободу и «прежде давалъ рабамъ, а теперь еще съ большею щедростью «вслѣдствіе того, что при небольшихъ уже домашнихъ средствахъ «и притязаніяхъ кредиторовъ, сомнѣвается въ силѣ духовнаго «завѣщанія. Дѣйствительно онъ постоянно устраивалъ роскошные «пиры, велъ жизнь веселую и такую, которая могла заслужить «очень мало одобренія отъ строгихъ судей. Вовсе не приказы«валъ онъ никакихъ перевязокъ отъ ранъ, но такъ какъ и ос«тальное онъ высказалъ явно неосновательное, то и присовокуп«ляетъ обвиненіе, чтобы въ одно и тоже врмя быть и донос«чикомъ и свидѣтелемъ.» Слова эти сопровождалъ твердостью; съ своей стороны поноситъ какъ преступнаго и безсовѣстнаго съ такою увѣренностью въ голосѣ и выраженіи лица, что подорвалъ бы доносъ, если бы Милиха не предупредила жена: «Антоній «Наталисъ многое тайно говорилъ съ Сцевиномъ и что тотъ и «другой близкіе пріятели К. Пизону.»

56. Вслѣдствіе этого призываютъ Наталиса и норознь ихъ распрашиваютъ: «что это за разговоры были и о какомъ пред«метѣ?» Возникло подозрѣніе вслѣдствіе ихъ разнорѣчивыхъ отвѣтовъ; заключены въ оковы; не снесли вида пытки и угрозъ. Впрочемъ первый Наталисъ, болѣе знакомый со всѣмъ ходомъ заговора и вмѣстѣ болѣе опытный въ обличеніи, сначала сознается относительно Пизона, потомъ присоединяетъ Аннея Сенеку, потому ли, что черезъ него велись переговоры между Сенекою и Пизономъ, или для того, чтобы .снискать себѣ благорасположеніе Нерона; враждебный Сенекѣ онъ изыскивалъ всѣ способы погубить его. Тутъ, узнавъ о показаніи Наталиса, и Сцевинъ, по такой же слабости, полагая, что все уже открыто и что молчаніемъ ничего больше не выиграешъ, выдалъ и остальныхъ; изъ нихъ Луканъ, Квинціанъ и Сенеціо долго не сознавались, но потомъ соблазнясь обѣщанною имъ безнаказанностью, и какъ бы въ извиненіе своей медленности, назвали Луканъ— мать свою, Атиллу; Квинкціанъ—Глитія Галла, Сенеціо—Аннія Полліона, главныхъ своихъ друзей.

57. Между тѣмъ Неронъ вспомнилъ, что по доносу Волузія Прокула содержится въ заключеніи Епихарисъ и, имѣя въ виду что тѣло женское очень чувствительно боли—приказываетъ истерзать ее пытками. Ее ни побои, ни огонь, ни раздраженіе пы-

тавшихъ ее, вслѣдствіе какъ бы пренебреженія ихъ женщиною, не могли заставить отказаться отъ прежняго отрицанія. Такъ первый день пытки прошелъ безъ пользы; наконецъ, когда ее тащили на тѣ же мученія, посадивъ на кресло (вывихнутые члены не позволяли ей болѣе стоять) перевязку, бывшую у ней на груди, стащила, и завязавъ въ родѣ петли къ спинкѣ (дугѣ) кресла, вложила шею и усиливаясь тяжестью тѣла испустила и безъ того уже слабый духъ. Женщина—отпущенница показала похвальный примѣръ и въ такой крайности прикрыла людей ей чужихъ и почти незнакомыхъ, между тѣмъ, какъ люди благороднаго происхожденія, всадники Римскіе и сенаторы, не тронутые пыткою, выдали всѣхъ кто только былъ имъ ближе и дороже. Не переставали Луканъ, Сенеціо и Квинкціанъ именовать то тѣхъ и другихъ изъ соучастниковъ къ все болѣе и болѣе усиливавшемуся страху Нерона, не смотря на то, что онъ окружилъ себя до крайности многочисленными караулами.

58. Даже самый городъ, занявъ вооруженными отрядами стѣны, прикрывъ ими рѣку и море, какъ бы отдалъ подъ стражу. Рыскали по форуму, по домамъ, даже по деревнямъ и сосѣднимъ муниципіямъ пѣхотинцы и всадники, перемѣшанные съ Германцами, коимъ, какъ иноземцамъ, наиболѣе довѣрялъ государь. Постоянно съ разныхъ сторонъ влекли сплошными толпами и оставляли ихъ у воротъ садовъ. Когда они входили для свиданія или допросовъ, то за вину ставили: не только радость при видѣ кого либо изъ заговорщиковъ, но и случайный разговоръ, неожиданную встрѣчу, то если вмѣстѣ входили на пиршество или на зрѣлище. Кромѣ суровыхъ распросовъ со стороны Нерона и Тигеллина, и Феній Руфъ сильно тѣснилъ, не будучи еще наименованъ въ показаніяхъ, но тѣмъ неумолимѣе къ соучастникамъ, что хотѣлъ показать будто ничего не зналъ. Онъ же Субрію Флавію, бывшему тутъ и мигнувшему—не обнажить ли мечь во время самаго изслѣдованія и совершить убійство, сдѣлалъ отрицательный знакъ головою и сдержалъ порывъ Субрія, уже заносившаго руку къ мечу.

59. Нашлись люди, которые и по открытіи заговора, пока выслушивали Милиха, пока колебался Сцевинъ, убѣждали Пизона: «отправиться въ лагерь или взойдти на ростры, испытать «расположеніе умовъ воиновъ и народа. Если въ его покушеніи «послѣдуютъ за нимъ единомышленники, то и неучаствовавшіе «пойдутъ за одно. Большой слухъ пройдетъ о начавшемся вол-

«неніи, а онъ то всего то болѣе и значитъ въ новыхъ замыс-«лахъ. Со стороны же Нерона на этотъ случай ничего не пре-«дусмотрѣно; люди и самые твердые робѣютъ отъ неожиданности, «а чѣмъ болѣе этотъ актеръ, въ сопровожденіи ли Тигеллина и «соучастниковъ своего разврата обнажитъ мечъ? Многое, при ис-«полненіи, оказалось надежнымъ, что безпечнымъ казалось прежде «затруднительнымъ. Напрасно было бы ждать молчанія или пре-«данности при такомъ разнообразіи и мыслей и сложенія соучаст-«никовъ. Пытка и деньги вездѣ проложатъ себѣ путь. Придутъ— «свяжутъ его самого и наконецъ подвергнутъ позорной казни. Не «гораздо ли похвальнѣе погибнуть, взявшись за дѣло обществен-«ное, призывая на помощь свободѣ. Пусть лучше воины не при-«мутъ участія и народъ покинетъ, лишъ бы онъ самъ своею «смертью снискалъ одобреніе и предковъ и потомства, въ случаѣ «если бы жизнь и была бы у него исторгнута.» Нетронутый этимъ и повертѣвшись немного въ обществѣ, потомъ заперся дома, укрѣпляя свой духъ на угрожавшій ему конецъ, пока не пришелъ отрядъ воиновъ, набранныхъ Нерономъ изъ рекрутовъ или только недавно начавшихъ службу, а старыхъ воиновъ опасался, какъ питавшихъ будтобы расположеніе къ Пизону. Умеръ онъ, перерѣзавъ кровяныя жилы рукъ. Изъ любви къ женѣ наполнилъ онъ завѣщаніе постыдною лестью Нерону. Жена его была роду простаго, замѣчательная только красотою тѣла; онъ ее отнялъ у пріятеля, за которымъ она была замужемъ. Женщину эту звали Арріа Галла; перваго мужа—Домицій Силъ; онъ снисходительностью, а она безстыдствомъ только распространили безславіе Пизона.

60. Къ этой казни Неронъ присоединилъ немедленно казнь Плавтія Латерана, назначеннаго консула и такъ быстро, что не дали ему даже времени обнять дѣтей, этой неизбѣжной и кратковременной отсрочки смерти. Увлеченъ въ мѣсто, отведенное для казни рабовъ и умерщвленъ рукою Стація трибуна; онъ хранилъ упорное молчаніе и не попрекнулъ трибуна соучастіемъ въ заговорѣ. Послѣдовала казнь Аннея Сенеки, государю въ высшей степени пріятная не потому, чтобы онъ дѣйствительно убѣдился въ его соучастіи въ заговорѣ, но чтобы оружіемъ покончить того, противъ котораго ядъ оказался безуспѣшнымъ. Только одинъ Наталисъ сдѣлалъ показаніе на Сенеку, да и то въ такихъ словахъ: «посланъ онъ былъ къ больному Сенекѣ — повидаться и «спросить: почему онъ не хочетъ принимать Пизона? лучше было

«бы дружескимъ разговоромъ скрѣпить пріязнь.» На что Сенека отвѣчалъ: «взаимныя объясненія и частые разговоры неполезны «имъ обоимъ, впрочемъ его безопасность опирается на безопас- «ности Пизона.» Приказано Гранію Сильвану, трибуну преторіанской когорты, передать это Сенекѣ и спросить его сознаетъ ли онъ слова Наталиса и свой отвѣтъ? «Сенека случайно ли «или съ умысломъ, къ этому дню возвратился изъ Кампаніи и «остановился у четвертаго милеваго камня въ подгороднемъ имѣ- «ніи. Туда то, въ слѣдующій вечеръ, прибылъ трибунъ и окру- «жилъ виллу толпами воиновъ; а ему, сидѣвшему за обѣденнымъ «столомъ съ Помпеею Павлиною, женою его и двумя пріятелями, «передалъ порученія императора.»

61. Сенека далъ отвѣтъ: «присланъ былъ къ нему Ната- «лисъ съ жалобою отъ имени Пизона, что его не допускаютъ «съ нимъ видѣться, а что онъ, Сенека, извинился состоянеміъ «здоровья и любовью къ спокойствію. Не было ему (Сенекѣ) по- «вода безопасность частнаго человѣка ставить выше собствен- «ной, и это всего болѣе должно быть извѣстно Нерону, чаще испы- «тавшему его вольныя чѣмъ рабскія рѣчи.» Когда трибунъ принесъ этотъ отвѣтъ—тутъ находились Тигеллинъ и Поппеа—ближайшіе совѣтники государю въ его жестокостяхъ;—его спросилъ Неронъ: «готовится ли Сенека къ добровольной смерти.» Трибунъ завѣрилъ, что не замѣтилъ онъ ни малѣйшаго признака страха и ничего грустнаго ни въ словахъ, ни въ выраженіи лица. Тутъ онъ получаетъ приказаніе воротиться и объявить смерть. Передаетъ Фабій Рустикъ: «не тѣмъ путемъ вернулся какимъ «ходилъ, а зашелъ къ Фенію префекту и, изложивъ приказанія «Цезаря, спрашивалъ—повиноваться ли и получилъ совѣтъ—ис- «полнить то, что ему приказано.» Какоето роковое общее оцѣпененіе! И Сильванъ находился въ числѣ заговорщиковъ, но увеличивалъ преступленія, на возмездіе которыхъ высказалъ было свое согласіе. Впрочемъ, не рѣшился самъ ни показаться, ни говорить; впустилъ онъ къ Сенекѣ одного изъ сотниковъ—объяснить печальную необходимость.

62. Тотъ, не устрашась, потребовалъ нужное, чтобы написать духовное завѣщаніе, а на отказъ сотника обратясь къ друзьямъ: «такъ какъ ему запрещаютъ выразить признательность за ихъ «заслуги,» то онъ оставляетъ имъ, что по его свидѣтельству онъ имѣетъ единственное и превосходнѣйшее — примѣръ своей жизни; если они будутъ имѣть ее постоянно въ памяти, то и

пріобрѣтутъ похвалу за добрую нравственность, и окажутъ постоянство въ дружбѣ. «Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался удержать слезы «ихъ то бесѣдою, то съ большею настойчивостью въ родѣ выговора, напоминая имъ имѣть болѣе твердости, спрашивалъ: гдѣ же «наставленія мудрости? Гдѣ въ теченіи столькихъ лѣтъ обду«манныя средства противъ случайности? Кому неизвѣстна была «жестокость Нерона? Ему, по убіеніи матери и брата, не осталось «ничего болѣе какъ присоединить къ нимъ казнь воспитателя и «наставника.»

63. Высказывая такія то и въ этомъ родѣ рѣчи ко всѣмъ вообще, обнялъ жену и немного смягчась въ отношеніи теперешней твердости, проситъ, умоляетъ: «умѣрить печаль и не со«хранить ее навсегда, но, имѣя въ памяти жизнь, проведенную «въ добродѣтеляхъ, тоску по мужѣ умѣрять честными утѣшенія«ми. А та, съ своей стороны, утверждаетъ, что и ей назначена «смерть и требуетъ руки палача.» Тутъ Сенека, ея славѣ не противный, а также и вслѣдствіе любви, какъ бы нѣжно любимую не оставить на оскорбленія: «я тебѣ показалъ, чѣмъ «утѣшаться въ жизни, но ты предпочитаешь честную смерть; не «буду завидовать примѣру. Столь твердаго конца терпѣніе пусть «будетъ для обоихъ одинаково, а славы болѣе въ твоемъ концѣ. «Послѣ этого вмѣстѣ они открываютъ кровяныя жилы. Сенека, «такъ какъ его престарѣлое тѣло истомленное воздержаніемъ въ «пищѣ, весьма медленно выпускало кровь, открылъ жилы въ «верхней и нижней части ногъ. Мучимый сильными страданіями, «чтобы своею скорбью не ослабить твердость духа жены, да и «самому при видѣ ея мученій не почувствовать нетерпѣнія, со«вѣтуетъ—удалиться въ другую комнату. И въ послѣднія ми«нуты, неоставленный своимъ даромъ слова, позвавъ писцовъ, «изложилъ многое, что изданное въ свѣтъ его словами нахожу «излишнимъ здѣсь приводить.»

64. Неронъ, не питая собственно къ Павлинѣ ничего враждебнаго и желая предупредить толки о ненавистной жестокости, отдаетъ приказаніе— не дать ей умереть. По убѣжденію воиновъ, рабы и отпущенники перевязываютъ руки, останавливаютъ кровь—неизвѣстно съ ея ли вѣдома. Народъ, постоянно болѣе склонный принимать все въ дурную сторону и потому нашлись, которые были того убѣжденія, что Павлина до тѣхъ поръ искала славы общей смерти съ мужемъ, пока опасалась, что Неронъ неумолимъ, а когда представилась ей надежда на снисхо-

жденіе, то приманки жизни взяли свое. Пережила она мужа немного лѣтъ, сохранивъ достойную похвалы память о немъ; на лицѣ и во всѣхъ членахъ сохранила она такую блѣдность, которая обличала, что много жизненныхъ соковъ она утратила. Между тѣмъ Сенека, такъ какъ смерть приближалась медленно, умоляетъ Статія Аннея, котораго онъ издавна зналъ за вѣрнаго друга и искуснаго медика—дать ему давно уже приготовленный ядъ, которымъ губили осужденныхъ общественнымъ приговоромъ Аѳинянъ. Принесенный ядъ принялъ безъ пользы, уже охладѣвъ членами и тѣло оставалось нечувствительно для силы яда. Наконецъ онъ вошелъ въ баню горячей воды, окропивъ ближе стоявшихъ рабовъ, сказавъ при этомъ: возливаетъ онъ эту жидкость Юпитеру Освободителю. Вслѣдъ за тѣмъ, внесенный въ баню, отъ ея пара потерялъ дыханіе и тѣло его предано огню безо всякой пышности похоронъ. Такъ онъ приказалъ въ запискахъ и, будучи еще на верху могущества и богатства, думалъ о своемъ концѣ.

65. Былъ слухъ, будто Субрій Флавій съ сотниками тайно замышлялъ, впрочемъ не безъ вѣдома Сенеки при содѣйствіи Пизона умертвивъ Нерона, убить и самаго Пизона, а верховную власть ввѣрить Сенекѣ, какъ бы по выбору людей невинныхъ назначенному на высшую почесть. Даже при этомъ передавали слова Флавія: «не одинаково ли позорно будетъ, избавившись отъ гитариста, «поставить на его мѣсто трагическаго актера»,—такъ кахъ Неронъ игралъ на гитарѣ, а Пизонъ пѣлъ въ трагическомъ одѣяніи.

66. Впрочемъ и заговоръ между военными не скрылся долѣе; явились горячіе доносы къ обличенію Фенія Руфа, такъ какъ невыносимо было видѣть въ одномъ и томъ же лицѣ и соучастника и слѣдователя. Сцевинъ, когда Руфъ приставалъ къ нему упорными угрозами, сказалъ ему съ усмѣшкою: «никто такъ хорошо «не знаетъ всего, какъ ты самъ» и съ своей стороны увѣряетъ «воздать должное такому доброму государю». Не нашлось словъ у Фенія противъ этого и не смолчалъ онъ, но, замявшись, лепеталъ языкомъ въ явномъ испугѣ, а тутъ пристали и другіе съ обличеніемъ, въ особенности всадникъ Церварій Прокулъ. Императоръ отдалъ приказаніе воину Кассію, который тутъ же находился вслѣдствіе замѣчательной тѣлесной силы и тотъ схватилъ и связалъ Фенія.

67. Вслѣдъ за тѣмъ и показаніями тѣхъ же лицъ погубленъ

трибунъ Субрій Флавій; сначала онъ въ защитѣ своей ссылался на несходство привычекъ и что ему вооруженному не приходилось бы участвовать въ такомъ преступленіи съ безоружными и изнѣженными. Потомъ, сильно тѣснимый, онъ рѣшился съ честью признаться и на вопросъ Нерона: какія причины побудили его забыть присягу?—«Ненависть къ тебѣ, отвѣчалъ онъ, не было у тебя «воина вѣрнѣе, пока ты стоилъ чтобы тебя любили, а сталъ я тебя «ненавидѣть когда ты сталъ убійцею матери и жены, наѣздникомъ, «актеромъ и поджигателемъ». Привожу подлинныя его слова, которыя не были обнародованы такъ какъ Сенекины, а стоятъ быть извѣстны чувства воина грубыя, но выраженныя сильно. Достовѣрно, что во всемъ этого заговорѣ не пришлось Нерону слышать ничего жестче этого; недолго не думая при совершеніи злодѣяній, онъ не привыкъ выслушивать правдивую оцѣнку своихъ дѣйствій. Казнь Флавія поручена Всіану Нигру, трибуну. Тотъ на ближайшемъ полѣ велѣлъ вырыть могилу; ее Флавій съ досадою нашелъ и тѣсною и недовольно глубокою и окружавшимъ воинамъ сказалъ: «и это сдѣлано не по военному уставу. На предупрежденіе—сильнѣе вытянуть шею, онъ замѣтилъ: ты только ударь такъ же «сильно».

68. А тотъ (исполнитель казни) трепеталъ и на силу двумя ударами отдѣлилъ голову, а звѣрствомъ своимъ хвалился передъ Нерономъ, говоря что онъ убитъ имъ вдвойнѣ. Ближайшій примѣръ твердости показалъ Сульпицій Асперъ, сотникъ; на вопросъ Нерона: за чѣмъ онъ вступилъ въ заговоръ противъ его жизни, отвѣчалъ коротко: «да какъ же иначе было положить конецъ столькимъ «преступленіямъ»? Затѣмъ онъ принялъ назначенную ему казнь. И прочіе сотники, при исполненіи надъ ними смертныхъ приговоровъ, не измѣняли себѣ. Феній Руфъ не имѣлъ столько твердости и свой плачъ перенесъ даже въ духовное завѣщаніе. Ждалъ Неронъ, какъ бы и Вестана консула вовлечь въ обвиненіе, считая его опаснымъ и себѣ враждебнымъ; но изъ заговорщиковъ не обобщили своихъ намѣреній съ Вестаномъ—нѣкоторые по старинному къ нему неудовольствію, а большинство считая его вспыльчивымъ и нелюдимымъ. Впрочемъ, ненависть Нерона къ Вестану началась вслѣдствіе весьма близкихъ пріятельскихъ отношеній; Вестанъ, хорошо зная дурныя стороны характера государя, презиралъ его, а тотъ опасался строгости друга, не разъ издѣвавшагося надъ нимъ самыми злыми насмѣшками, а они то, во многомъ основанныя на истинѣ, оставили по себѣ крѣпкую память. Присоединилась и нечаянная причина—

Вестанъ Статилію Мессалину взялъ себѣ въ супружество, не безъизвѣстный о томъ, что въ числѣ ея любовниковъ находится и Цезарь.

69. Вслѣдствіе этого, не имѣя въ виду ни обвиненія, ни обвинителя и не имѣя возможности принять на себя роль доносчика, Неронъ обратился къ силѣ власти и послалъ трибуна Герелана съ отрядомъ воиновъ, отдавъ приказаніе: «предупредить замыслы кон«сула и занять его, какъ бы крѣпость, подавивъ отборную моло«дежь». Вестана домъ возвышался надъ форумомъ, у него были рабы красивые и одного возраста. Въ этотъ день Вестанъ исправлялъ всѣ обязанности консула и давалъ пиръ, ничего не опасаясь или скрывъ свои опасенія. Воины вошли и сказали, что его зоветъ трибунъ. Тотъ, нисколько не медля всталъ, и тутъ-то разомъ все приготовили: запертъ онъ въ спальню, явился медикъ, открыли кровяныя жилы; еще полный силъ внесенъ въ баню, погруженъ въ горячую воду, не испустивъ ни одного звука, которымъ бы выразилъ состраданіе о себѣ; между тѣмъ окружены стражею сидѣвшіе съ нимъ за пиршествомъ и выпущены уже глубокою ночью, а надъ ихъ страхомъ, такъ какъ они ждали изъ за обѣда смерти воображая его себѣ, посмѣялся Неронъ словами: «достаточно они «уже наказаны за пиръ съ консуломъ».

70. Затѣмъ Неронъ отдаетъ приказаніе относительно казни М. Аннея Лукана; тотъ, когда текла кровь, онъ замѣтилъ, что начали хладѣть руки и ноги и жизнь мало по малу оставлять оконечности тѣла, еще духомъ пылкій и сохранивъ вполнѣ и умъ и память, вспомнилъ стихи имъ сочиненные про раненаго воина, гдѣ онъ изложилъ описаніе смерти въ этомъ же родѣ и повторилъ ихъ тутъ вполнѣ какъ они были; то были вмѣстѣ и его послѣднія слова. Затѣмъ погибли Сенеціонъ, Квинкціанъ и Сцевинъ, несоотвѣтственно изнѣженности прежней ихъ жизни, а вслѣдъ за ними и прочіе заговорщики, но они не сдѣлали и не сказали ничего, чтобы заслуживало памяти.

71. Но между тѣмъ какъ городъ наполненъ былъ печальными процессіями похоронъ, въ Капитоліѣ не было конца принесенію жертвъ. У одного убитъ сынъ, у другаго братъ, у тѣхъ родные или друзья, но они благодарили боговъ, украшали лавромъ дома; припадали къ ногамъ Нерона и утомляли его руку поцалуями. А онъ, вѣря въ искренность этихъ заявленій радости, безнаказанностью вознаграждаетъ поспѣшныя показанія Антонія Наталиса и Церварія Прокула. Милихъ, обогащенный наградами, принялъ себѣ

прозваніе Спасителя, Греческимъ это выражавшимъ словомъ. Изъ трибуновъ Граній Сильванъ, хотя оправданный, палъ отъ своей руки; Статій Проксимъ прощеніе, полученное отъ императора, испортилъ пустотою исхода. Лишены затѣмъ трибунства: Помпей, Корнелій Марціалъ, Флавій Непосъ, Статій Домицій какъ будто бы они государя ненавидѣли, но оставили это убѣжденіе. Новію Приску, вслѣдствіе дружбы къ Сенекѣ, Глитію Галлу и Аннію Полліону болѣе заподозрѣннымъ, чѣмъ уличеннымъ, назначена ссылка. Приска сопровождала его жена Антонія Флакцилла, а Галла—Егнатія Максимилла; сначала значительное его состояніе оставалось у него, но потомъ отнято, но то и другое увеличило его славу. Отправленъ въ ссылку и Руфій Криспинъ, по случаю этого заговора, но ненавистный Нерону за то, что нѣкогда былъ мужемъ Помпеи. Виргинія Флакка и Музонія Руфа ссылки была причина: знатность ихъ именъ; при томъ первый развивалъ въ молодыхъ людяхъ любовь къ краснорѣчію, а Музоній—къ наставленіямъ философіи. Клувидіену Квиту, Юлію Агриппѣ, Блитію Катулину Петронію Приску, Юлію Алтину, какъ бы соображая ихъ значительное число, предоставлены острова Эгейскаго моря. Кадиціѣ, женѣ Сцевина и Цезонію Максиму запрещенъ въѣздъ въ Италію; только по наказанію и узнали они, что были въ числѣ обвиненныхъ. Атилла, мать Аннея Лукана, оставлена въ покоѣ безъ оправданія и безъ наказанія.

72. Совершивъ все это, Неронъ созвалъ собраніе воиновъ и роздалъ рядовымъ по двѣ тысячи мелкихъ монетъ и прибавилъ безденежно хлѣбъ, которымъ они прежде пользовались въ видѣ ежегодной роздачи. Тутъ какъ бы съ тѣмъ, чтобы изложить военные подвиги, созвалъ сенатъ и назначилъ честь тріумфа Петронію Турпиліану, бывшему консулу, Кокцею Нервѣ, назначенному претору, Тигеллину—префекту преторія; Тигеллина и Нерву до того превознося, что кромѣ ихъ увѣнчанныхъ изображеній на форумѣ велѣлъ поставить еще другіе у дворца. Нимеридію даны консульскіе знаки; о немъ, такъ какъ впервые представился случай, приведу немногое, такъ какъ онъ и самъ будетъ частью Римскихъ бѣдствій. Онъ родился отъ матери отпущенницы; красивая тѣломъ, она его пустила въ ходъ между рабовъ и отпущениковъ государевыхъ и хвалился будто бы родился отъ К. Цезаря, такъ какъ случайно имѣлъ онъ огромный ростъ и суровое лицо, а можетъ быть К. Цезарь, охотникъ между прочимъ и до распутныхъ женщинъ, и надъ его матерью потѣшился.

73. Неронъ, созвавъ сенатъ, сказалъ рѣчь, а потомъ присоединилъ указъ къ народу, собравъ въ книги показанія и признанія осужденныхъ. Въ постоянныхъ народныхъ толкахъ не щадили его, говоря «будто бы онъ погубилъ людей невинныхъ изъ за«висти или опасеній». Впрочемъ что начатый заговоръ и возмужалъ и ожилъ, и въ то время никто не сомнѣвался, кто только желалъ вникнуть въ истину, да и сознавались тѣ, которые воротились въ городъ по убіеніи Нерона. А въ сенатѣ всѣ, чѣмъ болѣе кому было горя, тѣмъ сильнѣе пускались въ лесть. Юнія Галліана, оробѣвшаго вслѣдствіе смерти брата его Сенеки, умолявшаго за свою безопасность, сталъ поносить Саліенъ Клеменсъ, называя его врагомъ и отцеубійцею. Наконецъ остановленъ единодушнымъ мнѣніемъ сенаторовъ: «не давать повода къ заключенію, будто онъ «общественнымъ бѣдствіемъ пользуется для удовлетворенія личной «вражды и не вызывать новыхъ жестокостей по поводу того, что «уже оставлено или забыто милосердіемъ государя».

74. Тутъ опредѣляютъ приношенія богамъ и выраженія признательности, особенную почесть солнцу (древній храмъ его находился у цирка и тамъ то созрѣвалъ злой умыселъ), которое своимъ благоволеніемъ открыло тайну заговора; игры Цирценскія и Церсальскія должны были праздноваться съ усиленными бѣгами лошадей; мѣсяцъ апрѣль долженъ былъ получать прозваніе Нерона; храмъ спасенія долженъ быть воздвигнуть на томъ мѣстѣ, изъ котораго Сцевинъ похитилъ кинжалъ. Самъ Неронъ обрекъ ему храниться въ Капитоліѣ, надписавъ: Юпитиру Мстителю (Виндексу). Въ то время обстоятельство это прошло незамѣченнымъ, но послѣ войны Юлія Виндекса, стали его понимать какъ предвѣстіе и предзнаменованіе будущаго возмездія. Нахожу въ запискахъ сената, что Церіалъ Аницій, назначенный консулъ, высказалъ мнѣніе: «необходимо какъ можно скорѣе на обществен«ныя деньги воздвигнуть храмъ Нерону». Онъ опредѣлялъ это ему, какъ уже перешедшему за рубежъ мірскаго величія и достойному поклоненія смертныхъ, а нѣкоторые коварно думали видѣть въ этомъ предзнаменованіе кончины Нерона; божественныя почести государю приписываются не прежде какъ онъ перестанетъ вращаться между людей.

КНИГА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Содержаніе книги: Главы 1. 2. Издѣвается судьба надъ пустотою Нерона чрезъ Басса, который хвалится, будто зарыто сокровище въ Нумидіи, которое Неронъ—3. безъ успѣха ищетъ.—4. Во время люстральнаго состязанія Нерону предложенъ вѣнокъ за краснорѣчіе и побѣда въ пѣніи осталась за нимъ же.—5. Въ этомъ зрѣлищѣ неудовольствіе слушателей и опасность Веспаціана.—6. Умершую Поппею Неронъ хвалитъ у ростръ.—7.—9. Сосланные Кассій и Силанъ умерщвлены.—10. 11. Л. Вэтъ гибнетъ съ тещею Секстіею и дочерью Поллуціею.—12. Награды обвинителю; новыя названія мѣсяцевъ.—13. Сильными вихрями опустошена Кампанія. Моровая язва. Бѣдствію Лугдунензевъ Государь оказываетъ помощь.—14. 15. Коварствомъ Созіана уличены въ совѣтахъ съ Халдеями П. Антей и Осторій Скапула; получивъ приказаніе, они поспѣшаютъ умереть. — 16. Жалобы Тацита по поводу столькихъ несчастій.—17. Руфій Криспинъ, по принужденію, убиваетъ самъ себя. Мелла вовлеченъ въ гибель ложными письмами и такимъ же обманомъ Церіалисъ.—18. 19. К. Петроній, извѣстный роскошью ученаго, сдѣлался ненавистнымъ вслѣдствіе наговоровъ Тигеллина, разрѣзываетъ себѣ жилы, обругавъ преступленія государя въ своихъ запискахъ. — 20.За тѣмъ Силлія послана въ ссылку. — 21. 22. Тразея Пэту обвиняютъ Коссуціанъ и Еприй, 23. а Барса Сорана—Осторій Сабинъ. — 24. Къ Нерону записку даетъ Тразеа; тотъ отдаетъ приказаніе созвать сенаторовъ. — 25. 26. Совѣтуется Тразеа, не попытаться ли ему защищаться въ зданіи сената.—27. Неронъ вооруженными людьми окружаетъ сенатъ и съ упрекомъ выражается относительно малочисленности сенаторовъ. — 28. 29. Марцеллъ Еприй-Тразею, Гельвидія Агриппина, Монтана, 30, Осторій-Барсъ съ дочерью Сервиліею подвергаютъ обвиненію. — 31. Бѣдственная ихъ защита въ сенатѣ.—32. Егнатій лжестоикъ дѣйствуетъ ко-

варно въ отношеніи къ Сорану, а ему,—33. Кассій Асклепіодотъ оказываетъ полное довѣріе. Тразеѣ, Сорану, Сервиліѣ предоставляется избрать родъ смерти. Гельвидій, Паконій изгнаны изъ Италіи. Монтанъ предоставленъ отцу. Награды обвинителямъ.—34. Тразеа возливаетъ Юпитеру освободителю.

События одного года, такъ какъ остальная часть книги утратилась, совершились въ консульство К. Светонія и Л. Понтія Телезина.

---

1. Тутъ судьба потѣшилась надъ Нерономъ вслѣдствіе легковѣрія его самаго и обѣщаній Цезеллія Басса. Бассъ, родомъ Карѳагенянинъ, смущенный умомъ, призракъ ночнаго упокоенія обратилъ вь надежду несомнительную. Отправясь въ Римъ и купивъ себѣ доступъ къ государю, объявляетъ ему, что: «на своемъ полѣ «нашелъ онъ пещеру огромной глубины, гдѣ находится огромное «количество серебра, не въ видѣ денегъ, но въ старинной и гру«бой массѣ; лежатъ тамъ огромные кирпичи, а въ другомъ мѣстѣ «возвышаются колонны; все это въ теченіи столькихъ вѣковъ сбе«регалось для увеличенія теперешнихъ благополучій. Впрочемъ, «присоединилъ онъ къ этому и догадку будто Дидона, родомъ «изъ Финикіи, убѣжавъ изъ Тира, и построивъ Карѳагенъ, скрыла «эти сокровища, какъ бы новый народъ не предался слишкомъ свое«волію отъ излишнихъ богатствъ или чтобы цари Нумидовъ и «другіе враждебные жаждою къ золоту не были подвинуты къ «войнѣ.

2. Вслѣдствіе этого Неронъ, не вникнувъ достаточно въ достовѣрность разсказчика, ни самаго дѣла, не послалъ людей разузнать справедливо ли это извѣстіе, самъ даетъ ему еще большее развитіе и отправляетъ какъ бы за готовою добычею—привезть ее. Даны триремы (военные суда) и отборные гребцы для большей поспѣшности. Во все это время только объ этомъ и толковали въ народѣ съ легковѣріемъ, а люди болѣе основательные—въ другомъ смыслѣ. Случилось, что пятилѣтнія игры праздновались вторымъ люстромъ; тутъ разсказчики и ораторы главное основаніе брали въ похвалу государя: «уже родятся не только обычайные плоды и «золото смѣшанное съ другими металлами, но земля обнаруживаетъ «небывалую производительность и боги сами предлагаютъ сокро«вища». И другое въ томъ же родѣ съ величайшимъ краснорѣ-

чіемъ и не съ меньшею лестью, придумывали раболѣпные, заранѣе убѣжденные въ довѣрчивости того къ кому обращались.

3. Между тѣмъ роскошь росла вслѣдствіе тщетной надежды; тратились старинныя богатства, какъ бы уже готовы были новыя на многіе годы впередъ. Уже изъ нихъ даже предполагались траты и ожиданіе богатствъ было въ числѣ причинъ общественной бѣдности. Бассъ, перерылъ свое поле и сосѣднія вокругъ, увѣряя, что въ томъ или другомъ мѣстѣ находится обѣщанная пещера, при чемъ слѣдовали не только воины, но и множество поселянъ, взятыхъ для производства работъ. Наконецъ, отказавшись отъ своего безразсуднаго замысла, высказавъ удивленіе: дотолѣ сны его не были лживы и тутъ въ первый разъ онъ обманутъ, ушелъ отъ стыда и опасенія добровольною смертью. Нѣкоторые передаютъ, что онъ былъ заключенъ въ оковы и потомъ отпущенъ; имущество же у него отнято въ замѣнъ царскихъ сокровищъ.

4. Между тѣмъ сенатъ по случаю близости уже люстральнаго состязанія, желая предупредить посрамленіе, предлагаетъ императору побѣду въ пѣніи и присоединяетъ вѣнокъ за краснорѣчіе, что бы этимъ прикрыть неприличіе сценическаго представленія. Но Неронъ, выражаясь не разъ, что не нуждается ни въ задобреніи чьемъ либо, ни въ распоряженіяхъ сената, а, явясь наравнѣ съ соискателями, желаетъ снискать заслуженную похвалу безпристрастнымъ приговоромъ судей. Сначала читаетъ онъ стихотвореніе на сценѣ; потомъ по требованію народа—открыть предъ нимъ всѣ его занятія (таковы именно были выраженія) входитъ въ театръ, исполняя всѣ обязанности игрока на гитарѣ: уставъ, не садился, потъ не стиралъ иначе какъ одеждою, которая на немъ была; берегся какихъ либо испражненій рта или ноздрей. Наконецъ, ставъ на колѣно, знакомъ руки привѣтствовалъ собраніе и въ мнимомъ страхѣ ожидалъ рѣшенія судей. А городская чернь, привыкшая поощрять труды актеровъ, выражала свое одобреніе извѣстнымъ образомъ и мѣрными рукоплесканіями. Можно было подумать, что она радовалась, и можетъ быть и дѣйствительно радовалась по своему равнодушію къ общественному позору.

5. Но тѣ, которые изъ отдаленныхъ муниципій, гдѣ еще сохранялись строгіе нравы древней Италіи или изъ дальнихъ провинцій, неопытные въ развратѣ, пріѣхали съ обязанностями посольства или для своихъ частныхъ выгодъ и зрѣлища такого не выносили и оказывались недостаточно умѣлыми для нечестнаго труда; при своемъ незнаніи они напрасно утомляли руки, мѣшали знав-

шимъ дѣло и часто подвергались побоямъ отъ воиновъ, стоявшихъ отрядами и наблюдавшихъ какъ бы нисколько времени не пропадало въ неумѣстныхъ крикахъ или лѣнивомъ молчаніи. Достовѣрно извѣстно, что очень много всадниковъ въ ихъ попыткахъ войдти узкимъ ходомъ при стремленіи народа, были задавлены, а другіе, день и ночь оставаясь на мѣстахъ, подверглись гибельной болѣзни. Всего сильнѣе было опасеніе—не присутствовать на зрѣлищѣ; многіе явно, а еще большее число тайно слѣдили за именами, выраженіемъ лица, усердіемъ, грустью собиравшихся. Послѣдствіемъ были для людей простыхъ немедленныя наказанія, а относительно именитыхъ ненависть на этотъ разъ скрытая, но незамедлившая высказаться. Говорили, что Веспасіанъ былъ обруганъ отпущенникомъ Фебомъ, какъ поддавшійся было сну и съ трудомъ нашелъ защиту въ мольбахъ лучшихъ людей, а вслѣдъ затѣмъ избѣгъ угрожавшей опасности лучшимъ жребіемъ.

6. По окончаніи сценическихъ представленій, Поппеа умерла вслѣдствіи случайнаго раздраженія мужа, который ее беременную ударилъ обутою ногою. Не вѣрю я, чтобы тутъ участвовалъ ядъ, хотя нѣкоторые писатели это утверждаютъ скорѣе изъ ненависти, чѣмъ сами тому вѣря; въ сущности же Неронъ сильно желалъ дѣтей, да и жену любилъ. Тѣло не предано огню, каковъ обычай у Римлянъ, но, по примѣру чужеземныхъ царей, оно, пропитанное благовоніями, спрятано въ гробъ и онъ внесенъ въ гробницу Юліевъ. Впрочемъ шла погребальная процессія и Неронъ самъ хвалилъ съ ростръ красоту ея и то, что она была матерью божественнаго ребенка и другіе дары счастія выставилъ за добродѣтели.

7. Смерть Поппеи—о ней явно печалились, но въ душѣ радовались вслѣдствіе ея безстыдства и жестокости—пополнилъ Неронъ новою ненавистью, недопустивъ К. Кассія принять участіе въ похоронахъ. Это былъ первый признакъ несчастія, но оно и само не задолжилось. Присоединенъ и Силанъ: вины никакой, развѣ только то, что Кассій отличался старинными богатствами и строгою нравственностью, а Силанъ—знатностью рода и скромно проводимою молодостью. А потому, пославъ къ сенату рѣчь, излагалъ въ ней, что и того и другаго надобно удалить изъ государства; въ вину ставилъ Кассію, что въ числѣ изображеній его предковъ чтилъ и образъ К. Кассія съ надписью: вождь партій. Этимъ имѣлъ онъ въ виду посѣять сѣмена гражданской войны и измѣну дому Цезарей. А чтобы не воспоминаніемъ только ненавистнаго имени воспользоваться для раздоровъ, пріобщилъ къ себѣ Л. Си-

*

лана молодаго человѣка знатнаго рода, пылкаго умомъ на показъ для переворота.

8. Затѣмъ онъ самому Силану поставилъ въ вину тоже, что и дядѣ его, Торквату: «будто бы онъ уже распредѣлялъ обязанности «власти, поручая отпущенникамъ отчеты, записки и письма». Все это пустое и вымышленное. Силанъ былъ остороженъ изъ боязни и гибель дяди была для него предостереженіемъ. Затѣмъ привелъ онъ подъ видомъ доносчиковъ людей, которые придумали на Лепиду, жену Кассія, тетку Силана—кровосмѣшеніе съ сыномъ брата и отвратительные религіозные обряды. Привлечены какъ единомышленники — Вулкацій Туллинъ и Марцеллъ Корнелій, сенаторы, и Кальпурній Фабатъ, всадникъ Римскій. Они аппелировали государю и тѣмъ задержали грозившее имъ осужденіе, а впослѣдствіи ускользнули отъ Нерона, занятаго болѣе возможными преступленіями, какъ менѣе достойные его вниманія.

9. Тутъ сенатскимъ опредѣленіемъ назначена Кассію и Силану ссылка, а относительно Лепиды предоставлено Цезарю постановить приговоръ. Отвезенъ на островъ Сардинію Кассій и старость его позволила ждать. Силанъ съ тѣмъ будтобы, чтобы отвезть его въ Наксосъ, удаленъ въ Остію, а потомъ заключенъ въ муниципій Апуліи, по имени Барій. Тамъ онъ умно переносилъ самую незаслуженную участь и застигнутъ сотникомъ присланнымъ убить его; на его убѣжденія—перерѣзать себѣ жилы, онъ сказалъ, что готовъ умереть, но палачу не предоставитъ чести исполнить порученное. Сотникъ видя его хотя безоружнаго, но полнаго силъ и болѣе близкаго гнѣву, чѣмъ робости, отдаетъ приказаніе воинамъ—подавить его. Силанъ не переставалъ бороться и отводить удары, насколько былъ въ силахъ голыми руками, пока наконецъ не палъ отъ сотника какъ бы въ сраженіи покрытый ранами, полученными спереди.

10. Не менѣе скоро подверглись казни Л. Ветусъ, теща его Секстія и дочь Поллуція, ненавистные государю, служа ему какъ бы живымъ упрекомъ въ убійствѣ Рубеллія Плавта, зятя Моція Ветера. Поводомъ къ обнаруженію жестокости подалъ вслѣдствіе разстройства дѣлъ своего патрона (хозяина) перешедшій къ обвиненію отпущенникъ Фортунатъ, присоединивъ Клавдія Деміана, котораго за его преступныя дѣйствія заключеннаго въ оковы Ветеромъ, проконсуломъ Азіи, выпустилъ на свободу Неронъ въ награду за обвиненіе. Когда обвиненный узналъ, что его отпущенника ставятъ на одну доску, онъ удалился въ Форміанскія земли.

Тамъ воины окружаютъ его потайною стражею. Находилась тутъ и дочь, кромѣ грозившей опасности, измученная долговременнымъ горемъ съ того времени, какъ видѣла убійцъ ея мужа Плавта, обнявъ его окровавленную голову, сохраняла кровью орошенныя одежды; вдовою, предавалась она постоянно плачу и если принимала пищи, то на столько лишь бы не умерѣть. Тутъ, по совѣту отца, отправилась въ Неаполь. Ея не допускали къ Нерону, но она караулила его выходъ, говоря: «пусть выслушаетъ невинную «и когда-то сотоварища по консульству не отдастъ на жертву от-«пущеннику», то съ женскими воплями, то иногда забывъ свой полъ непріязненнымъ голосомъ, пока наконецъ государь не показалъ себя нетронутымъ просьбами, такъ близко граничившими съ бранью.

11. Вслѣдствіе этого она даетъ знать отцу: «отбросить надежду «и пользоваться крайностью». Вмѣстѣ принесено извѣстіе: «гото-«вится изслѣдованіе въ сенатѣ и жестокій приговоръ. Не было «недостатка въ тѣхъ, что внушали, къ большей части наслѣдства «призвать Нерова, чтобы такимъ образомъ остальное обезпечить «своимъ внукамъ». Онъ пренебрегъ этимъ какъ бы жизнь, вблизи еще свободы, проведенную не осквернить крайнимъ раболѣпствомъ, раздаетъ рабамъ сколько ни было денегъ и приказываетъ унесть все, что только кто въ силахъ будетъ, оставивъ лишь три постели. Тутъ въ одной и той же спальнѣ однимъ орудіемъ перерѣзываютъ жилы и поспѣшно покрытые отъ стыда лишь одною одеждою вносятся въ баню: отецъ смотрѣлъ на дочь, бабушка на внучку, она на обоихъ и наперерывъ молили слабѣющему духу скорѣйшаго исхода съ тѣмъ, чтобы оставить своихъ еще въ живыхъ, хотя и обреченными смерти. Судьба наблюла чередъ: старшіе прежде кончились, а потомъ болѣе юная. Обвинены послѣ похоронъ и опредѣлено «чтобы они были наказаны по обычаю предковъ. Неронъ «вступился, предоставляя смерть безъ суда». Такъ, совершивъ убійство, присоединяли насмѣшки.

12. П. Галлъ, всадникъ Римскій за то, что Фенію Руфу былъ короткимъ пріятелемъ да и не чужой былъ Ветеру, устраненъ отъ огня и воды. Отпущеннику и обвинителю въ награду за трудъ дано мѣсто въ театрѣ между урядниками трибуновъ. Мѣсяцы, слѣдовавшіе за апрѣлемъ — онъ же и Неронъ — переименованы маій въ Клавдіевъ, іюнь въ Германиковъ, по свидѣтельству Корнелія Орфита, подавшему это мнѣніе: «іюнь мѣсяцъ оттого отпущенъ, «что уже два Торквата, казненные за преступленія, сдѣлали наз-«ваніе іюня зловѣщимъ».

13. Столькими злодѣйствами оскверненный годъ и боги ознаменовали непогодами и болѣзнями. Кампанія опустошена сильнымъ вихремъ, который разбросалъ въ разныхъ мѣстахъ загородныя дачи, кусты, плодовитыя деревья; опустошенія эти дошли до близкихъ къ городу мѣстъ, а въ городѣ сильная моровая язва свирѣпствовала во всѣхъ классахъ жителей безо всякой перемѣны въ воздухѣ, которою можно было бы наглядно объяснить это явленіе. А дома наполнялись бездыханными тѣлами, улицы—погребальными процессіями; не было ни пола, ни возраста свободнаго отъ опасности; одинаково быстро и гибли и рабы, и вольные изъ народа, оплакиваемые же нами и дѣтьми и тѣ, пока при этомъ находятся, пока оплакиваютъ, нерѣдко на томъ же кострѣ сожигаются. Всадниковъ и сенаторовъ кончины хотя многочисленныя, менѣе заслуживали слезъ, такъ какъ они общею участью смертныхъ ускользали отъ жестокости государя. Въ этомъ же году произведенъ наборъ въ Галліи Нарбонской, Африкѣ и Азіи для пополненія Иллирскихъ легіоновъ, а изъ нихъ уже слабые возрастомъ или состояніемъ здоровья освобождены отъ службы. Бѣдствію, понесенному Лугдуномъ, государь помогъ выдачею сорока милліоновъ сестерцій для возобновленія пострадавшей части города, а эти деньги жители Лугдуна предложили прежде при затруднительныхъ обстоятельствахъ.

14. Въ консульство К. Светонія и Л. Телезина Антистій Созіанъ за сочиненіе противъ Нерона ругательнаго стихотворенія осужденный, какъ я уже говорилъ, въ ссылку, узнавъ—въ какой чести доносчики и какъ государь готовъ на убійства, безпокойный умомъ и не пропуская удобнаго случая, задабриваетъ себѣ сходствомъ участи Паммена, находившагося въ ссылкѣ тамъ же, славнаго знатока въ наукѣ халдеевъ и вслѣдствіе того находившагося со многими въ дружественныхъ отношеніяхъ. Соображая, что не даромъ приходятъ къ нему гонцы и за совѣтами, узнаетъ также, что П. Антеій платитъ ежегодно деньги. Не безъизвѣстно ему было и то, что Антеій за любовь къ Агриппинѣ былъ ненавистенъ Нерону, что его богатства всего легче могутъ возбудить алчность и что это было причиною гибели многихъ. Вслѣдствіе этого, перехвативъ письма Антеія, укралъ и памятную книжку, гдѣ были записаны и день его рожденія и сокровенно будущее таинственнымъ искуствомъ Паммена; вмѣстѣ нашелъ онъ и то, что было составлено о происхожденіи и жизни Осторія Скапулы и написалъ къ государю: «можетъ онъ принесть съ собою важное и относя-

щееся съ пользою до его безопасности, если только получитъ кратковременное увольненіе изъ ссылки, такъ какъ Антеій и Осторій «грозятъ порядку и изслѣдуютъ свою судьбу и Цезаря». Тотчасъ же посланы суда и поспѣшно привезенъ Созіанъ. Когда обнаружился его доносъ, то Антеій и Осторій уже считались въ числѣ осужденныхъ скорѣе чѣмъ обвиненныхъ, до того, что духовное завѣщаніе Тигеллина никто не хотѣлъ скрѣпить своимъ свидѣтельствомъ, еслибы Тигеллинъ не принялъ въ этомъ участія. Ранѣе предупрежденъ Антеій «чтобы не медлилъ съ послѣднимъ выраже«ніемъ своей воли». Онъ принялъ ядъ, но такъ какъ онъ, къ его неудовольствію, недостаточно быстро дѣйствовалъ, то перерѣзавъ жилы, ускорилъ себѣ смерть.

15. Осторій находился тогда въ отдаленномъ помѣстьи у границы Лигуровъ. Посланъ туда сотникъ ускорить его смерть. Поводъ спѣшить возникалъ отъ того, что Осторій пользовался большою военною славою, заслужилъ въ Британіи гражданскій вѣнокъ; крѣпкій и сильный тѣломъ, знатокъ военнаго дѣла внушалъ онъ опасеніе Нерону, какъ бы не бросился онъ на него постоянно трусливаго, а вслѣдствіе недавно открытаго заговора еще болѣе пришедшаго въ ужасъ. Вслѣдствіе этого сотникъ, занявъ всѣ пути изъ виллы воинами, объявилъ Осторію приказанія императора. Осторій храбрость, которую онъ неоднократно показывалъ противъ непріятеля, примѣнилъ и къ себѣ; такъ какъ жилы, хотя и перерѣзанныя, выпускали очень мало крови, настолько воспользовался рукою раба, чтобы онъ поднялъ и держалъ неподвижно кинжалъ, затѣмъ онъ схватилъ его правую руку и наткнулся горломъ.

16. Если бы я излагалъ даже войны внѣшнія и смертные случаи понесенные за дѣло общественное, но при такомъ сходствѣ ихъ сопровождавшихъ обстоятельствъ, то и самаго меня взяло бы пресыщеніе, да и вправѣ бы я былъ ожидать, что надоѣстъ разсказъ этотъ и съ пренебреженіемъ стали бы смотрѣть, на хотя честныя кончины гражданъ, но печальныя и однообразныя. А тутъ рабское терпѣніе, столько крови безполезно пролитой дома, утомляютъ умъ и печаль охватываетъ душу. И другой защиты отъ тѣхъ, которые ознакомятся съ этимъ, не искалъ бы я, какъ—лишь бы не сопровождали ненавистью такъ безплодно и нерадиво погибавшихъ. То былъ гнѣвъ высшихъ силъ на дѣла Римлянъ, о которомъ не такъ какъ о проявленіи его гибелью войскъ или потерею городовъ, разъ упомянувъ мож-

но пройдти молчаніемъ. Дадимъ хоть то потомству знаменитыхъ мужей, что какъ при отданіи имъ послѣдняго долга, отдѣляютъ ихъ отъ общаго погребенія, такъ, сообщая объ ихъ концѣ, пусть они примутъ и сохранятъ отдѣльную память.

17. Въ продолженіи немногихъ дней вмѣстѣ дружною толпою пали Анней Мелла, Церіалисъ Аницій, Руфій Криспинъ и К. Петроній. Мелла и Криспинъ, всадники Римскіе, были въ сенаторскомъ достоинствѣ. Этотъ послѣдній, когда то префектъ преторія, награжденный консульскими отличіями и недавно по обвиненію въ заговорѣ изгнанный въ Сардинію, получивъ извѣстіе о томъ, что ему приказано умереть, самъ себя умертвилъ. Мелла, происходя отъ тѣхъ же родителей, что и Галліо и Сенека, воздержался отъ домогательства почестей вслѣдствіе особеннаго честолюбія для того, чтобы оставаясь всадникомъ Римскимъ, равняться могуществомъ съ консулами. Вмѣстѣ съ тѣмъ полагалъ этотъ путь ближе къ пріобрѣтенію денегъ, завѣдывая въ видѣ управляющаго дѣлами государя. Онъ же былъ отцомъ Аннея Лукана, что давало ему еще большее право на извѣстность; по убіеніи его тщательно разыскивая оставшееся послѣ него имущество, вызвалъ обвинителя Фабія Романа изъ самыхъ близкихъ Лукана пріятелей. Придумываютъ, будто сынъ и отецъ имѣли общее свѣдѣніе о заговорѣ—для чего поддѣлываютъ письма Лукана. Взглянувъ на нихъ, Неронъ приказалъ несть къ нему—жаждая его богатствъ. А Мелла—въ то время этотъ путь смерти былъ самый скорѣйшій—перерѣзалъ жилы, написавъ завѣщаніе, которымъ назначалъ значительную денежную сумму Тигеллину и зятю его, Коссуціану Капитону съ тѣмъ, чтобы хоть остальное было цѣло. Прибавляютъ, что въ замѣткахъ, какъ бы жалуясь на несправедливость казни, онъ написалъ такъ: «онъ умираетъ «безо всякаго повода къ казни, а Руфій Криспинъ и Аницій «Церіалисъ наслаждаются жизнью—заклятые враги государя.» Считали это вымышленнымъ относительно Криспина потому что онъ былъ уже умерщвленъ, а относительно Церіалиса съ цѣлью причинить ему смерть. И дѣйствительно не много времени спустя, онъ самъ себя умертвилъ, менѣе прочихъ вызвавъ сострадання, такъ какъ припоминали, что онъ то выдалъ К. Цезарю заговоръ.

18. О Петроніѣ остается сказать еще немногое. Дни проводилъ онъ во снѣ, а ночи въ исполненіи обязанностей жизни и наслажденій и какъ другіе заслужили извѣстность дѣятельностью,

такъ этотъ—бездѣйствіемъ. Считали его не простымъ мотомъ и кутилою, но умѣвшимъ изысканно наслаждаться. Его поступки и слова, чѣмъ они распущеннѣе были и свидѣтельствовали о какомъ то пренебреженіи къ себѣ самому—тѣмъ снисходительнѣе были всѣми встрѣчаемы какъ будто признаки простоты. Впрочемъ сдѣлавшись проконсуломъ Виѳиніи, а потомъ консуломъ, показалъ много энергіи и въ уровень этой дѣятельности. Потомъ обратясь къ порокамъ, а можетъ быть къ подражанію имъ, онъ принятъ въ число немногочисленныхъ приближенныхъ Нерона, какъ наставникъ изящества; онъ находилъ только то пріятнымъ и достойнымъ наслажденія, что прежде заслужило одобреніе Петронія. Вслѣдствіе этого зависть Тигеллина какъ къ сопернику и въ искусствѣ наслажденій лучшему знатоку. Вслѣдствіе этого обращается онъ къ жестокости государя, которой уступали всѣ прочія его страсти, ставитъ въ вину Петронію дружбу Сцевина, подкупивъ на доносъ раба, отнявъ возможность защищаться и большую часть домашней прислуги заключивъ въ оковы.

19. Случайно въ это время Цезарь отправился въ Кампанію Петроніи и дошелъ до Кумъ, но тутъ былъ задержанъ; Петроній не перенесъ болѣе колебаній страха или надежды, но, не торопясь, лишилъ онъ себя жизни, но надрѣзанныя жилы, какъ хотѣлъ перевязалъ опять, и снова велѣлъ открыть, бесѣдуя съ друзьями, но не о важныхъ предметахъ и не такъ, чтобы домогаться славы твердости. Слушалъ онъ и ихъ разсказы, но вовсе не о безсмертіи души или наставленіяхъ мудрецовъ, но легкія стихотворенія и веселыя пѣсни; рабовъ однихъ одарилъ, а другихъ наказалъ розгами, сѣлъ за пиршество, предался сну для того, чтобы смерть хотя и вынужденная, имѣла видъ случайной. Даже и въ завѣщаніи (не такъ какъ большинство тѣхъ, что погибали) воздержался онъ отъ лести Нерону или Тигеллину или иному кому изъ лицъ въ силѣ, но позорныя дѣянія государя изложилъ, назвавъ по именамъ его любовниковъ, любовницъ и описавъ изобрѣтенія новыя каждаго вида разврата; запечатавъ послалъ къ Нерону, а кольцо сломалъ, чтобы оно немогло болѣе никого вовлечь въ опасность.

20. Недоумѣвалъ Неронъ, какимъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ препровожденіе его ночей; но ему указали на Силію, извѣстную супружествомъ съ сенаторомъ, соучастницу всѣхъ его, Нерона, наслажденій, а Петронію весьма близкую; отправлена въ ссылку за то, что будто бы изъ личной ненависти не молчала о

томъ, что видѣла и что вынесла. Минуція Терма, бывшаго преторомъ, отдалъ въ жертву нерасположенію Тигеллина, такъ какъ отпущенникъ Терма коечто высказалъ ругательно о Тигеллинѣ, за что и поплатился самъ терзаніями пытки, а хозяинъ его незаслуженною смертью.

21. Истребивъ столько мужей знаменитыхъ, Неронъ захотѣлъ наконецъ исторгнуть съ корнемъ самую добродѣтель, лишивъ жизни Тразея Пэту и Барея Сорана, давно уже враждебный тому и другому. На Тразею и было за что сердиться: онъ вышелъ изъ сената, когда докладывали объ Агриппинѣ, о чемъ я уже упоминалъ; во время игръ молодежи (Ювенальскихъ) оказалъ содѣйствіе весьма незначительное, а это оскорбленіе было тѣмъ чувствительнѣе, что онъ же, Тразеа, въ Патавіѣ, откуда онъ происходилъ, во время Цестійскихъ (?) игръ, установленныхъ Троянцемъ Антеноромъ, пѣлъ въ трагической одеждѣ. Также въ тотъ день, когда присуждали къ смерти претора Антистія за ругательныя противъ Нерона сочиненія, подалъ мнѣніе въ болѣе снисходительномъ духѣ и провелъ его, а когда опредѣляли божественныя почести Поппеѣ, находясь въ добровольномъ отсутствіи, не участвовалъ и въ похоронахъ. Забыть все это не допускалъ Капито Коссуціанъ; отъ природы склонный къ преступнымъ дѣйствіямъ, питалъ вражду къ Трезеѣ за то, что сдѣлался жертвою его вліянія, когда онъ поддерживалъ пословъ Килическихъ, преслѣдовавшихъ Капитона за взятки.

22. Сверхъ того онъ ему ставилъ въ вину: «въ началѣ го«да Тразеа уклонился отъ обычной присяги; не присутствуетъ «при назначеніи обѣтовъ, хотя и состоитъ членомъ коллегія пят«надцати (жрецовъ); ни разу не приносилъ жертвъ за безопас«ность государя или за его божественный голосъ; когдато не«утомимо дѣятельный и старательный, самымъ незначительнымъ «сенатскимъ разсужденіямъ привыкшій высказывать или одобреніе «или несогласіе, вотъ уже три года не входитъ въ зданіе сена«та». Въ самомъ недавнемъ времени, когда съ усердіемъ наперерывъ стекались другіе для обузданія Силана и Ветера, онъ предпочелъ лучше заниматься частными дѣлами кліентовъ. Что же это какъ не отпаденіе, стремленіе составить партію? И если много такихъ найдется, будетъ война.—Какъ нѣкогда—внушалъ онъ Нерону—общество, страстное до раздоровъ, только и говорило, что о К. Цезарѣ и М. Катонѣ, такъ теперь о тебѣ, Неронѣ и о Тразеѣ. Есть у него послѣдователи, люди ему предан-

ные; не высказывая еще такихъ дерзкихъ мнѣній какъ онъ, подражаютъ ему въ манерахъ и выраженіи лица, суровые, печальные, упрекая тебя безъ словъ за твои забавы. Ему одному недороги—твоя безопасность, твои занятія искусствами. Съ пренебреженіемъ смотритъ онъ на благополучное положеніе дѣлъ государя; не ищетъ ли онъ насытиться плачемъ и страданіями? Одного и того же образа мыслей дѣло: не вѣрить въ божественность Поппеи, и не давать присяги на дѣйствія божественныхъ Августа и Юлія; пренебрегаетъ религіозными вѣрованіями; отмѣняетъ законы. Дневники народа Римскаго по провинціямъ, по войскамъ съ большимъ вниманіемъ читаются чтобы узнать—въ чемъ не участвовалъ Тразеа. Или перейдемъ же къ тѣмъ учрежденіямъ, если они лучше, или у желающихъ переворота отнимемъ вождя и виновника. Это ученіе породило Туберроновъ и Фавоніевъ—имена, и при старинномъ положеніи общественныхъ дѣлъ, непріятныя. Для ниспроверженія имперіи берутъ они предлогомъ свободу, а, достигнувъ желаемаго, накинутся на самую свободу. Напрасно избавился ты отъ Кассія, если потерпишь рости и усиливаться этимъ соревнователямъ Брута. Наконецъ, хотя ты самъ и ничего не писалъ о Тразеѣ, предоставь намъ разбирательство сената. «Неронъ превозноситъ похвалами столь быстрый на «гнѣвъ умъ Капитона и присоединяетъ къ нему Марцелла Еприя «съ ядовитымъ краснорѣчіемъ».

23. А Барея Сорана потребовалъ себѣ подсудимымъ Осторій Сабинъ, всадникъ Римскій—изъ проконсульства Азіи, въ которомъ усилилъ неудовольствіе государя справедливостью и дѣятельностью и тѣмъ, что взялъ на себя заботу объ открытіи порта Ефесцамъ, а насиліе жителей Пергама недавшихъ Акрату, отпущеннику Цезаря, увесть статуи и картины, оставилъ безнаказаннымъ. Но въ вину ставили: дружбу Плавта и стремленіе задобрить провинцію въ пользу несбыточныхъ надеждъ. Время осужденію избрано, когда Тиридатъ пришелъ для принятія царства Арменіи, чтобы въ толкахъ о событіяхъ внѣшнихъ злодѣйство внутреннее прошло во мракѣ или съ цѣлью выказать величіе императора убійствомъ знаменитыхъ людей какъ бы дѣломъ достойнымъ царской власти.

24. Вслѣдствіе этого, когда весь городъ вышелъ встрѣтить государя и посмотрѣть царя, Тразеа, получившій запрещеніе явиться, не упалъ духомъ, но сочинилъ записку къ Нерону, прося объяснить, что ему ставятъ въ вину и утверждая, что онъ оправдается если только будетъ знать, въ чемъ его обвиняютъ и будетъ имѣть

возможность защищаться. Торопливо ухватился Неронъ за эти записки, въ надеждѣ, что Тразеа въ ужасѣ напишетъ такое, что, возвышая достоинство государя, будетъ служить къ ущербу его собственной славы. Но когда этого не случилось, самъ устрашился лица, духа и свободы невиннаго и отдаетъ приказаніе—собрать сенатъ. Тутъ Тразеа съ приближенными сталъ совѣтоваться—попытать ли защиту или пренебречь ею.

25. Различныя представлялись соображенія. Тѣ, которые считали лучшимъ—идти Тразеѣ въ сенатъ, говорили: «въ твердости «его увѣрены они вполнѣ; ничего не скажетъ онъ, чтобы не уве«личило его славу. Только лѣнивые и трусы окружаютъ молча«ніемъ ихъ послѣднія минуты. Пусть народъ увидитъ человѣка, «идущаго на встрѣчу смерти, пусть сенатъ услышитъ выраженія, «какъ бы отъ какого то божества, выше чѣмъ человѣческія. Воз«можно чудо, что и самъ Неронъ будетъ тронутъ; если же онъ и «останется при своей жестокости, то потомство различитъ память «честнаго конца отъ позорнаго бездѣйствія гибнущихъ въ молчаніи».

26. Съ другой стороны, тѣ, которые были того мнѣнія, что нужно остаться дома, о самомъ Тразеѣ выражали то же что и прежніе: «но грозятъ ему насмѣшки и поруганіе. Не одни Коссуціанъ «и Епрій готовы на преступленіе; найдутся и такіе, что въ звѣр«ствѣ можетъ быть дерзнутъ поднять руки и ударить; и благона«мѣренные отъ страха послѣдуютъ ихъ примѣру. Пусть лучше онъ «избавитъ сенатъ, которому служилъ украшеніемъ, отъ безславія «такого преступнаго поступка и пусть оставитъ въ неизвѣстности, «что опредѣлилъ бы сенатъ, увидѣвъ Тразею подсудимымъ. А что«бы Неронъ устыдился своихъ злодѣйствъ, о томъ льстятъ они «себя тщетною надеждою, а гораздо болѣе нужно опасаться какъ «бы онъ не излилъ свою жестокость на жену, семейство и прочее, «что ему дорого. А потому пусть безстрашнымъ, чуждымъ какого «либо позора, по чьимъ слѣдамъ и урокамъ велъ жизнь, съ ихъ «славою домогается конца». На этомъ совѣщаніи присутствовалъ Рустикъ Аруленъ, пылкій юноша; страстно жаждая похвалы, онъ предлагалъ «воспротивиться сенатскому опредѣленію» въ качествѣ трибуна народнаго, которымъ онъ былъ. Сдержалъ его порывъ Тразеа: «пусть онъ не пускается въ начинаніе пустое, которое не при«несетъ обвиненному никакой пользы, а ему, за его противудѣй«ствіе, гибель. Его время уже прошло и не долженъ онъ измѣ«нять образа жизни, которому оставался вѣренъ въ теченіи столь«кихъ лѣтъ къ ряду; а ему (Рустику) предстоитъ еще только на-

«чатое поприще службы и все, что остается нетронутымъ. Пусть «онъ прежде зрѣло самъ съ собою обдумаетъ, въ какое время на «какой путь вступить для того чтобы быть полезнымъ общественному дѣлу». Впрочемъ Тразеа предоставилъ самому себѣ обдумать—идти ли ему въ сенатъ.

27. А на другой день, съ расвѣтомъ дня, двѣ преторіанскія когорты вооруженныя заняли храмъ Венеры Родительницы. Входъ въ сенатъ обступила толпа людей, одѣтыхъ въ тоги, но не скрывавшихъ мечей; по площадямъ и портикамъ разставлены тамъ и сямъ военные отряды. Сенаторы входили въ зданіе сената въ ихъ глазахъ и слыша ихъ угрозы. Рѣчь государя была произнесена его квесторомъ; ни на кого именно не указывая, обличалъ сенаторовъ: «будто бы они не пренебрегаютъ общественными обязанно«стями, а, по ихъ примѣру, и всадники Римскіе коснѣютъ въ празд«ности. И что же послѣ того удивительнаго, что изъ отдаленныхъ «провинцій не являются, когда большинство, получившихъ консуль«ство и жреческія обязанности, предпочитаетъ заниматься украше«ніемъ садовъ?» За это, какъ за оружіе, ухватились обвинители.

28. Начало сдѣлалъ Коссуціанъ, но съ большею силою вопіялъ Марцеллъ: «дѣло первой важности для государства; злоумышленіе «нисшихъ употребляетъ во зло снисходительность верховнаго главы. «Слишкомъ кротки доселѣ сенаторы, оставляя безнаказаннымъ укло«няющагося Тразею, зятя его Гельвидія Приска, соучастника «того же безумія, а также Паконія Агриппина, наслѣдника от«цовской къ государямъ ненависти и Курція Монтана, слагателя «ненавистныхъ стиховъ. Требуетъ онъ въ сенатѣ бывшаго консула, «при обѣтахъ—священнослужителя, въ присягѣ—гражданина: но «тутъ въ нарушеніи установленій и обрядовъ предковъ Тразеа «явно высказался измѣнникомъ и гостемъ. Пусть наконецъ явится «сенаторомъ и обыкшій быть защитою оскорбителямъ величества, «подаетъ мнѣніе, что онъ считаетъ нужнымъ исправить или измѣ«нить. Легче снесутъ они порицаніе въ томъ или другомъ, чѣмъ «терпѣніе молчанія, которымъ онъ все обрекаетъ осужденію. Что «ему не по сердцу—миръ ли по всему шару земному или побѣды «безъ ущерба для войскъ? Пусть они не заподозриваютъ въ зло«намѣренномъ честолюбіи человѣка, сѣтующаго объ общественномъ «благополучіи, того, который за пустыни считаетъ форумы, театры, «храмы, который грозитъ своимъ добровольнымъ изгнаніемъ. Не «признаетъ онъ здѣсь общественнаго совѣта, не видитъ онъ здѣсь «ни сановниковъ, ни города Римскаго. Пусть же онъ не живетъ

«болѣе въ томъ городѣ, привязанность къ которому давно утра-«тилъ, а теперь и видѣть не хочетъ».

29. Въ такихъ то и подобныхъ выраженіяхъ горячился Марцеллъ, видъ его былъ суровъ и грозенъ онъ голосомъ, выраженіемъ лица и глазъ. Сенатомъ овладѣла уже не та ему столь вѣдомая и обычная многократно повторявшимися опасностями грусть, но новый и глубже проникавшій страхъ, такъ какъ въ виду ихъ были движенія вооруженныхъ воиновъ. Но тутъ же глазамъ ихъ представлялся почтенный образъ Тразеи; нашлись и тѣ, которые сострадали объ участи Гельвидія, которому прійдется поплатиться за невинное родство. Что ставятъ въ вину Агриппину кромѣ печальной участи отца? Да и то, столько же невинный, сдѣлался жертвою жестокости Тиверія. Монтанъ честно провелъ молодость и не за извѣстное стихотвореніе, въ которомъ онъ выказалъ умъ, пойдетъ въ ссылку.

30. Между тѣмъ входитъ Осторій Сабинъ, обвивитель Сорана и начинаетъ говорить: «о дружбѣ съ Рубелліемъ Плавтомъ и о «о томъ, что Соранъ проконсульство въ Азіи употребилъ для сво-«ихъ личныхъ видовъ, для извѣстности, а не для общей пользы и «давалъ пищу возмущеніямъ городовъ. Все это было старо, а свѣ-«жее и вовлекавшее дочь въ опасность отца, то, будто бы она «щедро раздавала деньги магамъ (гадателямъ). Случилось это безъ «сомнѣнія вслѣдствіе любви къ отцу Серволліи—такъ звали дѣ-«вушку; она изъ дочерней привязанности, а также по необдуман-«ности ея возраста, совѣтовалась не о другомъ чемъ, какъ о без-«опасности ихъ семейства, будетъ ли милосердъ Неронъ, а изслѣ-«дованіе сената не повлечетъ ли за собою гибельныхъ послѣдствій?» А потому призвана въ сенатъ и съ отцомъ поставлена врозь: передъ трибуналомъ консуловъ престарѣлый годами отецъ, а съ другой стороны дочь, которой еще и 20 лѣтъ отъ роду не было, но вслѣдствіе недавно послѣдовавшей ссылки ея мужа, Аннія Полліона—печальная вдова. Она боялась и взглянуть на отца, опасность положенія котораго она по видимому увеличила.

31. На вопросъ обвинителя: «продала ли она приданныя вещи «и ожерелье, снявъ его съ шеи для того, чтобы собрать денегъ «на учиненіе магическихъ священнодѣйствій?» Сначала, распростершись по землѣ, долго плакала и молчала, но потомъ, обнявъ жертвенникъ, сказала: «не призывала она боговъ зла, никакихъ «заклинаній не дѣлала, но въ своихъ несчастныхъ молитвахъ «умоляла объ одномъ, чтобы ты, Цезарь, и вы, сенаторы, сохра-

«нили невредимымъ этого лучшаго изъ отцовъ. Драгоцѣнные «камни, одежды и знаки достоинства я отдала такъ, какъ бы «еслибы требовали моей крови и жизни. Это касается ихъ, «до сихъ поръ я ихъ не знала, на какомъ они счету и каковы «ихъ занятія, а я о государѣ иначе и не упоминала, какъ на «ряду съ божествами. Впрочемъ несчастный мой отецъ ни очемъ «не знаетъ и если это дѣйствительно преступленіе, то погрѣ-«шила я одна.»

32. Она еще говорила, а уже слова ея подхватилъ Соранъ и высказалъ громко: «она не ѣздила съ нимъ въ провинцію, и, «по молодости лѣтъ, не могла знать о томъ, что дѣлалъ Плавтъ; «не причастна она этому въ чемъ винили ея мужа; пусть отдѣ-«лятъ ее виновную лишь въ избыткѣ любви къ родителю, а его «подвергнутъ какой угодно участи.» Съ этими словами хотѣлъ броситься онъ въ объятія подбѣжавшей дочери, но находившіеся между ними ликторы удержали ту и другаго. Вслѣдъ за тѣмъ дали мѣсто свидѣтелямъ и сколько состраданія возбудила жестокость обвиненія, столько раздраженія вызвалъ свидѣтель П. Егнатій. Онъ былъ кліентомъ Сорана и на этотъ разъ подкупленъ—на погубленіе друга; прикрывался онъ внѣшностью стоическихъ убѣжденій, пріобрѣлъ опытность въ томъ, чтобы въ наружности и манерѣ имѣть видъ честнаго человѣка, но въ душѣ коварный, вѣроломный, полный скрытыхъ честолюбія и дурныхъ пожеланій. Когда это черезъ деньги открылось, подалъ онъ примѣръ, какъ надобно быть осторожнымъ настолько же извѣстныхъ обманами и по роскоши, на сколько и лживыхъ внѣшностью добрыхъ качествъ и друзей измѣнниковъ.

33. Но этотъ же день привелъ и честный примѣръ Кассія Асклепіодота; значительностью богатствъ былъ онъ первый между Виѳинцевъ и какимъ уваженіемъ окружалъ онъ Сорана процвѣтавшаго, такъ не оставилъ и падавшаго: лишенный всего состоянія, отправленъ въ ссылку. Такъ боги равнодушны къ проявленіямъ добра и зла! Тразеѣ, Сорану и Сервилліи предоставленъ на выборъ родъ смерти. Гельвидій и Пакопій изгнаны изъ Италіи. Монтанъ предоставленъ отцу, но съ тѣмъ, чтобы устранилъ себя отъ общественной дѣятельности. Обвинителямъ — Епріо и Коссуціану дано по пяти милліоновъ сестерцій; Осторію милліонъ двѣсти тысячъ и квесторскіе знаки.

34. Тутъ то, когда день уже вечерѣлъ, посланъ квесторъ консула къ Тразеѣ, когда онъ находился въ саду. Многочисленныя

бывали у него собранія именитыхъ мужей и женщинъ; въ особенности занимался онъ Деметріемъ, учителемъ Цинической школы; съ нимъ, какъ можно было заключать по выраженію лица и слышавшимся словамъ, которыя произносимы были громче другихъ, разговаривалъ онъ о природѣ души и разлученіи души и тѣла, пока пришелъ Домицій Циціліонъ, изъ числа его задушевныхъ друзей, и изложилъ ему приговоръ сената. Вслѣдъ за тѣмъ, тѣ, которые тутъ находились, стали плакать и жаловаться, а Тразеа ихъ убѣждаетъ: «поскорѣе удалиться, и собственныя «опасенія не обобщать съ жребіемъ осужденнаго.» Аррію, покушавшуюся послѣдовать участи мужа и примѣру матери Арріи, увѣщеваетъ: «сохранить жизнь и не лишать общую ихъ дочь «единственной опоры.»

35. Тутъ, выйдя въ портикъ, тамъ найденъ квесторомъ, почти въ веселомъ расположеніи духа, вслѣдствіе полученнаго имъ свѣдѣнія, что Гельвидій, зять его, будетъ только удаленъ изъ Италіи. Получивъ потомъ сенатское опредѣленіе, Гельвидія и Деметрія вводитъ въ спальну; протянувъ обѣ руки для открытія жилъ, когда показалась кровь, онъ ею брызнулъ на полъ и подозвавъ ближе квестора, сказалъ: «дѣлаемъ возливаніе Юпитеру «Освободителю. Смотри, молодой человѣкъ, и пусть не допустятъ «боги сбыться предсказанію; но ты родился въ такія времена, «когда необходимо укрѣплять духъ примѣрами твердости.» Затѣмъ, когда вслѣдствіе медленнаго приближенія смерти усиливались страданія, обративъ къ Деметрію........................

Перевелъ *А. Клевановъ.*

31 Октября 1869 г.
Москва.